

СИННЕР
АТОМС

Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
Т. Мотылевой.

РАССКАЗЫ

ВЕЩИ

1

Герои этой истории — не Теодора Дьюк и Стэси Линдстром, а несессер с туалетными и прочими дорожными принадлежностями из серебра, коллекция клаузонне, стопка изодранных детских книг и герметическая кухня, которая не желала варить.

Задолго до того, как все эти вещи были приобретены, еще в ту пору, когда Тео ходила в коротких платьицах, а ее отец Лайман Дьюк занимался, не очень успешно, куплей-продажей земельных участков, семью их отличала склонность к авантюрам. Жили они тогда в маленьком коричневом домике, где вы ожидаете увидеть детей и кроликов на заднем дворе и где отец семейства никогда не опаздывает к ужину. Но мистер Дьюк вечно торопился на поезд, чтобы осмотреть новые вырубki в сосновых лесах северной Миннесоты. Жена часто ездила вместе с ним в этот пустынный край, далеко за Гранд-Марэ и Верхним Озером, и даже вой волков не вызывал в ней страха. В те годы Дьюки много смеялись и мечтали увидеть горы и тропические леса.

Тео обрела свою мечту, бродя по зарослям пятифуртового коровьяка вместе со Стэси Линдстромом. Этого бледного, невозмутимого маленького норвежца Тео предпочитала всем своим сверстникам, потому что он был неистощим на выдумки.

Тогда, в 1900 году, Вернон был совсем молодым господом. Он не знал загородных клубов, не знал избран-

ных кругов. Поселенцы-пионеры, приехавшие сюда из Мэна и Йорка и ставшие владельцами мельниц и лесопилен, были богаче, чем появившиеся позднее выходцы из Огайо, Индианы и Норвегии, но держались они просто. Проносясь по улицам на гладких, ухоженных лошадях, первые люди города кричали: «Здравствуй, Хэйни!», «Добрый вечер, Кнут!» — вовсе не думая, что снисходят к ним. И, предпочтя Стэси Линдстрому Эдди Барнсу, который провел целый год в закрытой школе и был обладателем стодолларового велосипеда, Тео не считала, что проявляет какой-то особый демократизм. Не считал этого и Стэси.

Эта темноволосая, быстроногая, смуглая, словно светящаяся девочка казалась великолепным жеребенком, а он рядом с ней — пушистой овечкой. У отца Тео была контора, отец Стэси работал на деревообделочной фабрике. И все же верховодил Стэси. Он много читал и мог смастерить все, что угодно. Он придумал игру в флибустьеров, и куда там до них обыкновенным пиратам! В густом лесу, на отвесной круче над Миссисипи, он оснастил для своего доблестного экипажа из одного человека брошенную мусорную тележку — паруса из старых мешков, абордажные сабли из ободьев бочки и доска, с которой сбрасывают в море пленников. К доске по просьбе пленников, сиречь Тео, он для удобства приделал перила.

Но, подумаешь, флибустьеры! Кто угодно мог играть в них, даже Эдди. От одного из старожилов Стэси услышал о фургонах, которые в былые времена медленно пролагали свой путь от самых аванпостов Свободных Трапперов на Ред-Ривер с грузом мехов куницы и чернобурой лисы для шеек французских принцесс. Ужасающе скрипели намазанные колеса, на возницах в куртках из оленьей кожи рдели пунцовые шарфы, каждый миг из леса могли бесшумно появиться индейцы... Стэси тут же превратил разбойничью бригантину в фургон с Ред-Ривер. Иногда это было семь или десять фургонов, и они же баррикада. Укрывшись за ней, Стэси и Тео отбивались от свирепых индейцев племени дакота.

После вылазок со Стэси Тео только презрительно фыркала, когда Эдди звал ее кататься на коньках. Эдди считал, что выписать коньками восьмерку на прочном

льду ручья — предел мечтаний всякого спортсмена, а Стэси мог во время их игр вызвать волшебника Мерлина из древних пещер и заставить его выполнять все желания маленькой девочки. И он умел прыгать на лыжах с горы! И мог починить велосипед. А Эдди даже несчастную передачу тащил в мастерскую.

И городок и Тео стали менее простодушны к тому времени, когда она пошла в Центральную среднюю школу. Две с половиной тысячи мальчиков и девочек были собраны в высоких мрачных комнатах с истертыми полами, пахнувших мелом и мокрой губкой. Там было вокальное общество, своя газета, дискуссионный клуб и маскарадные вечера. Обучали там толково, жизнь кипела ключом, но школа была слишком велика для дружбы за пределами класса. Здесь Эдди Барнс блистал. Энергичный, глава спортивного общества, превосходная прическа, настоящие золотые часы. Стэси Линдстром как-то затерялся среди всех остальных.

И не кто другой, как Эдди, провожал Тео домой с вечеринок. Эдди был светский молодой человек. Он так же спокойно отправлялся в Чикаго, как мы с вами отправлялись бы на Сент-Круа-Ривер бить острой шук.

Стэси редко ходил на вечеринки. Тео приглашала его к себе, и подружки ее были с ним любезны. По правде говоря, танцевал он лучше, чем Эдди. Но он не мог рассказать о Чикаго. Ему вообще не о чем было рассказывать. И он не пел и не занимался спортом. Отец его умер. Три вечера в неделю и всю субботу Стэси работал в мастерской обойщика — темном, с запыленными окнами помещении над складом, где два старика шведа вели нескончаемый спор о том, что лучше — лютеранство или шведский адвентизм.

— Почему ты не подыщешь себе хорошую, живую работу? — покровительственно спрашивал Эдди у Стэси во время каникул, и Тео вторила ему; но ни тот, ни другая не могли посоветовать ему никакой определенной хорошей, живой работы.

Стэси был в числе первых все годы учения. Но какой толк зубрить, спрашивал Эдди, если не собираешься стать школьным учителем? А уж это его, Эдди, привлекает. Он-то поступит в колледж. На эту тему Эдди говорил часто и красноречиво. Не дурацкие

старые книги, а связи — вот что идет вам на пользу, поучал он. Дружба. Студенческие общества. Чертовски помогает, когда выйдешь из колледжа. И в свете и в делах.

— Да, наверно, так, — вздыхала Тео.

Эдди сказал, что Стэси — продольно-поперечный изотермически-геологический вредоносительный скандинавсиссимус. Все восхищались тем, как ловко Эдди составляет длинные слова. Глядя на Тео холодным взглядом равнодушных глаз, ее старшая сестра Дженет говорила, что только такая дурочка, как Тео, может позволять обтрепанному, бесцветному ничтожеству вроде Стэси Линдстрома носить свои книги домой из школы. Тео заступалась за Стэси всякий раз, как о нем заходила речь. Ничто так не охлаждает юную любовь, как необходимость заступаться за предмет этой любви.

После окончания школы Эдди уехал в колледж в восточные штаты, Стэси стал клерком в отделе сборов при управлении железной дороги... Дьюки же разбогатели и сразу утратили свою склонность к авантюрам.

На принадлежащих мистеру Дьюку участках в северной Миннесоте было обнаружено железо. Он отказался продать землю и сдал ее в аренду компании, ведущей добычу руды. С каждой глыбой земли, вынутой ковшом экскаватора из карьера, компания спешила опустить двадцать пять центов в карман мистера Дьюка. Он раздулся от денег и важности: он купил особняк П. Дж. Брума и превратился в жалкого раба своего имущества.

В особняке Брума было четыре гостиных, камин с гербом и полторы башни. Полубашня представляла собой всего-навсего восьмиугольное, крытое гонтом сооружение с круглым куполом на мавританский манер, зато целая башня была облицована камнем и щеголяла готическими окнами, флюгером и цинковой крышей, с которой, как медные слезы, свисали для красоты шарики. Пока особняк отделывался заново, Дьюки-старшие предприняли традиционное путешествие от Майами до Порт-Саида и привезли домой целый вагон сокровищ. Там была готовая коллекция клауазонне, которую какой-то английский барон собирал в Японии пять лет и спустил в Монте-Карло за пять часов. Там был лондонский несессер, настоящей тюленьей кожи, до того набитый туалетными

и прочими дорожными принадлежностями из серебра, что в нем почти не оставалось места ни для чего другого, и до того тяжелый, что поднять его могли разве что переносчики роялей. Там были ковры, и книги, и настоящие картины, и витраж из Нюрнберга, и статуэтки ушабти из Египта, и ажурная медная лампа в форме мечети.

Все эти эмблемы респектабельности Дьюки водворили в заново отделанный особняк и водворились там сами, стеречь их.

Лайман Дьюк был человек добрый и неглупый, но кичливость богатством — болезнь, и он заразился этой болезнью. У кого еще, размышляя он, есть такая лампа? Может ли даже сам достойный Джерард Рэндалл похвалиться такой выставкой сверкающих книжных корешков?

Миссис Дьюк самолично водила экскурсии для обозрения эксминстерского ковра в библиотеке. Дженет забыла, что еще совсем недавно она причесывалась, стоя перед зеркалом, вделанным в простую сосновую шифоньерку. Теперь она сидела за туалетным столиком, на котором красовались подсвечники, карандаш для ресниц и пудреница золотого плетения на шелковой подкладке цвета увядшей розы. Дженет смотрела на всех свысока и советовала младшей сестренке держать на почтительном расстоянии этих «замарашек» — друзей школьных лет.

Конечно, приятно обзаводиться вещами, чтобы люди нам завидовали; но, главное, мы просто не можем этого не делать: положение обязывает. Дженет обнаружила, что жизнь ее была бы невыносима без бального мантио. В их квартале есть по меньшей мере три бальных мантио! Правда, их никто не носит. Балы и спектакли бывают только зимой, а зимой в Верноне не очень-то наденешь атласное мантио. Вы надеваете меховую шубу, и шарф, и свитер, и теплые боты, и пар изо рта инеем оседает у вас на воротнике, и вы выбираетесь из ваших одежек, как кролик из кучи хвоста. Но если мантио есть у всех, она не желает, чтобы за ней на всю жизнь утвердилась репутация человека, который ничего не смыслит в элегантности. Дженет теперь на каждом шагу употребляла слово «элегантность».

Она получила бальное манто. И пятнадцатидолларовые атласные туфли, которые заменила лаковыми, как только открыла, что «все» их носят... «все» — была де-вушка из соседнего квартала, дом которой «и сравнить нельзя с нашим».

2

Тео была и рада и не рада их возвышению. О, конечно, сперва она пришла в восторг от нового дома и пользовалась любым случаем, чтобы упомянуть о нем в разговоре с подругами, и вызывала горничных, когда они вовсе не были ей нужны. Но ее немножко мучила совесть. Она признавалась себе, что не очень-то храбро отстаивала Стэси Линдстрома.

Никогда не забудет она первого появления Стэси в особняке. Семейство только что обосновалось на новом месте. Они жаждали иметь свидетелей своего нового великолепия. Однажды в субботу вечером, в восемь часов, когда они только кончали обедать, кто-то позвонил у входной двери. Нелегко это было — кончать обед в восемь! Раньше они принимались за него в половине седьмого и без десяти семь все как один проглатывали последний кусочек. Но, перенеся начало трапезы на семь, включив в меню салат и разрешив отцу выкуривать послеобеденную сигару за столом, им удалось дотянуть церемонию до мало-мальски приличного времени.

Услышав звонок, Дженет взвизгнула:

— О, может быть, это Гарленды! Или даже Рэндаллы! — Она помчалась в переднюю.

— Дженет! Дже-нет! Горничная откроет! — закричала миссис Дьюк.

— Я знаю, просто хочу посмотреть, кто там.

Дженет вернулась, презрительно бросила:

— Это всего-навсего Стэси Линдстром. Явиться в такую рань! И костюм новый купил специально для этого случая: топорщится, словно из жести!

Тео сделала вид, что ничего не слышит. Она убежала в библиотеку, в другой конец дома. Она была в смятении. Стыдно, ужасно, но она боялась, что Стэси окажется не на высоте. Так что честь принять его выпала на долю мистера Дьюка.

— А, Стэси! Рад видеть тебя, мой мальчик! Девочки где-то здесь! Тео-о!

— Лайман! К чему так кричать! Я пошлю за ней горничную,— недовольно проговорила миссис Дьюк.

— Да она мигом прилетит. Этим девчонкам стоит только услышать, что появился молодой человек! — гремел мистер Дьюк.

Дженет — она убежала в библиотеку сразу же вслед за Тео — прошипела:

— Молодой ч-ч-человек! Чтобы мы «полетели» к какому-то клерку с железной дороги!

Тео скатала носовой платок во влажный тугой комочек, затем разгладила его на колене и принялась старательно обрывать кружевце.

Издали донесся громкий голос мистера Дьюка:

— Пойдем пока посмотрим мою новую коллекцию.

— У, противная,— бросила Тео сестре и побежала в последнюю из их четырех гостиных. Оттуда, из темноты, ей хорошо видны были отец и Стэси. Ей казалось, что она ограждает его, своего брата, от опасности, от самой страшной опасности: оказаться смешным в глазах чужака — Дженет. И тут же почувствовала, что Дженет прошмыгнула в комнату вслед за ней.

— Ну, как тебе нравится эта штучка, а? — спросил мистер Дьюк, отпирая горку орехового дерева и вынимая покрытую эмалью тарелку.

Стэси просиял:

— О, я знаю, что это такое. Я читал об этом! Это клуазон.— Он произносил слово в рифму со словом «тон».

— Как сказать, не совсем! Большинство называет это клуазонней. «Перегородчатая эмаль»,— если хочешь похвастать своей ученостью. Но клуазон — это неплохо! Мать, Дженет! Парнишка называет это клуазон! Ха-ха! Ну, не огорчайся, мальчик. И поважнее нас с тобой люди делали ту же ошибку.

Дженет захихикала. Ядовитая струйка смеха просочилась сквозь тишину пустых комнат и, должно быть, достигла Стэси. Он в замешательстве поглядел вокруг.

Неожиданно он показался Тео, в этом своем новом костюме, сидевшем горбом, настоящей деревенщиной. Он крутил пуговицу и пытался улыбнуться мистеру Дьюку.

Тарелка клуазонне была дана Стэси в руки. Что он видел? Сверкание многоцветной эмали в крошечных ячейках. В центре, на звездном поле, дракон с извивающимся языком, по ободку — бутоны на снежных облаках, летящая птица и забавные закорючки среди листьев ивы.

Но мистер Дьюк поучал его тому, что там следует видеть:

— Это сара¹, великолепный экземпляр. По мнению знатоков, она принадлежала либо Ши Синво, либо Монзеки — монахам из знатных семей, жившим в монастыре Нин-на-ю. Обрати внимание, какие исключительно тонкие перегородки, как ровно наложена эмаль. А цвета! Ты видишь здесь грифельно-синий, серо-зеленый, хромо-во-желтый и... э... ну и много других цветов. Вот тут, в центре, кура-куса². Эта птица называется хо-хо, она летит над деревом кири.

Стэси не без основания подозревал, что еще совсем недавно мистер Дьюк не больше смыслил в восточном искусстве, чем Стэси Линдстром. Но у него не было в запасе японских слов, чтобы дать подобающий ответ, поэтому он только и мог, что переминаясь с ноги на ногу и крякать:

— Вот как, вот как!

А мистер Дьюк захлебывался:

— Если ты приглядишься, то увидишь, что этот татцубо³ вовсе не из перегородчатой, а из выемчатой эмали. Очень важный момент для тех, кто интересуется изделиями из фиппо. Обрати внимание, какая необычайно изящная кики⁴ на этой чаван⁵.

— Да... э... вижу, — промямлил Стэси.

— Осел, самый настоящий осел, вот он кто, — шепнула сестре Дженет — они все еще сидели в темной гостиной — и, задрав нос, вышла из комнаты.

Прошло по крайней мере пять минут, прежде чем Тео собралась с духом и отправилась на выручку Стэси. Когда она проскользнула в комнату, он беспокойно ерзал

¹ Тарелка, блюдо (японск.).

² Трава (японск.).

³ Чайник (японск.).

⁴ Хризантема (японск.).

⁵ Чайная чашка (японск.).

в большом кожаном кресле. Чего он только не делал! На него неприятно было смотреть. Он скрещивал ноги, и всякий раз его жесткие брюки ложились все более безобразными складками. Он постукивал ботинком по полу. Пальцы его барабанили по креслу. Он поднимал глаза к потолку, облизывал губы и поспешно опускал взгляд, натянуто улыбаясь, чтобы показать, что он внимательно слушает мистера Дьюка, пустившегося в воспоминания о своем путешествии.

Тео бросилась к Стэси, весело хлопая в ладоши; белые муслиновые юбки взметнулись над стройными лодыжками.

— Ну, разве дом не прелесть? Когда у нас будет поросенок, мы сможем держать его вон там, под роялем! Пойдем, я покажу тебе все укромные уголки, — затараторила она.

Она вприпрыжку пустилась из комнаты, таща его за руку... Но тут же почувствовала, что, пожалуй, не следует делать это так рьяно. Стэси, во время их игр увлекавшийся до того, что забывал обо всем на свете, сейчас был скован. Что бы такое сказать ему?

— Надеюсь, ты теперь часто будешь ходить к нам, — просительно произнесла она. — Будет так весело. Мы...

— О, ты скоро перестанешь меня узнавать: у вас такой шикарный дом, — пробормотал он.

Истинная женщина, она попыталась приложить целебный бальзам к его уязвленному самолюбию. Она зажгла свет в третьей гостиной и показала ему герб покойного мистера П. Дж. Брума, высеченный на огромном неуклюжем камине.

— Я просила декоратора расшифровать его для меня, и, насколько он мог разобрать, если Пэт Брум не ошибался, в числе его предков были английский герцог, немецкий генерал и сербский гробовщик. Ничего не упустил, кроме...

— Камин роскошный, — прервал ее Стэси. Он отвернулся, обвел комнату угрюмым взглядом и угрюмо добавил: — Пожалуй, слишком роскошный для меня.

Так ни разу и не удалось ей заставить Стэси разделить ее радость по поводу нового дома. Он, казалось, ставил себе в заслугу то, что он беден. Похвальбой звучали вновь и вновь повторяемые слова: «Чересчур рос-

кошно для меня! Не привык я, черт побери, к этим финтифлюшкам».

Она старалась изо всех сил. Она показала ему не только парадные комнаты, но и восхитительный потайной спуск для белья, идущий от одной из спален на втором этаже вниз в прачечную, и ящики в стенном шкафу, которые выдвигались на роликах, так что их можно было открыть и закрыть одним мизинчиком, и стенные часы — куранты с боем, как в Вестминстерском аббатстве и как в Тринити-колледж; и таинственные глубины подвала с газовой сушилкой для мокрого белья, и винный погреб, привлекательность которого, поскольку в нем пока стоял всего-навсего один ящик пива и семь бутылок лимонада, заключалась главным образом в том, что он мог служить ареной необычайных приключений.

Послушно глядел он туда, куда она указывала, вежливо повторял, что все «здорово шикарно», но ни на минуту не стал прежним Стэси, товарищем ее детских игр. Священный дух доверия убит, искалечен, мертв, — билось у нее в груди, в то время, как она выпевала любезным голоском благовоспитанной барышни:

— Гляди, Стэйс. Правда, прелесть?

Существует поверье, что иногда наиболее злобными привидениями становятся души людей, при жизни добрейших и всеми любимых. Как ни мертва уже казалась эта старая дружба, она должна была пройти еще одну ужасную стадию. Начав с того, что он простой честный парень и гордится этим, Стэси кончил откровенным хвастовством. Они сидели в маленькой гостиной, меряясь взглядами. Обоим было не по себе. Тео старалась не забывать, что он просто смущен. Она хотела прийти ему на помощь, но она устала... устала отстаивать его перед всеми, устала сражаться с ним за их дружбу.

— В конторе работа так и горит у меня в руках. А вечерами я изучаю бухгалтерию и банковское дело. Посмотрела бы ты на старичину Стэси! Эти богачи еще разинут у меня рты от удивления! И я хорошо знаком с главным бухгалтером Национального Лесного банка. Он почти что обещал мне там место, и с лучшим жалованием, как только я захочу.

Он не говорил о том, что собирается дать железной дороге и банку... только о том, что он собирается полу-

чить от них. У него, по-видимому, не было никаких планов насчет процветания Вернона, но были вполне определенные планы насчет обогащения Стэси Линдстрома. И, как это свойственно юнцам, когда они разойдутся, он приплет одно за другим имена всех важных особ, с которыми когда-либо встречался. Какое бы направление ни принимал разговор, Стэси, увы, стремился только к одному: упомянуть их всех.

Ему понадобилось целых полчаса, чтобы удалиться, не теряя своего достоинства.

— Ненавижу его. Он считает меня снобом. Мне и так тяжело было все время извиняться за то, что я богата, а он даже не захотел мне помочь. Он... О, я ненавижу его! — рыдала Тео у себя в спальне.

3

Прошла неделя, прежде чем ей снова захотелось видеть Стэси; прошел месяц, прежде чем он зашел к ним. К этому времени она привыкла обходиться без него. А вскоре она привыкла обходиться вообще без друзей. Она осталась одна. Дженет уехала на Восток в колледж, не колледж, а маникюрный салон — сплошь замша, целлулоид и розовая пудра... сплошь розы и мурлыканье, и верховая езда, и чтение милых маленьких книжечек по искусству. Тео всегда восхищалась своей старшей сестрой. Она бывала счастлива, когда Дженет поручала ей выстирать перчатки или продеть ленты. Теперь ей не хватало этого. Не хватало ей и старого коричневого домика и пахнувшей соломой собачьей конуры на дворе, в которой проживал грязный, приветливый, воспитанный старик сеттер. И дерево, куда могла назло всему свету забраться снедаемая тайной тоской молодая девица.

Не только Дженет и Эдди Барнс — большинство друзей Тео бежали из семейного рая в колледж. Тео хотела последовать их примеру, но миссис Дьюк запротестовала: «Неужели меня покинут сразу обе мои девочки». Уже не ребенок, еще не взрослая женщина, Тео была одинока. Она скучала по играм; она скучала по домашней работе.

В прежние времена, когда их единственная служанка уходила вечером гулять, Тео с наслаждением плеска-

лась в играющей всеми цветами радуги мыльной пене или до блеска протираала стаканы. Но служанка уже не уходила вечерами, и самой служанки тоже не было. Вместо нее были горничные, не одна — целых три, и слуга, который следил за паровым отоплением и садом и вставлял вторые рамы в окна. Старшая из женщин, Лиззи, со злым ртом и рыбьими глазами, совмещала должности домоправительницы и кухарки. Лиззи всю жизнь служила в Лучших Домах. Она следила за тем, чтобы ни другие слуги, ни Дьюки не распускались. Она бы упала в обморок, увидев, что хозяева ужинают в воскресенье на кухне или что Тео моет посуду.

Мистер Дьюк делал вид, будто его радует, что у них есть истопник и ему не нужно больше надевать комбинезон и черные кожаные перчатки и выгребать золу из топки. Когда они жили в убогом коричневом домике, это было его любимое развлечение перед ужином. Как агент по продаже недвижимого имущества он ничем не выделялся среди всех прочих. Как истопник он был мастером своего дела, умелым хирургом. Все операции в топке он производил с редким искусством, читая в то же время лекцию о своих методах перед аудиторией восхищенных молодых слушателей.

— Кончайте мешать, — поучал он, — как только увидите, что мелкие угольки посыпались сквозь решетку, а трубу закрывайте в тот самый миг, когда над мрачным курганом угля затанцуют шафранно-розовые язычки пламени.

Теперь его жена уверяла, что домашняя работа всегда была обременительна для него, что он от нее уставал. Он не спорил. Он был горд тем, что ему не нужно больше балансировать на стремянке, держа тяжелую раму и изо всей силы действуя отверткой, чтобы вогнать винты точно на место. Но теперь, когда он только и мог, что глядеть на истопника да любоваться своей коллекцией кувшинов и ковров, у него потухли глаза, стала тяжелой походка и он частенько беспричинно вздыхал.

Всякий раз, когда приходили к обеду гости, он торжественно показывал им свои клуазонне, и гости торжественно восклицали: «О!» «В самом деле?» «Неужто?» Им не хотелось рассматривать клуазонне, а мисте-

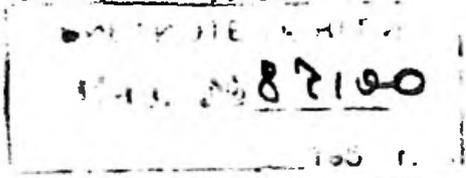
ру Дьюку не хотелось их показывать, и ему до смерти надоели те несколько японских слов, которые он выучил. Но если ты коллекционер, ты должен все время что-нибудь коллекционировать и кому-то показывать свои коллекции.

Эти обеды и демонстрация сокровищ были частью той светской рутины, в которой увязли Дьюки. Не так-то легко приспособиться к этой рутине. Слишком она непривычна. Если у нас когда-нибудь появятся профессионалы-джентльмены, мы, возможно, научимся ничего не делать и будем делать это прекрасно. Но пока что мы еще не научились бездельничать. Общество Вернона и отдыхало деятельно. Оно увлекалось автомобильным спортом, гольфом, и обсуждением гольфа, и танцами в загородном клубе, куда мужчины являлись кто во фраках, кто в смокингах, а кто и в серых пиджачных парах и рыжих туфлях.

Большинство получало от всего этого искреннее удовольствие. Они танцевали, носились на автомобиле и играли в гольф, потому что это им нравилось, потому что это давало им отдых после целого дня в конторе. Но был в Верноне небольшой избранный круг людей, которые занимались только одним: утверждали свою избранность. Они сами себя посадили под стеклянный колпак. Благодаря тому, что мистер Дьюк жил в районе, состоящем из трех определенных кварталов на Озерном бульваре, он оказался включен в этот избранный круг — не без содействия своей супруги.

Иногда он бунтовал. Хотел вернуться к работе. Но на беду он нанял для своей конторы по продаже недвижимости такого толкового управляющего, что даже при самом искреннем старании обнаружить какие-нибудь неточности в книгах или корреспонденции не мог найти себе дела в конторе больше, чем на два часа в день. Он жаждал уволить управляющего, но миссис Дьюк была против. Она наслаждалась тем, что в ее распоряжении муж-рантье.

Богатым женщинам светская жизнь Вернона предлагает куда больше развлечений, чем мужчинам, ибо бедняков мы всегда имеем с собой, а господь-бог для того и создал бедняков, чтобы мы, высшие классы, могли получать удовольствие, изучая их, простирая им руку помо-

щи и рассказывая на званых обедах, какие мы сердобольные. Бедным это не очень нравится. От них не дождешься благодарности. Они бы предпочли сами быть на нашем месте. Но если держать их в узде, они не выйдут из-под нашей опеки и будут служить для нас неплохой забавой в течение долгих лет.

Остатки энергии, некогда увлекавшей миссис Дьюк в девственные леса, низвергались теперь на головы бедных. Она была членом пяти комитетов. Она вела обширную переписку, важность которой не мог понять никто, кроме нее самой, и носилась по всему городу в лимузине. Когда муж ее выражал желание вернуться к настоящей работе, она раздражалась речами:

— Вот в чем беда американцев: они в самом деле любят свои несчастные конторы. Нет, милый, отдохни еще немножко. Как только мы кончим кампанию за цензуру над музыкой, мы с тобой удерем отсюда и совершим чудесное путешествие: побываем в Сан-Франциско, в Голулу.

Но всякий раз, как она почти готова была ехать, у него самого находились возражения. Просто смешно — променять их прелестный дом, пышные, как взбитые сливки, постели, грибы и дикий рис, готовить которые умела только Лиззи, на неудобства поездов и гостиниц. И не опасно ли оставлять бесценные коллекции? Ходят слухи о кражах со взломом... стоило им собраться в дорогу, как возникали такие слухи: не в том городе, так в другом. Дьюки не объясняли, чем их присутствие может помешать взломщикам, но доблестно жертвовали собой ради охраны клуазонне, толкуя, что надо бы нанять кого-нибудь караулить дом, но даже не пытались это сделать.

Так вот мало-помалу Лайман Дьюк превратился в тюремного сторожа, прикованного к вещам, которыми он владел, и человек, мечтавший когда-то о снежных вершинах и южных краях, не совершал теперь более долгих путешествий, чем до коммерческого клуба, куда он изредка ходил завтракать.

Когда Дженет, Эдди Барнс и остальные друзья Тео вернулись из колледжей, когда сыновья заняли свои места рядом с отцами в конторах и клубах, а дочери вли-

лись в комитеты и лекционные общества матерей, и появился кружок Молодых Наследников, и нежные родители стали строить планы возможных браков,— Тео перестала чувствовать себя одинокой и вспомнила про старые забавы. Она и раньше время от времени ходила на танцы, но встречалась там с людьми либо много старше себя, либо много моложе. Теперь у нее появились ровесники, друзья. Она танцевала самозабвенно, упиваясь музыкой и движением; закружившись в калейдоскопе лиц и туалетов, она развеивала смехом свои раздумья о жизни.

Стэси Линдстрома просто не существовало в этом сверкающем мире. Он был теперь старшим клерком в своем отделе железнодорожного управления, и поговаривали, что его ждет место помощника главного бухгалтера в Национальном Лесном банке. Но он не представлял собой ровно никакого интереса. Он был худой — не стройный. Он был молчаливый — не сдержанный. Его костюм был прост — не нарочито скромн. Он носил пенсне на золотой цепочке и даже не пытался утверждать, что на него пагоняет тоску варьете, которое все вслух презирали, но куда все ходили. О, он был зауряден, зауряден до кончиков ногтей.

Так с высоты своей пансионской мудрости Дженет разбирала злосчастную социальную проблему, именуемую Стэси Линдстромом. Тео не очень протестовала. В юности мы не можем с неустанным пылом пять лет подряд отстаивать человека, который так мало меняется, как Стэси. К тому же ей было некогда.

Дженет не только водила ее на танцы, она приобщала ее к радостям высокого искусства. Когда Дьюки купили особняк Брума, Дженет только ахала от восхищения, но теперь, погостив на каникулах у своих подруг из восточных штатов, она видела, что большие обитые коричневым плюшем кресла — хлам, а столик с вделанной в него шахматной доской из перламутра — ужас! Что Дженет видела, о том она заявляла во всеуслышание.

В одном из руководств по искусству, которые деликатно рекомендовались девицам в колледже, храбро утверждалось, что основное в убранстве дома — простота. За завтраком, за обедом и даже за ужином, соб-

ственноручно извлекаемым из ледника в два часа ночи, Дженет шумно требовала, чтобы их жалкий старый дворец был обставлен заново. Родители не обращали на это никакого внимания. И хорошо делали.

В противном случае Дженет потеряла бы возможность взбираться на свою переносную кафедру и поучать слушателей: «Когда я стану хозяйкой дома, он будет воплощением простоты. Ничего лишнего... несколько изысканных ваз и ни одного кресла, которое не сливалось бы с окружающей обстановкой. Вещи... вещи... вещи... они так ужасны! У меня не будет ни одной лишней вещи. Польза — вот мерило красоты!»

Тео чувствовала, что неподражаемая Дженет облакает в слова ту смутную тупую боль, которую она испытывала все последнее время. Она вступила в неофициальное общество любителей искусства, состоящее из нее, Дженет, Эдди Барнса и Гарри Макферсона, главного поклонника Дженет. Правда, основное занятие членов этого общества состояло в том, что они, забравшись во время танцев в уголок, потешались над чужими нарядами. Но один раз Дженет все же повела их на выставку в Институт Изящных Искусств, а после они пили чай и чувствовали себя такими умными, такими особенными и очень были собой довольны.

У Эдди Барнса обнаружили новые достоинства. Он окончил один из крупных университетов на побережье, который, помимо своих спортивных достижений, славился главным образом тем, что там превосходно обучали избранных молодых джентльменов рассуждать о любом предмете, не имея о нем ни малейшего представления. Когда Дженет громила медную лампу-мечеть, Эдди наговорил кучу ужасно забавных вещей о социальном значении новомодных бра.

На свадьбе Дженет и Гарри Макферсона Эдди был шафером, Тео — подружкой невесты.

Дженет обставила свой новый дом. Когда Тео в первый раз сопровождала ее в походе по магазинам, ей не терпелось увидеть, какие же они, эти необыкновенные кресла, которые сливаются с окружающей обстановкой. Где их можно найти — в универсальном магазине или только в волшебной лавке? Но Дженет повела ее всего-навсего в хорошо ей знакомый магазин кустарных изде-

лий, где миссис Дьюк всегда покупала абажуры для свечей и маленькие деревянные блюда.

Дженет немедленно приобрела кожаный ручной работы футляр для игральнх карт и настольный набор, куда входили тетрадь для дневника в сафьяновом переплете с замочком и искусно сделанный ларчик, а в нем — ножницы, лупа, точилка для карандашей, серебряный перочинный ножик, нож-скребок для чернил и разрезальный нож. Этот набор — прелестная игрушка — стоил тридцать семь долларов. Приказчик сообщил им, что цена была снижена с сорока пяти долларов, хотя почему ее снизили, он умолчал.

Тео взмолилась:

— Зачем это тебе? Здесь четыре ножа, когда нужен только один. Эта штукавина такая же бесполезная, как папины клуазонне.

— Да, но она такая забавная. И ничуть не похожа на папин старый хлам: Это самая последняя модель, — возражала Дженет.

Прежде чем купить хоть одно кресло, сливающееся с окружающей обстановкой, Дженет прибавила к своим простым и полезным домашним принадлежностям набор стеклянных фруктов для украшения столовой, комплект бутылей венецианского стекла, дорожные часы с корпусом из золота и платины и с механизмом из жести. Для своего строгого письменного стола она приобрела сложное сооружение: крохотный мраморный пьедестал, на котором покоился шар из оникса, на котором сидел фарфоровый попугай бирюзово-вишневого цвета, из спины которого в явном противоречии с законами анатомии рос подсвечник. Но свечи в нем не было. Он подключался к электрической сети.

Получая каждое из этих сокровищ, Дженет ворковала: «Как забавно!» А приказчик вторил: «Так оригинально!» С чувством неловкости Тео слушала, как они дуэтом хулили безделушки викторианской эпохи и восхищались современными искусными штучками.

Когда наконец дело дошло до необыкновенных кресел...

Дженет давным-давно задумала обставить столовую милым ее сердцу изящным шератоном, но приказ-

чик весьма настоятельно рекомендовал ей французскую лакированную мебель, и на глазах у Тео Дженет изменила шератону ради шаткого столового гарнитура из красного лака, с острыми углами. Приказчик упомянул также о том, как важно иметь внушительный холл, и навязал Дженет огромное обитое тисненой кожей испанское кресло на круглых — бочонками — позолоченных ножках, зеркало, которое стоило сто двадцать долларов, и ларь, в котором Дженет ничего не собиралась держать.

Тео шла домой, чувствуя, что ее придавила к земле вся эта раззолоченная рухлядь, что никогда ей уже не вырваться на свободу.

Когда Дженет кончила обставлять свой дом, он выглядел как курортный магазин сувениров. Даже на телефон была посажена фарфоровая куколка в парчовом платье. Тео представлялось, что теперь дни Дженет будут проходить в напрасных попытках дозвониться до действительной жизни сквозь парчу и фарфор.

После замужества сестры Тео вдруг ощутила, что ей надоело ходить на вечера все с теми же людьми, слушать, как все тот же Эдди рассказывает все те же истории о двоюродном брате Вандербильдов, который однажды чуть не пригласил его покататься на яхте. Ей надоел единственный в Верноне богатый холостяк средних лет и пышущие здоровьем сестры-близнецы, которые всегда выкидывали шалости на танцах. Особенно опротивели ей одни и те же салаты и мороженое, которое все вернонские хозяйки покупали у одного и того же поставщика. Один торт, с розочками из марципана, встретился ей за две недели четыре раза, и она не сомневалась, что будет встречаться с ним, пока поставщик не отойдет в лучший мир. Она могла заранее сказать, что ее ждет на любом празднестве. Она знала, в какой именно момент после завтрака разговор о детях перейдет в стыдливые зевки и хозяйка предложит сыграть в бридж. Тео хотела бы умертвить весь двор карточного короля.

Примерно раз в год Стаси Линдстром робко выражал желание познакомить ее со своими друзьями. Он рассказывал ей, что зимой они устраивают лыжные прогулки, а летом — пикники, намекал на то, как искрен-

не и непринужденно беседуют они за обедом. Тео с радостью пошла с ним на танцы, где встретила несколько женатых пар и при них незамужних сестер и холостых кузенов. Первые три раза она наслаждалась переменой. Когда она видела веселые новые квартирки с застекленными верандами, плетеную мебель, цветные литографии и тахты, когда слышала, как друзья подтрунивают друг над другом, когда ходила с ними на городской каток и подпевала надрывающемуся духовому оркестру, — она чувствовала, что сбежала от застывшего в своем самодовольстве светского общества Вернона и вернулась к безыскусственности старого коричневого домика.

Но после трех встреч она знала наизусть все шутки мужей по адресу своих жен, с никому не нужной точностью помнила, что думает каждый из присутствующих по поводу кинематографа, Чикаго, сухого закона, ИРМ, неизменного туалета миссис Сэм Дженкинз и нового места Стэси в Лесном банке. Она попыталась оживить вечеринки. Старалась больше, чем хозяйки дома. Предлагала шарады, музыку... И потерпела фиаско. Она устроила для них грандиозный вечер с танцами и навсегда покинула их кружок.

Правда, один раз она ходила со Стэси на лыжах и получила от этого удовольствие... вернее, получала до тех пор, пока он не принялся намекать, что и у него, возможно, будет когда-нибудь большой дом с множеством гостиных. Но что он собирается дать за это Национальному Лесному банку, она так и не узнала.

И тогда Тео почувствовала себя всеми покинутой. Сама виновата. Что с ней такое? Почему там, где другим весело, ей мучительно скучно? И почему она не ищет выхода? Она по-прежнему помогала матери справиться с грандиозной задачей — дознаться у Лиззи, какие приказания ей хотелось бы у них получить. Она по-прежнему мечтала прочесть когда-нибудь толстые книги и разобраться в мировых проблемах и по-прежнему забывала купить эти книги. Ей было двадцать шесть лет, и единственный человек, за которого она могла выйти замуж, был пустозвон Эдди Барнс. Нельзя же всерьез думать о Стэси Линдстроме, который, по-

видимому, мечтает только об одном — накопить достаточно денег, чтобы стать полным подобием пустозвона Эдди Барнса.

А потом Америка вступила в войну.

5

Эдди Барнс уехал в учебный офицерский лагерь и вскоре стал весьма эффективным старшим лейтенантом в стодолларовой форме. Стэси Линдстром передал свои сбережения матери и пошел в армию рядовым. В то время как Эдди все еще пребывал инструктором в военном городке, Тео получала от Стэси коротенькие письма из Франции. Ему присвоили звание сержанта, писал он, а в сельском хозяйстве Франции много интересного.

Прощальная речь Стэси была маловыразительна. Он зашел к ним — худощавый, ничем не примечательный юноша в солдатской форме, сидевшей на нем мешком. Он опустил на вертушку у рояля и выдал из себя:

— Так, значит. Я получил отпуск. Через несколько дней отплываем во Францию. Так, значит... ты не забывай меня, Тео.

У дверей Стэси поцеловал ей руку, крепко, даже оцарапал зубами кожу, и молча сбежал с крыльца.

Зато Эдди, приезжавший из военного городка не реже одного раза в месяц, каждый раз обращался к Тео с длинной бравой прощальной речью. Красивый, стройный, с молодеватой выправкой, он мерил шагами маленькую гостиную, останавливался, весь — волнение, и произносил, как подобает военному, нежно, но твердо:

— Ну, голубка, вполне вероятно, я вижу тебя последний раз. В любой момент мы можем отплыть в Европу. Тео, любимая, знаешь ли ты, как ты мне дорога! Твой образ я унесу в своем сердце, о тебе я буду думать в свой последний час. Я не герой, но долг свой выполняю. И, Тео, если я не вернусь...

Первые два раза Тео в этом месте разражалась слезами, и Эдди обнимал ее, и она его целовала. Но когда он приходил прощаться навеки в третий, четвертый и пятый раз, она только посмеивалась: «Не вешай носа, дружище». Ей трудно было трагически восприни-

мать то, что Эдди находится на военной службе, поскольку она сама тоже была на военной службе.

Наконец-то и для нее нашлось дело. Поначалу она три вечера в неделю работала в Красном Кресте. Тут же была мать, знакомые, соседи; они много болтали, — посреди работы могли вдруг остановиться и прожурчать: «О, вы слышали, как рассердился Джордж Бэнгз, когда Нелли купила ящик туалетного мыла по доллару за брусок? Подумайте только! По доллару! Когда можно достать прекрасное импортное мыло за двадцать пять центов!»

Тео чувствовала, что слишком много корпии в их разговорах, слишком мало у них в руках. Неожиданно для себя самой она оказалась в числе нескольких девушек, которые были мелкими птахами, а стремились быть орлицами. Две из них стали механиками и уехали во Францию. Тео тоже хотела уехать, но мать была против. Тогда, несмотря на величественные протесты миссис Дьюк, Тео сделалась телефонисткой в штабе Красного Креста, а затем, изучив стенографию и машинопись, — секретарем у главы Красного Креста штата. Она завидовала женщинам из моторизованных частей, — они носили форму, — но наслаждалась своей властью, тем, как быстро и четко может дать нужные сведения несчастным матерям и женам, которые, замирая от страха и надежды, приходили к ним в штаб за справками.

Миссис Дьюк считала, что печатать на машинке — занятие малодостойное. Поддержал Тео отец.

— Пусть поработает, это ей только на пользу, — не уставал он повторять, и наконец главнокомандующий их дома был вынужден сдать свои позиции.

Но только случай со сбором книг для Американской Библиотечной Ассоциации заставил Тео перейти от смутного недовольства тиранией вещей к открытой войне. Однажды, на десять минут опоздав к обеду, она влетела в парадную гостиную с возгласом:

— Давайте пересмотрим сегодня вечером все книжки и отберем хорошую порцию для солдат!

Миссис Дьюк недовольно проговорила:

— Право, дорогая, ты могла бы не опаздывать к обеду! Нам с Лиззи и без того трудно сейчас справляться с хозяйством...

— Живо, Тео, живо! Снимай шляпу, причесывайся и спускайся обедать. Я умираю с голоду,— пробурчал мистер Дьюк.

Как только Тео уселась за стол, она начала снова:

— Солдатам нужны...

— Мы изредка сами читаем газеты! Разумеется, мы будем только рады отдать книги, в которых мы не нуждаемся. Но я не вижу никакой необходимости братья за дело так... так... с налету. Кроме того, мне нужно сегодня вечером писать письма,— заявила миссис Дьюк.

— Как хотите, тогда я отберу сама.

— Не отсылай ни одной книги, не показав предварительно мне!

Кончив обед, а также кофе, сигару, шоколадные конфеты и обсуждение того, каким кретоном лучше перебить потертые кресла в комнате для гостей, Дьюки во главе с Тео, уже предвкушавшей, как она увозит целую машину книг, направили свои стопы в библиотеку... Тео глядела на высокие, солидные, аккуратно запертые шкафы и думала, что вот уже год, как она не прикасалась здесь ни к одной книге, что за последние шесть месяцев она не видела, чтобы сюда заходили с иной целью, как подмести и вытереть пыль.

Потратив четверть часа на тщательное изучение иллюстраций в трехтомной Истории, миссис Дьюк объявила:

— Я думаю, мы можем отдать эту книгу, Лайм. Ее никто никогда не читает. Многие страницы даже не разрезаны.

Мистер Дьюк запротестовал:

— Отдать эту книгу? Ну нет! Я давно добираюсь до нее. Это очень ценная книга. Знакомит нас с современной Европой. Ее просто необходимо прочитать, чтобы получить представление о первопричинах войны.

— Но ты же не будешь ее читать, папа,— уговаривала Тео.

— Как не стыдно, Тео,— вступилась мать тоном Дочери Американской Революции.— Если отец не хочет расставаться с этой книгой, какие еще могут быть разговоры! — Она поставила три тома обратно на полку.

— Я отдам ее тебе, как только кончу,— пообещал отец.

Тео подумала, что если солдаты, участвующие в войне, захотят прочитать эту книгу, им придется растянуть военные действия до 1950 года.

Но она постаралась изобразить на лице благодарность, а отец тем временем продолжал:

— Знаешь, мать, что я думаю? Вот эти две полки с романами. ...Авторы все не ахти что... Тут или любовная белиберда, или дешевые детективы. Давай избавимся ото всех разом.

— Ну что ты! Такие книги — клад в плохую погоду... Легкое, приятное чтение. И для гостей. Но вот... вот старая книга об упряжи. Когда у нас были лошади, ты частенько ее почитывал, но теперь у нас машина и вообще...

— Да, да, но я люблю иногда заглянуть в нее.

— Как тебе будет угодно.

Тео удрала. Она вспомнила, что на чердаке стоят штабеля старых книг. И пока Дьюки выясняли вопрос, есть ли в конце концов среди четырехсот книг в их библиотеке хоть одна, которую бы они не собирались немедленно прочитать, Тео наваливала на обеденный стол чердачные находки. Потом она позвала родителей. Первое, что высмотрела миссис Дьюк, был Теннисон, изданный в 1890 году и напечатанный шрифтом, несомненно, пригодным для муравьев, маленьких, рыжих муравьев, но неудобочитаемым для человеческого глаза.

— О, неужели ты хочешь отдать этого прелестного Теннисона? — вскричала миссис Дьюк. — Как можно! Такое очаровательное издание! К тому же это одна из наших самых первых книг. Нам подарила ее тетя Грэйс.

— Но, ма-ма, милая! Ты же ее сто лет в руки не брала!

— Что из этого? Я часто о ней вспоминала.

— Ну, а книги, которые нам дарили на рождество?

— Вот что, Теодора, если бы у тебя нашлась хоть капелька терпения и ты была бы столь любезна, что дала нам с отцом время просмотреть все эти...

Через два часа семнадцать минут после обеда мистер и миссис Дьюк почти безропотно согласились преподнести солдатам Соединенных Штатов для их пользы и развлечения следующие сокровища мировой литературы:

Учебник по географии для шестого класса. Один экземпляр книги «Дикорастущие цветы Северного Висконсина». Два экземпляра «Маленьких женщин». Протоколы заседаний Конгресса за первый квартал 1902 года. Один черный, унылый, религиозного содержания том под названием «Битва дракона с женщиной в течение 1260 пророческих дней», из которых последних семисот дней недоставало, так что исход поединка оставался сомнительным. Четыре романа, написанных дамами: «Гризельда-Красноручка», «Брамлей из Северной Колумбии», «Леди Типтиппет» и «Одинокое Рождество Библикинз».

Тео посмотрела на них. Засмеялась. И тут же, уронив голову на стол, расплакалась. Родители недоуменно и обиженно взглянули друг на друга.

— Не могу понять эту девочку. Мы выбиваемся из сил, чтобы помочь ей, а она... — вздыхала миссис Дьюк, когда они вечером укладывались спать.

— А-а-а,— зевнул мистер Дьюк, отстегивая сзади воротничок и, как всегда, чувствуя при этом легкую ломоту в плечах.— У нее не в порядке нервы, она устала от этой работы в Красном Кресте. Я не против того, чтобы она приобрела небольшой опыт, но ни к чему из кожи вон лезть. Что, других нет, что ли?

Он собирался преподать Тео свой мудрый отеческий совет за завтраком, но за завтраком Тео трудно было преподать отечески что бы то ни было. Ее обычно улыбающиеся яркие губы были плотно сжаты. Она коротко кивнула родителям, затем все свое внимание устремила на овсянку, а затем ушла, наказав предварительно Лиззи отдать старьевщику меньшую стопку книг из тех, что лежат в столовой.

Три книги из этой стопки она все-таки взяла для Американской Библиотечной Ассоциации. К ним она добавила двадцать книг, главным образом учебников по тригонометрии, которые купила на свои карманные деньги. В последующие двадцать дней ее завтрак на работе ограничивался стаканом молока. Но, поскольку родители об этом не знали, все были довольны.

Битва из-за книг привела и к другим кровопролитным стычкам.

Езять хотя бы герметическую кухню.

Это была примитивная кустарная герметическая кухня, созданная еще в те дни, когда один ящик, помещенный внутри другого ящика, с прокладкой из опилок между ними, считался ценным приобретением в домашнем хозяйстве. Помимо того, что в ней ничего нельзя было приготовить, она еще занимала место, покрывалась пленкой жира, на который садилась пыль, и Лиззи вечно ушибала об нее ноги. Шесть лет Дьюки вели разговоры о том, что ее нужно починить. По крайней мере раз в год они рассматривали вопрос о герметических кухнях с исторической, научной и финансовой точек зрения.

— Я уж подумываю, — начала как-то раз миссис Дьюк, — не сказать ли истопнику, чтобы он вынул оттуда опилки и насыпал что-нибудь другое. А может, посмотреть, сколько стоят новые герметические кухни? Тео, ты не забежишь на этих днях к Вейли и Баумгартену?

— Не могу, занята.

Миссис Дьюк произнесла печально, с укором:

— Ну, моя дорогая, я, несомненно, занята не меньше тебя, а тут еще вечер в честь нового пастора и его молодой жены...

— Позвони в магазин. Пусть пришлют хорошую кухню на пробу, — сказала Тео.

— Но эти вещи нужно делать осмотрительно.

Тео отрезала:

— Я этим заниматься не намерена! — И вышла из комнаты.

Потом она пожалела о своей грубости и вечером была оживлена и весела, играла отцу баллады и убирала матери волосы. А еще позже, когда ложилась, усталая, с полной сумятицей в голове, она пожалела о том, что жалела, что была груба.

Испортилась топка парового отопления, и вопрос этот обсуждался мистером Дьюком, миссис Дьюк, миссис Гарри Макферсон, урожденной Дьюк, Лиззи, истопником и водопроводчиком столько времени, что Тео убежала к себе и вцепилась зубами в подушку, чтобы не закричать. Она умоляла отца установить новую топку:

— Это не топка, а ужас, она когда-нибудь устроит пожар.

— Глупости. Не будет никакого пожара,— сказал он.— И, во всяком случае, дом и все имущество хорошо застрахованы. Ну, а если он и сгорит — нет худа без добра, мне не придется больше ломать себе голову, где достать двенадцать тонн угля, которых нам недостает.

Когда мистер Дьюк был вызван в Дулут компанией, ведущей добычу железной руды на его землях, миссис Дьюк позвонила в Красный Крест, где Тео в тот день буквально рвали на части, и дрожащим от слез голосом попросила ее приехать домой.

Тео примчалась в ужасе.

— Что случилось? Что с папой?

— Случилось? Ничего. Что могло случиться? Но у него не было времени захватить в Дулут свои вещи... Он будет как без рук без несесера... того, что он купил в Лондоне... он так привык к своим туалетным принадлежностям и всему остальному, что может найти зубную щетку в полной темноте...

— Но, мама, милая, я уверена, что в ваннных комнатах в Дулуте есть электричество, и ему не понадобится искать зубную щетку в темноте. И он сможет купить превосходные новые щетки в любой аптеке и не поднимать суматохи из-за пустяков.

— Суматохи! Суматохи! Это ты поднимаешь суматоху из-за пустяков! Он будет совершенно беспомощен без своего несесера.

Пока вместе с Лиззи и матерью она тащила увесистый несесер с чердака, пока мать, думая вслух, обсуждала, какую пижаму послать «твоему отцу» — легкую или фланелевую, пока, исполняя просьбу чуть не плачущей миссис Дьюк, искала по всему дому запропастившуюся хрустальную мыльницу, Тео держала себя в руках. Она злилась на себя за свое бессердечие. Она вспомнила, как была тронута два года назад точно такой же домашней комедией. Но и через два дня, когда мать с торжеством показала ей письмецо мистера Дьюка: «Не могу выразить, как я был рад, когда в гостинице появился добрый старей несесер: совсем было без него пропал», — сердце Тео не смягчилось.

«И все равно, мое отсутствие в тот день обошлось Красному Кресту в пятьдесят долларов,— размышляла она, — а отец мог за половину этой суммы купить несессер в два раза лучше старого, — легче, более удобный! Вещи! Бедный папочка — раб этого проклятого чугунно-го несессерал!»

Тео думала, что умело скрывает свои чувства, но, должно быть, она ошибалась, так как вскоре после возвращения мистера Дьюка мать неожиданно атаковала ее за обедом:

— Судя по тому, что ты все время дуешься и злишься, у тебя завелись какие-то социалистические идеи: ты полагаешь, что личная собственность не нужна. Тебе следует...

— Анархические, ты хочешь сказать, мама милая.

— Будь любезна, не прерывай меня! Я хочу сказать, что именно вещи дали человеку возможность уйти от варварства. Автомобили, одежда, которую можно стирать, бритвы, которые позволяют мужчинам иметь цивилизованный вид, консервы, печатные машины, пароходы, ваннные комнаты — вот что помогло людям выбраться из ужасных сырых пещер и сбросить звериные шкуры.

— Не спорю. Именно поэтому я возражаю против того, чтобы люди поднимали такой шум из-за одних вещей и не пользовались другими, лучшими. Если ты так занята составлением букета для вазочки в лимузине, что у тебя нет времени в нем ездить, значит, ваза испортила машину...

— Удивительно логично! Да я совершенно не трачу времени на цветы для машины. Букеты всегда составляет Лиззи, — с торжеством произнесла миссис Дьюк.

Тео продолжала наступление. Она старалась сама для себя прояснить свою мысль.

— ...И если человек тратит драгоценное время на то, чтобы кое-как починить старую бритву, вместо того чтобы купить новую, он никогда не выберется из сырой пещеры и медвежьих шкур. Это не бережливость. Это — расточительство.

— Мне казалось, что в доисторические времена люди вообще не пользовались бритвой, разве не так, Лайман? — с величественной иронией заметила мать.

— Вот вы вечно терзаетесь из-за папиного несессера. Он был хорош когда-то и стоил того, чтобы его любили. Но теперь это просто помеха. По-вашему, выходит, что фабрику надо останавливать на шесть месяцев в году, чтобы стянуть или залатать, или что там они делают, ременную передачу, вместо того чтобы установить новую и таким образом... О, неужели вы не понимаете? Покупайте вещи. Пользуйтесь ими. И выкидывайте, когда от них больше беспокойства, чем пользы. Если несессер мешает вам путешествовать, бросьте его в воду. Если вы завели себе теннисный корт, а потом увидели, что вовсе не любите теннис, пусть лучше корт зарастет сорной травой, чем вы будете тратить великолепные октябрьские дни на то, чтобы косить его, и скрести граблями, и...

— Ты, очевидно, хотела сказать — укатывать, — покровительственно поправила мать. — И какое отношение к предмету нашего разговора имеет теннис? Я и словом не обмолвилась о теннисе. И я надеюсь, ты согласишься, что не являешься авторитетом по части фабрик и ременных передач. Нет, вся беда в том, что ты так устаешь от своей работы в Красном Кресте, что не можешь рассуждать логично. Разумеется, раз сейчас война, может быть, и допустимо тратить столько времени и денег на перевязочные материалы и прочее только затем, чтобы их потом пустили на ветер неопытные сестры, но вы, девушки, должны помнить, что главное в жизни — бережливость.

— Мы это помним! Я так и живу. Это значит... о, это очень, очень много сейчас значит... Быть бережливым — это обходиться без вещей, которые вам не нужны, и аккуратно обращаться с вещами, которые вам полезны. И, само собой, не тратьте время и душу на бесполезные вещи только потому, что вы имели несчастье их приобрести. Вроде того, как мы вечно волнуемся из-за стенных часов в верхнем зале, на которые никто никогда не смотрит.

Не слушая ее, мать безмятежно продолжала:

— Тебе, как видно, кажется, что этот дом требует слишком большого ухода. Ты бы предпочла, чтобы мы переехали в меблированные комнаты и снимали там одну спальню и столовую!

Тео махнула рукой.

Два дня спустя она забыла об этом.

В ее уютную жизнь, взывая о помощи, вкрался желтолицый призрак, глаза которого не видели ничего вокруг, а лишь кричали о нестерпимой муке. Это был... это когда-то был некий Стэси Линдстром, сержант американской экспедиционной армии.

Три дня Стэси пролежал с раздробленным плечом в воронке от снаряда. Он переболел воспалением легких. Четыре раза все в нем умирало, окончательно умирало... все, кроме желания видеть Тео.

Его маленькая, робкая, болезненно респектабельная мать послала за Тео в тот вечер когда его привезли домой, и, несмотря на панические протесты миссис Дьюк, Тео побежала к нему в одиннадцать часов вечера.

— Еще немного продержусь. Очень ослабел, но все на месте. Выкарабкаюсь... если ты этого хочешь. Не прошу тебя о любви. Все, что мне надо... знать, что ты хочешь, чтобы я жил. Заставил их отправить меня домой. Море перенес хорошо. Но ослабел. В Нью-Йорке схватил тиф. Обнаружилось только в поезде. Теперь ничего... Только очень болит. Болит, болит, болит, каждая клеточка болит. Неважно. Вот снова тебя увидел. Могу теперь умереть. Наверно, и умру.

Тяжело дыша, он выталкивал одно слово за другим, а она стояла на коленях возле кровати и не знала, любит она его или ненавидит, отпугивает ее эта костлявая рука, простертая к ней из могилы, или ее притягивает к нему горячее желание вылечить его душу, вдохнуть в нее волю к жизни. Но одно она знала: весь ее опыт, приобретенный в Красном Кресте, не помог ей, когда она соприкоснулась с кровоточащей живой жизнью... особенно кровоточащей и живой, когда она выкарабкивается из трясины смерти.

Тео переспорила миссис Линдстром, вызвала сиделку и доктора Роллина — Роллина, специалиста по внутренним болезням.

— Парень в порядке. Только мало сил, чтобы бороться как следует. Постарайтесь подбодрить его, — сказал доктор Роллин. — Счет? Мой счет? Он же солдат, верно? Неужели вы думаете, мне самому тоже не хотелось в армию? Где еще найдешь столько интересных пациен-

тов? Да. Признаюсь. И чтобы дураки отдавали мне честь. А пришлось остаться дома лечить глупых баб. Брать деньги солдата? Не приставайте ко мне, — ворчал он, складывая стетоскоп, закрывая сумку и стараясь отыскать шляпу, которую миссис Линдстром из вежливости припрятала.

Каждый день после работы Тео устало плелась в дом Линдстромов — чистенький, тщательно прибранный дом, где в гостиной стоял покрытый кружевной накидкой комод с позолоченной раковиной и двумя парадными фотографиями родственников из Норвегии. Она наблюдала, как Стэси возвращается к жизни. Его руки, желтые и высохшие, как у голодающего китайца, снова стали розовыми и крепкими. Суставы перестали выпирать из-под кожи.

Когда Тео так неожиданно увидела его в первый раз, ее захлестнула нестерпимая жалость. Выручили ее в равной мере его насмешки над собственной беспомощностью и его раздражительность. Хотя он сразу послал за ней, вначале ему, по-видимому, были неприятны все, кроме сиделки. В свинцовых пучинах боли ничто не имело для него цены, кроме покоя. Глоток холодной воды значил больше, чем война. И даже когда он снова стал доступен человеческим чувствам и с нетерпением поджидал прихода Тео, в их разговорах не было ничего интимного. Когда он уже был способен, не задыхаясь, произнести несколько слов, она сделала попытку возродить его мечты о богатстве, которые были ей так ненавистны.

В раздумье она посмотрела на него — один профиль на взбитой подушке, — затем произнесла притворно бодрым голосом:

— Ты теперь скоро вернешься в банк. Я уверена, они тебя повысят в должности. Ты еще когда-нибудь станешь директором этого банка.

Он прикрыл бескровные веки. Она подумала, что ему все безразлично. Она продолжала шумно его убеждать:

— Честное слово. Я уверена, у тебя будут деньги. Куча денег.

Его глаза раскрылись, засверкали:

— Деньги! Да! Чудесная штука!

— Да-а.

— На них покупают танки и снаряды и пищу для бездомных малышей. А мне... нужно немного — только на жизнь. Нет больше прежнего Стэси Линдстрема. — Он погрузился в то огромное, что происходило внутри него, в эту nirвану... клокочущую nirвану! — У меня есть мечты, большие мечты, но не о том, чтобы разгуливать по воскресеньям в визитке и новых перчатках.

Больше он ничего не добавил. Неделю спустя он сидел в постели, в белой, отороченной красной каймой ночной рубаше, какие носили еще его отец и деды, и читал.

Она с любопытством взглянула на книгу. Это был учебник разговорного французского языка.

— Ты что, опять туда собираешься? — спросила она как бы между прочим.

— Собираюсь, теперь мне это ясно.

Он откинулся на подушку, подтянул одеяло к подбородку и сказал спокойно: — Я еду обратно, чтобы воевать. Но не для того, чтобы продолжать войну. Я знаю теперь, в чем мое назначение. Руки у меня хорошие, и я легко нахожу общий язык с простыми людьми. Я еду обратно, чтобы восстанавливать разрушенное. Мы заново отстроим Францию. Я учусь — учу французский, строительное дело, огородничество. Я неплохой фермер... Помнишь, я всегда работал на ферме во время каникул.

Она видела, что вся скованность покинула его. Он снова стал прежний Стэси — властелин фургонов с Ред-Ривер. Словно и не было долгих лет мучительной душевной тревоги, и внезапно Тео охватила такая нежность к старому другу, что просто не стоило тратить время на размышления о том, любит ли она его. Они строили планы, изредка обмениваясь понимающей улыбкой.

Еще через неделю миссис Линдстром отвела ее в сторону.

До тех пор, впусив Тео и молча поздоровавшись с ней, она неизменно скрывалась на кухне. На ее анемичном лице никогда ничего нельзя было прочесть. Но в этот день, когда Тео выходила из комнаты, миссис Линдстром поспешила за ней следом.

— Мисс! Мисс Дьюк, можна покаварить с вами?

— Ну, конечно!

— Мальсик поправляешься, а? Он был секотня в короший вид. Я хошу, чтоб ви...— Лицо маленькой женщины было сурово.— Я не снай, как сказать это красиво, но если вы когда-нибудь... Я снай, он вам не пара, но он всегда носит с собой ваш кáртошка, и, может быть, теперь, когда он был такой храбрый солдат... Может быть, ви его немного полюбить, но... Я снай, я простой женщина из Старый Свет. Если ви с ним поженись, я буду стоять в сторона... не буду вам помехом. Ваш родитель богатый и... О, я даю, даю его вам, если вы его хотите.

Хмурые глаза миссис Линдстром стали огромными, налились слезами. Ее пуританская грудь судорожно вздымалась. Она вскрикнула:

— У него только и разговор был, что вы: всекта, кокта он еще был маленький мальсик. Простите, что я сакаварил с вами про это, если вы его не хотите. Я хотел, штоп ви знали — я все, все для него сделай. И для вас.

Она убежала на кухню, и Тео услышала, что она принялась чистить кастрюлю. Тео выскочила в противоположную дверь.

И в тот же вечер миссис Дьюк в деликатной светской форме совершила покушение на Линдстромов.

— Дорогая, не кажется ли тебе, что ты навещаешь этого Линдстрома несколько чаще, чем необходимо? Судя по твоим словам, он уже выздоравливает. Я надеюсь, твоя жалость к нему не приведет к каким-нибудь нелепым мыслям и сантиментам.

Тео рассмеялась:

— В наши дни некогда заниматься сантиментами. Я давно уже плюнула...

— Плюнула! О Тео!

— ...на все это. Но вообще-то говоря... Стэси вполне годится для того, чтобы стать героем лирических стихов. Он был моим дружкой, когда мы еще...

— Пожалуйста, не будь... так... вульгарна! Кроме того, Тео, как бы ты ни относилась к Стэси, потрудись представить себе, как будет выглядеть миссис Линдстром в этом доме.

Веселого, шутливового тона Тео как не бывало. Она вскочила. Она произнесла с пылкой, с истовой торжественностью:

— В этом доме?! Будь проклят этот дом!

Больше о Линдстромах не упоминалось. В этом не было надобности. Когда Тео прилетала вечером домой, радостно возбужденная работой, ходьбой и спорами со Стэси, брови миссис Дьюк не хуже слов выражали ее мнение.

Тео казалось, что отец смотрит на нее более сочувственно. Она перестала принимать мистера Дьюка как нечто привычное, нечто более неизменное, чем радиаторы парового отопления. До ее сознания дошло, что все эти осенние вечера он проводит, сидя у камина и глядя в огонь. Когда он смотрит на нее, он улыбается, но глаза у него измученные. Тео заметила, что он перестал упрашивать миссис Дьюк, чтобы она разрешила ему вернуться к настоящей работе, и не строил больше туманных планов о том, как они заведут ферму или отправятся путешествовать. Однажды они поехали на неделю в Нью-Йорк, но миссис Дьюк торопилась обратно, к своим многочисленным комитетам. Она держалась с мужем еще тверже, еще чаще толковала ему, что трудно оставлять такой дом, как у них, без присмотра, что мужчины не должны быть эгоистами и ожидать, чтобы они с Лиззи...

Мистер Дьюк больше не спорил. Он редко теперь ходил в контору. Он старел, и ему все труднее становилось расставаться с домашними туфлями.

7

Эдди Барнс приехал в Вернон, чтобы проститься в шестой раз, теперь уже окончательно и бесповоротно.

Тео встретила его радостным визгом. У нее был до неприличия здоровый и довольный вид. Она одержала верх в споре со Стэси насчет того, стоит ли учить французов сеять маис, и шла домой только что не танцуя.

— Рада тебя видеть! Снова «прощай навек?» — безжалостно спросила она Эдди.

Для юного самурая Эдди держался слишком робко. Как неприкаянный, бродил он по большой гостиной. Краги его сверкали. А у Эдди, и правда, красивые ноги, подумала современная молодая женщина.

— Черт, надоед я тебе своими прощаниями. Нет, больше ни одной слезы. Потому что на этот раз приказ у меня в кармане. Через три недели я буду во Франции. Вот я и подумал.. может быть... я спрошу тебя, не будет ли для тебя неудобно... Ох, чертов зуб, все еще болит; завтра обязательно нужно поставить пломбу. Ты выйдешь за меня замуж?

— Ой! — Тео плюхнулась в кресло.

— Ты сорвала все мои поэтические подходы своим неприличным весельем. Пришлось говорить без околечностей.

— Тем лучше. Дай подумать. Хочу я выйти за тебя замуж или не хочу?

— Нам всегда хорошо было вместе. Послушай... Ты только подожди, пока я вернусь из Франции... мы такую свадьбу закатим! Честное слово, я буду терпеть все — вшей, грязь, пока идет работа, но когда я вернусь и положу свой *Stoix de Suetge*¹ на сохранение в банк, я выпью ведро шампанского. Мы с тобой шикарно проведем время — будет что вспомнить! Тебе, верно, уже здорово осточертеет в Красном Кресте и...

— Не думаю. И есть человек, который считает, что когда кончится война, тогда только и начнется настоящая работа.

Эдди был серьезен, спокоен, взрослее, чем когда-либо раньше.

— Да, Стэси Линдстром. Конечно, у него передо мной большие преимущества. Я не такая колоритная фигура. Мне никогда не приходилось зарабатывать себе на жизнь, меня с детства приучали быть любезным в обществе, а не строить из себя героя. Есть ли что более трогательное, чем высокие идеи в сочетании с бедностью! Но когда я пытаюсь тронуть твое сердце, ты надо мной смеешься. Я... меня могут убить, и я буду так же мертв в своем дорогом мундире старшего лейтенанта, как любой рядовой, возлагающий себя на алтарь отечества.

— Я не подумала об этом. Верно. Ты в невыигрышном положении. Довольство не романтично. Но не в этом дело. Тут скорее шампанское и «шикарная» жизнь. Я...

¹ Крест за боевые заслуги (франц.).

— Послушай, голубка, тебе до смерти надоест бедность. Ты ведь так любишь красивые вещи.

— Вот оно. Вещи! Вот чего я боюсь. Меня интересуют тракторы для Франции, а не цвет бокалов для рейнвейна. Что до красоты... Это душа вещей, но она должна быть неотъемлема от вещи, а не нарисована снаружи. Красивые вещи! Ух! А как ты представляешь себе мою дальнейшую жизнь, после того, как я выйду за тебя замуж? Куда бы я девала двадцать четыре часа в сутки?

— Не понимаю... Куда?.. Э... ну, куда все. Ты бы весело проводила время... танцы... вечера... может быть, дети... Мы бы съездили в Палм-Бич.

— Да. Ты позволил бы мне снова делать то, что я делала до войны. Нет. Этого мне мало. Я хочу работать. Ты не разрешишь мне этого. Даже по дому ничего не дашь делать. Будут горничные, кормилицы. Я не честолюбива, не в этом суть. Я не хочу быть актрисой или членом конгресса. Охотно, от всей души, буду помогать какому-нибудь мужчине. В том случае, если он действительно может дать мне настоящее дело. Нет! Вы, довоенные мальчики, и не представляете, что вас ждет, когда вы встретитесь с нами, послевоенными женщинами.

— Но ты устанешь...

— Ох, знаю, знаю. Ты, и отец, и мать заставите меня сдаться. Все вместе взятые вы, может быть, и победите. Вы и этот дом, этот ужасный прилизанный богатый дом, куда миссис... куда она недостойна войти! Она, отдавшая его...

Голос ее поднялся, зазвучал истерически. Сидя в большом кресле, она наклонилась вперед, странно скорчившись, словно от боли.

Эдди погладил ее по голове и, круто повернувшись, вышел из комнаты.

Тео сидела, дивясь самой себе. «Неужели я прогнала Эдди? Бедный Эдди. О, я напишу ему. Он прав. Приятно думать о храброй деве, бросающей вызов обществу и выходящей замуж за героя-бедняка. Но девы никогда этого не делают. Во всяком случае, не в таком доме».

Низкий, густой звон колокола в здании суда, разбудивший Тео,— спросонья она растерянно уставилась в мерцающую темноту,— ... пронзительный фабричный гудок, от которого поплыли долгие, мерные волны звука... торжествующий вопль мальчугана и кряканье игрушечной трубы... треск запускаемого мотора у соседнего дома, остывшего мотора, который упрямылся и фыркал, прежде чем запеть, а потом взревел и умчался под громкие сигналы клаксона, и, наконец, еле слышное: «Экстренный выпуск!»

Протестующее сонное тело еще крепче свернулось в мягкий клубочек, но сознание было лихорадочно ясно. Шум все усиливался. «Неужели действительно мир? Подписано наконец перемирие?» — ликовала она.

Теплое тело приводило разумные соблазнительные доводы против того, чтобы вылезать из-под стеганого шелкового одеяла наружу, на холод,— она спала на верхней веранде. «Опять останешься в дураках, как в четверг. О-о-о-о! Такое блаженство — лежать в постели!» — настаивало оно.

Тео была практическая героиня. Она сбросила одеяло. Ленивому телу ничего не осталось, как проснуться. Она только пискнула «ой», нашаривая ногами туфли на холодном полу. Она слетела вниз, сунула ноги в галоши, накинула шубку и выбежала на тротуар как раз вовремя, чтобы остановить орущего во все горло газетчика.

Да. Так и есть. Официальное сообщение из Вашингтона. Война окончена.

— Урра! — закричал оборванный мальчишка-газетчик, гордясь своей ночной вылазкой на улицы.

— Ура! — ответила она ему. Она чувствовала себя единым целым с миллионами людей, просыпающихся сейчас по всей стране, от Нью-Йорка до Сан-Франциско. Ей хотелось громко кричать, свистеть, смеяться.

Великое известие, продвигаясь на запад, достигло Вернона в три часа ночи. Сейчас было всего четыре, но, стоя в подъезде, Тео видела, как непрерывным потоком проносятся мимо машины, направляясь к центру города. За ними, с грохотом подпрыгивая по мостовой,

волочились банки из-под консервов, сковороды, кастрюли. Какой-то человек, стоя на подножке автомобиля, играл на корнете «Мистера Зиппа». У мужчины, бегущего к трамвайной остановке, висела на груди батарейка с включенным электрическим звонком. Увидев Тео в подъезде, мужчина закричал:

— Идем, сестренка! В центр! Все празднуют! На карнавал!

Она помахала ему. А хорошо бы вывести машину и поехать в город. Там будет шум... пение.

Четыре незнакомых девушки крикнули, пробегая мимо:

— Пошли танцевать!

Неожиданно она спросила себя: «Знают ли они, что это значит? Это не просто карнавал. Это священная минута». И тут же: «А я-то понимаю, что это значит? Для всего мира. История — здесь, сейчас!» Дрожа от холода, но не замечая этого, она стояла в дверях и молилась, не отдавая себе в том отчета.

Когда она поднималась по лестнице, ей вдруг почудилось, что на верхней площадке мелькнула какая-то тень. Она остановилась. Ни звука.

— Что со мной? Всего пугаюсь. Дать папе газету? Нет, не могу сейчас ни с кем разговаривать.

В то время как весь город безумствовал, маленькая белая фигурка забралась обратно под одеяло, торжественная и серьезная. Все скопившиеся за эти четыре года чувства разрешились слезами. Она прильнула щекой к подушке, но не спала. Прошло несколько минут: «Моя работа в Красном Кресте скоро кончится. Что я буду потом делать? Снова укладывать папин несессер?»

Она заметила зарево на окнах комнаты рядом с верандой. «Весь город иллюминирован. Может, все-таки поехать в центр, посмотреть на карнавал? Может, папа захотел бы поехать? Да нет, мама его не пустит. Хочу обратно в наш старый коричневый домик... куда Стэси мог приходить играть. В те времена мама всегда угощала его домашним печеньем.

Ах, если бы у меня хватило смелости поджечь этот дом! Будь я настоящим борцом, я бы сделала это. Но я ничтожество. Я очень плохая, наверно... Совершить пре-

ступление в душе, но не иметь смелости... Боже, дом и в самом деле горит!»

Она так испугалась, что не могла двинуться с места. Запахло дымом, послышался треск — будто складывали жесткую оберточную бумагу. Мгновение — и, кажется, даже не сойдя еще с кровати, она бежала мимо одной из спален, стены которой уже лизало пламя, вырывавшееся из спуска для белья, который вел в подвал. «Чертова топка!» Она влетела в спальню родителей, стала судорожно расталкивать мать.

— Вставайте! Вставайте!

С сонной величавостью мать проговорила:

— Да... знаю...мир... прочитаю газету утром... не мешай мне спать.

— Пожар! Пожар! Дом горит!

Мать села в постели — короткий седой завиток прыгал у нее на лбу, — сказала негодуя:

— Какая нелепость!

Мистер Дьюк был уже на ногах, в дымной колючей темноте, и шарил по стене руками.

— Никак не могу найти выключатель. Надо поставить ночник возле кровати. Быстрее, мать, вставай! Тео, ты надела теплый халат? — Он не был испуган. Голос его дрожал только от возбуждения.

Он кинулся к задней лестнице. Тео за ним. Миссис Дьюк осталась наверху парадной лестницы, стена:

— Не бросайте меня!

Огненные змейки, шипя, уже просовывали свои головки в коридор. На глазах у Тео они обвили вокруг дивана, поползли по старому комоду. Жар ударил ей в лицо.

— Ничего нельзя сделать. Уходи отсюда. Разбуди прислугу. И сведи мать вниз! — рокотал мистер Дьюк.

К тому времени, как Тео надела на мать просторный халат и туфли, накинула на нее огромное шерстяное одеяло и спустилась с ней на веранду, там появился и мистер Дьюк, ведя за собой служанок... Лиззи в папиюточках — настоящая медуза Горгона.

— Уф! Черная лестница вся в огне, — пробурчал он, потирая подбородок. Его пальцы вдруг замерли; видно, на какую-то долю секунды он подумал: «Не мешало бы побриться!»

— Тео! Беги на угол! Дай пожарный сигнал! Я попытаюсь дозвониться отсюда. Потом спасай вещи! — скомандовал он.

Выдержка отца с новой силой пробудила в Тео любовь к нему, и, вскинув руки, так что широкие рукава халата соскользнули до самых плеч, она обвила его морщинистую шею, умоляя:

— Не нужно спасать ничего, кроме клуазонне. Пускай все горит. Зачем рисковать жизнью ради вещей? Пусти... дай я сама позвоню.

Без дальнейших размышлений Тео захлопнула парадную дверь, оставив его снаружи. Прокричала в телефонную трубку свой адрес и «Быстрее, пожар!».

В большой гостиной она принялась хватать из горки одну эмалевую безделушку за другой и бросать их в мусорную корзину. В коридоре, у нее за спиной, клокотал пронизанный пламенем дым. Потрескивание перешло в рев.

В окне на веранду зазвенело стекло. Рука отца протянулась к шпингалету, открыла створку. Он забрался в комнату. Его заволокло дымом, и он стал отфыркиваться, как человек, вынырнувший из воды.

Тео подбежала к нему.

— Ты мне здесь не нужен. Я взяла клуазонне...

Спокойно, словно у них возникли небольшие разногласия за карточным столом, он сказал:

— Да, да. Не приставай ко мне. Ты забыла про две большие сара в стенном сейфе.

Краска на перилах в холле вздувалась пузырями и чернела, жар, словно ножом, резал Тео легкие, а отец, повернув ручку сейфа, вынимал оттуда тарелки клуазонне.

Языки пламени обвились вокруг косяка двери, как пальцы, охватывающие палку.

— Мы отрезаны! — закричала Тео.

— Да! Нужно выбираться! Ну-ка, брось эту корзину.

Мистер Дьюк выхватил у Тео клуазонне, кинул их на пол, отшвырнул тарелки, которые были у него в руках, подтолкнул дочь к разбитому окну, помог выбраться на веранду. Сам он все еще оставался в горящей комнате. Когда он хотел кинуться обратно, она схва-

тила его за рукав. Клаузонне уже были скрыты от них клубами дыма.

Мистер Дьюк посмотрел в глубь комнаты. Он отстранился от Тео, высвободил руку, исчез в дыму. Вернулся он с дешевой фарфоровой вазочкой, которая для такой маленькой вещицы была потрясающе безобразна. Перебравшись через подоконник, сказал:

— Твоя мать всегда очень любила эту вазочку.

Глаза у Тео резало от дыма, но она заметила, что у него подпалены волосы.

На углу торжественно разгружалось пять пожарных машин, пожарники бежали к их дому. Пришла соседка, чтобы увести Дьюков к себе и дать им переодеться.

В одиночестве, из комнаты, предоставленной ей соседкой, Тео смотрела, как горит их дом. Пламя злобно рвалось из окон первого этажа. Никогда уже не прочитает отец трехтомную историю, слишком ценную, чтобы отдать ее солдатам. Вот запылал чердак. Прощай, лондонский несессер, обременявший их столько лет! Вот завитки дыма за клубились в разбитом пожарными кухонном окне. Прощай, герметическая кухня, которая не желала варить! Тео засмеялась: «Зато она сварилась сама! О, я скотина. Бедная мама! Все ее чудесное белье с вензелями...»

И все же у нее было чувство, что она вырвалась на свободу, что она дышит майским воздухом.

Вошел отец, одетый в вельветовую охотничью куртку соседа, черные парадные брюки и красные шлепанцы. Волосы его были тщательно причесаны, но пальцы все еще недовольно ощупывали небритый подбородок.

Она попросила:

— Папочка, родной, все это очень плохо, но не мучай себя. Денег у нас много. Что-нибудь придумаем...

Он снял ее руки со своих плеч, подошел к окну. Пожарные кончали тушить огонь, и остов их дома постепенно окутывался саваном темноты. Он взглянул на Тео в замешательстве.

Он сказал неуверенно:

— Я и не собираюсь себя мучить. Я думаю — все к лучшему. Понимаешь... я сам поджег дом.

Молча прижала она дрожащие пальцы к губам, а он продолжал:

— Насыпал горячих углей в ящик с растопкой, что стоит в подвале. Да. Умел держать печь в порядке когда-то, когда был настоящим человеком. Меня разбудил набат. Мир! Захотелось снова стать свободным. Не люблю разрушать, но... другого выхода не было. Мать не позволила бы мне продать дом. Я понемногу сходил с ума, сидя здесь и дожидаясь... дожидаясь смерти. О, теперь мать согласится уехать. Мы купим ферму. Будем путешествовать. И я приглядывался к тебе. Ты не могла бы получить своего Стэси, пока этот дом распоряжался нами. Ты чуть не застала меня на лестнице, когда я шел из подвала. Не очень-то легко было, зная, что дом горит, лежать в постели спокойно, чтобы мать ни о чем не догадалась, и ждать, когда ты придешь нас будить. Ты чуть не опоздала. Тогда пришлось бы сознаться. Ну, пойдем, попробуем утешить мать. Она все плачет.

Тео отпрянула от него.

— Но это же нечестно. Мы воруем... мы грабим страховое общество.

— Нет. Я все предусмотрел... позаботился проявить беззаботность и не внес страховой взнос за прошлый месяц. Уф! Ну и попадет мне за это от матери! Девочка! Смотри! Рассветает!

СКОРОСТЬ

В два часа ночи под единственным фонарем на Главной улице провинциального городка в Небраске, который должен был бы в это время давно уже спать крепким сном, собралась плотная толпа людей; они переговаривались, смеялись и то и дело поглядывали на запад, где улица терялась в бескрайней тьме прерии.

Прямо на дороге лежали две новые автомобильные шины и стояли канистры с бензином, маслом и водой. Поперек тротуара был протянут шланг насоса, а подле него красовался манометр в новом замшевом футляре. Через улицу в окне ресторана ослепительно сияли электрические лампочки без абажуров и востроносая девица со взбитыми кудряшками сновала от окна к плите, где у нее грелась еда. Председатель местного мотоклуба, он же владелец здешнего крупнейшего гаража, задыхаясь от волнения, в который раз твердил парню в коричневом комбинезоне:

— Ну, будь наготове, смотри, будь наготове. Не зевай, ведь покрышки надо сменить за три минуты.

Ожидалось романтическое событие — установление нового рекорда трансконтинентального автопробега на машине марки «мэллерд», гонщик Дж. Т. Баффем.

Фотографии Баффема видели все — они смотрели чуть не с каждой спортивной полосы в газетах Линкольна и Канзас-Сити: квадратное лицо, широкоскулое, невозмутимое, добродушное, в крепких зубах незажжен-

ная сигара и мальчишеская челка на чистом высоком лбу. Два дня назад он был в Сан-Франциско, между грязной позолотой Китайского квартала и грохочущим тихоокеанским прибоем. Еще два дня — и он будет в далеком Нью-Йорке.

Где-то в прерии, за много миль от города, возник пронзительный луч света, быстро приближаясь, разъединился на два, а отдаленный треск барабанной дробы вырос в громовой рев мощного мотора без глушителя. Прожорливое чудовище ворвалось в город, надвинулось на них, изрыгая молнии, и, лязгнув, остановилось как вкопанное. Толпа увидела за огромным рулем человека в кожаном шлеме: вот он, кивает, улыбнулся, совсем как простой смертный! То был великий Баффем.

— Ур-ра! Ур-ра! — прозвучало в ночи, и говорок прошел по толпе, сменив напряженное молчание.

А механик из гаража с помощью своего хозяина и троих рабочих уже сдирал изношенные покрышки, заливал бензин, масло, воду. Баффем вылез из машины и зевнул, подобный льву, разминая затекшие богатырские плечи, могучие руки и ноги.

— Вылазьте, Рой, подзаправимся и мы, — сказал он тому, кто сидел на втором сиденье в его машине. Этого человека толпа не замечала. То был всего лишь механик и подменщик Баффема, жалкое существо, за всю жизнь не ездившее быстрее девяноста миль в час.

Владелец гаража, суетясь, провел Баффема через улицу в ресторан. Как только автомобиль ворвался в город, хорошенькая официантка, прыгая от нетерпения, схватила с плиты и поставила на стол жареную курицу, налила в стаканы настоящего кофе и гордо добавила в него настоящих сливок. Смена покрышек и завтрак заняли три с четвертью минуты.

Рев мотора полоснул по притихшим домикам и пропал вдали. Городок остался, серый и скучный. Обыватели, зевая, расходились в темноте по домам.

По выезде из этого городка в Небраске Баффем был намерен два часа поспать. Его сменил за рулем Рой Бендер. Баффем расслабил мышцы, откинулся на спинку, раскачиваясь в лад с рывками несущегося автомобиля, и сонно, врасстяжку произнес громовым хриплым басом, отчетливо прозвучавшим даже сквозь рев мотора:

— Осторожнее вон на том подъеме, Рой. Там будет скользко.

— Откуда вы знаете?

— Ниоткуда. Носом, может, чую. Только вы, правда, там поосторожнее. Спокойной ночи, дружище. Разбудите меня в четыре пятнадцать.

Вот и весь разговор за семьдесят две мили.

Уже светало, когда Баффем опять сел за руль. Он молчал: он только следил за тем, чтобы спидометр не переставал показывать на два деления выше безопасного предела. Но на ровных перегонах он успевал скользнуть устало-счастливым взглядом по утренним лугам, по узорочью трав и молодых хлебов, уловить на слух полнотки из запева полевого жаворонка. И углы его рта, сурово сжатые на опасных участках дороги, тогда чуть вздрагивали.

Незадолго до полудня, когда Баффем подъезжал к городку Апогею в штате Айова, ровный вой автомобиля вдруг перебило грохотом, словно мотор разнесло в куски.

Он рывком выключил зажигание; машина еще не успела толком остановиться, как уже они с Роем выскочили с двух сторон, бежали к радиатору, поднимали капот.

Припаянный к радиатору предохранительный козырек из толстой проволоки отломился и погнул лопасть вентилятора, которая вырвала целую секцию радиаторных ячеек. Внутри все было словно изрублено тупым ножом. Вода хлестала струей.

Баффем размышлял:

— Ближайший населенный пункт — Апогей. Там радиатора не достанешь. Да и вообще раньше Клинтонна его негде сменить. Придется спать этот... Эгей! Послушайте! — Последнее восклицание относилось к водителю проезжавшего мимо дряхлого двухместного автомобиля. — Мне надо доставить эту телегу в город. Вам придется меня подтащить.

Рой Бендер между тем уже достал трос из багажника их гоночного красавца и привязывал один конец к передней оси «мэларда», а второй — к задней оси невзрачного незнакомца.

Баффем не оставлял времени на обсуждение.

— Я Дж. Т. Баффем. Веду трансконтинентальный пробег. Вот десять долларов. Мне нужна ваша машина на десять минут. Поведу я сам.— И он протиснулся на сиденье. Рой сидел за рулем «мэллерарда», и они уже въезжали в Апогей.

Из домов и лавок с криками высыпала толпа. Баффем медленно оглядел собравшихся. Потом спросил мужчину в плисовых брюках и защитной рубаше, стоявшего в дверях гаража:

— Кто у вас в городе лучший паяльщик?

— Я буду лучший. Никому не уступлю во всей Айове.

— Погодите! Вы знаете, кто я?

— Ясное дело. Вы Баффем.

— У меня радиатор разбит всмятку. Надо все спаять. Работы часов на шесть, но мне надо, чтобы было сделано за час. Вон в той скобяной лавке не найдется ли паяльщика еще получше, чем вы?

— Д-да, пожалуй, старик Фрэнк Дитерс будет и лучше моего.

— Зовите его и сами идите и принимайтесь за работу. Пусть каждый берется со своей стороны. Рой Бендер— вот он— вам все покажет.— Рой уже снимал радиатор.— Помните: один час! Поторопитесь! Заработаете кучу денег...

— Деньги тут ни при чем!

— Спасибо, старина. Ну, а я пока вздремнул бы часок. Где тут у вас можно заказать междугородный разговор? — Он зевнул.

— Через улицу, у миссис Риверс. Там потише будет, чем в гараже.

На той стороне улицы стоял дом — низкая квадратная коробка с восьмигранной башенкой на крыше. Перед домом был дворик, заросший высокой травой и старыми яблоньками-китайками. У калитки Баффем увидел невысокую строгую даму в очках и в переднике и девушку лет двадцати пяти. Он дважды посмотрел на девушку и все же не мог бы точно сказать, что отличает ее от всех остальных женщин, которые, смеясь и толкаясь, высыпали на улицу разглядывать прославленный автомобиль.

Она выделялась. А между тем она была обыкновенного роста и вовсе не такая уж красавица. Она была изящна, и черты ее были тонкими, как старая гравюра: точного рисунка, хотя и мягкий подбородок, римский нос — женственный прелестный вариант римского профиля. Но отличала ее среди всех, решил Баффем, надменная осанка. Девушка, стоявшая у калитки, смотрела невозмутимо и свысока, точно холодная далекая луна в зимнем небе.

Он перешел через улицу. Он не сразу нашелся, что сказать.

— Надеюсь, никто не пострадал? — вежливо осведомилась она.

— Да нет, нужен только небольшой ремонт.

— Почему же все как будто так взволнованы?

— Но ведь... дело в том... я ведь Дж. Т. Баффем.

— Мистер... Баффем?..

— Вы, верно, никогда и не слышали обо мне?

— А разве... я должна была слышать? — Она смотрела на него серьезно и словно сокрушалась о собственной нелюбезности.

— Да нет. Просто... те, кто интересуется автомобилями, обычно меня знают. Я гонщик. Веду пробег Сан-Франциско — Нью-Йорк.

— Вот как? Из конца в конец за... дней за десять, наверное?

— За четыре. Максимум — за пять.

— И будете через два дня на Востоке? Увидите... увидите океан?

В ее голосе прозвучала зависть и тоска, а глаза устремились вдаль. Но в следующее мгновение она уже опять была в Апогее, штат Айова, и говорила, обращаясь к большому человеку в запыленной кожаной одежде:

— Мне стыдно, что я о вас не слыхала. Дело в том... У нас ведь нет автомобиля. Надеюсь, вам быстро все починят. Не могли бы мы с мамой угостить вас стаканом молока?

— Я был бы признателен, если бы вы позволили мне позвонить по вашему телефону. Там у них так шумно...

— Разумеется! Мама, это мистер Баффем, он совершает трансконтинентальный автопробег. Ах, да, меня зовут Орилия Риверс.

Баффем неловко поклонился на обе стороны сразу. Он последовал за стройной спиной Орилли Риверс. Лопатки у нее совсем не торчали и все-таки были видны под тонкой шелковой тканью. Казалось, синий шелк жил вместе с теплым танцующим телом, которое он обтягивал. Нет, в своей наигранной степенности она оставалась очень юной.

После торопливого стука молотков и гаечных ключей, после говора любопытной толпы он вдруг почувствовал, что здесь царит покой. Кирпичи, которыми была выложена садовая дорожка, давно истерлись и стали блекло-розовыми, и на них трепетали тени сиреневых кустов. Дорожка вела к старой-престарой садовой скамье в увитой диким виноградом беседке, полной сумрака и воспоминаний о долгих, мирных, прошедших годах. В краю новеньких домов, красных кирпичных амбаров и бескрайних ослепительных полей это воспринималось как древняя волшебная старина.

А на крыльце дома лежал выбеленный временем китовый позвонок. Баффем слегка растерялся. Он так много и так быстро ездил, что должен был каждый раз подумать минутку, чтобы сообразить, где он находится: на Западе или на Востоке. Но ведь сейчас... ну да, он в Айове. Конечно! Однако китовый позвонок говорил о Новой Англии. О Новой Англии говорила и большая морская раковина, и старый стол красного дерева в просторной прихожей, и узкая ковровая дорожка, по которой мисс Риверс вела его к телефону — аппарату старинного образца, висевшему на стене. Баффем смотрел, как мисс Риверс деликатно удалилась и, пройдя прихожую, вышла через широко распахнутую заднюю дверь прямо в цветник, пестревший красными гвоздиками, аютиными глазками и петуниями.

— Междугородную, пожалуйста.

— Я здесь одна и за междугородную, и за городскую, и...

— Отлично. Говорит трансконтинентальный гонщик Баффем. Соедините меня с Детройтом, штат Мичиган, автомобильная компания «Мэллард», кабинет директора.

Он ждал десять минут. Он присел на край старомодного кресла, чувствуя себя большим, неуклюжим и

возмутительно грязным. Потом отважился встать с кресла и, стыдясь грохота собственных шагов, заглянул с порога в гостиную. В нише у окна там было устроено нечто вроде святилища. Над подлинным допотопно старинным диваном, обитым рогожкой из настоящего конского волоса, висели на стене три картины. В центре был довольно приличный портрет маслом, изображавший типичного жителя Новой Англии в 50-х годах прошлого века — бакенбарды, суровое ровное чело, римский нос, строгий треугольник белой манишки. Справа от портрета висела акварель: на фоне серого песка, синего моря и рыбацкой лодки на берегу — дом с белыми дверьми, узкими карнизами и невысокими окошками. На стене примыкающего к дому сарая видна прибитая доска с корабельным названием — «Пеннинский Воробей». Слева же была увеличенная фотография человека с таким же римским носом, как у Новоанглийского патриарха, но только лицо было безвольное и надменное — красивое лицо пожилого щеголя, пенсне на вычурно широкой ленте, шевелюра, должно быть, серебристая и, вероятно, густой смуглый румянец на щеках.

К дивану был придвинут мраморный столик, а на нем стоял букетик душистого горошка.

В это время ответил Детройт, и Баффема соединили с президентом автомобильной компании «Мэллард», который вот уже два дня и две ночи следил за его головокружительным полетом не отходя от телеграфного аппарата.

— Алло, шеф! Говорит Баффем. Вышла заминка, примерно на час. Апогей, штат Айова. Думаю, сумею наверстать. Но на всякий случай передвиньте график для Иллинойса и Индианы. Что? Течь в радиаторе. Пока!

Он выяснил, на какую сумму наговорил, и вышел в сад. Правда, ему следовало торопиться, чтобы успеть поспать перед выездом, но он все-таки хотел еще раз увидеть Ориллию Риверс и унести с собой память о ее сдержанной решительности. Она шла ему навстречу. Он покорно последовал за ней обратно через прихожую и на парадное крыльцо. Здесь он ее остановил. Он еще успеет до Нью-Йорка насмотреться на Роя Бендера и на свой автомобиль.

— Пожалуйста, присядем на минутку и расскажите мне...

— О чем?

— Ну, о здешних местах и о... Да, кстати, я должен вам за телефонный разговор.

— О, прошу вас, это такая мелочь!

— Вовсе не мелочь. Два доллара девяносто пять центов.

— За один телефонный разговор?

Он вложил деньги ей в руку. Она села на ступеньку, и он осторожно опустил свое крупное тело рядом с нею. И вдруг она сверкнула на него глазами.

— О, вы меня в бешенство приводите! Вы делаете все то, о чем я всегда мечтала, — покрываете огромные расстояния, распоряжаетесь людьми, имеете власть. Я думаю, это во мне говорит кровь старых капитанов.

— Мисс Риверс, я заметил у вас в доме портрет. Мне показалось, что он и старый диван образуют там нечто вроде святилища. И эти свежие цветы...

Она чуть подняла брови. Потом ответила:

— Это и есть святилище. Но вы первый, кто об этом догадался. Как?..

— Не знаю. Вероятно, это потому, что еще дня два назад я проезжал мимо старых миссий в Калифорнии. Расскажите мне о тех, кто изображен на портретах.

— Но вам же не... О, когда-нибудь в другой раз, может быть.

— В другой раз? Послушайте, дитя. Вы, наверное, не представляете себе, что через сорок минут я вылечу отсюда со скоростью семьдесят миль в час. Вообразите, что мы уже встречались — где-нибудь в банке или на почте и наконец через полгода я нанес вам визит и беседовал с вашей матушкой о маргаритках. Вот и прекрасно. Все это уже позади. А теперь скажите мне, кто вы, Ориллия Риверс? Кто и что, как, почему и когда?

Она улыбнулась. Кивнула. Рассказала.

Теперь она работает учительницей в школе, но когда был жив отец... там, на увеличенной фотографии, изображен ее отец, Брэдли Риверс, первый адвокат в Апогее. Он приехал с Кейп-Кода совсем молодым. Человек с бакенбардами, что на среднем портрете,—

это ее дед, капитан Зенас Риверс из Вест-Харлпула, мыс Кейп-Код, а дом на акварели — это фамильный особняк Риверсов, где родился и вырос ее отец.

— А вы сами бывали на Кейп-Коде? — поинтересовался Баффем. — Сдается мне, я проезжал через Харлпул. Но в памяти ничего не осталось — только белые дома и молельня с гигантским шпилем.

— Я всю жизнь мечтала побывать в Харлпуле. Отец один раз туда заезжал, когда ему надо было по делам в Бостон. Тогда-то он и привез портрет деда, и изображение старого дома, ну, и мебель, и все это... Он говорил, что ему больно было видеть перемены в родном городе, и больше ни за что не хотел туда ехать. А потом... он умер. Я коплю деньги для поездки на Восток. Я, разумеется, сторонница демократии, но в то же время я убеждена, что такие семьи, как мы, Риверсы, обязаны подавать миру положительный пример. И я хочу разыскать там родных. Людей нашей крови!

— Может быть, вы и правы. Сам-то я из простых. Но у вас это в лице. Сразу видно. Как и у вашего деда. Право, жаль, что... Ну, да ладно.

— Что вы! Вы аристократ. Вы делаете такое, чего не смеют делать другие. Пока вы звонили по телефону, я видела директора нашей школы, и он сказал, что вы... как это?.. викинг и вообще...

— Стойте! Перестаньте! Минутку! Разные личности, особенно в газетах, восхваляют меня до небес только за то, что я умею быстро ездить. А мне бы нужен кто-нибудь вроде вас, чтобы показывал мне, что я за дубина.

Она посмотрела на него задумчиво своими ясными глазами.

— Боюсь, здесь, в Апогее, молодые люди находят, что я сужу слишком строго.

— Понятное дело! Потому-то они дальше Апогея и не идут. — Баффем заглянул в самую глубину ее глаз. — Знаете, по-моему, между нами есть сходство в одном: ни вам, ни мне не по нутру прозябание. Большинство людей никогда не задумывается над тем, почему они живут на свете. Мечтают: вот уж, если бы да кабы, когда-нибудь, хорошо бы поднатужиться да поднапружиться — и, глядишь, они уже отдали богу

душу. Но вы и я... Мне кажется, будто я с вами знаком давным-давно. Вы будете вспоминать обо мне?

— Конечно. Здесь, в Апогее, не так-то много таких, кто несется со скоростью семьдесят миль в час.

У калитки появился Рой Бендер.

— Эй, босс! Через две минуты кончаем! — прогудел он.

Баффем, вскочив, натягивал кожаную куртку и шоферские перчатки. И говорил. А она не сводила с него серьезного взгляда. Голос его звучал настойчиво.

— Мне пора. Еще через сутки начнет сказываться напряжение. Думайте обо мне тогда, хорошо? Пошлите мне вдогонку добрые мысли.

— Хорошо, — ответила она спокойно.

Он сдернул огромную перчатку. Ее рука казалась хрупкой на его ладони. В следующее мгновение он шагал к калитке и вот уже садился в машину, бросив Рою через плечо:

— Все проверили — бензин, батареи?

— А как же. Все сделано, — ответил механик из гаража. — А вы передохнули малость?

— Да. Посидел в холодке, развеялся немного.

— Вы, я видел, разговаривали с Ориллией Риверс...

— Ладно, ладно, — перебил Рой Бендер. — Давайте, босс, стартуем.

Но Баффем выслушал механика до конца.

— Наша Ориллия — девушка, каких мало. Умница. И настоящая барышня. А ведь родилась и выросла здесь, у нас на глазах.

— А как, бишь, его, жениха вашей мисс Риверс? — рискнул Баффем.

— Да надо думать, она выйдет за преподобного Доусона. Старая сушеная вобла, этот Доусон, но родом с Востока. В один прекрасный день станет ей невестой учительствовать, тут-то он ее и зацапает. Как говорится, со свадьбой спешить — в Рино каяться.

— Это верно. Расплатились, Рой? Ну, счастливо.

Баффем уехал. Через пять минут его уже отделяли от Апогея шесть и три четверти мили. Мысли его были лишь об одном — наверстать упущенное время; перед глазами стояла только стрелка спидометра да стреми-

тельно неслась навстречу ленте дороги. Вскоре после того, как стемнело, он буркнул Рою:

— Берите руль. Поведете. Я вздремну немного.

И действительно вздремнул, проспал ровно час, потом, просыпаясь, потер, как сонный ребенок, глаза кулаками, покосился на спидометр и положил ладонь на руль, бросив Рою:

— Ладно, хорош. Подвиньтесь.

К рассвету не существовало уже больше ничего, кроме стремления на предельной скорости вперед. Землю заслонила сплошная стена воя и скорости. Ничто человеческое не пробудилось в нем даже тогда, когда он, побив рекорд, с триумфом вылетел на Коламбус-Серкл.

Прежде всего он пошел и лег спать и проспал двадцать шесть с четвертью часов, потом присутствовал на устроенном в его честь обеде, где произнес речь, на редкость несвязную, так как сам все время думал о том, что через восемь дней ему надо быть в Сан-Франциско. Оттуда он отбывал в Японию, где должен был принять участие в гонках вдоль побережья острова Хондо. Прежде чем он возвратится, Ориллия Риверс уже, конечно, выйдет замуж за своего преподобного мистера Доусона и отправится в свадебное путешествие на мыс Кейп-Код. И большие, сильные мужчины с измазанными машинным маслом лицами будут внушать ей только отвращение.

На поездку туда и обратно уйдет один день. Машиной до Кейп-Кода быстрее, чем поездом. А по дороге на Сан-Франциско у него будет еще один час для разговора с Ориллией. Он произведет на нее большее впечатление, если сможет потолковать с нею о родине ее предков. Можно будет показать ей снимки, привезти ей какое-нибудь кресло из фамильного особняка.

На Морской улице Вест-Харлпула он увидел дом, в точности такой, как на картине у Орилли, — и дощечка с названием потонувшего корабля — «Пеннинский Воробей» — была прибита к стене сарая. Проехав чуть дальше по улице, он прочитал вывеску над лавочкой: «Гайус Бирс. Продажа всевозможных товаров — остроги, мельницы, сувениры». На пороге лавочки возился какой-то человек. Баффем зашагал прямо к нему и, приблизившись, увидел, что человек очень стар.

— Доброе утро. Это вы — капитан Бирс? — спросил Баффем.

— Самый я и есть.

— Не скажете ли, капитан, кто теперь живет в доме Риверсов?

— В котором, вы говорите, доме?

— У Риверсов. Вон через дорогу.

— А, в этом? А это дом Кендриков.

— Но ведь его построил Риверс?

— Вот и нет. Капитан Сефас, вот кто его построил. И всегда в нем жили Кендрики. Теперешнего владельца зовут Уильям Дин Кендрик. Сам он в Бостоне, по шерстяному делу, но семья приезжает сюда, почитай, каждое лето. Уж кому и знать, как не мне. Кендрики со мной в родстве.

— Но... где же тогда жили Риверсы?

— Риверсы? А-а, они-то? Вы, стало быть, с Запада приехали? Думаете провести здесь лето?

— Нет. Почему вы решили, что я с Запада?

— Да Риверс на Запад переселился, Брэдли Риверс. Вы-то про него, что ли, спрашивали?

— Да.

— Приятель вам будет?

— Нет. Просто слышал о нем.

— Ну тогда я вам вот что скажу: никаких Риверсов никогда и не было.

— То есть, как это?

— Отец этого самого Брэдли Риверса называл себя Зенас Риверс. Да только настоящее-то имя ему было Фернао Рибейро, и был он всего-навсего португалец-матрос. И добром он не кончил, хоть и знал толк в промысле. Но как запьет, то уж не дай бог, себя не помнил. Он грабил затонувшие корабли. А сюда он приехал с островов Зеленого Мыса.

— Я так понял, что предки этого Брэдли Риверса были самые что ни на есть аристократы и прибыли сюда на «Мэйфлауэре».

— Может, и так, может, и так. Аристократы по части как бы нализиться ямайского рома. Но они не на «Мэйфлауэре» приехали. Зенас Риверс пришел сюда на бриге «Дженни Б. Смит».

— Но, значит, Зенас до Кендриков владел этим домом?

— Это он-то? Да если он или Брэд и переступали когда порог Кендрикова дома, то разве, чтобы дров охапку принести или раков на продажу.

— А какой он был с виду, этот Зенас?

— Да такой плотный из себя, смуглый — одно слово, португалец.

— А нос у него был с горбинкой?

— У него нос с горбинкой? Что твоя слива у него был нос.

— Но ведь у Брэдли был римский профиль. Откуда же у Брэдли взялся нос с горбинкой?

— От мамаша. Мамаша у него янки, только их семья совсем была никудышная, вот она и вышла за Зенаса. Брэд Риверс всю жизнь был отпетый враль. Лет семь-восемь назад он здесь вдруг объявился, так он тогда хвастал, будто стал первым богачом в Канзасе, или в Милуоки он говорил, не помню.

— Не знаете, он покупал здесь картину дома Кендриков?

— Вроде бы покупал. Он подрядил одного живописца нарисовать Кендриков дом. И купил кое-что у меня в лавке — старый диван и портрет покойного капитана Гулда, что оставила здесь Мэй Гулд.

— А этот капитан Гулд... у него нос с горбинкой? Лицо такое суровое, с бакенбардами?

— Он, он. Что же вам про него Брэд нарасказал, а?

— Ничего, — вздохнул Баффем. — Так, значит, Риверс был самый обыкновенный простолюдин вроде меня?

— Брэд Риверс? Простолюдин? Он у Зенаса, правда, учился года два в Тэнтоне, но все равно, его здесь на задворках у Кендриков, или у Бирсов, или Доунов всякая собака знает, привыкли. Да вы спросите хоть кого из старожил, вам всякий скажет.

— Спрошу. Спасибо вам.

Он шел по единственной улице Апогея в густом облаке пыли — ничем не примечательный высокий господин в котелке.

В его распоряжении была всего пятьдесят одна минута до возвращения местного поезда Апогейской ветки, который должен был доставить его на ближайшую узловую станцию для пересадки в Западный экспресс.

Он позвонил; он постучал кулаком в парадное; он обошел дом кругом, и здесь застал матушку Орилли за стиркой салфеток. Она поглядела на него поверх очков и гордо осведомилась:

— Что вам угодно?

— Вы не помните меня? Я проезжал здесь недавно в гоночном автомобиле. Могу ли я видеть мисс Риверс?

— Нет. Она в школе. На уроках.

— А когда вернется? Сейчас четыре.

— Возможно, что прямо сию минуту, а возможно, что и до шести задержится.

Его поезд отходил в 4.49. Он ждал на ступеньках парадного крыльца. Было уже 4.21, когда в калитку вошла Орилли Риверс. Он бросился к ней навстречу, держа часы в руках, и, прежде чем она успела промолвить слово, выпалил одним духом:

— Узнаете меня? И прекрасно. У меня неполных двадцать восемь минут. Должен поспеть на поезд в Сан-Франциско, пароходом в Японию, оттуда, возможно, в Индию. Рады мне? Пожалуйста, не будьте мисс Риверс, будьте просто Ориллией. Осталось двадцать семь с половиной минут. Скажите, вы рады?

— Д-д-да.

— Думали обо мне?

— Конечно.

— А вам хотелось, чтобы я когда-нибудь опять проехал через ваши места?

— Какой вы самонадеянный!

— Нет, я просто очень тороплюсь. У меня осталось всего двадцать семь минут. Вам хотелось, чтобы я вернулся? Ну, пожалуйста, скажите! Разве вы не слышите свисток парохода, уходящего в Японию? Он зовет нас.

— В Японию!

— Хотите посмотреть Японию?

— Очень!

— Поедьте со мной! Я распоряжусь, чтобы в поезде нас встретил пастор. Можете позвонить в Детройт и навести обо мне справки. Соглашайтесь! Скорее! Будьте моей женой! Осталось двадцать шесть с половиной минут.

В ответ она смогла только прошептать:

— Нет! Мне нельзя об этом даже думать. Это так заманчиво! Но мама никогда не согласится.

— При чем тут ваша мама?

— Как при чем? В таких семьях, как наша, судьба одного человека — ничто, важна и священна судьба рода. Я должна помнить о Брэдли Риверсе, о старом Зенасе, о сотнях славных пионеров-янки, возводивших нечто величественное, по сравнению с чем не имеет значения счастье отдельного человека. Дело в том, что...¹ *Noblesse oblige*!

Мог ли он, не пощадив этой страстной веры, сказать ей правду? Он выпалил:

— Но вы бы хотели? Ориллия! Осталось ровно двадцать пять минут.—Он сунул часы в карман.—Слушайте. Я должен поцеловать вас. Я уезжаю отсюда за семь тысяч миль, и я этого не вынесу, если... Я сейчас вас поцелую вон там в беседке.

Он ухватил ее под руку и увлек по дорожке.

Она слабо сопротивлялась: «Нет, нет, о пожалуйста, не надо!» — пока он не смёл ее слова поцелуем, и в поцелуе она забыла все, что только что говорила, и прильнула к нему с мольбой:

— О, не уезжайте! Не оставляйте меня тут, в этой мертвой деревне. Оставайтесь, поезжайте следующим пароходом! Уговорите маму...

— Я должен ехать этим пароходом. Меня ждут там: будут большие гонки. Поедем со мной!

— Без... без вещей?

— Купим все по дороге, в Сан-Франциско!

— Нет, не могу. Я должна подумать и о других, не только о маме.

— О мистере Доусоне? Неужели он вам нравится?

— Он очень деликатен и внимателен, и он такой образованный человек! Мама хочет, чтобы мистер Доусон

¹ Положение обязывает (франц.).

получил приход на Кейп-Коде, и тогда, она думает, я могла бы возобновить прежние связи нашей семьи и стать настоящей Риверс. Сделавшись миссис Доусон, я, может быть, разыскала бы наш старый дом и...

Ее прервали его руки, легшие ей на плечи, его глаза, смотревшие прямо в ее глаза с горькой прямоотой.

— Неужели вам не надоедают предки? — воскликнул он.

— Никогда! Хороша я или дурна, у меня славные предки. Однажды во время мятежа на клиппере, которым командовал Зенас Риверс, он...

— Дорогая, никакого Зенаса Риверса не было. Был только иммигрант-португалец по имени Рибейро, Фернао Рибейро. На портрете у вас в доме изображен некий капитан Гулд.

Она отпрянула. Но он продолжал говорить, стараясь взглядом и голосом выразить свою нежность:

— Старик Зенас был низкорослый смуглый толстяк. Он грабил затонувшие суда и был не слишком-то приятной личностью. Первый настоящий аристократ в вашем роду — это вы!

— Подождите! Значит... значит, это все неправда? А дом, фамильный дом Риверсов?

— Нету дома. Дом, который у вас на картине, принадлежит и всегда принадлежал Кендрикам. Я сейчас прямо с Кейп-Коде, и там я выяснил...

— Все неправда? Ни слова правды во всей истории Риверсов?

— Ни слова. Я не хотел вам говорить. Если не верите, можете написать туда.

— О погодите! Одну минуту.

Она отвернулась и посмотрела вправо, туда, где в конце улицы, как припомнил Баффем, был небольшой холм и на склоне — кладбище.

— Бедный отец! — прошептала она. — Я так... я так любила его, но я знаю, он часто говорил неправду. Но только безобидную неправду. Он просто хотел, чтобы мы им гордились. Мистер... как ваша фамилия?

— Баффем.

— Идемте.

Она быстрыми шагами повела его в дом, в комнату с боготворимыми портретами. Она посмотрела на «Зена-

са Риверса», потом на «изображение дома Риверсов». Она погладила застекленную фотографию отца, сдула с пальцев пыль, вздохнула: «Здесь такой затхлый воздух, так душно!» — и, подбежав к старому красного дерева комоду, выдвинула ящик и вынула лист пергамента. На нем, как успел разглядеть Баффем, был вычерчен фамильный герб. Она взяла карандаш и на обороте пергамента нарисовала крылатый автомобиль. Потом протянула рисунок ему и воскликнула:

— Вот герб будущего рода, эмблема новой аристократии, аристократии, которая умеет работать!

И он с веселой торжественностью провозгласил:

— Мисс Риверс, не согласитесь ли вы выйти за меня замуж где-нибудь на полпути отсюда в Калифорнию?

— Да. — Он поцеловал ее. — Если вы сумеете... — Она поцеловала его. — ...убедить маму. У нее здесь есть знакомства и есть немного денег. Она сможет прожить и без меня. Но она верит в аристократический миф.

— Можно мне солгать ей?

— Ну, один раз, пожалуй.

— Я объявлю ей, что моя мать — урожденная Кендрик из Харлпула, и она увидит, что я страшно важный, только очень тороплюсь. А торопиться надо. У нас всего тринадцать минут!

Из прихожей донесся недовольный голос миссис Риверс:

— Ориллия!

— Д-да, мама?

— Если ты и этот господин хотите поспеть на поезд, вам пора.

— К-как?.. — только и могла произнести Ориллия. Потом бросила Баффему: — Я сейчас, сбегая уложу чемодан!

— Все уже уложено, Ориллия. Как только я снова увидела здесь этого субъекта, я сразу поняла, что придется спешить. Но, по-моему, вам следовало бы перед уходом сообщить мне имя моего будущего зятя. У вас осталось всего одиннадцать минут. Торопитесь! Скорее! Скорее!

КОТЕНОК И ЗВЕЗДЫ

Жертвы на сегодняшний день исчисляются в три тысячи двести девяносто человек, и с каждой новой телеграммой из Сан-Колоквина цифра эта растет, но пока еще не установлено, кто же был всему первопричиной: кондуктор ли трамвайного вагона № 22, или миссис Симми Долсон с ее толстокожим эгоизмом, или же Уиллис Стоудпорт, который погладил рыжего котенка с мутными молочными глазами.

Поступок Уиллиса Стоудпорта был лицемерным. Уиллис целый день гонял в салочки, вследствие чего был голоден и стремился заслужить милость своей мамы, демонстрируя хорошее отношение к нашему бессловесному другу. В действительности он вовсе не жаждал хорошо относиться к бессловесному другу. Жаждал он коржиков. Отношение же его к котенку, которого звали Адольфус Джозефус Черномордик, было настолько неуважительным, что он потом уволок его в кухню и там попробовал опытным путем установить, можно ли утопить его в раковине, если посильнее отвернуть кран.

Но таково уж удивительно тонкое равновесие вещей в природе, где легчайший вздох спящего земного младенца оказывает воздействие на вращение солнц на расстоянии в десять миллионов световых лет, что ласка, выпавшая Адольфусу Джозефусу Черномордику, поло-

жила начало целой цепи бедственных событий, которые теперь до бесконечности будут сказываться на судьбах одной далекой звезды за другой. Смерть Наполеона на Святой Елене побудила двух-трех стариков почесать затылки и погрузиться в воспоминания. Падение Карфагена дало дешевый кирпич строителям нищих лачуг. Лицемерный же поступок Уиллиса Стоудпорта изменил ход истории.

Миссис Симми Долсон как раз была с визитом у матери помянутой космически зловещей фигуры по имени Уиллис Стоудпорт, впрочем, вполне обыкновенного белобрысого мальчишки, проживающего на Среднем Западе в городе Верноне по Скримминс-стрит. Почтенные матроны обсудили цены на масло, грехи новенькой кудрявой учительницы из семнадцатой школы и эти дурацкие новомодные идеи насчет воспитания. Миссис Долсон прислушивалась к проходящим трамваям, потому что Окдейлский трамвай ходит с перерывом в восемнадцать минут и если она пропустит следующий, то не успеет дома приготовить ужин. Но как раз в ту минуту, когда она, услышав трамвай, схватилась за шляпку, в комнату бочком вошел юный Уиллис, наклонился и погладил дремлющего Адольфуса Джозефуса Черномордика.

Вонзая в голову шляпную булавку, миссис Долсон умильно простионала:

— Боже, что за милый ребенок! Ну разве не прелесть?!

Мамаша Уиллиса сразу забыла, что собиралась поговорить с ним о пропаже медной шишечки с крышки мучного лая. Она просияла и грудным голосом спросила своего отпрыска:

— Ты любишь киску, детка?

— Да, я люблю нашу киску; можно мне взять коржик? — поспешно ввернул юный Макиавелли, и Альдебаран, алая звезда, затрепетал в предчувствии беды.

— Ну разве не прелесть? — повторила миссис Долсон, потом спохватилась, что трамвай не ждет, и вприпрыжку умчалась.

Однако созерцание добродетели так задержало ее, что когда она достигла угла, Окдейлский трамвай уже

тронулся и как раз проезжал мимо. Он был битком набит усталыми конторщиками, жаждащими вырваться на волю в Вернонские пригороды, но миссис Симми Долсон принадлежала к тому типу толстых, румяных эгоистов, которые весь город заставят томиться в ожидании, если им нужно купить конопля для любимой канарейки. Она отчаянно замахала руками и притворилась, будто бежит во весь дух.

Кондуктор вагона № 22 был добрый человек, отец семейства, он дал звонок и остановил трамвай за полквартила от угла. Пренебрегая сердитым рычанием семидесяти пассажиров, он продержал там вагон, пока пыхтящая миссис Долсон не поднялась на подножку, и тем самым отстал от графика на две минуты. Этого было вполне достаточно, чтобы они не успели к стрелке у Севен-корнерс и должны были пропустить три других трамвая.

Теперь вагон № 22 опаздывал уже на три и три четверти минуты.

Следующей ступенью в трагедии был мистер Эндрю Дископалос, известный владелец парикмахерской «Денди». Мистер Дископалос дожидался этого же Окдейлского трамвая. Он обещал жене быть к ужину дома, но в глубине своей вакхической души мечтал сбежать в заведение Барни и провести вечерок за покером. Он прождал одну минуту, сохраняя высокие моральные принципы и твердое намерение воздерживаться от азартных игр. Он прождал вторую минуту и начал сознавать, какой он, в сущности, мученик и страдалец. Окдейлский трамвай не придет никогда. Пешком, что ли, домой тащиться? Ей-богу, жена слишком уж многого от него хочет! Он прождал третью минуту, и перед ним в розовых и золотистых тонах предстала картина покера у Барни.

За семь секунд до того, как опаздывающий Окдейлский трамвай выехал из-за угла, мистер Дископалос сдался и с виду степенно, а в душе ликуя, устремился по переулку в заведение Барни. По пути он заглянул в «Южное Кафе» и перехватил там сэндвич и чашечку кофе. Потом в табачной лавке он кинул кости и выиграл три сигары — лишнее доказательство того, как он был прав, что не пошел домой. К Барни

он явился в половине восьмого, а ушел от Барни в половине второго утра и, уходя, выказал резко пониженное чувство направления и резко повышенную возбудимость, чему причиной была кварта водки, которую он купил, чтобы отпраздновать выигрыш в четыре доллара.

Под мутным невеселым оком осенней луны плелся домой мистер Дискополос. Уиллис Стоудпорт, и миссис Симми Долсон, и кондуктор трамвайного вагона № 22 давно уже спали. Даже негодный Адольфус Джозефус Черномордик, насладившись доброй дракой на помойке у Смитов, почил невинным сном в мягких складках половой тряпки на заднем крыльце, где всего меньше была опасность, что его побеспокоят мыши. Один только мистер Дискополос не спал, он нес дальше горящий факел бедствий; и на одной из планет, обращающихся вокруг отдаленного солнца под названием Прозидон, произошли потопаы и землетрясения.

Когда наутро мистер Дискополос очнулся от сна, в глазах у него были резь и туман. Перед тем, как отправиться в свою парикмахерскую, он налил себе на три пальца «утешительной», которая привела его в столь прекрасное расположение духа, что он долго стоял на углу, покачиваясь и улыбаясь во весь рот. Обычно он очень гордился своим мастерством, но сейчас все соображения высокого искусства отступили перед неодолимой жаждой приключений. Взглядом знатока он отметил удивительную стрижку какого-то детины, болтавшегося без дела у дверей аптеки: на висках и на затылке волосы у него были сняты вовсе и только на макушке стояли высоким гребешком. «Обкорнать бы кого-нибудь таким манером — то-то смеху будет!» — весело подумал мистер Дискополос.

Последний год он в рот не брал спиртного до обеда и даже поползновения такого не испытывал. А насмешница-судьба уже послала ему навстречу следующую жертву — мистера Палмера Мак-Ги, в руки которого и перешел горящий факел бедствий.

Палмер Мак-Ги был один из самых многообещающих молодых людей в Верноне. Он жил в номере Университетского клуба, имел два вечерних костюма и работал помощником управляющего Малой Среднезападной же-

лезной дороги. Он окончил технический колледж, говорил по-испански и тонко разбирался в делах, и его манеры за столом были столь же безупречны, как и его сведения о товаро-пассажирских перевозках.

Тот день был днем его торжества. После продолжительной переписки он только что получил телеграмму из Нью-Йорка, куда его приглашали для переговоров с президентом и директорами компании «Южное Цитрусовое пароходство», — речь шла о месте управляющего Буэнос-Айресским отделением. Он за десять минут сложил чемодан. До отхода поезда оставалось еще около часа, а езды до вокзала было от силы двадцать минут. Он не стал брать такси, а бодро двинулся пешком на Селден-стрит, где была остановка трамвая.

Чуть не доходя до угла, он заметил вывеску мистера Дискополоса и вспомнил, что ему не мешало бы постричься. В Нью-Йорке он вряд ли успеет зайти в парикмахерскую до встречи с директорами пароходства. Салон мистера Дискополоса был залит ярким светом, и сам он за витриной в своем белоснежном халате казался таким чистеньким и симпатичным.

Палмер Мак-Ги нырнул в дверь, пропел: «Подровнять, слегка!» — и, зачарованный воздушными прикосновениями длинных пальцев мистера Дискополоса, смежил веки и погрузился в мечты о будущем.

Но примерно в середине работы утренняя «утешительная» дала себя знать: она подтолкнула мистера Дискополоса под руку и затуманила его взор, и в результате он простриг поперек прилизанного затылка мистера Мак-Ги непоправимо глубокую борозду. Мистер Дискополос вздохнул и бросил взгляд на свою жертву: замечена ли его оплошность? Но Мак-Ги сидел с закрытыми глазами и разинутым ртом, в мечтах своих властелин океанских пароходных линий, бог цейлонских плантаторов и обитателей безмолвных северных лесов.

Тут мистер Дискополос вспомнил давешнего зеваку с мудреной стрижкой и решил воспроизвести эту модель. Он удачно скрыл свой промах, безжалостно оголив Палмеру Мак-Ги весь затылок. И теперь эта некогда безукоризненная шея торчала голая и нелепая, как у страуса.

Но, будучи артистом своего дела, мистер Дискосполос должен был сохранить симметрию — выдержать ритм, — и соответственно он обкорнал Мак-Ги спереди, выстриг ему виски и обнажил его корректные университетские уши.

Когда эксперимент был завершен, мистер Мак-Ги имел вид облысевшего юнца с маленьким паричком на макушке. Или вороньего гнезда на шесте. Или жертвы высококвалифицированного сдирателя скальпов. Таким по крайней мере увидел он себя в большом зеркале, когда открыл глаза.

Он воззвал к нескольким божествам; он объявил, что жаждет разорвать мистера Дискосполоса на части. Но для этого милосердного дела у него уже не оставалось времени. Ему нужно было спешить на поезд. Он сунул свою изуродованную голову в такси и всю дорогу чувствовал, что шофер посмеивается над его дурацкой стрижкой.

А обруганный, оставшийся без чаевых мистер Дискосполос пробурчал ему вслед: «Ну, я снял немного чересчур, экая беда! Через две недели он снова будет в лучшем виде. Каких-то две недели, подумаешь! Выпьюка я, что ли».

На этом мистер Дискосполос вслед за Уиллисом Стоудпортом, Адольфусом Джозефусом, миссис Долсон и мягкосердечным кондуктором трамвайного вагона № 22 сошел со сцены во тьму безвестности, — как и они, не подозревая о своей роли в развитии трагедии, — а тем временем Палмер Мак-Ги ехал в пульмановском вагоне и жестоко страдал.

Ему чудилось, что все — от проводника вагона до лоснящейся шелками девицы через проход — потешались над его небывалой прической. В представлении мистера Мак-Ги необычный воротничок, пробор в волосах или оборот речи были хуже убийства. Он всю жизнь старательно натаскивал себя на стандарт во всем. Так, например, существовали только три марки виски, которыми мог упиться порядочный человек. В управлении Малой Среднезападной железной дороги не было более основательного молодого сотрудника, чем мистер Мак-Ги. А до этого он был с кем нужно так корректно любезен, курил, как и следовало, такую внушительную трубку и с

таким восхищением рассуждал о спорте, что сумел у себя в Йельском университете попасть в члены избранных студенческих обществ и на третьем и на четвертом курсах. В жизни он не сталкивался ни с чем таким, что научило бы его стойко переносить позор нестандартной прически.

Поезд неумолимо влек его к Нью-Йорку, и время от времени мистер Мак-Ги набирался храбрости и начинал верить, что его голова острижена не так уж безобразно. С видом непринужденного достоинства он направлялся в курительное отделение и, удостоверившись, что он один, сразу же подсакивал к зеркалу. Но всякий раз он с ужасом убеждался, что выглядит еще нелепее, чем ему представлялось.

Ни днем — делая попытки читать, или любоваться пейзажем, или же стараясь произвести впечатление на пассажиров в курительном отделении, ни ночью — раскачиваясь в своем узком гамаке, он не мог думать ни о чем другом. Он прочитал только один абзац из объемистой книги, какие возят с собой все пассажиры пульмановских вагонов в надежде, что от нечего делать поневоле должны будут дочитать ее до конца. Мнительность его росла. Всякий раз как слышался чей-нибудь смех, он был уверен, что смеются над ним, а смущенный вид, с каким он спешил отводить глаза, встречая рассеянные взгляды соседей, только привлекал к нему эти взгляды.

Великолепная самоуверенность, которая всегда скрывала от мистера Мак-Ги его собственные маленькие слабости и помогла ему возвыситься до поста помощника управляющего железной дороги, теперь была сорвана с него; он начал сомневаться в себе и почувствовал, что и другие могут в нем усомниться. И когда он наконец тащился по туннелю Нью-Йоркского вокзала, мучительно пытаясь по лицам носильщиков определить, так же ли он смешон в глазах ньюйоркцев, как был смешон в глазах своих соседей по вагону, ему подумалось, что, может быть, лучше вернуться в Вернон, а директорам пароходства послать телеграмму о том, что он заболел.

Значение этой своей поездки в Нью-Йорк он не преувеличивал. Директора компании «Южное Цитрусовое

пароходство» действительно ждали его. Он был им нужен.

Интересно, с точки зрения экономико-психологической, что в мире всегда имеется почти столько же крупных работодателей, мечтающих платить десятки тысяч долларов в год положительным молодым людям, сколько и положительных молодых людей, мечтающих получать хотя бы тысячу долларов в год. Президент «Южной Цитрусовой», патриарх Южно-Американских Вест-Индских пароходных линий, почтенный господин с брюшком и носиком-пуговкой, уже полгода лежал в больнице после перитонита. С одра болезни он в общих чертах направлял деятельность компании. Поначалу все шло хорошо, старые служащие работали по-заведенному. Но теперь наступил критический момент. Компания должна была либо расшириться, либо погибнуть.

Пароходство «Зеленое Перо», обескровленное судебными тяжбами, выразило готовность продать все свои суда «Южной Цитрусовой», которая в этом случае могла бы удвоить свои обороты. Если же суда эти перекупила бы какая-нибудь другая компания, то при сильно возросшей конкуренции над «Южной Цитрусовой» нависала угроза краха.

«Южная Цитрусовая» располагала пятимесячным льготным сроком. К исходу этого времени здесь надеялись найти человека, который послужил бы связующим звеном между мозгом больного президента и телом правления, и считалось, что в лице Палмера Мак-Ги такой человек был найден.

Мак-Ги и не подозревал, как пристально за ним наблюдали. Он в глаза не видел никого из директоров или ответственных сотрудников правления «Южной Цитрусовой», и их переписка с ним велась в самых вежливых, но сдержанных тонах. Но в Верноне незадолго перед тем появились два крайне любознательных и крайне учтивых джентльмена, которые были на самом деле тайными агентами финансово-кредитного информационного бюро «Титаник». И этим двум господам стало известно о Мак-Ги решительно все, начиная с того, сколько рюмок он выпивает в клубе за день, и кончая тем, как велик его банковский счет и с каким

выражением на лице он выслушивает анекдоты основных перевозчиков по Малой Среднезападной железной дороге.

Боссы «Южной Цитрусовой» были убеждены, что нашли того, кто им нужен. Мак-Ги предполагалось на править на работу в Буэнос-Айрес, но только для испытания. И если окажется, что они в нем не обманулись, его через три месяца должны были вернуть в Нью-Йорк уже в должности вице-президента на жалованье, почти в четыре раза превосходящем то, что он получал в Верноне. В этой крайности они проявляли щедрость отчаяния.

Встреча с Мак-Ги должна была состояться у президента в больнице в 4.30; поезд прибыл в Нью-Йорк в три часа пятнадцать минут.

Мак-Ги поехал в гостиницу и сидел там, съездившийся, перепуганный, разглядывая себя в зеркале на туалетном столе. Ему казалось, что с каждой минутой он все заметнее превращается в грубого, угловатого, неотесанного простофилю.

Он позвонил в больницу; его соединили с президентом.

— Э... это Мак-Ги говорит. Я сейчас приеду,— пролепетал он.

— Гм! Жидковат он как-то в разговоре. Не слышно особой уверенности в себе,— недовольно сообщил президент своему старому другу, председателю правления.— Подымите меня повыше на подушках, Билли. Его надо как следует прощупать. Здесь шутить не приходится.

Нота сомнения в голосе президента, как микроб, немедленно заразила председателя.

— Какая досада! Эти люди из «Титаника» утверждали, что он просто находка. Но, конечно... если...

К тому моменту, когда Палмер Мак-Ги предстал перед лицом президента, первого вице-президента и комитета в составе четырех директоров, трое из шести присутствующих уже перешли от нетерпеливого радушия к каменному недоверию. Он почувствовал это недоверие. Но про себя рассудил так:

«Они думают, что раз у меня такая стрижка, значит, я полный болван. Думают, что я всегда так

стригусь. Но объяснить им я не могу. Я и виду не должен подать, что понимаю, в чем дело,—нельзя, чтобы они знали, как меня облапошил и оболванил пьяный цирюльник».

Он так поглощен был этими душераздирающими мыслями, что прослушал резко брошенный вопрос президента:

— Мак-Ги, каково ваше мнение о перспективах спроса на австралийскую пшеницу при нынешнем урожае в Аргентине?

— Я... э... э... я не совсем вас понял, сэр,— жалобно отозвался Мак-Ги — несчастная жертва котенка и дрожащих планет.

Президент подумал: «Ну, уж если он такой вопиюще простой вопрос не уразумел... Может быть, все-таки первый вице-президент справится? Да нет. Где ему: отстал от века...»

И, рассуждая так, он между тем без особого интереса повторил Мак-Ги свой вопрос и без особого внимания выслушал его исчерпывающий, но нетвердый ответ.

А Мак-Ги позабыл вернуть свои коронные соображения о будущем новозеландского зерна.

Два часа спустя президент и директора пришли к выводу, что Мак-Ги «не совсем подходящая фигура», а это должно было означать, что он фигура совсем не подходящая; и они уныло перешли к обсуждению прочих кандидатов. Прочие все никуда не годились.

Четыре месяца спустя они пришли к выводу, что лучше всего повременить, пока не выздоровеет президент. Им не удавалось найти никого, кто мог бы служить гибким передаточным звеном между президентом и правлением. И пришлось им отказаться от преимущественного права на приобретение пароходов компании «Зеленое Перо».

Соль же шутки в том, что эта легкомысленная стрижка была Палмеру Мак-Ги даже к лицу. Он всю жизнь стригся так, как его остриг когда-то давно, когда он был еще первокурсником в Йеле, один парикмахер с Чепел-стрит, оставивший ему респектабельную, но унылую шевелюру. Новая же, короткая стрижка обнажала его энергичные шейные мускулы. Никогда еще не выгля-

дел он таким подтянутым и ладным. Десятки людей на пути от вернонской парикмахерской до нью-йоркской больницы обратили внимание на его нервозность, но никто не отнес ее за счет прически, просто гадали: ограбил ли он банк или подделал чек на крупную сумму?

Мак-Ги вернулся в Вернон уничтоженный, а к процессии жертв Уиллиса Стоудпорта, со Скриммингстрит, присоединился генерал Кореос-и-Дульче, экс-президент Центрально-Американской республики Сан-Колоквин.

Этот генерал колонизовал остров Инес-Айленд, расположенный неподалеку от побережья Сан-Колоквина. Плантации кофе и сахарного тростника раскинул он там по мановению своей руки и жил без забот, экспроприируя десять тысяч беззаботно распевающих туземцев. Он считался веселым и добрым правителем. Когда, после некоторых недоразумений военного характера, он принял на себя бремя президентской власти в Сан-Колоквине, то даже не казнил никого — разве двух-трех родственников, просто из вежливости.

Его колонию на Инес-Айленд обслуживало пароходство «Зеленое Перо». Оборот грузов там был не настолько велик, чтобы официально назначить остановку, но у генерала Дульче была личная договоренность с управляющим «Зеленого Пера», а также с большим президентом «Южной Цитрусовой» — последняя должна была вступить в силу в том случае, если компания вступала во владение пароходами «Зеленого Пера».

Но когда «Южная Цитрусовая» отказалась от своих льготных прав, флотилию «Зеленого Пера» купила не другая трансатлантическая линия, а одна Сизтлская фирма, которой нужны были пароходы для Канадско-Сибирских торговых перевозок. В результате генералу пришлось обратиться к услугам захудалой Сан-Колоквинской пароходной линии.

Владелец этой пароходной линии ненавидел генерала; он начал ненавидеть его, когда тот еще был президентом, и с тех пор ненависть его долгие годы неуклонно возрастала с каждым проглоченным им в задумчивости стаканчиком джина. Фрукты генерала портились в трюмах старых, скрипучих пароходиков; они никогда не попевали в порт к отходу лайнера на

Север. Его кофе намокало, его сахар не тянул объявленного веса. Когда генерал с горя купил собственное грузовое судно, оно загадочным образом сгорело.

Нищета и безнадежность воцарились на Инес-Айленде. Колонисты голодали. Когда на остров пришла эпидемия инфлюэнцы, ослабевшее население стало вымирать толпами. Некоторые сбежали на материк, разнося с собой заразу. Число смертных случаев, которых при нормальных условиях, при достаточном количестве пищи и медикаментов, можно было, вероятно, избежать, достигло, по подсчетам доктора, профессора сэра Генри Хенсона Стэрджиса, трех тысяч двухсот девяноста. Одним из последних скончался сам генерал.

Но перед тем, как он умер, колесо Фортуны успело повернуться и, миновав его, остановилось против одного европейского монарха. Генерал во всех своих колониальных и финансовых начинаниях был всего лишь подставным лицом, действовавшим в интересах этого монарха. Король чувствовал себя неуютно на своем троне. Он под ним поскрипывал, покачивался, сиденье грозило провалиться.

Приходилось без конца тратиться на то, чтобы его подпирать — щедро одаривать одного герцога, лицемерно возглавлявшего оппозиционную партию, одного иностранного эмиссара, нескольких церковных деятелей, газетных издателей, профессоров и даже одного подставного лидера левого крыла радикальной партии.

За пять лет до того, как Уиллис Стоудпорт погладил Адольфуса Джозефуса Черномордика, король обнаружил, что его личные королевские средства подходят к концу. Он пустился в спекуляции. Он призвал к себе из Центральной Америки генерала Кореоса-и-Дульче; и освоение острова Инес-Айленд совершилось на деньги из королевского кармана.

Вдаваться в хозяйственные детали король, естественно, не мог. Знай он о том, что колония лишилась услуг пароходства «Зеленое Перо», он, возможно, раздобыл бы средств для покупки всей флотилии, когда «Южная Цитрусовая» отказалась от своего льготного права. Но упрямый гордый генерал с его закрученными к небу усами и с его твердой уверенностью в том, что один кастилец стоит четырех андалузцев или восьме-

рых гринго, надеялся справиться без помощи своего августейшего господина.

Только на пороге смерти он послал наконец королю шифрованную телеграмму о том, что на доходы с Инес-Айленда рассчитывать не приходится. И тогда король понял, что не сможет выполнить обещаний, данных кое-кому из пэров и министров; что красноречивейшие из его сторонников теперь примкнут к республиканскому движению; что позлащенный, но жидконогий трон в любую минуту может быть выбит из-под него ударом грубого рабочего башмака.

Вот как получилось, что в назначенный час отдаленнейшие звезды затрепетали под воздействием таинственной силы, исходившей от затерянной песчинки под названием Земля; той силы, которая для начала играючи передвинула все государственные границы и таможи на юге Европы. В этот час король в отчаянии призвал к себе последних двух министров и одного иностранного эмиссара, которым еще доверял, и со своей исторической слабостью улыбкой сказал: «Господа, это конец. Как мне поступить: бежать или... или?.. Вы помните, моего кузена не дали похоронить даже как простое частное лицо».

В этот час в нишей лачуге в негритянском квартале столицы Сан-Колоквина умирал генерал Кореос-и-Дульче, друг музыкантов и ученых мужей, умирал не от смертельной болезни, а просто от неудачи, от холодного страха, а также оттого, что считал себя больным воспалением легких.

А за тысячу с лишним миль оттуда президент компании «Южное Цитрусовое пароходство» подписывал собственную отставку. Его старый друг, председатель правления, в который раз умолял его: «Но ведь это означает гибель компании, Бен! Мы без вас не вытнем».

— Что делать, Билли, — вздохнул президент. — У меня больше нет сил. Вот если бы мы нашли человека, который мог бы воплотить мои замыслы, тогда я бы еще, быть может, выкарабкался и компания тоже. Одурачили нас с этим Мак-Ги. Не потрать мы на него столько времени, мы бы еще успели, может быть, подыскать нужного человека, который снял бы заботу с моих плеч,

и тогда... Ну, да что там. Через три месяца меня не будет, старина. Сразимся-ка напоследок в безик. У меня предчувствие, что сегодня мне сильно повезет.

А полчаса спустя и за полконтинента оттуда Палмер Мак-Ги вышел из дома управляющего Малой Среднезападной железной дороги. Он шел, как во сне. Управляющий ему сказал: «Не знаю, в чем дело, милейший, но от вас уже давно нет ровно никакого проку. И пьете вы чересчур. Уезжайте-ка куда-нибудь подальше и возьмите себя в руки».

Мак-Ги дотащился до ближайшего телеграфа и сообщил компании «Буффало и Бангор», что принимает предложенную ему должность в отделении закупок. Жалованье там было не меньше, чем он получал в Верноне, но перспектив никаких. После этого он пошел и выпил коктейль — четвертый за вечер.

Нельзя с достоверностью сказать, в тот ли самый вечер или же еще накануне цирюльник по фамилии Дискополос впервые ударил жену, и она по этому поводу заметила: «Прекрасно. В таком случае я от тебя уйду». Соседи говорят, что, хотя побил он ее в этот день впервые, отношения у них испортились уже давно. Утверждают, что неприятности у них начались с того вечера, когда мистер Дискополос пообещал прийти домой к ужину, а сам явился только в половине второго ночи. Оказывается, это был день рождения его жены, о котором он совершенно забыл, а она, бедняга, приготовила целый пир.

Зато достоверно известно, что в тот же самый час в доме Стоудпортов на Скримминс-стрит царил покой и шуршали вечерние газеты.

Уиллис мимоходом дернул за хвост Адольфуса Джозефуса Черномордика, теперь уже почти взрослого кота, и миссис Стоудпорт жалобно воскликнула:

— Уилли, не трогай, пожалуйста, кошку! Она тебя поцарапает, и ты наберешься от нее блох и всякой мерзости. Подумать страшно, каких только последствий не может быть, если возиться с животными...

Мистер Стоудпорт, зевнув, вмешался:

— Да оставь ты, ей-богу, ребенка в покое. Можно подумать, что действительно произойдет что-то ужасное, оттого что он погладит котенка. Уж не боишься ли ты.

что он подхватит этих... как их?.. микробов и кого-нибудь потом заразит и по его милости заболеют еще несколько человек? Ха-ха-ха! Или еще, чего доброго, окажется, что из-за него где-то ограбили банк? Ха-ха-ха! Ты уж лучше не давай, мамочка, воли своему воображению... о-о-хо-хо!

Мистер Стоудпорт, зевая, выставил из гостиной кота, зевая, завел на камине часы и, зевая, отправился наверх спать, посмеиваясь своей мысли о мистическом влиянии, которое их Уиллис мог бы оказывать на судьбы людей, живущих от него за пять-шесть кварталов.

А в это самое мгновение в средневековом замке в пяти тысячах миль от Уиллиса Стоудпорта король древнего народа сказал со вздохом его сиятельству достопочтенному графу Арденскому, кавалеру ордена Бани высшей степени и неофициальному представителю интересов Британской короны:

— Да, это сумерки богов. Горжусь, однако, тем, что даже в моем падении мне отчетливо виден таинственный перст судьбы. Я твердо знаю, что мои несчастья — всего лишь звено в величественной цепи событий, начиная с...

— ...с гибели тысяч людей и с потери миллионов фунтов в Сан-Колоквине, — задумчиво подхватил лорд Арден.

— Нет, нет! Не с этих земных мелочей. Уже много лет я занимаюсь астрологией. И мы с моим звездочетом определили, что несчастья мои и моего бедного народа суть лишь последний акт космической трагедии, которая началась с эзотерических изменений в магнетизме Азимеха, холодной девственной звезды. Что ж, во всяком случае, утешительно сознавать, что твои страдания порождены не какими-то пошлыми причинами, что такова была воля задумчивых светил, повисших над черными безднами вечной ночи, и что...

— А-а-а! Ну, да. Конечно, конечно, — сказал граф Арденский.

ВОЗНИЦА

Думается мне, нет ни одного делового человека, будь то банкир, сенатор или драматург, который по секрету от всех не питал бы симпатии к какому-нибудь пьянице в немислимой шляпе, живущему в глуши и добывающему средства к жизни сомнительными путями. (Это говорит член Верховного Суда. Я не собираюсь подписываться ни под его теориями, ни под его рассказом.) Может быть, этот чудак — провинциальный гид, или владелец гаража, когда-то содержавший платные конюшни, или уж вовсе бесполезный хозяин постоянного двора, который удирает пострелять уток, вместо того чтобы подметать полы, и все же ваш напыщенный горожанин наверняка ухитрится каждый год навестить его и побездельничать с ним, втайне предпочитая его всем великолепным столпам общества.

С этой точки зрения есть доля правды в той чепухе насчет Вольных Просторов, которой полны объявления, рекламирующие романы о Диком Западе. Я не знаю, в чем тут причина; возможно, в том, что, как бы мы ни были привязаны к вещам, домам, автомобилям и к дорого обходящимся нам женам, нас все еще манит простота. Или, возможно, в том и есть весь фокус цивилизации, что с виду цивилизованный человек в глубине души только бродяга, предпочитающий фланелевые рубахи, небритые щеки, крепкие словечки и гряз-

ные оловянные тарелки всей этой чистенькой, разложенной по полочкам «культурной» жизни, которую нам навязывают наши женщины.

Когда я окончил юридический факультет, я, надо думать, был такой же кривляка, болван и честолюбец, как и большинство юнцов. Я мечтал о высоком положении, о богатстве. Я хотел прославиться и обедать в лучших домах с людьми, презирующими «простонародье», то есть тех, кто не переодевается к обеду. Я, видите ли, тогда еще не знал, что нет ничего скучнее званого обеда, если не считать послеобеденных разговоров, во время которых несчастные жертвы переваривают пищу и набираются сил для игры в бридж. Каким я был глупым щенком! Я даже лелеял мечту жениться на богатой. Вообразите же, что я почувствовал, когда, окончив университет с отличием, я получил место пятнадцатого помощника секретаря в знаменитой юридической фирме «Ходжинс, Ходжинс, Беркман и Тауп» и мне доверили не подготовку дел, а лишь вручение повесток с вызовом в суд! Словно бездарному частному сыщику! Словно паршивому писарю у шерифа! Мне сказали, что начинать надо с этого, и я скрепя сердце с великим отвращением принялся за работу. Разъяренные актрисы выгоняли меня из своих уборных, и время от времени какой-нибудь здоровенный ответчик бил меня в праведном гневе. Мне пришлось узнать — и всей душой возненавидеть — самые грязные и мрачные закоулки города. Я уже подумывал о том, чтобы сбежать в свой родной городишко — там я сразу мог бы стать самостоятельным адвокатом.

Однажды, к моей радости, меня послали миль за сорок, в местечко Нью-Маллион, вручить повестку некоему Оливеру Латкинсу. Этот Латкинс работал раньше в Северном лесничестве и был знаком с обстоятельствами заключения договора на один пограничный лесной участок. Он был нам нужен как свидетель, но упорно не являлся на вызовы.

Когда я сошел с поезда в Нью-Маллионе, возникшее было у меня теплое чувство к милым, скромным деревенькам сразу улетучилось: по улицам текли потоки грязи и рядами стояли лавчонки, размалеванные в нелепый ржавый цвет или вовсе не крашенные. Хоть Нью-

Маллион и насчитывал тысяч восемь или девять жителей, он был захламлен, как шахтерский поселок. На станции только один человек показался мне симпатичным — рабочий транспортной конторы. Это был веселый малый лет сорока, толстый, краснолицый; комбинезон и диагоналевая куртка сидели на нем, будто он в них родился. Он был чумазый и очень приветливый, из тех, что всем и каждому друг-приятель, каждого похлопает по плечу.

— Мне нужно найти человека по имени Оливер Латкинс, — сказал я ему.

— Латкинс? Да я недавно его видел, и часу не прошло. Впрочем, этого парня трудновато поймать, вечно он где-то рыщет по каким-то темным делишкам. Верней всего, он сейчас сколачивает партию в покер у Фрица Бейнке, в каморке позади шорного магазина. Вот что, сынок... Он вам срочно нужен, этот Латкинс?

— Да. Мне надо поспеть обратно с вечерним поездом. — Я держался внушительно и загадочно, словно опереточный сыщик.

— Тогда вот что. Есть у меня лошадка. Я сейчас выкачу таратайку, и мы объедем вместе всю округу и разыщем его. Я знаю, где он бывает.

Он был так явно дружелюбен, так быстро включил меня в круг своих приятелей, что я тотчас растаял. Я понимал, конечно, что он не забывает и о выгоде, но добродушие его было неподдельно, и если уж придется платить за лошадь, чтобы разыскать моего Латкинса, приятно, что деньги достанутся такому славному малому. Я нанял его за два доллара в час, и он, сбегав домой, прикатил на чем-то вроде черного ящика на колесах.

Он не распахнул передо мной дверцу, не сказал: «Пожалуйста, сэр». Я думаю, он скорее умрет, чем назовет кого-либо «сэром». Он и святого Петра назовет «Питом», когда предстанет перед райскими воротами, и, мне кажется, добрый святой ничуть на него не обидится.

— Ну, молодой человек, вот моя карета, — сказал он, улыбаясь во весь рот, и я почувствовал себя так, будто мы век знакомы. (Они всегда рады угодить приезжему, эти сельские жители.) Было ясно, что он уже счи-

тает себя просто обязанным разыскать мне Оливера Латкинса.

— Я, конечно, не хочу совать нос в ваши дела,— сказал он, словно бы даже смущенно,— однако, догадываюсь, вы собираетесь получить с Латкинса должок — он ведь никогда никому не платит. Он и мне еще должен шесть монет: дернула меня нелегкая играть с ним в покер. Он неплохой парень, но уж такой уродился — тошно ему деньгу из рук выпускать. Так что, если желаете получить с него, надо бы нам, как бы сказать, подкрасться к нему и окружить. Шляпа у вас больно модная, сразу видно, городской... Если сами начнете его разыскивать, он заподозрит неладное и улизнет. Давайте я зайду к Фрицу Бейнке и узнаю, а вы держитесь сзади.

Этим он окончательно покорила меня. Самому мне никогда бы не найти Латкинса. Теперь моего полку прибыло. В порыве откровенности я объяснил моему вознице, что мне надо вручить Латкинсу судебную повестку, а этот парень упрямо не хочет дать показания на процессе, где все прояснилось бы, расскажи он только об одном разговоре. Возница слушал внимательно, а я был еще так зелен, что исполнялся чувством благодарности к любому сорокалетнему мужчине, если он слушал меня без улыбки.

Под конец он хлопнул меня по плечу (очень чувствительно) и захохотал:

— Ну и удивим мы братца Латкинса!

— Поехали, друг.

— Здесь почти все зовут меня Билл. Или Мэгнусон. Уильям Мэгнусон — модный выезд и перевозка грузов.

— Хорошо, Билл. Мы заедем к этому шорнику Бейнке?

— А как же. Он наверняка там. Он часто играет в покер, а уж плутовать мастак, черт его подери! — Билл, казалось, восхищался жульническими способностями Латкинса, и я подумал: будь он шерифом, он и ловил бы его с жаром и повесил бы с нежностью.

Около шорной лавки, мрачной и унылой с виду, наша колымага остановилась, и мы зашли внутрь.

В лавке густо пахло выделанной кожей. Тощий человек, должно быть, сам мистер Бейнке, продавал фермеру хомут.

— Нолли Латкинса нынче не видали? Его приятель ищет,— с напускным простодушием спросил Билл.

Бейнке взглянул мимо Билла, прямо на меня, незнакомца, немного помедлил и признался:

— Угу, он недавно тут был. Верно, пошел к Шведу побриться.

— Ладно, если еще заглянет, скажите, что я его ищу. Может, сыграем в покер по маленькой. Говорят, он, грешник, играет в эти самые азартные игры.

— Да уж известно, какой он заводила,— проворчал Бейнке.

Мы разыскали парикмахерскую Шведа. Билл опять по доброте сердечной пошел на разведку, а я прятался возле двери. Он спросил у Шведа, а потом и у двух его клиентов, не видали ли они Латкинса.

— Не видал и видеть не хочу,— решительно и со злостью заявил Швед,— а вы, если его найдете, стребуйте с него доллар и тридцать пять центов, которые он мне задолжал.

Один из клиентов вспомнил, что, кажется, видел Латкинса на Главной улице, «по эту сторону от гостиницы».

— Ну, коли он потерял кредит у Шведа, то наверняка скоблит щеки у немца Грея,— сделал вывод Билл, когда мы снова забрались в повозку.— Сам бриться он не станет, ленив больно.

В парикмахерскую Грея мы опоздали на каких-нибудь пять минут. Латкинс только что ушел — скорее всего в бильярдную. В бильярдной оказалось, что он просто купил пачку сигарет и отправился дальше. Так мы и гонялись за ним по пятам целый час, но ни разу нигде не настigli, а меж тем было уже половина второго, и я проголодался. Сельский уроженец, я в городе частенько скучал по ядреному деревенскому словцу, и теперь, слушая соленые шуточки и замечания Билла по адресу парикмахеров, священников, врачей и ломовых извозчиков Нью-Маллиона, я от души наслаждался, и меня уже не очень заботило, найду я Латкинса или не найду.

— Не пора ли закусить? — предложил я. — Давайте зайдем в ресторан позавтракаем. Я угощаю.

— Поедем лучше ко мне домой. Я не больно люблю эти рестораны... их здесь всего четыре, и все паршивые. Мы вот что сделаем. Места красивые любите? С Вейдского холма очень вид хороший, прямо картина. Скажем моей старухе, чтоб приготовила нам завтрак, — она возьмет с вас каких-нибудь пятьдесят центов, не больше, чем в кафе, да и накормит лучше, — а потом заберемся на холм и отдохнем на травке.

Я понимал, что мой новый приятель отчасти хитрит; понимал, что его радушие не исчерпывается только братской любовью ко мне, столичному молодому человеку. Я платил ему за потраченное время, всего я заплатил за шесть часов (включая час на завтрак) и по цене, которая тогда считалась непомерно высокой. Однако он был не большим мошенником, чем я, — весь расход я ведь поставил в счет фирме, а между тем за то удовольствие, что я получал от рассказней Билла, не грех было бы заплатить из собственного кармана. Его деревенская непосредственность и природная мудрость действовали на заезженного городом юнца, словно освежающий душ. Пока мы сидели на вершине холма и любовались фруктовыми садами и речкой, что петляла среди зарослей ивняка, он все говорил о своем Нью-Маллионе и нарисовал целую галерею портретов. За его насмешливостью проглядывала доброта. Ничто не ускользало от его зоркого глаза, но как бы он ни потешался, он все на свете мог понять и простить. В ярких красках описал он мне жену пастора, которая чем глубже залезала в долги, тем громче пела гимны в «епископальной» церкви. Поведал и о двух юношах, что явились домой из колледжа в модных кремовых брючках; и об адвокате, который носил либо галстук, либо полотняный воротничок, но то и другое вместе надеть отказывался, хотя жена годами устраивала ему из-за этого сцены. Все эти люди стояли передо мной, как живые. В тот день я узнал о Нью-Маллионе больше, чем о своем городе, да и полюбил его крепче.

Пусть Билл не имел никакого понятия об университетском образовании и городской жизни, он гораздо больше приобрел, скитаясь по стране: кем он только не

был! Он работал на железной дороге, на уборке полей и на валке леса и из своих странствий вынес убеждение, что жить надо просто, с улыбкой. Он влил в меня бодрость. Теперь, вспоминая Билла, я понимаю, что подразумевают под словами «настоящий мужчина» (хотя сам ненавижу это избитое выражение).

Мы покинули безмятежный уголок среди садов и снова пустились на поиски Оливера Латкинса. Но найти его не удавалось. Наконец Билл припер к стене одного приятеля Латкинса, и тот признался, что «Оливер скорее всего уехал на ферму к своей матери, в трех милях к северу».

Разработав стратегический план, мы отправились в путь.

— Мамашу эту я знаю, — вздохнул Билл. — Страшилище. Сушная ведьма. Один раз пришлось мне перевозить ее сундук, так она мне чуть башку не оторвала — не так, видишь ли, берусь, надо осторожнее! Точно это не сундук, а корзина с яйцами. Ростом она футов девять, да четыре фута в обхвате, проворная, что твоя кошка, а уж бранится — хоть уши затыкай. Бьюсь об заклад, Оливер пронюхал, что его кто-то выслеживает, и смотался туда, прячется за материной юбкой. Ну, ничего, мы попробуем взять ее на испуг. Только ты уж, сынок, предоставь это мне. Может, ты и силен в латыни да в географии, а ругаться-то не обучен.

Мы въехали во двор закудалой фермы, нас встретила дородная, бодрая старуха. Мой опекун встал перед ней, набычился и взревел:

— Вы меня помните? Я Билл Мэгнусон, из транспортной конторы. Мне нужен ваш сын Оливер. Вот мой друг из города припас для него подарочек.

— Ничего я про Оливера не знаю и знать не хочу, — заорала она в ответ.

— Эй, бросьте! Мы уже по горло сыты такой чепухой! Вот молодой человек — поверенный полицейского комиссара, и мы имеем полное право обшарить любой дом и разыскать этого самого Оливера Латкинса.

Все это прозвучало так грозно, что наша амазонка, по-видимому, струхнула. Она отступила в кухню, мы — за ней. Она схватила с приземистой, почерневшей и

поседевшей от многолетнего жара плиты тяжелый утюг и двинулась на нас.

— Валяйте обшаривайте — как бы только я вас вперед не обжарила! — заорала она во все горло и расхоталась нам вслед, когда мы в испуге попятились.

— Пошли отсюда. Еще убьет, — выдохнул Билл и уже за дверью прибавил: — Видал, как она ухмылялась? Она дурачит нас. Этакое нахальство!

Я согласился, что это неуважение к закону.

Все же мы произвели кое-какой обыск. Домишко был одноэтажный. Билл обошел его кругом, заглянул в каждое окно. Мы облазили амбар и конюшню и убедились, что Латкинса там нет. У меня едва оставалось время, чтобы поспеть на вечерний поезд, и Билл отвез меня на станцию. По дороге в город я почти не беспокоился о том, что не удалось разыскать Латкинса. Меня слишком занимали мысли о Билле Мэгнусоне. Я всерьез подумывал возвратиться в Нью-Маллион и заняться там адвокатской практикой. Если я в Билле обнаружил такую бездну человеческих достоинств, неужели я не люблю еще неизвестных мне Фрица Бейнке, Шведа-парикмахера и сотню других соседей — неторопливых в разговоре, простодушных и мудрых. Я рисовал себе бесхитростную, счастливую жизнь, далекую от сухой учености университетских юридических фирм. Я был возбужден, словно ненароком нашел сокровище.

Однако, если я почти не думал о Латкинсе, в конторе о нем не забывали. На другое утро я застал их в большом волнении: дело было готово к судебному разбирательству, не хватало только Латкинса — я оказался тупицей, опозорил фирму. В то утро моя блестящая карьера едва не оборвалась. Шеф только что не совершил оскорбления действием, он весьма прозрачно намекнул, что я больше гожусь в землекопы, чем в юристы. Мне приказали вернуться в Нью-Маллион и послали со мной бывшего бухгалтера из лесничества, который знал Латкинса в лицо. Я огорчился: теперь мне не удастся еще раз побыть в обществе Билла Мэгнусона и насладиться его красочными рассказами.

Когда поезд подошел к Нью-Маллиону, Билл стоял на платформе около своей колымаги. Но вот что любопытно: рядом с ним стояла эта старая ведьма — мамаша

Латкинса, и они вовсе не бранились, а мирно беседовали и смеялись.

Со ступенек вагона я показал на них своему спутнику и в юношеском восторге прошептал: «Вот прекрасный человек, настоящий мужчина!»

— Вчера тоже его видали? — спросил бухгалтер.

— Я провел с ним весь день.

— Он помогал вам искать Оливера Латкинса?

— Да, он мне очень помог.

— Кому и помогать, как не ему. Это же сам Латкинс и есть!

И вот что самое обидное: когда я вручил Латкинсу повестку в суд, его мать улыбнулась мне так, словно я был умный мальчик лет семи от роду, и оба радушно и ласково приглашали меня зайти к каким-то их соседям и выпить чашечку кофе.

— Я рассказал им про вас, и им до смерти охота на вас поглядеть,— весело объяснил Латкинс.— Из всего города только они, кажется, и не видели вас вчера...

ПИСЬМО КОРОЛЕВЫ

Доктор Селиг был авантюрист. Конечно, подобная мысль никогда бы не пришла вам в голову. Это был любезный, несколько лысоватый молодой холостяк, преподаватель истории и экономики в Эразмус-колледже, где ему вменялось в обязанность, сидя на дурацком возвышении, ласково уговаривать пятьдесят юнцов и девиц, которые ничем не интересовались, кроме поцелуев и закрытых автомобилей, увлечься до самозабвения законом убывающих прибылей.

Но вечерами в своем чинном пансионе он курил трубку, что считалось непристойным под священной сенью колледжа, и отважно писал книгу, которой предстояло прославить его имя.

Каждый человек пишет книгу, это всем известно. Но у Селига книга была особенная. Глубокая. Судить о ее превосходных качествах можно было хотя бы по тому, что, написанная всего на три четверти, она уже имела тысячу пятьсот таких выразительных сносок, как, например, «см. ВАОИИ, VIII, стр. 234 и далее». Настоящая книга, не какая-нибудь дешевка, написанная ради денег.

Называлась она «Влияние американской дипломатии на внутреннюю политику Пан-Европы».

По мнению Селига, «Пан-Европа» звучало более красиво и учено, чем просто «Европа».

Если бы доктор Селиг не руководствовался убеждением, что чем труднее произведение читается, тем оно лучше,—книга на самом деле могла бы быть интересной. Он открыл мир, полный романтики и малоизвестный. Подобно путешественнику, набредшему в пустыне на неведомый оазис, где журчат фонтаны, смеются девушки и шумит людной базар, он нашел среди старинных документов свидетельства о том, что Франклин в своей скромной меховой шапке был некогда донжуаном парижского общества, что Адамс боролся против намерения английского правительства признать конфедерацию Южных штатов, что Бенджамин Томпсон, янки из Массачусетса, был в 1791 году главным советником при дворе в Баварии и носил титул графа Румфорда.

Селига волновали эти люди, благодаря которым мир в те дни восхищался Америкой больше, чем в наше время. Взволновала его и история сенатора Райдера и даже вызвала легкий приступ не приличествующего ученому гнева.

Ему, разумеется, было известно, что в первое президентство Гровера Кливленда Лафайет Райдер предотвратил войну между Америкой и Англией; что Райдер был в свое время государственным секретарем и послом в Париже, где его ум, манеры и остроумие снискали ему всеобщее внимание; что, будучи членом сената, он породил и выпестовал закон Райдера — Ханклина, спасший американские рынки пшеницы, и что его книги «Перспективы разоружения» и «Англо-американская империя» были не просто отличной пропагандой идеи пацифизма, но вдохновенными трудами, которые могли бы послужить предотвращению бурской войны, испано-американской войны и мировой войны, если бы в его викторианском мире нашелся хотя бы десяток его единомышленников. Все это было известно Селигу, одного он не мог вспомнить: когда Райдер умер.

Позже, вне себя от изумления, он узнал, что сенатор Райдер вовсе не умер, что ему девяносто два года и он доживает свой век, забытый родиной, для возвеличения которой он так много сделал.

Да, с горечью думал Селиг, мы чтим наших великих людей — иногда целых два месяца после того, как они

совершили подвиг, который вызвал наш восторг. Но ведь у нас демократия, поэтому пусть герой не воображает, что если 1 марта мы устроили ему (против его желания) триумфальное шествие по Бродвею или (несмотря на яростное сопротивление) окунули его в шумиху рекламы, то он может надеяться, что о нем еще будут помнить 2 мая.

Адмирала Дьюи, которого газеты целую неделю величали соединением Нельсона, Наполеона и рыцаря Байярда, впоследствии свели в могилу всевозможными нападками. Если драматург имеет успех в течение одного сезона, то да помогут ему боги! Ибо после этого и до конца его дней люди будут ходить на его пьесы в единственной надежде, что он оскандалится.

Но не всегда веселая толпа поклонников стаскивает своего кумира с пьедестала, дабы обнаружить его глиняные ноги, — бывает, что огромный стодвадцатимиллионный народ просто-напросто предает его забвению, презрительно и равнодушно.

Так возмущался доктор Селиг, собираясь в конце своей книги воскресить Райдера из мертвых. Он питал скромную надежду, что книга выйдет в свет еще при жизни сенатора и тем самым осчастливит старика.

Когда Селиг читал речи Райдера, рассматривал его портреты в подшивках старых журналов, ему казалось, что он близко знает сенатора. Он ясно видел перед собой высокого человека с непринужденной осанкой, его лицо, в котором противоречиво сочетались тонкий длинный нос, веселые глаза и огромный выпуклый лоб, отчего казалось, что в нем было одновременно что-то от пуританина, от клоуна и от благожелательного ученого.

Селиг мечтал написать Райдеру и спросить его — ах! — о тысяче разных вещей, объяснить которые мог только он, — например, в чем заключались предложения Лайонеля Саквиль-Уэста касательно Колумбии; что писала королева Виктория в своем знаменитом неопубликованном письме президенту Гаррисону относительно права рыбной ловли в нью-фаундендских водах. А что, если написать?

Нет, старику девяносто два года, и Селиг питал к нему такое благоговение, что не решился бы его обеспо-

конть. К тому же он вполне здраво опасался, что человек, который некогда послал к черту Гладстона, просто выкинет его письмо в корзину.

Сенатор был так основательно забыт, что Селиг сначала никак не мог узнать, где он живет. Справочник «Кто есть кто» адреса не указывал. Начальник Селига, профессор Манк, о котором говорили, будто он знает все на свете, кроме того, где находится его прошлогодняя соломенная шляпа, проблеял в ответ на его вопрос: «Дорогой мой! Местожительство Райдера на каком-нибудь кладбище! Он отошел к праотцам, насколько я помню, в 1901 году».

Кроткий доктор Селиг едва не совершил смертоубийственной расправы над почтенным американским историком.

Наконец в бюллетене, издаваемом Лигой Противников Сухого Закона, Селиг нашел в списке директоров: «Лафайет Райдер (бывш. сенат. США, госуд. секр.), Уэст-Уикли, штат Вермонт». Хотя ему было безразлично, где живет сенатор, Селиг так разволновался в тот вечер, что выкурил лишнюю трубку.

Он хотел уехать куда-нибудь на время каникул, мечтая кончить за лето свою книгу. Сенатор жил в штате Вермонт, и Селига потянуло туда. В одном педагогическом журнале он нашел объявление: «Скай-Пикс, близ Уикли, штат Вермонт — тихий лесной уголок; библиотека; интеллигентное общество; теннис, ручной мяч, прогулки верхом; по вечерам традиционное пение у костра; мебл. бунг., цены умеренные».

Вот как раз то, что ему нужно: тихий уголок, библиотека, умеренные цены и к тому же соседство с его кумиром. Он снял мебл. бунг. на лето и понес свой чемодан на вокзал в тот чудесный день, когда юные мучители, терзавшие его целый год каверзными вопросами, разъехались во все стороны, дав ему возможность на целых три месяца почувствовать себя человеком.

Скай-Пикс оказался бывшей фермой, после переделки самым обидным образом смахивавшей на кафе. Его бунгало — некогда простой амбар для хранения зерна — было выкрашено в нежно-голубой и желтый цвета и носило название «Шелли». Но ферма лежала среди

гор, и воздух, благоухавший сеном и хвоей, нес исцеление его легким, забитым пылью аудиторий.

В первый же день он спросил за обедом владельца Скай-Пикс, некоего мистера Идла:

— Кажется, сенатор Райдер живет где-то поблизости?

— Ну как же, на горе, мили четыре отсюда.

— Хотелось бы как-нибудь его увидеть.

— Я отвезу вас к нему, когда захотите.

— Что вы, как можно! Я не смею его беспокоить!

— Ерунда! Он старый, это верно, но живо интересуется всем, что происходит по соседству. Я ведь купил эту ферму у него и... Не забудьте, вечером будем петь у костра.

В восемь вечера Идл вытащил Селига из его укромного амбара как раз в тот момент, когда взаимоотношения между Локарнским пактом и Версальским договором начали великолепно увязываться.

Пели песни вроде «Долгий, долгий путь» и «У всех божьих деток есть башмаки». (У божьих деток имелись, кроме того, пиджаки, брюки, жилеты, автомобили, арбузы и т. д. до бесконечности.) Рядом с Селигом у костра сидела молодая женщина, у которой имелись нос, глаза, свитер и спортивного вида юбка,— все это не особенно хорошее, но и не особенно плохое. Он не обратил бы на нее внимания, если бы она сама не остановила на нем свой выбор.

— Я слышала, вы преподаете в Эразмус-колледже, доктор Селиг?

— Угу.

— Вот где по-настоящему обращают внимание на воспитание характера. В конце концов какой смысл развивать умственные способности, если развитие характера отстает от развития интеллекта? Видите ли, я тоже преподаю — о, не в колледже, как вы. Я всего-навсего веду историю в средней школе в Скенектади. Давайте познакомимся — Сельма Суонсон. Нам нужно когда-нибудь обстоятельно поговорить о преподавании истории, хорошо?

— Угу,— ответил Селиг и удрал. Но только укрывшись в своем амбаре, посмел сказать вслух: — Совсем не хорошо.

Три месяца он отказывается думать о лекциях и о прелестях воспитания характера. Ему предстоит будущее ученого. Даже сенатор Райдер, быть может, пришел бы в волнение, если бы узнал, какой великий ум тихо отходит ко сну в хлебном амбаре в четырех милях от него!

На следующий день, когда он усердно корпел над своей книгой, Идл ворвался к нему со словами:

— Я еду в Уикли. Буду рядом с фермой старого Райдера. Поехали, я вас познакомлю с ним.

— Ой, нет, честное слово, неудобно!

— Бросьте, он, небось, скучает один. Поехали!

Прежде чем Селиг успел передумать и, выбравшись из автомобиля стремительного Идла, вернуться домой, они уже мчались по горной дороге и вскоре въехали через мраморные ворота в имение сенатора. Миновав сырую заросль берез и кленов, они оказались на лугу, где высился старинный каменный дом с огромной верандой, обращенной в сторону пестрой, как шахматная доска, долины. Они лихо подкатили к веранде, и Селиг увидел лежавшего в шезлонге старика, укрытого пледом.казалось, что в полумраке веранды весь свет сосредоточился на его лысой голове, похожей на обтянутый глянцевитым пергаментом шар, и на больших бескровных руках, лежавших неподвижно, как у покойника, на покрытых пледом коленях. В потухших глазах не чувствовалось никакого интереса к жизни.

Выскочив из машины, Идл рявкнул:

— Добрый день, сенатор! Прекрасная погода, верно? Я привез вам гостя. Мистер Селиг преподает в колледже... э-э... в одном из наших колледжей. Через час я вернусь.

Он схватил Селига за руку — силища у него оказалась непомерная — и вытащил из машины. В голове у несчастного Селига все смешалось. Прежде чем он сумел выудить из этой гуши хоть одну путную мысль, машина Идла, зафыркав, исчезла, а Селиг остался стоять перед верандой, загнипнотизированный взглядом сенатора Райдера, слишком старым, чтобы выражать гнев или ненависть, но не утерявшим способность излучать презрение.

Райдер молчал.

Тоном школьника, на которого возводят напраслину, Селиг воскликнул:

— Честное слово, сенатор, я ни в коем случае не хотел вторгаться к вам без приглашения. Я думал, Идл просто представит меня вам и снова увезет. Мне кажется, у него были самые добрые намерения. А впрочем, подсознательно я, быть может, действительно хотел завязать знакомство. Мне так хорошо известны ваши «Перспективы разоружения» и «Англо-американская империя»...

Сенатор зашевелился, словно древний филин, просыпающийся в вечерние сумерки. Глаза его ожили. Казалось, вот-вот он закричит резко и хрипло, как старая брюзгливая птица, но когда он заговорил, Селиг услышал спокойный, исполненный благородства голос:

— Я не предполагал, что кто-нибудь заглядывает в мои книги после тысяча девятьсот десятого года.

Старчески слабым, но изысканно любезным был жест, которым он пригласил Селига сесть.

— Вы учитель?

— Я преподаю в одном небольшом колледже в Огайо. Читаю экономику и историю. Я пишу монографию по истории американской дипломатии, и, естественно... встречаются такие вещи, которые никто, кроме вас, объяснить не может!

— Оттого что я так стар?

— Нет! Оттого что вас всегда отличали широкая осведомленность и огромное мужество — может быть, это одно и то же. Работая над книгой, я буквально каждый день мечтал о возможности посоветоваться с вами. Например, скажите, сэр, ведь это верно, что государственный секретарь Олни хотел начать войну с Англией из-за Венесуэлы? Он мечтал прослыть героем, да?

— Нет!

Старик сбросил с себя плед. Казалось странным, что на нем был не халат, отделанный по старинной моде золотым шнуром, а отлично выутюженный полотняный костюм и элегантный галстук-бабочка. Сенатор выпрямился в своем кресле. Он оживился, голос его зазвучал тверже:

— Нет, это был человек, преданный своей родине. Твердый. Честный. Готовый идти на соглашение, если

это было нужно, но умевший не дрогнуть перед опасностью... Мисс Талли!

На крик сенатора из широкой двери с большим полукруглым окном наверху появилась сестра. Ее строгая белая форма была так туго накрахмалена, что чуть ли не скрипела, но это была молодая женщина, свежая, как пион, из тех, которые непременно будут нянчить любого мужчину любого возраста, неважно, нравится ему это или нет. Она свирепо посмотрела на непрошеного гостя, погрозила сенатору пальцем и сказала со сладкой улыбочкой:

— Смотрите не переутомляйте себя, а то я рассержусь и в наказание уложу вас в постель. Доктор сказал...

— К черту доктора! Попросите миссис Тинкхем принести из архива письма Ричарда Олни — Вашингтон, тысяча восемьсот девяносто пятый год. Ол-ни. И, пожалуйста, поскорее.

Когда мисс Талли ушла, сенатор проворчал:

— Нужна мне эта сестра, как кошке второй хвост. Это все болван доктор выдумал, старый осел! Ему семьдесят пять лет, у него с тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года ни единой мысли в голове не водится. Уж эти мне доктора!

Он произнес целую речь об искусстве врачевания, уснащенную такими энергичными ругательствами, что Селиг замер в ужасе и восхищении. Сенатор не смягчил красочности своих выражений и тогда, когда вошла его секретарша миссис Тинкхем, маленькая, тщедушная, вылинявшая вдова девственно-непорочного вида.

Селиг думал, что она со страху покончит с собой, бросившись вниз с высокой веранды. Но этого не случилось. Она подождала немного, деликатно зевнула, подала сенатору конверт из плотной коричневой бумаги и не менее деликатно удалилась.

Сенатор ухмыльнулся.

— Вечером сделает из меня мишень для своих молитв. При вас не посмела. Ну вот, теперь легче стало. Крепкая ругань — отличное терапевтическое средство, забытое в наш развращенный век. По части крепких выражений я могу сообщить вам более исчерпывающие

сведения, чем по части дипломатии,— кстати, дипломатия широко ими пользуется. А вот то письмо, в котором государственный секретарь Олни говорит о роли своей дипломатической переписки с правительством Великобритании.

Этот листок был страницей истории. Никогда в жизни Селиг не брал в руки ни одного предмета с таким благоговейным трепетом.

— Ой! — воскликнул он.— Да ведь вы использовали его — конечно. Я-то знаю только начало письма. Вы не представляете себе, сэр, как мне интересно взглянуть на остальную часть. Если я не ошибаюсь, вы использовали первый абзац в вашей «Англо-американской империи», кажется, на странице двести семьдесят шестой, не правда ли?

— Возможно. Эта работа не принадлежит к числу моих настольных книг.

— Вам, несомненно, известно, что в прошлом году это письмо было перепечатано из вашей книги в «Вестнике Американского общества исторических изысканий»?

— Вот как?

Старик был, по-видимому, чрезвычайно польщен. Он ласково посмотрел на Селига, как на молодого, но испытанного друга, и проговорил, усмехнувшись:

— Кажется, я понимаю, что чувствовал царь Тут, когда его вспомнили и откопали... Мисс Талли! Эй, мисс Талли, будьте любезны, велите Мартенсу принести нам виски с содовой и два бокала. Как?! Ну, знаете, сударыня, мы с вами успеем обсудить мои старческие пороки, когда наш гость уедет. Повторяю — два бокала! Так вот, вернемся к государственному секретарю Олни. Дело обстояло так...

Два часа спустя сенатор Райдер все еще говорил, и за эти два часа он сообщил Селигу столько нигде не опубликованных сведений, сколько исследователь не обнаружил бы и за два года работы.

Два часа Селиг провел в обществе президентов и послов, слушал беседы министров иностранных дел за обеденным столом, беседы настолько конфиденциальные, имевшие такое значение для судеб мира, что о них не упоминается даже в частной переписке. Сенатор рассказал Селигу о своей дружбе с королем Эдуардом, о

том, как однажды за стаканом минеральной воды король предсказал будущую мировую войну.

Скромный учитель, которому ни разу в жизни не доводилось беседовать с более важным лицом, чем ректор захолустного колледжа, захлебывался от чувства, что стал поверенным тайн королей и фельдмаршалов, Анатоля Франса и лорда Холдейна, Сары Бернар и Джорджа Мередита.

Только сейчас Селиг по-настоящему понял (хотя теоретически всегда это знал), что в частной жизни все великие мира сего — простые, обыкновенные люди, как, скажем, доктор Уилбур Селиг, преподаватель Эразмус-колледжа. С королем Эдуардом, например, он почувствовал себя на короткой ноге, когда узнал от сенатора (хотя тот, возможно, и преувеличивал), что король не умел чисто, без немецкого акцента, произнести собственное имя, и ощутил себя светским кутилой, услышав подробности одной не сверхпристойной вечеринки, на которой после обильных возлияний Бахусу некий английский герцог, некий немецкий князь и некий португальский король распевали в компании сомнительных дам (и с сенатором Райдером в роли дирижера) нежный романс «Наливай, не зевай».

В течение этих двух часов было несколько минут, когда Селиг витал между небом и землей, в мире бесплотных духов Конан Дойля. До этого дня бутылка домашнего пива раз в месяц казалась Селигу пределом злоупотребления алкогольными напитками. Сделав себе слабую смесь виски с содовой, он заметил — несколько встревоженный своим незнанием великосветских обычаев по части спиртного, — что сенатор налил себе виски в три раза больше.

Однако старик, не спеша смаковавший виски, покачивая лысой головой от удовольствия, держался крепко, в то время как Селиг, пробив какие-то розово-серые облака, прорезаемые вспышками молний, взвился на шесть миллионов миль над землей и парил на этой головокружительной высоте, едва соображая что-либо, в то время как далеко-далеко внизу сенатор ораторствовал о взаимосвязях кубинского сахара и колорадской свеклы.

Один раз в поле зрения Селига возник Идл в своем грязном автомобильчике, предложил увезти его домой,

но, к радости Селига, сразу исчез после короткого замечания сенатора:

— Доктор Селиг останется обедать. Его отвезут в моей машине.

Обед... Селиг редко заглядывал в беллетристику, но все же вычитал в каком-то романе о «спокойном пламени свечей в сумерки, отражавшемся, как в тусклом зеркале, в полированной поверхности длинного стола красного дерева. Свечи, розы, старинное серебро...» Читал он также об оленьих рогах на стенах, о геральдических щитах и о мечтах воинов минувших времен.

Нужно сказать, что в столовой сенатора не было ни оленьих рогов, ни геральдического щита, ни меча, а если и были «спокойно горевшие свечи», то их пламя не отражалось в полированном красном дереве, ибо такового не было: стол покрывала сверкающая белоснежная скатерть. Столовая была продолговатая, просто обставленная комната, на стенах которой, обитых белыми панелями, висели старинные портреты. И все же Селиг чувствовал, что это и есть та романтика, о которой писалось в книгах.

Обед был деревенский. Селиг уже приготовился, что его будут угощать икрой и павлиньими языками. Вместо этого подали бифштекс, дыню и маисовый пудинг. Зато у каждого прибора стояли четыре рюмки, и, кроме воды, напитка, хорошо знакомого ему по Эразмус-колледжу, он отведал — очень несмело — хереса, бургундского и шампанского.

Единственное, что Уилбур Селиг, преподаватель Эразмус-колледжа, знал совершенно твердо, было то, что шампанское — нечто сугубо безнравственное, связанное с легкомысленными женщинами, непристойными разговорами и проигрышами в рулетку, неизменно оканчивающимися самоубийством. Но, как ни странно, именно когда Селиг пригубил свой первый в жизни бокал шампанского, сенатор Райдер заговорил о том, как его радует укрепление англо-католической церкви.

Нет, все это было невероятно.

Если Селиг ликовал, когда его оставили обедать, то он пришел в неистовый восторг, когда сенатор сказал: «Может быть, вы приедете отобедать послезавтра? От-

лично. Я пришла за вами Мартенса в семь тридцать. Фрак надевать не нужно».

Как во сне, поехал он домой с Мартенсом, дворецким и шофером Райдера. Тысячи вопросов, мучивших его, когда он писал книгу, теперь были ясны.

Когда он приехал в Скай-Пикс, отдыхающие еще сидели у тускло горевшего костра.

— Ах! — пискнула мисс Сельма Суонсон, учительница истории. — Mister Идл сказал, что вы провели весь вечер у сенатора Райдера. Mister Идл говорит, что это большой человек, в прошлом крупный политический деятель.

— Сенатор был так любезен, что помог мне разрешить некоторые запутанные вопросы, — пробормотал Селиг.

Укладываясь в постель — в блистательно преображенном амбаре, — он захлебывался:

«Честное слово, я мог бы стать близким другом сенатора. Вот было бы счастье!»

Гость уехал (какой-то не то Селиг, не то Селим), а Лафайет Райдер продолжал сидеть за столом, куря папиросу и огорченно взирая на пустую рюмку. «Славный мальчик, энтузиаст, — думал он. — Чувствуется, что провинциал. Но воспитан. Интересно, правда ли есть еще люди, которые знают, что Лаф Райдер когда-то жил на свете?»

Он позвонил. В столовую впорхнула кокетливая, накрахмаленная мисс Талли и проворковала:

— Нам пора в постельку, сенатор!

— Нет, нам не пора! Я вызывал не вас, а Мартенса!

— Он повез домой вашего гостя.

— Гм! Тогда пришлите кухарку. Я хочу еще коньяку.

— Ой, не надо, дедушка! Ну, будьте пайнкой!

— Не буду! А кто, черт побери, позволил вам называть меня дедушкой? Дедушка!

— Да вы сами. Еще в прошлом году.

— Ну, а в этом году не разрешаю. Принесите мне коньяку.

— А вы пойдете тогда спать?

— Не пойду!

— Но ведь доктор...

— Ваш доктор — гнусная помесь шуки с дворняжкой. И даже хуже. А у меня сегодня прекрасное настроение. Я долго еще буду сидеть. До самого утра.

Они сошлись на половине двенадцатого вместо «самого утра» и на одной рюмке коньяку вместо бутылки. Но, рассердившись, что ему пришлось идти на компромисс, — вот так же много раз за свои девяносто с лишним лет он сердился, когда приходилось идти на компромисс с иностранными державами, — сенатор (по словам мисс Талли) очень дурно вел себя в ванне.

— Даю вам честное слово, — уверяла позднее мисс Талли секретаршу сенатора, миссис Тинкхем, — если бы не хорошее жалование, завтра бы уехала от этого несносного старика. Был когда-то государственным деятелем или кем-то там еще, так, значит, может хамить сестре!

— Не уехали бы! — возразила миссис Тинкхем. — Но вы правы: с ним очень, очень трудно.

Они думали, что старик наконец успокоился, а он лежал на своей широкой с пологом кровати, курил и размышлял: «Боги всю жизнь были благосклонны ко мне не по заслугам. Я-то боялся, что мне придется доживать свой век в обществе бабья и докторов, а тут судьба посылает мне товарища — мужчину, да еще молодого и, кажется, с задатками настоящего ученого. Он расскажет миру о моих замыслах и делах. Ну ладно, довольно хныкать, Лаф Райдер!.. Хорошо бы заснуть».

На следующее утро сенатор решил, что он, пожалуй, возлагает слишком большие надежды на молодого человека, но когда Салиг второй раз приехал к обеду, сенатор с удовлетворением отметил, как быстро он освоился с непривычным для него окружением, хотя, по-видимому, впервые попал в такой богатый, хорошо поставленный дом. Просто и непринужденно он рассказал сенатору о своем детстве на ферме — среди деревенской серости, как мысленно определил сенатор, — о годах учения в университете своего штата.

«Он наивен, это еще лучше. Не то что какой-нибудь третий секретарь посольства, щенок, воображающий себя невесть кем, потому что учился в Гротоне, — размышлял сенатор. — Надо для него что-нибудь сделать».

В эту ночь сенатору опять не спалось, и внезапно его осенила великолепная, по его мнению, мысль:

«Я помогу юноше. Денег у меня много, а оставить их, кроме кислых моих родственников, некому! Дам ему возможность год не работать. Он, наверно, получает две с половиной тысячи в год, дам ему пять и оплату расходы, пусть приведет в порядок мой архив. Если окажется толковым, разрешу ему после моей смерти издать мою переписку. Письма Джона Хэя, письма Блейна, Чоута! У кого еще в Америке найдется такое собрание непубликованных писем! Мальчику будет обеспечена блестящая карьера!

Миссис Тинкхем рассердится. Будет ревновать. Пожалуй, еще уйдет. Великолепно! Лаф, подлый ты старый трус! Ведь ты уже четвертый год жаждешь отделаться от этой дамы, только боишься обидеть ее! Смотри, как бы она тебя не женила на себе на твоём смертном одре!»

В темноте раздался тихий, ехидный, довольный смешок старика.

«Ну, а если он оправдает мои надежды, я оставляю ему по завещанию какой-нибудь пустячок. Надо обеспечить его на то время, когда он будет издавать мои письма. Оставляю ему... ну, сколько бы?»

Среди жаждавшихся родственников и неимущих прихлебателей сенатора ходили слухи, что от состояния Райдеров у него осталось около двухсот тысяч долларов. Только он сам и его маклер знали, что, выгодно поместив деньги в разные предприятия, он за последние десять немощных, одиноких лет увеличил это состояние до миллиона.

Старик лежал, обдумывая новое завещание. По-старому половину состояния он отказывал университету, где когда-то учился, четверть — городу Уикли на благотворительные цели, остальное — племянникам и племянницам да по десять тысяч Талли, Тинкхем, Мартенсу и многострадальному доктору с условием, что тот не будет указывать ни одному пациенту, сколько ему курить.

А в эту ночь доктору Селигу, почивавшему в своём несуразном бунгало и даже во сне не видевшему уготованных ему благ, была преподнесена сумма в двадцать пять тысяч долларов, отеческое благословение и собрание исторических документов, ценность которых не поддавалась исчислению в деньгах.

Утром, мучаясь от головной боли и круто обойдясь с мисс Талли из-за скверного вкуса аспирина (в мышьяке его держали, что ли?), сенатор низвел долю Селига до пяти тысяч, но ночью она снова выросла до двадцати пяти.

То-то обрадуется молодой человек!

В тот вечер, когда сенатор Райдер неожиданно пригласил Селига остаться у него пообедать, тот был взволнован, словно... А что, в сущности, могло бы привести в волнение доктора Селига? Великое произведение искусства? Прибавка жалованья? Победа Эразмус-колледжа на футбольном состязании?

Во время второго обеда, когда и обстановка и герой в какой-то мере утратили обаяние новизны, он испытывал спокойное удовлетворение и усердно просвещался. Третий обед, неделю спустя, прошел довольно приятно, но на этот раз Селиг уделял больше внимания тушеным голубям, чем рассказу сенатора о панике, вызванной крахом банка Бэринг, и был несколько раздосадован тем, что сенатор задержал его у себя до двенадцати часов—вгоист этакый! — не дал человеку уйти домой и лечь спать, как все люди, в десять часов, поболтав несколько минут с этой ужасно милой и умной девушкой мисс Сельмой Суонсон.

И весь тот вечер Селиг беспрестанно ловил себя на том, что невольно осуждает безнравственность сенатора.

Черт возьми, человек из хорошей семьи, имел возможность видеть в своей жизни только прекрасное! Зачем же браниться скверными словами? Зачем столько пить? Он далек от мещанской узости (самодовольно похвалил себя Селиг), но такому глубокому старику пора бы о душе подумать; постыдился бы ругаться, как сапожник.

Наутро Селиг упрекнул себя: «Сенатор ко мне замечательно относится. Он, в сущности, славный старикан. И, бесспорно, человек блестящего государственного ума».

Однако в нем снова вспыхнуло раздражение, когда позвонил шофер Мартенс и сказал:

— Сенатор просит вас сегодня на чай. Он хочет кое-что показать вам.

— Хорошо. Я буду.— Ответ Селига прозвучал сухо.

Внутренне он рвал и метал: «Тысяча чертей! Бесовестный, навязчивый старый хрыч! Как будто у меня другого дела нет, кроме как ходить перед ним на задних лапках и развлекать его! И как назло именно сегодня, когда я собирался закончить главу! Правда, он сообщает мне кое-какие закулисные сведения, но все-таки... Очень нужны для моей книги его посольские сплетни. Весь нужный материал я уже получил. А как я доберусь до него? Этакая скотина, эгоист, об этом он не подумал! Воображает, что у меня есть деньги, чтобы взять машину! Пешком ведь идти придется! С удовольствием бы остался дома!»

К сенатору он явился хмурый, но когда за чашкой чая тот заговорил о письме королевы Виктории, немного отошел.

Историкам известно, что в первое президентство Бенджамина Гаррисона между Америкой и Англией имели место недружелюбные акции: захват рыболовных судов как той, так и другой стороной, и в связи с этим королева Виктория написала собственноручно письмо президенту Гаррисону. Как предполагали, она выражала сожаление, что не вправе непосредственно обратиться к парламенту, и предлагала обсудить вопрос сначала в конгрессе. Но что именно содержало это неофициальное послание, никому не было известно.

Сенатор Райдер заметил безмятежно:

— Оригинал этого письма случайно оказался в моих руках.

— Что-о?

— Как-нибудь я дам вам взглянуть на него. Мне кажется, я даже имею право разрешить вам его цитировать.

Селиг чуть не подскочил на стуле. Вот это будет сенсация! И эту сенсацию произведет он! О нем, о его книге будут писать на первых полосах газет. Но сенатор начал рассказывать пошлый, совершенно непристойный анекдот о некоем бразильском посланнике и модистке из Вашингтона, и Селиг снова разозлился: «Чтоб ему провалиться! И как не стыдно старику, которому за девяносто перевалило, думать о подобных вещах! Зачем-то, черт его подери, кокетничает, секретничает... Хочет показать свое пресловутое письмо, так пусть показывает!»

По этой причине доктор Селиг был, пожалуй, не так любезен, как полагалось бы сему ученому мужу, когда, прощаясь, старик вытащил из-под пледа брошюру в голубовато-серой потертой обложке и сказал высоким старческим фальцетом:

— Я могу подарить вам эту книгу, если хотите. Кажется, на свете существует всего шесть экземпляров. Это моя третья книга, она была напечатана для узкого круга лиц и в списке моих работ не числится. Мне думается, вы найдете в ней кое-что неизвестное исследователям. Это подлинная история Парижской коммуны.

— Благодарю,— коротко ответил Селиг, а сев в машину сенатора, подумал: «Вот доказательство его эгоизма: раз он что-то написал, так значит, это уж невесть какое сокровище!»

Селиг перелистал книгу. Она показалась ему содержательной, но он равнодушно отложил ее в сторону: слишком далеко от его темы, значит, не нужно доктору Селигу, а следовательно, и остальному миру.

Садиться за работу теперь не имело смысла — до обеда уже ничего не сделать,— и Селиг велел шоферу Райдера остановить машину около магазина Тредуэлла, служившего для отдыхающих одновременно универмагом, почтой и кафе, где они буйно распивали бутылки лимонада, провозглашая пылкие тосты.

В магазине оказалась мисс Сельма Суонсон, и Селиг, смеясь, преподнес ей жевательную резинку, коробку арахисовых батончиков и семь рыболовных крючков. Они интересно провели время, переминая косточки одной из отдыхающих, этой чудачке — мисс Элкингтон.

Потом они отправились в Скай-Пикс, и Селиг забыл книгу сенатора на прилавке. Он хватился ее, только когда уже лег в постель.

Два дня спустя Мартенс снова позвонил и снова передал приглашение на чай. На этот раз Селиг отрубил резко:

— Передайте сенатору, что я, к сожалению, не могу быть.

— Одну минуту, прошу прощения,— сказал шофер.— Сенатор просил узнать, не пожелаете ли вы приехать к обеду завтра в восемь. За вами придет машина.

— Право... Хорошо, передайте, что я с удовольствием приеду.

Он ничего не теряет: обеды в Скай-Пикс неважные, а домой он уедет пораньше.

Он был доволен, что этот день у него оказался свободным: можно поработать. Но проклятая назойливость сенатора до такой степени разозлила его, что он с треском хлопнул книгой по столу и вышел на воздух.

Несколько отдыхающих играли в лапту. Душой компании была Сельма Суонсон, очаровательная в своих гольфах. Они закричали Селигу, чтобы он шел к ним, и он после нескольких величественных отказов согласился. Игра прошла очень весело. Потом он стал в шутку бороться с мисс Суонсон, у нее оказалась удивительно гибкая талия и необычайно томные глазки, которые он только сейчас рассмотрел. Как хорошо, что он не потерял день, слушая болтовню нудного старикашки!

На следующий день, в шесть часов, закончив блестящую главу, он отправился с мисс Суонсон на гору Повэрти. Заходящее солнце так ярко золотило пастбища, сосны и далекие луга, а мисс Суонсон в юбке из грубой шерсти и тяжелых спортивных ботинках — но чулки она надела шелковые — была так мила, что он пожалел о своем обещании быть в восемь у сенатора.

«Но я всегда держу свое слово», — размышлял он гордо.

Они сели на плоский камень на краю обрыва, и Селиг произнес привычным преподавательским тоном:

— Какое необыкновенное освещение! Вы видите, как вспыхнула на солнце крыша вон того домика? Посмотрите на тени кленов! Вы замечали, что красота пейзажа зависит не столько от формы предметов, сколько от игры света и тени?

— Нет, пожалуй, не замечала. Да, именно все дело в освещении. Ах, какой вы наблюдательный!

— А мне кажется, я порядочный книжный червь.

— Что вы, ничуть! Вы серьезный ученый, это верно, — о, я только теперь поняла, как надо работать! — но вы и дурачиться умеете. Вчера вы смешили нас до слез! Обожаю людей, которые умеют и работать и отдыхать!

В половине восьмого, держа ее крепкую ручку в своей, он говорил:

— Уверяю вас, мне не хватает многих хороших качеств. Но ведь вы согласны со мной, что настоящему мужчине не к лицу пить, как этот старик? Между прочим, нам пора возвращаться.

Без четверти восемь, после того, как он поцеловал ее и попросил прощения, а потом снова поцеловал, он сказал:

— Ладно, подождет немного, не беда.

В восемь:

— Черт! Уже восемь! Как быстро прошло время! Теперь уж лучше совсем не ехать. Позвоню ему вечером и скажу, что перепутал день. Знаете что, давайте спустимся к озеру и пообедаем на лодочной станции вдвоем, а?

— Чудесно! — согласилась мисс Сельма Суонсон.

Лафайет Райдер сидел на веранде, которая вместе со столовой и спальней составляла теперь весь его мир, и ждал своего доброго юного друга, который возвращал ему мир его прошлого. Через три дня приедет из Нью-Йорка поверенный и оформит новое завещание. Но — сенатор нетерпеливо пошевелился — деньги, в сущности, противная вещь. У него есть для Селига нечто другое, более редкостное — дар, достойный ученого.

Он посмотрел на подарок с улыбкой. Это был двойной листок плотной почтовой бумаги. Наверху было вытиснено: «Виндзорский замок»; повыше изящным почерком выведены слова: «Моему другу Л. Райдеру с разрешением использовать, как сочтет нужным. Бендж. Гаррисон».

Письмо начиналось словами: «Его превосходительству, президенту», — а внизу стояла подпись: «Виктория R.»¹. В немногих строчках между обращением и подписью заключалась неведомая миру история правления королевы Виктории, история девятнадцатого века... Динамит в больших пакетах не хранят.

Сунув руку под розовый плед, оставлявший открытым только его серое лицо, старик спрятал письмо в карман.

¹ R. (Regina) — королева (лат.).

Шурша халатом, на веранду вышла мисс Талли и стала спрашивать:

— Не больше одного коктейля сегодня, дедушка, да? Доктор говорит, вам это вредно.

— Может быть, да, а может, нет. Который час?

— Без четверти восемь.

— Доктор Селиг приедет в восемь. Если Мартенс не принесет коктейль на веранду через три минуты после того, как вернется, я с него шкуру спущу. А искать папиросы в моей комнате не стоит. Я перепрятал их в новое местечко. Весьма возможно, что буду сидеть и курить до утра. Да, пожалуй, я и вообще не лягу сегодня. Пожалуй, и ванну принимать не буду...

Он только посмеивался в ответ на стоны мисс Талли: «Ну какой же вы несносный!»

Сенатор мог бы и не спрашивать, который час. Начиная с семи он каждые пять минут вытаскивал часы из-под пледа и смотрел на них. Он злился на себя за то, что, как дурак, ждет не дождется своего молодого друга, но ведь старых-то друзей никого не осталось.

Вот в чем проклятие такой долгой жизни. Никого нет. Все умерли давным-давно. Ему еще писали idiotские письма, выпрашивая автографы, деньги, но кто, кроме этого замечательного Селига, навестил его? Ни одна душа, уже много лет!

В восемь сенатор встрепенулся — на этот раз не как сонный, дряхлый филин, а как орел, когда он высовывает голую шею из гуши взъерошенных перьев, готовясь взмыть к небу. Сенатор прислушался, не идет ли машина.

Через десять минут он выругался с большим знанием дела. Черт бы побрал этого Мартенса!

Через двадцать минут машина подкатила к дому. Из нее вышел один Мартенс. Дотронувшись до фуражки, он доложил:

— Прошу прощения, сэр, мистера Селига не было на ферме.

— Какого черта вы его не подождали?

— Я ждал, сэр. Больше не посмел.

— Бедняга! Вдруг он заблудился в горах? Нужно немедленно начать поиски!

— Прошу прощения, сэр. С вашего разрешения, сэр, когда я ехал обратно, мимо тропы на гору Повэрти, я видел мистера Селига с молодой дамой, сэр. Они разговаривали, смеялись, шли они не к ферме, а в другую сторону, сэр. Мне кажется...

— Хорошо, можете идти.

— Я немедленно подаю обед, сэр. Прикажете принести коктейль сюда?

— Не надо совсем. Позовите мисс Талли.

Сестра подбежала к нему и вскрикнула от испуга. Сенатор Райдер сидел в кресле, весь поникнув. Наклонившись, она услышала шепот:

— Если вам не трудно, голубчик, я попросил бы вас помочь мне добраться до постели. Есть мне не хочется. Я что-то устал.

Пока она встревоженно снимала с него плед, он глядел не отрываясь на темнеющую долину, как человек, который смотрит на нее в последний раз. Но, когда она помогла ему подняться, к нему внезапно вернулись силы. Он выхватил из кармана сложенный вдвое твердый листок, разорвал его в клочья и яростным взмахом своей длинной руки рассыпал их по веранде.

А потом упал на руки мисс Талли.

ПОЕЗЖАЙ В ЕВРОПУ, СЫН МОЙ!

Деда звали Зебулун Дибл. У него были густые и пышные, как конская грива, усы, он носил крахмальные рубашки без воротничка и занимался выделкой овсянки, очень полезной и безвкусной. В 1875 году он перебрался из Нью-Гэмпшира в город Зенит и в 1880 году стал счастливым, но сердитым отцом Т. Джефферсона Дибла.

Т. Джефферсон превратил пыльную крупорушку в поэму из стали и стекла, выпускавшую Овсяные Хлопья, Рисовые Бочоночки и Воздушные Вафельки; сими трудами собрал он в свои житницы миллион долларов и в году эдак 1905 сделался культурным. Тогда как раз началась в Америке мода на культуру, которая в наше время достигла высот передаваемых по радио симфоний и лекций дилетантствующих в поэзии великих князей.

Т. Джефферсон состоял в Комитете Оперных Фестивалей, в Учредительном Совете Выставки Батика и был также председателем Лекционного Комитета клуба «Феникс». Впрочем, вся эта изнеживающая культура несколько не мешала ему есть поедом своего заведующего отделом сбыта от половины десятого утра до пяти часов дня. Если сбыт Ржаных Дрожжевичков (Витаминизированных) не увеличивался на четыре процента ежегодно, он кричал, что его предали, что его служащие, американский Конгресс, американские профсоюзы кусают ту руку, которая их кормит.

Однако вне стен своей конторы, в каждом клубе и комитете, где ему удавалось пролезть на председательское место, он провозглашал, что Америка — лучшая страна в мире — клянусь небом! — и что Zenit — лучший город в Америке. Как мы это докажем? Только не вульгарным хвастовством и горлопанством! Нет, сэр! Мы покажем на фактах, что у нас больше культуры, чем в любом другом городе, равном Zenitu по величине! Дайте нам десять лет! Увидите, что в Zenite будет больше квадратных футов полотен старых мастеров, больше скрипок в оркестре, больше мраморных статуй на одну квадратную милю, чем в Мюнхене!

Единственный сын Т. Джефферсона, Уитни, появился на свет в 1906 году. Т. Джефферсон морщился всякий раз, когда мальчишки называли его сына попросту Уит. Морщиться ему приходилось довольно часто. Уит предпочитал заниматься плаванием, гонять на своем автомобильчике или дергать звонки у дверей пугливых старых дев, чем приобщаться к радостям культуры. Но решение Т. Джефферсона было твердо.

Совершенно так же, как он орал на агента в конторе: «Черт побери! Вы продадите оптовикам Жемчужную Перловку или вылетите вон!» — орал он и на сына, вернувшись в свой чистенький, крытый черепицей особняк на Цветущих Холмах, построенный в стиле Старинной Английской Усадьбы: «Черт побери! Ты выучишься играть на рояле или ты у меня света белого не взвидишь! Как те-бе не стыдно! На коньках кататься хочет! Еще чего!»

Уитни обучали — по крайней мере, считалось, что обучали, — различным искусствам: играть на рояле, петь, рисовать, фехтовать, писать акварелью и говорить по-французски. И, несмотря на все это, Уит оставался румяным, веселым и неодолимо склонным к коммерции. Несколько лет он втайне от Т. Джефферсона вел прибыльные торговые операции, перевоза во второй отцовской машине пустые бутылки из Спортивного клуба обратно в притоны бутлеггеров.

Но рисовать он умел. Пел он, как ворона, рапирой действовал, как молотком, но рисовать он умел, и когда поступил в Йельский университет, то стал там главным карикатуристом газеты «Йельские новости».

Впервые отец возгордился сыном. Он развесил по дому рисунки Уита в тяжелых золотых рамах и демонстрировал их — все до единого — своим друзьям и своим комитетам, никому не давая улизнуть. Когда журнал «Лайф» поместил рисунок Уита, Т. Джефферсон послал сыну чек на сто долларов с собственноручным автографом, после чего Уит — вообще говоря, славный юноша — составил себе несколько преувеличенное мнение о роли своего искусства в мировом прогрессе. На рождественских каникулах, когда Уит был на последнем курсе, Т. Джефферсон (с торжественной миной Отца, Собирающегося Подать Добрый Совет Сыну) зазвал его в библиотеку и рассыпался цветами красноречия:

— Уитни, сын мой, настал момент, когда ты должен глубоко размыслить и принять решение, какое поприще мира... какое поприще в мире... короче говоря, на каком поприще, по твоему мнению, могли бы твои таланты раскрыться во всей полноте? Надеюсь, ты меня понимаешь?

— Ты это насчет того, где я буду работать после окончания?

— Нет, нет и нет! Диблы достаточно потрудились. У меня хватит денег на всех нас. Вот мне действительно пришлось трудиться в поте лица, но, в сущности, у нас, Диблов, у всех художественные натуры. Деда твоего всегда тянуло к кисти и краскам. Правда, обстоятельства были таковы, что дальше окраски нашего сарая он пойти не смог, но он обладал тонким чувством цвета. Он покрасил сарай в голубой с ярко-розовым, а отнюдь не в красный; и наш семейный особняк на Клей-стрит — это также создание его творческой мысли, я ни за что бы с ним не расстался, если бы отделка ванных не вышла из моды — ни одной цветной плитки в облицовке!

Это он настоял на том, чтобы особняк был увенчан мавританской башенкой под медной крышей, тогда как архитектор предлагал четырехугольную вышку пагодой. И сам я, позволю себе заметить, хотя и был лишен возможности развивать свои творческие способности, организовал сбор пожертвований в сумме двухсот шестидесяти семи тысяч восьмисот долларов на приобретение картины Рембрандта для Института Изысканных Ис-

кусств, а то, что этот Рембрандт оказался потом подделкой, намалеванной пройдохой Джоном Дж. Джонсом, так это не моя вина. И... э... одним словом... ты меня понимаешь... хотел бы ты поехать после окончания в Париж, заниматься искусством?

— В Париж!

Уит ни разу не был за границей. Париж он представлял себе в виде целого моря баров и ресторанов с приправой из девиц с глазами, как ягоды терна (что это за ягоды, он толком не знал, но был уверен, что у всех парижских красоток глаза непременно такие), цветущих в январе пальм и мастерских в мансардах, где жизнерадостные живописцы и их веселые натурщицы питаются одними спагетти с красным вином и песенкой «*Auprès de ma blonde*»¹.

— Париж! — проговорил он и добавил: — Думаю, было бы неплохо, сэр.

— Сын мой! — Т. Джефферсон положил пухлую руку на плечо Уиту, являя собой во всем великолепии образ Отца, Отправляющего Сына в Бурное Море Жизни. — Я горжусь тобой. Я льщу себя надеждой, что доживу до того времени, когда ты станешь одним из величайших представителей мирового изобразительного искусства, посылающим свои картины на выставки в Лондон, Рим, Зенит и другие города, художником, чьи творения возвестят прекрасные, возвышенные истины тем, кто изнемогает под бременем труда, и увлекут их души от низменной, будничной борьбы за существование в лучезарную даль.

Именно это я и долблю мистеру Маунтджинсу, моему заведующему отделом сбыта. «Нельзя думать только о коммерческих сделках, — говорю я ему. — Надо посещать Институт Изящных Искусств, освежать свою душу». А этот осел просто не желает увеличивать сбыт Кукурузных Хрустиков в Южном Мичигане! Однако возвращаюсь к тому, о чем я говорил. Я хотел бы, чтобы ты отнесся к поездке в Париж не легкомысленно, но со всей серьезностью, как к возможности найти более высокие и выгодные, нет, нет, я хочу сказать, более вы-

¹ «Возле моей блондинки» (франц.).

сокие и... э... более высокие... словом, более возвышенные идеалы. Благословляю тебя на этот путь!

— Здорово! Вот увидишь, папа, я не подкачаю!

После рождественских каникул, когда выпускники увлеченно предавались любимому занятию всех выпускников — разговорам о том, чем они займутся по окончании колледжа, Уит держался с возмутительным апломбом.

— У меня есть одна мыслишка, — сказал его однокурсник Стайвезант Уэскотт, тоже из Зенита. — Конечно, шикарно бы попасть в юридическую фирму или заняться продажей ценных бумаг, на сотню тысяч в год потянет. Не для того же мы кончаем университет, чтобы размениваться на мелочи. А этот дуралей Тед Пейдж хочет идти учителем в начальную школу — будет возиться с оравой невымытых ребятишек и ни в жизнь не заработает больше пяти тысяч! Но теперь насчет продажи ценных бумаг слабо: все уже забито. Как думаешь, не двинуть ли нам в телевидение? Золотое дно!

Мистер Уитни Дибл поднялся, томно вытаскивая из кармана алый мундштук длиной в шесть дюймов, закурил сигарету и небрежным жестом стряхнул пепел. Алый мундштук, томный вид, небрежность жеста и манера стряхивать пепел на пол были у него новоприобретенными и вызывали крайнее неодобрение его товарищей.

— Меня несколько не интересуют ваши пошлые планы, — проронил он. — Лично я еду в Париж заниматься живописью. Через пять лет буду выставляться в... ну, во всяких там картинных галереях. Желая вам успешно загребать деньги и играть в гольф. Заглядывайте в мой *petit château*¹, когда будете за границей. А сейчас я испарюсь, иду на этюды.

Уитни Дибл, ехавший навстречу славе в пульмановском вагоне, прибыл в Париж янтарно-жемчужным октябрьским днем. Оставив чемодан в гостинице, он вышел побродить по городу, радостный и счастливый. Площадь Согласия показалась ему величественной, как площадь перед королевским дворцом, а творение Габри-

¹ Маленький замок (франц.).

ля — два одинаковых корпуса Морского министерства — настоящей императорской резиденцией. Они были выше любого нахального нью-йоркского небоскреба — выше, и благороднее, и разумнее.

Все в Париже дышало жизнью более яркой и более взыскательной, чем жизнь дома, и не очень-то приветливой к незваному пришельцу. Уит чувствовал себя желторотым птенцом, провинциалом, но при этом страстно жаждал успеха.

Трепеща от тихого восторга, он сидел вечером на балконе, любясь бликами света, испещрившими древние воды Сены, а утром помчался в студию мсье Сиприана Шелкопфа, где ему предстояло немедленно стать признанным гением.

Действительность не обманула его ожиданий. Студия мсье Шелкопфа (из старинного бретонского рода Шелкопфов, как он сам говорил) словно сошла со страниц романа: очень длинная, очень грязная, на возвышении — обнаженная натурщица. Девушки-художницы были в широких рабочих халатах, мужчины — в бархатных куртках.

Мсье Шелкопф с величайшим удовольствием принял Уита и его десять тысяч франков, уплаченных вперед.

Уит жаждал поскорее сесть за мольберт, чтобы стремительной рукой бросать бессмертные мазки на тугой холст. Он постигнет душу природы до самых глубин и заставит ее светиться в глазах портрета, а тело он обозначит лишь легким контуром... Вот будет здорово, если первая же его картина будет выставлена в Салоне!

Однако прежде чем совершить прыжок в бессмертие, надлежало обзавестись подобающим богемным антуражем, и Уит, волнуясь, пустился на поиски мансарды на Левом берегу. (Снимать комфортабельную квартиру на Правом берегу значило быть буржуа и даже хуже — американцем.)

Уит нашел себе жилище на улице Феликс Фор. Комнаты были тихие и светлые, а Уит уже устал искать.

В тот же вечер он отправился в знаменитое кафе «Фанфарон» на бульваре Распай. О нем говорили, как об интернациональном (читай—американском) центре всего самого нового и самого скандального в живописи и поэзии и всего самого сокрушительного, что печаталось в критических разделах маленьких журнальчиков.

сокие и... э... более высокие... словом, более возвышенные идеалы. Благословляю тебя на этот путь!

— Здорово! Вот увидишь, папа, я не подкачаю!

После рождественских каникул, когда выпускники увлеченно предавались любимому занятию всех выпускников — разговорам о том, чем они займутся по окончании колледжа, Уит держался с возмутительным апломбом.

— У меня есть одна мыслишка,— сказал его однокурсник Стайвезант Уэскотт, тоже из Зенита.— Конечно, шикарно бы попасть в юридическую фирму или заняться продажей ценных бумаг, на сотню тысяч в год потянет. Не для того же мы кончаем университет, чтобы размениваться на мелочи. А этот дуралей Тед Пейдж хочет идти учителем в начальную школу — будет зарабатывать с оравой немытых ребятишек и ни в жизнь не заработает больше пяти тысяч! Но теперь насчет продажи ценных бумаг слабо: все уже забыто. Как думаешь, не двинуть ли нам в телевидение? Золотое дно!

Мистер Уитни Дибл поднялся, томно вытащил из кармана алый мундштук длиной в шесть дюймов, закурил сигарету и небрежным жестом стряхнул пепел. Алый мундштук, томный вид, небрежность жеста и манера стряхивать пепел на пол были у него новоприобретенными и вызывали крайнее неодобрение его товарищей.

— Меня несколько не интересуют ваши пошлые планы,— проронил он.— Лично я еду в Париж заниматься живописью. Через пять лет буду выставлаться в... ну, во всяких там картинных галереях. Желаю вам успешно загребать деньги и играть в гольф. Заглядывайте в мой *petit château*¹, когда будете за границей. А сейчас я испаряюсь, иду на этюды.

Уитни Дибл, ехавший навстречу славе в пульмановском вагоне, прибыл в Париж янтарно-жемчужным октябрьским днем. Оставив чемодан в гостинице, он вышел побродить по городу, радостный и счастливый. Площадь Согласия показалась ему величественной, как площадь перед королевским дворцом, а творение Габриеле-

¹ Маленький замок (франц.).

ля — два одинаковых корпуса Морского министерства — настоящей императорской резиденцией. Они были выше любого нахального нью-йоркского небоскреба — выше, и благороднее, и разумнее.

Все в Париже дышало жизнью более яркой и более взыскательной, чем жизнь дома, и не очень-то приветливой к незваному пришельцу. Уит чувствовал себя желторотым птенцом, провинциалом, но при этом страстно жаждал успеха.

Трепеща от тихого восторга, он сидел вечером на балконе, любуясь бликами света, испещрившими древние воды Сены, а утром помчался в студию мсье Сиприана Шелкопфа, где ему предстояло немедленно стать признанным гением.

Действительность не обманула его ожиданий. Студия мсье Шелкопфа (из старинного бретонского рода Шелкопфов, как он сам говорил) словно сошла со страниц романа: очень длинная, очень грязная, на возвышении — обнаженная натурщица. Девушки-художницы были в широких рабочих халатах, мужчины — в бархатных куртках.

Мсье Шелкопф с величайшим удовольствием принял Уита и его десять тысяч франков, уплаченных вперед.

Уит жаждал поскорее сесть за мольберт, чтобы стремительной рукой бросать бессмертные мазки на тугой холст. Он постигнет душу природы до самых глубин и заставит ее светиться в глазах портрета, а тело он обозначит лишь легким контуром... Вот будет здорово, если первая же его картина будет выставлена в Салоне!

Однако прежде чем совершить прыжок в бессмертие, надлежало обзавестись подобающим богемным антуражем, и Уит, волнуясь, пустился на поиски мансарды на Левом берегу. (Снимать комфортабельную квартиру на Правом берегу значило быть буржуа и даже хуже — американцем.)

Уит нашел себе жилище на улице Феликс Фор. Комнаты были тихие и светлые, а Уит уже устал искать.

В тот же вечер он отправился в знаменитое кафе «Фанфарон» на бульваре Распай. О нем говорили, как об интернациональном (читай — американском) центре всего самого нового и самого скандального в живописи и поэзии и всего самого сокрушительного, что печаталось в критических разделах маленьких журнальчиков.

Тротуар перед кафе был заставлен столиками, за которыми сидело множество людей. Почти все смеялись, почти каждый чем-то останавливал на себе взгляд: девушки — в глубоко вырезанных платьях клеш; юноши — с кудрявыми волосами и пронизательным взглядом, в эффектных пестрых куртках; грузные пожилые мужчины (эти казались здесь самыми молодыми) — с огромными бородами, похожими на фальшивые.

Уита подозвала к своему столику компания американцев. И не прошло и получаса, как он уже сговорился поехать на прогулку в Булонский лес с большеглазой девицей по имени Айседора, выслушал многократные заверения, что Париж — лучший город в мире для человека с Творческими Гормонами, и был приглашен на вечеринку одним веселым человеком, которому до мешков под глазами можно было дать года двадцать четыре, а выше — все шестьдесят четыре.

Вечеринка была отличная.

Гости сидели на полу, пили коньяк и старались перекричать друг друга. Хозяин, не заставляя себя упрашивать, показал около сотни своих творений. На его полотнах дома заваливались, а горы напоминали мусорные кучи, значит, это и было самое настоящее современное искусство, и Уита распирало от гордости и счастья.

С того вечера Уит зажил веселой, суматошной жизнью артистической богемы. Он чувствовал себя заправским художником, за исключением тех часов в студии мсье Шелкопфа, когда он пытался писать.

Уит, подобно другим стремительным молодым американцам, с изумлением обнаружил, как трудно работать медленно. В университете на лекции, длившейся пятьдесят минут, он успевал сделать двадцать живых и забавных карикатур. Оказалось, что корпеть пятьдесят минут над одним квадратным дюймом холста несравненно труднее. Вот в чем была его беда.

Уит не обманывался. Он мысленно рычал на себя: в его вещах не больше глубины и смысла, чем в картинках из журнала мод.

А мсье Шелкопф так ему прямо и говорил. Он останавливался сзади, щекоча шею Уита бородой, и изрекал: «Гм!» А когда мсье Шелкопф говорил «гм»,

Уиту хотелось все бросить и идти копать сточные канавы.

И. Уит удирал из этого мрачного морга и шел в кафе «Фанфарон», к Айседоре, с которой познакомился в свой первый вечер в Париже.

Айседора живописью не занималась. Она писала книги. Разумеется, она ходила с портфелем. Однажды он раскрылся, и Уит увидел в нем бутылку вермута, чистую бумагу, прелестные красные, синие, зеленые и лиловые карандаши, носовой платок и шелковые чулки. Но он не испытал ни малейшего душевного потрясения, когда в тот же вечер Айседора сообщила, что она носит в портфеле черновик своего романа.

Айседора была из Омахи, штат Небраска, и любила целоваться.

Они устроили пикник в лесу Фонтенебло. Уиту казалось, что ничего на свете не может быть лучше, чем вот так угощаться бутербродами с сыром, бургундским и вишнями, а потом лежать под узорчатым шатром дубовых ветвей, оголенных октябрьским ветром, держа руку девушки, которая знала обо всем на свете и которая обязательно через год-два затмит прославленных Эдит Уортон и Уиллу Касер. Отношения их были по-детски чисты, но романтичны, как тени средневековых принцесс в островерхих головных уборах, которые некогда охотились в этом самом королевском лесу, оглашая его звонкими криками «Ату! Ату!».

— Ваш акварельный этюд собора Парижской богородицы изумителен, — сказала Айседора.

— Я очень рад, что он вам нравится, — ответил Уитни.

— Такой оригинальный по концепции!

— Да, я пытался сказать нечто новое.

— Правильно! Новое — это все. Пора отказаться от кубизма и экспрессионизма — старо. Сумасшедшие рисунки теперь не в моде. Должны быть какие-то рамки.

— Вот именно! Сдержанность — вот что нужно. Ах, черт, жалко, что вина больше не осталось, — сказал Уит.

— Вы милый.

Опершись на локоть, она поцеловала его, вскочила и стремительно полетела вдоль лесной прогалины. А он

помчался вслед за ней, объятый восторгом, которого не охладило даже обратное путешествие в одном автобусе с толпой туристов, все время восхищавшихся не тем, чем надо.

Фанфаронская школа мудрости имела роскошную витрину, но мало товаров на полках. Слушать вечерами, как рассуждает о стилистических красотах Пруста Майлз О'Селливэн, знаменитый ирландский критик из Южного Бруклина, было в высшей степени занимательно. Но когда Майлз в пятый раз заскрипел голосом утопающего: «Помню, как старина Марсель говорил мне: «Майлз, *top petit*¹, ты один понимаешь, что внешнее может быть выражено только через внутреннее», — Уит взбунтовался. Он взял такси, поехал в Англо-Американскую Аптеку и совершил самый «американский» поступок, на какой вообще способен человек, — купил пакет жевательной резинки.

Жевание резинки было не единственным американским пороком, глубоко презираемым в «Фанфароне». Все наши изгнанники сходились на том, что, исключая Польшу, Гватемалу и викторианскую Англию, самая отсталая страна на свете — Соединенные Штаты. Не менее жестокой критике подвергали они и американские небоскребы, свинину с бобами, Чикаго, домашнюю прислугу, джаз, Рено, лацканы смокингов, площадки-малютки для гольфа, рекорды авиаторов, зубную пасту, бунгало, миниатюрные кухоньки-столовые в нишах, жевательный табак, кафетерии, Бута Таркингтона, корнфлекс, дешевые автомобили, мусоросжигатели, кукурузные початки, Кони-Айленд, ротарианские клубы, бетонные дороги, идею пробных браков, фундаментализм, проповеди по радио, аптеки, торгующие бутербродами, письма, которые диктуют, но не читают, шумные улицы, бесшумные пишущие машинки, Матта и Джеффа, козырьки, защищающие глаза, сиреневые и лимонные чулки-гольфы, *chile con carne*², Крайслер-билдинг, Джимми Уокера, Голливуд, бойскаутов, туристские ба-

¹ Малыш (франц.).

² Мексиканское блюдо — мясо и бобы, приправленные красным перцем и пряностями (исп.).

зы, горячие сосиски, адмирала Бэрда, безопасные бритвы, Шатокву и президента Гувера.

Изгнанники единогласно заявляли, что они немедленно вступят в Иностраннный легион первой же страны, которая объявит войну Соединенным Штатам и сметет их с лица земли.

Три месяца Уит вместе с другими громил и крушил все американское, но вскоре после пикника с Айседорой он внезапно сделался патриотом. Всею виною был Майлз О'Селливэн, который учинил в один прекрасный день публичное поношение жареной курицы — излюбленного американского блюда, — утверждая, что это детская еда.

А дело было как раз перед обедом, к тому же Майлз обладал превосходным даром слова. Чем больше Уит слушал его, тем соблазнительнее рисовались ему куриное крылышко с поджаренной, хрустящей корочкой, кукурузные оладьи под кленовым сиропом, и консервированный сладкий картофель, и прочая грубая стряпня, от которой брезгливо отворачивались выросшие на этой стряпне американские эстеты.

Уит вскочил, издав рычание, которое было воспринято Майлзом, как дань его остроумию.

Но Майлз ошибся.

Уит понесся по бульвару Распай. Не раз до этого, ехидно ухмыляясь, он посматривал на приютившийся там отталкивающе американский ресторанчик «У черной нянюшки». Сейчас Уит пулей влетел туда. Голосом, в котором слышалась еле сдерживаемая истерика, он заказал жареную курицу, консервированный сладкий картофель и кукурузные оладьи под кленовым сиропом.

Если уж быть абсолютно объективным — что, впрочем, невозможно, — курица оказалась пережаренной, оладьи отмокли, консервы были настоящая отравка, а сироп не имел ничего общего с кленами. Однако Уит ел всю эту снедь с гораздо большим удовольствием, чем те творения кулинарии, которые он открыл в Париже.

Знакомые с детства кушанья пробудили воспоминания о родном и близком... Первые студенческие рождественские каникулы; свежий запах снега; девочки, в которых он был влюблен мальчишкой; товарищи, с кото-

рыми играл. Обед в ресторане, когда он был на последнем курсе, нежная грусть расставания с родителями.

Хорошее было время: все ясно, и просто, и честно.

Уит вышел из ресторана «У черной нянюшки», весь погруженный в воспоминания о снеге на Чепел-стрит и Нью-Хейвен Грин, и попал прямо под первый снег парижской зимы. И это было не так уж приятно.

Хотя Уит окончил университет, он все же немного разбирался в географии и должен был бы знать, что Париж находится не в тропиках. Тем не менее ему почему-то казалось, что здесь, в столице мира, просто не может быть холодно и промозгло. Он поднял воротник своего легкого пальто и зашагал... куда глаза глядят.

Пройдя несколько кварталов, Уит почувствовал, что снег и холодный ветер, сначала приведшие его в уныние, даже бодрят и успокаивают. Он шел и бормотал что-то отрывочное, подобное наброскам будущих мыслей:

— Нет у меня способностей к живописи! Рекламы станков я еще сумел бы рисовать. Не больше! Париж! Ни один город в Америке не сравнить с ним! Но я здесь чужой. Парижу нет до меня дела. И настоящих-то французов я не знаю, кроме моей хозяйки, прислуги, да нескольких официантов, и полицейских, да той пишущей братии, которая вертится в кафе «Фанфарон». И не удивительно, что вертится,— мы поддерживаем их больше, чем сами французы. Бедняга Т. Джефферсон! Хочет, чтобы сын стал признанным талантом! Пожалуй, надо все же иметь талант для того, чтобы быть талантом... Черт! Жаль, что нет здесь Стайви Уэскотта! С удовольствием выпил бы с ним!

Сам не зная, как это случилось, Уит перешел со священного Левого берега на буржуазный Правый. Изменив «Фанфарону» и Айседоре, он укрылся от своих невзгод в Café de la Paix.

У самой двери сидел круглолицый американец лет пятидесяти в очках и грустно поглядывал вокруг, ища, с кем бы провести вечер.

Уит и сам не мог бы сказать, каким долгим и сложным путем он пришел к мысли избрать себе в товари-

ши этого Бэббита. Он плюхнулся на стул рядом с незнакомцем, пробормотав: «Разрешите?»

— Садись, сынок. Чертовски рад! Американец?

— Факт!

— До чего, понимаешь ты, приятно опять поговорить с белым человеком! Живешь здесь?

— Занимаюсь в студии.

— Скажи, пожалуйста, какая штука!

— Штука-то невелика. Не выходит из меня художника.

— Ну и плевать! Сейчас поживешь здесь в свое удовольствие, поучишься уму-разуму, пока молод, а потом вернешься в Штаты и займешься делом. Ты с Востока?

— Нет, я из Эзнита.

— Да ну! И родители там живут?

— Да. Мой отец владелец компании «Мелкокрупные Изделия», Т. Джефферсон Дибл.

— Провались я на этом самом месте! Да ведь я знаком с твоим папашей! Моя фамилия Титус, Зернотранспортировочная Корпорация, Буффало. Мы с твоим папашей не одну сделку провернули. Ах, чтоб тебе! Кто б подумал, что встречу знакомого? И где? Завтра уезжаю, а ведь за все время в первый раз со своим человеком словом перекинулся. Послушай, сынок, окажи мне честь, поедем кутнем вместе, да так, чтоб небу жарко стало.

Они отправились смотреть ревию «Обозрение двух полушарий», отрекомендованное Майлзом О'Селливэном как самое непристойное во всей Европе. Уит был шокирован. Он изо всех сил старался, чтобы ревию ему понравилось. Он говорил себе, что иначе он выходит полным провинциалом, неинтеллигентным человеком, попросту американцем. Но ему становилось все больше не по себе при виде штучек, которые выдывали девицы из «Обозрения». Взглянув исподтишка на мистера Титуса, Уитни обнаружил, что тот нервно вертит в руках рюмку и покашливает, как будто у него саднит горло.

— Мне что-то не очень нравится,— пробормотал Уит.

— Мне тоже, сынок. Давай смотаемся отсюда.

Они поехали в бар «Новый Орлеан» и выпили там виски с содовой. Поехали в бар «Канзас-Сити» и выпи-

ли по коктейлю. Поехали в бар «Эль Пасо» и выпили виски с сахаром. Потом поехали в бар «Виргиния». К этому времени мистер Титус был исполнен дружелюбия и мужественного веселья.

Прислонившись к стойке, мистер Титус возвестил джентльмену из Южной Дакоты:

— Я из Буффало. Фамилия— Титус.

— А я из Янктона. Смит.

— А-а, значит, вы тот самый Смит, о котором я так много слышал?

— Ха-ха-ха, правильно!

— В Буффало бывали?

— Проезжал мимо.

— Ну так вот, держу пари, что за ближайшие десять лет население Буффало увеличится не меньше, чем на двадцать семь процентов.

— Выпей еще стаканчик.

— Пей, плачу я.

— Бросим жребий, кому платить.

— Верно! Сейчас бросим жребий. Эй, Билли! Есть у вас кости?

Когда они разыграли, кому платить за виски, мистер Титус громогласно объявил:

— Послушай, я тебя еще не познакомил с моим молодым другом Уитни Диблом.

— Рад познакомиться.

— Он художник.

— Скажи, пожалуйста!

— Да, сэр, знаменитый художник. По всему свету продает картины. В Лондоне, и в Форт-Уэрте, и в Копенгагене — всюду. Тысячи долларов! Мы приятели с его отцом. Как бы я хотел повидать доброго старого Дибла! Как я по нему соскучился!

Тут мистер Титус стал тихо лить слезы, и Уит повез его домой.

На другое утро, в тот час, когда ему полагалось заниматься в студии мсье Шелкопфа, Уит провожал мистера Титуса на вокзале Сен-Лазар. Уит чуть-чуть приуныл. В поезде ехало множество возвращавшихся домой хорошеньких молодых американок, с которыми было бы так приятно играть в дек-теннис.

Вот так и получилось, что Уит предался самому гнусному пороку, которому только может предаться американец, проживающий в Париже. Он стал заводить знакомства с толстыми тоскующими американцами и показывал им как раз те из достопримечательностей Парижа — Эйфелеву башню, например, — на которые храбрые мальчики из кафе «Фанфарон» наложили особое табу.

Уитни делал отчаянные попытки написать хотя бы одну приличную картину, стараясь изо всех сил отучиться от манеры рисовать легко и быстро. Наконец он создал нечто декоративное в лилово-буро-красных тонах, выгодно отличавшееся, на его взгляд, от его прежней честной фотографии.

И, созерцая его творение, мсье Шелкопф в первый и последний раз изрек внятно:

— Со временем из вас выйдет хороший банкир.

Накануне отъезда домой на летние каникулы Уит повел Айседору в маленький застекленный ресторанчик, прилепившийся к склону Монмартра и обозревающий с высоты весь Париж. С нее слетело все ее позерство. Сжимая его руки, она горячо молила:

— Уит! Любимый! Ты снова будешь дышать отравленным воздухом Среднего Запада. Тебя будут пытаться оторвать от искусства, от творчества, от свободы, от всего прекрасного и удивительного, что останется здесь на века, когда машины уже превратятся в кучу лома. Дорогой мой, не дай им соблазнить тебя их хваленой предприимчивостью, обещаниями миллионов!

— Глупышка! Ну что ты! Терпеть не могу коммерции. Я обязательно приеду опять осенью.

Уит просил фанфаронских прозелитов не провожать его. Чутьочку взгрустнув от сознания, что кипучий город Париж так мало интересуется его персоной, он отправился на вокзал один и никого не искал глазами на платформе, уныло шагая вслед за носильщиком к вагону.

Внезапно его ошеломила крик доброго десятка закадычных друзей из «Фанфарона». Поразительно было не то, что каждый истратил по пятидесяти сантимов на перронный билет (факт сам по себе невероятный), а то, что они поднялись в девятом часу утра, чтобы проводить его.

Ласковые руки Айседоры обвилились вокруг его шеи. Она жалобно причитала:

— Не забывай нас, милый, меня не забывай.

Майлз О'Селливэн жал Уиту руку, крича:

— Уит, дружище, смотри, чтобы доллары не зацапали тебя!

Остальные пламенно уверяли, что будут всем сердцем ждать его возвращения.

Когда поезд с лягом и грохотом тронулся, Уит, высунувшись из окна, махал рукой. Пустые хвастунишки и самовлюбленные позеры, они искренне грустили, расставаясь с ним. И Уит почувствовал, что любит их.

Он непременно к ним вернется.

Всю дорогу до Шербура Уит огорченно думал, что многого не видел в Париже. В Лувре он был всего три раза. Он так и не съездил в Морэ, так и не полюбовался на зубчатые стены Провэна.

Уит вбежал в особняк на Цветущих Холмах, потрепал по плечу Т. Джефферсона и, поцеловав мать, пробормотал:

— Черт возьми, все-таки здорово дома!

— О, можешь говорить с нами по-французски, если хочешь,— сказал Т. Джефферсон.— Мы без тебя занимались французским языком: надеемся поехать с тобой в Париж в недалеком будущем. *Avez vous oo un temps charmant cette...¹* мм... в этом году?

— Да, еще бы, oui². А-а, вы заново отделали столовую! Желтые и красные изразцы! Блестяще!

— Вот что, *écoutez... écoutez, mon fils³*. Теперь, Уитни, когда ты побывал за границей, увидел свет, тебе совершенно незачем щадить наше самолюбие. Я понимаю — и ты тоже, — что красные с желтым изразцы вульгарны. Но вернемся к более приятным темам. Я жажду услышать о твоих парижских впечатлениях. Сколько раз ты был в Лувре?

¹ Хорошо ли вы провели время в втом... (ломаный франц.).

² Да (франц.).

³ Послушайте... послушай, сын мой (франц.).

— Ах, в Лувре! В Лувре? Много раз!

— Я так и думал. Между прочим, Уитни, случилась нелепая вещь. Какой-то вульгарный субъект по фамилии Титус, кажется, из Буффало, написал мне, что познакомился с тобой в Париже. Возмутительно, что под предлогом знакомства со мной подобный человек осмелился навязываться тебе!

— А мне он показался славным стариканом, папа.

— Моп рère¹! Нет, мальчик, ты опять стараешься все смягчить, чтобы не обидеть меня. Этот Титус — человек, к которому я не питаю ни уважения, ни... короче говоря, у нас нет ничего общего. К тому же старый жулик шестнадцать лет назад надул меня на тысячу сто семьдесят долларов на одной поставке зерна! Но, как я уже сказал, твои парижские впечатления! Париж, наверное, кажется тебе мечтой, обвитой дымкой золотых воспоминаний!

Я полагаю, ты поживешь дома месяца два. Я тут наметил кое-какие планы. По моему мнению, даже в нашем жалком захолустье ты сможешь при моей помощи избежать пошлостей, какими развлекаются здесь молодые люди, среди которых ты вырос. У нас организуется великолепный «Малый театр». Ты, может быть, пожелаешь писать декорации, играть и даже делать эскизы костюмов. Далее, мы намечаем собрать необходимую сумму и пригласить к нам на неделю финскую оперную труппу. Все это не даст тебе скучать. Ты покажешь нашей серой публике, как оценивает финскую оперу европейски образованный человек. А для начала мы могли бы послушать сегодня лекцию профессора Джилфиллена в клубе Уолтера Питера на тему «Следы механистической культуры в коптском языке».

— Я бы поехал с удовольствием, папа, но понимаешь... В дороге получил телеграмму от Стайва Уэскотта: приглашает сегодня в загородный клуб на танцевальный вечер. Я думал, что пообедаю с вами, а потом махну туда. Ужасно не хочется обижать его!

— Разумеется, разумеется, мальчик! Истинный джентльмен, особенно когда он к тому же культурный человек, обязан постоянно думать о... как это?.. о поб-

¹ Отец! (франц.)

lesse oblige. Ну, то есть я хочу сказать о долге истинного джентльмена. И все же недопустимо, чтобы всякие невежественные дельцы вроде Уэскотта навязывали тебе свое общество. Видишь ли, я так представляю себе...

Под рокот шестицилиндрового отцовского второго «кадилака» Уит ехал в загородный клуб и заранее злился. Он думал о том, какие шуточки будут отпускать на его счет старые приятели. Он уже слышал, как Стайв Уэскотт, его бывший товарищ по общежитию, Гилберт Скотт, Тим Кларк и остальные подтрунивают над ним:

«А-а, наш маленький Альфонс Гоген!»

«А где бархатные штаны?»

«Теперь ты вряд ли снизойдешь до выпивки с бедным глупым Бэббитом, который торговал скобяными товарами, пока ты водил знакомство с разными графинями и герцогами, интеллигентами да интеллигентшами!»

А потом, конфузливо хихикая, будут спрашивать: «Слушай, а как маленькие продавщицы и всякие там... je ne sais quoi¹... в Париже?»

Уит решил, что прежде всего пошлет их всех к черту, потом сдержанно поведает им о своей близкой дружбе с Айседорой и Майлзом О'Селливэном и как можно скорее уедет снова в Париж. Торчать в этом провинциальном городишке, когда на бульваре Распай его ожидают вдохновенное искусство, друзья?

Оставаться здесь? Очень нужно!

Хмурый вошел он в гостиную клуба, которую уже освободили для танцев. Стайви Уэскотт, плывший в танго с девицей, разукрашенной, как рождественская елка, увидел у двери его мрачную фигуру и, бросив свою даму, кинулся к нему.

— Уит, старая собака, приехал наконец! Давай быстрее отсюда! Я кое-что припрятал в гардеробной. Верный джин стоит наготове!

По пути Стайв захватил Гила Скотта и Тима Кларка.

Молодость! Как она на самом деле застенчива, как далека от «попирания основ», как стесняется проявлять

¹ Это самое... (франц.)

свои чувства и в глубине души боится того, что для нее дорого и привлекательно!

Уит сказал уныло:

— Ну, ребята, начинайте, что ли, подкусывать. Наверно, сейчас снимете с меня семь шкур: я ведь бездельничал, пока вы тут спасали родину, векселья учитывали!

Приятели воззрились на него с кротким, ласковым удивлением. Стайв проговорил мягко:

— Ну, сказал тоже! Да мы чертовски рады, что ты можешь заниматься чем-то интересным, а не корпеть над делами. Должно быть, здорово приятно взглянуть на настоящую Европу, на искусства там всякие. Мы все неплохо устроились, но каждый много бы отдал за то, чтобы посидеть на Елисейских полях и, не торопясь, подумать, что к чему!

Тогда Уит понял, что он среди своих.

— Стайв! — выпалил он. — Да вы что? Вы завидовали мне? Честное слово? Париж — город замечательный, это верно. И парни там есть замечательные. Даже такие, которые умеют маслом писать. Но из меня, из меня-то ничего не выходит!

— Ерунда! Слушай, Уит, ты не представляешь себе, до чего неинтересно заколачивать деньги. Да тебе повезло! И не вздумай остаться здесь! Смотри, чтобы доллары тебя не зацапали! Чтобы наши ребята не соблазнили тебя миллионами! Удирай обратно в Париж. Культура, вот чем сейчас увлекаются.

— Бр-р-р! — сказал Уит.

— Факт! — подтвердил Тим Кларк.

У Тима Кларка была сестра. Звали сестру Бетти. Уит Дибл помнил ее девочкой-подростком, которую вечно отправляли куда-то на Восток «завершать образование». Теперь это была молодая девушка двадцати с чем-то лет, и даже Уиту, с его искушенным глазом художника, показались интересными ее волосы, гладкие и блестящие, как недавно вычищенная плита. Они танцевали, по традиции глядя друг на друга со страстной неприязнью. Уит сказал:

— Бетти, голубка!

— Да?

— Пойдемте посидим в саду.

— Зачем?

— Я хочу узнать, почему вы меня не любите.

— Гм! В саду? Только занятия спортом в университете и живописью в Париже могут научить человека такой прямоте. Обычно начинают с приглашения посидеть на веранде — там такие стильные плетеные кресла! — и только потом приглашают в сад, а уж напоследок идет: «О Грета, как я счастлив, что познакомился с вами!»

Под аккомпанемент этих колкостей, ритмично двигаясь в такт музыки, они дошли до веранды с высокими колоннами и уселись вдвоем на обитом ситцем диване.

Уит сделал попытку «войти в ее юный мир», о котором знал главным образом из романов. Понизив голос, он сказал:

— Маленькая, почему я не встретил вас раньше?

С другого конца дивана потянуло холодком, как от длинной сырой площадки для гольфа. Молчание. Затем тоненький негромкий голосок сказал:

— Уит, дитя мое, вы отстаете от жизни. Вот уже год как никто больше не говорит: «Почему я не встретил вас раньше?» Я хочу сказать: никто из тех, с кем стоит поддерживать знакомство. Послушайте, дорогой. Хуже всего то, что человек, который посвятил себя искусству, всегда стесняется этого. Господи! Ваш почтенный папенька и книжная лавка «Вперед и выше» навечно зацапали себе искусство и культуру в этом городе! И все же...

И все же я верю, дорогой, что существуют люди, которые занимаются этими вашими искусствами, не стыдясь, как вы, дурачок, но и не считая, как ваш папа, что искусство — это красивенький, раззолоченный карниз на небоскребе. Будем же тем, что мы есть, — культурными людьми, или темными невеждами, или тем и другим одновременно. До свидания!

Она исчезла, прежде чем он успел изречь что-нибудь глубокомысленное в стиле Айседоры и Майлза О'Селливана или в более напыщенной манере Т. Джефферсона Дибла.

С раздражением снова и снова возвращаясь в мыслях к Бетти Кларк, Уит тем не менее отлично провел

время в загородном клубе, построенном на земле, где его дед когда-то сеял кукурузу.

Что знают эти люди там, в Париже? Что знает Айседора или Майлз О'Селливэн о той неистребимой привязанности к родным местам, благоухающим пшеничными полями, которая жила в его крови? Впервые с тех пор, как он уехал из Парижа, Уит почувствовал, что и он способен что-то свершить.

В этот вечер он танцевал с многими девушками.

Уитни редко и только издали видел Бетти Кларк. Не от этого ли в нем все сильнее росло желание во что бы то ни стало заставить ее поверить в него?

Было время, когда Уит каждое утро слышал бодрый, зычный, негодующий голос Т. Джефферсона, вопрошавший: «Ты собираешься встать или нет? Эй, Уит! Если ты сейчас же не сойдешь к завтраку, ты вообще завтрака не получишь!»

Он даже слегка встревожился, когда на следующее утро, проснувшись в одиннадцать часов, не услышал величественного, нестерпимо справедливого окрика Т. Джефферсона.

Уит тихонько вылез из постели и спустился вниз. В холле сидела мать.

(К сожалению, в этом серьезнейшем повествовании о том, как мужская половина Соединенных Штатов Америки начинает приобщаться к культуре и искусству, невозможно уделить должное внимание миссис Т. Джефферсон Дибл. Она была добрая и довольно красивая женщина, но ничего более мы о ней не знаем, если не считать того, что она была женой Т. Джефферсона и матерью Уитни.)

— Ах, Уит, родной мой! Как бы отец не стал сердиться! Он так долго ждал, пока ты встанешь. Но, знаешь, милый, я очень рада, — он понял, наконец, что ты, может быть, не меньше его имеешь отношение к искусству и всему такому. Да, кстати, отец хочет, чтобы ты пошел с ним в три часа на заседание Общества Содействия Развитию Финской Оперы. О, там будет, наверно, очень интересно. Заседание состоится в отеле «Торнли». Уит, родной мой, какое счастье, что ты приехал!

Заседание Общества Содействия Развитию Финской Оперы было интересным. Более чем интересным.

В своем выступлении миссис Монтгомери Цейс заявила, что финны превзошли немцев и итальянцев, дав подлинно современную трактовку оперы.

Мистер Т. Джефферсон в своем выступлении сказал, что так как его сын Уитни имел счастливую возможность приобрести довольно авторитетные сведения о европейской музыке, то сейчас он (Уитни) им все объяснит.

Пространно объяснив собранию, что опера — это произведение искусства, а город Зенит — бесспорно, город ценителей искусства, Уит пробормотал какое-то извинение и выбежал из зала, провожаемый скорбным взглядом Т. Джефферсона.

В пять часов Уит сидел на веранде в загородном доме Стайва Уэскотта на озере Кеннепус.

— Послушай, Стайв,— пробормотал он сквозь зубы,— ты работаешь где-нибудь?

— М-да, пожалуй, это можно назвать работой.

— А ты не скажешь, сколько ты заколачиваешь?

— Тысячки три в год. Пожалуй, через два-три года буду иметь шесть.

— Гм! Я тоже не прочь подработать. Кстати,— надеюсь, ты не обидишься,— кем ты работаешь?

— Агентом по страхованию,— ответил Стайв с меланхоличным достоинством.

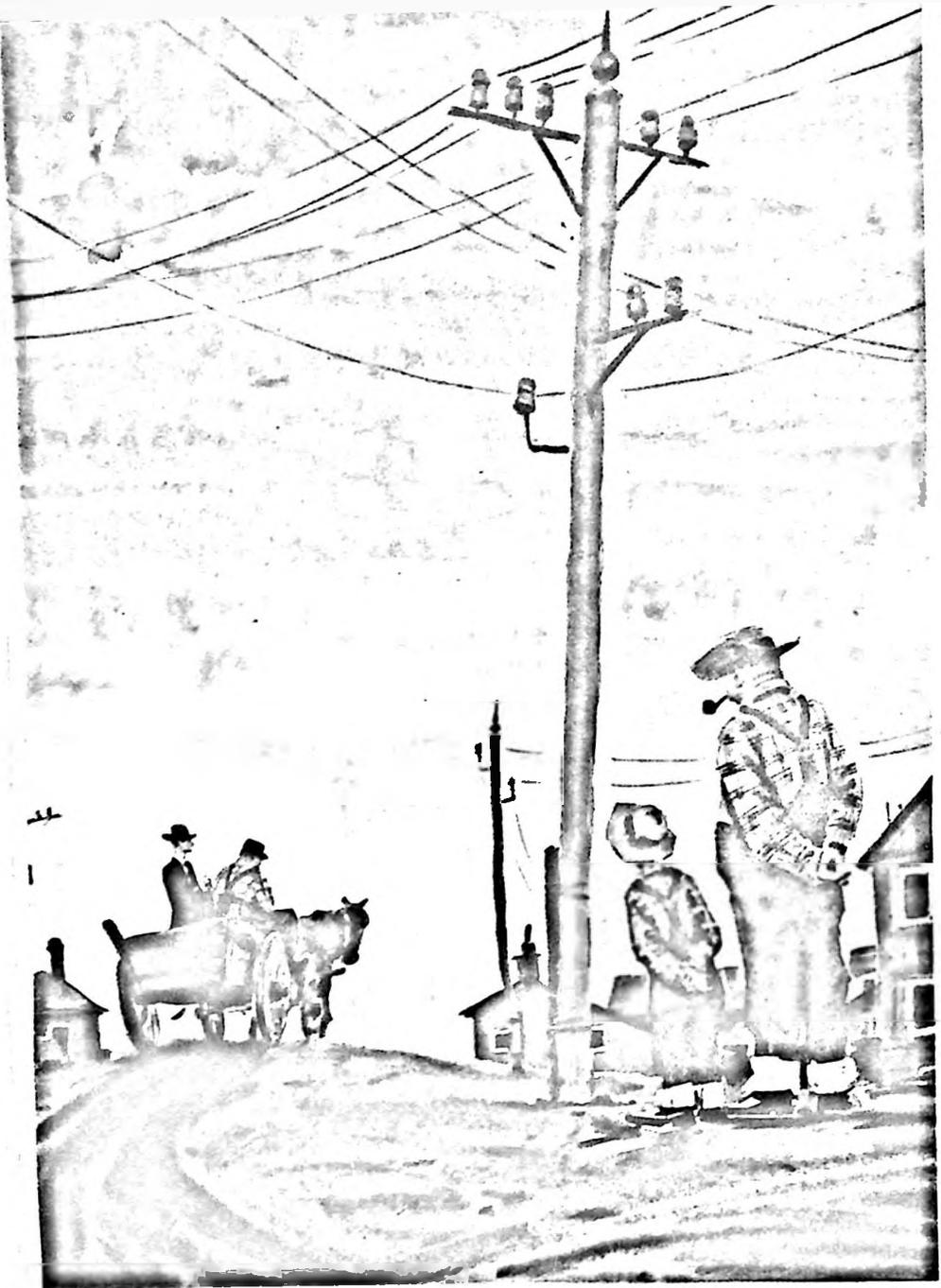
— И уже загребаешь три тысячи в год?

— Да, в этом роде.

— По-моему, мне тоже надо что-то делать. Странно! В Европе считают шикарным жить на деньги, которые заработал кто-то другой. Не знаю, плохо это или хорошо, но факт остается фактом — большинство американцев считает себя лодырями и никчемными людьми, если не зарабатывают себе на жизнь сами. Может быть, европейцы правы. Может быть, мы, американцы,— беспокойный народ. Но пусть меня повесят, если я стану жить за счет моего старика и притворяться, будто я художник! Никакой я не художник! Слушай, Стайв! Как

«СКОРОСТЬ»

«ВОЗНИЦА»

ты думаешь, из меня выйдет приличный агент по страхованию?

— Потрясающий!

— Спасибо за поддержку! Всем спасибо! А что это за разговоры здесь пошли, Стайв, будто зарабатывать деньги самому неприлично?

— Вздор! Никто этого не считает, но ты не уловил нового веяния на Среднем Западе — нам тоже необходимо иметь искусство и культуру.

— Не уловил? Да я ни о чем другом здесь и не слышу! Могу сказать в пользу Парижа одно — там мож виться от ревнителей искусства: перешел в — и все. Выходит, мне придется перес-чтобы мне разрешили стать страховым

когда позвали к телефону. Уит остался на любясь прозрачным, чистым, залитым ю озером, по берегам которого росли, на-одой, березы, нежные ивы и темные ели. едставилось Уиту, — может американец в. . мужество своих предков, даже в наши вре. да здания вырастают до восьмидесяти этажей, а манеры не идут дальше первого».

Взрезав зеркальную гладь озера, из воды выскочила вертлявая чомга, как всегда притворяющаяся уткой, и Уитни наконец понял, что он дома.

С шоссе позади домика сбежала к озеру Бетти Кларк, напоминая чомгу своими быстрыми движениями и невозмутимой самоуверенностью, и глубокомысленно заметила:

— Хелло!

— Я буду работать агентом по страхованию, — объявил Уит.

— Вы будете заниматься искусством.

— Правильно, я буду заниматься искусством страхования.

— Противно слушать.

— Бетти, дитя мое, вы отстаете от жизни. По крайней мере год уже никто — я хочу сказать: никто из тех, с кем стоит поддерживать знакомство, — не говорит: «Противно слушать».

— Ой! Противно слушать!

За обедом Т. Джефферсон сидел разгневанный. Он сказал, что Уит даже не представляет себе, как он обидел сегодня Оперный Комитет. Поэтому вечером Уитни пришлось пережить тягостные часы — присутствовать с отцом на приеме, устроенном зенитскими ревнителями и жрецами искусства. Только в одиннадцать, улизнув оттуда, сумел он усесться за покер в одном из дальних номеров отеля «Торнли».

Здесь собрались не только такие неопытные новички, как недавние студенты Стайв Уэскотт, Гил Скотт и Тим Кларк, но и несколько более солидных, более закоснелых в низменных пороках бизнесменов. Среди них был некий мистер Сейдел, заработавший миллион долларов на продаже земельных участков в новом районе Зенита на Университетских Холмах.

Два часа спустя сделали перерыв в игре и заказали горячие сосиски. Официанту было в очередной раз сурово приказано «немедленно тащить минеральной воды».

Держа стакан в руке, мистер Сейдел пробурчал:

— Значит, вы художник, Дибл? В Париже учитесь?
— Да.

— Поди ж ты, обставил меня на семь долларов, а у самого, оказывается, на руках всего две двойки было. И такой-то парень пропадает в Париже! Да из вас вышел бы первоклассный агент по продаже земельных участков!

— Вы предлагаете мне работу?

— Да как сказать... не думал еще об этом. А впрочем, да, предлагаю...

— Условия?

— Двадцать пять долларов в неделю и комиссионные.

— Идет.

Революция свершилась, и только Стайв Уэскотт молящим голосом простонал:

— Не надо, Уит! Не давай ты им соблазнять тебя миллионами!

Уит все еще побаивался Т. Джефферсона и только в одиннадцать утра решился наконец зайти к нему в контору и признаться в том, что вероломни превратился в истого американца.

— Так, так, молодец, что заглянул, мальчик! — приветствовал его Т. Джефферсон. — К сожалению, сегодня нам не предстоит ничего интересного. Но завтра мы едем на обед в Общество Библиофилов.

— Вот из-за этого я и зашел к тебе, папа. Ты извини меня, но я не смогу поехать туда. Я буду работать.

— Работать?

— Да, сэр. Я поступил на работу в компанию Сейдела.

— Ну что ж, это неплохо — поработать в летние месяцы. Когда ты уедешь в Париж...

— Я не поеду в Париж. У меня нет способностей. Я буду агентом по продаже земельных участков.

Звук, который вырвался из груди Т. Джефферсона в этот момент, можно было бы уподобить реву целого вагона бычков, привезенных на чикагские бойни. Недостаток места не позволяет нам привести здесь и сотую долю его высказываний о Жизни и Искусстве. Но вот некоторые из них.

— Я так и знал! Так я и знал! Я всегда подозревал, что ты не только сын своего отца, но и сын своей матери. «Во сколько раз острее зубов змеиных!» Змея ты на человеческой груди! Всю мою жизнь я отдал производству Воздушных Вафелек, хотя сам мечтал заниматься лишь искусством, и вот теперь, когда я обеспечил тебе возможность... «Змеиный зуб!» Прекрасно выразил эту мысль великий поэт! Уит, мальчик мой, неужели ты думаешь, что у меня нет средств на твое образование! Через несколько дней я начинаю расширение цехов; я покупаю еще пять акров земли рядом с фабрикой. Выпуск Ритци-Риса в будущем году удвоится. А поэтому, мой мальчик... Или вы будете заниматься искусством, сэр, или я знать вас не знаю! Понимаете, я лишу вас наследства! Да, сэр, лишу! Гром и молния, я лопну, но сделаю из тебя художника!

В тот же самый день, когда его изгнали — и поделом! — из отчего дома, голодного и холодного, в метель и непогоду, Унт занял пять тысяч у отца Стайва Уэскотта, внес их как задаток за те пять акров земли, на которых его отец вознамерился строить новые цехи, с квитанцией явился к мистеру Сейделу, получил от этого презренного перекупщика пять тысяч, чтобы отдать долг

мистеру Уэскотту, плюс пять тысяч долларов комиссионных, потратил двадцать пять долларов на букет и в шесть часов пятнадцать минут предстал с ним перед Бетти Кларк.

Бетти сошла вниз такая невозмутимая, такая прелестная, такая свежая, в платье по щиколотку и воскликнула таким невозмутимым свежим голоском:

— Уит, дорогой! Чем могу служить?

— Разве только тем, что поможете мне истратить пять тысяч долларов, которые я сегодня заработал. Двадцать пять я уже потратил на букет. Красивый, правда?

— Очень.

— Как, по-вашему, я не переплатил?

— Нисколько. Вот что, дорогой. Мне очень жаль, что вы попусту тратили время, зачем-то зарабатывая эти пять тысяч долларов. Рисовали бы лучше. Конечно, людям искусства свойственна тяга к неизведанному, я рада, что вы через это прошли и с этим покончено. Как только мы поженимся, мы уедем в Париж, снимем милую квартиру в богемном вкусе, и я сделаю все, чтобы вашим друзьям-художникам было приятно бывать у нас.

— Бетти, ваш брат дома?

— Откуда я знаю?

— Узнайте, пожалуйста!

— Хорошо. А в чем дело?

— Бетти, голубка, сейчас вы узнаете, какой я мерзавец. Странно! Вот уж не думал, что из меня выйдет мерзавец. Я даже не думал, что из меня выйдет плохой сын! Крикните Тимми, пожалуйста.

— С удовольствием.

Она крикнула. Весьма умело. Тим, сияя, сошел вниз.

— Ну, как? Объяснение состоялось?

— В этом-то все дело, — ответил Уит. — Я хочу внушить Т. Джефферсону, что из меня не выйдет художник. Я хочу... сам еще не пойму, чего я хочу!

С этими невразумительными словами Уит выбежал вон.

Он дал шоферу такси адрес Спортивного клуба, где проживал его шеф, мистер Сейдел.

Мистер Сейдел обедал, сидя на кровати в своем номере.

— Хелло, мальчик! Что случилось? — спросил он.

— Вы позволите мне заплатить за телефонный разговор, если я позвоню от вас?

— Ну ясное дело.

Уит попросил телефонистку Спортивного клуба:

— Соедините меня с Айседорой, кафе «Фанфарон!», Париж.

Голос неизвестной красавицы переспросил:

— Простите, какой штат?

— Франция.

— Франция?

— Ну да, Франция.

— Франция, которая в Европе?

— Да.

— Кого вызвать?

— Айседору.

— А фамилия этой дамы?

— Не знаю... Вот что, вызовите Майлза О'Селливэна, адрес тот же.

— Одну минуту! Я попрошу старшую телефонистку.

Невозмутимый голос осведомился:

— Будьте любезны сказать, с кем вы хотите говорить?

— Я хотел бы вызвать к телефону Майлза О'Селливэна, кафе «Фанфарон», Париж... Правильно. Большое спасибо. Пожалуйста, соедините нас как можно скорее. Благодарю вас... Я говорю из Спортивного клуба, счет нужно прислать на имя мистера Тибериуса Сейдела.

Когда его соединили, Уитни услышал голос русского метрдотеля кафе «Фанфарон»:

— Allo, allo!

— Позовите, пожалуйста, к телефону Майлза О'Селливэна,— попросил Уит.

— Je ne comprends pas ¹.

— C'est monsieur Dibble qui parle — d'Amérique ².

— D'Amérique? ³

— Oui, et je désire ⁴ поговорить с мсье Майлзом О'Селливэном, как можно скорее tout de suite ⁵.

¹ Я не понимаю (франц.).

² Это говорит мсье Дибл — из Америки (франц.).

³ Из Америки? (франц.)

⁴ Да, и я хочу (франц.)

⁵ Немедленно (франц.).

— Mais oui, je comprends. Vous désirez parler avec monsieur Miles O'Sullivang? ¹.

— Правильно! Давай живей.

— Oui, сию минуту.

Затем в трубке послышался голос О'Селливана.

Мистер Сейдел с улыбкой следил за секундной стрелкой, а Уит ревел в трубку:

— Слушай, Майлз! Мне нужно поговорить с Айседорой.

Донесшись через четыре тысячи миль подводного мрака, над которым океан катил гряды валов и, борясь с волнами, шли корабли, голос Майлза промямлил:

— Айседора? А как фамилия? Джонс? Пейтер? Эглантин?

— Майлз, ради бога, это говорит из Америки Уитни Дибл! Попроси к телефону Айседору. Мою Айседору.

— О, ты хочешь поговорить с Айседорой. Кажется, она тут, за столиком на улице. Сейчас, дружище, попробую разыскать ее.

— Майлз, я уже наговорил больше, чем на сотню долларов.

— Значит, тебя зацапали люди, которые считают доллары?

— Да, черт тебя побери, зацапали! Пожалуйста, позови Айседору, скоренько.

— Ты хочешь сказать — поскорее?

— Да не все ли равно — скоренько или поскорее. Давай ее сюда!

— Ладно, старина.

Они объяснялись еще несколько минут, стойвщи. Уиту всего только 16 долларов 75 центов, и наконец раздался голосок Айседоры:

— Алло, Уит, дорогой мой, слушаю тебя!

— Ты могла бы выйти замуж за агента по продаже недвижимости в Зените, на Среднем Западе? Ты могла бы примириться с тем, что я буду зарабатывать десять тысяч долларов в год?

¹ Да, да, понимаю. Вы хотите поговорить с мсье Майлзом О'Селливаном? (франц.)

Через четыре тысячи миль Айседора проворковала:

— Ну, конечно!

— Тебе, возможно, придется оставить творческую работу.

— Милый! С радостью! Если бы ты знал, до чего мне осточертело втирать людям очки!

Взглянув на шефа, мистер Уитни Дибл попросил:

— Когда я узнаю, сколько мне стоил этот междугородный разговор, вы разрешите мне позвонить от вас домой?

Мистер Сейдел ответил:

— Сколько хотите, но прошу вас, назначьте мне пенсию, когда вы станете главой фирмы, а меня уволите.

— Непременно.

Уит позвонил в особняк Т. Джефферсона Дибла.

Т. Джефферсон проревел в телефон:

— Да, да, я слушаю!

— Папа, это я, Уит. Я хотел сказать тебе сегодня утром, что я помолвлен с одной очаровательной интеллигентной девушкой, писательницей — она живет в Париже, — с Айседорой.

— Айседора? А как ее фамилия?

— Неужели ты не знаешь, кто такая Айседора?

— Ах, да! Айседора! Писательница! Поздравляю тебя, мой мальчик. Прости, я тебя не понял сегодня утром.

— Я только что звонил ей в Париж, она обещала приехать сюда.

— Прекрасно, мальчик! Вот увидишь, наш Зенит обязательно станет очагом возвышенной культуры.

— М-да-а, обязательно.

Мистер Сейдел подвел итог:

— Этот разговор будет стоить вам пять центов сверх тех восьмидесяти семи долларов пятидесяти центов.

— Отлично, шеф! — сказал Уитни Дибл. — Послушайте, а вас не интересует загородный домик на озере Кеннепус? Две ванны, прелестная гостиная. Зачем вам мучиться в какой-то душной комнатенке в клубе, когда вы можете иметь свой собственный уютный домик?

ЗЕМЛЯ

Мальчика назвали Сидни—для элегантности; из тех же соображений— для элегантности— его родители поставили в своей гостиной в Бруклине книжный шкаф-бюро светлого дуба, украшенный зеркалом в виде щита. А был Сидни Дау потомком многих поколений простых Джонов, Джорджей и Томасов.

В школе бойкие, шустрые городские мальчишки относились к нему пренебрежительно. Сидни был уваленъ— крупный, неуклюжий, речь медлительная. Для отца мальчик был источником постоянных мучений. Ибо Уильям Дау был честолюбивым родителем. Сын фермера из штата Вермонт, он гордился тем, что создал себе положение в великолепном городе Бруклине. В 1885 году, когда родился Сидни, Уильям Дау был обладателем красивого фаэтона на красных колесах, в доме была настоящая ванная комната с превосходной оцинкованной ванной и газовый свет,— не то что в деревне, где моются по субботам в корыте на кухне, вечерами сидят при керосиновых лампах, а отец до сих пор ездит на старой, неуклюжей таратайке. Теперь Уильяму не нужно было вставать в половине шестого, он мог позволить себе нежиться в постели чуть ли не до семи часов и только в редких случаях— он ухмылялся про себя, наслаждаясь сознанием достигнутого им благополучия,— появлялся в конторе раньше чем без четверти восемь.

Однако ни роскошный фаэтон, ни позднее вставание отнюдь не означали, что присущая Уильяму практичность истого янки изменила ему под тлетворным влиянием большого города и что он был менее солидным и уважаемым человеком, чем его отец, старый Джордж. Уильям был церковным старостой, по-прежнему читал молитву перед обедом и ходил в театр только тогда, когда давали «Бен Гура».

Для сына Уильям Дау мечтал о большем. Сам он имел только начальное образование, дело, в котором он состоял, было всего лишь небольшое агентство по купле-продаже и страхованию недвижимой собственности, а жили они в приземистом двухэтажном кирпичном домике, стоявшем в скучном ряду таких же краснокирпичных домов. Нет, Сидни будет учиться в колледже, он станет врачом, священником или адвокатом, он поедет в Европу путешествовать, будет жить в трехэтажном сером каменном доме на одной из Сороковых улиц в Манхэттене, и у него будет фрак — ходить на шикарные, хотя и респектабельные вечеринки!

Уильям только один раз в жизни надевал фрак — на бал, устроенный благотворительным обществом «Чу-даков», да и то брал его напрокат.

Для того, чтобы его Сидни когда-нибудь сподобился этих великих благ, Уильям Дау трудился не покладая рук, отказывая себе во многом и уповая на милость божию. Во всем, что касается будущего их сыновей, американцы столь же героически честолюбивы, как и шотландцы, и порой столь же беззастенчивы и неразумны. Уильям обижался и нередко зло пилил сына: как это Сидни, «пентюх этакий, не понимает, что родители из кожи вон лезут, ничего для него не жалеют». Когда однажды они пригласили на обед знаменитого врача из Колумбия-Хайтс, Сидни только глазел на гостя и даже не пытался произвести на него хорошее впечатление.

— Срам да и только! Ни дать ни взять один из моих мужланов-братцев, которые до сих пор топают по двору с навозными вилами! И что из тебя только выйдет! — бушевал Уильям.

— Мне бы возчиком... ломовым,— промямлил Сидни.

И все-таки даже в этом случае напрасно Уильям выпорол его. После этого мальчик стал еще угрюмее.

Самыми светлыми воспоминаниями Сидни Дау, которому теперь исполнилось шестнадцать лет, были воспоминания о поездках в Вермонт на ферму деда, а в последний раз он был там семь лет назад. В памяти Сидни ферма осталась страной чудес, где обитали диковинные, занятные звери: коровы, лошади, индюки. Сидни тянуло туда, но отец, как видно, терпеть не мог деревни. В Бруклине, если не считать городских конюшен да увлекательных перестрелок камнями, заложенными в снежки, все было противно Сидни. Он ненавидел школу, где ему приходилось втискивать свои длинные ноги под низенькую парту, где он часами глядел мимо учебника географии или с тупой злобой рассматривал бакенбарды Лонгфелло, Лоуэлла и Уитьера, где сердитые учительницы старались втолковать ему, как важно, что А идет быстрее, чем Б, к городу X, еще менее интересному для него, чем Бруклин. Он ненавидел чистые жесткие воротнички и кусачее шерстяное белье, неизменных спугников воскресной школы. Он ненавидел и душные летние вечера, когда от мостовых пахло асфальтом, и холодные зимние вечера, когда на мостовых скользили ноги.

Но он не сознавал, что ненавидит город. Он искренне считал, что отец прав: должно быть, он в самом деле непослушный, неблагодарный мальчишка; и душа его оставалась смиренной, хотя внешне он был неласков и замкнут.

И вот в шестнадцать лет ранним июньским утром на ферме деда Сидни внезапно пробудился к жизни.

Отец отправил его на лето в Вермонт, вернее, сослал его туда в наказание, промолвив сурово: «Вот как проживешь в этой старой лачуге, да поработаешь в поле, да будешь вставать чуть свет, не то, что здесь: лежите, мол, ваше величество, в постели, пока не соблаговолите разрешить горничной прислужить вам,— вот тогда, голубчик мой, оценишь и настоящий дом, и школу, и церковь». Отец говорил так уверенно, что Сидни и сам не ждал от фермы ничего хорошего и всю дорогу, сидя в вагоне для курящих, в едком табачном дыму, чуть не ревел от огорчения, пока поезд медленно тащился, останавливаясь на каждом полустанке.

Сидни приехал в десять вечера; на станции его встретил дядя Роб, крепкий, словно дуб, и почти такой же неразговорчивый.

— Приехал на лето, значит? — сказал дядя Роб и через три милн добавил: — А у нас теленочек. Да, теленочек. — А еще через милю: — Отец здоров?

На этом и кончилась его беседа с дядей Робом.

Семь лет Сидни не бывал в местах более диких, чем Фар-Рокауэй, и безмолвные ночные горы вселяли в него страх. То было оглушающее безмолвие, безмолвие, исполненное затаенной угрозы. Горы по обеим сторонам дороги, врезавшиеся в высокое звездное небо, казались стенами, которые вот-вот рухнут и раздавят его, как человек давит между ладонями мошку. Один раз он даже вскрикнул от страха: при тусклом свете фонаря, прицепленного к днищу фургона, он увидел дикобраза, бежавшего вразвалку через дорогу. Было темно, холодно, неудобно, и у мальчика, привыкшего к веселому шуму и огням города, хотя он и не любил их, тоскливо щемило сердце.

Когда они подъехали к дому, в окнах было темно. Дядя Роб ввел лошадей в сарай и, ткнув большим пальцем в сторону лестницы, проворчал:

— Спать будешь на сеновале. Курить не положено. Возьмешь фонарь, когда распряжем. Не забудь потушить. Курить на сеновале — ни-ни! Устал? Помочь не можешь?

Устал? Да Сидни готов был работать хоть до света, только бы дядя Роб не уходил. Им овладел ужас при мысли, что он останется один-одинешенек в этом зловещем сарае, где били копытами лошади, с хрустом жевали сено проснувшиеся коровы, а над головой слышался писк, царапанье, стук когтей каких-то неведомых диких зверюшек. Сидни нарочно распрягал как можно медленнее, хотя на самом деле умел довольно ловко управляться с лошадьми, потому что конюшни в Бруклине были его излюбленным прибежищем, а конюхи часто разрешали ему помогать им — и даже безвозмездно.

— Ой, дядя Роб, какой-то я косолапый! Ни распрячь, ни чего другого сделать не умею. Семь лет на ферме не был.

— Неужто? Ну, спокойной ночи! Смотри, с фонарем поаккуратнее! И чтоб не курить!

Сарай глядел загадочными, незрячими глазами. Фонарь мигал, и в его неверном свете стояла и наваленные грудой у задней стены плуги, сани, старая упряжь принимали гигантские, устрашающие очертания. Размером сарай был не меньше, чем весь их дом в Бруклине, а в полумраке он казался в десять раз больше. Что было у задней стены, Сидни не мог рассмотреть, ему мерещились там отвратительные чудовища, подстерегавшие его. Зажав в зубах фонарь, а в левой руке свой гранитовый ранец, он вихрем взлетел по лестнице наверх.

Сеновал, ухотивший куда-то в темноту, ввысь, навстречу тесанным вручную стропилам, показался Сидни еще более громадным и зловещим, чем помещение внизу. В одном углу сено отгребли в сторону и поставили там стул, деревянный сундучок и раскладную кровать, на которой лежали два одеяла: шерстяное и зеленое стеганое. Сидни ринулся к кровати и, молниеносно сбросив башмаки и куртку, залез в постель. Фонарь горел до тех пор, пока язычок пламени не превратился в красную полоску тлеющего фитиля. И тогда непроглядный мрак бросился, как зверь, на Сидни.

Закричал петух, мальчик вздрогнул. Мимо с писком сновали какие-то твари. Под стропилами быстро расходились кругами волны мрака, было душно от запаха сена, и... проснувшись, Сидни увидел лучи света, падавшие серебряными стрелами сквозь щели в крыше, и услышал ликующее щебетание ласточек, вивших гнезда под застрехой.

«Ишь ты! Я, значит, заснул!» — подумал Сидни. Он спустился вниз и только тут впервые увидел сарай.

Как у многих нескорых в мыслях, несмелых в речах людей, у Сидни Дау бывали минуты духовного просветления, подобного тому, какое ниспосылалось библейским пророкам. Тогда люди, вещи, явления представляли перед ним во всей их целостности, незамутненными, как у людей более умных и бойких, которые вечно думают обо многих вещах сразу. Он увидел сарай — по-настоящему увидел, не просто скользнул по нему взглядом, как это сделал бы обыкновенный городской мальчик. Он увидел, что тесанные вручную, потемневшие от времени стропила прекрасны; что прекрасна стояла, до блеска отшлифованные за полвека боками многих поколений домашних

животных, что прекрасны острые, гладкие, блестящие зубья бороны. Но прекраснее всего были животные: коровы и лошади, куры, клюющие зерно в соломе, теленок на привязи у стены. Теленок испуганно подпрыгнул при его приближении, потом стал спокойно разглядывать его удивленными глазами, дал погладить себе морду и наконец лизнул ему руку. Подойдя к воротам сарая, Сидни окинул взглядом долину. Прекраснее даже, чем поросшие кленами и пихтами вершины гор, показались ему горные луга, озаренные лучами раннего утреннего солнца, белые домики, красные амбары.

«Ух, а тут ничего... тут... тут вроде как... тут хорошо! А я что-то раньше и не разглядел. Ну, еще бы,— подумал он презрительно, с высоты своих шестнадцати лет,— я ведь тогда был маленький!»

С дядей Робом Сидни гонял коров на пастбище; с дядей Беном пахал; с бородатым ворчливым добряком дедом рубил дрова. Зверинец был не только в сарае. На ферме были еще индюшки, гуси, утки, свиньи, а в лесу и на покосах иногда встречались уже исчезающие в этих местах невероятно интересные звери: сурки, бурундуки, дикие кролики, изредка лани. Сидни чувствовал, что тут все свои: и дедушка, и дяди, и животные, домашние и дикие. Здесь не нужно было болтать без умолку, пускать пыль в глаза, как в Бруклине с товарищами; здесь его принимали таким, каким он был. Именно это обстоятельство, а не столько крестьянская кровь его предков или красота окружающей природы, сделало из него фермера. Отшельник по натуре, здесь он мог быть отшельником без боязни прослыть чудачком.

А фермер из него получился хороший — медлительный, зато неутомимый и терпеливый; нескончаемая работа не раздражала его, он охотно ложился спать рано, охотно вставал с зарей. Несколько дней спина у него пылала, как будто его жарили на костре, но вскоре он уже мог целый день махать косой, навивать сено в стога или править упряжкой резвых молодых лошадок. Он усердно трудился днем и отлично спал ночью. Шумы и шорохи, мучительно терзавшие его расстроенные городом нервы в первую ночевку на сеновале, действовали теперь,

как снотворное, а когда он слышал шум далекого поезда или лай собаки на соседней ферме, то смутно сознавал, что это тоже приятные звуки.

— Ничего, неплохо работаешь, — сказал дядя Роб — похвала в его устах почти истерически восторженная.

В одном отношении Сидни превосходил их всех, даже железного дядю Роба: Сидни умел терпеливо работать, не обращая внимания на ветер, дождь, промокшую насквозь одежду. Как видно, справедливо мнение, что фермеры больше брюзжат на плохую погоду, чем люди других профессий, работающие под открытым небом, — матросы, почтальоны, плотники, тормозные кондукторы, возчики. Должно быть, это происходит потому, что фермер — сам себе хозяин: всю свою работу, исключая уход за скотом и уборку сена, фермер делает, в сущности, когда ему удобно, поэтому у него вырабатывается привычка отсиживаться в ненастье дома. Так или иначе, но верно одно: именно невзгоды городской жизни, начиная с гололедицы и кончая внезапными пожарами, приучили Сидни спокойно переносить всякие неожиданности и неудобства. Так, к всеобщему удивлению, образцом стойкости на войне оказывается тщедушный солдатик, коренной житель Лондона.

Сидни научился понимать немногословный юмор настоящих янки. По вечерам он сидел с соседями перед деревенской лавкой. Чужой человек, проезжая мимо, мог подумать, что они молчат, но вот он скрывался из виду, и дядя Роб говорил протяжно:

— И-да: ежели б я нацепил на своих коней сетку от мух, тоже задрал бы нос кверху.

И остальные презрительно посмеивались над чужаком.

«Вот это настоящий разговор, — думал Сидни, — не то что городская трескотня». Для него все в деревне было прекрасно, хотя в его речи слова «прекрасный» не существовало. При виде пламенеющего всеми красками заката он просто говорил:

— Видно, завтра будет погожий день.

Вот почему Сидни возвращался в Бруклин не как в родной дом, а как в тюрьму. Тюремными коридорами показались ему узкие улицы, а маленькие домики — камерами заключенных.

Через пять минут после его приезда отец уже подтрунивал:

— Ну как, сыт по горло? Небось, станешь ценить теперь школу! Не стоило бы говорить все о том же, но, ей-богу, не понимаю, как Бен и Роб могут жить вот так...

— А мне понравилось, отец. Я не прочь стать фермером. Мне... мне там понравилось.

По сравнению с румянными лицами дяди Роба и дяди Бена худое лицо отца, обрамленное черными бакенбардами, казалось серым, будто шляпка у поганки. Сейчас оно вспыхнуло от гнева.

— Идиот! — закричал Уильям, — И за что мне послано такое наказание: сын — безмозглый дурак. Я-то трудился, старался, копил каждый грош, все для того, чтобы ты был устроен в жизни, чтоб из тебя вышел человек, а ты снова катишься назад! Хочешь быть серым мужиком, как твои дядюшки! Значит, понравилось тебе там, говоришь? Дурень ты! Еще бы не понравилось там летом! А пожил бы в деревне с мое, так узнал бы... Бывало, зимой поднимут в пять утра. Мороз двадцать градусов, иной раз сугробы чуть не по пояс, к сараю дорожку прокапывать приходится! В лавку идти надо, а метель — в пяти шагах ничего не видно!

— А по-моему, это не беда!

— По-твоему, не беда? Не мели вздор. Порядочного общества нет, зимой ложатся спать с петухами! Там тебе не будет ни бесед, ни ужинов для членов прихода, ни собраний благотворительного общества, как у нас в городе!

— Да я не очень люблю все это. Говорят, говорят без остановки. Я люблю тишину, вот как в деревне.

— Ничего, полюбишь, а не то смотри, как бы тебя палка не полюбила, умник-разумник! Ты у меня не будешь мужиком, как дядя Бен, запомни это! Я тебя заставлю учиться! Я тебя научу ценить хорошее общество. Ты у меня поймешь, что нужно быть прилично одетым, что нужно прокладывать себе дорогу в жизни, добиваться положения в обществе! Да, сэр, положения в обществе! Не воображай, что после тех мучений, которые я перенес ради тебя же... окончил сельскую школу, учился в коммерческом колледже на собственные гроши, работал в конторе за несчастные пять долларов в неделю,

вечно сидел за книгами, кругом урезывал себя, трудился до поздней ночи — все для того, чтобы создать тебе хорошие условия, дать возможность учиться... Нет, голубчик мой! Ты у меня будешь адвокатом, врачом или другим каким порядочным человеком, а не серой деревенщиной!

Нечего было и ждать от Сидни, что его покорит и тронет неукротимое честолюбие Уильяма. Тут было не умиление, а скорее страх. Сын мог бы справиться с ним одной рукой, но неистовая страсть, горевшая в бледном, худом, как щепка, Уильяме, парализовала его волю.

Снова водворенный в школу, он долго тосковал по деревне. Однажды, отведя его в сторону, мать заговорила умоляюще:

— Зачем ты идешь против воли отца, родной мой! Он ведь знает, что для тебя лучше. Он просто с ума сойдет от горя, если ты останешься неученым и все его труды пропадут даром.

Постепенно Сидни пришел к мысли, что в нем гнездится какой-то порок, оттого он и любит деревья, луга, чистый воздух, добродушных животных на ферме больше, чем трамваи, конторы и людей, которые перекидываются с утра до вечера невеселыми, вымученными шуточками.

С грехом пополам Сидни окончил среднюю школу. В летние каникулы он работал грузчиком на складе. В медицинский колледж Сидни не поступил: он позорно провалился на экзамене, чувствуя себя последним негодяем, потому что по его вине мечта отца не осуществилась, — и тогда Уильям пристроил его в зашуганную зубо-врачебную школу, где знания требовались самые необременительные, — сейчас она, к счастью, больше не существует.

— Может, тебе и впрямь лучше стать зубным врачом. Тут нужно искусно владеть инструментами, а руки у тебя, ничего не скажешь, золотые, — заметил Уильям, довольный, что теперь-то перед сыном открывается прямой путь к богатству и респектабельности.

Но руки Сидни, ловко орудовавшие лопатой и вожжами, молотком и топором, были слишком велики и неуклюжи для ювелирной работы зубного врача. И ему было глубоко противны толстые учебники с мудренными сло-

вами и картинками в красках, изображавшими человеческие внутренности. Его не интересовала работа печени. Ведь за исключением куриной печенки, Сидни никакой другой своими глазами не видел. Он отворачивался от книжной премудрости и брался за каталоги хлебоуборочных машин или семян. Наконец он кое-как одолел курс этого сомнительного учебного заведения, но у него ныло под ложечкой от страха даже тогда, когда Уильям, сияя от радости, приобрел для него полное оборудование зубоврачебного кабинета и снял помещение для приема пациентов во дворе трехэтажного дома в самом новом районе города — в Бронксе.

Родители Сидни пригласили своих бруклинских знакомых полюбоваться кабинетом и приемной и устроили угощение: кофе с пирожными. Приехали не все приглашенные — к счастью, потому что помещение было невелико. В сущности, оно представляло собой одну комнату: приемную отделяла от кабинета только портьера. Стены кабинета были покрыты розовой клеевой краской; одну из них украшал диплом Сидни, другую — проспект фирмы зубоврачебных принадлежностей, на котором по непонятной причине был изображен вид на гору Пайкс-Пик.

Когда гости ушли, рассыпаясь в поздравлениях, Сидни с грустью взглянул на лежавшее за окном пастбище, которое через пятнадцать лет будет сплошь застроено высокими доходными домами, а на главных улицах расположатся кинотеатры и гастрономические магазины. Пастбище и сейчас уже было обречено и заброшено. Коровы здесь больше не паслись. Вдоль дорог стояли безобразные рекламные щиты, а за этими баррикадами тянулись грязные пустыри, усыпанные золой и обрывками размокших газет. Но пустыри зеленели живой травой. Они разбудили воспоминания о долинах и горных лугах Вермонта. Сильные руки Сидни затосковали по тяжелому плугу; он вздохнул и подошел к шкафчику с набором новеньких, сверкающих инструментов.

Бор выглядел нелепо крошечным на его огромной ладони. Внезапно Сидни стало ясно, что он ничего не смыслит в зубоврачебном деле и никогда ничему не научится, что он напутает, и случится что-то ужасное... на него подадут в суд за недобросовестное лечение...

На самом же деле, когда стали появляться пациенты — их было немного и платили они скромно, — ничего ужасного не произошло. Сидни работал медленно, но тщательно; пусть он не блистал ювелирным искусством, зато не делал ошибок. Сидни с самого начала понял то, чего некоторые врачи и дантисты так и не понимают до конца жизни, — что природа далеко не во всем уступила свои позиции врачу. Мучились не пациенты, а он сам.

Целый день работать в помещении; стоять на одном месте, склоняясь над разинутыми ртами; возиться с игрушечными инструментами; бормотать елейные слова сочувствия всяким нытикам, стонущим от пустячной боли; уверенно и бойко давать пациентам советы — иными словами, брать деньги за пустую болтовню — все это было пыткой.

А потом в течение одного года умерла его мать, умер дед на ферме в Вермонте, дядя Роб и дядя Бен перебрались на Средний Запад, а Сидни встретил самую замечательную девушку на свете. Звали эту самую замечательную девушку на свете Мэйбел Эллен Пфлугман. Своими чарами и прелестями, всякими милыми гримасками и ужимками она, разумеется, затмевала самое Елену Прекрасную и к тому же была девушка с культурными запросами. Она любила драму, хотя в театр ходила редко; любила музыку, но играть на пианино у нее не было времени; видите ли, в прачечном заведении ее папы дела идут неважно, поэтому она уже несколько лет временно работает кассиршей в ресторане «Забудь печаль».

Они обставили свою квартиру из четырех комнат и поехали в свадебное путешествие в Вермонт. Ферму деда — Сидни не знал точно, кто ее купил, — теперь арендовали, как считали соседи, какие-то иностранцы, другими словами — вермонтцы, проживавшие по ту сторону гор, в пятнадцать миллионов. Сидни и Мэйбел сняли у них комнату. Мэйбел бурно радовалась. Ей так опротивел несносный ресторан, говорила она Сидни, — кухонные запахи, стук посуды, нахальные посетители, которые вечно пытаются ухаживать за ней. Она поднимала одинаково восторженный писк при виде гор и утят, заката и земляники, а что касается некоторых неудобств — для умывания просто таз и кувшин, спать пришлось в низенькой комнатушке, где пахло курятником, а ужинать на кухне

вместе с работниками, сидевшими за столом в жилетках, — то Мэйбел нашла, что все это чудо как мило, ну, прямо-таки прелестно. Тем не менее, когда из четырнадцати дней, которые они собирались провести на ферме, прошло десять, она решила, что лучше, пожалуй, вернуться в Нью-Йорк: вдруг привезли не всю мебель.

Их брак был счастливым. Мэйбел считала — и ему внушила, — что он человек волевой, благородный, но застенчивый и непрактичный. Его нужно опекать, говорила она, и опекала, а Сидни не сомневался, что это ему приятно. Он стал любезнее со своими пациентами; и число их увеличилось, потому что Мэйбел заставляла его встречаться с людьми. До женитьбы он жил в меблированных комнатах, по вечерам бродил один по городу или читал зубоврачебный журнал и прейскуранты семян. Теперь Мэйбел устраивала веселые вечеринки — играли в карты, угощались пивом и гренками с сыром. В ресторане «Забудь печаль» бывало много легкомысленных молодых людей, эдаких провинциальных ловеласов, но она свела там знакомство и с людьми почтенными, хотя и неоседлыми — солидными коммивояжерами, которые обслуживали территорию до самого Денвера, закупщиками из Манхэттенских универмагов, с управляющим делами одного крупного страхового агентства.

Теперь, когда у Мэйбел был свой дом, она жаждала блистать, жаждала, чтобы блистал и ее муж. И Сидни, чувствуя себя немного связанным в новом синем костюме, торжественно разливал пиво, и не один гость отмечал мысленно, глядя на него: вот честный, серьезный зубной врач, на которого можно положиться. А один раз они пригласили знакомых в театр — взяли шесть билетов в варьете.

И все же, просыпаясь утром, Сидни ни разу не испытал радостного волнения при мысли о том, что он будет целый божий день стоять, согнувшись над зубоврачебным креслом.

Через три года у них уже было двое детей. Квартирная плата и счета из бакалейной лавки начали их тревожить, и Сидни стал значительно покладистее, чем раньше, с капризными пациентами. Его широкие плечи сутулились, он научился говорить кротко: «Хорошо, миссис Сломберг, я постараюсь подогнать так, чтобы вы остались

довольны», а иногда, разговаривая, он нервно постукивал толстыми пальцами по подбородку. И уже не презрение, как прежде, а зависть возбуждали в нем те из его товарищей по зубоврачебной школе, которые мало смыслили в своем деле, зато отлично одевались и умели очаровать пациента приятным обращением. Они разбогатели, пооткрывали роскошные зубоврачебные кабинеты с мягкой мебелью в приемной, а Сидни работал там же, где прежде, один, без помощника, и невзрачный дом, в котором он снимал помещение, как-то затерялся среди выстроенных вокруг него шестиэтажных, отделанных мрамором громадин из светлого кирпича.

Сыншке Робу исполнилось восемь лет, а дочке Уиллабетт — шесть, и теперь Мэйбел пилила Сидни за то, что дети не так хорошо одеты, как их нарядные товарищи и подружки по школе.

Его бормашина — еще с ножной педалью — совсем износилась. Рукава у Сидни всегда лоснились. А в начале осени умер его отец.

Прощаясь с сыном, Уильям прошептал:

— Ты был хорошим, послушным сыном, Сид. Теперь ты понимаешь, почему я не разрешил тебе стать простым фермером, а дал возможность получить образование. Мэйбел не ахти из какой семьи, но она бойкая, толковая девочка, она не даст тебе зевать. Может быть, твой сын будет знаменитым хирургом или крупным банкиром. Не пускай его к нашей вермонтской родне: ни к чему эти люди не стремятся. Грудь очень давит! Да благословит тебя бог, Сид!

Сидни был единственным наследником. Когда в кабинете скромного бруклинского нотариуса вскрыли и прочли завещание, Сидни услышал, к своему изумлению, что прадедовская ферма, оказывается, принадлежала отцу, а, следовательно, теперь принадлежит ему! Глухотлевшее воображение Сидни вспыхнуло. Его растрогала мысль, что нелюбовь отца к ферме была притворной, что на самом деле он хранил память о ней и хотел, чтобы она перешла к сыну. Только позже Сидни узнал от дяди Роба, что, когда дед умер, Уильяму, как старшему сыну, был предоставлен выбор: либо ферма, либо половина стоимости земли, — и Уильям предпочел взять ферму, чтобы Сидни туда не было дороги. Он боялся,

что, если она достанется братьям, они с удовольствием примут Сидни в компаньоны, пока он еще не успел привыкнуть к профессии зубного врача. Но в последние годы Уильям, должно быть, считал, что Сидни надежно приобщен к цивилизации и крепко скован. Кроме фермы, Сидни получил по завещанию около трех тысяч долларов, и это было все, потому что дом в Бруклине оказался заложенным.

Тут же, в кабинете нотариуса, пока тот бубнил никому не нужные советы, ликующий Сидни решил переехать в деревню. У арендатора фермы — его фермы! — через два месяца истекает срок аренды. Сидни сразу и возьмется за дело. На три тысячи долларов можно купить добрый десяток коров, сепаратор, трактор, небольшой грузовик и отремонтировать старые постройки, чтобы они простояли еще несколько лет. Ремонтировать он будет сам! Сидни невольно размял руки, стосковавшиеся по молотку и лому.

Выйдя в приемную, Мэйбел радостно зашебетала:

— Правда, замеч... Ах, Сид, ты же знаешь, как я жалею, что твой отец скончался, но ведь правда чудесно получается! Ферма стоит, наверно, не меньше четырех тысяч. Мы все хорошо обдумаем, не будем сорить деньгами, как другие. Все семь тысяч долларов вложим в какое-нибудь дело, это даст нам триста пятьдесят долларов в год. Подумай, иметь дополнительно целый доллар в день! Ты сможешь купить выходной костюм, а я, наконец, сошью себе несколько приличных вечерних платьев, и Робу сделаем новый костюмчик, не откладывая. Когда ты можешь получить деньги? Он не сказал? Я видела чудесные туфельки и платья для девочек... Потом купим приличный ломберный столик, наш старый весь расшатался, а еще...

Спускаясь по лестнице под ее несмолкаемую болтовню, Сидни думал с тоской: нужно не его красноречие, чтобы заставить Мэйбел полюбить землю, жизнь среди природы. Он боялся ее, как раньше боялся отца.

— Вон напротив аптека. Зайдем, выпьем чего-нибудь освежающего, — сказал он ласково. — Уф! Сентябрь, а такая жара! На ферме сейчас прохладно, деревья уже начали желтеть. Листья до чего красивые — желтые, красные!

— Ах, опять ты со своей противной фермой! — Но говорила она не сердито: очень уж была довольна.

Они сидели за ярко-красным столиком, поставив перед собой бокалы с ярким, весело подувеченным напитком. Но, в сущности, местом действия должен был служить старинный замок, в полночь, при вспышках зловещих молний и завывании бури, потому что веселая, красочная сценка внезапно обернулась мрачной трагедией.

Уговаривать Мэйбел бесполезно. Ей не понять, что он томится, как в тюрьме, в четырех стенах своего кабинета. Она скажет: «Ну что ты! Ты встречаешься с приятными, интересными людьми, а вот я действительно сижу в четырех стенах», — и ей в голову не придет, что ему не нужны никакие приятные, интересные люди. Ему нужна тишина, запах земли! Но Мэйбел, как раньше отец, подчиняла его своей воле. Только силой можно разомкнуть эти тиски. Устремив взгляд на пестрый мраморный прилавок, он заговорил ласково, но заговорил твердо:

— Послушай, Мэй. Другого такого случая не будет. Конечно, мы глупостей делать не станем, не пустим наш капитал на ветер. И уж во всяком случае не будем тратить деньги на тряпки и устраивать всякие дурацкие вечера для разных идиотов, которым мы интересны, как прошлогодний снег, — если только им что-нибудь не нужно от нас. Вообще, если бы мы остались в Нью-Йорке...

— И останемся, не сомневайся!

— Изволь меня выслушать. Деньги мои, а не твои. Прости, я не хотел тебя обидеть, но послушай же, что я говорю. Так вот, если бы мы остались в городе, первое, что я купил бы, — это новую бормашину с электромотором. Она нужна мне до зарезу — я же пациентов теряю. Видят, как я жму педаль на старой развалине, и думают, что я отстал в медицине. Ничуть я не отстал! Да и вообще это не их дело!

Даже ветреная Мэйбел примолкла, подавленная столь беспрецедентно длинным и энергичным выступлением Сидни.

— Но мы здесь не останемся! Нет, моя дорогая! Мы поедem на ферму, ребятишки будут расти на чистом воздухе, а не в грязных закоулках. Поедем на ферму заниматься хозяйством.

Тут Мэйбел взорвалась, и впервые Сидни прочел во взгляде жены ненависть.

— С ума ты сошел? Жить в этой дыре? Чтобы мои дети копались в навозе, возились с грязной скотиной, на сенокосе работали, как выючные животные? Чтоб их учил какой-нибудь учитель-тупица — всех в одной комнатухе? Чтоб они играли с деревенскими недоумками? Не будет этого, вот мое слово! Если тебе все равно, то я-то хочу, чтобы дети были устроены в жизни как следует!

— Ну как же, Мэй, а я думал, что тебе понравилось в деревне! Когда мы ездили туда после свадьбы, ты была без ума от фермы. Ты говорила...

— Ничего подобного! Я с первого дня возненавидела ферму. А говорила, просто чтобы доставить тебе удовольствие. Душная каморка, керосиновые лампы, клопы, ванной нет, за столом сидят неучи-фермеры в жилетках... Жуть! Хорошо, поезжай, но я с детьми остаюсь здесь! Я себе на жизнь заработаю. И думаю, еще не один мужчина захочет на мне жениться, когда я разведусь с тобой. И разведусь!

Мэйбел не шутила, Сидни понимал это. Он сдался без сопротивления, как когда-то сдался отцу.

— Ну, конечно, если ты отказываешься... — сказал он тихо.

— Ага, ты начинаешь что-то соображать! Честное слово, ты, наверное, просто ошалел от жары! Слушай, я согласна вот на что: я не буду шуметь, если ты захочешь купить электрический этот драндулет, только не очень дорогой. А куда нужно обратиться, чтобы продать ферму?

И вот у этого молчаливого человека началась жизнь тайных интриг и обмана. Каким-то способом — он не знал, как именно, — он должен уговорить Мэйбел уехать в деревню. Может быть, она умрет... Но эта мысль ужаснула его, он любил Мэйбел и считал, что лучше ее на свете нет, — мнение, возможно, совершенно справедливое. И все же Сидни не послушал жены и фермы не продал. Он солгал ей. Он сказал, что вермонтский агент по продаже земельных участков не советовал ему продавать ферму в этом году: условия для продажи неблагоприятные, зато на следующий год перспективы блестящие. На следующий год Сидни сказал Мэйбел то же са-

мое и отдал ферму в аренду дяде Робу, который последние годы не без успеха сеял кукурузу в штате Айова, но соскучился по горам, рощам и мирным кленам родного Вермонта. Сам Сидни на ферму не ездил. Ему это было запрещено.

Мэйбел злилась, что он не продал ферму, что у них оказалось всего три тысячи долларов — они так и не приобрели на них акций. Деньги ушли на одежду, карточную игру, взносы за автомобиль и после долгих неприятных разговоров на покупку электрической бормашины.

Если раньше Сидни просто угрюмо томился, то теперь он бушевал от ярости. Ему казалось, что его ограбили. Крошечный кабинет с окном во двор — даже пустыря теперь не видно, только скверные улицы да задние фасады новых домов; страдания пациентов, растрывавшие его доброе, отзывчивое сердце; нескончаемый ряд отвратительных разинутых ртов, гнилых зубов, выгнутых языков — все это было невыносимо. Сидни вспоминал луга, поросшие ромашкой и ястребинками, темные тучи, проливающиеся целительным ливнем над уходящей вдаль долиной. Он хочет домой, к родимой земле!

Как-то весной, через полтора года после смерти отца, Сидни получил от хозяина дома разрешение устроить на заднем дворе огорожок — на крошечном клочке земли, среди мусорных куч и цементных дорожек. Мэйбел подсмеивалась над Сидни, а он каждый вечер возился в своем карманном раю — высокий, большой человек, осторожно переставляющий огромные ноги на клочке земли десять на десять футов.

Земля понимала его, она понимает таких людей. Огородники Лонг-Айленда еще не могли похвалиться ранними овощами, когда у Сидни уже выросла грядка великолепной редиски. Однажды он принес домой десяток завернутых в газету редисок и похвастался Мэйбел:

— Такой редиски на рынке не найдешь! Прямо со своего огорода!

Она с рассеянным видом съела одну редиску. Сидни уже готовился услышать насмешливое: «Вечно ты носишься со своим огородом». Но то, что он услышал, было еще хуже, — Мэйбел равнодушно сказала:

— Да, ничего.

Он еще себя покажет! Она увидит, как он умеет хитрить на земле! Увлечшись этой мыслью, он потерял всякую совесть. Сидни решил перехитрить Мэйбел. И вот как он это сделал.

В начале июля он сказал как бы между прочим:

— Ну, раз мы расплатились за окаянную машину, надо на ней ездить. Может, заберем ребятшек и прокатимся куда-нибудь недели на две, как ты думаешь?

— А куда?

В ее голове прозвучало подозрение, и новоявленный хитрец забасил притворно-равнодушно:

— Да куда хочешь. Говорят, хорошо у Ниагарского водопада, у Великих озер. Обратное можно через Пенсильванию, посмотрим Валли-Фордж и прочие исторические места.

— Ну, хорошо, пожалуй. Голхеймы прошлым летом ездили куда-то. До того надоели своими рассказами — слушать противно!

Поездка состоялась. Мэйбел была в восторге. Она далеко не всегда пилила и поучала мужа, а лишь в тех случаях, когда ущемлялись ее интересы или, как ей казалось, интересы ее детей. Она делала забавные замечания по поводу городков, которые они проезжали, — любой город с населением менее пятидесяти тысяч был, по ее нью-йоркским масштабам, «деревней», — она даже напевала джазовые песенки и восхищалась его умением водить машину, хотя восхищаться было нечем.

Они поехали на север, вдоль Гудзона. У Гленс-Фолс Сидни свернул не влево, к Великим озерам, а вправо, но она, женщина большого города, нью-йоркская простушка, для которой западное и восточное направления означали только путь в восточную или в западную часть Нью-Йорка, ничего не заметила. Ничего не заподозрила она даже, когда Сидни проворчал:

— Похоже, я свернул не на ту дорогу.

Остановив машину у заправочной колонки, он осведомился:

— Сколько еще ехать до озера Джордж? По времени мы должны были бы быть на месте.

— Да ежели ехать все туда же, будет этак миль тысяч двадцать пять. Ведь вы едете как раз в обратную сторону.

— Тыфу ты пропасть! А где же мы находимся? Не обратил внимания, как называется город, который мы проехали.

— Отсюда миля до Фэр-Хейвена.

— Штат Вермонт?

— Ну да.

— Чтоб мне провалиться! Экая история! Ненадежный я, выходит, шофер: могу из одного штата в другой перемахнуть и не заметить.

Теперь Мэйбел явно что-то заподозрила, поэтому Сидни с напускной веселостью предложил:

— А знаешь что, Мэй? Отсюда до нашей фермы всего сорок миль. Заглянем туда!

Мэйбел хотела возразить, но он повернулся к детям, которые устроились на заднем сиденье среди сваленных в беспорядке чемоданов, инструментов и запасных камер, и вскричал, захлебываясь:

— Дети, хотите посмотреть ферму, где я работал, когда был маленьким? Там родились ваш дедушка и прадедушка! Хотите повидать дядю Роба, посмотреть цыпляток?

— Хотим! — завизжали они в один голос.

Восторг ее обожаемых отпрысков и присутствие наблюдавшего эту сцену щеголеватого молодого механика заправочной станции убили в зародыше сердито-нравоучительную нотацию, на которые Мэйбел была такой мастер. Приличия превыше всего! Как ни в чем не бывало она обратилась к механику:

— Доктор, видно, совсем не умеет разбирать дорожные указатели, правда? Ну как, доктор, отправляемся?

Даже когда они отъехали от заправочной станции и можно было устроить без свидетелей отличную семейную сцену, она только протянула:

— А все-таки странная история!

И, проехав еще милю, прибавила в мрачном раздумье:

— Очень странная!

Сидни молча сидел за рулем, моля бога, чтобы пронесло грозу. Вряд ли он слышал Мэйбел. Он размышлял, не облекая своих мыслей в слова:

«Неужели светлячки по-прежнему мелькают над лугами ранним летним вечером? Неужели луна, поднимаясь из-за кленов и пихт, что растут по гребню гор, по-

прежнему предвещает свой восход разливающимся по небосклону нежным сиянием? Неужели лай сонных собак все так же долетает с той стороны долины? И ночной ветерок все так же веет над скошенным сеном? Я, человек, чья единственная опора и оправдание жизни — постылая работа в душном кабинете, — я спрашиваю: неужели еще существуют на свете тихие долины, звезды, безмолвные ночи? Или все это лишь приснилось мне в юности?»

Они переночевали в Ратленде. Устроенный на столичный манер номер гостиницы раздражал Сидни. В десять утра, покрыв за двадцать минут расстояние, которое тридцать лет назад дядя Роб проезжал за полтора часа, он остановил машину у белого домика, в котором семья Дау жила с 1800 года.

На южном лугу Сидни увидел дядю Роба. Он степенно правил конными граблями, не обращая внимания на чужих.

— По-моему, он думает, что мы бутлеггеры, — рассмеялся Сидни. — Вылезайте, малыши! Вот тут ваш папа однажды проработал все лето! Пошли... Хотите пить? Сейчас угощу вас настоящей родниковой водой, это будет получше нашей хлорированной бурды! А потом посмотрим зверинец.

Роб и Уиллабетт уже выскользнули через заднюю дверцу и глядели вниз, в долину, изволнованно нища. Сидни выскочил почти одновременно с детьми, зато Мэйбел выбралась из машины с достоинством, подобающим обитательнице Бронкса. Сидни не обращал на нее внимания. Кликнув детей, он повел их вокруг дома к артезианскому колодцу и накачал ведро воды.

— Ой, какая холодная, папа! Здорово вкусная! — воскликнул Роб.

— Что правда, то правда — и холодная и здорово вкусная! Да, знаешь что? Не нужно говорить «здорово», это некрасивое слово. А! К чертям! Пошли, ребятники! Я вам что-то покажу.

На ферме жили котята и две старые, важные, обходительные кошки. Был и теленок — бог знает, в каком поколении он приходился родственником тому теленку.

который далеким июльским утром, когда Сидни было шестнадцать лет, лизнул ему руку. Еще были гусята и индюшата; у индюшат смешно торчали на голой коже отдельные перья, будто пальмы среди песков пустыни; а потом обнаружались еще котята, престарелый рыжий с белым пес, ласково вилявший хвостом, и целый загон истеричных поросят.

Дети визжали от радости при виде каждого нового животного. Наконец их догнала немного запыхавшаяся Мэйбел.

— Симпатичные зверюшки,— сказала она и добавила злоуще: — А ты все-таки ухитрился затащить меня сюда, Сид.

С поля приплелся дядя Роб, сердито крича на них:

— Вам что тут надо? Ах, чтоб тебе, да ведь это Сид! А это твоя жена с детишками? Ну-ну!

Сидни почувствовал, что кульминационный пункт его заговора наступил. Он закричал сыну:

— Роб! Это твой двоюродный дедушка, в честь которого мы тебя назвали. Ну, где тебе больше нравится жить: здесь, на ферме, или в Нью-Йорке?

— Спрашиваешь! Ясно здесь! Котята тут, утятки! Ой, какие хорошенькие! Я очень хочу здесь жить!

— И я хочу,— пролепетала его сестричка.

— Глупости,— оборвала Мэйбел.— Без ванны?

— Ванну можно поставить,— пробурчал Сидни.

— С каких это доходов? Не на те ли деньги, что ты получишь, выращивая здесь бананы и орхидеи?.. А вам захочется ходить в школу за две мили зимой, по снегу?

— Ой, вот здорово! Вдруг оленя бы убили,— ответил Роб-младший.

— А вдруг тебя самого полевая мышь загрызла бы, дурачок ты этакий! Ну, еще бы! Прелестно! После ужина целый вечер не знаешь, как убить время!

— А мы в кино пойдем! Вы часто ходите в кино, дедушка Роб?

— Да как тебе сказать. Боюсь, зимой вовсе не попадешь в кино. До города далековато,— замылся дядя Роб.

— Нельзя пойти в кино? — взвыли городские дети,

не веря своим ушам. Ничего более ужасного они не слышали в жизни.

— Ой, нет, это не очень-то хорошо, — загоревал Роб-младший. — А как же деревенские могут что-нибудь узнать, если они в кино не ходят? Ну, ладно, мы будем ходить летом, мама, а зимой тоже будет хорошо, будем кататься по льду, охотиться. Ух, здорово будет!

Мэйбел начала готовить ужин, гремя кастрюлями и высказывая свое мнение о доме, в котором нет ни водопровода, ни фарфоровой раковины, ни газа, ни электричества, ни холодильника. За ужином она молчала, молчал и Сидни, молчал и дядя Роб. Но Сидни ликовал в душе. Дети заодно с ним, он победит. А дети не помнили себя от восторга. Они поминутно выскакивали из-за стола, и в руках у них оказывались самые немыслимые, совершенно негородские предметы: кошка, любовно влекомая за заднюю лапу, но, видимо, неспособная оценить эту любовь и отчаянно мяукающая; дохлый крот, пыльная банка из-под керосина, лопата, вся в навозе. Наконец Мэйбел, потеряв терпение, прикрикнула на них.

— Ну, мама, — обиженно затанули дети, — в городе ведь ничего не найдешь во дворе, кроме гнилого лимона.

Мэйбел погнала детей спать в восемь часов, а сама надменно удалилась в девять, процедив сквозь зубы:

— Надеюсь, за ночь ты наговоришься с твоим дружкой дядей Робом и выкинешь дурь из головы.

Сидни вздрогнул. Действительно, дальнейшее развитие его злокозненного плана предусматривало тайные переговоры с дядей Робом.

Полчаса бродил он по дороге, подавленный глубоким безмолвием. Ему чудились рыси в березовых зарослях. Но когда успокаивались издерганные городом нервы, он широко раскидывал руки, разминал пальцы и дышал полной грудью. Не воздух, обыкновенный воздух вдыхал Сидни — он впивал божественную благодать.

Он должен был вернуться домой не позже половины десятого, чтобы успеть посеCRETничать с дядей Робом. Дяде Робу было семьдесят пять лет. За триста шестьдесят пять дней, помноженных на семьдесят пять, он, несомненно, несколько раз ложился спать позже половины десятого: когда в молодости танцевал с юными канадками в Потсдам-Фордж, когда ухаживал ночью за

больной коровой или, возвращаясь вечером с воскресного молитвенного собрания, надолго застревал в непролазной дорожной грязи. Но это все были исключительные случаи. Дядя Роб не одобрял ночных гулянок и вообще потакания плотским слабостям.

Сидни потихоньку поднялся по лестнице. Лучшая спальня на первом этаже была предоставлена в распоряжение Мэйбел и Сидни; дети спали в комнате деда на втором этаже; дядя Роб жил на чердаке.

Горожанам, вероятно, не понять, почему дядя Роб, арендатор и единовластный хозяин фермы, устроился на чердаке, когда в доме было три хороших спальни. Очень просто: дядя Роб всю жизнь, с самого детства, спал на чердаке.

Взобравшись наверх по узкой, крутой, как отвесная скала, лестнице, Сидни постучал в дверь.

— Кто там?

Вопрос прозвучал резко и чуть тревожно. Сколько лет никто не стучался к дяде Робу?

— Это я, Сид.

— А, вот это кто, ну входи. Подожди, я отомкну дверь.

Впервые в жизни Сидни переступил порог этой комнаты. Жители гор во всех странах мира без приглашения не приходят и незваных гостей не жалуют.

Возможно, человеку привередливому или непривычному комната дяди Робба показалась бы малопривлекательной. Освещалась она керосиновой лампой с криво обгоревшим, коптящим фитилем. Всю мебель составляла складная кровать, табуретка, умывальник и комод. Зато всякого хлама здесь было достаточно. На умывальнике, рядом с бутылкой яблочной водки и кувшином, которым так давно не пользовались, что он совсем высох, лежал каталог для выписки товаров почтой, несколько пакетов семян, одинокая калоша, клубок шпагата и медаль за участие в Испанской войне. Штукатурка обвалилась, и дранка проступила черными полосами по всему потолку и стенам.

А Сидни понравилось здесь — понравилась простота, отсутствие порядка, аккуратности, показной подтянутости, и он от души позавидовал царившей здесь холостяцкой свободе.

Дядя Роб уже улегся, не утруждая себя излишними приготовлениями, — просто снял сапоги и верхнюю одежду. Он смотрел на гостя, удивленно моргая, но спросил довольно ласково:

— Ну, что, мальчик?

— Дядя Роб, я так рад, что снова сюда приехал, сказать тебе не могу!

— Гм!

— Знаешь, я... Честное слово, я готов прыгать от радости, как жеребенок! Мои пациенты не узнали бы старого доктора! Дядя Роб, помоги мне. Мэйбел не хочет тут жить, заниматься хозяйством, а вот бы мы с тобой, как два компаньона, а? И ребятишкам очень хочется. До чего же я ненавижу окаянный город! И ребята тоже.

— Да?

— Факт. Ты разве не слышал? Они сказали, что готовы ходить в школу пешком. Пусть и кино не будет.

— Сид, ты научишься понимать детей, разве что когда станешь дедушкой. Детишки ведь охотно соглашаются на все, что им покажется занятным. Роб думает, страсть как приятно тащиться в школу пешком за две мили по снегу. Один раз попробует, больше не захочет.

Дядя Роб заложил руки под свою жилистую старческую шею, темневшую на серой подушке. Более длинной речи он, вероятно, не произнес ни разу в жизни. Лампа замигала, в углу возмущенно зашевелился паук.

— Нет, — сказал дядя Роб. — Не понравится ему это. Мне тоже не нравилось. Учитель часто драл. Не очень-то сладко — тащиться-тащиться по снегу, а учитель выдерет тебя за то, что опоздал. А еще — ишь ты, не вспоминал об этом лет тридцать, а то и все сорок, а сейчас вот вспомнил! — бывало, кто-нибудь из больших парней скажет: «Слабо лизнуть ведерко!» А мороз, поди, градусов тридцать, язык-то и прилипнет. Так вся шкура и сойдет! Нет, не нравилось мне тут ничего, а уж домашнюю работу просто терпеть не мог.

— Роб, послушай! Я серьезно. Конечно, детям сначала покажется трудно, но они полюбят деревню и вырастут настоящими людьми, а не городскими хлюпиками. С ними затруднений не будет. Об этом я позабочусь. Но вот Мэйбел... Знаешь, Роб, я придумал, как мы ее обойдем. Прошу тебя, помоги мне. Поговори с уважаемыми

женщинами в округе—с членами фермерской ассоциации, методистской церкви. Скажи им, мол, Мэйбел — шикарная столичная дама, всей округе будет лестно, если она переедет сюда. Она хорошая, но на лесть ее поддеть очень даже просто. В Бронксе она не бог знает кто. А если бы ваши женщины пришли и сказали, что считают ее важнее папы римского, может, это польстило бы ей, и она, может, и согласилась бы остаться тут насовсем. Вот если бы женщины пришли...

— Не придут они! — Дядя Роб поглаживал длинный щетинистый подбородок и шевелил пальцами ног в серых носках.

— Почему?

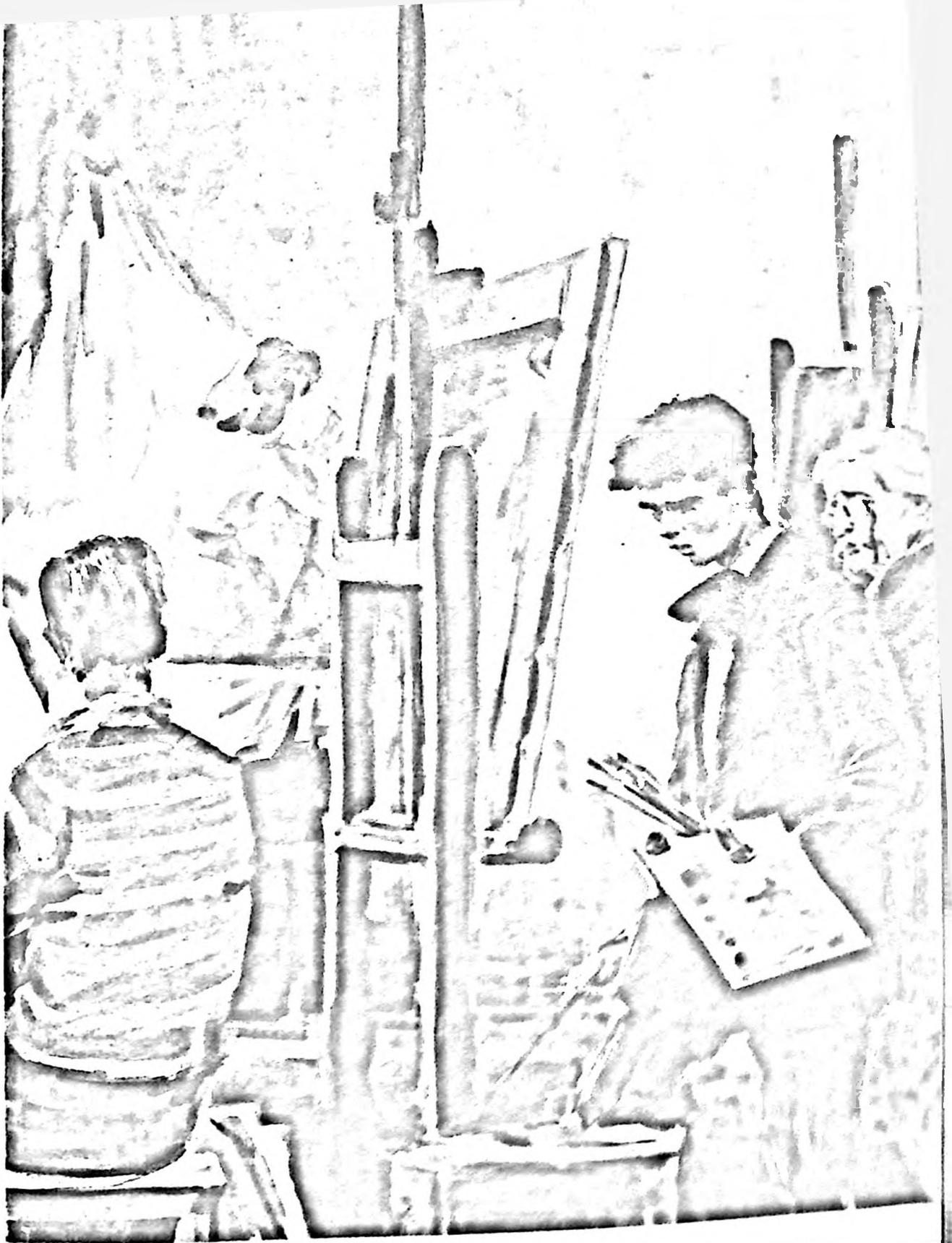
— Да потому, что наши женщины живо раскусят твою Мэйбел. Они теперь не такие темные, как были в твое время. Возьми, к примеру, миссис Крейг. Уже три года ездила зимой с мужем на машине во Флориду. Но не в этом дело. Вся штука в том, что я, пожалуй, заодно с Мэйбел.

— Как так?

— Сказать тебе по правде, никогда у меня не лежала душа к крестьянству. Тяжелая тут жизнь, Сид. Мне все хотелось держать лавочку в городе. Ты забыл, какая здесь тяжелая работа. А у тебя что—вылечить пару-другую зубов! Нет, не берусь я помогать тебе, Сид.

— Так. Ну, хорошо. Прости, что побеспокоил тебя. Спускаясь в полной растерянности вниз, Сидни, который так редко молился, горячо взывал к небу: «Господи, неужели никто, кроме меня, больше не любит землю? Что же с нами будет? Ведь земля—источник нашей жизни!»

Он знал, что утром будет умолять Мэйбел побыть на ферме недели две и что она откажется. Это его последняя ночь здесь. И всю ночь он молча, медленным шагом бродил по проселочным дорогам, глядя на ветви пихт, отчетливые на фоне неба, печально качая головой и спрашивая себя, почему он не может освободиться от греховной тоски по земле, почему он не может стать таким же рассудительным, практичным и солидным человеком, как его отец, или Мэйбел, или дядя Роб.

«ПИСЬМА В ПИСЬМА, СЛИ МОНА»

«ДАВАЙТЕ ИГРАТЬ В КОРОЛЕЙ»

ДАВАЙТЕ ИГРАТЬ В КОРОЛЕЙ

Владелец бензоколонки «Заправка и ремонт» в Меканиквилле (штат Нью-Йорк) мистер Заяц Тейт изящно восседал перед своим заведением на кухонном табурете. Он был видной фигурой, этот Заяц Тейт, нареченный при крещении Томасом. Пусть его брюки были усеяны пятнами, а их отвороты напоминали зазубренные лезвия бритв с рекламных плакатов, но зато на нем была ярко-лиловая рубашка в узенькую красную полосочку, пружинные браслеты на рукавах отливали серебром, а на сосискообразном указательном пальце сверкал перстень с рубином, который стоил бы двести тысяч долларов, не будь он сделан из стекла.

Мистер Тейт был невысок, но отличался приятной полнотой; лицо его пылало румянцем, рыжие усики были подкручены до того лихо, что он смахивал на сыщика, а белобрысые волосы ниспадали на лоб таким элегантным чубом, какой нечасто увидишь по эту сторону пивной стойки.

Из белого домика позади колонки (жилища, располагавшего всеми современными удобствами, за исключением ванной, газа и электричества) появилась его супруга, миссис Бесси Тейт, которая гнала перед собой их сына Терри.

Надо сказать, что Бесси отнюдь не была красавицей. Крутой, как вареное яйцо, лоб, похожий на утюг под-

бородок и голос, напоминавший лязг пустых молочных бидонов, сливались в единую симфонию семейного очага. Да и Заяц Тейт, несмотря на свою сногшибательную элегантность, все же не заслуживал сравнения с Аполлоном. Зато шестилетний Терри был неправдоподобно красив.

Просто не верилось, что это мальчик из плоти и крови. Казалось, что он сошел с журнальной обложки: волосы, золотые, словно пух одуванчика в лучах заката, атласная кожа, фиалковые глаза, прямой носик и губки, складывавшиеся в такую улыбку, что, увидев ее, самые принципиальные пьяницы шли домой и давали зарок трезвости.

Каким образом его родителями оказались Заяц и Бесси Тейт, каким образом ангелы (или аист, или доктор Мак-Квич) умудрились оставить Терри в белом домике позади бензоколонки «Заправка и ремонт», а не в величественном оштукатуренном замке единственного механиквиллского банкира, — эту тайну пусть разгадывают специалисты по евгенике.

Тон Бесси отнюдь не подобал матери елочного херувима:

— Ты что, Заяц, так и собираешься весь день прохлаждаться на своей табуретке? Взял бы да и поработал для смеху!

— Н-да? — отверз уста отец херувима. — Вот сейчас прямо возьму и поработаю. Прикажешь поймать какого-нибудь дурака за радиаторную пробку и насильно влить ему бензину?

— Ну так почини сетку на кухонной двери.

— Сетку на кухонной двери?

— Да, сетку на кухонной двери, дурак!

— Сетку на кухонной двери? А она что, порвалась?

— Нет, не порвалась! Просто я хочу, чтобы ты почесал ей спинку, где ее комары нажгли, дурья башка! А еще ты мог бы приглядеть за этим сопяляком, чтобы он у меня под ногами весь день не вертелся!

И она отвесила Терри щедрый и умелый шлепок. Терри разразился громкими воплями, а Заяц испуганно поднялся с табуретки — его щеки, оттененные бронзовым великолепием завитых усиков, заметно побледнели. Бесси явно была в особенно неукротимом настроении, и нам

чуть было не пришлось увидеть, как мистер Тейт, отступив перед чугунным подбородком и гранитной волей супруги, берется за работу — весьма душещипательное зрелище, — однако в эту секунду к колонке подъехал роскошный лимузин.

В лимузине сидела дама, настолько богатая — настолько богатая и старая, — что ей волей-неволей приходилось быть добродетельной. У нее были белоснежные волосы, а цвет лица напоминал старинный фарфор. Выглянув из машины, пока Заяц Тейт весело качал бензин, она увидела Терри.

— Ах! — вздохнула она. — Какой ангелочек! Это ваш сынок?

— Да, сударыня, — ухмыльнулся Заяц, но его немедленно заслонила Бесси, изливая улыбки на только что отшлепанное сокровище.

— Он должен петь в церковном хоре! — сказала благородная старая дама. — Я уже вижу, как прелестен он будет в церкви Святого Луки в Олбани! Непременно отвезите его туда и побывайте у его преподобия доктора Уимпла, младшего священника, — он так любит милых крошек! Я не сомневаюсь, что вашего чудного мальчика можно будет бесплатно поместить в какую-нибудь церковную школу, ведь иначе — мы живем в такое ужасное время! — с его красотой он, чего доброго, попадет в кино, станет ребенком-кинозвездой или еще чем-нибудь столь же мерзким и погибнет! Всего хорошего.

— Ух ты, черт, шикарная старуха! — заметил чудный мальчик, когда лимузин уплыл по шоссе.

Бесси рассеянно шлепнула его и изрекла:

— Знаешь, Заяц, а эта старая гримза сказала дело. Малыша, пожалуй, можно пристроить в кино.

— Верно! Ха! Он, того гляди, будет зашибать сотню в неделю. Я слышал, что ребятам, которых снимают, иногда и по стольку платят. Я бы тогда купил тросточку с серебряной собачьей головой.

— Том Тейт! Иди надень пиджак, а я умою ему рожу, переодену, и ты отведешь его в фотографию на Главной улице — за колонкой я пригляжу. Пусть его снимут, и мы сию же минуту пошлем карточки в Голливуд.

— Вот еще, придумала — в такую-то жару, — вздохнул мистер Тейт и добавил мрачно: — А тут как раз

клиент подвернется с лопнувшей камерой! Ты всегда так — готова выбросить зря пятьдесят центов, авось, да вдруг, да когда-нибудь этот щенок будет получать пятьдесят долларов в неделю.

— Уж если я что делаю, так наверняка! — отрезала Бесси Тейт.

Мистер Авраам Гамильтон Гренвилл, президент и директор кинокорпорации «Юпитер-Трайомф-Тейт», украсил свою испанскую виллу в Поппи-Пикс (штат Калифорния) самым большим в мире стеклянным шаром для рыбок. Пусть прочие киносатрапы обзаводятся помпейскими плавательными бассейнами, церковными органами и бальными залами с паркетом из платины: гениальность мистера Гренвилла, доказанная еще в 1903 году, когда он, запатентовав Безотрывную Пуговицу, создал знаменитую компанию Эйба Гроссбурга «Модные Штанишки», — повторяю, гениальность мистера Гренвилла заключалась в том, что он всегда придумывал что-то немножко другое.

И вот он приказал искусным мастерам воздвигнуть стеклянный шар с рыбками — не какой-нибудь вульгарный прямоугольный аквариум, а именно классический стеклянный шар с рыбками для уютной гостиной, но только двадцать футов высотой и шестьдесят в окружности, — на зелено-красной мраморной террасе своей виллы Каса-Скарлатта.

Поппи-Пикс — это придаток Голливуда, где поселились наиболее утонченные, наиболее впечатлительные и во всех иных отношениях наиболее богатые члены кинообщества, когда сам Голливуд стал слишком плебейским для их аристократических запросов. И интеллектуальные силы, собравшиеся в этот знойный августовский день вокруг мистера Гренвилла, принадлежали к сливкам лучших и знатнейших фамилий Поппи-Пикс.

Кроме самого мистера Гренвилла и заведующего отделом сбыта мистера Айсбайна, здесь присутствовал пресс-агент Уиггинс — в прошлом самый знаменитый игрок в покер и крупнейший специалист по мятным шербетам на всем калифорнийском побережье, — выдающаяся личность. единственным недостатком которой была без-

заветная вера в то, что мазь от чесотки может превратить жиденькие тусклые волосы в пышную шевелюру цвета воронова крыла. Была здесь и мисс Лилия Лавери Лагг, сценаристка, автор таких шедевров кинематографической страсти, как «Пламенные пленницы», «Полуночное пламя» и «Пленницы полуночи». Ей было тридцать восемь лет, и ее ни разу не поцеловал ни один мужчина.

Но даже этих пламенных плутократов полуночи затмевало благородное семейство, с тихим достоинством восседавшее в ярко-алых плетеных креслах.

Отец семейства, мистер Т. Бенескотен Тейт, обладал роскошными каштановыми усами и золотым портсигаром; на нем был сиреневый костюм, белые гетры, лакированные туфли и пенсне с широкой шелковой лентой. В руке он держал трость, увенчанную золотым набалдашником в виде собачьей головы с рубиновыми глазами.

Облик его супруги не так радовал глаз, но запоминался гораздо больше. На ней был черный костюм в белую полоску и туфли из кожи питона. Она сидела, сурово выпрямившись, и ее глаза горели, как две фары.

А третьим членом этого семейства был Терри Тейт, которого афиши всех кинотеатров мира именовали «Королем Киновундеркиндов».

На нем были английские шорты и шелковая байроническая рубашка с открытым воротом. Однако предательская полоска грязи поперек наманикюренных пальцев свидетельствовала скорее о проказах по-меканиквиллски, чем о благонравии, достойном Поппи-Пикс, а позади его кресла, свернувшись калачиком, лежал образчик прославленной собачьей породы «радость мальчишек», которого не допустили бы ни на какие собачьи выставки, кроме самых неофициальных, организуемых где-нибудь позади малопрестижного сарая.

Шел 1930 год, и Терри было теперь десять лет.

— Ну-с, мисс Лагг,— энергично сказал мистер Гренвилл,— что вы предложите нам хорошенького для нового территейта?

— О, на этот раз у меня есть абсолютно божественная идея. Терри играет бедного итальянчика, чистильщика сапог — на самом-то деле он сын графа, но его похитили...

Терри занял середину сцены и занял:

— Не буду я его играть! Я уже был газетчиком, который продал шайку гангстеров, и сыном грузчика, которого усыновил банкир, и Оливером Твистом, и... Не хочу я больше играть этих сопливых обиженных сироток! Я хочу быть мальчиком-ковбоем или апашем!

Мисс Лагг радостно взвизгнула:

— Придумала! А не сыграть ли ему полкового барабанщика — ну, про Гражданскую войну, — он спасает своего генерала, когда его ранят, и Линкольн приглашает его в Белый дом?

Они все благоговейно взирали, как мисс Лагг воспаряет к высотам, доступным только гениям, но тут ее прервал скрежет циркулярной пилы — голос миссис Т. Бесскотен Тейт:

— Еще чего! Чтобы Терри участвовал в мерзких военных сценах, когда на него будут валиться хулиганистатисты? С этими войнами беды не оберешься — эффекту много, но кого-нибудь обязательно пришибет. Нет уж, дудки!

— Was ist das denn für ein Hutzpah!¹ — проворчал мистер Авраам Гамильтон Гренвилл. — Дер Терри должен идти на риск при том, сколько мы ему платим.

Миссис Тейт взвилась из кресла в ледяной ярости:

— Как же! Паршивые две тыщонки в неделю! Уж поверьте, в следующем его контракте будет стоять четыре тысячи — не даст «Юпитер», найдутся другие! Да мы на эти две тысячи еле концы с концами сводим: надо же так себя в обществе поставить, чтобы всякие там Франшо не драли перед нами нос! А француз-гувернер Терри, а его учитель танцев, а его тренер, а его шофер, а... а... Да еще, слава богу, я не люблю пыль в глаза пускать, как некоторые здешние зазнайки. Ей-богу, зря мы уехали из Меканиквилла! У мистера Тейта там был большой гараж — и мы откладывали куда больше, чем здесь, потому что вы, жирные свиньи, стараетесь заgrabастать всю прибыль, а об артисте, о том, как ему прожить с семьей, и думать не желаете!

— Ладно, ладно, пускай так, — поторопился успокоить ее мистер Гренвилл. — А что вы сами, Бесси, предложили бы для его следующей роли?

¹ Нет, какое нахальство! (смесь нем. и евр.).

Мистер Тейт сказал:

— У меня есть мысль...

— Нету! Откуда бы ей взяться? — перебила его Бесси. — А вот я думаю, что будет хорошо, если... так и вижу моего Терри пропавшим дельфином — сыном этого... Наполеона, что ли, или там Людовика — ну, вы знаете, Легленком¹. Мисс Лагг посмотрит, как там было в истории. А уж до чего Терри пойдут атласные штаны с буфами и жабо!

— Ой! — пискнул Терри.

— Мне, — продолжала миссис Тейт с добродетельным негодованием, — очень не нравится, что мой мальчик все время играет газетчиков и всяких там оборвышей. По-моему, это не оказывает благотворного влияния на его публику. Только и знаем, что топчемся на месте. И с его-то гардеробом!

Пока миссис Тейт читала мораль, дворецкий принес коктейли и дневные газеты, так что Уиггинс, закаленный пресс-агент, получил возможность укрыться от голоса Бесси, погрузившись в бодрящее описание очередного чикагского убийства.

Теперь он вдруг перебил ее:

— Вот послушай, Бесси, кстати о твоём пропавшем дофине: история прямо из жизни. Тут сообщают, что король Словарии Удо скончался вчера от разрыва сердца, и ему наследует его сын Максимилиан — теперь король Максимилиан III, — а бедному ребятенку всего десять лет. Самый юный король в мире. Только где эта Словария, хотел бы я знать?

— Ну-ка, скажи ему, Терри, — скомандовала Бесси Тейт. — Терри в географии знаток, прямо как я сама была в его годы.

— Не хочу! — объявил знаток.

— Делай, что тебе говорят! А то не позволю играть в бейсбол с ребятами дворецкого. И ты у меня пойдешь на чай к княгине Маракечелла!

— А чтоб ее! — вздохнул Терри, а потом зачастил с полным отсутствием выражения: — Словария — балканское королевство, граничащее на севере с Румынией, на юге с Болгарией, на востоке с Зендой, а на западе с

¹ Испорченное «L'Aiglon» — «Орленок» (франц.), пьеса Ростана о сыне Наполеона I.

Грауштарком. Столица — Цетокоскавар. Главные реки — Ржекл и Эгоска. Статьи экспорта — рогатый скот, кожа, сыр и шерсть. Царствующий монарх — Удо VII, потомок прославленного полководца короля Иеронима, сочетавшийся браком со знаменитой красавицей Сидонией, родственницей бывшего германского кайзера... Мам, а мам! А что такое балканское королевство? Это в Китае, да?

— Вы только послушайте его! Во всем Голливуде не найти другого мальчишки с таким шикарным гувернером и такого образованного! — промурлыкала мисс Тейт. — Вот и я такая была — прямо хлебом не корми, дай только книжку почитать или уроки выучить.

— Стойте, стойте! Нашла! — взвизгнула мисс Лилия Лавери Лагг. — Вот наш сценарий, а шумиха, которую газеты поднимут вокруг малютки-короля, обеспечит фильму полный успех. Слушайте! Терри — маленький король одной...

— Не хочу быть королем! Хочу быть апашем, — захныкал Терри, но на него никто не обратил внимания.

Все (кроме Терри, его пса и дворецкого) слушали с горящими глазами, захваченные смерчем гениальной фантазии мисс Лилии.

— Терри — маленький король одной ближневосточной страны. Эпизоды во дворце: бедный мальчик, такой одинокий, сидит на троне в глубине огромного тронного зала (опять отсняем вестибюль отеля «Дипломатик», как тогда, когда мы крутили «Да здравствует царь!»). Гвардейцы в этих, знаете, меховых шапках. Отдают честь. Показываем, какое у него золотое сердце: эпизоды, как он жалеет бедного сиротку во дворе замка и как его котенок сломал лапку, но только ему до смерти надоело все это королевское величие, и он держится с гвардейцами, и своим двором, и всеми ими, как демократ, и хуже зубной боли изводит гвардейцев и премьер-министра — из премьер-министра можно сделать чудный комический персонаж с длинными бакенбардами. И побочная интрига: американский корреспондент на Балканах, высокий красавец, и вот что — он вылитая копия дяди короля (дядя — злодей), а дядя старается оттягать трон у бедного крошки. Ну, и как-то раз король (мальчик) катается по дворцовому парку верхом. За ним скачет сот-

ни две кавалеристов, и он измывается над ними повсю — бьет там, и всякое такое. Ну, а этот американский корреспондент тоже там, и король видит его и думает, что это дядя, и говорит кавалеристам: «Пшли отсюда! Вон мой дядя,— говорит он.— Он хочет зацапать трон, но я его не боюсь и встречусь с ним один на один». И тут он подъезжает к нему и обнажает шпагу...

— А откуда же у него шпага, если он такой малыш?— усомнился Т. Бенескотен.

— А вот оттуда, дурак! — обрушилась на него Бесси.— Ты что, не видел снимков принца Уэльского? Короли и прочие такие особы всегда ходят в мундирах и при шпагах — разве что когда играют в гольф. Или купаются.

— Вот именно.— И Лилия посмотрела на Т. Бенескотена ледяным взглядом. Как правило, все, кроме его сына Терри, смотрели на Т. Бенескотена ледяным взглядом.

— И тут,— продолжала Лилия,— он обнажает шпагу и кидается на того, кого считает своим дядей, но тот с ним заговаривает, и он понимает, что это не его дядя. Ну, тут они знакомятся и беседуют. Здесь, по моему, следует дать наплывом: счастливая жизнь корреспондента (героя), когда он был мальчиком в Оклахоме, как он играл в бейсбол и все прочее. Тут корреспондент — он видел, как маленький король измывался над своими солдатами,— объясняет бедному крошке, что надо быть хорошим и демократичным, как все американские дети, и королю очень стыдно, что он так подло себя вел, а корреспондент ему ужасно понравился, и они гуляют по парку и встречают сестру короля (героиню — в этой роли я вижу Катеньку Кетлсон), и корреспондент с принцессой влюбляются друг в друга с первого взгляда, а потом, конечно, корреспондент спасает принцессу и короля от дяди — большой бал во дворце и балет,— а дядя собирается похитить короля, а корреспондент узнал про подземные ходы под дворцом (или сделаем их катакомбами), и он их уводит, и тут шикарный поединок в лесу — корреспондент был чемпионом по фехтованию, и он схватывается с дядей на шпагах, а бедный маленький король и несчастная принцесса робко прячутся за кучей опавших листьев, а корреспондент приканчивает

дядю и... стойте, стойте — нашла, такого еще не было ни в одном фильме с королевским сюжетом! — они после поединка спасаются на аэроплане — скажем, улетают за океан в Америку, и летчик падает мертвым, а корреспондент был ранен, но благородно скрывал это от принцессы, и теперь теряет сознание, но летчик научил короля водить самолет, и он хватает рычаги управления...

— И мне дадут поводить самолет? — возликовал Терри.

— Нет, не дадут,—оборвала его мать.—Это сыграет дублер. Давай дальше, Лилия.

И Терри уныло продолжал слушать, как Лилия подводила маленького короля к кульминационному моменту, когда его похитили нью-йоркские гангстеры, из рук которых его вырывают корреспондент и премьер-министр с бакенбардами, смешной, но героичный.

— Это вещь!— сказал Авраам Гамильтон Гренвилл.

— Пожалуй, сойдет,— сказала миссис Т. Бенескотен Тейт.

— О господи! — сказал пресс-агент Уиггинс.

А Терри Тейт и тейтовская дворняжка не сказали ничего, но зато весьма энергично.

Хотя Каstellо-Марино, резиденция семейства Бенескотен Тейт, несколько уступала по размерам вилле мистера Авраама Гренвилла, она тем не менее дышала изысканным вкусом и была украшена кампанилой — точной копией знаменитой сиенской, только в пять раз ниже и сложенной не из старомодного бурого кирпича, а из желтой плитки.

В этих аристократических стенах любящие, но несчастные родители, которые всем жертвовали ради карьеры своего сына, переживали тяжелые минуты.

В это утро Терри просто-напросто взбунтовался, когда его симпатичный камердинер попытался его одеть. Он сказал, что терпеть не может своего симпатичного камердинера. Он сказал, чтобы к нему не приставали.

— По-моему, Полаччи,— заметила миссис Тейт, обращаясь к камердинеру,— раз мистер Терри едет в контору мистера Гренвилла, ему следует надеть костюм для игры в поло.

— Не надо, мамочка! — взмолился Терри. — Он такой дурацкий! Никто из мальчиков в таких не ходит.

— Я думаю! Для чего же я его тебе и покупала!

— Не стану я его надевать! Если бы еще дома... Все надо мной смеются. Вот не буду сниматься, и все!

— Господи, за что ты покарал меня сыном, который...

— Сейчас же надень свое поло и не смей возражать матери, — сказал Т. Бенескотен Тейт.

— Заяц!

— Что, радость моя?

— Закрой пасть... Хорошо, Терри, разрешаю тебе надеть матросский костюм. Английский. Импортный. Но помни, твое непослушание убивает мамочку. А теперь не мешай Полаччи одеть тебя. Лимузин давно ждет.

— Мам, можно, я не поеду в лимузине? Это совсем не интересно! И не видно ничего. Я хочу поехать на трамвае. Там всякие интересные люди ездят.

— Теренс Мак-Джи Тейт! Я в жизни не слыхивала такой глупости! Кто тебе наболтал про эти трамваи? На них ездить неприлично. Они годятся только для простого люда! Да к тому же, чтобы на тебя смотрели бесплатно?! Еще чего! Сколько раз тебе повторять, чтобы ты не смел якшаться со статистами во время съемок и набираться от них всяких гадостей! Если ты не поедешь со мной в лимузине, то не получишь за обедом черной икры!

— А я не люблю икру!

— О господи! За какие грехи ты так меня покарал?

Т. Бенескотен робко предложил:

— Может, мы с Терри поедем на трамвае и встретимся с тобой у Эйба в конторе? Я бы и сам не прочь разок прокатиться в трамвае.

— Чтобы подцепить какую-нибудь голливудскую палочку? Как же, дожидайся!

Они поехали в лимузине.

В кабинете мистера Гренвилла собрались все высшие сановники корпорации «Юпитер-Трайомф-Тейт», чтобы прослушать сценарий мисс Лилии Лавери Лагг «Августейший сорванец», идею которого она предложила три недели назад. Однако прежде, чем мисс Лагг успела начать, пресс-агент Уиггинс, который метался взад-вперед по кабинету, весь во власти блестящей идеи, объявил, что, согласно сообщениям вечерних газет, юный монарх

Словарию Максимилиан III со своей матерью, королевой Сидонией, на днях отбывает с визитом в Лондон.

Газеты намекали, что предприимчивая Сидония рассчитывает заручиться симпатией и поддержкой английского народа, показав ему маленького короля.

— И вот тут-то, — захлебывался Уиггинс, — мы можем соорудить рекламу, которая никому и не снилась. Бесси, ты с Томом и Терри едешь в Лондон. Я останусь тут, чтобы никто ничего не заподозрил. Да и на нашего лондонского представителя Клэпема можно положиться — он на рекламе собаку съел. Вы с ним как-нибудь устройте, чтобы Терри познакомился с этим Максимилианом. Два мальчика-короля, ясно? Их будут вместе снимать, ясно? К тому же публика Терри привыкла видеть его газетчиком и может не принять в роли короля, если заранее не показать, что он и в самом деле возвращается среди избранных, ясно?

Миссис Тейт нерешительно молчала. Она изучила Поппи-Пикс, знала Голливуд вдоль и поперек, однако ни она, ни Т. Бенескотен, ни Терри еще ни разу не посещали жуткие неведомые земли по ту сторону Атлантического океана. Но затем лицо ее прояснилось и исполнилось решимости, ибо лукавый Уиггинс добавил:

— А если ты это провернешь и ребята подружатся, может, ты и сама сойдешься с королевой Сидонией, Бесси, и она приедет погостить к тебе в Кастелло-Марино, и уж поверь, тогда Грета Гарбо и Кэт Хепберн на стенку полезут, за это я тебе ручаюсь.

— Пожалуй, тут что-то есть, — задумчиво произнесла миссис Тейт.

В неприступных глубинах жилища Бенескотен Тейтов, в этрусской утренней столовой, где попугайчики-неразлучники и гималайские канарейки целовались, ворковали и распевали в красных эмалированных клетках, а зеркальный мрамор стола отражал букет орхидей ценной в девятнадцать долларов, семейство Тейтов обсуждало вторжение в Европу. Они только что вернулись из конторы мистера Гренвилла, где одобрили сценарий Лили «Августейший сорванец».

— А знаешь, — заметил Т. Бенескотен, — если мы застрянем в Лондоне надолго, я, пожалуй, смогаюсь в Париж, если ты не против.

— Зачем это тебе вдруг понадобился Париж?

— А? Ну, просто посмотреть город. Познакомиться с французскими обычаями. Путешествие — лучшее средство для расширения кругозора.

— Ничего, обойдешься и узким. Так я и пустила тебя в Париж одного, чтобы ты лакал шипучку и ходил со всякими тварями! И вообще, Заяц, для дела будет лучше, если мы с Терри поедем без тебя.

— Мамочка! — взмолился Терри. — Ну, пожалуйста! Я не хочу ехать без папы!

Бесси повернулась к своим мужчинам, уперла руки в бока и выставила подбородок. Когда она принимала эту позу, никто из знавших ее не осмеливался и пикнуть, если жизнь еще была ему дорога.

Т. Бенескотен ворчал, Терри хныкал, и оба в конце концов смирились под ее свирепым взглядом. Тогда она прошествовала к телефону и приказала, чтобы к ней немедленно явились портниха, дамский портной, сапожник, модистка, парикмахер, массажистка, остеопат, преподаватель французского языка и проповедник доктрины «Высшей мысли».

— Я поеду в Европу по всем правилам, — объявила она.

Когда две недели спустя Бесси садилась в поезд, она везла с собой четырнадцать новых вечерних платьев, восемь новых костюмов, тридцать семь новых шляп, восемь пар новых туфель из змеиной кожи, опаловый перстень для большого пальца, несессер с золотыми замочками и прелестную спокойную манеру держаться, приобретенную у проповедника «Высшей мысли».

Всю дорогу от Поппи-Пикс до Нью-Йорка Терри и его улыбающуюся нежную мамочку восторженно приветствовали миллионы поклонников, для которых Терри стал символом беспечного, но чуть грустного детства.

Уиггинс великодушно известил газеты всех городов и селений на их пути, когда именно нужно ждать проезда Короля Киновундеркиндов, и на каждой станции Терри, несмотря на все его протесты, заставляли кланяться беснующейся толпе и улыбаться своей знаменитой улыбкой маленького лорда Фаунтлероя.

Постепенно Терри овладел такой страх перед этими жадно глазающими толпами, перед необходимостью при-

творяться сверхчеловеком, когда на самом деле он был обыкновенным напуганным мальчиком, что только ярость матери, гнев мистера Авраама Гамильтона Гренвилла и улещивания Уиггинса могли вынудить его покинуть безопасное убежище салон-вагона и выйти на площадку.

Поэтому, хотя пучина морская и внушала ему некоторые опасения, а мысль о предстоящем свидании с королем Максимилианом (который, по сообщениям газет, должен был прибыть в Лондон за день до Тейтов) тоже не была особенно приятной, Терри очень обрадовался, когда Гренвилл и Уиггинс распростились с ними, лайнер «Мегаломаниак», рывкая и огрызаясь, выбрался из порта, и он наконец мог спрятаться в укромном уголке каюты люкс.

Он проспал шестнадцать часов, и даже неукротимая Бесси уснула, в то время как «Мегаломаниак» резал океанские волны, а Европа нетерпеливо ожидала их, так же, как и других августейших гостей — из Словарии.

Правда, Бесси мягко убедила Терри блеснуть в любительском концерте (он продекламировал «Как расстреляли Дэна Мак-Гру» и «Ганга-Дина», а также изобразил Наполеона и курицу), правда, она позволяла всем желающим пассажирам фотографировать его и с нежностью настояла, чтобы он каждый день появлялся в новом костюме, включая костюм для игры в поло, бейсбольную форму, итонский костюм с цилиндром и фаунтлероевский костюмчик из черного бархата с кружевным воротником, — но если не считать этих пустяковых требований, она дала ему на пароходе полный отдых. В ближайшем будущем ему предстояло покорить Лондон, Англию и королеву Сидонию, и его следовало поберечь.

В Саутгемптоне Бесси ждало разочарование — на пристани не бушевала толпа, жаждающая поскорее узреть Короля Киновундеркиндов.

Собственно говоря, их вообще никто не встречал, если не считать мистера Персиваля С. Ф. Клэпема, пресс-агента и секретаря при председателе кинопрокатной компании «Англо-Юпитер», взявшей на себя великую миссию по ознакомлению Британии с территейтами.

Мистер Клэпем приветствовал Бесси и Терри абсолютно по-американски — так, во всяком случае, думал он сам:

— Ну что ж, будем знакомы, ребята! Располагайте мной, пока вы здесь.

— А где толпа? — осведомилась Бесси.

— Толпа... э... Видите ли, Саутгемптон несколько равнодушен к американцам, если можно так выразиться.

Клэпем и Бесси обменялись взглядами, отнюдь не исполненными нежной симпатии. Международного братства как-то не возникало, руки, протянутые через океан, превращались в ледышки, и, когда все трое расположились в купе экспресса, Бесси заявила:

— У нас с Терри времени в обрез. Я, конечно, не хочу вас подгонять, но вы уже наладили встречу Терри с этим малюткой-королем и монахиней?

— Монахиней?

— Господи боже ты мой! Ну, с королевой! С Сидонией!

— Но право же... монахиней? Ах, понял! Монахиней! Ну, конечно же. Да-да, я понял. К сожалению, нет. Еще не совсем.

— А они приехали?

— О да! Им был оказан великолепный прием. Юный король сразу стал любимцем Лондона.

— Ну, так в чем же дело? Тогда мы с Терри прямо поедем к ним с визитом. Уж наверняка они видели его фильмы. Раз вы еще не договорились с ними, нам будет проще послать свои визитные карточки. А может, лучше позвонить? Где они остановились?

— В отеле «Пикардия», ввиду траура. Это неофициальный визит. И право же, сударыня, вы не можете просто так явиться к его юному величеству и королеве Сидонии! Это не принято. Вы понимаете, это не принято. Вам следует обратиться к вашему послу, который сообщит вашу просьбу английскому министерству иностранных дел, которое снесется с министерством иностранных дел Словарии, которое решит, передавать ли ее секретарю королевы Сидонии, который, если сочтет это возможным, представит вопрос на рассмотрение ее величества, а засим...

— А засим,— заметила миссис Т. Бенескотен Тейт,— подождем, чтобы рак свистнул. А теперь послушайте меня! Я, конечно, не слишком-то часто встречалась с королевами, но бьюсь об заклад, что не реже вашего! Так вот, слушайте...

Яркий природный румянец сбежал со щек мистера Клэпема, пока Бесси Тейт посвящала его в свои крамольные, почти святотатственные планы.

— Сударыня, мы все горим желанием помочь вам,— простонал он умоляюще.— Но право же, король — это король.

Бесси взглянула на Терри.

— Само собой! — отрезала она.— А мать короля — королева! Само собой!

И мистеру Клэпему оставалось только ломать голову над этим глубоким афоризмом до тех пор, пока экспресс не остановился у перрона вокзала Ватерлоо.

Тут их ждало пять репортеров и человек сорок поклонников — самого нежного возраста. Мистер Тернер, весьма почтенный председатель компании «Англо-Юпитер» и шеф мистера Клэпема, встретил их и проводил к своему автомобилю.

— Ну как, поедем прямо в «Пикардию» или сперва покажемся Лондону? — спросила Бесси.

— А? В «Пикардию»?

— Ну, а куда же? Ведь там остановились король Максимилиан и его мамаша или нет? Это лучший отель в городе или нет?

— О, конечно! Да, конечно.— Мистер Тернер несколько разволновался и продолжал раздраженно: — Но послушайте! Дама, которая путешествует одна с маленьким мальчиком, не может поселиться в «Пикардии»! На это могут посмотреть косо! Я снял для вас номер в отеле «Гарборо» — очень приличном семейном отеле.

— Когда его построили?

— Построили? Построили... Ах, построили! Боже мой, я не знаю, сударыня. Вероятно, году в тысяча восемьсот сороковом.

— Это я и хотела узнать. Ну ладно, везите.

Автомобиль мистера Тернера тронулся с места под пискливое «ура» юных поклонников Терри, после того как репортеры успели серьезно спросить, сколько коктей-

лей имеют обыкновение выпивать перед обедом десятилетние американские мальчики. Но когда вокзал остался позади, уже нельзя было решить, подозревает ли Лондон, что ему выпала честь принимать еще одного короля.

Их обволокло туманом. Закопченные фасады домов утонули в желто-серой мути. Казалось, что Трафальгарская площадь ревет более громко и грозно, чем Лос-Анжелос или даже Нью-Йорк. Бесси с необычной для нее робкой лаской положила руку на плечо Терри, этого редкостного золотого гуся.

Гостиная их номера в отеле «Гарборо» была обставлена темной и неказистой мебелью. Бесси, привыкшей к гостиничным номерам величиной с вокзал, она показалась убогой каморкой. Ведь эта комнатуха еле-еле могла бы вместить домик, где Тейты проживали четыре года назад.

Бесси презрительно фыркнула. И с полным на то основанием.

Подумать только: в спальнях гардеробы вместо нормальных стальных шкафов!

Она снова фыркнула и позвонила коридорному.

— Сухой мартини,— заказала Бесси.

— Йек? — поперхнулся коридорный.

— Сухой мартини! Коктейль! Выпивка!— рявкнула Бесси.

— Прошу прощения, сударыня, но коктейлей мы не подаем.

— Не подаете...— Оскорбленная в лучших чувствах Бесси рухнула на стул.— Послушайте, что это за дыра? И какая же публика тут у вас проживает?

— Его светлость герцог Айтгемский уже шестьдесят лет как изволит останавливаться у нас.

— С тех, значит, пор, как ты был сорокалетним парнишкой! Ладно, тащи «Белую лошадь» с содой.

— Белую лошадь?

— Ну, виски! Виски с содовой!

— Слушаю, сударыня.

Когда коридорный величественно удалился, Бесси сказала с рыданием в голосе:

— А они еще уверяли, что мне понравятся эти развалюхи!

На минуту она как будто пала духом.

— Может, подружиться с Максимилианом и Сидонией будет все-таки труднее, чем я думала. Хоть бы я Зайца взяла с собой!— Тут ее уныние рассеялось, и она встрепенулась, как боевой конь, заслышавший трубу.— Эх, и изругала бы я его! Ладно, валяй, Бесси! Мы еще покажем этой задрипанной Европе, на что способна порядочная американка!

Двери «Гарборо» распахнулись перед ними в три часа дня. Ровно в пять, облаченная в черный бархатный костюм, в котором она (по самый подбородок) выглядела совершеннейшей обольстительницей, Бесси решительным шагом вошла в вестибюль отеля «Пикардия». В «Гарборо» за конторкой сидела жилистая девица в черном шерстяном костюме, излучающая хроническое неодобрение, в «Пикардии» же обязанности портье исполнял молодой испанский граф во фраке.

— Мне нужен,— заявила Бесси,— самый лучший номер, какой только у вас есть.

— Разумеется, сударыня! Сюю минуту.

Портье в мгновение ока извлек из застекленной святой святых помощника управляющего, который был еще более изысканно усат, изящно офрачен и приторно любезен, чем даже он сам.

— Могу ли я узнать, какой именно номер желает мадам? И... э... супруг мадам тоже прибыл?

— Нет. Я мать Терри Тейта, киноундеркинда — я хотела сказать, кинозвезды. Я здесь с ним — только он и я. Мне бы нужно гостиную, парочку спален и две-три столовые. Вам тут, наверное, требуются рекомендации.— На секунду Бесси вновь утратила уверенность.— Может, вы позвоните американскому послу... Он наверняка про нас знает.

— О, что вы, сударыня! Разумеется, нам известны фильмы юного мистера Тейта. Разрешите показать вам некоторые наши номера.

Первый же номер, в который он проводил Бесси, ни по величине, ни по количеству позолоты, полированных панелей, ометно-мраморных столиков, телефонов, крапов в ваннах и персидских ковров почти не уступал лучшим отелям Спокана, Скенектади или Санкт-Петербурга (штат Флорида).

— Это уже больше похоже на дело! Только вот что:

мне кто-то говорил, что тут остановились королева Сидония и ее сынок.

— Совершенно верно, сударыня.

— Так вот, мне нужен номер на их этаже.

— Простите, сударыня, но это невозможно. Весь этаж занят их величествами и свитой.

— Но там наверняка есть пустые номера.

— Простите, сударыня, но это невозможно. У нас были бы большие неприятности с полицией, если бы мы позволили себе что-либо подобное.

Бесси вспомнился тот день, когда, только приехав в Голливуд, она пыталась убедить чугунноликого швейцара пропустить их с Терри к директору студии. С тех пор никто ни разу не говорил с ней таким безапелляционным тоном. И вновь на минуту став приунывшей Бесси Тейт из Меканиквилла, она сказала просительно:

— Ну, в таком случае мне хотелось бы поместиться на этаже прямо над ними или прямо под ними. И я вас не обижу, господин управляющий. Конечно, я не собираюсь подкупать вас, только я не люблю беспокоить людей даром. Так вот: если у нас будет хороший номер прямо над их величествами, я не пожалею десяти этих ваших фунтов.

Помощник управляющего нерешительно молчал. Бесси приоткрыла сумочку из золотой сетки и показала уголок десятифунтовой банкноты. Перед столь соблазнительным зрелищем помощник управляющего не устоял и со вздохом прожурчал почтительно:

— Я посмотрю, что можно будет сделать, сударыня.

Десять минут спустя в распоряжении Бесси были великолепные апартаменты, с гарантией, что они расположены прямо над комнатами королевы Сидонии.

От кого-то Бесси Тейт слышала, что англичане обедают не раньше восьми часов вечера. Она никак не могла освоиться с этой мыслью, однако сказала:

— Разок почему не попробовать.

В восемь часов она спустилась в ренессансный зал ресторана при отеле «Пикардия». На ней было умопомрачительное платье из белого тюля, отделанное золотыми цехинами, и ее сопровождал Терри во фраке.

Заняв столик в углу, Бесси заметила, что многие посетители поглядывают на ее сына.

«Они знают, кто мы такие!»—возликовала она и взяла меню.

Оно было написано по-французски, но если надменный главнокомандующий армии официантов вообразил, будто американская дама не понимает по-французски, он грубо ошибся, ибо, взяв в Поппи-Пикс восемнадцать уроков французского языка, Бесси не только постигла диалект ресторанных меню, но и могла произнести по-французски следующие фразы: «Мне хотелось бы покататься на лошади верхом завтра», «Сколько стоит шляпка такого фасона?» и «Где можно купить билеты первого класса до Голландии?».

Она без запинки отдала распоряжения:

— Доннима де потаж по-немецки одну порцию кревет и одну оладьев де росбиф и помдетер и немножко пуасон¹... ах нет, пуа... и де фуа² мороженое и побыстрее, ладно?

— Перфетман³! — сказал французский главнокомандующий и все на том же своем восхитительном родном языке приказал официанту: — *Jetzt mach' schnell, du, Otto*⁴!

В девять часов Бесси потребовала, чтобы пред ее очи снова явился помощник управляющего, подобравший ей номер.

— Я хочу,— заявила она,— чтобы вы нашли мне хороших английских слуг. Во-первых, мне нужен камердинер для моего сына. Я хочу, чтобы у Терри был первоклассный английский камердинер и чтобы он выражался правильно, а не как-нибудь там.

— Разумеется, сударыня.

— И мне нужна горничная, чтобы умела причесывать.

— Разумеется, сударыня.

— А еще мне нужна секретарша из благородных.

— Из благородных?

¹ Дайте мне два супа... два ростбифа с картофелем и немного рыбы... (ломаный франц.).

² Горошек... и две порции (ломаный франц.).

³ Превосходно (ломаный франц.).

⁴ Пошевеливайся, Отто (нем.).

— Ну да, с утонченными манерами. Я мешаюк терпеть не выношу.

— Могу порекомендовать вам, сударыня, очень достойную барышню, мисс Тингл. Она дочь почтенного священника-евангелиста и была секретаршей леди Фрисби.

— Леди Фрисби? Она что, из аристократов?

— Ну... э... да, почти. Ее супруг сэр Эдвард Фрисби был текстильным фабрикантом и маром Борнмута. О да, мисс Тингл, безусловно, барышня с утонченными манерами.

— Чудненько! Сколько раз я повторяла этому голливудскому хулиганью, ну, когда они, например, навязывали Терри комическую роль — посыльного в гареме: «Нет уж, дудки! У Терри благородные родители, и у него самого будут утонченные манеры, а не то я ему башку расшибу!» Ладно, давайте сюда вашего камердинера, горничную и мисс Тингл — завтра к двенадцати часам.

Помощник управляющего обещал, что все будет сделано. Когда он ушел, Бесси приняла мистера Тернера и мистера Клэпема из «Англо-Юпитера».

— Мы решили... — начал мистер Клэпем мягко.

— Да, мы окончательно решили, — сказал мистер Тернер твердо.

— ...что вам вообще не следует испрашивать аудиенции у короля Максимилиана.

— Ах, вы решили! — проворковала Бесси. — Как приятно, когда есть кому за тебя решать.

— Да, мы надеялись, что вы будете довольны. Должен сказать, что мы всесторонне обдумали этот вопрос. Я позвонил одному почтенному человеку, имеющему отношение к прессе, и он заверил меня, что вы должны обратиться к вашему послу, и несомненно, через год-два вы получите благоприятный ответ. Разумеется, вам придется поехать в Словарию...

— Что же, прекрасно! Всего только годик или два! Чудесно! Весьма вам обязана.

— Ну, что вы, не стоит благодарности — такая мелочь. Итак, мы с мистером Тернером все подробно обсудили, и нам кажется, что следует подумать о более оригинальной рекламе. Например, если вы согласны, ваш сынок мог бы в следующий четверг выступить с при-

ветствием на собрании членов Бригады Юных прихо-
да церкви Святого Криспина в Голдерс-Грин — газеты
не преминут посвятить несколько столбцов этому знаме-
нательному событию. А кроме того — я ведь, знаете ли,
немного литератор, — я взял на себя смелость напи-
сать интервью с вами, которое, надеюсь, поместит какая-
нибудь газета. Вот послушайте: «Хелло, мистеры, а этот
ваш городишко неплохой городок! О'кей и на большой
палец!» — таковы были первые слова миссис Тейт, ма-
тери известного мальчика-кинозвезды Терри Тейта, ког-
да она вчера приехала в Лондон. «Будьте уверочки, —
продолжала она, — на широком золотом и дальнем За-
паде, где рукопожатия горячи, у нас тоже есть горо-
дишки ол райт, только эта муравьиная куча им всем
носы поутирает!»

— До чего же хорошо! — умилилась Бесси. — Вы
ведь это на американском языке написали, правда?

— Совершенно верно. Меня всегда принимают за
американца, если я этого хочу.

— Ну, еще бы!

Когда Тернер и Клапем удалились, обещав в бли-
жайшее время новые свершения в области рекламы, не
уступающие по размаху встрече с Бригадой Юных в
Голдерс-Грин, Бесси опустила на стул и вздохнула.
Однако на следующее утро она решительным шагом во-
шла в скромную (всего двадцать четыре на сорок два
фута) спальню Терри, где он перечитывал «Остров со-
кровищ», и приказала:

— Пошли, сынок! Накупим кое-чего хорошего.
Игрушек!

— Не хочу я игрушек! Ненавижу игрушки!

— Ты слышал, что я сказала? Или ты думаешь, я
позволю, чтобы к тебе заявились всякие там короли,
а у тебя ни одной приличной игрушки?

— Mamочка! Купи лучше книг!

— Знаешь что! Если ты не бросишь эти глупости,
кончишь сценаристом и будешь потеть за сто пятьдесят
долларов в неделю. Книги еще никого до добра не до-
водили. Идем!

По совету швейцара они отправились в такси на Окс-
форд-стрит, где посетили гигантский «Базар игрушек».
Бесси беспощадно купила Терри электрический поезд,

электрические скачки, портативную химическую лабораторию, набор боксерских перчаток и гордость фирмы — оригинальную модель Колизея с электрическими львами, которые пожирали электрических первых христиан.

— Ну вот! Таких игрушек не найдется ни у одного малютки короля! — удовлетворенно заявила Бесси.

Когда они вышли из «Базара игрушек», Терри увидел рядом зоологический магазин.

С тех пор, как они покинули Поппи-Пикс, Терри не переставал тосковать по плебейской дворняжке, которую из-за английских карантинных правил ему пришлось оставить дома. И теперь он воскликнул:

— Мамочка, купи мне собаку!

— А ты будешь по-хорошему играть в электрические игрушки?

— Попробую, честное слово, попробую!

— И ты обещаешь приветствовать юных гадов, или как их там, из этого Голден-Грина? Я пригляжу, чтобы Клэпем написал тебе речь.

— Обещаю. Только за хорошую собаку!

— Я хотела бы, — произнесла Бесси с самой своей утонченной манерой, когда они вошли в магазин, — посмотреть что-нибудь в смысле собак. Что у вас есть сегодня приличного?

— Вот, сударыня, чрезвычайно породистый экземпляр, — и с этими словами приказчик вывел нечто плоское, как бумага, длинное, как субботнее утро, и угрюмое, как кинооператор, — это императорская русская охотничья собака, чистокровная борзая (вы, несомненно, узнали, сударыня, характерные признаки этой породы), родной брат той, которую мы продали вчера графу Твиперсу для его дочери леди Энн, — вы, конечно, знакомы с ее сиятельством, сударыня.

— С-сколько? — еле вымолвила Бесси.

— Так как это последний экземпляр, мы готовы уступить его вам за сто гиней.

Прежняя, меканиквиллская Бесси Тейт прикидывала: «Господи боже! Пятьсот долларов за паршивую собаку!», но новая, свежеутопченная миссис Т. Бенескотен Тейт сказала невозмутимо:

— Многовато, но все же... Она тебе нравится, Терри?

Затем, устав от утонченности, она с гораздо большим удовольствием и обычной энергией объяснила приказчику:

— Это мой сын, Терри Тейт. Вы, наверно, видели его в кино. Король Киновундеркиндов — так его называют.

— Ну, мамочка же! — взмолился Терри, но приказчик уже гремел:

— Как же, сударыня! Для нас большая честь услужить вам!

И четвероногая промокашка, несомненно, была бы куплена, если бы не одно непредвиденное обстоятельство.

— Мама, она мне не нравится, — вздохнул Терри.

— Что ты, сынуленька? Ведь все английские лорды всегда снимаются с такими собаками. Но, конечно, если она тебе не нравится...

И Бесси, все больше закипая, ждала, пока Терри одну за другой осматривал и отвергал всяких восхитительных собачек, в том числе китайского мопса, смахивавшего на меланхоличного клопа, и эрдельтерьера, похожего на свернутый половик. Вдруг мальчик остановился перед одной из клеток и в благоговейном восторге произнес:

— Я хочу вот эту.

Приказчик был явно шокирован; заметив это, Бесси тоже поспешила шокироваться.

Избранник Терри, несомненно, был плодом собачьего мезальянса. В его жилах, по-видимому, текла кровь добермана и колли с примесью шотландского терьера и чуточки спаньеля. У него были веселые глаза, глупая добродушная пасть и такие широкие лапы, что казалось, будто он ходит на индейских лыжах. Отвергнутые Терри высокопородистые псы были исполнены холодного, презрительного достоинства, а этот улыбался до ушей, вилял хвостом и радостно, хотя и невоспитанно тьякал.

— Но ведь эта собака, простите, помесь, — поспешил объяснить приказчик. — Мы выставили ее тут только из уважения к чувствам вдовы весьма почтенного нашего клиента, проживавшего за городом. Однако рекомендовать вам такой экземпляр я не могу.

— Нет, это очень хорошая собака! — настаивал Терри. — Мне нужна как раз такая.

— Ну, в таком случае, мой милый, обойдешься вовсе без собаки! — взорвалась Бесси. — Вперед будешь знать, как собачиться, словно тебя и не воспитывали вовсе! — и, вытащив Терри из магазина, она увезла его в «Пикардию».

Бесси позвонила тем невидимым силам, которые правят человеческими судьбами где-то в таинственных глубинах любого отеля:

— Будьте добры, немедленно пришлите в мой номер мальчика.

— Мальчика... Ах, рассыльного!

— Рассыльного так рассыльного, только побыстрей.

Вскоре перед Бесси появился мальчишка, которого ей сразу захотелось поставить перед кинокамерой. Он был рыжий, веснушчатый, курносый и весь светился начальным лукавством. На его узкой синей форменной курточке теснился ряд медных пуговиц, а круглая шапочка, красная, как солдатский мундир, была лихо сдвинута на ухо.

— Что угодно, сударыня? — спросил он, еле удержавшись от дружеской ухмылки. Но тут Терри ему улыбнулся, и курносая физиономия рассыльного расплылась в ответной улыбке.

— Как тебя зовут? — осведомилась Бесси.

— Бандок, сударыня.

— Господи! Что это еще за имечко? Как тебя дома называют?

— Рыжиком, сударыня.

— Вот что, Рыжик! Это мой сын, мистер Терри Тейт, киноундер... кипозвезда.

— Как же, сударыня, нам говорили, что мистер Тейт остановился здесь, только я не знал, что имею удовольствие видеть его. С нашего позволения, сударыня, я мистера Тейта очень хорошо знаю по кино.

— Ну, ладно. Играй!

— Прошу прощения?

— Я сказала — «играй»! Ты должен играть с мистером Терри.

И, не дав Рыжику опомниться, она втокнула обоих мальчиков в спальню Терри, властно указала на но-

вые игрушки, которые привезла домой в такси, и надменно удалилась.

— Ну, знаешь! — вздохнул Терри. — Чтобы и тебя еще заставляли играть! Наверное, с нее хватит, если мы погоняем поезда. Ты как, стерпишь, если мы поиграем в электрическую дорогу?

— У меня еще не было случая играть с такой дорогой, сэр.

— Да брось ты называть меня сэром.

— Слушаюсь, сэр.

— А во что ты играешь дома?

— Как вам сказать, сэр...

— Терри, а не сэр!

— Как вам сказать, мистер Терри, сэр, у меня была очень хорошая крикетная бита, мне ее смастерил дядя Генри, и еще тележка — он приделал колесики к ящику из-под портера. Только она плохо ездила... Разрешите мне, сэр!

С этими словами Рыжик бросился помогать Терри, который начал распаковывать коробку с электрической железной дорогой. На свет по очереди были извлечены электровоз, десяток вагонов, изображавших в миниатюре экспресс «Летучий шотландец», станция с крохотным дежурным, который махал флажком, стоило подключить дорогу к штепселю, туннель в весьма удобной портативной горе и совсем уж поразительный портативный мост через могучую жестяную реку длиной в три фута; тут Рыжик не удержался и ахнул:

— Вот это да!

— Тебе что, интересно? — поразился Терри.

— Еще как, сэр!

— Ну, ты бы другое запел, если бы тебе на каждый день рождения и на каждое рождество дарили бы такую штуку и заставляли бы играть, а сами бы лакали джин и сюсюкали: «Ах, какой душечка!»

Но откровенный восторг этого, несомненно, бывалого Рыжика, независимого счастливецца, который разгуливал в медных пуговицах и дышал вольным воздухом кухонь и кладовых, произвел на Терри сильнейшее впечатление. И через четверть часа Терри, единогласно избранный президентом и главным управляющим железной дороги Голливуд—Пасадена, уже, захлебываясь,

отдавал распоряжения вице-президенту и начальнику движения, а поезда шмыгали в туннели и беспрекословно останавливались у перронов, и даже успела произойти упонительная катастрофа: на крутом вираже поезд сошел с рельсов, причинив немало бед шестнадцати несчастным пассажирам.

— А ведь это здорово — играть с кем-нибудь! — удивлялся Терри. — Жалко, что тут нет моей собаки. Это знаешь какая собака! Ее зовут «Солонина с капустой».

— Правда, сэр? А какой она породы?

— Оклахомский волкодав — так папа говорит.

— Ну, как же! Оклахомский волкодав — я про эту породу слышал, сэр. А знаешь, давай положим пассажира на рельсы и пустим на него поезд, а потом устроим похороны!

— Давай!

Мисс Тингл, утонченная секретарша из благородных, которую рекомендовал отель, явилась в двенадцать часов, как было назначено, и место осталось за ней.

— Вы можете приступить к работе немедленно? — спросила Бесси. — Мне нужно зацапать короля.

— Зацапать... короля, мадам?

— Ах ты господи! И что это за страна такая? Дома, в Голливуде, меня все понимали, а тут каждое твое слово повторяют, будто ты невесть что такое ляпнула. Будто ты Буффало Билл в юбке. Ну, да ладно. Слушайте!

И Бесси объяснила мисс Тингл, что в целях рекламы Терри и королю Максимилиану необходимо подружиться.

— И между нами, девушками, говоря, если и мы с королевой Сидонией сойдемся поближе, я тоже с горя не заплачу. Но, конечно, важнее всего реклама для Терри. Я для него всегда всем жертвую. Но тут я видела портреты Сидонии и почему-то чувствую (вы верите в «Высшую мысль»? Что ни говори, а всякие там инстинкты и наития так просто по-материалистически не объяснить!), почему-то я чувствую, что мы с ней станем большими друзьями, подвернись только случай!

Бесси испустила кроткий вздох матери, готовой на любое самопожертвование.

— Вэбеситься можно, как я поступаюсь своей личностью ради мужа и сына! Ну, да альтруизм всегда вознаграждается. Так вот. Мы напишем ей письмо и пошлем с коридорным. Ну, и карточку вложим, чтобы она знала, с кем имеет дело. Только вот какую из двух выбрать, как, по-вашему?

Первая визитная карточка оказалась весьма лаконичным документом, содержащим одну изящно выгравированную строчку: «Миссис Т. Бенескотен Тейт». Зато другая была выдержана в орнаментальном стиле. Она поражала своей внушительностью. Она оповещала:

Мистер и миссис Т. Бенескотен Тейт.

Папочка и мамочка

ТЕРРИ ТЕЙТА

Короля Киновундеркиндов

Героя фильмов «Ах, детки, детки!», «Портювые спротки», «Дитя полуночи» и пр. и пр.

Кастелло-Марино.

Поппи-Пикс, Калифорния

Карточка горела кинсварью, ультрамарином, серебром и канареечно-желтой позолотой. По величине она, правда, несколько уступала автомобильному номеру, но куда больше бросалась в глаза.

— В цветной, конечно, изысканности поменьше, но ведь зато ее величество скорее ее заметит, как, по-вашему? — без обычной уверенности спросила Бесси.

Мисс Тингл холодела от ужаса, смешанного с восторгом.

— Я никогда не имела чести обращаться письменно к королевам, — пролепетала она. — Но тем не менее, мадам, позволю себе заметить, что скромная карточка кажется мне более подходящей для подобного случая.

— Да, пожалуй. Хотя большая и влетела нам в копеечку. Ну, а теперь я вам продиктую письмо, ладно? Старушенция, наверно, понимает по-нашему?

— О, если не ошибаюсь, их величества говорят и пишут на шести языках.

— С меня хватит и одного. Как только вернусь домой, найму себе какого-нибудь англичанина, пусть обучит меня говорить по-вашему. Ну, пишите:

«Ее величеству королеве Словарни.

Уважаемая государыня!

Вы, наверное, удивитесь такому письму от незнакомой вам женщины, но я ваша соседка по отелю и снимаю номер как раз над вашим. И, может быть, вы слышали про моего сына, Терри Тейта, известного мальчика-киновундеркинда (нет-нет, замените это на «киноактера», мисс Тингл), и, может, ваш сынок, король Максимилиан, видел его в таких его знаменитых фильмах, как «Купите газету» или «Подайте милостыньку, мистер».

Он сейчас здесь со мной в Лондоне и не дает мне покоя, все твердит: «Мамочка, мне очень хочется познакомиться с королем-мальчиком Максимилианом. Мы ведь с ним однолетки, потому что ему десять лет, как и мне, и т. д.»

Поскольку ваш сынок — король, а публика во многих странах любезно называет Терри Королем Киновундеркиндов, то я и подумала, что им неплохо было бы познакомиться, обменяться опытом и т. д. Я буду очень рада пригласить его и вас на завтрак, чай, обед, коктейли или еще что-нибудь, что вам будет удобнее, и хотя Терри очень занят, потому что ему надо выступать перед Бригадой Юных и т. д., мы постараемся быть свободны в любой подходящий для вас час.

Только, боюсь, надо будет поторопиться, потому что парижская публика Терри требует, чтобы он поскорее приехал туда.

Так что позвоните, когда вам будет удобно, в любое время прямо сюда, в люкс пять-Б, и мы обо всем договоримся.

В надежде, что письмо найдет вас в добром здравии, остаюсь искренне ваша...»

— Как только перепечатаете письмо (я распорядилась, чтобы мне в спальне поставили машинку), сразу отдайте его мальчишке, и пусть он тут же снесет его в номер к Сидди. Пора браться за дело. Валяйте.

И Бесси радостно унеслась в вестибюль нанимать себе горничную, а Терри — камердинера необычайно зловещей внешности.

Его звали Хамберстоун. Он, разумеется, никогда в жизни не снисходил ниже герцогов, а за общение с

американцами потребовал лишние два фунта в неделю. И получил эти два фунта. Он их стоил. Даже юный король Словарии проникся бы уважением к яйцевидной голове Хамберстоуна.

Бесси с гордостью ввела этого вельможного камердинера (четыре фунта в неделю) в спальню сына. Там на сильно замусоренном полу сидели два маленьких мальчика, и Хамберстоун воззрился на них со злобным неодобрением. Рыжик содрогнулся. Терри досадливо сдвинул брови.

— Сынуля, вот твой новый камердинер,— проворковала Бесси, излучая такую материнскую нежность, что ее многоопытный отпрыск сразу насторожился.

Хамберстоун смотрел на железнодорожников глазами людоеда, питающего пристрастие к хорошо прожаренным мальчикам с луковым соусом. И под этим гнетущим, смакующим взглядом веселое возбуждение Терри угасло, и он вновь погрузился в уныние, не оставлявшее его все последние недели.

— Мамочка, мне не нужен камердинер!

— А кто, позвольте вас спросить, фыркалка несчастный, будет следить за вашим гардеробом? Уж не я ли? Хамберстоун, вы можете спать вот здесь, рядом. А теперь прогладьте костюмы мистера Терри.

Когда Хамберстоун вслед за Бесси удалился с охапкой одежды в руках, мальчики печально уселись на диван, потеряв всякую охоту крушить поезда.

— Взбеситься можно: не камердинер, а живоглот какой-то! — пожаловался Терри.

— Правильно. Такого страшилу поискать,— согласился его приятель Рыжик.

— Зануда, сразу видно.

— Воображала, одно слово.

— Взбеситься можно, Рыжик! Мы этого не потерпим!

— Правильно, Терри! Не потерпим!

— Давай сбежим! В Поппи-Пикс.

— Это ваше ранчо?

Когда Терри будет вынужден у райских врат признаться святому Петру, что, повествуя о медведях и привольной жизни на ранчо, он громоздил одну ложь на другую, авось мудрый старый святой поймет, как ему

было трудно: им без конца восхищались за глупости вроде ангельского ротика и шелковых кудрей, и ни разу никто не похвалил его за дело — за умение объезжать мустангов, ловко набрасывать лассо на шею быков и стрелять индейцев, которое он, несомненно, продемонстрировал бы, если бы его знакомство с Диким Западом не ограничивалось Главной улицей Лос-Анжелоса.

— Ну, ясно, наше ранчо. Вот увидишь, я попрошу маму пригласить тебя туда! Мы живем там в большой бревенчатой хижине, и каждую ночь за окнами воют медведи-гризли.

— Здорово! А тебе случалось подстрелить гризли?

— Не скажу, чтоб часто, а все-таки двух-трех я на своем веку убил.

— Расскажи, а? Ты охотился с Биллом Роджерсом или с Хутом Гибсоном?

— С обоими. С нами были и Билл, и Хут, и Дуг Фербенкс и... ну... Уилл Биб, натуралист, и мы разбили лагерь в... ну... в Малой долине Большого Рога — это у нас на ранчо Поппи-Пикс, — и как-то ночью сплю я в полыни, завернувшись в мои одеяла, и вдруг просыпаюсь и слышу: кто-то нюхает, нюхает, и гляжу — что-то такое большое, высокое, огромное, длинное...

— Ух ты!

— ...словно преогромный человек гигантского роста, только вдвое выше, и в меховой шубе с густым таким мехом. Ух, и перепугался же я! Протянул руку, схватил папино ружье и прицелился, тщательно, как следует прицелился...

— Вот это да!

— ... и как спушу курок, и медведь хлоп на землю! Только он не сразу упал, а зашатался и пошел прямо на меня...

— Ой!

— ...только мой выстрел всех разбудил, и Гарольд Ллойд... нет, Ричард Бартлмес схватил свою винтовку и выстрелил, медведь свалился рядом со мной, и у меня волосы на голове зашевелились от его жаркого зловонного дыхания, и потом он дважды дернулся, и все — издох!

— А-а-ах!

— У тебя, наверное, тоже были приключения, Ры-

жик? Ведь все английские ребята убегают из дому в юнги, разве нет?

— Да мне все как-то некогда было, так я и не собрался. А вот мой дядя Генри Бандок, вот это человек, Терри! Он бы тебе понравился. И уж у него приключений было побольше, чем даже у принца Уэльского! Он и юнгой был, да еще каким! Вот один раз он плывал в Южных морях, и их корабль разбился — напоролся на кита величиной с гору и сломал вдребезги носовой кильсон, и стал тонуть тут же на месте — ужас, что такое, — а мой дядя поплыл к берегу — четыре мили, а эти воды кишмя кишат акулами, а он доплыл, и еще в моем возрасте, ему тогда двенадцать стукнуло, хоть в нем уже было шесть футов росту — сколько раз он мне это говорил. А на берегу его поджидала голая шайка самых что ни на есть кровожадных дикарей, да только... у него с собой было зажигательное стекло, а эти темные дикари, конечно, не знали, что это такое, а он словно бы их и не видел, а прямо навел стекло на кучу хвороста, и хворост загорелся, а дикари как все испустят один ужасный вопль и ну бежать, и вот как он стал у них королем.

— Он и до сих пор у них королем?

— Кто? Дядя Генри? Как бы не так! Будто у него других дел не было! Как ему надоело быть королем, он смастерил себе из бревна пирогу и уплыл и... и выставил свою кандидатуру в парламент на Сандвичевых островах!

— Расскажи еще что-нибудь! — потребовал Терри.

Но появление грозного Хамберстоуна вновь охладило их пыл, а затем в комнату впорхнула Бесси и распорядилась:

— Можешь идти, Рыжик! Терри, вымой руки. Пора обедать.

— Мамочка! Я хочу, чтобы Рыжик приходил ко мне играть каждый день.

— Хорошо, хорошо, посмотрим. А теперь поторопись. Сегодня к нам, возможно... к нам, возможно, придут важные гости. Очень важные!

В течение следующих двух дней Бесси терпеливо ожидала ответа королевы Сидонии на свое письмо, но королевская цитадель хранила гробовое молчание.

К этому времени Лондон без особого ажиотажа обнаружил, что в его пределах пребывает Король Киновундеркиндов, и к Терри явился репортер американизированной газеты, чтобы взять у него интервью о сравнительной духовной ценности бейсбола и крикета, о его любимом стихотворении и о том, как, по его мнению, следует готовить брюссельскую капусту.

Он выступил перед Бригадой Юных — писать про это попросту нечего. И получил шестьсот восемнадцать писем от лиц, ничего не имевших против того, чтобы он заплатил по их закладным или по счету хирурга.

Остальное же время в течение этих двух дней он прятался в темных уголках, стараясь стать как можно незаметнее, пока в гостиной расхаживала и сверкала глазами Бесси, а в его спальне сверкал глазами и расхаживал камердинер Хамберстоун. Рыжика к нему, правда, допустили, но чуть они начинали шуметь, Бесси приходила в такую ярость, что в конце концов мальчики соорудили пиратское логово в углу за кроватью Терри, и там Рыжик рассказывал ему о приключениях своего дядя Генри Бандока, когда он в качестве стюарда и бармена сопровождал прославленную арктическую экспедицию («Принесите-ка мне виски с содовой, мой милый», — говорит сэр Джон Пири, и дядя Генри несет ему виски, а сэр Джон предлагает выпить за Северный полюс и говорит моему дяде: «Генри, мы бы в жизни его не открыли, если бы не ваше великолепное обслуживание!») и совершал неслыханные подвиги во время мировой войны, когда он в качестве английского шпиона пробрался в императорский дворец в Берлине и разговаривал с кайзером, который — до того хитер был дядя Генри! — принял его за союзника-турка.

Терри и так уже был покорен веснушчатой ухмылкой Рыжика, а честь знакомства с родственником столь отчаянного героя, как дядя Генри Бандок, сразила его окончательно.

Поручив Терри заботам Рыжика, Бесси могла вволю мучиться из-за молчания королевы Сидонии, терзаться мыслями о том, что, быть может, вытворяет на просторах Голливуда беспризорный и злокозненный Заяц, отдаваться в руки маникюрош, массажисток, портних и модисток и вообще наслаждаться жизнью. Так что, ког-

да на второй день Терри и Рыжик куда-то исчезли, она почти не рассердилась. Однако прошло два часа, а они все не появлялись, и Бесси вдруг с ужасом поняла, что Терри заблудился в неведомых дебрях.

Правда, даже лондонские газеты должны были напечатать такое известие на своей первой странице, которая у них помещается на третьей, и эта мысль послужила Бесси некоторым утешением, но все же она от души надеялась, что Терри не опоздает к обеду. С истинно материнской любовью и чисто американской деловитостью она сперва позвонила в газеты, а потом в Скотленд-Ярд.

Однако едва успели ворваться в номер обрадованные репортеры и фотографы, как Бесси услышала какую-то возню в спальне Терри и, метнувшись туда, обнаружила, что Терри робкой овечкой пробрался домой через черный ход в сопровождении другой, еще более робкой овечки — Рыжика, а также подлинного агнца — огромного, неуклюжего пса, по преимуществу каштановой масти, если не считать черных, белых, оранжевых и попросту грязных пятен, пятнышек и полос. Пес обладал широкой спиной, специально предназначенной для верховой езды, хвостом, который исходил в умильных повиливаниях, и глазами, взиравшими на мальчиков с пылкой любовью, а на величавого Хамберстоуна — с благородной опаской.

— Боже милостивый! — ахнула Бесси. — Я же запретила тебе покупать эту жуткую дворнягу!

— Да нет, мамочка! Та собака (в голосе Терри слышалось невыразимое презрение) была просто доберман-колли с примесью терьера, а это чистопородный маргетский водоплав. Так сказал приказник! Его зовут Джозефус. Собаку то есть. А он запросил десять шиллингов, а Рыжик выторговал его мне за восемнадцать пенсов и фото Фреда Стоуна с автографом.

— Ах! — простонала Бесси. — И подумать, что у меня такой простонародный сын! Вылитый папаша, ну просто смех! Ладно, после поговорим. А теперь слушай. Там репортеры! Ты потерялся. Скажешь им, что... что тебя хотел похитить какой-то человек, а Рыжик, он видел тебя в вестибюле отеля, и он шел мимо, и, конечно, сразу тебя узнал, и уговорил не ходить с этим че-

ловеком: он был похож на большевика. Понял? Ну, смотри!

С материнской гордостью Бесси слушала, как Терри признался репортерам в том, что поступил очень легкомысленно, отправившись бродить по туманному Лондону. Лояльный Рыжик, когда к нему обратились за подробностями, не забыл упомянуть о своем дядюшке Генри Бандоке — оказалось, что дядя Генри Бандок в свое время служил в царской императорской гвардии и превосходно разбирался в большевиках; именно он, распознав советского шпиона, и спас Терри.

Репортеры подняли брови и чрезвычайно вежливо удалились. На следующее утро Бесси встала в семь часов и потребовала, чтобы ей немедленно принесли все газеты. Упоминание о страшном приключении Терри нашлось только в одной из них, в заметке мистера Суоннера Хаффера:

«После длительного (как утверждают) общения с гангстерами и тому подобными обитателями преступного мира Сан-Франциско, Бангора и других западных городов Соединенных Штатов, Теренс Тейт, американский мальчик-киноактер, с восторгом открыл, что фешенебельный Лондон начинает изобиловать опасностями в духе его отечества. Отправившись вчера погулять, юный Тейт, чья матушка не без оригинальности приравнивает его талант к таланту сэра Генри Ирвинга, сэра Джонстона Форбс-Робертсона и Элеоноры Дузе, умудрился так ловко заблудиться в дремучей глуши Пэл-Мэл, что отелю пришлось снарядить на его поиски спасательную экспедицию, экипированную радиопередатчиком, ледорубами и моржовыми консервами.

С той невообразимой пронизательностью, с помощью которой американской кинематографии удалось покорить наивные британские души, юный Тейт обнаружил шайку краснокожих индейцев, разбивших лагерь на ступенях Карлтон-клуба, и шайку большевистских шпионов, которые, переодевшись епископами и припятав под облачением бомбы, рыскали по крыше Ате-неума. Жуткие открытия юного Тейта были сообщены Скотленд-Ярду, и будем надеяться, что благодаря юному герою (ведь ему только шесть лет — так мало, что его матушка не разрешает ему приобрести четвер-

тый личный автомобиль) Лондон вскоре станет столь же безопасен, как его родной Чикаго».

Бесси произнесла получасовой монолог на едином дыхании. Не успокоил ее и тот факт, что в каждой газете не меньше двух столбцов было отведено под описание детского бала, который маленькая принцесса Елизавета дала в честь короля Словарии Максимилиана, а затем сообщалось, что в конце недели Сидония и Максимилиан отбудут с английской королевской семьей в замок Сэндрингем в Норфолке.

В заметках указывалось, что поездка носит неофициальный характер и в замок приглашены лишь самые близкие друзья королевской фамилии.

Почему-то, она сама не знала почему, Бесси Тейт из Поппи-Пикс это сообщение задело куда больше, чем описание самых пышных торжеств — к ней решительным образом повернулись спиной.

В конце недели! Ее охватило отчаяние.

И если даже страшное похищение Терри не взбудоражило английскую прессу, так что еще может сделать беззащитная женщина? Весь день она галопировала по своим апартаментам, изливая гнев на горничную, на Хамберстоуна и даже на мисс Тингл, уточненную секретаршу из благородных. Особенно ее раздражали звуки веселой возни, доносившиеся из спальни, где Терри, Рыжик и Джозефус, маргетский водолав, тьякали, хохотали и шумно гонялись за теннисным мячом. От досады она даже переставала слышать тихий внутренний голос, шептавший: «Поосторожней, Бесс! Не зарывайся!»

«Да заткнись ты!» — оборвала она боязливого ментора и, послав мисс Тингл за конвертами, которые ей были не нужны, горничную — за сетками для волос, которые она никогда не носила, а Хамберстоуна — в его комнату, где он продолжал бездельничать с внушительным видом, сама бросилась к телефону и рывкнула:

— Дайте мне люкс четыре-Б.

— Извините, сударыня, но я не могу вас соединить. Его снимает королева Словарии.

— О господи! Или я, по-вашему, этого не знаю? Да мы с королевой самые близкие друзья.

— Еще раз прошу извинения, сударыня, но у меня есть инструкция. Если желаете, я могу соединить вас с бюро графа Элопатака, конюшего ее величества.

Бесси была в полном недоумении: она не понимала, во-первых, зачем нужно соединяться по телефону с бюро — предметом мебелировки, ящики которого для нее твердо ассоциировались с воротничками и розовым шелковым бельем мистера Зайца Тейта, а во-вторых, чем конюший зарабатывает себе на жизнь. «Что-то лошажье. Как погляжу, кроме как с лошадьёю ее величества, мне ни с кем поговорить не удастся». Однако вслух она покорно произнесла:

— Хорошо, соедините меня с его графством.

После чего она беседовала по очереди (насколько ей удалось потом вспомнить) с американцем из Огайо, агентом кливлендской фирмы «Эглантин, Кац и Коминский», который приехал в Англию купить партию брюк и, судя по всему, не имел ни малейшего отношения к королевскому дому Словарии; с англичанкой, по-видимому, стенографисткой секретаря таинственного конюшего; с секретарем конюшего; с возмущенным англичанином, который негодуяще заверил ее, что он вовсе не словарский конюший, а, совсем наоборот, владелец кофейных плантаций в Британской Гвиане; с графом Элопатаком и наконец со смуглым и бородатым гололежал секретарю королевы Сидонии.

Но секретарь, видимо, не любил разговаривать по телефону. Судя по доносившимся по проводу звукам, он все время порывался повесить трубку, и Бесси удавалось помешать ему только с помощью непрерывных восклицаний вроде: «Нет, вы уясните себе!» и «Это чрезвычайно важно!»

Бесси все же успела осведомиться, получила ли ее величество письмо от миссис Т. Бенескотен Тейт, проживающей постоянно в Калифорнии, матери знаменитого...

Да, такое письмо, кажется, было получено, но, разумеется, письма от незнакомых людей не рассматриваются.

Ну, в таком случае она согласна обсудить это дело по телефону.

Какое дело? Слава богу, нет никаких дел, подлежащих обсуждению.

А они спросили его юное величество, не хочет ли он познакомиться со знаменитым маль...

Его величеству не угодно ни с кем знакомиться, и право же, быть может, мадам будет так любезна... его ждут неотложные дела и... щелк!

На этот раз Бесси высказала свое мнение в более приглушенных тонах: «Но я им еще покажу! У меня есть Идея!»

Когда миссис Т. Бенескотен Тейт осеняла Идея, Голливуд настораживал уши и нервно вздрагивал, но серый хаос города за окнами отеля «Пикардия» остался до странности невозмутимым.

«Конечно, чего еще и ждать от этих ее наемников— конюших или как они еще там себя обзывают, но голову даю на отсечение, у самой Сидонии только слюнки потекут, если предложить ей первоклассную рекламу! Значит, надо добраться до нее и все ей объяснить,— рассуждала Бесси.— И мы так мило поболтаем про наших мальчиков. Ну, за работу, надо как-то прорваться мимо этих цепных собак!»

Она решительным шагом направилась в спальню Терри, изгнала Рыжика, заперла Джозефуса, маргетского подоплава, в комнате Хамберстоуна, и голосом, исполненным столь неизъяснимой материнской нежности, что Терри с опаской на нее покосился, проворковала:

— А теперь, сынуленька, надень фаунтлероевский костюмчик. Мы идем в гости к королеве Сидонии!

Глубочайшая, черная, бешеная ненависть, которую Терри питал к костюму для игры в поло, показалась бы пылкой любовью в сравнении с чувством, которое вызывал в нем костюм маленького лорда Фаунтлероя— бархатная курточка, бархатные штанишки, лакированные туфли с пряжкой и кружевной воротник. Он возражал. Он вопил, и Джозефус сочувственно скулил за дверью, а потом принялся яростно грызть респектабельные шлепанцы Хамберстоуна.

Голосом, заметно утратившим нежность, Бесси рявкнула:

— Ну, хватит ломаться! Господи боже ты мой! Я совсем извелась, стараясь обеспечить тебе карьеру. Я работаю рук не покладая, лишь бы ты познакомился с настоящим бонтоном, королями и королевами, а не якшался больше с этими голливудскими босьяками, а ты вдруг слушаться не желаешь! Вот что, Терри Тейт, я тебя давно уже не наказывала, но если ты сейчас же не наденешь свой хорошенький фаунтлероевский костюмчик и не будешь вести себя прилично и по-джентльменски, я тебе все волясья повыдеру! Понял?

На примере мистера Зайца Бенескотена Тейта Терри не раз убеждался в редком умении своей матери драть волясья, и поэтому, горько всхлиывая, он снял обыкновенный, удобный шерстяной костюм и начал натягивать мерзостную смесь из кружев и черного бархата.

По коридору пятого этажа отеля «Пикардия», готовясь познакомиться с королевой — готовясь познакомиться с первой женщиной, которая могла оказаться ей ровней, — шествовала миссис Т. Бенескотен Тейт.

Прожив в Лондоне неделю, Бесси уже усвоила, что истинно утонченные космополиты называют машины «автомобилями», подземку — «метро», дежурных гостиничных клерков — «портье», пятьдесят центов — «двумя шиллингами», а главное, обязательно называют подъемник «лифтом». И вот они направились не к какому-нибудь простонародному и некультурному подъемнику, а к экзотическому лифту, и не кому-нибудь, а лифтеру Бесси чарующе прожурчала лишь с самым легким механиквиллски-французским акцентом:

— Мы выйдем на катрием этаж — о, пардон, я хотела сказать, на четвертом этаже.

— Простите, сударыня, но весь этот этаж снят. Мне не разрешается останавливаться там.

— Да неужто, по-вашему, я не знаю, что его сняла словарская королевская семья? Я к ним и еду.

Лифтер давно уже остановил лифт (он же подъемник, он же ascenseur¹) чуть ниже четвертого этажа. Теперь он сказал уныло:

¹ Лифт (франц.).

— Простите, сударыня, но мне не разрешено никого высаживать на четвертом этаже, если только я не знаю их в лицо или их не сопровождает кто-нибудь из свиты.

— Чушь! Я же вам говорю, они меня ждут. Вот поглядите на это.

«Это» была фунтовая банкнота. Лифтер тоскливо поглядел на нее и ответил со вздохом:

— Простите, сударыня! Но меня уволят.— И он спустил лифт на первый этаж.

— Ну, ладно! В таком случае везите нас назад.

Терри направился к их номеру, но мать, прошипев «куда?», схватила его за руку и повела по хрустально-опаловой парадной лестнице вниз на четвертый, королевский этаж.

Однако едва она элегантно вступила в священный коридор, как перед ними вырос самый толстый, самый высокий, самый краснолицый полицейский во всей британской полиции. Он тоже попросил прощения и тоже объяснил, что не может пропустить к их величеству неизвестных людей.

Бесси не стала тратить времени и слов на подобного грубияна. Она прошествовала на пятый этаж.

— Они воображают, будто смогут остановить меня! Да ради моего бедного сыночка я на все пойду! — простонала она и, стиснув руку бедного сыночка, потащила его в дальний конец коридора. Там она еще раньше обнаружила узкую лестницу с бетонными ступеньками, предназначенную, очевидно, для слуг, а также для спасения в случае пожара.

На четвертом этаже на площадке стоял тот же полицейский, с которым она только что познакомилась.

— Ну-ну! — заворчал он.— Под арест захотели?

Смерив его гордым взглядом, Бесси величественно удалилась на пятый этаж.

Полчаса она рыдала на своей кровати, проклиная тиранов, которые оскорбляют мать, которая хотела только позаботиться о будущем своего сына. Потом она встала, напудрилась и ринулась в комнату Терри, где он, уже сменив хорошенький фаунтлероевский костюмчик на ковбойку и шорты цвета хаки, сидел за диваном и спорил с Джозефусом.

— Вот что, милый мой, я уйду, и если ты попробуешь хоть нос высунуть из этого номера, мы вечером поговорим. Понял?

И она удалилась, удивительно напоминая Пятый кавалерийский полк, преследующий индейцев-апашей.

Терри немедленно вызвал по телефону Рыжика. Купаясь в блаженной тишине и отсутствии материнской заботы, два маленьких мальчика и одна большая собака вновь обрели счастье. Щедро включив в пределы номера, который Терри запрещалось покидать, и коридор, они провели железную дорогу от Эдинбурга (напротив номера 597) до Южной Африки (выходящей на каньон бетонной лестницы).

А пока они наслаждались жизнью, Бесси в американском посольстве поочередно не получала аудиенции у посла, у советника посольства, у первого и второго секретарей, а затем, негодуя на такое поприще ее Прав Американской Гражданки, выслушала, как третий секретарь любезно прожурчал:

— Я весьма вам сочувствую, но боюсь, шефа будет трудно убедить, что вас оскорбили и что государственный департамент должен направить Словарию ноту протеста. Представьте себе, что как раз тогда, когда Терри будет сниматься в самом важном эпизоде, в вашу голливудскую студию вдруг явится совершенно неизвестный человек и захочет войти в павильон — разве его впустят?

— Но это же совсем другое дело! Терри ведь не неизвестный человек!

— Но, может быть, словарцам он неизвестен.

— Я много слышала о том, до чего невежественны европейцы, но все-таки вы меня не убедите, будто эти ваши словарцы ничего не знают про Терри Тейта, Короля Киновундеркиндов!

Третий секретарь встал с выражением, которое Бесси хорошо запомнила с тех дней, когда она тщетно стучалась в двери голливудских студий. Он сказал бархатным голосом:

— Мне очень-очень жаль, но боюсь, что тут мы бессильны. Вот если вам понадобится помощь с паспортами...

Уныло покидая посольство, Бесси испускала мысленные стоны: «Ну, это, пожалуй, конец! Ни с какими ко-

ролевами мы не познакомимся. Бедненький сынулька! Значит, ему так и не дадут четырех тысяч в неделю! И мне уже не купить той паровой яхты... Подлые бюрократы, всякие церемонии им дороже материнского сердца! А что, неплохое название для следующего территейта: «Материнское сердце»!»

Терри, Рыжик и Джозефус, директора железной дороги Эдинбург — Южная Африка — Пекин, чинили поврежденные пути и радостно подсчитывали временно погибших пассажиров возле бетонных африканских пещер, которые непросвещенному взрослому взгляду показались бы просто черной лестницей.

Снизу, из этих пещер, выбрался еще один мальчик, типичный маленький англичанин, в сером спортивном костюме, темноволосый, с ирландским задорно вздернутым носом, ровесник Терри.

— Здравствуйте! — сказал он.

— Здорово! — величественно отозвался Рыжик.

— Я влезу на самый верхний этаж и съеду по всем перилам до самого низа, — объявил незнакомец.

— Этажом ниже держи ухо востро! — предупредил Терри. — Там какой-то король живет. И полным-полно полицейских. Как это они тебя не цапали?

— А я подождал, пока они отвернутся. Ой, какой хороший поезд!

Терри проникся к нему симпатией и сердечно предложил:

— Хочешь, давай играть с нами в поезда?

— Хочу! — воскликнул незнакомец. — Вот здорово. Я удрал от своих. Они таскают меня по всяким званым вечерам и заставляют сниматься.

— Взбеситься можно, — посочувствовал Терри.

— Если тебе надо сниматься, — изрек Рыжик, — скажи своей мамаше, чтобы она сводила тебя в ателье Гамбриджа на Грейт-Сент-Дживер-стрит. Это в Уайт-чепеле. Он здорово снимает, а берет всего шесть шиллингов за дюжину.

— Большое спасибо. Я непременно скажу маме. Можно, я... вы разрешите мне разок пустить поезд?

Их новый знакомый так восхищался системой сигнализации, с таким пылом радовался наиболее кровавым катастрофам, что Рыжик и Терри тут же приняли его третьим мушкетером и Терри пригласил его к себе в спальню.

— Если тебе нравится, пойдём ко мне, у меня там ещё много всего.

Новый мальчик заворожено взирал на электрические скачки и электрический Колизей, в котором львы изящно пожирали первых христиан.

— Я таких игрушек ещё никогда не видал, — признался он со вздохом.

— А во что же ты играешь дома? — поинтересовался Терри.

— Мы почти круглый год живём в деревне, и я купаюсь, езжу верхом, играю в теннис и... и, пожалуй, все. У меня ведь очень строгий гувернер, и он следит, чтобы я побольше занимался. Но... Ах, да, у меня ещё есть велосипед.

Рыжик и Терри обменялись взглядами, полными жалости к их обиженному судьбой другу, и Терри постарался его утешить, заметив:

— Ну, наверное, это здорово — ездить верхом по английским дорогам. Не то, что у нас на ранчо — всю душу из тебя вытрясет.

— Ты живёшь на ранчо? Мне так и показалось, что ты американец.

— Ну да. Я снимаюсь в кино.

Новый мальчик испустил такой вопль, что Терри с Рыжиком вздрогнули:

— Теперь я знаю! Вот почему ты мне показался знакомым! Ты Терри Тейт. Я тебя видел в фильмах. Такие замечательные фильмы! Я ужасно рад познакомиться с тобой.

Мальчики обменялись рукопожатием, Рыжик смотрел на них, сияя улыбкой, а Джозефус одобрительно вилял хвостом. Потом Терри сказал с великодушной скромностью:

— Только вам, британам, мои картины нравятся меньше, чем у нас дома. Наверное, я не совсем...

— Нет, правда, Терри... можно, я буду тебя так называть?

— Валяй!

— Я ведь не англичанин — ну, только на одну восьмую англичанин. А так я словарец.

— Из этих словарцев на четвертом этаже, у которых король Максимилиан?

— Ну да. Это я Максимилиан.

— Не заливай! Ты вовсе на короля и не похож! Мальчик как мальчик.

— Ой-ой-ой! — простонал Рыжик. — Ты знаешь, Терри, он и в самом деле король! Я видел его фото.

— Ну да! — ахнул Терри. — А я думал, что короли всегда ходят в штанах с буфами и при шпагах.

— Мне очень неприятно, Терри. Извини, пожалуйста. Я ведь совсем не хочу быть королем. Это ужасная гадость. Мне приходится учить шесть языков, и про систему налогового обложения, и дипломатию, и историю, и еще всякие вещи, а я хочу играть и чтобы ко мне не приставали. И еще на меня все время устраивают покушения.

— Ну да? Побожись! — благоговейно прошептал Терри.

— Правда. В этом году в меня уже три раза стреляли, и, честное слово, ничего хорошего тут нет.

— Ах черт, прошу у вашего величества прощения, что я вам говорил «ты».

— Пожалуйста, не надо, Терри. Называй меня Макс, ладно?

— Как бы не так! Королей Максами не зовут. Их называют «ваше величество» или «государь».

— И вовсе нет. Не в частной жизни.

— Чего ты споришь? Я лучше знаю. Я читал «Французского дворянина» и еще много всяких книжек про это.

— Все-таки я лучше знаю. Я же сам король.

— А ты королем совсем недавно!

— Да, конечно. Только все равно... ну, пожалуйста, называй меня Максом, Терри. Я так рад, что познакомился с тобой. Я давно об этом мечтал — еще с тех пор, как посмотрел «Пылающую палубу»... ну, где ты играешь юнгу. Знаешь, до чего ты это здорово придумал — опустить пожарную кишку в океан и погасить огонь,

когда бежали все и ты один остался в пламенном аду. Наверное, твоя жизнь полна всяческих опасностей.

— А! Это-то? Эпизод с кишкой снимался в павильоне. И никакого пожара не было — просто промасленная ветошь горела в ведрах. Нет, мне ничего опасного делать не дают. Чтоб им пусто было! Мама никак не соглашается.

— Терри, знаешь что? Когда мы вырастем, и я стану настоящим королем, и мама с Себенекко (это наш премьер-министр) и профессором Михеловским (это мой гувернер) не смогут мной больше распоряжаться, потому что я буду совершеннолетним, ты пойдешь ко мне в главнокомандующие?

— С удовольствием, Макс (как ни печально, но вспомнив про свои горести, Терри позабыл, что разговаривает с королем). Я только рад буду бросить кино. Вот ты говорил, как к тебе пристают, а попробовал бы ты стать кинозвездой! Жуть! Надо все время давать интервью, и стоит выйти из дома, как уж кто-нибудь да бросится меня снимать, и нужно надевать всякие шутовские костюмы — просто жуткие, и всякие старые дамы глядят меня по голове, а я стой и слушай, пока они говорят, как я хорошо играю. Просто взбеситься можно! И знаешь, Макс, теперь меня еще решили знакомить с королем Сло... Ой, я и забыл, что ты тот самый король и есть.

— Да, чтоб им всем пусто было!

— Взбеситься можно!

— Да еще как! — тоскливо согласился Максимилиан.

— Вот если бы можно было убежать куда-нибудь на ферму, быть просто ребятами и кормить поросят!

— Я бы хоть сейчас убежал!

Терри был настолько поглощен Максимилианом, что совсем забыл про Рыжика, который все это время стоял, вытянув руки по швам.

— Ах, да! Я же вас не познакомил! Мистер Рыжик Бандок, Макс... его величество.

Тут Рыжик упал на одно колено и поцеловал руку Максимилиану.

— Ну, не надо! Ну, пожалуйста! — взмолился Максимилиан.

— Англичанин, сэр, знает, что подобает августейшему величеству! — заспорил Рыжик.

— Да брось ты, ладно?

— Слушаю, сэр!

И трое мальчишек — актер, король и рассыльный — принялись весело изничтожать первых христиан в игрушечном Колизее, и Рыжик, правда, обильно уснащавший свою речь «сэрами», в остальном не досаждал этим знатым особам чрезмерным подобострастием. А когда Терри вновь начал сетовать, какая это мука — в двадцатый раз пересниматься в одном и том же эпизоде, — Рыжик даже перебил его и мрачно пожаловался:

— Если мне будет позволено заметить, сэр, рассыльному в отеле тоже несладко приходится. Пожилые джентльмены как напьются, так и норовят послать тебя покупать им чистые рубашки, когда и магазины-то все позакрывались, а пожилые дамы вызовут тебя к себе в номер и спрашивают: «Спасен ли ты?» и...

Тут его прервал Максимилиан:

— Значит, нам всем троим надо сбежать...

— И пойти в пираты!

— Здорово! — сказал Максимилиан.

— Дядя Генри Бандок был пиратом, — мечтательно вздохнул Рыжик.

В соседней комнате загремел голос:

— Боже великий, Мари! Я же велела вам отдать это платье прогладить!

Максимилиан вздрогнул:

— Это мама! Она меня ищет!

— Нет, — ответил Терри, бледнея. — Это моя мама!

— Р-гав! — сказал Джозефус.

Бесси стремительно вошла в спальню, увидела Максимилиана и воскликнула:

— Боже великий! Стоит тебя хоть на минутку оставить одного, как ты тут же натащишь в номер всяких оборванцев! Что это еще за мальчишка? Пусть убивается. Мы сейчас же укладываемся и едем в Париж.

— Мамочка! Это король Словарии Максимилиан!

Глаза Бесси заорхали, как колибри. Судя по растерянному выражению ее лица, она, очевидно, старалась припомнить фотографии маленького короля. Уставившись на Максимилиана, она пробормотала:

— Ах, извини, пожалуйста, что я так грубо с тобой говорила. Ты, честное слово, король?

— К сожалению.

— Значит, мне надо бы звать тебя «ваше величество», только мы как-то так сразу познакомились и... э... А твоя мать знает, что ты здесь, у нас, король?

— Боюсь, что нет. Я убежал.

— Господи! Да она, наверное, до смерти беспокоится. Я сейчас же отведу тебя к ней. Но приходи сюда к нам играть, когда захочешь,— милости просим. Идем, Терри. Мы проводим его величество вниз. А ты, Рыжик, катись отсюда!

Без малейшей охоты, переглядываясь, как заговорщики, оба монарха все же подчинились металлическому голосу Бесси и покорно поплелись за ней не к плебейскому черному ходу, но к горделивой парадной лестнице. Своему бывшему врагу, краснолицему полицейскому, который охранял четвертый этаж, Бесси небрежно бросила через плечо:

— Я с его величеством!

И надменно проследовала мимо.

— Пожалуй, я отведу тебя прямо к твоей маменьке, король, чтобы она не волновалась,— сказала Бесси, сияя улыбкой.

— А... Нет, знаете ли, боюсь, она будет недовольна. После чая мама всегда делает массаж, и отдыхает до обеда, и не любит, чтобы ее беспокоили. Большое спасибо, что вы меня проводили, но теперь я дойду и сам.

— Ну, я подумала, раз уж я здесь... Это же мне совсем нетрудно. А так как мы завтра, наверное, в Париж не поедем, то я и подумала, что лучше мне сразу договориться, чтобы вам с Терри можно было еще разок поиграть.

— Я был бы так рад! Тогда лучше поговорите с графом Элопатаком: он распределяет мое время. Он сейчас должен быть в номере четыреста шестнадцать.

Бесси заметила, что по всему высовываются любопытные головы. Откуда-то возникла грозная фигура в плюшевых штанах, желтом жилете и пудреном парике. Схватив Терри за руку, Бесси последовала за Максимилианом в номер 416. Это была спальня, превращенная в кабинет.

За столом сидел высокий черноусый человек с моноклем. Он заговорил с Максимилианом на неизвестном языке. Король что-то объяснил ему. Тогда господин с моноклем встал, вышел из-за стола и сказал с поклоном:

— Очень любезно с вашей стороны, мадам Тейт, что вы привели его величество обратно. А теперь могу ли я иметь удовольствие проводить вас наверх?.. Меня зовут Элопатак, я камергер их величеств.

— Рада познакомиться с вами, граф. По-моему, я говорила с вами по телефону.

— Я помню, что имел это удовольствие,— весьма сухо ответил граф.

К большому смущению Элопатака, Бесси горячо потрясла его руку и пропела:

— Познакомьтесь с моим сыном Терри. Возможно, вы видели его в кино.

— О да, конечно, как же!

— Терри и его величество очень подружились, и я просто на них любовалась: такие оба знаменитые и так дружно играют. Тебе ведь было весело, король?

— Да, благодарю вас, очень!

— И я подумала, что было бы так мило — мальчишкам же будет очень приятно, когда они вырастут,— если бы мы пригласили фотографа из газеты снять, как мило они играют. А уж публике до чего будет интересно!

Элопатак воскликнул в одно слово, не переводя дыхания:

— Нодорогаямадамобэтомнеможетбытьиречи!

— Да вы поймите! Они так хорошо подружились!

— Дорогая мадам, боюсь, вы не отдаете себе отчета, что лицу королевской крови приходится считаться не только со своими склонностями, и хотя я не сомневаюсь, что его величеству очень понравился ваш сын, он ведь должен представлять Словарию, а появление на экране могло бы уронить достоинство... Максимилиан! Надеюсь, вы не забыли, что сегодня днем вы едете в рабочий клуб с принцем Генри? Мне очень жаль, но таково желание вашей матушки, и боюсь, вам надо немедленно идти переодеваться, чтобы не опоздать!

Король с меланхолической покорностью пожал руку Бесси и Терри, пробормотал «надеюсь иметь удовольствие видеть вас еще раз» и медленно удалился.

Бесси еще не сдалась:

— Но послушайте! Королева Сидония поймет меня. В конце концов только одно сердце может понять и обещать маленького мальчика — это сердце его матери! Так что, если бы я могла увидеться с нею и объяснить...

— Ее величество отдыхает, и у нее расписана каждая минута вплоть до отбытия их величеств в Сэндрингем в ближайшую субботу. Так что, если разрешите проводить вас наверх...

На этот раз Элопатак не предложил Бесси свою руку, а твердо взял ее за локоть. Бесси почувствовала, что зреет сцена, которая может попасть в газеты, может погубить ее, и сказала чопорно:

— Благодарю вас. Я дойду сама. Всего хорошего!

Но, поднимаясь по лестнице, она пребывала в трогательном певедении относительно того, о чем шептались Максимилиан и Терри, пока она беседовала с Элопатаком.

— До чего я все это ненавижу! — простонал Максимилиан. — Вот теперь придется ехать и изображать из себя короля перед всякими людьми в Ист-Энде! Как бы я хотел убежать с тобой!

— Знаешь что, Макс! Давай и вправду убежим! Мне до смерти надоело быть кинозвездой. Киножурналы! Позируй перед камерой, уф! Давай уйдем в юнги на пиратском корабле!

— По-настоящему убежим?

— Ну да, по-настоящему. Слушай, Макс, они тебя стерегут весь день. А вот утром ты не мог бы встать пораньше и удрать? Я встречу тебя завтра утром у черной лестницы, и мы придумаем план.

— Хорошо, я приду. Только что значит «пораньше»?

— Ну, когда все еще будут спать. В половине девятого. Или для тебя это слишком рано? Когда тебя будят дома, то есть во дворце?

— В шесть.

— Что? В шесть? В шесть утра? Бедняжка!

— Потом я час катаюсь верхом перед завтраком и принимаю холодный душ.

— Бедняжечка! Взбеситься можно! Знаешь, быть королем, пожалуй, даже хуже, чем актером! Ну, наверное, после этого тебе хоть дадут позавтракать как следует?

— Да, конечно. Какао и горячие булочки — иногда даже три штуки!

— А яичницу с ветчиной?

— На завтрак? За завтраком яичницу не едят!

— Знаешь, в Поппи-Пикс я съедаю по шесть оладий с кленовым сиропом — шестнадцать миллионов галлонов сиропа!

— А вдруг, — обеспокоенно заметил Максимилиан, — на пиратских кораблях нас будут поднимать ни свет ни заря?

— Не будут! Что я, не видел, что ли, как снимали «Йо-хо-хо»? Пираты всю ночь напролет пьют ром, ходят в шелках и встают не раньше полудня. Тсс! Быстро! Значит, на лестнице в шесть утра.

После этого Макс чинно попрощался с Тейтами и удалился, но руки его были заложены за спину, и он показывал шесть пальцев.

Весь вечер Бесси то злилась, то совсем падала духом. Они должны были пойти в театр, но теперь Бесси сердито заявила, что они останутся дома: ей нужно кое-что обдумать.

А Терри потратил весь вечер на то, чтобы как-нибудь вызвать Рыжика. Его мать недвусмысленно объяснила ему, что Рыжик — хулиган, а может, и похуже и что ей давно уже следует взяться за Терри и отучить его от привычки выискивать себе приятелей среди всякой швали. И откуда у него такие вкусы, просто понять невозможно — весь в отца!

Подкупив дежурную горничную, Терри все же смог минуту поговорить с Рыжиком у лифта.

— Слушай, Рыжик! Будь здесь завтра в шесть утра. Макс тоже придет. Мы решили сбежать, пойдем в пираты. Понял — ровно в шесть!

— Я приду! Мне заступать на дежурство только в восемь, а живу я не тут. Ну ничего, переночую в бельевой, лопни мои глаза!

Мысль о том, как он убежит и будет вести развеселую пиратскую жизнь, настолько захватила Терри, что ему все-таки удалось проснуться без четверти шесть. Он надел синий костюм, осторожно шаря

по сумрачной спальне, чтобы не разбудить Хамберстоуна, храпевшего в соседней комнате. Затем в сопровождении верного Джозефуса он на цыпочках вышел в коридор как раз в ту минуту, когда из лифта появился Рыжик, который сумел обойтись без лифтера, а из мрака черной лестницы вынырнул Максимилиан.

Терри лихорадочно зашептал:

— Мы обязательно убежим! Дайте клятву!

— Даю,— прошептали Рыжик и Максимилиан.

— Гау! — сказал Джозефус.

— Пока смерть нас да не разлучит, рождество свидетель!

— Пока смерть нас да не разлучит.

— И вот что,— прошипел Терри, осененный внезапной мыслью,— мы отправимся сейчас же!

— Послушай, Терри, это не годится,— возразил Макс.— Как же так — сейчас, без всяких планов? Мальчики всегда сперва придумывают план, а потом уж убегают. Ну, как Том Соьер и Гек!

— Я атаман этой шайки или не я?

Максимилиан смиренно, с почтительным восхищением ответил:

— Конечно, Терри, ты, но...

— Я или не я, Рыжик?

— А то кто же!

— Когда ты пробирался сюда, у тебя, наверное, не все прошло гладко? — грозно спросил Терри у Максимилиана.

— Да, не все. Меня увидел полицейский, который охраняет коридор. Он не посмел мне ничего сказать, но он смотрел, куда я пошел. Как бы он не разбудил Элопатака!

— Вот видишь! Что я тебе говорил! — возликовал Терри.— Может, нам больше не удастся встретиться всем троим. Отправляемся в путь сейчас, сию же минуту. Потом напишем нашим мамам успокоительные письма — до чего же они будут гордиться, когда мы вернемся с пиратства и подарим им попугаев, слоновую кость, испанские дублоны и еще всякую всячину!

— У меня нет ни отца, ни матери, а свои испанские дублоны я отдам дяде Генри — он тоже был пиратом и говорит, что у них не жизнь, а малина. Нам

надо податься в Бристоль, там мы наверняка подыщем хороший пиратский корабль,— сказал Рыжик задумчиво.

— Пошли! В путь. Рыжик проведет нас вниз и покажет, как отсюда незаметно выбраться,— скомандовал Терри.

— Ну, послушай же! — запротестовал Максимилиан.— У нас ведь нет денег!

— Как бы не так! — насмешливо отрезал Терри.— Вот гляди. Тут ровно пятьдесят фунтов. Это мне мама дала, чтобы я сегодня пожертвовал их Воспитательному дому... Неплохая была бы реклама: фотографии, как я даю каждому ребятенку по фунту. Да ведь пиратам реклама вроде ни к чему. Во всяком случае, когда они убегают от своих мам. Ну, пошли, хватит болтать.

И Терри решительно зашагал по коридору к лифту, спустился на первый этаж и через монастырские погреба и переходы выбрался в клубящийся туманом лабиринт дворов, а за ним покорно следовали робеющий Максимилиан и ликующий Рыжик. Однако когда они вышли на Беркли-сквер, где безмолвие сырого, пропахшего угольным дымом рассвета нарушалось только кряхтением чахоточного такси, когда Максимилиан осознал, что ему удалось благополучно улизнуть от тягот королевского сана, а Рыжик, в свою очередь, сообразил, что он бросил прекрасное место и совершает уголовное преступление, а именно: похищает и присваивает ценную частную собственность, а именно 1 (одну) синюю форму, собственность отеля «Пикардия»,— в их настроении произошла резкая перемена. Рыжик оробел, часто оглядывался, пытался насвистывать, а Макс шел бодрым шагом, и душа его пела от счастья, пока он вдыхал сырой волнующий воздух и вглядывался в таинственную завесу тумана, впервые в жизни почувствовав себя искателем приключений в стране безграничной свободы, где он был недосыгаем для людей, которые наблюдали за каждым его шагом и постоянно читали ему почетительные нотации.

Что же касается Джозефуса, то он носился вокруг них вне себя от восторга, как и полагается честной дворняжке, вырвавшейся наконец из раззолоченных апартаментов.

Рыжик вдруг остановил своих спутников и зловеще зашептал:

— Надо переодеться. Как только поднимется тревога, любой фараон нас узнает: я же в форме, а на вас стоит только посмотреть, сразу видно, что вы важные птицы.

— Да нет же! Мы с Максом надели самые простые костюмы. На них никто не обратит внимания! — заспорил Терри.

Тут и Рыжику выпала приятная возможность показать свое превосходство:

— Простые, как бы не так! Вы, конечно, разбираетесь в придворной жизни и в других таких делах, зато я разбираюсь в фараонах!

Его спутники смиренно взирали на него, сознавая свое невежество, и Рыжик победоносно сообщил:

— Я знаю местечко, где можно купить жутко старую одежду — ну просто замечательную. А старьевщик знаком с дядей Генри, и я уговорю его взять в обмен наши костюмы без всякой приплаты. Пошли!

И Рыжик повел их к таинственному средиземноморскому лабиринту Сохо. В этих улочках, извивающихся, как раненые змеи, итальянцы, греки и испанцы с некоторым вкраплением сирийцев и китайцев обитали за подслеповатыми окошками угрюмых квартир над ресторанчиками или зловещего вида аптеками, среди вывесок на чужих экспансивных языках.

При виде помоек и ручных тележек Джозефус впал в настоящую истерику.

Рыжик остановился было перед лавкой старьевщика на Грик-стрит и вдруг позеленел от ужаса.

— Ах ты! Он ведь запомнит мою форму. Я туда не пойду. А вы купите одежду и для меня. Встретимся вон в том переулке. Я переоденусь во дворе.

И Рыжик улепетнул. Терри и Максимилиан испуганно посмотрели друг на друга. Потом испуганно подозвали доблестного Джозефуса и начали его гладить. Ни у одного не хватало духу признаться в том позорном обстоятельстве, что ему еще ни разу в жизни не приходилось самому что-нибудь покупать.

— Черт подери! Я ни чуточки не боюсь, — буркнул

Терри, а на лице Макса отразилась мрачная решимость.

Владелец лавки, уроженец солнечной Сирии, уже заметил их в окошко. Когда они вошли, он масляно улыбнулся, потирая руки.

— Мне нужны два старых костюма, очень старых, для этого мальчика и для меня,— сказал Макс.— Мы... мы идем в поход. И еще один костюм для мальчика на два дюйма выше меня.

— Р-ргав! — весьма недружелюбным тоном заявил Джозефус.

Когда хозяин пошел за костюмами, Максимилиан шепнул:

— Как, по-твоему, у него есть приличная примерочная? Посмотри, ведь здесь просто грязно!

— Нет-нет,— возразил Терри.— Переодеваться и оставлять здесь вещи мы не будем. Ведь Скотленд-Ярд может нас выследить по ним.

— Правда? — Максимилиан был явно польщен.— Я знаю про Скотленд-Ярд из детективных романов. У нас во дворце есть садовник-англичанин, он дает мне их почитать. Ты думаешь, нас будет выслеживать настоящий инспектор? Собирать улики? Вот здорово! Ты серьезно так думаешь?

— Ну да. Неужели же они не станут искать короля, как по-твоему?

— Пожалуй, станут. Видишь ли, я ведь пробывал королем так недолго, что еще не совсем в этом разбираюсь. А все-таки как здорово, когда за тобой охотится настоящий инспектор из Скотленд-Ярда,— микроскоп, пятна крови и все прочее! Мне это нравится. Знаешь, это куда практичнее латыни.

Тут вернулся старьевщик с тремя костюмами, как и обещал Рыжик, замечательно жуткими. Вытертые пошвам, засаленные, с пуговицами, уныло повисшими на истлевших нитках, они, пожалуй, стоили вместе шесть шиллингов, если бы нашелся желающий приобрести их для маскарада. Однако человек с гигиеническими причудами не согласился бы дотронуться до них меньше чем за пять фунтов.

— В самый раз для похода, господа хорошие! — выпевал старьевщик.— Три бумажки за все... и ваши

костюмы, конечно. Даром отдаю, провалиться мне на этом месте!

Такая наглая ложь возмутила даже неискушенного Терри. Три бумажки! От эрудита Рыжика он уже успел узнать, что «бумажка» означает фунт. Он презрительно фыркнул:

— Не говорите глупостей! Я дам вам полтора фунта — по-вашему тридцать шиллингов, верно? И без нашей одежды.

С этими словами он вытащил из кармана пачку банкнот, на которые им предстояло добраться до Бристоля и начать развеселую пиратскую жизнь. Глаза старьевщика вылезли на лоб, и он сказал медовым голосом:

— Да ты, земляк, никак американец? Вы с твоим приятелем хорошие ребята!

И вдруг злобно схватил Терри за плечи и прошипел, обнажив желтые зубы:

— А где вы стибрили эти костюмы? Давай четыре бумажки, а не то я кликну полицейского, и уж мы с ним разберемся, зачем это американские бродяжки в краденой одежде заявили в мою лавку в семь утра!

Надо сказать, что Джозефус проникся к старьевщику живейшей ненавистью с первого взгляда. Когда тот набросился на Терри, он испустил грозное рычание, а теперь с упоением вцепился в его ногу и принялся рвать брюки. Старьевщик отскочил и укрылся за вешалкой со старыми пиджаками. Терри схватил лохмотья, бросил на прилавок фунт и вытолкал Джозефуса с Максом из лавки.

— Он вызовет полицию! — шепнул перепуганный Макс.

— Еще чего! И не подумает, раз получил свою бумажку. Уж он постарается держаться от полиции подальше. Я нисколечко не боюсь, — храбро заявил Терри, а сердце его билось так же ровно, как у кошки, которую собаки загнали на дерево.

Тем временем они свернули в проулок, где ждал Рыжик, и он повел их во двор, а оттуда в другой проулок и в тупичок позади какой-то лавки. Там они принялись лихорадочно переодеваться, и Терри рассказал о их неприятном приключении.

— Я напушу на него дядю Генри! — грозно обещал Рыжик. — Он людей живьем ест, он у меня такой!

Когда они кончили переодеваться, вероятно, ни в самом Лондоне, ни в его пригородах не нашлось бы другой такой оборванной троицы. Однако Рыжик не успокоился, пока не порвал шапочки и чулки своих знаменитых товарищей и не заставил их выпачкать физиономии.

Сам он остался без шапки. Но теперь, освободившись вместе с тесной формой и от страха, он вскричал:

— Так держать, молодцы! Поплывем по синей глади, как говорит дядя Генри! А не перекусить ли нам?

Он запихнул одежду в помойку и повел все общество по другим дворам и проулкам, чтобы не попасться на глаза старьевщику, в один известный ему ресторанчик, ручаясь, что там они за два пенса наедятся, как нигде в Лондоне. Избавившись от надзора заботливых родственников, а с ним и от необходимости завтракать вкусной овсянкой с вкусными сливочками, Терри и Макс уплетали жареную рыбу, яблочный пирог, глазированные пирожные и варенье, в увлечении наорвав даже свои носы.

Джозефус получил потрясающую косточку, а Рыжик ограничился рыбой и чаем. По его словам, он был в приятельских отношениях с помощником кондитера отеля «Пикардия» и ел пирожные, когда хотел и сколько хотел.

— Ты ешь пирожные, сколько хочешь? И когда хочешь? И никто тебя не останавливает? — ахнул августейший монарх Максимилиан III.

— Сколько хочешь? — дивился Терри.

— Ну и что? — презрительно бросил Рыжик.

Мистер Рыжик Бандок знал, что Макс — настоящий король, а Терри — знаменитый киноактер, но поверить этому все равно не мог. Рядом с ним сидели два обыкновенных оборвыша, и хотя они как будто почитывали книжки, что в семье Бандоксов не было принято, зато ничего не понимали в его Лондоне, и он невольно проникался сознанием своего превосходства. И когда за рыбой и пирожными они принялись обсуждать вопрос, как добратся до Бристоля, этой излюбленной сто-

янки пиратских кораблей. Рыжик уже смотрел на них сверху вниз.

— Бристоль от Лондона на западе,— авторитетно сказал он.— Прямо на западе.

— А до него далеко? — спросил Терри.

— Да не близко. Семьдесят пять миль. А может, триста.

— Ну, это что! — Терри старался вернуть себе апломб жожака.— Мы с папой за один день проехали на машине от Лос-Анжелоса до Сан-Франциско, а это целых пятьсот миль!

— Может, и так. Что с вас, с американцев, взять? Вот англичанин никогда не станет мчаться как ошпаренный.

— По-моему,— неуверенно вмешался Макс,— нам лучше сесть в поезд сейчас же, пока нас не хватились.

— В поезд? — проворчал Рыжик.— Псих ты, что ли, Макс? То есть ваше величество.

— А мне нравится, когда меня называют Максом. Пожалуйста, зови меня Максом, Рыжик. Мы же все теперь пираты и товарищи.

— Макс...— задумчиво произнес Терри.— Прямо немец какой-то. Давай лучше называть его Микс!

— Микс? — растерянно переспросил Максимилиан.

— Конечно! Так зовут самого мирового ковбоя во всем кино, верно, Рыжик?

— Ну, тогда хорошо. Микс. И, конечно, раз я пошел в пираты, мне следует взять себе *pot de guerre*¹.

— Чего-чего? — спросил Рыжик.

— Хватит козырять! — возмутился Терри.

— Я нечаянно! — поспешил извиниться Максимилиан. Он не понимал, чем именно задел этих надменных представителей англосаксонской расы, однако готов был просить прощения за что угодно, лишь бы сохранить их дружбу.

— Ну, ладно-ладно, Микси,— великодушно успокоил его Терри, а потом властно спросил у Рыжика:

— А почему бы нам и не поехать на поезде?

Рыжик сразу присмирел и сбавил тон:

— А где, по-нашему, они начнут нас искать? На

¹ Боевое прозвище (франц.).

поездах, ясное дело. Надо идти пешком. Да и когда это пираты ездили на поездах, а?

— Нам, наверное, нужно купить сабли! — забеспокоился Терри. — Пираты всегда ходят с саблями.

— Современные, по-моему, не ходят, — возразил Макс. — Кажется, у них бывают только револьверы и шестизарядные пистолеты. А их мы купим в Бристоле.

— Ну, ладно. Только в Бристоле надо будет купить и револьверы и сабли, чтобы пираты, когда мы подыщем подходящий корабль, сразу увидели, что мы не какие-нибудь маменькины сыночки, — заявил Терри.

— Ага! — согласился Рыжик. — А туда мы пойдем пешком, и, значит, сейчас нам лучше всего будет поехать на Хэмстед-Хит и поупражняться быть бродягами — ну, там, встречаться с хищными собаками, спать в придорожных канавах, находить дорогу по коре дерева и добывать огонь из двух палочек.

— Правильно, этому всему научиться надо, — решил капитан Терри, и трое мальчиков, отправлявшиеся в Вест-Индию через Хэмстед-Хит, для начала доблестно отыскивали автобус номер двадцать четыре.

Когда они добрались до намеченной цели, утренний туман уже рассеялся и широкие просторы укрошенной вересковой пустоши были напоены солнцем и ветром, так что все трое, забыв о том, что один из них — король, другой — кинозвезда, а третий — опытный рассыльный из первоклассного отеля, принялись гоняться друг за другом, кричать и свистеть, как самые обыкновенные десятилетние мальчишки, а Джозефус совсем взбесился и с нежной свирепостью покусывал августейшие пятки.

Макс, изучавший историю Англии, вспомнил, что некогда Хэмстед-Хит был излюбленным полем деятельности разбойников с большой дороги, и все четверо принялись играть в разбойников. Джозефус, которого, несмотря на его протесты, взнуздали поясом Терри, стал верным конем, Терри — кучером дилижанса, Рыжик — надменным вельможей-пассажиром, а Максу была уступлена самая желанная роль — он превратился в разбойника.

Старый Джим Дэнджерфилд, бравый кучер «Йоркширской молнии», старался скрыть снедавшую его тре-

вогу. Он весело понукал свою знаменитую пару гнedyх в яблоках кобыл — Джо и Зефус и даже напевал бодрую песенку («Моя супружница давно ругается, что я с тобою, кро-о-шка!»), но когда его пассажиры отворачивались, храбрый старый Джим содрогался и плотнее закутывался в плащ с пятью пелеринами, побелевший от снежных хлопьев.

На козлах рядом с ним сидел таинственный незнакомец в старинном-престаринном одеянии тех времен. Он отказался назвать свое имя, но его звали лорд Монморенси. Старый Джим, однако, этого не знал.

Так они ехали через пустошь, но вдруг из-за дерева выпрыгнул человек в маске и плаще, на огромном, большом, высоком черном жеребце и, наведя на них пистолет, крикнул:

— Кошелек или жизнь!

Старый Джим полез было за своим пистолетом, но злодей застрелил его насмерть, и он старательно скончался, а верные Джо и Зефус лизали ему лицо, предварительно с большой ловкостью вылезши из своей упряжи.

Однако храбрый лорд Монморенси рвался в бой. С воплем «А ну, выходи, плевать я на вас всех хотел!» он выскочил из кареты, обнажил свой верный меч и, выбив пистолет из руки негодяя разбойника, схватился с ним в смертельном поединке.

Поединок длился очень долго. Точнее говоря, он длился до тех пор, пока старый Джим Дэнджерфилд не запротестовал:

— Так нечестно! Вы уже три часа фехтуете, а я лежи мертвым? Я сейчас оживу!

Между ним, лордом Монморенси и разбойником завязался спор относительно того, мог ли застреленный кучер дилижанса только притворяться мертвым, и, забыв про игру, все трое улеглись на траву, чтобы отдышаться.

— Дядя Генри один раз был разбойником, — задумчиво произнес Рыжик.

— Так, значит, его арестовали? — огорченно спросил Терри.

— Он был не из таких разбойников. Он все, что награбывал, отдавал бедным.

— Где же это было? — с явным недоверием спросил Терри.

— Э-эй, Микси! Хватит обсыпать меня пылью! — исчерпывающе ответил Рыжик. — Прошу прощения, ваше величество, но, ей-богу же, мне все глаза засорило.

— Когда мы вернемся... То есть, если бы мы не ушли в пираты, я попросил бы маму пригласить твоего дядю Генри к нам во дворец, — мечтательно протянул Макс. — Он ведь просто замечательный человек. Мои дяди мне меньше нравятся. А вот предки у меня есть чудесные. Я ведь потомок Чингис-хана.

— А, знаю! Я его видел. Ну, этот... банкир из Нью-Йорка. Он всегда останавливается в «Пикардии», — снисходительно заметил Рыжик.

— Наверное, это какой-то другой хан, — с сомнением ответил Макс. — Чингис, кажется, жил очень давно. А у моего дедушки было поместье в двести тысяч акров.

— Подумаешь! — заметил Терри. — Я знаю одного актера в Калифорнии, так у него миллион акров.

— Не может быть! — возмутился Макс.

— Нет, может! А у меня будет миллион миллионов акров, когда я вырасту, и я буду разводить пчел.

— Ничего ты не будешь, — сказал Макс жалобно. — А я возьму мобилизую свою армию и завоюю Румынию, Болгарию и еще много всяких стран, и тогда у меня будет миллион триллионов миллиардов акров. А другой мой предок был Сельджук.

— В жизни про него не слышал! Ты когда-нибудь слышал про Сельджука, Рыжик?

— Нет! Не слышал.

— А один из моих предков, — продолжал Терри, — был шерифом округа Кэттарогес в штате Нью-Йорк!

— А мой дядя Генри был сержантом в Болгарии, — сообщил Рыжик.

— Знаете что? Давайте играть в солдат! — воскликнул Терри. — Кто из вас больше обучен военному делу?

— Я раз чуть не стал бойскаутом. Священник мне говорил, чтобы я записался, — задумчиво произнес Рыжик. — А ты что же, Микси? Раз ты король, — значит, уж тебя-то обучали военному делу.

— Совсем немножко, — признался Макс. — Только фехтованию и верховой езде пока что. Я, правда, фельд-

маршал словарской армии и полковник британской армии, а в Италии я сразу адмирал и генерал, но только я еще все-таки не солдат.

— А я все знаю про военное дело! Я видел, как снимали эпизоды для «Большого парада»! — похвастался Терри, и Макс, которого немного обидело, что они ничего не слышали про его знаменитого предка Сельджука, вновь проникся восхищением перед своим героем, великим Терри Тейтом, и благоговейно произнес:

— Я видел этот фильм! А ты видел, как его снимали? Вот замечательно! Ты командуй одной стороной, а Рыжик пусть командует другой.

И началась очень хорошая война. Неисчислимые рукопашные сражения перемежались опустошительным пулеметным огнем — это Рыжик крутил свои часы стоимостью в три шиллинга шесть пенсов и рычал: «Р-р-р-р!»

Когда война закончилась, они снова улеглись в высокую траву, и Рыжик скромно поведал, как во время войны его дядя Генри в одиночку взял в плен сразу шестнадцать немцев.

Но Терри перебил его воплем:

— Я придумал мировую игру! Давайте играть в королей!

— Это же совсем неинтересно! — заспорил Макс.

— Да не в теперешних королей, а в таких, которые жили в старину. Я тебя научу. Тебе понравится, Микси. Я буду король, а ты, Рыжик, — лорд верховный палач.

— У королей не бывает лордов верховных палачей! — возразил Макс.

— Нет, бывают! А раньше всегда бывали. Значит, Рыжик будет мой лорд верховный палач, а ты будешь мятежником, Микси, атаманом бандитской шайки.

— А кто будет бандитами? — обиженно спросил Макс.

— Джозефус, а то кто же, бестолочь! А теперь слушайте. Вот мой трон. — И Терри указал на большой валун.

Его королевское величество Терри опустился на трон и принял самую королевскую позу: левая рука упиралась в бедро, а правая помахивала предметом, который

больше всего походил на стебель репейника, но для него был золотым скипетром.

— Вы с Джозефусом спрячетесь вон там за пригорком,— приказал он Максусу,— и начнете подползать к нам. Вы банда восставших крестьян. А ты, Рыжик,— мой главнокомандующий.

— Но ты же говорил, что я какой-то верховный!

— Это потом, дурак! А теперь, Макс, валяй! Прячьтесь!

Когда Макс и Джозефус начали весьма реалистично подкрадываться к ним, яростными взглядами выражая свою ненависть ко всем монархическим институтам, король Терри обратился с мудрой речью к своему главнокомандующему, а также к толпам других придворных, теснившихся позади последнего:

— Внемлите, верные вассалы! Надежные посланцы принесли мне весть, что ад с цепи сорвался в наших горных владениях и шайка мятежников уже близка. В поход, мои верные армии, и возьмите их в плен. Курс на северо-северо-восток, мой верный полководец... Теперь иди бери их в плен, Рыжик, но только, Макс, сперва должна быть яростная битва.

Последовала яростная битва. Пока она бушевала, король Терри подпрыгивал от волнения и командовал:

— Эй, Рыжик, ты должен бежать сюда, ты же вестник и рассказываешь мне, как идет сражение; видишь, я стою вот тут в окне башни и гляжу на свои королевские равнины.

Верный полководец привел взятых в плен мятежников и, несмотря на жалобное «ой!», которое вырвалось у Макса, грубо бросил их к ногам короля. Тот тем временем спустился с башни (удивительно похожей на травянистую кочку), вновь уселся на троне и обратился к изменнику:

— Злодей, признаешь себя виновным?

— Что мне надо говорить? — растерянно спросил Макс.— Я же никогда раньше не играл в эту игру.

— И я не играл, дурак! Что у тебя, воображения нет? Ну, что сказал бы злодей, если бы король на него так закричал?

— Не знаю... Ну, наверное, он сказал бы: «Нет, не признаю!»

— Нет, ты виновен! Главнокомандующий, виновен он или нет? Ты застал его за изменой, ведь так?

— Еще бы!

— Ну, тогда (теперь ты лорд верховный палач), тогда отрубить ему голову!

— погоди! — запротестовал Макс. — Король не может приказать, чтобы человеку отрубили голову.

— Нет, может! Не говори глупостей! Если у вас в Словарии это им не разрешается, то в разных других местах они еще как рубят!

— Честное слово? — восхитился Макс. — Жалко, что мне нельзя. Михеловский у меня сразу бы без головы остался. Это мой гувернер — жуткая личность.

— Заткнись! Короля нельзя перебивать, ты что, не знаешь? Вот теперь тебе отрубят голову. И Джозефусу тоже. Стройтесь в процессию. Я пойду впереди, потом вы с Джозефусом, а позади Рыжик с топором — бери мой скипетр, Рыжик, это будет топор.

И они замаршировали под торжественно-безмятежный гимн «Вперед, солдаты-христиане!», который распевал Терри. И высокий трагизм этой минуты только совсем чуточку пострадал оттого, что Рыжик, прежде чем нанести роковой удар, посмотрел на свои часы (три шиллинга шесть пенсов) и воскликнул:

— Уже час! Надо бы перекусить. На пустой желудок я пиратничать не согласен!

В тех случаях, когда Бесси Тейт падала духом и чувствовала, что ею помыкают, она имела обыкновение спать до полудня, просыпаясь только для того, чтобы мысленно сочинить убийственное письмо своим врагам, и тут же вновь засыпая. Так и в это утро она в десять часов еще почивала среди бело-розовых кружевных думок, которыми украсила постель отеля «Пикардия», когда ее разбудил дружный вопль горничной и секретарши:

— Мадам! Мадам! Вас спрашивает дама! По-моему, это...

Бесси вне себя от ярости только-только успела при-
вскочить на кровати, показав ночную рубашку, прозрач-
ную, словно сетка от mosкитов, и выставить вперед
чугунный подбородок, как в спальню ураганом ворва-
лась какая-то женщина и, отшвырнув в сторону гор-
ничную с секретаршей, крикнула:

— Куда вы дели моего сына?

Незнакомка была высока ростом и немного похожа
на Бесси. Правда, голос у нее меньше напоминал визг
пилы, но она возмещала это большей словоохотливо-
стью:

— Если вы его похитили, если вы отпустили его со
своим мальчишкой...

— Сумасшедшая! — взвизгнула Бесси. — Вон отсю-
да! Мисс Тингл, вызовите полицию!

— Ах, мадам, это же Сидония, королева Словарии, —
пролепетала секретарша.

— Королева!.. Сидония... О господи! — простонала
Бесси и захлебнулась в подушках.

Королева подскочила к ней и свирепо рванула ее за
руку.

— Где он? Он здесь?

— Ваш сынок? Король?

— Ну, конечно, дура! Мне известно, как вы вчера
заманили его сюда...

— Вот что: будь вы хоть сто раз королева, я ваши
грубости выслушивать не намерена. Откуда я знаю, ку-
да делись мальчишки? У меня нет привычки вскаки-
вать ни свет ни заря. Сейчас посмотрим.

Бесси накинула халат, напоминавший легкую пену
в бокале с искристым бургундским. Ошеломленная таким
несколько непредвиденным знакомством с августей-
шей особой, но все же тая в душе надежду, что
королева Сидония заметила ее невероятную эле-
гантность, она поспешно провела свою гостью через го-
стиную в спальню Терри.

В спальне никого не было.

В соседней комнате Хамберстоун, камердинер, кото-
рого Бесси наняла исключительно с целью потрясти Си-
донию, храпел, окутанный парами джина, и вместо
корректного полуфрака являл взору ночную рубашку из
красной фланели.

Хотя Сидония обрушилась на Бесси без соблюдения особых церемоний, их встреча могла показаться свиданием влюбленных по сравнению с тем, как Бесси с места в карьер ухватила лакея за уши. Неистовая Сидония, уже много лет наводившая ужас на Балканы, даже почувствовала восхищение, ознакомившись с лексиконом Бесси, а цвет английских слуг дрожал, как осиновый лист, объясняя, что из-за невралгии он проспал и знать ничего не знает ни о мистере Терри, ни о каких-либо королях.

Бесси кинулась к гардеробу.

— Нет его синего костюма!

Она кинулась к телефону.

— Рыжик, голодранец рассыльный, с которым Терри играет, тоже куда-то пропал. Ах, королева! Он пропал. Мой сыночек! А я еще была с ним такой строгой! Может, вы и очень любите своего мальчику — ну, короля, — но все равно не больше, чем я своего, и...

И две женщины, ее величество королева Словарии и миссис Тейт из Меканиквилла, обнялись и горько заплакали.

Бесси потребовалось всего шесть минут, чтобы одеться — Сидония изгнала трепещущую горничную и собственноручно ей помогала. Через шесть с половиной минут они уже входили в королевские апартаменты на четвертом этаже — и Бесси об руку с королевой проследовала мимо взволнованного графа Элопатака, как надменная персидская кошка. На благоуханную парадность личных покоев королевы и на плачущих фрейлин она не обратила никакого внимания.

Сидония немедленно вызвала к себе управляющего отелем, трех местных сыщиков и всех полицейских. Эти последние вышли на дежурство в восемь утра и короля не видели. Прислуга отеля не видела его со вчерашнего дня. Тем временем Элопатак звонил в Скотленд-Ярд. Через несколько минут он доложил, что полицейский, дежуривший ночью в коридоре, видел, как Максимилиан около шести часов утра играл в мяч возле черной лестницы; вернулся ли Максимилиан к себе в спальню или поднялся наверх, он не знает.

В этот момент лондонское управление по уборке мусора сообщило в Скотленд-Ярд, что в помойке одного из

дворов неподалеку от Грик-стрит в Сохо были найдены два хороших детских костюма и форма рассыльного отеля «Пикардия».

По описанию королева Сидония и Бесси опознали одежду своих сыновей.

— Они сбежали вместе! Это все проклятый рассыльный! Вот что, королева, берем такси и мчимся туда искать их!

— Да-да! — воскликнула Сидония и рука об руку с Бесси Тейт бросилась к дверям мимо обомлевшей свиты. С порога она крикнула: — Я буду звонить каждые пять минут! Позвоните министру внутренних дел, пусть немедленно вышлет сотни полицейских на поиски его величества. — Она хлопнула дверью, но тотчас вновь распахнула ее и добавила: — И Терри. Сотни, вы слышите? Сотни!

И пока по тревоге поднимали всех полицейских Лондона и его пригородов, пока в редакциях газет начиналось столпотворение из-за сенсации, которую невозможно было скрыть даже при всем почтении к королевскому сану, — пока происходило все это, две измученные женщины, две нежные подруги, ласково похлопывая друг друга по руке и называя друг друга «моя дорогая», кружили в такси по лабиринту улиц и улочек Сохо и останавливались перед каждым полицейским, чтобы спросить, не видел ли он трех мальчиков и невзрачного пса, которому предстояло на сутки сделаться самой знаменитой собакой в мире.

После посещения кафе «Какао», неподалеку от Хэмстед-Хит, три мушкетера почувствовали странную сонливость. Виною этому были веселые игры на вольном воздухе, а может быть, и обильный полдник: свиной паштет, телячий паштет, говяжий лудинг с почками, колбаса с картофельным пюре, клубничный торт, ванильное мороженое, шоколадное мороженое и сладкие пирожки. Они единодушно решили сейчас же отправиться в Бристоль навстречу буйной пиратской жизни — да-да, сейчас же, но, впрочем, сначала немного отдохнув в кино, сулившем нечто очень приличное: трагическую повесть о жизни отравителя.

К этому времени Терри уже привык общаться с лавочниками. С высокомернейшим доверием он поручил Джозефуса на время сеанса заботам какого-то бакалейщика и купил самые дорогие билеты.

Фильм оказался весьма интересным и к тому же назидательным, поскольку отравитель скончался в ужасных судорогах.

Они вышли из кинематографа в четыре часа и увидели, что все улицы пестрят газетными афишками, вопящими: «Исчезновение маленького короля и кинозвезды-янки!!!»

— Ух ты! — прошептал Терри и, поспешно купив по экземпляру всех вечерних газет, увел свою пиратскую шайку в самый укромный уголок кафе-кондитерской, чтобы познакомиться с последними известиями.

Первая газета сообщала, что Терри, который в свои восемь лет успел прославиться в Чикаго еще до того, как стал кинозвездой (наиболее изящный способ назвать его гангстером, не дав повода для предъявления иска за клевету), по-видимому, убедил его величество, которому он был представлен в одном известном отеле Вест-Энда, убежать вместе с ним. Прямых доказательств связи Терри со знаменитой лиссабонской шайкой фальшивомонетчиков и похитителей детей не обнаружено, однако полиция ведет расследование.

Вторая газета рассказывала о зловещем исчезновении рыжего рассыльного по имени Альф Бандок, чьим прошлым полиция не преминула заняться.

Третья прямо и без обиняков доказывала, что это преступление совершено большевиками, и вопрошала, доколе правительство будет трусливо смотреть сквозь пальцы на то, как по простодушной Англии шныряют большевистские шпионы — и уже начинают похищать королей.

Все газеты опубликовали пространные биографии короля Максимилиана и гораздо более беглые сообщения о Терри, которому, согласно трем разным версиям, только что исполнилось восемь, четырнадцать и пять лет. И все три поместили фотографии, массу фотографий. Максимилиан в форме чехословацкой морской кавалерии; Максимилиан открывает музей остеотермодинамики в Цетокоскаваре, столице Словарии; Терри в

роли Бедного Слепого Мальчика (он, разумеется, прозрел, едва до него добрались Добрая Богатая Дама и Хирург с Золотым Сердцем) в фильме «Из мрака к свету»; Терри ухаживает за садом в Поппи-Пикс (Терри так же любил копаться в саду, как кандидаты в президенты — грести сено); отель «Пикардия» — место происшествия отмечено крестиком; и шестнадцать прелестных фотографий королевы Сидонии.

Однако «Вечерняя эра» оставила за флагом всех соперниц, поместив биографию Джозефуса, Гончего Пса, с фотографией, любезно предоставленной редакции Зоологическим магазином, что на Бонд-стрит. Только это была фотография борзой. Однако Терри слегка утешился, увидев рекламное объявление на целую страницу: предприимчивый кинотеатр «Альцион» намеревался возобновить его фильм «Маленькие молодцы».

Трое мальчиков скорчились над газетами, и даже Джозефус скорчился под столиком.

— Все легавые в Соединенном Королевстве будут нас ловить. Надо смываться, — простонал Рыжик, а затем, сделав умственное усилие, какого он не делал даже для разрешения такой интеллектуальной проблемы, как преобразование одного шиллинга чаевых в полкроны, этот мудрец заключил: — Нет, надо затаиться. Они будут следить даже за дорогами. Переждем денька два, а потом тронемся в путь в полночь. Вот. И будем прятаться под изгородями.

— Здорово! Слово бегство из немецкого плена! — восхитился Терри. — Только где бы нам спрятаться?.. Знаю! У твоего дяди Генри. Ты же говорил, что он живет в Лондоне. И он нам все расскажет про пиратов. Ты же говорил, что он один раз был пиратом, ведь вер...

Чело Рыжика омрачилось; лицо Рыжика посуровело.

— Не! Ничего не выйдет. Мы с дядей Генри разругались.

— Значит, вам придется помириться. Больше нам идти некуда.

— Не! Нельзя.

— Вздор! — Это энергично воскликнул Макс. — Старому пирату будет только приятно познакомиться с молодыми пиратами. Веди нас к нему сейчас же, Рыжик.

— Не поведу!

— Вы слышали, что я сказал, Бандок?— Терри вздрогнул вместе с Рыжиком: так изменился всегда дружелюбный голос Макса.— Я не прошу. Я приказываю. Или вы забыли, кто я?

Рыжик перепугался еще больше, он разом превратился в вышколенного рассыльного, он задрожал.

— Как угодно, сэр, только я не советовал бы идти к дяде Генри, сэр. Нет, не советовал бы.

Однако он повел их, ныряя в темные проулки, хитро выбирая кружные автобусные маршруты и содрогаясь каждый раз, когда полицейский повертывался в их сторону, пока наконец они не оказались за рекой в районе Бэрмендси. Такой Лондон Макс и Терри видели впервые, он был совсем не похож на город неоклассических клубов, уютных особняков XVIII века на тихих площадях, величественных магазинов и чинных чистых улиц, который они знали. Они ошеломленно смотрели на пустыню двухэтажных домиков, сложенных из камня или закованного бурого кирпича, притиснутых друг к другу; ни единого деревца, ни единой травинки, только бесконечные ряды кирпичных собачьих конур, кое-где разорванные клыкастыми железнодорожными путями, склады, похожие на тюрьмы, бесчисленные кабаки, из которых разило скисшим пивом, и длинные улицы, замусоренные и шумные.

Они сошли с автобуса на Эбби-стрит, и Рыжик повел их в переулок со множеством лавчонок. Было уже шесть часов, улицы опять начали погружаться в дымный туман, и к пивным потянулись землекопы в подвернутых брюках, старухи уборщицы в платках и фартуках и заморенные ребятишки с бидончиками. И все эти томимые жаждой труженики смотрели на случайно забредшего сюда американского мальчика с презрительным безразличием.

— Пойдем скорее к твоему дяде,— попросил Терри.

— Он тебе не понравится,— угрюмо проворчал Рыжик.

— А как же ты рассказывал, что он весельчак! Ну, помнишь, он еще пел японской императрице «Как на Кентской дороге потасовка была!»

— Ну, это-то!— сказал Рыжик.

Он уже не шел, а брел. И как они ни понукали его, как ни весело прыгал вокруг Джозефус, Рыжик еле передвигал ноги. В конце концов они все-таки добрались до маленькой прачечной, и, указав в запотелое окошко на сутулого человечка с беличьими зубами, который крутил ручку катка, Рыжик буркнул:

— Вон он, дядя Генри.

Терри и Макс застыли на месте, и у них зануло сердце. Но они ничего не сказали. В этом не было нужды. Они только дружно подумали, что дядя Генри вряд ли мог взять в плен разом шестнадцать немцев или жениться на принцессе в Южных морях — уж, наверное, дальшее помолвки дело не пошло.

— Вот приспичило вам с ним знакомиться! — вздохнул Рыжик и, приоткрыв дверь прачечной, заскулил:

— Дядь Генри, а дядь Генри!

Дядя Генри поднял голову, потер шею, словно она у него болела, прищурившись, посмотрел сквозь пар на Рыжика и сказал:

— А, это ты, попрошайка. Пшел отсюда! Разгуливаешь в форме, измываешься над почтенным человеком, своим единственным родственником! А теперь тебя выбросили за дверь, и снова пришлось обрядиться в лохмотья. Так тебе и надо! Убирайся, кому сказано!

— И вовсе меня не выбросили! Просто отпустили погулять! — возразил Рыжик.

— Хорошенькие гулянки! Кончатся работным домом, как пить дать! Убирайся!

— Дай-ка три шиллинга — показать ему, — шепотом потребовал Рыжик у Терри и, положив деньги на ладонь, с приторно-фальшивой улыбкой сказал сладеньким голосом:

— Мы с ребятами пошли в поход. Тыпустишь нас переночевать вот за эти три шиллинга?

— Покажь! — потребовал дядя Генри. Он долго вертел монеты в руках, а потом, как будто сожалея, что они настоящие, сказал кисло: — Надо бы выдрать тебя как следует, поганец, ну да уж так и быть, ночуйте. Только ужин сами себе покупать будете!

И, ограничившись этими словами приветствия, дядя Генри повел мальчиков и Джозефуса через заставленную лоханями каморку во двор, а потом по наружной

лестнице в аскетическое обиталище, состоявшее из одной комнатухи (дядя Генри был бездетным вдовцом) с одной — неубранной — кроватью, железной печуркой, стулом и шкафом.

— Устройтесь на полу,— буркнул он.— А собаку — вон! Пусть ночует во дворе.

Терри хотел было возмутиться, но... они ведь были неприютными беглецами, за которыми охотились все полицейские силы Англии. А какое наказание полагается за похищение короля? Виселица или пожизненное заключение? Он вздохнул и уныло поник, испуганный маленький мальчик.

Рыжик, несколько ободрившийся после того, как любящий дядя пустил его в свой дом, весело скомандовал:

— Носов не вешать! Пошли ужинать. Тут на углу есть мировая обжорка.

Он с вызывающим видом зашагал впереди своих сообщников. За его спиной Терри шепнул Максу:

— Я не верю, что его дядя Генри был глубоководным водолазом!

— Конечно. А я не верю, что он был сержантом в болгарской армии, разве что рядовым,— подхватил Макс.

— И авиатором не был!

— И по Африке не путешествовал!

Рыжик притворялся, будто нисколько не скорбит об утрате дяди Генри, чьи подвиги одни только и позволяли ему блистать в обществе королей. Со всей возможной развязностью он потащил их в лавочку, где торговали жареной рыбой, заявив:

— Вам, конечно, пирожное-мороженое подавай, аристократам! Только такой копченой селедки вы во всем Лондоне не найдете.

И на протяжении всего ужина он противоречил им на каждом слове и безжалостно высмеивал их ужасающее невежество в таких фундаментальных вопросах культуры, как положение мидлсекской крикетной команды в таблице розыгрыша и карьера прославленного боксера полусреднего веса мистера Джема Блери. В результате Макс и Терри превратились в образчики утонченной и благороднейшей воспитанности. Они были тошнотворно вежливы. Их молчание оглушительно кричало о том, что они считают его вульгарным выскочкой.

Когда они с большой неохотой вернулись в особняк дяди Генри, их радушный хозяин уже восседал на единственном стуле и читал газету, а его башмаки покоились на единственной кровати. Посмотрел он на них довольно свирепо, однако пиво, в которое он успел вложить их три шиллинга, смягчило его не слишком человеколюбивое сердце, и он снизошел до беседы с Рыжиком:

— Хорошенькие дела творятся в твоём отеле! Король пропал, а с ним и актер-янки. Н-да!

Надо сказать, что за всю свою долгую тяжкую жизнь Рыжик так ни разу и не сумел внушить дяде уважение к себе. И вот ему вдруг представилась возможность потрясти своего сиятельного родственника.

— А ты не заметил, кто с ними третьим пропал? — насмешливо спросил он.

— Третьим? Да нет. Я же не дочитал.

Рыжик, не обращая внимания на Макса и Терри, которые делали ему страшные глаза, надменным перстом ткнул в абзац, и дядя Генри прочел по слогам:

— «По-до-зре-ва-ет-ся, что с ними был рас-сыл-ный Альф Бан-док, ко-то-рый...» — И он в ужасе подскочил на стуле. — Бандок? Так это, значит, ты, стервец недорезанный?

Рыжик засмеялся смехом злодейки, которая покидает сцену, привязав героиню к циркулярной пиле.

Дядя Генри «взглянул на Макса с Терри, поражен внезапной мыслью, молча на холме» на Литл-Вест-Полтри-стрит, Лондон, Англия.

Он ткнул дрожащим пальцем в Терри.

— Эй ты! Скажи что-нибудь!

— Чего вам надо? — огрызнулся Терри.

— Лопни мои глаза! И верно! — взвыл дядя Генри. — Ты американец или еще какой-то чертов иностранец! А ну, убирайтесь отсюда все трое! Я тут ни при чем! Полицию на меня натравливать? Пошли вон все, короли вы тут или не короли!

Дядя Генри выпучил глаза и злобно махал руками, совсем обезумев от страха. Он погнал их по лестнице во двор (когда Терри задержался, чтобы свистнуть Джозефуса, старик чуть не набросился на них с кулаками), а оттуда через прачечную на улицу. Они услышали, как захлопнулась дверь и скрипнул засов.

— Дядя Генри всегда не любил полицию,— задумчиво произнес Рыжик.— Ну да ничего, я отыщу вам хорошую кучу сена на складе.

И вот трое мальчиков зарылись в кучу волглого гниловатого сена среди пахучих ящиков и бутылей с кислотой, на задворках между складом и путями, по которым всю ночь грохотали товарные поезда. Дрожа, они прижались друг к другу, поплакали и крепко уснули.

Бесси Тейт и королева Сидония до вечера рыскали по городу, заглядывая во все уголки, куда могли забрести в поисках приключений их мальчишки. Они настолько забыли разницу в своем общественном положении, что обменялись множеством анекдотов о восхитительных проказах своих сыновей — «только я отвернулась, а он уже высыпал на свою овсянку всю сахарницу!» — и во время грустного чаепития в будуаре королевы Бесси даже сообщила, а Сидония с благодарностью записала соблазнительнейший рецепт ветчины по-виргински, запеченной с персиками.

— А если вы приедете в Америку, то уж непременно погостите у нас с мистером Тейтом и не давайте себя сманить этим заевшимся миллионерам-продюсерам.

— Я непременно приеду и погощу у вас, друг мой! И Терри будет играть с моим сыном,— пообещала королева.— А вы приедете к нам в Словарию?

— Ну, если выкроится время, конечно, я приеду, Сидония,— изъявила согласие Бесси, и обе женщины, такие похожие (если не считать того, что у Бесси портниха была получше), устало откинулись на спинки кресел, закурили и встретили свирепыми взглядами трепещущего графа Элопатака, который вошел доложить, что князь Себенекко, премьер-министр Словарии, вылетел в Лондон.

— Старый осел,— пробормотала Сидония.

Потом она попыталась принять надменный вид, но эта попытка кончилась тем, что измученные воительницы обменялись широкими улыбками, едва Элопатак изящно сбежал из будуара.

— Беда Элопатака в том,— доверительно сказала Сидония,— что он не обладает спокойствием. Он позволяет грубой материи управлять им. Он был бы так же безмя-

тежно спокоен, как я, если бы только упражнялся в «Высшей мысли».

Бесси взволнованно наклонилась к ней.

— Ах, так вы тоже упражняетесь в «Высшей мысли»? И я в ней упражняюсь! Как чудесно, правда? В Лос-Анжелосе я каждую неделю хожу к шикарному наставнику в «Высшей мысли» — просто замечательный человек, такое благородное лицо, ни у кого не видела таких чудных черных кудрей! Перед тем, как я обратилась к нему, я часто выходила из себя — кругом все такие дураки! — и пыталась подчинять других своей эгоистической воле, но теперь стоит мне озлиться на какого-нибудь безмозглого идиота, и я говорю себе: «Все есть тайна, а улыбка — ключ, отмыкающий извечное родство между людьми», — и сразу делаюсь донельзя безмятежной и краткой. Так удобно!

— О, разумеется! У нас в «Высшей мысли» тоже есть эта фраза — только по-словарски она звучит не совсем так. И какое странное совпадение: мой целитель тоже очень красив, а волосы у него просто удивительные! Конечно, мое положение обязывает меня исповедовать государственную религию, но только благодаря «Высшей мысли» я узнала, что любой человек ничем не хуже меня, даже тогда, когда он явно хуже. И теперь я больше никогда не сержусь. Я просто говорю: «Я емь Спокойствие, и потому я спокойна». Если бы я только могла заставить Элопатака и князя Себенeko — грязная свинья!.. Ах, Бесси, вы не представляете себе, что для меня значит наше знакомство! Почему-то ни в Словарии, ни здесь, в Англии, никто не хочет понять, какая у меня тонкая душа!

Весь вечер измученные матери бушевали и не находили себе места, но в час ночи Бесси, совсем обессилив, уснула. Однако несколько часов спустя она ворвалась в спальню королевы (в коридоре ей почтительно отдавали честь и кланялись полицейские, часовые и свитские) и, в свою очередь, разбудила Сидонию ни свет ни заря. За собой она волочила насмерть перепуганного Рыжика Бандока.

Прошло ровно двенадцать часов с той минуты, как Рыжик, Терри и Макс в слезах зарылись в кучу сена под стеной склада в Бэрмендси.

Управляющий «Пикардии» взволнованно сообщил Бесси по телефону, что Рыжик вернулся и что он знает, где находятся оба короля. Он был доставлен к ней под конвоем, а она потащила его к королеве Сидонии.

В устланной лиловым ковром парадной спальне, где среди множества маленьких столиков, глубоких кресел, внушительных халатов и огромных зеркал высилась кровать под алым балдахином с золоченой короной, сидела, опираясь на подушки, Сидония — тощая, истерзанная тревогой — и нервно курила, а Бесси в пенном халате металась взад и вперед по комнате. И этим-то грозным слушательницам поведал Рыжик свою историю.

— Я не виноват, ваше величество. Его величество и мистер Терри велели мне пойти с ними. Они сказали, что идут погулять. Они сказали, что будет здорово переодеться в рваную одежду. Я не знаю, что они сделали с моей формой и своими костюмами, только переодевались мы во дворе на Грик-стрит в Сохо. Потом мы пошли играть на Хэмстед-Хит. А потом они решили отправить-ся за город, и мы пошли на запад...

Следует отметить, что склад, где, насколько было известно Рыжику, все еще спали Макс и Терри, находился на юго-востоке.

— ...пошли на запад и вышли из города. Мы шли и шли до поздней ночи, и, наверное, дошли почти до самого Харроу, и легли спать в придорожной канаве. А когда я проснулся утром, их там не было. И я остановил грузовик и поехал прямо сюда, чтобы рассказать вам про все, сударыня. А я, сй-богу, тут ни при чем. А вчера вечером они говорили, что хорошо бы поехать в Шотландию, так что если обыскать все дороги на запад и на север...

Сидония, визгливо призывая Элопатака, уже звонила в Скотленд-Ярд.

— И отель меня назад не возьмет, ваше величество, только, может, вы скажете, чтобы полиция меня не арестовывала, сделайте такую милость!

— Конечно! Тебя никто не арестует,— успокоила его Сидония.— Если молодые джентльмены, его величество и мистер Терри, приказали тебе сопровождать их, ты, разумеется, зная свое место, не мог их послушаться. Я все понимаю и благодарна тебе за то, что ты не побоялся

прийти к нам. Вероятно, после всего этого ты больше не понадобишься отелю, но нам ты можешь пригодиться. Поди в комнату Терри и жди, пока мы тебя не позовем. Я поговорю с полицией.

— Правильно, — кивнула Бесси и добавила, обращаясь к Рыжику: — Сыпь отсюда... Сидония! Скорее завтракать! Мы едем в Харроу!

— Очень хорошо! Через два часа мы отыщем этих дьяволят... дорогих наших мальчиков. О, я так рада! — сказала Сидония Цетокоскаварская своей подруге Бесси Меканиквиллской.

Терри проснулся ровно настолько, чтобы почувствовать, что он проснулся, что ему очень грустно, что его одежда отсырела, а он совсем окоченел. Он нехотя открыл глаза и с удивлением обнаружил, что лежит, скорчившись, на грязном сене между двумя ящиками и смотрит на туманную вереницу товарных вагонов.

Ему не хватало его теплой постельки, аромата горячего какао, голоса матери. Он испытывал гнетущее чувство непоправимой беды и уже нисколько не радовался, что ему удалось удрать от фотокорреспондентов и агентов по рекламе и что он скоро станет разудалым пиратом.

Однако в жизни оставалось и нечто уютное: окончательно проснувшись и усевшись на своем ложе, он обнаружил, что это был нос Джозефуса, прижатый к его колену. Джозефус пробудился, лизнул ему руку и начал жалобно повизгивать.

— Бедный песик! Я сейчас чего-нибудь для тебя раздобуду, — заверил его Терри. Затем его сочувствие к Джозефусу возросло настолько, что распространилось и на Макса, который спал, свернувшись калачиком и подложив под щеку обе руки. К его грязным лохмотьям прилипли соломинки.

— Бедный малыш! — прошептал Терри, и вдруг в его душу закралось ужасное сомнение.

А что если им не понравится быть пиратами?

Тут он заметил, что Рыжик куда-то исчез, а за ошейник Джозефуса засунута записка, нацарапанная карандашом на грязном куске оберточной бумаги. Терри торопливо выдернул ее и прочел:

«Дорогие друзья ваше величество а также Терри.

Вам от меня толку не было мне это очень жалко и я вам только мешаю я сделал вид что мне наплевать что устроил мой дядя но от него всего можно ждать и лучше всего я вам помогу если уйду и я иду назад в отель и хочу вам так помочь что скажу что вы идете не туда куда вы идете и они собьются со следа и не будут знать что вы идете туда куда вы идете я вас благодарю что вы меня взяли с собой и прошу прощенья если я грубил когда вы станете пиратами может вы позовете меня к себе и наверное вы скоро станете капитанами. Больше писать нечего с уважением Рыжик.

Р. S. Я соврал про моего дядю что он был пиратом, солдатом и т. д.».

Когда разбуженный Макс прочел записку, он сказал дрожащим голосом:

— По-моему, мы без Рыжика не обойдемся. Мы же не знаем, как надо бродяжить, и вообще ничего. Может быть, вернемся домой? Давай возьмем такси.

— Ни за что! — отрезал доблестный Терри. — Домой? Чтобы тебя все время заставляли умыться, и не давали глазированных пирожных, и заставляли отвечать на вопросы репортеров и улыбаться, когда всякие мерзкие старухи глядят тебя по голове? Вернуться домой, когда мы можем стать пиратами и уплыть в синие моря?

Но в его голосе не было большой убежденности, а Макс отозвался уже без всякого энтузиазма:

— Ну, может быть.

— Пошли, Микси, пошли, Джозефибус! — крикнул Терри с вымученной бодростью. Да и той он тотчас лишился, потому что над ними раздался грубый голос:

— Эй вы, вылезьте! Нашли себе ночлежку! А ну, брысь отсюда!

Голос принадлежал дюжему сторожу в форме, и преступники самым бесславным образом бежали из пределов железнодорожного склада. Джозефус, поджав хвост, бежал за ними. Они увидели грязную чайную.

Терри потребовал кукурузных хлопьев, а Макс — овсянки, при виде которых они морщились всего сутки назад. Официантка предложила им яичницу, вареные яйца, копченую селедку и вяленую селедку.

Они вздохнули и заказали яичницу.

— А знаешь, — с загоревшимися глазами вдруг сказал Макс, — что, если мы рискнем выпить чаю? Я всегда хотел попробовать чай. А мама и профессор Михеловский ни разу мне не позволили. Как ты думаешь, закажем?

— Давай! Что бы там мамы ни говорили. Не может же пират делать только то, что ему говорит мама!

И они отважно причастились разгульной жизни, заказав чаю.

Может быть, завистливые иностранцы правы, утверждая, будто Британская империя опирается на четыре столпа — чай, пиво, коленкор и дипломатию. Однако жижица, которую подавали в этом бэрмендсийском притоне, вряд ли могла бы послужить опорой для какой бы то ни было империи. Она была горькой. Она была еле теплой.

Макс попробовал и замотал головой.

— Не понимаю, почему люди пьют чай, — сказал он. — И не понимаю, почему я должен учить латынь. И не понимаю, почему мама сердится, когда я говорю ей, что хочу быть фермером. Я... я... — тут голос его дрогнул. — Я рад, что мы будем пиратами! Они не пьют чая. Они пьют ром. А ром, наверное, вкусный!

После завтрака, почти не повеселев, они отправились в Бристоль.

Бристоль, по словам Рыжика, лежал на западе. Отлично, они пойдут на запад.

Официантка показала им, где запад, и они шли и шли мило за милей. Они упорно продолжали путь и останавливались только для того, чтобы помешать Джезефусу вмешаться в собачью драку, а чужим собакам — помириться; чтобы купить кулек больших и неудобоваримых леденцов; чтобы поглазеть на крикетное состязание на заднем дворе; и, наконец, чтобы подкрепить силы легким полдником, состоявшим из тянучек, сахарных булочек, какао, вареного языка, земляничного торта и коврижек.

Часам к двенадцати путь им преградили железнодорожные рельсы, и они остановились, высматривая переезд. Вдруг Терри вздрогнул и сказал жалобно:

— Смотри. Макс! Мы же тут ночевали. Значит, мы описали круг!

— Тыфу ты! — яростно выругался Макс-пират.

Они в отчаянии опустили на ящик, а Джозефус смущенно пристроился около их ног.

— Вот что, — сказал Терри после унылой паузы. — Давай возьмем такси и выедем из Лондона. А там пойдем по дороге на запад. Только поглядим, сколько у нас осталось денег. Клади сюда те два шиллинга, которые я тебе одолжил, и сосчитаем.

Они старательно разложили на ящике между собой все оставшиеся у них банкноты, серебро и медь и пересчитали их. Из пятидесяти фунтов Терри и пятнадцати пенсов, составлявших карманные деньги Макса, у них осталось сорок семь фунтов и пенни.

— Ну, на это мы можем много чего закупить, — возликовал Терри. — Мы можем купить собаку-даму, чтобы Джозефусу было с кем играть. А то ему одному скучно.

— А вдруг она ему не понравится?

— Это-то просто! Мы пойдем в магазин, и я скажу приказчику. «Вот что, — скажу я, — мне нужна собака-дама для моей собаки Джозефуса, — скажу я, — и пусть он прежде поглядит, какая собака-дама ему нравится», — и тогда Джозефус осмотрит все их клетки с собаками и...

— А знаешь, по-моему, это подлость — держать собак в клетках.

— По-моему, тоже. Я бы не хотел жить в клетке. Знаешь, я читал в книжке про одного человека, и его за революцию посадили в клетку... Ну да, это было в Китае...

— А знаешь, мне хочется поехать в Китай. Давай поедем в Китай!

— А как же! Пираты всегда ездят в Китай, то есть, наверное, ездят, и...

— А как ты думаешь, Терри, ведь нам, когда мы станем пиратами, не придется совершать убийства или еще какие-нибудь нехорошие вещи?

— Ну, теперешние пираты не такие. Это они в старину так делали, а теперь они просто останавливают корабли, которые принадлежат богатым купцам, и забирают шелк и другие такие же товары, а потом они делятся с бедняками...

— И правильно делают, сукины они дети! — произнес

голос позади них — визгливый и скользкий голос, и на их деньги легла грязная лапа.

Вскрикнув, они оглянулись и увидели засаленную кепку, а под ней — остренькую физиономию, бесчувственную, как орех. В тот же миг рука столкнула их с ящика направо и налево, нога в рваном башмаке ударила Джозефуса в челюсть. Едва он, зарывав, вскочил, грязная лапа сграбастала все их сбережения до последнего пенни, и вор пустился наутек.

Они кинулись за ним, Джозефус кинулся за ним, но грабитель исчез бесследно.

Мальчики снова притулились на ящике. В первые минуты они никак не могли освоиться с мыслью, что у них совсем не осталось денег — ни на обед, ни на кино.

— Но мы не покоримся! — гордо воскликнул Терри. — Мы заработаем денег на дорогу.

Однако это прозвучало не слишком убедительно, и Макс ничего не ответил. Они молча отправились дальше. Расспрашивая прохожих, они довольно верно придерживались направления на запад, а так как в полдень закусили весьма основательно, то и не проголодались до трех часов.

Но к трем часам у Терри начало сильно сосать под ложечкой, и ему показалось, что Макс как-то побледнел и осунулся.

— Знаешь, давай теперь заработаем себе на обед, — предложил он. — Попробуем в этой книжной лавке. У старушки там очень добрый вид.

И в пыльных глубинах лавки он доверчиво сообщил очень доброй старушке:

— Нам хочется есть. Не могли бы мы для вас поработать? — И заключил с покоряющей улыбкой: — У вас ведь тут грязно.

Очень добрая старушка ничего не ответила, а только устремила на них благодушный взгляд. Затем она швырнула в них растрепанной книгой в бумажной обложке и наконец открыла рот:

— А ну, убирайтесь вон!

Они просили работы в скобяной лавке, в аптеке, на рыбном рынке, в трех ресторанах, в маленьких кафе, но нигде ее не нашли. К вечеру в грозной полумгле, сгу-

стившейся над бесконечными незнакомыми улицами, которые вели в никуда, Терри наконец признал:

— Ничего не выйдет. Придется сдаться. Но мы упражняемся, как быть бродягами и пиратами, и всему научимся! И в следующий раз доведем дело до конца!

— Обязательно!

Они продолжали идти, пока не увидели полицейского — добродушного, веселого полицейского.

— Ну, и что вам угодно, господа? — усмехнувшись, спросил он.

— Извините, пожалуйста, я американский мальчик-кинозвезда, а это король Словарии. Нас ищут. Мы хотели бы сдаться.

Полицейский басисто захохотал.

— Ну, а где же Дуглас Фербенкс и русская царица? Поджидают вас за углом? — И добавил серьезным тоном. — Постыдились бы, ребяташки, сочинять небылицы! Начитаетесь газет и начинаете врать! Короля и американца изловили сегодня в Харроу. Так что катитесь отсюда!

И они покатались, еле волоча ноги, превратившиеся в горячую вату, совсем пав духом, испуганные сумраком в этом лесу глухих улочек, — они уже не сомневались, что так и будут идти, идти и идти, пока не умрут от голода.

— Может, попробуем вернуться в наш отель? — спросил Макс со вздохом.

— До него слишком далеко. И нас, наверное, не пропустят через их раззолоченный вестибюль-чистибюль.

— Пожалуй.

Они продолжали брести, а взволнованные газетные афишки вокруг по-прежнему извещали мир, что их величества все еще не найдены. И эти афишки подсказали Терри блестящую мысль.

— Знаешь что! Газеты ведь всегда гоняются за интересными новостями. И если мы придем в редакцию и скажем, кто мы такие, они, наверное, помогут нам добраться до дома. Особенно если мы пойдем в лондонское отделение какой-нибудь американской газеты. Уж что-что, а с американцами я разговаривать умею! И я знаю, что у нью-йоркского «Подвига» есть отделение на Флит-стрит.

— Вот что, Терри! Давай отыщем фонтанчик для питья и умоемся. И тогда, может быть, шофер какого-нибудь такси согласится подвезти нас и подождать платы.

Терри поглядел на него обиженно и недоуменно.

— Умыться? И испортить всю рекламу? Ведь они же наверняка будут нас снимать. Что это ты, Микси?

— А что такое реклама? — смиренно спросил Макс.

Обескураженный таким невежеством, слишком усталый, чтобы пускаться в объяснения столь метафизического понятия, Терри ограничился тем, что буркнул:

— Ну, ладно, пошли искать Флит-стрит.

По дороге мальчики раз десять присаживались отдохнуть. У какого-то фонтана они ополоснули стертые ноги. Но все же в девять часов вечера они поднялись по лестнице в редакцию лондонского отделения нью-йоркского «Подвига».

Приемная была загромождена газетами и рассылным, который рявкнул:

— А ну, убирайтесь отсюда!

Но Терри уже опять стал Терри Тейтом.

— Сам убирайся! Мне нужно видеть шефа! — потребовал он.

— Что тут еще? — донеслось с порога внутренней двери, где возник сонный молодой человек без пиджака. Судя по голосу, он был американцем.

— Я Терри Тейт. А это король Словарии.

Сонный молодой человек энергично пробудился. Он ухватил Терри за плечо, взгляделся в него, посмотрел на Макса и возопил:

— Верно! А в «Пикардии» вы уже были?

— Нет. Мы не можем туда пойти такими неумытыми. Мы пришли прямо сюда. Мы убежали в пираты, а в Бэрмендси какой-то человек украл у нас все наши деньги, и мы бродили по городу весь день, а потом пришли сюда, потому что мой папа всегда читает «Подвиг» и... и мы очень хотим есть.

— Погодите! Ради бога! — Молодой человек швырнул полуфунтовую бумажку ошалевшему рассыльному. — Живо! Купи какой-нибудь жратвы. Бобов! Мороженого! Шампанского! Чего хочешь, только побыстрее! А вы, ребята, валяйте сюда — то есть ваше величество и ты, Терри.

Он увлек их в свой кабинет, толкнул по направлению к ним два стула и принялся выкрикивать в телефон номер центрального трансатлантического телеграфа.

Три минуты спустя взъерошенный телеграфист уже швырял на стол заведующего отделом последних известий в нью-йоркской редакции «Подвига» следующее сообщение:

«Молния тейт король словарики явились лондонское отделение подвига сбежали пираты подробности следуют».

Шестнадцать минут спустя газетчики уже выбегали из типографии «Подвига», завывая: «Терри Тейт и король нашлись! Терри и король нашлись!»

А через полчаса после этого все подробности, включая интервью, «данное только нашему корреспонденту» Терри Тейтом и его королевским величеством королем Словарики, торопливо читали на различных языках потрясенные журналисты в Ратленде и в Роли, в Барселоне и в Будапеште, в Маниле и в Мадриде.

Тем временем два самых знаменитых в мире мальчика и почти самая знаменитая в истории собака уписывали ветчину, холодных цыплят и горячие лепешки с маслом, а совсем проснувшийся молодой человек звонил в отель «Пикардия» и просил соединить его с секретарем королевы Словарики.

В будуаре ее величества королевы Словарики можно было наблюдать картину, столь величественную, что она подошла бы даже для кино, и в то же время столь интимную, что она... что она подошла бы для кино.

На коленях ее величества сидел американский мальчуган, совсем недавно и весьма капитально отмытый, облаченный в пижаму и халатик, и безмятежно поглощал чрезвычайно негигиеничную и вкусную булочку с кремом. Возле этой мадонны с младенцем стоял, улыбаясь до ушей, второй маленький мальчик, также умытый до блеска, также в халатике, также наблюдающий рот сливочным кремом. Свободной рукой он гладил мохнатого пса — чистопородного маргетского водоплава, который от гипнотического блаженства даже высунул язык.

Напротив сидела улыбающаяся Бесси и курила. А вокруг усердно сновал, ничего не делая, юный англичанин по фамилии Бандок, которому через два-три года предстояло стать личным камердинером Макса — после того, как он пройдет надлежащую школу в доме ближайшей подруги Сидонии герцогини Твикенгемской.

А теперь о величественной официальнойности, которой был обрамлен этот уют. Отчасти ее создавала вышеупомянутая герцогиня, созерцавшая эту семейную сцену. Она была высокая и седая; на ней был рыжевато-черный наряд, а ее могучий мозг, несомненно, был занят следующей глубокой мыслью: «Вот что получается, если обходиться со всеми этими словарцами, американцами и прочими уроженцами колоний, даже самыми высокопоставленными, как с людьми своего круга!»

Второй величественный штрих вносил князь Себенко, премьер-министр Словарии.

Это был великан с черной бородой. Он протестовал:

— Государыня, я вполне понимаю, что принимать мадам Тейт и ее очаровательного сына для нас большая честь. Но ваши подданные, государыня! Их очень взволновало исчезновение его величества, и боюсь, не вызовет ли у них недовольства, если вы пригласите в нашу страну товарища его величества в этой идиот... в этом приключении. Как встревожен был я сам, вы можете заключить из того, что я решился воспользоваться аэропланом. И-и-и-и! Отвратительное изобретение! Мне было очень нехорошо!

В комнату, изгибаясь в поклонах, вошел тот самый помощник управляющего отелем, который подыскал для Бесси номер, и робко произнес:

— Вам каблограмма, мадам Тейт.

Бесси распечатала каблограмму. Она чуть-чуть улыбнулась и презрительно фыркнула.

— Себенко! — сказала Сидония.

— Государыня?

— Вы дурак.

— Я?

— Вот именно... Бесси, друг мой, вы с Терри поселитесь в Словарии. Его будут учить наставники моего сына. Вы примете словарское подданство. Со временем он станет генералом. Мы дадим ему титул. Прекрасно! Че-

рез две недели мы отбываем в Цетокоскавар. Ты играешь в пикет, Бесси? Я очень люблю пикет.

— Большое спасибо, Сидония,— зевнув, ответила Бесси.— И мы с Терри будем рады навестить вас как-нибудь попозже. А теперь нам надо поторапливаться в Калифорнию. Эта каблограмма от Эйба Гренвилла, нашего директора. Ну, не пора ли нам всем на боковую?

У себя в номере она показала Терри каблограмму:

«Поздравляю неслыханная реклама предлагаю контракт четыреста тысяч годовых возвращайтесь живей начинаем крутить августейшего сорванца восемнадцатого Эйб».

В голливудской студии кинокомпании «Юпитер-Трайомф-Тейт» шли съемки «Августейшего сорванца», которому предстояло стать первым в мире реалистическим и абсолютно достоверным фильмом, показывающим интимную жизнь царствующих особ.

Августейший сорванец Терри сидел на троне в глубине огромного зала, а перед ним, отдавая честь, выстроился гвардейский эскадрон.

Режиссер объяснял Терри содержание первого эпизода:

— Ты сидишь на троне в тронном зале, ясно? Премьер-министр стоит около тебя, ясно? Он комический персонаж, ясно? А это вот — гвардейцы в меховых шапках, и они отдают тебе честь. Тебе не нравится один из них, и ты говоришь: «Отрубить ему голову!»

— Ну да! Король не может приказать, чтобы человеку отрубили голову,— возразил Терри.

— Теренс Тейт, ну-ка заткнись и делай, что тебе сказано! — вмешалась Бесси.— Мы тут работаем, отдыха не знаем, чтобы дать тебе образование, и все как об стену горох!

— Будешь ты слушать? — прикрикнул режиссер на Терри, который грустно поглаживал широкую спину мопсика.— Оденешься в нормальную королевскую форму: красные штаны с буфами, меховая куртка, и тебе дадут шпагу.

И благородный труд по созданию величайшего реалистического фильма продолжался своим чередом, а в семи тысячах миль от Голливуда в дворцовом саду сидел

над латынью одинокий маленький мальчик и мечтал о том дне, когда им с Терри исполнится двадцать один год и они смогут избавиться от жуткой необходимости быть королями и знаменитостями.

В глубине павильона мистер Т. Бенескотен Тейт беседовал с почтительным статистом. На мистере Тейте были ярко-желтое пальто и ярко-розовый галстук, которые ему привезла из Лондона жена.

— Да-с, сэр! — разливался мистер Тейт. — Мы, конечно, не стали сообщать в газеты, как Терри на самом деле подружился со словарским королем. Ведь здесь-то у нас демократическая страна, Соединенные Штаты то есть, и гражданам может не понравиться, если они узнают, что такие их герои, как, скажем, Терри, запанибрата с разными там королями. А правда та, что никуда они с королем в лохмотьях не бегали. Правда та, что их познакомили в Лондоне по просьбе королевы Словарии: она смотрела все картины Терри, все до единой, и по десять раз! А потом ребятишек пригласил к себе в Сэндельгемский замок английский король Георг V. Вот, сэр, как оно было на самом-то деле.

А неподалеку в том же павильоне беседовали еще два статиста, и один из них втолковывал другому:

— Терри и король! Ты что, с луны свалился? Развесил уши, как дурак! Значит, ты так и поверил, будто мальчишка Тейт ходил у короля в приятелях? Эх ты! Вранье все это, чистойшей воды реклама! Уж я-то знаю! Уиггинс, пресс-агент, мне сам говорил. Только молчок — я ведь одному тебе, и чтоб дальше — никому! Терри и этот маленький король друг друга и в глаза не видели. А все снимки, где они вместе в лохмотьях, — сплошная подделка. Уиггинс ездил в Лондон и подыскал мальчишку, похожего на этого короля, да и снял его вместе с Терри.

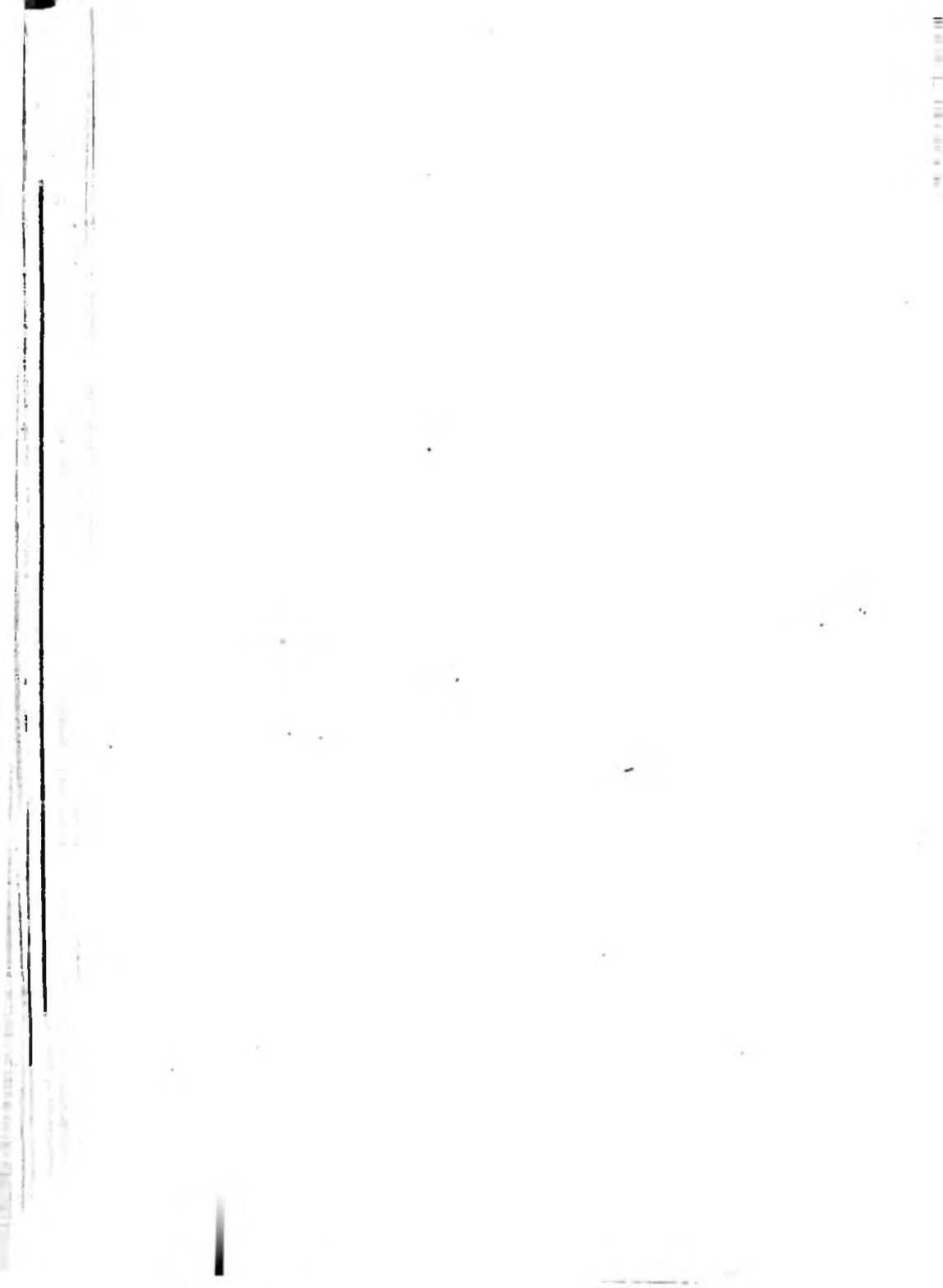
— Вот она, жизнь: думаешь одно, а выходит совсем другое, — сказал его собеседник.

— А как же! То-то и оно!

КАПКАН

*Посвящается
Фрeвиру Ханту*

ГЛАВА I

В зудящую шею колючими жалами впивалась потница; от тяжести ноши подламывались колени. Весь долгий путь волоком и после, мучительно выгребая веслом, Ральф с неотступной тревогой думал о Пороге Призраков, который ждет впереди, о человеке, который настигает их сзади.

Он был рад, когда это произошло, наконец, когда они приблизились к зловещей стремнине, и он увидел, как Лоренс Джекфиш, сидевший на носу лодки, вскочил на ноги, указывая веслом единственный надежный ход сквозь неистовство рваных потоков. Зажатая узловатыми скалами, река неслась ровной, упругой струей, и Ральфу почудилось, что, если тронуть горячими пальцами тугую гладь, вода окажется твердой и скользкой на ощупь, точно полированная бронза. Опасность подстерегала дальше, за горловиной, где взбаламученная, обезумевшая река бурлила десятками водоворотов среди полускрытых пеной валунов.

Лодка невероятными зигзагами металась по курсу, который указывал Лоренс. Скорчившись над веслом, чтобы круто повернуть нос суденышка вправо, Ральф краем глаза увидел прибрежные утесы и понял, что их со скоростью самолета несет в пучину.

А потом внезапно они очутились на тихой воде, пороги были позади, и Ральф всхлипнул от облегчения над поднятым веслом; молоденькая женщина оглянулась в изумлении, а индеец насмешливо фыркнул.

нул. Спасены. Благословенная минута... Но Ральф и сейчас помнил, он помнил все время, что за ними, быть может, гонится по пятам разгневанный мститель — беспощадный, грозный, стремительный...

В чудовищно благонадежной и респектабельной фирме нью-йоркских стряпчих «Бизли, Прескотт, Брон и Брон» не было, вероятно, человека, более благонадежного и респектабельного, чем Ральф Прескотт. Он вел дела так же хладнокровно и осмотрительно, как играл в шахматы. Вспылить, повздорить сгоряча было для него так же немыслимо, как ввязаться в уличную драку. Поэтому он был неприятно удивлен, обнаружив, что с некоторых пор стал раздражителен, брюзглив и склонен вступать в перебранки со своими клиентами, официантами в ресторанах и шоферами такси.

«Заработался, — думал он. — Надо разгрузить себя немного. Эти переговоры с гидроэлектрической компанией — слишком большое напряжение... Попробуем заняться гольфом». Однако выяснилось, что занятий гольфом и даже (небывалое легкомыслие!) вечера, проведенного в мюзик-холле, а не дома над бумагами, которыми был вечно набит его солидный портфель, недостаточно, чтобы унять расхолодившиеся нервы: из ночи в ночь его будили неведомые страхи, и он лежал без сна, цепенея от смутных и недобрых предчувствий.

Дожив до сорока лет, Ральф Прескотт был более чем когда-либо холост. Причина? Ни одна девушка, которую он знал, не могла сравниться с его матерью, человеком такого нравственного совершенства, душевной гармонии и поразительной чуткости, что ради ее милого общества он был готов пожертвовать любым сердечным увлечением. Но вот уже два года, как она умерла, и если прежде, выманив его в полночь из-за письменного стола, она поболтала бы с ним за стаканом молока и, рассмешив остроумной шуткой, отправила спать, — теперь, чтобы как-то заполнить пустоту одиночества, он с тяжелой головой засиживался за работой до часу, до двух ночи, а то и до рассвета.

Приветливый, серьезный человек был Ральф Прескотт: худощавый, в очках, чуточку наивный, пожа-

луй. В кругу немногих друзей — адвокатов, врачей, инженеров, биржевых маклеров, которых он знал еще со студенческих лет и каждый вечер встречал в Йельском клубе, к нему относились тепло и ровно.

Человек трезвого ума, строгий и неподкупный страж законности, он сохранил к Изящным Искусствам и Изящным Условностям то же благоговейное отношение, что и в студенческие годы, когда, слушая лекции профессора Фелпса по литературе, издавека, почтительно склонил голову перед Торо, Эмерсоном, Рескином, перед идеями гуманности и разума. Не пробивная сила, не умение стращать, нажимать и пускать пыль в глаза, свойственные более практическим его коллегам, снизили ему добрую славу в юридическом мире, но сосредоточенность и особый, предупредительно-дружелюбный тон в обращении с судьями и присяжными.

И вот как-то в мае, в начале двадцатых годов, Ральф Прескотт почувствовал, что с нервами у него дело обстоит из рук вон плохо.

Была суббота, и он снарядился на собственной машине за Белую Равнину, чтобы поразмяться на площадке для гольфа в загородном клубе «Букингемская Пустошь». Двухместный автомобиль, с аккуратненькими никелированными бамперами, сверкающими чистой зеркальными стеклами и строгими свеженакрахмаленными холщовыми чехлами на сиденьях, имел удручающе приличный вид, словно похоронное бюро.

Весна запаздывала, это был первый погожий субботний день, и все в Нью-Йорке, кто мог вывести на улицу хоть какой-нибудь мотор на колесах — будь то «фордик» образца 1910 года или «роллс-ройс» последнего выпуска, лимузин или сотрясаемый страстной дрожью мотоцикл, — в едином порыве устремились за город. Осторожно свернув на Пятую Авеню с Восточной Тридцать Седьмой, где находилась его скромная квартира, Ральф понял, что усталому человеку нечего и думать пробиться сквозь коварную, неподатливую массу транспорта. Только рискуя машиной, а заодно и собственной жизнью, он смог втиснуться в общий ряд. Милю за милей полз он в хвосте у выдавшего виды седана, в паническом страхе нажимая на тормоза всякий раз, как тот останавливался, пока, наконец, не возненавидел лысину,

сияющую над рулем впереди. А тут еще приходилось все время зорко следить за встречным потоком, подступающим чуть ли не вплотную к его левому крылу; приходилось помнить о той машине, что норовила врезаться в него сзади.

«И это называется субботний отдых! — сокрушался он. — Нет, бежать, вырваться отсюда во что бы то ни стало! Что это за жизнь! Уехать бы куда-нибудь, где хоть можно шаг ступить свободно, отдышаться...»

Один раз, когда его остановил на самом перекрестке полисмен-регулирующий, и другой раз, когда какой-то мальчишка выскочил на мостовую прямо ему под колеса, у него едва не остановилось сердце от ужаса, жуткого и пронзительного, как вопль сумасшедшего. Напряжение так и не отпускало его всю дорогу, он только с отчаянием ждал, когда кончится эта пытка.

Но вот уныло замельтешили мимо и остались позади бензоколонки, киоски-сосисочные, уродливые жилые дома, и Ральф въехал на территорию Букингемского загородного клуба. Простор, тишь. На извилистой, мощенной гравием дороге, обсаженной рододендронами, он остановил машину и навалился на баранку обмякшим телом.

«Надо заняться собой хорошенько, — размышлял он. — Состояние — никуда. И курю слишком много...»

Клубная раздевалка нагнала на него еще большую тоску, чем обычно.

Сырые цементные стены, щербатые цементные полы, запах пота, джина, застиранных купальных полотенец; немолодые полнеющие бодрячки в спортивном белье, взрывы преувеличенно молодцеватого смеха, хвастливые и не всегда удачные остроты по поводу выигранных партий... Это логово издавна вызывало в нем брезгливое чувство, а сегодня здесь было совсем невмоготу. Он облегченно вздохнул, когда его подхватило и втянуло в свою орбиту бронебойное оживление мистера Э. Вассона Вудбери.

Вудбери состоял председателем спортивного комитета, а также вице-президентом и коммерческим директором всемогущей чулочной компании «Век Ажура», чьи шелковистые изделия обтягивают ножки доброй половины молодых женщин в Америке начиная с работниц-

японок на сиэтлских консервных заводах и кончая нью-йоркскими хористками. Кругленький, плотный и самодовольный, мистер Вудбери напоминал большую и сочную куриную ножку из фрикасе, поданного к воскресному обеду, а его громкий внезапный смех резал ухо, как скрежет тормозов под ногою неопытного шофера.

У своего шкафчика, пятого от Ральфа, Вудбери облачался в клетчатые бриджи и носки-гольфы с узором из малиновых, канареечных и гороховых кружочков, кое-где перемежающихся для разнообразия премиленькими ромбовидными крапинками. Одеваясь, он кричал, словно Ральф находился по крайней мере за милю от него:

— Ну как, составим партию? Трое есть, четвертого не хватает! Всего трое — я, да судья Уизерс, да Том Эбенауэр — три игрока, зато какие! Один к одному! Команда — блеск! Давайте соглашайтесь, очень советую — глядишь, судья и поблажку даст, когда вас привлекут за торговлю виски.

Обычно Ральф избегал Вудбери. Он предпочитал партнеров более сдержанных, более искусных и честных. Но в сегодняшнем, пугающе-развинченном состоянии розовощекая, чванливая, лоснящаяся самоуверенность Вудбери приободрила его. Так новичок-первокурсник, не особенно восхищаясь познаниями капитана футбольной команды в области латинской грамматики, все же бывает страшно польщен его дружеским расположением к себе.

— Что ж... — сказал Ральф.

С таким, как этот Вудбери, наверно, не пропадешь. И потом должен ведь кто-нибудь вывести его из этой вязкой хандры...

Ральф Прескотт играл в гольф метко и на совесть и даже сегодня, не вполне еще совладав со своими нервами, оказался безусловно лучшим из четверки. Вудбери мазал и громогласно недоумевал:

— Ах ты, дьявольщина, как же это я?.. — очевидно, полагая, что этого достаточно, чтобы исправить дело.

Расхаживая по тихим лужайкам осененного вязами спортивного поля, Ральф вновь обрел покой и душевное равновесие и проникся некоторой симпатией к своим острякам-партнерам.

Впрочем, Вудбери не только острил. Он еще и жаловался.

— До чего не везет, а? Задумал съездить в Канаду — поудить рыбки вволю, походить на байдарках, забраться подалее к северу от конечной станции вдоль границы Манитоба-Саскачеван, по долине Мэнтрап-Ривер¹... Потрясающие места: цивилизацией не пахнет, начисто забываешь, что в мире существует всякая гнусность вроде конторских столов, звонков по телефону, балансов, которые не сходятся... Был там три года назад — правда, до самой Мэнтрап-Ривер не добрался, — но почти. Рыбы — уйма! Золотистая щука — в Канаде называется dogé, озерная форель, — по десять, по пятнадцать фунтов рыбина — во! Совсем было собрался туда этим летом с приятелем — он живет в Виннипеге, — и все уже на мази: купили байдарки, маршрут выбрали, наняли четверку проводников-индейцев — отличные ребята. И тут Лу, мой приятель, взял да заболел. Удружил, понимаешь. Слушайте, Прескотт, а не поехать вам вместо него? Подумайте. Тем более, какие у вас, адвокатов, особо важные дела? Отступились бы ненадолго от бедняг клиентов, дали бы им возможность пока поднакопить деньжат — все равно осенью отберете!

— Пожалуй, недурно бы съездить отдохнуть, — пробормотал Ральф, которого сейчас больше занимали не Бескрайние и Дикие Просторы, а вопрос о том, куда ляжет его мяч.

— Недурно? Да вы вду-умайтесь! Таскать из воды пятнадцатифунтовых форелей! Сидеть у костра, слушать, как старожилы плетут бывальщину о жизни первых поселенцев! Спать в палатке и не слышать вокруг автомобильных гудков! И при этом у меня все так организовано, что никаких усилий. Нет, серьезно, Прескотт, глядите: когда идем волоком, все несут индейцы, харч готовят тоже они, рыбу чистят, ставят палатки. Где не пройти на подвесных моторах, гребут опять же они, а не мы.

— Моторы? На байдарках? — вскинулся Ральф. Это звучало кощунственно. — В Северной Канаде?!

¹ Английское слово «мантрап» означает «капкан».

Вудбери замахал на него клюшкой в припадке истерического смеха.

— Э-эх, интеллигентик несчастный! Дикий человек из дебрей Манхэттена! Да в Канаде у каждого вождя из племени кри... воображаете, поди, что они одеваются в оленьи шкуры и ходят на челнах из березовой коры? А там что ни вождишка — то собственный подвесной мотор, парусиновая байдарочка, все как у белого человека... Черт, ну и народец — просто зло берет. Про Лондон он тебе все знает, про Париж, про Ривьеру... Да-да! Чтб́ я, не слышал, как вы там изливались перед Эдди Лероем! А вот про эту самую Северную Америку котенку известно больше вашего. Дремучее невежество! Так что давайте-ка, собирайтесь! По крайней мере раз в жизни увидите настоящих людей!

Ральф был задет, но вместе с тем и пристыжен. Вудбери сказал правду. Он ничего, решительно ничего не знает о трапперах и старателях, что и поныне сторожат далекую окраину. Он никогда не спал на голой земле. Он изнежен. Он мягкотел и робок — отдыхать, так с комфортом, с прохладцей: Бретань, Девоншир, Баварский Оберланд! И как его все-таки раздражает покровительственный тон этого Вудбери, который, точно лектор на радио, вещает о шести способах передвижения на больших грузовых байдарках, которыми пользуются в длительных походах по северным местам: гребки, шест, мотор, бечева, парус и при большой волне даже весла.

К эlegantным байдаркам с красными сиденьями и вычурными именами, которые видишь на летних курортах, мистер Вудбери явно относился с презрением. А поскольку Ральфу только с такими и приходилось иметь дело, и поскольку с одной из них у него были связаны нежные воспоминания двадцатилетней давности: озеро, девушка, ради которой он как-то раз в те золотые дни отмахал на веслах целую милю, — то он заключил, что Вудбери просто грубый мужлан... Упаси боже проводить бок о бок с подобным субъектом дни и ночи в нелегком походе по безлюдным дебрям!

Но когда они кончили игру и побрели к клубу пропустить по рюмочке джина с лимонадом (судья Уизерс всю неделю так трудился, приговаривая людей к нака-

занию за торговлю джином, что теперь просто изнывал от жажды), Вудбери обхватил Ральфа за плечи и с подкупающей мальчишеской непосредственностью, прорывавшейся у него по временам, воскликнул:

— Ладно, Прескотт, ты не обижайся, что я тебя поддел! Не привык к глухим местам — ничего, научишься. Ты парень с выдержкой и сообразительный. Так что, если тебя устроит, буду душевно рад. Представляешь: двинем к Гудзонову заливу, а там с августа месяца северное сияние полыхает во все небо!

Нельзя сказать, чтобы Ральф отнесся к этому предложению серьезно, и все же на обратном пути он правил по забитой транспортом дороге играючи, поглощенный картинами Севера — картинами, навеянными ему рассказами, которые он глотал в постели поздней ночью, когда издерганные нервы обрекали его на бессоницу...

Долгий путь. Едва заметная тропа меж исполинскими елями. Сверху сквозь ветви сочится золотисто-зеленый свет. Серебро березовых рощ, отраженное в черных, как смоль, озерах. Ночь темней воронова крыла, и звезды, особенно яркие в неоглядном безмолвии. Суровые, молчаливые индейцы, высокие и горбоносые, вышагивают десятки миль по следу раненого лося. Бревенчатая хижина, и на пороге — обворожительная принцесса-индианка. Траппер со связкой роскошных мехов: горностаи, красная лисица, бобер...

В таких-то мечтах, повеселев после вкусного обеда в японском ресторанчике на Кроутон-Ривер, Ральф подкатил к огромному, гудящему, как улей, гаражу, где с царственным комфортом расположились автомобили видных адвокатов, миллионеров-бутлеггеров и даже киноактрис. Оставив здесь машину, он, посвистывая, зашагал к внушительному старому особняку из песчаника, переоборудованному под многоквартирный дом; посвистывая, отворил свою экстравагантную, черную с оранжевым, дверь — и окаменел, задохнувшись от ужаса, от бешеных ударов сердца...

Прямо перед ним, в упор наставив на него револьвер, стоял чужой...

В следующий миг Ральф разглядел, что налетчик не кто иной, как он сам в неясной глубине зеркальной

двери ванной, а в вытянутой руке поблескивает не револьвер, а его собственный старомодный ключ от парадной двери. Тяжело отдуваясь после внезапного испуга, Ральф кое-как добрал до богато отделанной, полной книг гостиной и бессильно опустился в красное кожаное кресло.

«Ф-фу ты... Надо что-то предпринимать, иначе недолго и свихнуться! Поеду с Вудбери в Канаду. В конце концов, как он там ни шумит, как ни пыжится, чтобы показать свою удаль, он все-таки очень порядочный малый. Еду — и баста!»

Ни разу за всю свою рассудочную, строго расписанную по минутам жизнь он еще не был исполнен столь отчаянной решимости.

Испуганным голосом назвал он телефонистке номер Вудбери на Вест-Энд авеню, испуганно заговорил, когда хозяин дома взял трубку; все тем же испуганным голосом подзывает такси и прощался с привратницей, и привратница многозначительно ухмыльнулась вслед благонаправному мистеру Прескотту, который на ночь глядя отправляется невзвесть куда.

— Какой разговор! Само собой — приезжай безо всяких! — гаркнул ему в трубку Вудбери. — Поздно? Ерунда! Сию минуту скажу жене, чтоб наш япощка сунул в ледник пивца, да настоящего, с градусом!

Согретый ласковым словом генерал-квартирмейстера экспедиции, Ральф трясся в такси.

— ...все побоку, — бормотал он. — Все эти судейские кляузы и каверзы, концерты, чопорные английские еженедельники, чинные партии в бридж... Поживу среди настоящих людей, отведаю здоровой пищи, посплю на Матушке-Земле. Симпатяга этот Вудбери, широкая душа!

Когда Ральф прибыл, Вудбери, который поджидал его в холле, трижды потряс ему руку, трижды хлопнул по плечу и повел к себе по лестнице из черного ореха, украшенной вычурной резьбой. Его богатый и душноватый кабинет изобиловал чучелами уток, обкуренными трубками в витринке с выжженной по дереву надписью, восславляющей доблести Колгетского университета, и оригиналами тех самых реклам, изображающих девиц с обтянутыми глянцевитым шел-

хом ножками, которые принесли исстрадавшемуся миру благую весть о том, что наступил Век Ажура.

Была извлечена на свет миссис Вудбери, миловидная особа лет тридцати.

— Ах, мистер Прескотт,— зашебетала она.— Поможу, просто чудесно, если бы вам удалось поехать с Вэсоном. У-у, медведище! Изображает из себя заправского туриста, для которого лес — что родной дом, а сам беспомощен, как малое дитя. Я так надеюсь, что вы сумеете выбраться: хоть будет кому приглядывать за ним. Вы вот говорите, что не приспособлены к походной жизни, но у вас такой спортивный вид — честное слово: легкоатлет, да и только.

— Что ж, это ты верно,— согласился ее супруг и ловелитель.— Не такой уж я герой, каким себя выставлю. Но вообще-то, не скажи, душа моя: я умею обходиться копченой грудинкой и пресными лепешками гораздо лучше, чем ты думаешь. Ну, а ему для первой вылазки в Большие Леса как раз подойдет не слишком матерый волк, который не заставит трубить без привала по восемнадцати часам в сутки.

Эта скромная оценка достижений хозяина дома в роли Отважного Землепроходца сильнее самого красноречивого бахвальства убедила Ральфа в том, что они славно проведут время в походе. А тут еще Вудбери, совсем как мальчишка — несколько обрюзгший мальчишка, правда, но очень веселый,— принялся вытаскивать из чуланов и сундуков все свои любимые игрушки, и Ральфа покорили... нет, не прелести крытой лаком блесны (у рыбки был до того тоскливо-неживой вид, что никакого рыболовного азарта она в его душе не разбудила) и не остроумная конструкция катушки спиннинга на агатовых камнях — его пленила пара стоптанных, ссохшихся шнурованных ботинок.

— Чем не пижонские туфельки? — захлебывался Вудбери.— В самый раз на танцы! Ты взгляни, как набиты гвоздики,— будто солью тряхнули из солонки. Сделаны по специальному заказу. А подметка! Мягонькая, как у мокасинов. Эти самые ботинки — где они только со мной не побывали: в Мэне, в Мичигане, в Канаде... Сколько окуней я в них переловил — и каких

здоровенных! Сколько гор излазил!.. Ну, а теперь я тебе покажу такую штуку — пальчики оближешь!

И он жестом фокусника развернул перед Ральфом карту на холщовой подкладке, озаглавленную «Мэнтрап-Ривер и ее окрестности». Вот Виннипег в нижнем правом углу, вот Фламбо-Ривер, а выше — озеро Уоррик и Мэнтрап-Ривер, фактория Мэнтрап, Озеро Грез, Река Туманной Скво, Порог Призраков, река Потерянная, река Плакучая, озеро Полуночное...

Что такое Виннипег, Ральф еще более или менее знал, хоть никогда не бывал западнее Чикаго. Слышал он и про Фламбо-Ривер, и воображение рисовало ему хмурый поток, который катит свои желтые воды тысячу миль по густой сосновой тайге сквозь чащобу ивняка, по безлюдным болотам, таким унылым в час заката. Однако о большинстве мест, обозначенных на карте — как на манитобской стороне, так и в Саскачеване, — он имел не больше представления, чем о центральных областях Тибета, и их названия ласкали ему слух: Порог Военных Барабанов, Певучая Быстрина, озеро Нипигосис, Ручей Болотных Курочек, Озеро Птицы-Громомет, Сосновый мыс. А селения! Белопенное, Киттико, фактория Мэнтрап... Что это за прелесть, должно быть: меднокожие индейцы, индианки с малышами на спине, бревенчатые хижины, посты «Компании Гудзонова Залива», колоритные фигуры трапперов в клетчатых красно-черных рубашках.

Еще не успев пробежать по карте взглядом, обыкновенно столь скептическим и трезвым, он уже знал, что вырвется из своей чистенькой, налаженной, привычной жизни и окунется в таинственный мир приключений. Еще не допив бутылку пива (которую ввиду загадочного и, разумеется, временного отсутствия в доме таких предметов, как открывалка или консервный нож, Вудбери с шиком откупорил о ручку кухонного шкафа), Ральф очертя голову сделал заявление, безрассудно-опрометчивое для человека его склада:

— Пожалуй, действительно стоит подумать, нельзя ли попробовать устроить так, чтобы мне удалось выбрать-ся тоже. Страшно признателен вам с миссис Вудбери за радушный прием в такой непристойно поздний час...

Глубокой ночью шагал он к себе на Тридцать Седьмую — пешком до самого дома, — шагал и чувствовал себя жилистым, рослым, независимым. Надменно цокали по мостовой каблуки его черных ботинок под безукоризненными гетрами, а ему чудилось, будто они ступают по пружинистой и мшистой тропе далекого Севера.

ГЛАВА II

Среди витрин Пятой Авеню, в царстве изумрудных браслетов, серебряных миксеров для коктейлей и туалетов, прямехонько с Faubourg St. Нопог¹, горделиво красуется выставка спортивных товаров знаменитой фирмы «Фултон и Хатчинсон».

Витрина изображает туристский бивак. Как ярко зеленеет здесь ситцевая мурава, как натурально струятся стеклянные воды, как мил сердцу каждого Дэниела Буна, истомившемуся в городской неволе, этот набитый опилками черный дрозд, что беззвучно распевает на безжизненной камышинке! И до чего необходимы в суровых походных условиях такой вот портативный радиоприемник, надувная подушка (она же спасательный пояс) и керосиновая плита о четырех горелках!

Оторвав благоговейный взор от этой правдивой картинки, Ральф Прескотт переступил порог магазина и был направлен на седьмой этаж, в отдел спортивной одежды.

— Мне бы дорожный костюм, — застенчиво молвил он подлетевшему к нему приказчику. — Что-нибудь практичное и простое. Собираюсь на север Канады, порыбачить...

— Сию минуту, сэр, — расцвел продавец. — Вам подходящий комплект? Могу предложить вот эти диагональные бриджи и к ним шнурованные сапоги, фланелевую рубашку и непромокаемую брезентовую куртку с карманами для дичи. Даром отдаем, можно сказать; бриджи, к примеру, всего за шестьдесят восемь долларов, а им износу нет.

¹ Фобур Сент-Онора — улица в Париже.

Ральф поморщился, покряхтел — и капитулировал. Он выбрал две рубашки: одну — в черно-малиновую шапечку, другую — в зеленую с желтым клетку, присовокупил к этому ухарскую двухгаллоновую тегаскую шляпу с прекрасной кожаной лентой и в полном блеске походной амуниции уставился на себя в трехстворчатое зеркало.

Для Ральфа, как и для большинства мужчин, примерка платья была обычно пыткой, не говоря уже о том, что рядом с очередной обновкой весь прежний гардероб сразу начинал выглядеть несвежим и потрепанным. Зато в туристские доспехи рядиться было весело, как в маскарадный костюм. И, смотри, пожалуйста, какая у него бравая, складная фигура! Он воинственно расправил плечи, он молодецкато подбоченился. Потом он снял пенсне. Пенсне не вяжется с таким энергичным, мужественным обликом... В эту минуту Ральф был вполне уверен, что ему ничего не стоит одолеть пороги, пронести на спине трехсотфунтовый тюк, осалить самого норовистого индейца.

... «А очки закажу большие, круглые, как у Вэса Вудбери,— решил он.— У тех хоть не такой кабинетный вид...»

Продавец, большой дока по части спорта, обязанный своим знакомством с обстановкой опасных экспедиций не только заведению мистера Фултона и мистера Хатчинсона, но и трехнедельному пребыванию в лагерях ХАМЛа на озере Шатоква, всучил Ральфу дюжины больших красных носовых платков, клеенчатый костюм — куртку, штаны и шляпу, рукавицы с дырочками для вентиляции, дорожные шлепанцы, шерстяные носки, специально изготавливаемые одной специальной фирмой для узкоспециальной цели, о которой продавец имел несколько расплывчатое представление, высокие ботинки на шнурках, полуботинки, тоже на шнурках, и парусиновые туфли на резиновой подошве в дюйм толщиной.

К этому времени Ральф припомнил иступленные заклинания Вэса Вудбери: «Только главное — Христа ради, не набирай лишнего!»

Он спасся бегством с седьмого этажа лишь после того, как, уступив пламенным настояниям приказчика,

стал обладателем великана-рюкзака: еще не родился индеец, который смог бы тащить на себе этого гиганта, если набить его до отказа. То был дивный рюкзак, очень мудреной конструкции: внутренние карманы и наружные, и еще карманчики на верхнем клапане и на каждом язычок, ремешок и прехорошенький замочек. И крючки тут имелись, и колечки, и ремни. Правда, верхний клапан был такого хитроумного устройства, что, как ни бейся, не застегнуть, и содержимое замечательного рюкзака обильно кропили дожди; но этот единственный дефект Ральф обнаружил уже в байдарке на озере Уоррик.

Прочим снаряжением он обзавелся на первом этаже.

Палатки, одеяла, лодки и тому подобное взял на себя приятель Вудбери — тот самый, из Виннипега; все это должно было дожидаться путешественников на конечной станции, в Белопенном, а потому Ральф ограничился тем, что приобрел всего раза в два или три больше вещей, чем требовалось.

Спортивные авторитеты ухитрились навязать ему ворох безделок, которым суждено было стать для проводников-индейцев источником безмерного восторга: шарикоподшипниковый компас, жидкость «Антикомарин» — признательные комары расценивали ее как нектар, — неприкосновенный запас продовольствия в виде на редкость калорийных и совершенно несъедобных лепешечек-концентратов, а также инструмент, который мог служить ножом, пилкой для ногтей, сверлом, штопором, плоскогубцами и отверткой. Правда, среди этих игрушек нашлись и такие, которые в известной мерегодились в пути: превосходный электрический фонарик, дробовик двадцатого калибра и очень незначительная часть спиннингов, удочек, наживок, рыболовных крючков и сетей, решительно необходимых, по утверждению специалиста из отдела рыболовных принадлежностей.

И все же для новичка в искусстве экипировки Ральф выказал поистине редкостный стоицизм, если учесть, с каким мучительным вождением он пожирал глазами палатки, снабженные патефонами, складными ледниками и фотографиями Рузвельта; чудные маскировочные костюмы для охоты на болотную птицу, сшитые из травы,

словно юбочки танцовщиц с Гавайских островов, и восковых счастливиц, которые с видимым комфортом, совсем как живые, подремывали в спальнях мешках на гагачьем пуху.

Но вот процедура закончена. Ральф обменялся рукопожатиями с шестью продавцами и швейцаром и торжественно отбыл. Все покупки он забрал с собою в такси. Дождаться, пока такую прелесть доставят из магазина, было выше сил, а так — вот они, рядышком: на сиденье, в ногах — угловатые, аппетитные свертки!

Прибыв домой, он снова облачился в свои доспехи и предстал перед той самой зеркальной дверью, которая недавно так его напугала. Грандиозное зрелище! Широкополая шляпа, брезентовая куртка с объемистыми карманами для еще не подстреленной дичи, рубашка в красно-черную шашечку, диагональные бриджи, сапоги и сногсшибательные, зверски шикарные окуляры, которые он по пути домой прихватил в магазине «Оптика».

— Ха! А видик-то ничего! Вид — что надо! Совсем, как...

Внезапно, необъяснимо чары разлетелись вдребезги, и он уже был не бесстрашный герой из детской игры, свободный, быстрый, могучий, а просто усталый интеллигент не первой молодости.

— ...совсем, черт возьми, как у Ральфа Прескотта в карнавальном костюме не по росту. Как у охотника из любительского спектакля. Вырядился! Приказчики у Фултона и Хатчинсона, небось, животы надорвали, вспоминая меня.

С заоблачных высот самозабвенной радости он камнем упал в пучину самоуничжительных сомнений. Подавленный, вновь охваченный нерешительностью, он прямо, как был, в полном походном снаряжении, еще не тронутым ни единой каплей грязи, крови или дождя, опустился в пошлейшее кресло, обтянутое красной кожей.

Но — полно! Что ему унывать? У него ведь теперь есть друг!

Всю жизнь у него были только знакомые: сдержанные, вежливые; умные и приятные собеседники, способные на вполне лояльные отношения «от сих и до

сих», за которыми стоял страх жизни, мучительный страх истинной дружбы, горячей, преданной, готовой на жертвы. И что же? Тот самый Э. Вэссон Вудбери, который всегда был в его глазах трескучим и недалеким фанфароном, достойным разве что насмешки, стал его первым истинным другом.

«Чудесно съездим, и думать нечего. Вэс — настоящий мужчина. С таким хочешь не хочешь, а страхнешь с себя эту чертову осмотрительность».

Немного повеселев, хоть и без прежнего воодушевления, он начал собираться в дорогу. Но теперь он уже вспомнил и о том, что в путешествии им могут встретиться опасности, и, старательно укладывая свои сокровища в бездонный рюкзак, думал о лодках, которые разлетаются в щепки на порогах, о непроходимых местах, где так рискованно сломать ногу, о медведях, что рыщут вокруг одиноких палаток, о городских хлюпиках, заблудившихся в дремучих лесах.

ГЛАВА III

Ральф проснулся и отдернул шторку: поезд, пытаясь мчаться по Манитобской прерии.

Ральфу доводилось видеть необозримые громады Альп, крохотные пароходики, затерянные в нескончаемых просторах океана, но никогда еще он так остро не ощущал бескрайность вселенной, как сейчас, скользя по этой плоской равнине, однообразие которой нарушали только изредка мелькавшие вдалеке домики фермеров, обсаженные чахлыми тополями. Мужественный и молодой край... Умиротворенный, полный волнующих предчувствий, Ральф покачивался на своей полке, желая, чтобы так продолжалось вечно.

Осмотрели славный городок Виннипег, переночевали на узловой станции Медвежья Лапа, а потом весь день тряслись в товаро-пассажирском по болотам, сквозь сосновые леса до конечной станции Белопенное, что стоит на берегу Фламбо-Ривер.

Коричневый товарный состав, длинный и скрипящий, замыкали два вагона: выдавший виды пассажирский и служебный. До сих пор в представлении Раль-

фа поезд был вереницей стальных пульманов, стремительных и равнодушных ко всему, что попадет на пути. Ему бы и в голову не пришло, что можно очень мило поболтать в дороге с тормозным кондуктором. А вот сейчас, развалившись на деревянном стуле служебного помещения, он прислушивается к неумолчному и протяжному говорку старого кондуктора с кустиками пуха в ушах, который с важным видом разглагольствует о погоде, о членах правительства и коммивояжерах, а также о том, почему это жены, как многие говорят, бывают так капризны.

Перебраться из битком набитого пассажирского вагона в служебный, эту святая святых поездной бригады, им удалось только благодаря Вудбери. Вудбери был из тех, кто умеет добыть контрамарки на премьеру, шины со скидкой, столик в ресторане накануне праздника. Не прошло и пяти минут с отхода поезда, как он уж знал, что у проводника внучек учится в коммерческой школе, дал совет тормозному кондуктору, как вылечиться от несварения желудка, и переселился вместе с Ральфом в служебный вагон.

Изнутри этот хвостовой красный вагончик смахивал на контору при лесоразработках: конторка, откидной столик у стены и стулья, жесткие даже на вид. Здесь собралась сливки поезда: проводник, комми бакалейно-гастрономической фирмы, знающий всю подноготную каждого местного жителя от Медвежьей Лапы до Киттико, и взаправдашний, словно сошедший с киноэкрана, сержант Королевской Конной полиции в облегающем алом мундире, широкополой шляпе и штанах галифе неслыханно эlegantного покроя.

Лениво погромыхивали колеса, в открытую заднюю дверь — рукой подать — была видна земля, и Ральф чувствовал, как в него входит ее медлительная сила. Город с его лихорадочной сумятицей остался далеко позади. Да, он — здешний, он — плоть от плоти этих бурых болот, уходящих к далекому горизонту, где трагически чернеют остовы деревьев, спаленных лесным пожаром. И как тут хорошо и просто: ничто тебя не стесняет, не дают эти вылизанные душные кабинеты, эти тонные квартиры. Ты полон сил, ты невозмутим и немногословен, ты...

Ты разом возвращаешься к действительности, потому что в твои мечты ворвались слова полисмена, от которых тебе делается в высшей степени неуютно.

— Жуть история! — волновался полисмен. — Тело так и не нашли. На куски, надо думать, разнесло об скалы. От лодки-то еще прибило кое-что, и гребок один уцелел. И что его угораздило сунуться в Певучую Быстрину, непонятно. Такой опытный водник, вроде бы...

— П-про какую это он быстрину? — запинаясь, обратился Ральф к Вудбери.

— Певучую, на Мэнтрап-Ривер. Сержант тут рассказывал, как один метис — и гребец-то, главное, классный, — как он на этой самой быстрине отдал концы.

И тогда Ральф понял, что он трус.

Он понял, что боится — до смерти боится и быстрин и вообще всех неведомых опасностей, которые подстерегают путника. И он попытался прикрыть свой страх напускной беспечностью:

— Да ну? Х-мм. Что ж, если так, надеюсь, нам через нее не надо будет проходить, а, Вэс?

— Нам-то нет. Мы ее обойдем. Нам же вверх по реке.

— Ясно. Ну, а если б, это самое... Ты вообще как смотришь на эти вещи? Рискнул бы, если б, допустим, такая штукавина нам все-таки подвернулась? И потом, каким способом будем обходить? Бечевой потянем или как?

— Волоком скорей всего. Да успеем еще об этом! Дойдем до места, тогда будем беспокоиться... Ну, сержант, а в смысле самогончика у вас тут как сейчас? — с шумливым благодушием осведомился Вудбери. — Водится, а?

«Успеем...» Ральф содрогнулся. Нет, для него время беспокоиться началось с этой самой минуты.

«Неужели так и буду дрожать всю дорогу?» — терзался он. Радость его померкла, а когда он послушал разговоры своих попутчиков, — испарилась почти без следа. Они судачили о волках и о лесных пожарах, об озерах в десять миль шириной и о парусных лодках, которые перевернулись на этих озерах или напоролись в шторм на корягу и пошли ко дну.

А бок о бок с тоскливыми опасениями нарастало чувство скуки.

Четвертый день он не расставался с Э. Вэссоном Вудбери, и ему начинали слегка надоедать и этот лающий гогот, и эта громогласно покровительственная манера, и анекдот об обезьяньих железах, который он выслушал уже семь раз.

«Все-таки это к лучшему, что мы будем в разных лодках,— вздыхал про себя Ральф.— Вэс — душа-человек, только его в детстве не научили вести себя потише. М-да... Вот, допустим, проходим мы через порог... И, допустим, байдарка наскочила на камень, и надо спастись вплавь... А ну как течение трахнет тебя прямо головой о камни?..»

Так, изнывая от страха, что ему будет страшно (а из всех видов страха этот — самый унижительный и презренный), Ральф томился час за часом, и только чувство раздражения при взрывах мужественного смеха Вудбери ненадолго выводило его из столбняка. А поезд все тащился меж закоптелыми сосенками, то и дело застревая у какого-нибудь одинокого элеватора, и время проваливалось в пустоту, пока бесконечно менялись и пере-страивались товарные вагоны.

С облегчением увидел он, что их состав как бы нехотя подползает к Белопенному — городишке на Фламбо-Ривер, конечной станции железной дороги, последнему рубежу так называемой цивилизации,— и с удвоенным облегчением воочию увидел в первый раз речной порог. Увидел — и дело с концом!

Как раздувшийся боа-констриктор, змеится Фламбо-Ривер меж косматых лесов. На краю городка, возле самого полотна железной дороги, ее рассекает порог Белая Пена. Точно из горлышка бутылки в миллион галлонов масса воды гладкой струей устремляется в проток между двумя бастионами из черного гранита, а внизу, среди осклизлых валунов, дробится в хаос молочной пены. Никакой лодке не уцелеть в этом адском котле, где истерзанная вода вскипает шапками радужной пены и бессильно опадает, свиваясь в снеговые спирали водоворотов.

И все же у Ральфа отлегло от сердца.

Подобно большинству неразговорчивых людей с чрезмерно развитой фантазией, он страшился преимущественно того, чего не видел собственными глазами. Пороги рисовались ему окутанными покровом зловещей тьмы, а

этот пережат, бурлящий в неярких лучах северного солнца, как ни буен, нечто осязаемое, а потому одолимое. Перебраться вплавь? Пожалуйста! То есть, вернее, пожалуй... если не будет выбора.

С новым приливом жажды приключений и соответственно приязни к Э. Вэссону Вудбери Ральф сошел с поезда, и новые сапоги его самым трогательным и утешительным образом загромыхали по дощатому перрону. Здравствуй, первый город лесной окраины!

ГЛАВА IV

В свое время Белопенное было городком при лесопильне с полуторатысячным населением. Однако стараниями не в меру ретивой лесопромышленной фирмы весь лес — не считая того, что спалили по халатности, — был дочиста сведен, а от поселка осталась горсточка лачуг-развалюх на ошетилившемся пнями болотце, и в них не более сотни жителей.

Главное украшение Белопенного — длинная железная труба лесопильного завода, увенчанная искроуловителем — колпаком из проволочной сетки. Только труба уже совсем покосилась и при первом же буряне, того и гляди, рухнет. Немного поодаль, среди крытых толем хибар, спесиво возвышается местная достопримечательность номер два: «Бангер-хауз; Комнаты с Пансионом».

Заведение мистера Берта Бангера насчитывает целых три этажа. Его никогда не красили, и грязно-серый дощатый фасад оживляет лишь свежая желтизна заплаток, которые хозяин вынужден был сделать, чтобы не заливал дождь. Окна большей частью разбиты. В былые времена лесопромышленные короли — или на худой конец джоряне — снимали здесь двухкомнатные номера (спальня и комната для игры в покер; ванны не имеется), а столовый зал содрогался от стука деревянных подметок лесорубов. Ныне же мистер Бангер должен считать, что ему повезло, когда в номерах заводятся хоть один постоялец и хотя бы шесть человек пируют за столом, уставленным свиной и бобами.

Однако мистер Бангер и в бедности не может забыть, что некогда был славен и богат. Необходимость обслу-

живать клиентов ранит его самолюбие. Обязанность принимать каких-то чужаков мешает ему сосредоточиться на пасьянсе и оскорбляет его вельможное достоинство.

Ральфу и Вудбери предстояло заночевать в номерах, а утром на речном пароходе «Эмили К. Джаст» отправиться вверх по Фламбо-Ривер в Киттико и там наконец погрузиться на байдарки. Смиренно вступили они в контору «Бангер-хауза», и вслед за ними — не менее уважительно — сержант Конной полиции. Личный состав Королевской Конной не отличается особой застенчивостью, — но в Белопенном ни у кого, кроме мистера Берта Бангера, не найдешь ни стола, ни кроватки.

Контора «Бангер-хауза» сильно смахивала на свинарник. Хотя, с другой стороны, она была похожа и на чердак, заваленный мебелью семидесятых годов. Это было довольно просторное помещение. У одной стены громоздились хромоногие стулья и кривобокие столы, а рядом бесстыдно зияла белизной фарфоровая ванна. Вероятно, кто-то собирался установить ее в каком-нибудь номере на верхнем этаже и рано или поздно подвести к ней водопроводные трубы — и столь же вероятно, что теперь уж никто и никогда не будет ничего к ней подводить. (Не следует думать, что это была единственная ванна на всю гостиницу. Имелась еще одна — в номере, ключ от которого мистер Бангер давно потерял. Но то была всего-навсего жестяная лохань, покрытая облупленной краской снаружи и чешуйчатым наростом грязи изнутри, и восседать в ней человеку дородной комплекции и созерцательного склада ума было бы на редкость неудобно.)

Убранство конторы мило дополняли бильярд, обтянутый порванным зеленым сукном, круглый сосновый стол, на котором покоился номер монреальской «Стар» полуторамесячной давности, составляющий всю библиотеку гостиницы, а также окрашенная под мрамор сосновая стойка, за которой мистер Бангер раскладывал карты, залитые (в лучшем случае) супом.

О пыли во всех углах, об электрических светильниках, забитых паутиной и недействующих, о комьях красной глины на полу, о набросанных повсюду опилках и окурках — обо всем этом мы из деликатности умолчим.

этот перекат, бурлящий в неярких лучах северного солнца, как ни буен, нечто осязаемое, а потому одолимое. Перебраться вплавь? Пожалуйста! То есть, вернее, пожалуй... если не будет выбора.

С новым приливом жажды приключений и соответственно приязни к Э. Вэссону Вудбери Ральф сошел с поезда, и новые сапоги его самым трогательным и утешительным образом загромыхали по дощатому перрону. Здравствуй, первый город лесной окраины!

ГЛАВА IV

В свое время Белопенное было городком при лесопильне с полуторатысячным населением. Однако стараниями не в меру ретивой лесопромышленной фирмы весь лес — не считая того, что спалили по халатности, — был дочиста сведен, а от поселка осталась горсточка лачуг-развалюх на ошетинившемся пнями болотце, и в них не более сотни жителей.

Главное украшение Белопенного — длинная железная труба лесопильного завода, увенчанная искроуловителем — колпаком из проволочной сетки. Только труба уже совсем покосилась и при первом же буряне, того и гляди, рухнет. Немного поодаль, среди крытых толем хибар, спесиво возвышается местная достопримечательность номер два: «Бангер-хауз; Комнаты с Пансионом».

Заведение мистера Берта Бангера насчитывает целых три этажа. Его никогда не красили, и грязно-серый дощатый фасад оживляет лишь свежая желтизна заплаток, которые хозяин вынужден был сделать, чтобы не заливал дождь. Окна большей частью разбиты. В былые времена лесопромышленные короли — или на худой конец дворяне — снимали здесь двухкомнатные номера (спальня и комната для игры в покер; ванны не имеется), а столовый зал содрогался от стука деревянных подметок лесорубов. Ныне же мистер Бангер должен считать, что ему повезло, когда в номерах заводится хоть один постоялец и хотя бы шесть человек пируют за столом, уставленным свиной и бобами.

Однако мистер Бангер и в бедности не может забыть, что некогда был славен и богат. Необходимость обсу-

живать клиентов ранит его самолюбие. Обязанность принимать каких-то чужаков мешает ему сосредоточиться на пасьянсе и оскорбляет его вельможное достоинство.

Ральфу и Вудбери предстояло заночевать в номерах, а утром на речном пароходе «Эмили К. Джаст» отправиться вверх по Фламбо-Ривер в Киттико и там наконец погрузиться на байдарки. Смиренно вступили они в контору «Бангер-хауза», и вслед за ними — не менее уважительно — сержант Конной полиции. Личный состав Королевской Конной не отличается особой застенчивостью, — но в Белопенном ни у кого, кроме мистера Берта Бангера, не найдешь ни стола, ни крова.

Контора «Бангер-хауза» сильно смахивала на свинарник. Хотя, с другой стороны, она была похожа и на чердак, заваленный мебелью семидесятых годов. Это было довольно просторное помещение. У одной стены громоздились хромоногие стулья и кривобокие столы, а рядом бесстыдно зияла белизной фарфоровая ванна. Вероятно, кто-то собирался установить ее в каком-нибудь номере на верхнем этаже и рано или поздно подвести к ней водопроводные трубы — и столь же вероятно, что теперь уж никто и никогда не будет ничего к ней подводить. (Не следует думать, что это была единственная ванна на всю гостиницу. Имелась еще одна — в номере, ключ от которого мистер Бангер давно потерял. Но то была всего-навсего жестяная лохань, покрытая облупленной краской снаружи и чешуйчатым наростом грязи изнутри, и восседать в ней человеку дородной комплекции и созерцательного склада ума было бы на редкость неудобно.)

Убранство конторы мило дополняли бильярд, обтянутый порванным зеленым сукном, круглый сосновый стол, на котором покоился номер монреальской «Стар» полуторамесячной давности, составляющий всю библиотеку гостиницы, а также окрашенная под мрамор сосновая стойка, за которой мистер Бангер раскладывал карты, залитые (в лучшем случае) супом.

О пыли во всех углах, об электрических светильниках, забитых паутиной и недействующих, о комьях красной глины на полу, о набросанных повсюду опилках и окурках — обо всем этом мы из деликатности умолчим.

Вудбери, Ральф и сержант выстроились в затылок у конторского стола, и мистер Бангер в раздражении вскинул голову.

— Можно тут у вас получить два номера до завтра и ужин? — обратился к нему Вудбери самым располагающим тоном.

Мистер Бангер (невидный, тщедушный человечек) аккуратно положил девятку пик на восьмерку той же масти, отряхнул руку об руку, глубокомысленно поджал губы, прикрыл девятку десяткой, поднял голову и промычал:

— Мм?

— Желательно две комнатки, и вот сержанту одну — верно я говорю? Ну, так можно будет, а? Как скажете?

— Да вроде можно, — вздохнул мистер Бангер. — Давайте, расписывайтесь. Черт, какая же это скотина взяла отсюда книгу приезжающих? Вечно здесь кто-то все хватает! Черт знает, что такое!

Получив милостивое разрешение втащить наверх рюкзак на собственном горбу и самому отыскать свой номер, Ральф обнаружил там более или менее стандартный набор всего, что полагается иметь обычному гостиничному номеру, а именно: кровать, комод и стул. Правда, кровать оказалась столь чувствительной, что начинала скрипеть при одном только взгляде на нее, у комода не открывались ящики, а единственный стул был для устойчивости (безрезультатно) обмотан проволокой. Зато одной детали, обычно имеющейся в гостиничных номерах, здесь явно не хватало: воздуха, которым можно дышать. Окно, как убедился Ральф, было наглухо забито геоэзиями, и вместо воздуха приходилось довольствоваться застарелым ароматом розового мыла, раздавленных насекомых и прелого белья.

Ральф сбросил свой рюкзак на пол и, вынув только носовой платок и кой-какие мелочи, выскочил в коридор.

На лестнице он столкнулся с Вудбери, который тоже спасался бегством.

— Местечко — тихий ужас! — прорычал Вудбери. — Думаю, надо будет перед отъездом объяснить в любви другу Бангеру.

И Ральф вновь подивился твердости его характера.

Ужин у Бангера подавали в шесть. Сейчас было половина шестого, но им еще предстояло выяснить, здесь ли

уже их проводники-индейцы с байдарками и палатками. Они зашагали по улочке мимо полусгнивших бревенчатых хижин, мимо ветхих дощатых хибар, и тоска, угнетавшая Ральфа, мало-помалу прошла. А вот и лагерь: белые палатки и вигвамы под сенью тонких сосен.

«Настоящий север: индейцы! Наконец-то!» — радовался Ральф.

Проводники-индейцы, сопровождавшие их багаж от станции Медвежья Лапа, прибыли без них и расположились на стоянке племени кри. На зов Вудбери они один за другим вылезли из палатки.

Представление об индейцах Ральф Прескотт составил себе по романам Фенимора Купера. Он считал, что настоящему индейцу полагается выглядеть как профиль на пятицентовике с бизоном, как статуя, которая установлена во всяком приличном парке по соседству с мраморным Гете и бронзовым генералом Шерманом: высокий вождь с орлиным носом, непроницаемый и величавый. У него екнуло сердце при виде четверки малорослых чернявых прощелыг, которые подошли к ним развинченной походочкой и отрекомендовались: Джесси, Луи, Чарли и Ник.

Они были ничуть не похожи на повелителей диких просторов, что провожают взглядом из-под сухой ладони полет далекого орла. Они были похожи на недомерков-сицилийцев, которые только что кончили рыть канаву для сточной трубы, а единственным человеческим выражением на их лицах была пренебрежительная и неловкая усмешка. Не перья и домотканые одеяла служили им одеждой, но черные порыжевшие пиджачные пары, купленные в дешевых лавчонках бледнолицых где-нибудь на окраине города. От национального костюма остались только мокасины, а у одного — еще пестрый бисерный пояс, расширенный наподобие флага Соединенного Королевства. Говорили все четверо исключительно на наречии кри, хотя Чарли, тот, что постарше, недурно изъяснялся по-английски, когда было не лень.

Ральф подсадовал, что Вудбери забирает Чарли к себе на байдарку, а его самого бросает на милость двух смуглых субъектов, чей диалект понятен ему не более, чем язык сурков. Но что поделаешь, Вудбери — капитан флотилии, ему и командовать...

А Вудбери тем временем сыпал, точно горохом:

— Приветствую вас, ребятки! Вот и мы! Завтра движем в путь — мы готовы! Ну как, все барахлишко на борту?

— Пока нет,— буркнул Чарли.

— Так что ж вы тут прохладжаетесь в палатке? По крайней мере, большую-то часть погрузили?

— Не-е.

— Ну хоть что-нибудь?

— Да не-ет еще.

— «Пока нет»! «Нет еще»! О чем же вы думали? Почему это «нет»? На каком основании?

Чарли обменялся с товарищами чуть озадаченным, чуть насмешливым взглядом. И чего он так раскипятился, этот городской чудака? Подумаешь, важность: пароход! Ну, не успеем на завтрашний, так сядем на той неделе или через месяц. Индейцы кри по часам жить не могут. Когда Вудбери заключил свой гневный монолог внушительным: «И чтобы сию минуту за дело!» — Чарли благодушно отозвался: «Ладно» — и вразвалочку зашагал к вещам, а за ним как ни в чем не бывало потянулись остальные.

Чарли был мужчина строгих правил и великий мастер по лодочной части, но ему было только пятьдесят лет, и из них он лишь тридцать пять набирался ума-разума в проводниках у бледнолицых. Он всегда был готов сделать все, что ни скажут, — просто ему никогда и ни при каких обстоятельствах не приходило в голову, что поставить палатку, сготовить обед или вычерпать из байдарки студеную воду, которая булькает у щиколоток его незадачливого хозяина, — что такие обязанности можно бы выполнить, и не дожидаясь, пока тебе напомнят.

Вудбери принялся проверять сваленный в кучу и накрытый брезентом багаж: палатки, одеяла, байдарки, паруса, мотор, горючее, съестные припасы... От злости дело у него не спорилось. Было уже около семи, когда он рывкнул: «Все!» — а Ральф с видом начинающего бухгалтер старательно поставил последнюю галочку в списке, и они побрели в «Бангер-хауз». В захламленной конторе, откинувшись на спинку стула и водрузив ноги на доживающий свой век бильярд, мистер Берт Бангер, без пиджака и в замусоленных подтяжках, отдыхал от

изнурительных трудов, ковыряя в зубах и почесывая затылок.

— Ужин готов? — ласково прогудел ему Вудбери, к которому уже вернулось бодрое настроение.

— Угу. И съеден.

— Так мы моментом ополоснемся и прискачем.

— Ополаскивайтесь и скачите сколько вздумается, но ужина вам тут никакого не будет. В *такой-то* час! Ужин окончен.

— Окончен? В шесть сорок?!

— Ужин а-кончен!

— Тогда пускай повар сообразит нам что-нибудь на скорую руку...

— Ничего вам повар соображать не станет. У повара и так работы дай боже: и с железной дороги народ, и погонщики — каждого борова накорми! Очень надо надрываться до полуночи из-за каких-то пентюхов, у которых не хватает ума являться к столу, когда положено. Повар — я!

— Что же вы нас не позвали? Ведь мы были в индейском лагере, отсюда и ста шагов...

— Делать мне, что ли, нечего, чтобы ходить всех разыскивать, кому лень самим прийти поесть?

— Хорошо. Где еще у вас тут можно перекусить?

С бесконечным удовольствием, нанизывая каждый слог на свою зубочистку, мистер Бангер с расстановкой протянул:

— А-ни-где!

— Так черт же вас поберет!..— Вудбери снова взорвался. Он вопил, он потрясал кулаками: Бангер у него за это ответит перед судом; немедленно — ужин, иначе он такое покажет...

Тщедушный, замызганный человек поглядывал на него с презрением. Внезапно Ральфу осточертела эта грызня.

— Ох, да замолчи ты!..— оборвал он Вудбери и сразу смешался: — Извини, но что проку толковать с подобной скотиной...

— Ты кого это обзываешь скотиной? — затыкал Бангер. — Давай полегче на поворотах!

Переправа через речные пороги, возможно, и внушала Ральфу Прескотту известную робость, но управлять-

ся с грубиянами он привык в суде. Не удостоив Бангера даже взглядом, с пренебрежением, которое обидней любых слов, он продолжал, обращаясь к Вудбери:

— Не стоит тратить время на всякое отребье. В этой постлежке, какая она ни есть, хозяин он. Заставить его стряпать в неурочное время никто не имеет права. Велим лучше нашим индейцам поджарить нам копченой грудинки и разбить палатку. Заберем отсюда вещи и переночуем на свежем воздухе.

— Можете ночевать в вашей чертовой палатке сколько влезет,— заголосил мистер Бангер,— только сначала уплатите за постой! Вы расписались в книге: по закону положено!

— Да ну? Неужели? — свысока пропел Вудбери, но Ральф перебил его на полуслове:

— А я как раз законник! Вот что я вам скажу, милейший... (Тут он дал маху: Бангер стоял на такой низкой ступеньке общественной лестницы, что даже не заподозрил в «милейшем» оскорбления).— Сержант Королевской Конной — вон он, на станции. Так вот: подойдите-ка к двери и кликните его, будьте добры. И, пожалуйста, попросите его задержать нас за отказ уплатить по счету. Не откажите в любезности. А потом я при вас задам ему два-три вопроса относительно *lex talionis nisi sub super cum roena*¹, статья 47! Сделайте милость, позовите его, ладно? А мы пока сходим соберем вещи.

Вудбери так и подмывало сдобрить полемику порцией своего красноречия, трескучего и округлого, точно пустая тыква, и испортить весь эффект ледяного судейского монолога, но Ральф, остановив его неприязненным взглядом и раздраженным вздохом, потянул за собою к пропахшим кислятиной номерам.

— А ничего ты на него страху нагнал,— одобрительно проговорил Вудбери.— По мне, ей-богу, легче сто долларов штрафу уплатить плюс гонорар адвокату, чем выложить Бангеру три доллара за постой.

— Вот-вот,— кивнул Ральф.— Наш брат, юрист, обожает слушать подобные разговорчики. Ну, а по мне — не легче. И не из принципа, а из-за сотни долларов. Но я,

¹ Бессмысленный набор латинских юридических терминов. (Прим. перев.).

конечно, постараюсь нагреть этого невежу на сколько смогу.

— Ну и отделал ты его! Пальчики оближешь! Вызвать сержанта он побоится. Нет, до чего же красивый ход: вот так повернуться и уйти, и крой чем хочешь, голубчик!

В первый раз Вудбери им восхищался, а Ральфу его громогласное восхищение доставляло не больше радости, чем вспышки необузданного гнева.

— Зайдем ко мне,— позвал он.— Взгляни.— Он указал в окно: на железнодорожной платформе, всего в нескольких ярдах от них, стоял сержант Конной полиции и беседовал с местным полисменом. Мгновение спустя показался разгневанный Берт Бангер — только уже в пиджаке и даже при старомодном галстуке — и затрусил к представителям власти.

— Не прошел номер! — сказал Ральф.— Видимо, делать нечего. В книге мы расписались? Расписались. На ужин опоздали? То-то... Ладно, так или иначе мы уходим отсюда, не то еще за утренний завтрак сдерет. А за номера расплатимся.

В мгновение ока перед ним снова возник велеречивый бизнесмен типа «вот-увидите-я-этого-черт-возьмитак-не-оставлю».

— Ничего подобного! Если этот мошенник позволяет себе откалывать в своей вонючей, забытой богом дыре такие коленца и воображает, что ему это сойдет с рук, то разреши тебе заявить, разреши мне заявить тебе...

Ральф круто повернулся на каблуках и сошел в вестибюль, и в ту же минуту на пороге появился Бангер в сопровождении обоих полисменов.

— Ну, теперь поглядим, кто... — заверещал было хозяин гостиницы, но Ральф, словно не замечая его, обратился к сержанту, в котором почуял союзника:

— Насколько я знаю, согласно законам Канады, на вас возложены определенные судебские полномочия?

— Верно.

— В таком случае позвольте мне обратиться к вам как к судье и передать эти три доллара в уплату за комнаты, в которых мы не будем жить. Для вас не секрет, какое чувство должен вызывать этот господин у каждого порядочного человека. Мне чрезвычайно неловко

беспокоить вас по такому поводу, и, надеюсь, меня не обвинят в клевете, но, признаться, он до того грязен, что мне просто страшно отдавать ему деньги из рук в руки.

На лице сержанта изобразилось блаженство.

— Мне — тоже, — тоненько пожаловался этот богатырь, такой ладный в своей ало-голубой форме, вонзаясь в разъяренного мистера Бангера колючим взглядом. — Я и сам побаиваюсь микробов. Я полагаю, мы это дело предоставим вот представителю Манитобской полиции. Погибать под пулями, застывать на морозе — это наша обязанность, но подвергать себя такой заразе у нас в Конной вроде бы не положено.

Оба полисмена лучились восторгом. Они знали, что слух об этом происшествии, передаваясь из уст в уста, словно в пансионе для старушек, разлетится на сотню миль кругом и в ближайшие десять лет всякий, кто побывал жертвой мистера Берта Бангера, будет упиваться историей о том, как один человек не захотел заплатить Бангеру денег из рук в руки, потому что тот чересчур грязен.

Их ликование достигло наивысшей точки, когда, получив от местного полисмена деньги, Бангер разорвал все три бумажки и стал неистово топтать их ногами.

Только Ральф не ощущал торжества. Его бешенство улеглось. Он порывисто вышел и затопал по лестнице к себе в номер.

— Инцидент исчерпан, — бросил он в ответ на вопросительный рык Вудбери. — Вещи уложим и пошли отсюда.

В невеселом раздумье он опустился на краешек своего неаппетитного ложа.

К несчастью для себя — и к великой выгоде для своей фирмы, — Ральф обладал способностью видеть обе стороны всякого конфликта, понять позицию как того, так и другого спорщика, даже когда одним из них оказывался он сам. Однако для геройских поступков ему не хватало твердости: даже зная, что прав не он, а противник, Ральф не часто мог решиться повернуть вспять. Именно такие люди, как он, не способные что-либо изменить, но не способные и сносить вздорные обиды и пустые ссоры, которыми мы отравляем жизнь, идут в монастыри.

одурманивают себя чтением, укрываются под защитой презренного стадного чувства.

«Боже, что за дешевая победа! — с внезапным и острым отвращением к себе думал Ральф. — Еще бы не возгордиться: самолично придумал, чем уязвить этого шелудивого бродячего кота! Вырос в бревенчатом хлеву — откуда у него взяться учтивости? И чем он хуже любого городского, который будет лебезить перед тобой, хоть сам тебя ненавидит? А я-то распетушился! Шутка сказать: «Позовите полисмена! Я ему сообщу кое-что относительно *lex talionis sub nisi!*» Знаменитый адвокат! Шишка на ровном месте! Столичный умник!.. Нет, Вэс и то лучше. Простой, смелый. Да — вот и с ним тоже: загордился, презирал... Подумаешь, ну, любит человек рассказывать анекдоты!..»

Он понял, что охладел к Вудбери, и в этом едва ли не главная причина его уныния. Он понял, как необходим ему стал настоящий друг в этом мире, таком пустынном и чужом с тех пор, как в нем нет его матери. Вновь те же неотвязные думы, что изводили его во время тоскливых ночных бдений в одинокой квартире — и вновь они завершились преклонением перед достоинствами Вудбери.

Что скрывать, многое в этом человеке его раздражало: бахвальство, шумливая развязность, вечные бури в стакане воды, самомнение бок о бок с невежеством, — но вместе с тем ему чудилось что-то надежное в этой всесокрушающей самоуверенности, в этом неунывающем характере, который делал из Вудбери доброго малого в промежутках от одного скандала до другого, в физической силе этого уже обрюзгшего человека.

Ральф вскочил на ноги, сунул в рюкзак те мелочи, что вынул по приезде, и едва успел застегнуть ремешок, как в дверях появился Вудбери со своими вещами.

— Извини, Вэс, что я тут затеял такую свару. Не думай о ней. Распростимся с этим дурацким заведением и ляжем спать прямо на славной, честной земле.

Пять минут назад холодное бешенство Ральфа сделало из Вудбери угодливого приверженца.

(Так нетрудно было представить себе Вэса в детстве: рыхлый мальчуган, неизменный предмет насмешек в своей компании, первый охотник воровать дыни и мучить кошек, первый и единственный, над кем совершались не

слишком чистоплотные обряды посвящения в каждое очередное тайное общество, основанное и забытое за неделю каникул; обиженный толстый мальчик, который вечно хнычет: «Ой, пусти, отвяжись, тебе говорят!» — и, распустив толстогубый рот, таскается, как собачонка, за худеньким и востроносым заводилой, ростом ему по плечо, неотступно мечтая помыкать кем-нибудь так же, как когда-то помыкали им самим.)

Теперь он вновь почувал себя командиром:

— Я тебе вот что скажу, друг, никогда не лезь на рожон в здешних местах. Приучи себя. Легче смотри на вещи, Ральф, береги свои нервы. Поплевывай. Очень надо связываться со всякой шушерой, вроде Бангера, поднимать шум... Я бы лично дал ему по морде — и ушел. Ничего, эта поездка тебе сослужит хорошую службу. Тут что самое главное? «Спрячь все печали в походный старый ранец — и ну, веселей, веселей, веселей!» Так, бывало, у нас на офицерских сборах говорили, да и здесь, в лесных краях, весь фокус в том же: держи свои настроения при себе — «и ну, веселей, веселей, веселей!». Ладно, что было, то прошло... О! — Вудбери просветлел. — Мы с тобой вот что организуем. Спим сегодня на земле. Будет тебе закалочка!

И Ральф, взвалив на себя рюкзак, неверными шагами побрел, как и подобает смиренному ученику, вслед за генералиссимусом и единоличным автором всех этих благотворных замыслов и идей.

И его уже опять пугала перспектива оказаться отрезанным от мира в лесной глуши, где некуда спастись от великодушия Вэса Вудбери.

ГЛАВА V

Палатка, которую поставили для них проводники-индейцы, была в глазах Ральфа не просто крышей над головой, но символом вольной жизни и приключений доблестных следопытов. Пол у нее был наглухо пришит к боковым стенкам из плотного шелка, так что не оставалось ни единой щелочки, сквозь которую могла бы забраться кровожадная северная мошка. Каждое из пяти

затянутых сеткой окошек защищал снаружи шелковый клапан; в случае дождя достаточно было дернуть за шнур, остроумно проведенный внутрь, и клапан опускался.

Из-за этих окошечек, придававших палатке сходство с кукольным домиком, Ральфа охватила ребячливая веселость — нечастая гостя в его обычной степенной жизни. Умиленно посмеиваясь, он опускал и поднимал один клапан за другим, и Вудбери тоже умилялся и ахал. Тем временем Чарли, старший проводник, вскипятил для них чай, поджарил свиную грудинку и пресные лепешки — «бэннок», и оба в приятнейшем расположении духа залезли под противопожарную сетку, чтобы приступить к своей первой бивачной трапезе.

Грубо говоря, бэннок — это разновидность хлеба, однако съедобной разновидностью хлеба он считается только у лесовиков-кри с их лужеными желудками. Бэннок мог бы отлично пригодиться как балласт, как метательный снаряд или лодочный якорь, но для внутреннего употребления он немногим лучше, чем рубцы или пеммикан. Бэннок готовят без дрожжей: берут муку, замешивают на воде, кладут на сковородку и жарят в кипящем сале на большом огне, пока не затвердеет, как камень. Тем не менее Ральф наловчился глотать бэннок, щедро слабривая его маслом и джемом. Чай, разбавленный сгущенным молоком, он прихлебывал с наслаждением и, чтобы не отставать от великого Вудбери, ел грудинку руками.

А Вудбери из кожи вон лез, чтобы показать, как бодро и мужественно он держится в Бескрайних и Диких Просторах, о которых с таким восхищением говорят горожане. Он сажал себе жирные пятна на штаны так же усердно, как в Нью-Йорке постарался бы их избежать, и проявил неистощимую изобретательность в вопросе о том, чем бы развлечься в этот вечер.

Надо сказать, что в июне месяце на Севере темнеет не раньше одиннадцати, и укладываться спать им не хотелось, несмотря на то, что вставать предстояло в пять утра, чтобы поспеть на пароход. Время, признаться, ползло черепашим шагом. Как ни старался Ральф оценить всю прелесть общества Вудбери, он в конце концов чуточку загрустил под нескончаемые разглагольство-

вания о муниципальных акциях и красотах чулочного бизнеса.

Увеселениями иного свойства деревушка Белопенное небогата. Кино до этого захоlustья еще не дошло, бродячие актеры в последний раз наведывались сюда семь лет назад (Лайонел Лорнтон и его Знаменитая Лондонская Гастрольная Труппа: «Крошка из Теннесси» и «Рокковые тайны Лайм-хауза»), а молитвенных собраний, даже если бы Ральф оказался до них великий охотник, в невзрачной бревенчатой часовенке сегодня не намечалось. Друг из Конной полиции выехал куда-то на участок допрашивать одного шведа, который хотел принять канадское подданство. А потому, возжаждав развлечения, Ральф и Вудбери отправились обследовать поселок, и у дверей «Британской Национальной Универсальной Торговой Компании: Шляпы и Кепки, Туфли и Сапоги, Носильное Платье и Столовая Гастрономия, Скупка Меха по Самым Выгодным Ценам и Пересылка Красной Рыбы. Наш Девиз: «Честная Сделка с Каждым» — набрели на светский раут.

Перед бревенчатой, крытой толем хижинной (куски жести, с помощью которых держался толь, проржавели под многолетними дождями) сидели трое в рабочих комбинезонах.

Получив в ответ на свое приветствие ворчливо-дружелюбное «Наше вам!», Ральф и Вудбери подсели к ним.

Семнадцать минут собрание обсуждало вопрос, пригоден ли под косовицу участок к северу от Оленьего озера. Девять минут шел ожесточенный спор о том, почему у Пита Ржечки нынче утром не завелся подвесной мотор — не тот, что Пит купил в позапрошлом году у Гарри Ларсена, а новый, который у него на красной вельсовой лодке.

Ральф и Вудбери обратились в бегство. Перед домиком местного врача тоже собралось общество: четверо мужчин и женщина в переднике стояли и слушали сообщение доктора о том, как у старой миссис Бджоун дела с ревматизмом. Однако то был, судя по всему, чисто семейный совет, и посторонним здесь делать было нечего.

— Слушай! — възграл Вудбери. — Знаешь, что мы придумаем? Местный-то полисмен здесь живет, на по-

селке. Ну-у — это такие ребята, такой прожженный народ... Мы его с тобою раскопаем да сразимся в покер! Ты еще не видал, как здесь, на Севере, играют в покер! Ух ты! Если кто и умеет, так это местные: и трапперы и купцы — то есть все поголовно, даже кое-кто из индейцев. У самого две двойки на руках, а торгуется. Да я, брат, если хочешь знать, своими глазами видел: один скупщик мехов — все спустил, двадцать долларов оставалось за душой, — так он и эти до последнего цента поставил на карту. Страшное дело! Кругом леса, бревенчатая хижина, прямо за окном толстые сосны, на столе коптит одна-единственная керосиновая лампа, а они сидят и режутся до рассвета. А как взойдет солнышко из-за озера, все бултых в воду. Вот это жизнь!

Ральфу подумалось, что для него лично это не жизнь, а каторга, но он изобразил на своем лице широкую улыбку и с самым оживленным и заинтересованным видом, на какой был способен, поспешил вслед за Вудбери — а тот уже мчался к дому полисмена, пересыпая восторги по адресу покера восклицаниями:

— Вот увидишь!.. Обрадуется до смерти! Обеими руками ухватится за такой случай... Их тут хлебом не корми, дай подбить нашего брата, приезжего, на картишки и облапошить! Только со мной это не выгорит, дудки! Вот увидишь!..

Ральф мысленно прикинул, какую сумму ему нынче проиграть, ассигновал тридцать долларов и перешел к разработке коварного плана — как ретироваться с поля боя до полуночи.

Было половина десятого, а над мутными водами Фламбо, сквозь кроны прибрежных ив, на обложенной листовым железом долговязой трубе заброшенной лесопилки все еще полыхал закат.

В чистеньком желто-белом коттедже местного полисмена было тихо. Постучались. В ответ — ни звука.

— Черт-те что! — оторопело произнес Вудбери. — Полдесятого... Ложиться спать, по обычаям стольного града Белопенное, рановато — через четверть часа еще куда ни шло. Предаваться бурным светским радостям, то есть ходить по гостям — наоборот, неслыханию поздно. Тут что-то не так. Не иначе нашего полисмена зарезал во сне Берт Бангер.

Из соседней хижины — беленой, бревенчатой, с крохотным палисадником, весело пестревшим аютиными глазками и чахлым шиповником, — показался и заковылял к ним согбенный старичок с серебристой бородкой и в очках, съезжающих на кончик носа.

— Ищете, что ли, кого?

— Полимена.

— Полимена?

— Да.

— Случилось что?

— Нет.

— А-а. Ну да. Приезжие сами-то?

— Приезжие. А что он...

— Небось, на пароход завтра?

— На пароход. А что, он спать лег, полимен, или как...

— Чего?

— Спать он, что ли, лег?

— Полимен-то? Спать?

— Ну да.

— Что вы! С какой стати! — Старец был удивлен и даже несколько обижен. — Они с хозяйкой пошли к Миллигану. Сегодня доставили газету из Виннипега — они и пошли решать кроссворд.

— А в покер он бы, по-вашему, захотел сыграть?

— Кто? Полимен? Да он же адвентист седьмого дня! В нем ни одного порока нету, то есть ни единого. Ну, само собой — табачок пожевать либо там самогончику хлебнуть самую малость, когда, скажем, зацапает у кого аппарат, — это не без того. А так — ни-ни, сэр. Положительный мужчина, строгий. Вот я, к примеру, когда был траппером... давненько дело было, в торговую-то компанию это уж я потом поступил: служил, служил, а тут ревматизм, — а дочка моя, она как раз вышла за Эда Тоггермана — славный малый, самостоятельный такой, работающий, когда не выпивает, — так он мне каждый месяц шлет шестьдесят долларов, день в день, как часы; он ведь теперь устроился на лесосклад в Риджайне, зарабатывает прилично... Да, так я это к чему? Я-то сам, когда был траппером, нет-нет да и перекинусь в картишки; правда, особого пристрастия и тогда не имел: чем

в карты дуться, завалишься лучше спать, — самое милое дело. Ну все же, если вам, джентльмены, так желательно, отчего не уважить? Могу. Как играть, вроде помню, не сомневайтесь — и внучку мою можно позвать. Девчонка шустрая — огонь, даром что еще двенадцать не стукнуло. Только она не Эда будет дочка, а второй моей дочери, которая в «Бонтоне» работает. В покер-то вот не знаю, играет ли, а в казино со своей мамашей — это уж доподлинно...

Они отвратили от себя угрозу покера в семейном кругу. Они уселись у своей палатки: один — на опрокинутом ведерке, другой — на ящике с консервированным грушевым компотом, и стали наблюдать, как струится река.

Река струилась нормально.

Еще не было одиннадцати, как они пошли спать.

Для Ральфа его спальный мешок был полон того же милого игрушечного очарования, что и палатка. На мягчайшем гагачьем пуху, изнутри стеганный, а снаружи крытый ярким зелено-коричневым брезентом. Кнопочки, ремешки, пряжки — имелся даже специальный козырек, чтобы не мокла голова, если дождь. Целый домик! Ральф юркнул внутрь. Как непривычно и вместе как уютно в этой уединенной пещерке!..

Он начал раздеваться, но не тут-то было.

— Ты что это вздумал? — фыркнул Вудбери. — Эх, ты, фитюлька! На Севере, кроме башмаков и пиджака, на ночь ничего не снимают! И потом... Ба-а, да ты уж не *подушку* ли с собой приволок?

Ральф действительно привез подушку — и еще какую славненькую, из лучшего пуха. Да и что за сон без подушки? Нет, он любил уткнуться в подушку, зарыться в нее, отгородиться ею от назойливого мира с его надоевшими за день звуками. А он-то еще гордился, что у него такая практичная дорожная подушечка, крытая немарким ситцем с пестрым веселым рисунком: длиннохвостые попугайчики в орхидеях! На такой всякому лестно прикорнуть!

— Ну, а если и подушку, что такого? — пискнул он.

— Боги милосердные! Одного места сколько занимает! Трехсуточный запас провианта! А потом — тебя тут все засмеют, если и дальше будешь эдакой бабой. Скатай пиджак и спи, будь мужчиной!

Ральф послушно скатал пиджак, но с тем, чтобы спать на нем как мужчина, дело обстояло сложнее.

В первые секунды, измученный утомительной дорогой и перебранкой у Бангера, он растянулся в своем мешке с наслаждением. Но утоптанная земля на речном берегу оказалась поразительно твердой. Чем больше у него спалились глаза, тем ожесточеннее она вгрызалась ему в тело. Она вздымалась под ним и наносила ему удары. Плечи и тазовые кости стали неразрешимой проблемой. Они непрестанно стучались о землю и ныли, как от побоев.

Вудбери на какие-то мгновения забылся сном и захрапел, но и его пробрала эта неподатливая земля; он заворочался и что-то невнятно промычал спросонья. В палатке еще не совсем стемнело. Ральф лежал, изучая двойные швы, простроченные вдоль конька, мечтая погрузиться в сон, но о том, чтобы «погрузиться» куда бы то ни было на этой твердокаменной почве, не могло быть и речи.

А этот туго скатанный пиджак, на котором обязан спать настоящий мужчина, — точно сосновая доска у тебя под щекой.

— Не спишь? — буркнул Вудбери.

Ральф промолчал.

— Спишь, что ли?

Ральф снова не отзывался. Почему-то — он и сам хорошо не понимал почему — его так и подмывало запустить в Вудбери тяжелым предметом. И гладким: чтобы ловчей было ухватиться.

— Земля, собака, до чего твердая: все кости ломит. Ладно, надо привыкать. — И с этим гениальным заключением Вудбери повернулся на другой бок и, судя по всему, заснул.

Чувствуя, как у него постепенно немеет все тело, Ральф лежал и думал — старался забыть и вспоминал опять, что, в сущности, ничто не мешает ему расстаться с Вудбери и что сейчас как раз последняя возможность это сделать. Он рисовал себе туристские гостиницы в Мэне: стройные сосны, ничуть не хуже, чем здесь, и озеро, сулящее те же радости, но при этом пища, рассчитанная на желудки, не утратившие представления о собственном достоинстве, вполне сносные кровати

в благоухающих смолой бревенчатых хижинах. Ему припомнились гостеприимная старенькая гостиница на вершине холма в Нью-Гэмпшире, пансиончик в Баварском Оберланде, где за резными карнизами крестьянских домиков встают горы, таверна на побережье Бретани, бегущая сквозь вереск тропинка в Шотландии. Каких-нибудь шесть суток — и он на пароходе, среди культурных людей, которые умеют разговаривать не только про муниципальные акции и чулочный бизнес. Двенадцать суток — и он сходит на берег в Саутгемптоне и снова видит знакомые фабричные трубы и рекламы бульонных кубиков «Боврил», вдыхает волнуемый, попахивающий дымом воздух — предвестник далекого Лондона.

Распрощаться с убогим обществом Вудбери, с этим необжитым, не освященным традициями краем, этими бессмысленными неудобствами...

«Суровая школа жизни среди дикой природы! Самый дутый из пресловутых американских мифов...

Героика вольных просторов: бесплодные усилия Вэса Вудбери составить партию в покер!»

А потом Ральф дал себе клятву:

«Нет. Я не сбегу. Здешние места не по мне. И этот Вудбери, в общем, тоже. Но я слишком привык к легкой жизни. Надо держаться. Только...— Словно посылая вызов толпе спортсменов-обличителей, он возвысил протестующий и оглушительно громкий голос, хотя кричал он лишь мысленно: — ...только позвольте, господа хорошие, сразу заявить вам напрямик, что бейсбол нагоняет на меня тоску, что рыбная ловля, по-моему, — скучнейшее занятие, а покер — и того скучней, и, даже рискуя лишиться американского гражданства, я утверждаю, что спать на земле — *идиотизм!*»

Обессиленный этой святотатственной декларацией неверия, он полчаса проспал, а пробудившись, ошеломил своих обвинителей новым и столь чудовищным кощунством, что они только рты раскрыли:

— И мне решительно наплевать, каким манером я подстрелю утку — сидячую или влёт. Большая ей разница, этой самой утке, как ее укокошат: по всем правилам спорта или как-нибудь по-другому. Понятно?.. А подушечку я даже и не *подумаю* выбрасывать! Возьму с собой потихоньку, и точка!

ГЛАВА VI

Пароходик «Эмили К. Джаст» неторопливо шлепал вниз по течению желтой Фламбо-Ривер в Киттико, где Ральфу, Вудбери и их проводникам-индейцам предстояло, наконец, пересечь на байдарки.

Тоннаж «Эмили К. Джаст»... Собственно, тоннажа, как такового, у нее не имеется — речь может идти разве что о фунтах и унциях. Правда, ее длина составляет шестьдесят футов, а на борту ни много, ни мало — целых семь отдельных кают (в том числе одна каюта-люкс, оснащенная водопроводным краном и фарфоровой плевательницей и предназначенная для таких редких и сановитых пассажиров, как инспектор Рыбных промыслов), однако надпалубные сооружения сколочены из сосновых досок в дюйм толщиной, а переборки картонные.

«Эмили К. Джаст» отнюдь не свойственна пунктуальность обычных пассажирских лайнеров. Ежедневно она совершает два рейса в каждый конец — случается, опоздает на сутки, на двое или капитан Веннер задержится по пути, чтобы проверить, как там картофель на его участке, а не то заиграется в покер и отложит рейс до следующего раза. Пароходик — с кормовым гребным колесом: при глубине три фута идет как ни в чем не бывало; а встретятся пороги, юлит не хуже лодки между речными валунами.

Раза два «Эмили» тонула; после такой незадачи с нее счищали грязь и наново крыли краской: корпус — ярко-бирюзовой, трубу — оранжевой.

Какое-то ленивое очарование присуще всем речным пароходам. Не их удел одиноко бороздить нелюдимые и безбрежные воды. Они ходят под самым берегом, так близко, что как бы живут с ним одною жизнью, но их, в отличие от поездов, огибающих городские трущобы, не осаждают шлак и вонь. Облокотившись на перила, сосредоточенно поплеывая в Фламбо-Ривер, пассажиры «Эмили К. Джаст» имеют полную возможность обсудить семейные дела каждой встречной курицы, которая роется в траве на каждой встречной полянке, или, гордо презрев спешку и мирскую суету, с видом знатоков спорить о том, пустовал или нет прошлой зимою вот тот камышовый бугорок — разоренное гнездо ондатры.

Заходит «Эмили К. Джаст» в порты: две-три бревенчатые хижины да один вигвам, и метис-траппер с физиономией красно-коричневой, как кожа от свиной грудинки, завидев капитана, недоступно-величавого в своей рубке, радостно орет: «Эй, кэп!» или «Здорово, Билли!» — все очень мило и по-домашнему. Бывает, что на пути парохода попадется и менее густо населенный порт, точнее говоря, просто поленница дров на берегу, и тогда палубная команда в полном составе — все три человека — по цепочке перебрасывает дрова в трюм — нечто среднее между дровяным сарайчиком и допотопной механической мастерской.

Пассажиры вольны сходить на берег на любой стоянке: ни формальностей с паспортами, ни таможенных чиновников, ни рикш, ни продавцов открыток, ни баров, ни железных правил судового казначея. Если кто из пассажиров не вернется вовремя, пароход сзывает их гудками, точно насадка, что клохчет, собирая цыплят, и терпеливо ждет, а капитан тем временем играет в криббедж со старшим (и единственным) механиком или учит детишек миссионера мастерить из бумаги индейские челны.

Ральфа «отпустило». Раздраженно-эгоистическое неприятие чужого края сменилось созерцательным раздумьем. Вот развалившиеся хижины трапперов над рекой. Вот вырубка; в какой жестокой борьбе была она отвоевана у леса, как надрывались тут люди, корчюя пни, распахивая заплетенную корнями почву, — и вот она снова заброшена и обреченно сквозит в зловещем полукольце сумрачного хвойного бора. Вот в этом дупле живет норка. А вот еще одна черная уточка суматошно пытается спасти свой всполошившийся выводок, норовя держаться бок о бок с мерно пыхтящим чудовищем, в истинно-материнском заблуждении, что ее дети мчатся наравне — нет, обгоняют этого колосса современной техники — и что если бы не ее зрелая мудрость и ее кряканье, малюток мгновенно настигла бы гибель.

Однажды он сошел на берег (улизнув от Вудбери, коря себя за такое вероломство и все-таки не сворачивая назад) и обнаружил стоянку индейцев-кри, самую настоящую: вигвамы из березовой коры, молодые матери с младенцами, подвешенными на спине; старые индианки, попыхивая трубками, вялят на медленном огне кус-

ки лосятины и рыбы, растянутые на деревянных рогатках; мужчины, царственно далекие от дел, и дум, и желаний. Он сунулся в заросли сосен и тополей, между которых там и тут светились чистым серебром хоровады березок, но здесь на него напали комары, и, спасаясь от них, он вернулся на «Эмили К. Джаст», преспокойно уселся прямо на палубе спиной к стенке и закурил трубку... Да, да, Вудбери позаботился втолковать ему, что, если хочешь стать настоящим мужчиной, первое дело — забудь про сигареты и заведи добрую обкуренную трубку.

Пароходик дышал той же игрушечной прелестью, что так пленила Ральфа в их палатке. Обеденным салоном назывался трогательно забавный чуланчик, где гладколицый буфетчик-китаец подавал, выражаясь его словами, «яишнюсветчинойкофестортом». Капитан охотно допустил их в крошечную рубку и показал, как различать в пенном фарватере коряги и поленья-топляки. А лопасти гребного колеса неумоимо сбивали охристую жижу в воздушную пену, и в этой пене над мшистым мельничным колесом горела радуга.

Еще неделя такой жизни — и Ральф проникся бы покоем и сквозь защитную пелену довольства бестрепетно внимал бы мужественным и неумолчным речам Вудбери. Но уже на другое утро пришлось высаживаться в Киттико (две бревенчатые лавки, две бревенчатые гостиницы, один рыбный склад), чтобы погрузиться на байдарки.

Вудбери в неумном стремлении развивать бешеную деятельность и слыть железным человеком немедленно раздулся, как воздушный шар.

Хотя флотилия и состояла из двух вместительных грузовых байдарок девятнадцати футов длиною, все же никак нельзя было поверить, что им удастся рассовать по местам всю эту гору клади, которая высилась на бревенчатом причале: палатки, рюкзаки, постельные принадлежности, ящики с провиантом, мешки с мукой и копченые окорока, паруса и весла, канистры с горючим и сковородки. А кроме того, предстояло еще поставить на головную байдарку подвесной мотор: лодку Ральфа на спокойной большой воде, где можно пользоваться мотором, Вудбери предполагал тянуть на буксире. Предсто-

яло замазать лодочным клеем и краской две-три царапины. Предстояло срубить два молодых дерева на мачты.

И во всех этих делах от Ральфа не было ни малейшего прока.

Вудбери в высочайшей степени обладал талантом школьных учителей: превращать всякое удовольствие в повинность — святую и тягостную. Он соединял в одном лице оратора, навязывающего публике государственный заем, агента по продаже пригородных участков и даму-патронессу.

Он наскакивал на проводников и захлебывался:

— Ну, живенько. Быстренько. Беритесь грузить вещи. Вещички принимайтесь грузить.

Он взялся прилаживать мотор к транцу своей лодки, прищемил себе ногти, выругался и негодуяше уставился на Ральфа. Он рычал, что деревья, срубленные на мачты, чересчур толсты и не войдут в гнезда, а когда выяснилось, что они в самый раз, сердито насупился и объявил: «Все равно чересчур хлипкие, не выдержат».

— Слушай, да займись ты хоть чем-нибудь! — гаркал он на Ральфа. — Сидит тут, любитесь на себя.

Когда Ральф рискнул было спустить в свою лодку ящик копченой свинины, с трудом балансируя на планшире, придерживаясь одной рукой за неструганный край причала, Вудбери взорвался:

— Господи боже ты мой, куда ж ты лезешь с этим ящиком вперед: грузу место в центре!

Ральф безропотно терпел эти окрики, страдая от сознания своей ненужности, чувствуя, что только мешается у всех под ногами. К Луи, самому младшему и наиболее утомленному жизнью проводнику, он обращался с заискивающей любезностью, к Чарли — с сыновней почтительностью, к Вудбери — с благоговением; и когда великий вождь бледнолицых снизошел до того, чтобы выслушать его хвалебное: «На этом деле, Вас, ты собаку съел, что и говорить», — Ральф исполнился благодарности.

Несмотря на кипучую деятельность коммерческого директора, дело, как ни странно, подвигалось к концу.

Соскальзывая на дно лодки, каждый тюк словно сжимался в объеме. Поначалу казалось, что груза вдвое боль-

ше, чем они могут взять на борт, а между тем в байдарках каким-то чудом половина места оказалась свободной.

Посреди каждой лодки было оставлено как бы гнездо для бледнолицего. Постельная скатка вместо сиденья и тут же, под рукой — все игрушки: рыболовная снасть, ружье и даже гребок. (Правда, когда работал мотор, Вудбери приходилось перебираться на корму.) Индейцы даже не думали возражать, когда городские неженки время от времени делали вид, будто помогают вести неповоротливые байдарки: только бы не окатывали брызгами от весел. А после первых двух-трех раз индейцы и смеяться перестали...

Уже совсем можно бы трогаться, если б не любимая игрушка Вудбери — подвесной мотор. Он ловко сидел на транце, хорошенький, сверкающий, в полной боевой готовности и — единственная беда — не заводился.

Он даже голос не желал подать. Напрасно Вудбери битых полчаса, чертыхаясь, дергал за стартовую веревку — хоть бы что!

С бревенчатого причала за остервеневшим Вудбери сокрушенно наблюдал Ральф. Других свидетелей не было. На первых порах население Киттико — пятеро белых и девять индейцев — тоже высыпало поглазеть на сборы, но Вудбери, переживая горькое разочарование в жизни, встретил их без обычного радушия, и они разбрелись. Индейцы-проводники, управившись с погрузкой, расположились на куче опилок на берегу и предоставили событиям развиваться своим ходом.

Отправиться в путь на этой неделе или в будущем году — какая разница? Хватило бы только свиной грудинки и сигарет.

Ральф разбирался в моторах не лучше и не хуже всякого, кто всего лет десять или двенадцать как водит автомобиль. Он отличал баранку от рукоятки ручного тормоза и умел заливать воду в радиатор. Лодочный мотор был для него точно языческое диво: круглая штукovina, один-единственный ребристый цилиндр, длинная рукоятка, и больше ничего не понять.

Когда Вудбери на секунду оторвался от мотора и стоял, меряя его возмущенным взглядом, будто прикидывая, что бы такое сказать ему пообидней, Ральф отвалился:

— Ты не допускаешь, что засорилось питание?

Покачиваясь в лодке, Вудбери, словно умирающий великомученик, воздел руки в немой мольбе и терпеливо изрек:

— Да, гениальные мозги надо иметь, чтобы додуматься до такого! Эх, и помощи мне от тебя! Ну, разумеется, я ведь только раза два, не больше, продул жиклер, пока ты тут пялишь глаза!

Ральф отошел на дальний конец причала и, заинтересованно рассматривая двух болотных курочек в густом бурьяне, с тоскою думал о Йельском клубе.

По причалу не спеша подошел торговый агент «Компании Гудзонова Залива». Видно было, как Вудбери внизу в байдарке весь напряжился, готовый при первом же замечании одним прыжком взять пятифутовую высоту и задушить непрошеного советчика. Агент, с виду похожий на священника и щедро наделенный даром истинно духовного красноречия, сощурил один глаз, всколыхнулся от удовольствия, хрюкнул: «В бачке клапан забило» — и, ссутулясь, зашагал прочь, с презрением, которого было достаточно, чтобы не только от Ральфа, но и от великого Э. Вэссона Вудбери осталось мокрое место.

Ральф заметил, как Вудбери весь ошетинился, точно кошачий хвост, подыскивая достойный ответ. Но заметил он и другое: Вудбери осмотрел клапан бачка, поковырялся в нем, схватил стартовую веревку и дернул.

И в ту же минуту мотор чихнул и застрекотал ровно и чисто, словно миниатюрный аэроплан.

Выпрямившись во весь рост в лодке, сжав кулаки, Вудбери воззрился на Ральфа, как бы говоря: «А ну, скажи хоть слово...» Ральф поспешил сделать как можно более равнодушное лицо. Вудбери метнул свирепый взгляд в другую сторону, на индейцев: индейцы крепко спали. Уязвленный людскою черствостью, вождь оскорбился, ушел на время в горькое раздумье о беспримерных обидах, нанесенных ему, затем взревел:

— Ну, вы как: намерены отправляться в байдарочный поход или, может, нет?

Так была спущена на воду славная флотилия; так стартовала легендарная экспедиция в неизвестную глубь Севера.

Вышла к порогу вигвама одинокая индейская скво и поглядела им вслед. А больше ни одна живая душа не ведала, что Ральф Прескотт и Э. Вэссон Вудбери повернули колесо истории.

На две недели их жизнь свелась к монотонной рутине: продвигаться вперед, останавливаться, удить щук, двигаться дальше.

Пробирались на шестах по мелководью, кружили на веслах по извилистым протокам, а временами Вудбери тянул их на буксире под стрекот мотора, убаюкивающий, словно жужжание пчелы. Вошли в озеро Уоррик: неоглядная ширь, бесчисленные островки и на дальнем берегу — черные скалы в причудливых узорах рыжего лишайника. В тихую погоду полированную гладь воды рассекала головная моторка, а при попутном ветре шли под парусом.

Борта лодок выступали над водой всего на каких-нибудь четыре дюйма, и их частенько захлестывала волна. Ральф содрогался при мысли, как беспомощна байдарка под парусом. До берега много миль. Наткнется такая скорлупка на подводную скалу — и мгновенно ко дну, а ему и четверти мили не проплыть.

Он старался побороть себя, высмеивал собственное малодушие, ставил себе в пример Вудбери, который, казалось, беззаботно наслаждался парусными прогулками, и все-таки не мог не гадать о том, много ли у него шансов выплыть к берегу в случае аварии.

А между тем вокруг была красота: искрились волны, гнулись под ветром, точно крылья чайки, треугольные паруса, а вечером за них опускался оранжевый диск солнца и паруса загорались золотом.

В такие часы Ральф ненавидел своих проводников.

Он привык к тому, что индейцев называют «суровыми и молчаливыми». Как знать? Индейцам-кри, во всяком случае, молчаливость была столь же свойственна, как отращивание к виски. Правда, сидя на веслах, они еще умели помалкивать; правда и то, что благословенный рокот мотора заглушал их болтовню. Но когда шли под парусами в тишине и Ральф совсем было настраивался на то, чтобы упиваться красотой, отрешившись от своей постылой застенчивости и робости, тут его проводники, один — на носу, другой — на корме, принимались тарах-

теть, словно прачки, хихикать, точно школьницы, и обмениваться остротами с экипажем флагманской лодки.

Частично, как он мог заключить по их ржанию, эта несносная и нескончаемая трескотня состояла из сальных историй, частично, судя по насмешливым взглядам, это были язвительные замечания по адресу его и Вудбери. Индейцы в его лодке говорили только на кри; он не мог ни понять их, ни хотя бы приказать им умолкнуть. Да и потом ему хотелось держаться с ними «добрым малым», не портить отношений. Он слушал, страдал, и час от часу росло его раздражение.

Из озера Уоррик вошли в широкую Мэнтрап-Ривер и двинулись по направлению к Озеру Грез, где рассчитывали пополнить свои запасы провианта и горючего: на Озере Грез была расположена фактория Мэнтрап — поселок с лавкой общества «Братья Ревийон», скупочным пунктом «Компании Гудзонова Залива», торговым заведением купца по имени Джо Истер и несметным населением: человек двенадцать белых и — в летнее время, когда трапперы бездельничают, отдыхая от зимних трудов, — пять-шесть десятков индейцев.

Ральф окреп. Он был способен спать на земле так же сладко, как на перине, он с аппетитом уплетал свиную грудинку и только самую малость опасался парусных прогулок и порогов. Уже раз шесть индейцы крутыми зигзагами проводили его суденышко через кипящие пороги, и он не пугался больше при виде стремительно летящих на лодку утесов.

А вот Э. Вэссона Вудбери он больше выносить не мог.

От суетливой деловитости Вудбери перешел к мелочным придиркам. Критические замечания сыпались на Ральфа градом: и снаряжение не то, и удочку закидывает не так, и слишком помалу таскает на себе во время пеших переходов, и спальный мешок не умеет как следует затянуть ремнем, и отлынивает от купания в ледяной воде. Можно было подумать, что Ральф — мальчишка-рассыльный из его конторы, и нерадивый к тому же. Как в дурном настроении, так и в самом радужном Вудбери почитал излишним сдерживаться. Терпеть его шуточки было так же трудно, как и припадки ярости, а выслушивать их приходилось немало — и в палатке, и

за едой, и пока удили с одной лодки. Когда на Вудбери напал фривольный стих, он громогласно рассказывал скабрзные анекдоты, смакуя каждое непристойное слово. Но страшней всего были утренние легкие шутки натошак.

Не успевал Ральф сполоснуть себе глаза спросонья, не успевал подкрепиться хотя бы глотком кофе перед первой очередью острот, как Вудбери уже обрушивал на него всю мощь своей ужасающей веселости.

— До вечера собрался почитать? — радовался он, тыча спящего Ральфа в бок. — Не знаю, как насчет чего другого, а в смысле поспать — ты мастер. Ха-ха-ха! (Только никаким «ха» этого звука не передашь: это было нечто куда более клохчущее, самодовольное и возмутительное.)

Когда вздохмаченные, в измятых рубашках, они спустились к воде умываться, Вудбери, шаловливо брызгаясь, взвизгивал:

— Еще тебя водичкой покропить, лапочка, будешь точь-в-точь как утонувшая крыса... Никак наш сюмпунчик сегодня не с той ножки поднялся?

За чаем он изощрялся по поводу нечетного ломтя грудинки:

— Ничего, ничего, Ральфи, я не в счет. Кушай себе на здоровье все до крошки. Я ведь и воздухом буду сыт!

А когда Ральф заговаривал о чем-либо более содержательном, чем акции, чулочный бизнес, гольф или моторы, Вудбери квакал:

— Ба-альшой ты, брат, любитель пофилософствовать! Какой профессор пропадает в человеке! А ну, выдай-ка нам доклад об эволюции!

Да, он был человек с подходом, этот Вудбери, и за словом в карман не лез.

Нельзя сказать, чтобы Ральф держался совсем безответно. Время от времени он огрызался на Вудбери, но чаще усилием воли заставлял себя все сносить: и неприязнь и остроты. В этой новой жизни, так властно поглотившей его, почти исчез прежний Ральф Прескотт, независимый и твердый, который никогда не потерпел бы грубого слова в зале суда. Здесь, среди этих безмолвных озер и говорливых индейцев, он всем и во всем уступал:

в умении ловить рыбу и вести байдарку, разжечь костер на привале или тащить груз во время пеших переходов. Все было непривычно для него, и эти чуждые ему условия убедительнее всяких издевок Вудбери подчеркивали его полнейшую никчемность так убедительно, что ему теперь и вообразить было трудно, как это Ральфа Прескотта кто-то где-то еще может уважать.

Он словно утратил на время собственное лицо. Он стал рабом индейцев, рабом Вудбери, с коротенькими мыслями, бедными чувствами и лишь тупым сознанием собственной глупости; неприметной букашкой, которая ползает в краю исполинских озер под сенью сомкнувшихся вокруг лесов.

И лишь минутами, стряхнув с себя оцепенение, он молча гадал, сколько же можно выносить эту муштру, насколько ли его еще хватит.

ГЛАВА VII

В тот день они дольше обычного шли без остановок, высматривая подходящую площадку для бивака, и под вечер поравнялись с пешей тропой в обход Порога Военных Барабанов — самой опасной стремнины на Мэнтрап-Ривер. Издалека доносился грохот воды, и эти неутрахающие раскаты бередили усталые нервы.

Путь волоком начинался на пологом глинистом берегу, вытоптанном и изрытом множеством ног: сюда приставали все лодки. Явно неудачное место для привала, но Вудбери с сердцем буркнул:

— Все равно станем здесь. А то переправлять вещи, плыть дальше... Все слишком устали.

Сумерки были хмурые, унылые, в свежем воздухе пахло влагой. Лодки одна за другой уткнулись носами в осененный тополями берег. Ральф одеревенел, сидя на тюке со своей постелью. Стрекот мотора умолк, и в ушах, несмотря на глухое, недовольное рокотанье порога, стояла ватная тишина. Индейцы молча, понуро высадились, нехотя перетаскали на сушу вещи, вытащили лодки на ослизлый берег, перевернули вверх днищами, поставили палатки, развели костер. За ужином никто не

проронил ни слова. Грудинка подгорела. Мокрая глина так и липла к обуви, к закоченевшим рукам.

Забрались под одеяла — по-прежнему в полном молчании.

Ральфа уже совсем сморил сон, когда Вудбери вдруг разворчался:

— Не знаю, как вдолбить человеку, чтобы не разбрасывал свое барахло по всей палатке. Неужели трудно запомнить? Вот, полюбуйся — твои сапоги у меня под спальным мешком. Теряй на здоровье, если хочешь, хоть босиком ходи на своих холеных ножках, но надо же хоть в чем-то считаться с другими!

Ральф шумно втянул воздух, готовясь сказать резкость, но стиснул зубы и смолчал.

Разбудил его ожесточенный стук дождя по палатке. Он потянулся за своими часами со светящимся циферблатом и обнаружил, что нижнее полотнище промокло насквозь. Вода потоками неслась на них со склона, заливая палатку. Но что было делать? Лучшего места для стоянки, возможно, не сыщешь и за многие мили, тем более, что от туч вокруг темно, хоть глаз выколи.

Полчаса спустя Вудбери соизволил разбудить его, чтобы сообщить, что идет дождь.

В пять утра вылезли из палатки в дождевиках, проглотили по чашке горького кофе, пожевали мокрой свинины. Нервы у обоих плясали, но Ральф постарался — как ему казалось, успешно — говорить уравновешенно и миролюбиво:

— Придется, видимо, денек переждать здесь.

— Переждать? — отозвался Вудбери. — Здесь, на склоне? Сидеть в грязи? Черта с два! Моментально сниматься, и, пока не отыщем более или менее укрытую стоянку, никаких привалов.

Дождь, судя по всему, зарядил на целый день. Снялись с бивака молча. Индейцы, неся на плечах перевернутые лодки, рысцой затрусили по чавкающей мшистой тропе сквозь мокрые папоротники у подножия тополей и берез, рядом с клокочущим порогом. Ральф, по заведенному обычаю, снаряжился в путь с одним дробовиком и рыболовной снастью. В другое время Вудбери поступил бы так же, но сегодня ему приспичило проявлять деловое рвение и отравлять всем жизнь. Он навьючил на

себя столько чемоданов и ящиков с провиантом, что в конце концов потерял равновесие и два ящика уронил. Тогда он попробовал приладить их к налобной лямке, но не сумел. Ральф сосредоточенно взирал на него телячьими глазами.

— Не можешь подсобить с грузом, да еще в такой день, — гаркнул Вудбери, — так хоть бы ящик подал, чем стоять дурак дураком!

— Слушай, заткнись ты! — Такого бешеного окрика Ральф не слышал от себя много лет. Но он сразу же пожалел, что сорвался. — Да я — пожалуйста, — промямлил он, и Вудбери гордо принял на свои могучие плечи по меньшей мере треть той ноши, с которой обычно шагает рядовой индеец во время пешего перехода. А пристыженный Ральф, помимо дробовика и рыболовной снасти, захватил и свой рюкзак.

С первых же шагов он страдал под тяжестью груза, точно мученик на костре.

А Вудбери, ковыляя впереди него по мокрой тропе, в зеленой мгле под плачущими деревьями, продолжал зычно читать наставления:

— Само собой, индейцам положено на нас работать, да ведь бывает, подойдет такой момент, что в одиночку им всего не одолеть. Взять хотя бы сегодня. Кругом — дождь, тут, знай, шевелись, если хочешь добраться до приличного места и расположиться поудобней. Казалось бы, даже такого маменькина сыночка, как ты, и то проймет: засучи рукава и берись, выручай. Тоже ведь не скоты рабочие, между прочим, такие же люди, как твоя милость! Может, и не состоят в Йельском клубе, не ходят в таких дорогих, таких распрекрасных диагональных штанах и насчет музыки не умеют так красиво врать — но, дьявольщина, есть же и у них какие-то права! К слову сказать, не знаю, отчего бы тебе вообще не принимать хоть мало-мальское участие в работе. А то сидит себе в сторонке, понимаешь, думает, умней его нет на свете...

— Я делаю ровно столько же, сколько и ты!

— Ах во-он оно что! Как бы не так! Нет, вы только подумайте! Да у меня с одним мотором сколько мороки! Ведь целиком все на мне: и заливай, и прочищай, и работай на нем с утра до ночи! Когда-то еще выпадет ми-

нутка посидеть да понежиться вроде тебя... Нет, это надо же набраться нахальства!

Оттого, что это была чистая правда, Ральфу не стало легче; он лишь прикусил язык.

Господи, да он же только и глядел, за что бы взяться, но не хватало сил, сноровки. Что для него на пешей тропе — непосильная тяжесть, для привычных индейцев — пустяк, пушинка. Для него грести — мука мученическая, для них — забава. Как-то нелепо выбиваться из сил во время «увеселительной поездки», тем более что и проводникам от этого не стало бы намного легче.

Можно подумать, будто они и так не бездельничают всласть, когда лодки идут на моторе...

И в конце концов им же за это платят...

Так рассуждал он сам с собою, то горестно, то запальчиво, пока они брели по тропе, и сбрасывали поклажу, и возвращались за новой. И все это время Вудбери, не умолкая, брюзжал на него, на индейцев, на дождь и даже, будто внезапно усмотрев в этом несправедливость и подвох, припомнил рыбину, что третьего дня сорвалась у него с крючка.

Дождь лил не переставая, с недобрым упорством. Погрузились на байдарки и тронулись вверх по реке на моторе, не меняя скорости, мимо задернутых сеткой дождя скалистых берегов, поросших сосной и тополем. Неласковые, безлюдные места: ни величавых гор, ни озерного раздолья. Ральфу в его клеенчатом дождевике и рыбацкой шляпе было довольно сухо, но сама лодка настолько пропиталась влагой, что, казалось, сырость добирается сквозь непромокаемую одежду до его удрученной души. Индейцы накрыли груз своей тяжелой брезентовой палаткой, но и брезент уже промок. Вода маслянистыми лужицами собиралась в складках материи, просачивалась насквозь. Чтобы немного согреться, Ральф натянул себе на грудь край набрякшего, холодного полотнища. Он исполнился завистливого уважения к выдержке и терпению индейцев. Они до того промокли, что дальше уж было некуда, и, даже не прикрываясь этим противным брезентом, сидели недвижно, нахохлившись, с ничего не выражающими лицами.

Ральф устроил себе довольно сносное убежище — скорчился на дне лодки и прислонился спиной к туючку

со своей постелью, а брезент навис над ним наподобие сомнительной кровли. Он как бы утратил способность ощущать. Все равно им вечно плыть под этим вечным дождем, без радости, без надежды, без цели — так стоит ли растравлять себя попусту желаниями? И только смолк требовательный голос плоти, трезво заговорил разум.

Как ни скверно ему в этом тупом оцепенении, благо уж то, что у вымокших индейцев пропала охота болтать и что он избавлен от нападков Вудбери. Тот сидел на головной лодке, отгороженный громким жужжанием мотора — не человек, а давно забытая неприятность, нечто из столь далекого прошлого, что о нем уже можно думать с улыбкой.

Мозг Ральфа в такт мотору работал четко и ровно.

«Да, я рохля — пусть даже слюняй, согласен! — но есть же люди, которые и во мне находят какие-то достоинства...

Ясно одно: с меня довольно. И рыбной ловли. И дикой природы — все то же, ничего нового. И с меня более чем довольно Вудбери.

Назойливый болван! Пустобрех, тупица! Толстокожее животное! Боже, был бы еще стоящий человек — разумный, надежный, пусть недалекий, но добрый, — я бы не отступился от него, как бы туго ни пришлось. Что я — пожаловался хоть раз?.. Так вот: я сыт по горло.

Мог бы — ушел сейчас, сию минуту! Да, знаю: скажут — плохой товарищ. Пусть их! Что мне теперь молва? Мне теперь важна суть дела.

Только — как уйти? Как растолкуешь индейцам, куда мне надо? Чарли сошел бы за толмача, он один понимает по-английски — то-то дражайший Вэс и заграбастал его себе. Выхода нет: я пленник. Значит, держаться до конца поездки. И терпеть этого развязного приказчика!

Стоп. Будем справедливы. Его нельзя винить. Я ведь тоже действую ему на нервы. Просто ему нужен такой спутник, чтобы любил анекдоты с душком и рыбалку. Винить тут некого. Глупо. Все равно, что выяснять, муж или жена виноваты, что дошло до развода. Не сошлись характерами — и все тут. Стоит мне начать копать в этом Вудбери, как я выхожу из себя. Нельзя терять голову. Одно из двух: либо как-то заткнуть ему глотку, либо выбраться отсюда.

По мне бы и дождь — не беда, если бы только был рядом интеллигентный человек, с которым можно душу отвести после такого дня».

Его преследовало неотступное видение: на крытой террасе у моря в штормовую погоду сидят и беседуют люди — тонкие, воспитанные, милые. Все утро, пока он, согнувшись в три погибели, сидел в лодке и ждал, мысль о них не давала ему покоя.

Миля за милей — и ни одного подходящего места для бивака. Прибрежные скалы поднимались слишком круто и так близко подступали к воде, что, когда байдарки подошли к длинному и неглубокому перекату, обойти его по суше оказалось негде. Пройти по такому мелководью на моторе или на веслах было невозможно, и индейцы на головной лодке вооружились шестами и стали продвигаться вперед, отталкиваясь о каменистое дно.

Однако проводник Ральфа, отчаянный и шалый юнец по имени Джесси, с раскосыми китайскими глазами, который так продрог и вымок, что холод и сырость были ему уже нипочем, прыгнул с бака в воду и повел лодку через перекаат бечевой, а второй индеец, на корме, работал шестом. На мгновение лодка замешкалась у берега; Ральф вылез, взобрался наверх по скользкой каменистой круче и стал хмуρο продираться сквозь тополя, которые на каждом шагу хлестали его мокрыми ветками по лицу.

Когда дело касалось того, чтобы нашарить брод в бурливом потоке или лихо отколоть в бревенчатой хижине индейскую кадриль, косоглазый Джесси был сущий гений, однако наряду с талантами в нем уживалась некоторая доля доморощенной беспечности. Не глядя, куда ступает, даже не потрудившись снять штаны или промокшие мокасины, он брел по вспененному мелководью, напевал что-то себе под нос и зевал по сторонам, мерно налегая на бечеву, переброшенную через плечо.

Он поиздевался над тем, как работает шестом Чарли в головной лодке. Потом ему вспомнилась Красное Крылышко, первая красотка фактории Мэнтрап, и, шлепая по воде, он в весьма цветистых выражениях поделился с другими индейцами своим мнением о ней — целый фейерверк огнеметного кри. И тут он поскользнул-

ся, плюхнулся в воду, отпустил бечеву, и байларка рванулась назад.

Ральфу с высокого берега было видно, как его лодка развернулась поперек течения и наскочила на камень. Индеец, который орудовал шестом на корме, потерял равновесие и кубарем свалился за борт, к шумному восторгу флагманского экипажа. Джесси, поднимая фонтаны брызг, поскакал вдогонку за лодкой, а лодка, почуяв свободу, ускорила ход, налетела на острозубую скалу, распорола себе бок и, возмущенно передернув раза два носом и кормою, мирно пошла ко дну.

Джесси подоспел вовремя, чтобы спасти ящик с грудинкой, но рюкзак и спальный мешок Ральфа вместе с байдаркой погрузились в воду. Джесси пожал плечами и снова взялся тянуть наполненную водою лодку бечевой через порог: на берегу поблизости не было ни дюйма суши, где бы можно произвести ремонт. Зато за перекатом между водой и кручей обнаружилась довольно широкая полоска гравия, и благодушно, словно все это было в порядке вещей, четверо индейцев разложили костер, чтобы немного обсушить намокшие вещи, а сами тем временем принялись набивать новые рейки, ставить брезентовые заплаты, подклеивать, подкрашивать, причем даже Джесси — и тот бурно радовался и беспрестанно хихикал, вспоминая свое заключение.

Когда Ральф, оступаясь, сбивая ноги о мшистые валуны, выдрался из густых зарослей кустарника и достиг своих по ту сторону переката, ремонт был уже в полном разгаре.

Вудбери расхаживал по усыпанной галькой косе, точно по шканцам пиратского брига. Ральф еще не спустился с обрыва, как Вудбери уже налетел на него с истошным криком:

— Ну что, допрыгался? Можно было не сомневаться! Угробить отличную байдарку! Загубить мешок муки! Да еще в такой дождь! Все...

— Я тут ни при чем, — отрезал Ральф. Последние четыре фута он проехался на мягком месте, ободрав себе руки о гравий, и этим слегка подпортил впечатление, но в голосе его не было прежней покорности.

— То есть как это ни при чем? Очень даже при чем! Разрешить Джесси баловаться с бечевой!

— А как я мог не разрешить? По-английски из них понимает только Чарли, а его ты, разумеется, зацапал себе!

— Ну, мог бы по крайней мере...

Ясно было, что буря улеглась. Зато гнев Ральфа только начинал входить в силу. Они стояли друг против друга, он и массивный Вудбери, и Ральф уже не выглядел комично в своем мешковатом клеенчатом костюме — такой жесткой решимостью дышало его худое лицо.

— Тебе сразу было сказано, что для меня такие походы — дело непривычное, и все-таки ты с самого начала только и знаешь, что придираешься. В одном ты, во всяком случае, преуспел, любезный друг — позволь поздравить: в кои-то веки я вырвался, чтобы как следует отдохнуть, — и ты мне отравил этот отдых!

— Ты, может, думаешь, Прескотт, что мне с тобой сахар? То он дуется, видите ли, то он тебе оказывает вежливое снисхождение, то пристает с заумными разговорами, выхваляется, какой он ученый... А растяпа — что-то невозможное! Все валится из рук! Да такие вещи у нас в Америке любой десятилетний малец должен уметь! Ну, сказал, что не привык к походам — но не мог же я предположить, что ты паралитик!

...Изогнутая полоска гравия — футов шесть в самом широком месте; по одну сторону сочится влагой скалистый обрыв, лохматый от мокрых лишайников, по другую, под черными тучами, несетя к широкой каменной гряде черный поток, злобно ощерясь стекляннм хребтом под нескончаемым ливнем, свиваясь в коварные водовороты на мелководье. И на этой полоске гравия — жалкая горсточка измазанных в грязи мужчин, причем двое из них бранятся, точно сварливые бабы на заднем дворе. Одна дыра в парусиновой байдарке, два несовместимых представления о чувстве юмора — и славной истории человечества как не бывало, и величие человеческой воли — пустой звук. А вокруг, на миллионы квадратных миль — дремучая лесная чащоба, нелюдимые озера, угрюмая тундра, на фоне которых участники грозного поединка не более как две мухи, что зудят, запутавшись в паутине.

Сомнительно, чтобы мысль об этом несоответствии закралась в сознание мистера Э. Вэссона Вудбери. Он продолжал в том же духе, стараясь унижить товарища, унижая этим себя, выкрикивая гадости, о которых потом наверняка пожалеет,— и все это самозабвенно, как пьяница, которого обвиняют в том, что он не дурак выпить. Но Ральфу за годы юридической практики наскучили безобразные сцены. Он сразу устал от перебранки и сразу заметил, что индейцы, прыская со смеху, прислушиваются к ней с упоением.

Никто не признал бы Благонадежного и Респектабельного мистера Прескотта в этом человеке, который взглянул на Вудбери в упор — так, что тот осекся,— и отчеканил:

— Хорошо. Я тебе в тягость. Разреши довести до твоего сведения: я буду рад и счастлив с тобой расстаться.

— Брось дурить! — фыркнул Вудбери. — Куда ты денешься?

ГЛАВА VIII

Уже вечерело, когда, провозившись с ремонтом, они, жужжа мотором сквозь завесу дождя, дошли до того места, где обрывались увенчанные тополями утесы, и перед ними открылась старинная вырубка — отличное место для стоянки. Покосившиеся колья, на которых некогда держалась рама для вяления рыбы, свидетельствовали о том, что здесь издавна располагались индейцы.

Вудбери и Ральф даже не подозревали — а проводник Чарли, если бы и знал, ничем не додумался бы рассказать, — что здесь в 1587 году французские миссионеры-первооткрыватели построили вигвамы и с тех пор ни один путник — будь то губернатор, епископ или одинокий траппер — не проходил мимо, чтобы не отдохнуть в этом месте денек, а то и неделю. Ибо, хотя вокруг все те же девственные леса, что в 1492 году, Мэнтрап-Ривер — столбовая дорога, Бостонский Почтовый Тракт, Великий Северный путь этого глухого края.

Местечко было хоть куда: поросшая травой поляна, сухая, расчищенная от камней, защищенная стеною сосняка. Индейцы поставили палатки и в пять

минут развели огромный костер — любому белому потребовалось бы на это не менее получаса. Ральф, продрогший до костей — дождь уже забрался к нему за шиворот и в рукава, — с наслаждением уселся на ящик с провиантом под брезентовым навесом, натянутым на суку у костра, и протянул руки к веселым языкам пламени.

В первый раз они с Вудбери не помирились после ссоры. Между ними стояло напряженное молчание, оба выжидали, оба были настороже.

Вудбери вскочил на ноги.

— Сходить рыбки поудить, — буркнул он.

Ральфу было видно, как, стоя среди прибрежных валунов, он снова и снова забрасывает блесну, изредка вытаскивая щуренка. Надо думать, ему не очень-то сухо там, на камнях. И до чего же у него одинокий, жалкий вид... Ральфу стало совестно. Он застегнул на все пуговицы свой длинный клеенчатый дождевик — с каким восхитительным чувством облегчения он только что расстегнул его! — вздыхая, натянул набрякшие сапоги и зашаркал к берегу.

— Слушай, — сказал он вполголоса, глядя, как Вудбери с безнадежным видом перехватывает леску то одной, то другой рукой, подтягивая к себе блесну, и с его мясистых пальцев капает вода. — Я знаю, от меня действительно не слишком много толку в походе. И у тебя сейчас действительно есть кой-какие основания злиться. Но все-таки, надеюсь, ты не из-за меня ушел от костра?

— Я? Из-за тебя? Будет чушь городить! — нельзя сказать, чтобы это прозвучало обнадеживающе. (Только, боже мой, так и проглядывал в нем тот толстый мальчик, каких много, болезненно обидчивый от сознания своей незначительности, вызывающе задиристый, оттого что его самого вечно задирали и унижали. Отчасти Ральф догадывался об этом — но лишь отчасти, ибо где сказано, что Ральф Прескотт был более щедр и тонок душою, чем любой из нас?) — Представь себе, что я люблю удить рыбу, — продолжал Вудбери. — Настолько люблю, что раз уж я приехал ради этого за две тысячи миль, а может, и за три, не знаю, так уж разреши мне поудить! А от дождя у меня цвет лица не пострадает, не то что у некоторых!

Ральф сказал медленно, обдуманно, хоть и без особого воодушевления:

— Прекрасно. И черт с тобой.

Он вернулся под брезентовый навес, к обволакивающему теплу костра. Он стянул с себя не только куртку, но и клеенчатые штаны. Неизвестно, откуда взялось это чувство, что он поступает вызывающе, позволяя себе нежиться здесь в таком комфорте. И, сознавая, что идет на открытый бунт, не испросив разрешения Вудбери, поскольку до сих пор час каждой трапезы определялся лишь требованиями его желудка, Ральф велел Чарли отломить ему кусок бэннока и налить чашку чаю. Индейцы — люди здравомыслящие, без всяких иллюзий насчет прелестей рыбной ловли под дождем — уже давно грелись чаем в своей палатке, чадной от их дымящейся, мокрой одежды.

Ральф заметил, как Вудбери, двигаясь с удочкой вдоль берега, постепенно скрылся из виду за коленом реки. Он не сомневался, что бледнолицый вождь разыгрывает из себя мученика специально ему в укор, и все-таки не был склонен дать себя разжалобить и снова заманить в неволю. Его уже почти сморила блаженная дремота, но внезапно он очнулся, услышав звук чужого мотора.

Звук был резкий, напористый, не то что у подвесного мотора Вудбери. Ральф разглядел, как из дымки дождя вынырнула незнакомая лодка и понеслась вверх по реке, держа курс прямо на их бивак. Когда лодка подошла ближе, он увидел, что в ней сидят двое: на носу — молодой индеец с неприятным лицом; на корме — белый в резиновом черном дождевике не первой молодости и парусиновой охотничьей фуражке. Для Вудбери причалить к берегу было целое дело: он долго колебался, выбирая место, приставив ладонь козырьком к глазам; он вскакивал, он зычно и невразумительно совещался с Чарли. Незнакомец, сидя как влитой на корме, уверенно развернул лодку широким полукругом и врезался в прибрежный песок в идеальной рассчитанной точке.

Только тогда он встал, стянул с головы намокшую фуражку, выжал ее. Ральф увидел долговогозого поджарого мужчину лет сорока — сорока пяти, носатого,

с нависшим лбом и рыжеватыми волосами: янки из Мэна, пожалуй, или моряк с острова Кейп-Бретон.

— Не возражаете, если мы станем здесь? — бросил ему незнакомец.

— Нет, отчего же!

Ответ прозвучал независимо, но внутренне Ральф трепетал: он дал согласие без санкции великого Э. Вэссона Вудбери. А кроме того, ему не внушал доверия этот чужак, который помог своему индейцу разгрузить лодку, вместе с ним перевернул ее, вместе поставил приземистую палатку — одну на двоих — и установил внутри противомоскитные сетки. Палатка была не шелковая, в такую любой комар заберется.

— Боже, — вздохнул Ральф. — Этот тип по части мужского героизма заткнет за пояс самого Вэса!

Мужчина, пригнувшись, шагнул к Ральфу под навес и, не спрашивая разрешения, сел на плоский ящик с грудинкой.

— Табачком не богаты? У меня кисет весь промок.

Тон у него был довольно приветливый, но на Ральфа он даже не взглянул, словно тот был пустое место, а не человеческая личность, возможно, достойная внимания. Такое равнодушие было обидней мелочных придинок Вудбери.

— Увы, — коротко отозвался Ральф. — Сигареты вот есть. Да, вы, верно, не балуетесь — дамская забава?

— Что вы! Я — с великим удовольствием, если, конечно, найдется лишняя!

В голосе мужчины звучало удивление. Он повернулся и обдал Ральфа светом удивительно прозрачных и доверчивых голубых глаз.

На мгновение Ральф почувствовал к нему симпатию: в нем было что-то простодушное, бесконечно искреннее. Но он курил молча, и Ральф, поглядывая на эти расстрескавшиеся руки с длинными пальцами, худые, но ширококостные и, видимо, налитые железной силой, снова приуныл от сознания собственной немощи.

— Слушай, друг, — озадаченно и раздумчиво заговорил немного спустя незнакомец. — Я, верно, где-то дал маху. Ты вот насчет сигарет выразился как бы с обидой. Возможно, я задел за больное место? О господи, вечно со мной та же беда! Должно быть, по части такта бог

обидел. Или, может... постой, да у тебя, чего доброго, сигареты на исходе?

Он говорил проникновенно, задушевно — так говорит редкий человек, такой, которому не придет в голову, что у кого-то хватит глупости употребить его доброжелательность во зло, который никогда не станет добиваться своего силой, потому что никогда не видит в этом надобности.

— Нет! — уверил его Ральф. — Правда, нет. У меня их много, и притом в жестяной упаковке. Мы нынче основательно искупались, а вот сигареты, слава богу, остались сухие. Нет, просто этот... в общем, мой товарищ, он внушает, что надо быть настоящим мужчиной, если... Вы, верно, уж догадались, что я здесь не Верховный Главнокомандующий, а так, сиротка, который тащится по пятам...

Снова ясный свет этих удивительных голубых глаз, но сейчас они глядят озабоченно, вопросительно.

— Н-нет, того парня я как-то не принял в расчет. Что здесь есть второй белый, это я знал, конечно, еще до того, как мы пристали...

— Откуда?

— А по следам — где вы оба высаживались. Городского производства обувь. Но что тут у вас и как, не задумывался. Кстати, мне не мешало бы представиться. Зовут Джо Истер. Имею свое дело в фактории Мэнтрап, что на Озере Грез. Конкурененты — «Гудзонов Залив» и «Братья Ревийон». Держаться держусь, но приходится туго, будь уверен. Этим большим компаниям палец в рот не клади. Гудзонов агент в Мэнтрапе — парень дошлий. Славный, между прочим, мужчина, и жена у него очень приличная дама. Сейчас вот отлучался в Брендон, подкупить товару. Ну, а вы, как я понимаю, с Востока, да?

— Верно.

— Чикаго?

— Нью-Йорк.

— Ого! Ну и ну! Я как-то знавал одного из Нью-Йорка — рыбачил в здешних местах. Погоди-ка... нет, точно, четыре года назад. Такой Браун. По торговой части: оптовая фирма бакалейных товаров. Не знаешь, случаем?

— Я...

— Нет, ты скажи! — Джо Истер внезапно расправил плечи, поразительно широкие для такого сухопарого человека, и улыбнулся щедрой улыбкой, охватившей все лицо: голубые глаза, и нависшие клочкастые брови, и некрасивый рот, и шершавые румяные щеки. Как будто луч солнца озарил эти намокшие сосны, эту хмурую реку. — Скажи на милость! Наверно, уроженцу Нью-Йорка обидно, когда его примут за жителя Чикаго. Все равно что спросить коренного лондонца, не из Риджайны ли он родом!

— Велика доблесть — быть уроженцем города, в котором больше всего идиотов!

— Может, и так, только мне лично сдается, что в этой жизни — другой-то я пока не видал — человек только и знает, что приписывать себе доблести. Ох, боже ты мой, опять я пустился в философию! Видишь, какая история: года два назад сходил я в Киттико с «Эмили К. Джаст» и стянул один журнальчик, там напечатано про какого-то парня, называется «Философ лесной окраины». Ба, решаю, не иначе — про меня! Два года прошло, а никак не стряхну с себя эту блажь! Скупись ондатру по дешевке, продашь с барышом — стало быть, это все мой могучий ум. Нагреют на сделке — опять резон готов: чересчур я хорош для этого бесчестного мира. Прямо умора! А занятно, небось, глядеть, как я козыряю перед образованным человеком?

Джо Истер побагровел от смеха. Ральф перестал дичиться. Смущаясь, но без утайки он поведал о том, как ему трудно освоиться в этих краях, и уже подбирался к своей главной беде, как вдруг на них, точно циклон на прерию, налетел Вудбери.

— Хелло, — неприятно рявкнул Вудбери.

Он стоял возле навеса, мокрый до нитки, победоносно увешанный множеством шук и глубоко задетый тем, что его не встречают как героя-мученика.

— Хелло, — спокойно сказал Джо.

— Что-то я не припомню вас, приятель, — фыркнул Вудбери.

Ральф заметил, что взгляд у Истера был уже совсем не такой ясный и добрый, когда он ответил Вудбери:

— Надеюсь, вы не в обиде, что я тут вам навязался. У меня это местечко вроде как облюбовано для стоянок. А звать меня Истер. Купец с фактории Мэнтрап...

О, как рассыпался тут в любезностях коммерческий директор (и вице-президент) чулочной компании «Век Ажура», приветствуя гостя, как сильный сильного, когда с двух разных концов земли сойдутся друг с другом они:

— Ну, как же, как же! Джо Истер! Дай пять, старина! Наслышан про тебя — и даже очень. Я ведь уж побывал тут три года назад — рассчитывал добраться до Озера Грез, да не вышло. Ха, я как раз метил подкупить у тебя кое-что из продовольствия, когда доберемся до фактории. Ну, а меня, Джо, звать Вудбери, Вэс Вудбери. С этим... с Прескоттом, ты, наверное, сам познакомился? Новичок в здешних краях... Да и где он вообще не новичок? Разве что в детской... Представляешь: в резиновых тапочках пожелал здесь разгуливать — это вместо сапог! Как тебе понравится? Конечно, я про такую погоду, как сейчас, не говорю — на тебе вон мокасины с калошами, — но куда ж ты, толкую ему...

В безудержный поток откровенностей Вудбери словно форштевень лодки врезался голос Джо Истера:

— Я никогда не хожу летом в сапогах. В лодке — мокасины, на берегу — мокасины с калошами. Только так.

(Ральфу припомнилось, что за благородные сапоги, приобретенные по настоянию Вудбери, он выложил тридцать пять долларов.)

— Да ну, Джо? — журчал Вудбери. — Вот как? Надо будет и мне попробовать мокасины с калошами. Да, так вот. Этот малыш — теперь-то он начал нос задирать, воображает, будто заделался бывалым таежником, а ведь на первых порах *подушку* с собой таскал, а в первую ночь собрался раздеться догола и напялить пижаму! И это здесь! К северу от пятьдесят третьей параллели!

— Да что вы!

Истер посмотрел на Ральфа в упор; Вудбери смерил Ральфа испепеляющим взглядом; Ральф почувствовал себя мальчишкой-несмышленищем, который думал, что удачно занимается разговором поклонника своей сестры, а теперь взрослые почему-то, украдкой по-

смеиваясь, отсылают его спать... Истер отвел от него цепкий взгляд и спокойно оглядел Вудбери; тот стоял, слегка пригнувшись, просунув голову под брезентовый навес.

— Значит, такое дело,— неторопливо заговорил Истер.— Мне сорок шесть лет. Родился в Нью-Брансуике. Отец — сапожник. Порядочно времени поработал в каретных мастерских. Так что в лесах живу лет двадцать пять, не больше. Когда приехал сюда — щеголь отчаянный, со второй рубахой на смену — не сразу принялся за лукавое ремесло торговца. Сперва был погонщиком, после — траппером. Да. Так вот, поначалу-то, конечно, мечтал стать отчаянным малым, прожженным, отпетым и все такое. На дворе — жара, а я сплю в штанах. Ну, а потом — то да се... знаете, как: составил, разбогател — иной раз расплатишься в конце года по счетам, глядишь, еще несколько долларов осталось... Правда, зимой, когда мотаешься на собаках, скупаешь меха — спишь как есть, только очки снимешь. Но летом... — Он остановился на полуслове. Взгляд его застыл на Вудбери. В голосе зазвучали ледяные нотки. — ...летом, друг, я надеваю на ночь пижаму — особенно когда в пути. Причем шелковую пижаму, приятель. И я скорей отдам своего рулевого Лоренса Джекфиша — вон он, таскает у вас из банки помидоры, — чем расстанусь с моей мягкой подушкой — я ее уж лет пять с собой вожу! Вашему брату, городским тузам — ты ведь, поди, коммивояжер, Вудбери? — для вас лишения в походе — одно удовольствие. А для меня дорога — бизнес, и я стараюсь устроиться в пути как можно удобнее, и если разрешите у вас стрельнуть еще сигаретку, мистер Прескотт, буду вам очень обязан.

Оглушительное молчание. Истер курил, и Ральф курил, а Вудбери открыл рот и не нашел что сказать.

Наконец, справившись с негодованием по поводу этого вероломного и коварного выпада, Вудбери подтащил под навес еще один ящик. И тоже закурил. Ни звука. Только смешки четырех индейцев, смакующих свежие факты скандальной хроники Белопенного в передаче Лоренса Джекфиша; только треск сосновых шишек в костре, заунывный шорох дождя да норовистое урчание Мэнтрап-Ривер.

Недобрую тишину нарушил Ральф.

— Джо,— сдавленно проговорил он.— Меня зовут Ральф. Я хочу, чтобы ты рассудил нас. Можно изложить суть дела?

— Валяй, Ральф.

— Я трус. Рохла. В девятнадцатифутовой лодке мне не пройти на веслах и полумили. Не пронести и ста фунтов на волоке. Не осилить в одиночку порог. Не...

— А чего ради? — Взгляд арбитра был устремлен не на Ральфа, а на Вудбери, голос звучал сухо.— И какой дурак станет от тебя этого требовать? Ты кто — врач, учитель, юрист?

— Юрист.

— Ну, а я так в пять минут заблужусь на Бродвее. И вряд ли оркестранты в опере развесят уши, если я начну излагать им свое мнение о музыке. И судебное дело ты наверняка обстряпаешь лучше меня. Знай: только фанфарон и надувала будет колоть глаза новичку его недостатками. Сам не уверен в своих силах, вот и ищет козла отпущения, чтобы поднять себя в собственных глазах. Понятно, тебе с большим грузом много не пройти. Да и с какой стати? Ты что, в грузчики собрался? Или уж не промышляет ли тут кто подневольным трудом? — В голосе Джо послышалась угроза.— Уж не запугивает ли тебя кто-нибудь на моей земле?

Снова долгое и тягостное молчание. Ральф подыскивал слова, которые положили бы конец его мукам в этом безрадостном краю, среди словоизвержений Вудбери. Джо Истер придумает выход. Ральф медлил, не решаясь дать волю словам, которые, может статься, изменят ход его жизни так же быстро, как невинный с виду пузырек, наполненный бесцветным ядом.

Однако поразил всех не Ральф и не Джо, а Вудбери.

Подавшись всем телом вперед под брезентовым навесом, вертя в пальцах трубку, разглядывая ее недоумевающе и огорченно, он произнес с тою мягкостью, которая в рассерженном человеке всегда производит трогательное впечатление:

— Ральф. Вероятно, я и в самом деле был с тобой не в меру крут. Вот и Джо, видно, того же мнения. Наверное, вы оба правы. Ты уж прости меня, Ральф, дружще. Ей-богу, прости. Я ведь не со зла. Просто харак-

тер такой — брякнешь, не подумав... Ну, мир? Давай лапу.

В отвесах костра к Ральфу протянулась пухлая рука, в лицо доверчиво заглянули глаза Вудбери.

Вспышку ярости Ральф встретил бы во всеоружии — но растрогаться оттого, что Вудбери поступил как порядочный человек, и снова угодить в рабство? Страшно подумать! Он отозвался не сразу. Вудбери подержал руку и уронил. В ранних, подернутых дождем сумерках скрылась река. Ярче запылали в высоком костре сосновые поленья, отбрасывая зыбкие блики на косою лоскут брезента у них над головой. Четыре проводника и индеец Истера сообщая, как водится на биваке, готовили ужин, и Лоренс Джекфиш одобрительно пробовал плавленый сыр с перцем, который привезли в жестянках городские лакомки.

Когда Ральф решился заговорить, его волнение уже улеглось. Можно было подумать, что он докладывает дело в суде.

— Поздно, Вэс. Ты, в сущности, человек неплохой. Просто разбогатевший невежда — продукт современного общества с его непостижимо нелепой системой обожествления торгового предпринимательства, так что...

— Ну, знаешь, я тебе скажу...

— *Минуточку!* Но при всем том я больше не в состоянии пройти с тобой ни шагу.

— А придется! И с этой минуты никто за тебя работать не будет...

— Понимаешь, Вэс, тут главное даже не то, что ты меня оскорбляешь. Главное — ты мне надоел. И если Джо придумает, как это сделать, я уйду от тебя. Совсем. Да-да: бросаю, дезертирую — как угодно! На все согласен! Ведь лучше подышать с голоду в одиночку, чем пировать, когда ты скулишь под боком. Господи, а я так устал, так старался... Ну, да что там! Это — дело прошлое. Сейчас надо... Джо, ты бы не мог меня выручить?

— Видишь ли... — начал Джо и умолк.

В ужасе, гадая, не просчитался ли он, приписав Джо Истеру благородную цельность натуры, холодея при мысли, что снова может стать жертвой убийственного красноречия Вудбери, Ральф взмолился:

— Мне никаких удобств не нужно, Джо. Я проживу и на грудинке — на одном бэнноке. Дождь, пороги — это мне тоже не страшно. Но загубить весь отдых с этим напыщенным ничтожеством, этим остряком-самоучкой, этим...

— Эй-эй! Осади! — добродушно прервал его Джо. — Я разве о трудностях? Просто задумался, где тебя лучше устроить у себя в Мэнтрапе — на крытой веранде или в комнате для гостей. А так — какой вопрос, Ральф! Если ты не против заехать ко мне, повожу тебя на рыбалку по нашим местам, неподалеку от дома, ну, а потом берусь доставить к поезду. Я присмотрел одну полянку для пикника — лучше не найдешь, — обязательно надо будет тебе показать...

И тут великий Вудбери не выдержал.

Его прорвало, и он заклокотал, извергая потоки огнедышащей лавы:

— Ну, а теперь, когда вы тут мило порешили, как провести вдвоем лето, и даже пикничок не забыли, позвольте и мне вставить пару слов! Этого Прескотта, Истер, я его подобрал в Нью-Йорке; он в ту пору до того дошел, что у него руки тряслись. То ли наркотики, то ли за галстук закладывал потихоньку — не знаю, врать не хочу. Я беру его в долю. Даю возможность участвовать в поездке, которую подготовил я один. Потратил месяцы. Телеграммы, хлопоты. О расходах говорить не приходится — да и плевал я на расходы! И после всего этого...

— Я свою долю внес, — уточнил Ральф, но Вудбери будто не слышал.

— ...после всего этого он меня подводит. Кстати, вы, может, думаете, мистер Прескотт, я буду очень убиваться, что лишился вашего драгоценного общества? И трус, и нытик, и брюзга! Где еще найдется такое сокровище — где, я вас спрашиваю? Покажите мне его! И если вы воображаете, что я все ночи напролет буду сидеть и плакать без вашего высокоученого общества, так вы очень ошибаетесь, только и всего, очень и очень ошибаетесь! Катись, скатертью дорога! Удерживать не собираюсь! Боже упаси! Только одно позволь тебе заметить, мой милый — мой миленький соплячок, выскочка несчастный: эти индейцы — мои. Их нанимал я.

И эти лодки — тоже мои. Я их покупал! Мы договорились, что ты за свою лодку заплатишь после — вернее, за то, что от нее останется, когда ты еще пару раз продырявишь ее на порогах! Но откуда я знаю, вдруг ты не заплатишь? Вдруг ты от долгов привык отпираться так же, как от товарищей в походе? Я с тобой еще в покер на честное слово не играл — уберег господы!

— Браво,— сказал Ральф.

— Короче,— продолжал Вудбери,— если ты так очаровал своим разговором дорогого мистера Истера и он желает прихватить тебя с собой,— пожалуйста. Только когда я прибуду в факторию Мэнтрап, у меня состоится небольшой разговор с тамошними белыми — настоящими белыми,— и когда я им выложу все, что знаю, едва ли мистера Ральфа Прескотта примут с распространенными объяснениями!

Все это время Джо Истер был тих, как статная ель, что росла за навесом,— впрочем, ель хоть вздыхала на упрямом ветру, под неумолчным дождем. Только раз, не дожидаясь просьбы, Ральф вложил ему в руку сигарету. Джо сунул в костер веточку, прикурил. Пламя осветило его худое лицо, резче обозначив морщины, точно черные рытвины в красноватом грунте. Теперь он заговорил, негромко и равнодушно:

— Ты не прибудешь в факторию Мэнтрап, Вудбери.

— Да неужели?! Что вы говорите?! Очень интересно, кто это меня остановит!

— Вот так, Вудбери. Не прибудешь. Меня мало трогает, что тыпустишь слух — среди таких людей, как Папаша Бак и Джордж! — будто Ральф — отъявленный прохвост и будто я его умыкнул. Мне просто-напросто не по вкусу твои сапоги, Вас. И эта неопрятная привычка спать одетым. Так что в Мэнтрапе тебе не бывать. Ты повернешь...

— И кто ж это мне запретит?

— Я. Здешний мировой судья. Мне придется тебя задержать. Доставим в Медвежью Лапу и сдадим под суд за отстрел лося в неохотничий сезон.

— Не болтай вздор. Я в жизни не подстрелил ни одного лося.

(Ральф мог бы разоблачить Вудбери: «А как же ты мне рассказывал, что три года назад повалил целых шесть штук!» Но, к чести его будь сказано, промолчал.)

— Охотно верю,— так же неторопливо продолжал Джо Истер.— Интересно, сколько раз пробовал. Но я тебя вправе задержать и за другую провинность — и за нее-то я тебя уж точно задержу; считай, что ты арестован за ввоз спиртных напитков на индейскую территорию. Тихо, ты, болван! Хоть раз в жизни закрой рот и послушай! У тебя и сейчас вон в заднем кармане фляга с самогоном — своими глазами видел, когда мы шли к берегу, как ты прикладывался к ней за поворотом. Словом, вот таким образом, как говорит миссионер у нас в Мэнтрапе. Ты нам здесь не нужен, Вас. Так что поворачивай-ка ты на восток...

В этот миг Ральф любовался Вудбери так же искренне, как в другое время презирал его. Вудбери парировал выпад — энергично и без прежнего фанфаронства. Парировал, как подобает толстому мальчугану, который каким-то чудом превратился в коммерческого директора фирмы и имеет на счету сорок тысяч долларов.

— Джо, тебя интересно послушать. Возможно, ты и мог бы арестовать меня за тайный ввоз спиртного, но ты не сделаешь этого. Вопреки здравому смыслу тебя чем-то взял этот Прескотт — видит бог, ты еще заплачешься с ним — а если будут судить меня, притянут и его... Ты угощайся табачком. Сигаретки-то — дешевка, должно быть, уж надоели порядком.

— Благодарю.— Джо набил трубку и запыхтел ею в раздумье, а Ральфу стало так одиноко и тоскливо, как никогда в жизни.— Пожалуй, правда твоя,— проговорил Джо.— Да и хлопот не оберешься, пока тебя засудят... Но все же... Слушай, Вас.— Голос Джо зазвучал просительно.— Мы с Ральфом будем рыбачить на Озере Грез — ну, и еще в кой-каких водоемах поблизости от Мэнтрапа. А тебе забрать бы свои славные байдарки и повернуть на озеро Солферино: там и рыбы гораздо больше...

— Спасибо за заботу, очень мило с твоей стороны, только никуда я не поверну! — ангельски-безмятежным тоном отозвался Вудбери.

— Мило? Я думаю. Не каждому специалисту по продаже кальсон и самогона посчастливится рыбачить на озере Солферино. А тебе вот повезло. *Чарли!*

За невинным словечком «Чарли» последовали другие, на кри — трескучем, резком, хлестком, дразнящем кри. Индейцы Вудбери, сидевшие у костра, повскакали с мест. Они уронили сковородку с бэнноком и чайник. Они в ужасе стояли и слушали.

— Я только сообщил им, — объяснил Джо, — что им будет, если они зайвтся в Мэнтрап с бутлеггером. Завтра же они поведут тебя на Солферино, а нет — так шагай пешком.

Он возвысил голос, добавил еще что-то непонятное, и индейцы послушно присели у огня.

— А теперь, Вэс, — сказал Джо, — угощай нас ужином. В четыре утра тебе трогаться в путь.

ГЛАВА IX

Мирно блестела на солнце река, охорашивались сосны. Только на мгновение за весь день у Ральфа стало скверно на душе — при прощании с Вудбери.

— Не пойму, из-за чего это все получилось, Ральф, — сказал Вудбери. — Чертовски неохота тащиться совсем одному. Думаешь, ты очень по совести со мной поступил, старик? Вспомни, так ли я к тебе отнесся в Нью-Йорке, когда ты там совсем расклеился! Какими глазами ты после этого будешь смотреть на меня, когда вернешься?

Но тут Ральфа весело окликнул Джо Истер:

— Устраивайся на середине, Ральф. Думаю, там тебе будет удобней. Или хочешь сесть на мотор? — И мгновение было забыто.

Ральф оглянулся, недоверчиво следя, как удаляется вниз по Мэнтрап-Ривер караван Вудбери — его караван: его собственная байдарка, Вэс, привычные фигуры индейцев... А он с человеком, которого до вчерашнего вечера не видел в глаза, несется под гул мотора вверх по реке в неведомую и загадочную страну.

Он заметил, что Джо — капитан иного склада, чем Вудбери. Весь экипаж — только он сам да один индеец, и тем не менее долговязый человек в свитере и синем комбинезоне никогда не раздражается, не повышает голоса, не приказывает, а как бы предлагает. Вудбери не спускал глаз с подвесного мотора, точно гравер со своей работы. Джо Истер, будто между прочим, подкрутит болты, подрегулирует карбюратор — и мотор заводит свою песню и работает у него безотказно.

Ральф со своим спальным мешком и рюкзаком сидел в своем новом плавучем доме, пристроив дробовик и рыболовную снасть, как и прежде, в ногах. Сзади — едва знакомый Джо Истер, впереди — совсем незнакомый Лоренс Джекфиш, стройный индеец-кри с хитрыми глазами и бисерной лентой на ковбойской шляпе. Невероятно. Он — и вдруг здесь. Этого не может быть.

Вудбери утверждал — и не раз, — что сквозь шум мотора ему не разобрать, что советует Чарли. То и дело, нетерпеливо заглушив мотор, он с досадой спрашивал: «Ну, что ты там бормочешь, черт побери?» — по-видимому, извлекая немало удовольствия из этой процедуры. А вот Джо Истеру, оказывается, гул мотора слушать не мешал. Пока они летели по светлому, искрящемуся речному раздолью, он как бы невзначай задал Ральфу два три вопроса, и Ральф разговорился, да как!

Обычно немногословный, он вел себя сегодня, как мальчуган, чьи родители за всю неделю не набрались терпения выслушать волнующие его вопросы и теории. Он пересел лицом к корме и принялся изливать Джо свои воспоминания, впечатления — все, от чего с такой скукой отмахивался Вудбери.

Лондон... Бывал Джо когда-нибудь за границей? Никогда?! Лондон! Библиотека Внутреннего Темпла, башенки, глядящие на старинные газоны... Трафальгурская площадь в День Перемирия, десятитысячная толпа в замороженном и согласном молчании... Витрины узких улочек под шоколадными вывесками, в которых больше английского, чем в Вестминстерском аббатстве... Камин черного дуба в таверне «Петух»... Беркли-Сквер ранним весенним вечером; к высокому мрачному особняку подкатывают хорошие женщины, спеша на чай к герцогине... Пикадилли-Серкус в желтоватом ту-

мане, полисмен, такой краснолицый, как будто у него внутри жаровня... И Дуврские утесы, какими ты увидел их, возвращаясь из Франции, и славные толстяки-носильщики после крикливых щуплых *facteurs*¹ Кале.

Интересно, как представляет себе Джо будущее своей бескрайней страны, когда здесь перебьют пушного зверя и на место траппера придет фермер и действительно откроются золотые прииски, о которых сейчас ходят слухи?

Или религия... Испытывает ли потребность в молитве такой человек, как Джо, в многодневном одиночестве зимнего пути, чувствует ли десницу всемогущего в безлюдной глуши?

Музыка, театр, кино — интересуется ли этим Джо, приезжая за товаром в Виннипег? Скучает ли без этого в Мэнтрапе?

Ральф думал вслух, предоставив своей мысли развиться среди сложностей и противоречий, наслаждаясь умственной гимнастикой после долгих недель апатии. Джо не выказывал признаков скуки, а Ральф сейчас не видел ничего неуместного в том, чтобы рассуждать о высоких материях под равнодушно плывущими облаками. Только к вечеру его захватило очарование засыпающей природы, и он, умиротворенный, замолк. Берега Мэнтрап-Ривер раздвинулись, впереди простиралось озеро. Золотисто-зеленый свет на белесых стволах тополей, на серых скалах, на воде, сверкающей, как полированный щит; долгие задумчивые тени. Две длинные волны в кильватере, гладкие, не тронутые зыбью, будто отлитые из хрусталя, а за спиной величаво поднимается огромная, полная, нестерпимо красивая луна.

В благоговейной тишине высадились на берег, вскипятили чайник. Не спеша закурили.

— Вот за этим я сюда приехал! — сказал Ральф.

— Ну и хорошо! — Негромкий ласковый голос Джо Истера мягко вплетался в вечернюю тишину. Видно было, как над озером плеснулась рыба; по воде разошлись огненно-оранжевые круги. — В лесах бывает неплохо, только с ними требуется ровное обхождение. Хотя я и в городе сколько раз славно проводил время.

¹ Носильщики (франц.).

По концертам, про которые ты толковал, я не очень ходок. Правда, оркестр Суза один раз слушал. В Миннеаполисе было дело. Да, вон в какую даль занесло. Состязания по бильярду видел — классная была игра. Но самое занятное, что там со мной приключилось, — это... Скажи, тебе маникюр когда-нибудь делали?

— Ну да, случалось.

Ральф был изумлен. Ногти Джо, поломанные от возни с тяжелыми тюками мехов, с дровами для костра, никак не выдавали особого пристрастия к маникюру.

— Вот и мне разок случилось. Интересно так вышло. Было это, я уж сказал, в Миннеаполисе, примерно год назад. Решил я себя побаловать: постричься и побриться в модной парикмахерской. Не вышибли бы только, думаю, ну да ладно, рискнул. И отправился в Ранела-Отель. Гляжу: шик, блеск, повсюду мрамор, позолота. В закуточке рядом с вестибюлем — плюшевая мебель и все такое — сидят девушки: видно, поджидают своих кавалеров. Одна другой лучше! Парикмахерская внизу, в подвальчике, но зато какая! Вся выложена белым кафелем, по потолку пущен золотой узор, большой стол с журналами и вокруг — кресла: сиди, дождайся. Как заходишь, два негра пройдутся по тебе щеткой, вырвут шляпу из рук, и только ты начнешь оглядываться по сторонам и гадать, стянули или нет, — они уже тут как тут, подают тебе ее с поклоном, ровно ты герцог Йоркский!

Так вот, сэр, парикмахер мне попался щупленький такой итальяшка, но мастер, я тебе доложу! Так выбрил вот эту корявую рожу — стала как бархатная. И чего только еще он надо мной не вытворял! Опрыскал духами! Массаж сделал — божился, что личико станет, как у Лилиан Рассел, да только мою физиономию массаж не взял. Голову мне вымыл, — тут как раз обнаружилось, куда пропала плитка жевательного табаку, которую я потерял в позапрошлом лето. Но не буду отклоняться от главного.

Только я сажусь, он спрашивает:

«Почистить?»

«Безусловно», — говорю.

«Почистить!» — орет, будто ноготь себе на руке прищемил. Сейчас же один негритенок срывается с места

как ошпаренный, летит ко мне через весь зал и накидывается на мои башмаки. Я даже глаза опустить не отважился, чтобы не увидеть, какого он мнения насчет моей обуви.

«Голову мыть будем?» — говорит парикмахер.

«Можно», — говорю.

«Ультрафиолетовое облучение?»

«Не знаю, что это такое, — говорю, — но, поскольку я не слишком часто попадаю в места, где есть цивилизация, надо попробовать. Чувствую, что приобщаюсь к светской жизни, — говорю. — Когда выйду отсюда, не иначе пригласят на место директора какого-нибудь банка».

Вижу, он вроде заскучал. Ни один его фокус со мной не прошел. Думал меня огорошить хоть ультрафиолетовым облучением, а я и тут не спасовал. Тогда его осенило. Смотрю — просиял, перемигнулся с тем Юлием Цезарем, что брил клиента за соседним креслом, и нежененько так спрашивает:

«Маникюр?»

«А как же!» — Брякнул, а сам еще не смекнул, о чем это он. И вот, я его и одернуть не успел, как из соседнего зала выходит девушка... Ну, брат! То есть такой хорошенькой ты в жизни не видывал! Волосы золотистые, подстрижены как на картинке. Щечки — персики, сама складненькая, улыбается — одно очарование. Я еще не придумал, что сказать, а она уж садится прямо рядом со мной, и — цап своей нежной ручкой мою дубленую ручищу...

Фу ты! Я провалиться готов был со стыда, что заставил ее обрабатывать мою грубую лапу, да и вообще как тебе понравится: Джо Истер стрижет себе ногти в салоне, на виду у всей публики! Что, если бы туда вошел Кудрявый Эванс (это нашего округа полисмен из Манитобской, малость повеса и запальчив порой не в меру, но мы с ним большие приятели: лихой парень, тебе понравится)... Что, если бы вошел Кудрявый и застал меня за таким занятием! До гроба от насмешек не избавишься! Да и кто его знает, когда еще он сойдет, маникюр этот! Чего доброго, вернешься в Мэнтрап, сядешь играть в покер с Кудрявым, Папашей Бакком и с кем-нибудь из трапперов. скажем, с Питом Рэнни

«КАПКАН»

только начнешь сдавать, а Кудрявый и пробасит — торжественно, будто читает в церкви священное писание, так и слышу его голос: «Братья мои, наш возлюбленный Джо Истер, шельмец этакий, вдали от нас сделал себе маникюр. Мало того...»

Предполагаемые замечания Кудрявого Эванса по поводу дальнейших походов Джо оказались непристойного свойства.

— Ну вот, — со вздохом продолжал Джо. — Так и сижу, точно перед казнью... Хотя какое там «точно»! Самая настоящая казнь и есть! Умираю от смущения, что эта девчушка — года двадцать два ей дашь — должна разглядывать мою лапищу, красную, будто кус вареной ветчины. И говорю ей:

«Вам, надо полагать, не слишком улыбается наводить лоск на жирафьи копыта. Вас, — говорю, — и винить нельзя. Просто на вашем месте я не пошел бы работать в зоологический сад».

Ну, сэр, и улыбкой она меня наградила! Точно утренняя заря над Озером Грез. И притом хорошая такая улыбка, скромная, не то что у этих девиц из при вокзального ресторана в Медвежьей Лапе.

«Что вы, — говорит. — Куда приятней обрабатывать действительно мужскую, сильную руку...» Слышу, мой парикмахер так и прыснул, меня прямо зло разобрало. Покраснел, наверное, до самой цепочки от часов. А голосок у нее — не поверишь: чисто полевой жаворонок... Нет, я понимаю, что разахался, как дурень, но даю слово: она была точь-в-точь такая, и я уже погиб навек. «Насколько приятней, — говорит она, — в кои-то веки отделявать ногти настоящему мужчине, а не всем этим жирным коммивояжерам и — прямо так ему и рубанула — и этим раздушенным безголовым парикмахерам!»

Ух ты! Моего мастера словно током в миллион вольт шарахнуло. Будь уверен: больше не проронил ни словечка до самого конца сеанса. (В три доллара шестьдесят пять центов влетело мне это удовольствие.)

А я, хоть убей, не знаю, что бы ей сказать. Элверна... (Это я уж после узнал, что ее так зовут, — красивое имя, правда? Вычурное немножко, пожалуй, но звучит приятно и как бы особенное: Эл-вер-на)... такого она

страху на меня нагнала своим воспитанным голоском и находчивыми ответами, что я скорей решился бы священника в церкви во всеуслышание обзвать лжецом, чем с ней заговорить.

Когда парикмахер проделал надо мной все процедуры, какие были обозначены в прейскуранте, — и сверх того еще две-три, которые он, по-моему, сочинил тут же на месте... До сих пор не решу: тальку он мне в нос напустил по случайности или это тоже была процедура?.. Словом, он уж все провернул, а она еще не справилась с моими когтями. Видимо, оказались твердоваты. Ох, и конфузно было! Парикмахер меня согнал с места, пришлось перейти за ее столик. Каково мне было вылезать из надежного кресла, из-под славной большой простыни, которой меня укрыли, и топать за ней вдогонку по скользкому полу в соседний зал, мимо всех этих парикмахеров и франтиков, которых там бреют, и стригут, и палят щипцами! Каково было усаживаться за этот элегантный столик! Наверное, такое чувство у рыбы, когда ее швыряют упряжке голодных собак... Позади столика висел на стене каталог-календарь с картинкой: пара котят выглядывает из корзиночки.

Слово за слово — разговорились. Умела девушка душевно подойти к человеку, ничего не скажешь. Глянет на тебя — не то что заигрывает, упаси боже, а будто она тебе доверяет и ты в ее глазах прямо герой, — короче, сэр, не успел я опомниться, как уже рассказывал ей и про пушную торговлю, и про то, какой у меня замечательный домик в фактории Мэнтрап, и про все на свете. А она рассказала, что она сирота — отца потеряла еще в детстве, мать — год назад, живет с двумя подружками в маленькой квартирке. Говорила, как обожает музыку и прочее — вроде тебя.

К этому времени почти все земляные и подрывные работы на моих руках были закончены, а я...

Я обмирал от страха. Ничего мне не надо на свете — только увидиться с нею еще разок. Прийти завтра опять на маникюр нельзя. Такую штуку каждый день не делают, это тебе не виски глушить.

Пригласить бы ее поужинать или еще куда — не осмелюсь. В точности так бывает, когда первый раз идешь купаться весной в наших местах. Лед только сошел,

стоишь, жмешься на берегу, делаешь вид, будто сейчас нырнешь, а потом важно оглянешься по сторонам и со всем достоинством, на какое способен, зашагаешь обратно к дому, так и не окунувшись. Просто, мол, для тебя это самое обыкновенное дело — прогуливаться нагишом.

Кончает она, значит, и говорит: «Ну, вот и все». Встаю. Переминаюсь с ноги на ногу. Не могу решить, удобно ли дать ей сколько-то для себя, помимо того, что положено по счету. Боюсь попасть впросак: еще обидится, чего доброго. Да и вид у меня, наверно, разиня-разиней. И попрощался.

А она только улыбнулась по-приятельски и вежливо так отвечает:

«Я надеюсь, мы еще с вами увидимся до вашего отъезда на Север. Так интересно бы послушать снова про эту собачку, жожака вашей упряжки».

Тут я возьми да ляпни:

«Д-д-давайте сегодня поужинаем вместе!» Как маленький!

И представь, она согласилась. Ну и ужин был! Банкет! Нектар и эта самая... как ее. Элверна объяснила, как надо заказывать, а отправились мы прямо в Ранела-Отель. Зал — громадина; повсюду длинные красные портьеры, стены увешаны картинами; исторические сцены и всякое такое. У меня не было смокинга, но Элверна сказала, сойдет и так.

Ел я неведомую еду, все она научила. Ну и дела: Джо Истер уминает салат из авокадо (Пробовал? Ничего особенного, водянистый какой-то на вкус), омара в сабайоне и почки; официант ставит на столик электрическую кастрюльку и готовит их прямо у тебя на глазах!

А теперь гляди, как мы иной раз несправедливо судим о людях. Понимаешь, когда она меня все это уговаривала заказать, одолело меня сомнение... Она была еще красивей, чем утром; платьице — прелесть, шелковое, должно быть, чуть-чуть вырезано у шеи; такая хорошенькая, просто страшно, и милая, и воспитанная, и вообще. А я все же засомневался: вдруг она меня нарочно подбивает заказать побольше дорогой еды? И знаешь, Ральф, до того стало горько: деньги — черт с ними, да сама-то она мне уж очень понравилась...

Так или иначе, когда насоветовала она мне кучу снеди, я спрашиваю: «И вам то же самое?» А она вот так прижала руку к груди и говорит:

«Ни в коем случае! Если мне можно заказать, что я хочу, я возьму толстый-претолстый, большой-пребольшой бифштекс и целый воз жареной картошки «соломки». Есть хочу, умираю! С утра только выпила чашку кофе с «наполеоном», и все. Больше не могла себе позволить. На мое жалование не прокормишь и золотую рыбку. А молодым людям я себя не часто позволяю водить по ресторанам, честное слово!»

Подумай! Такая откровенная и прямая, и... я просто был готов расцеловать ее, эту малютку Элверну!

— Что же с ней дальше случилось? — спросил Ральф, заметив, что Джо весь ушел в мечты. — Не встречались вы с ней больше?

— Нет, почему же. Мы поженились на другой день. Завтра увидишь ее.

ГЛАВА X

Кренясь под парусом, лавируя меж скалистыми живописными островками, они переправились через Озеро Грез и подошли к берегу, на котором в беспорядке теснились бревенчатые хижины. Это и была фактория Мэнтрап.

Весь день Ральф оживленно занимал Джо умными разговорами, стараясь не показать, что его гложет червь сомнений. Причиной его тревоги была Элверна, королева маникюрного столика.

Какой окажется она сама и ее дом? Воображение навязчиво рисовало ему две противоречивые картины.

«Говорила, как обожает музыку и прочее...» Ну, разумеется! Одна из тех «артистических» натур, от которых всякому артисту становится тошно. Вместе с достатком обрела манеры тонной дамы, от которых настоящей даме захочется чертыхаться. С ним, чего доброго, будет держаться надменно. Станет рассказывать про своих потрясающе шикарных приятелей из похоронных бюро и транспортных контор. Даст ему понять,

что он напрасно старается выставить себя джентльменом и питомцем Йельского университета, — кого-кого, а ее не проведешь! И — что самое ужасное — его искренняя, простая дружба с Джо превратится по ее милости в банальное и натянутое знакомство.

Или, что несколько не лучше, вместо чопорной мешапочки его встретит грязнуля и неряха.

Ральф не забыл «Бангер-хауз» в Белопенном; кроме того, в Уоррике ему довелось заглянуть в хижину трапперов. Он знал, как часто беспечные обитатели глуши превращают свое жилье в хлев. Он помнил хижину, в которую они зашли купить бензину: кухню-столовую, где сковородка, с которой капает сало, брошена в бочонок с мукой, а посудным полотенцем сбивают пыль с башмаков; где жирные тарелки не убирают со стола от одной трапезы до другой, а когда приходит время снова садиться за стол, ополаскивают в кастрюле с кипящим супом, по-видимому, предназначенным для еды.

На кровати в невообразимом беспорядке валялись засаленные одеяла, подушка в черной от грязи наволочке, топоры, ружья, рыба чешуя, обрывки газет и неразборчивые собаки. И все насквозь было пропитано тяжким, кислым запахом мокрой одежды и несвежей пищи.

Что, если хижина Джо окажется такой же, только к прелестям холостяцкого жилья прибавится удушливый аромат дешевых духов, кольдкрема и пасты для ногтей, а среди хаоса и грязи будет томно расхаживать крашенная блондинка в рваном халате, которая заманила в свой капкан наивного, одуревшего от любви дикаря и не заботится больше о том, чтобы выглядеть привлекательной?

Весь день Ральф бодрился и расхваливал Джо, стараясь не отравлять себе эти последние часы раздолья и свободы.

С того края озера Мэнтрап казался пятнышком на неровном зеленом берегу, но по мере того, как они под гул мотора резали сверкающие воды, пятнышко росло на глазах. Ральф увидел на обрыве над устьем Мэнтрап-Ривер, которая пересекает Озеро Грез и течет дальше, нестройный ряд бревенчатых хижин. Сзади поднимались косматые холмы, поросшие сосняком и частым

кустарником, местами выжженные, местами вырубленные, полуоголенные и оттого более нелюдимые и запущенные, чем самый дремучий бор. Посредине селения у облезлой темно-серой деревянной церковки со шпилем, крытым ржавой жестью, сбились в кучку вигвамы индейцев-кри, сооруженные из березовой коры и брезента.

Даже с близкого расстояния селенье напомнило Ральфу скорее временный бивак, чем обжитой благоустроенный поселок. Он мысленно сравнил Мэнтрап с разбросанными среди камышей и высокой травы ящиками и тюками в начале пешего перехода.

Как одиноко и печально здесь должно быть на закате! Нет, это не тот надежный приют, что может отогреть тоскующее сердце.

Вместо того, чтобы взять курс на ближайшие хижины, Джо описал широкий полукруг и направился к дальнему краю селения.

— Не могу не доставить удовольствие старине Макгэвиту, — сказал он. — Агент «Гудзонова Залива» и мой заклятый конкурент, все так, а Элверна величает его старым и бесстыжим брюзгой, но, по-моему, он славный старикан. Шотландец — без овсянки жить не может! Тридцать лет в Канаде, а все тоскует по родине. Так уж я всегда даю ему возможность поднять флаг в честь моего прибытия. Не то чтобы строго официальная церемония, но все же я здесь мировой судья, какой ни на есть. На этом основании я и Вудбери твоему пригрозил арестом за провоз самогона... Свинство, кстати говоря, если учесть, что у самого на борту целый ящик шотландского виски!

Тем временем Лоренс Джекфиш, сидя на носу, вынул из клеенчатого футляра британский флаг и привязал к самодельной мачте, а Джо дважды выстрелил из своего дробовика.

Лодка полным ходом летела к фактории «Гудзонова Залива» — «Форту», как его здесь называли: в свое время это и вправду был форт, который не раз осаждали индейцы. Теперь Ральф увидел на берегу аккуратный бревенчатый дом (бревна были обтесаны квадратно, как у швейцарского шале), украшенный глянцевитой вывеской «Компания Гудзонова Залива».

Для Ральфа это был символ покорения дикого края... Индейцы прежних времен в головных уборах из перьев, в отделанных бахромою штанах из оленьей кожи; губернаторы с ястребиным взором — высокородные авантюристы в кружевных манжетах и треуголках; пироги с восьмерками здоровенных гребцов и песни французских voyageurs¹, летящие по течению неведомых рек.

Перед зданием фактории раскинулся заботливо подстриженный газон с блестящим флагштоком, обложенным белеными камнями. Из дома выскочил мужчина, дородный и, видимо, немолодой. Он замахал шляпой, вскинул руку с револьвером и приветствовал Джо двумя выстрелами. Потом он поднял флаг.

Весело алая на солнце, флаг заплескался на фоне тускло-зеленых холмов. Ральф не был англоманом, однако и он не остался бесчувствен к романтическому обаянию этого флага, увидел, как он полощется в воздухе, точно глашатай британской отваги, не только здесь, в этих бесплодных сосновых лесах, но во всех концах света: над влажным маревом бирманских речных портов; над кораблями, бороздящими ледяные моря; над золочеными храмами; на плацу конногвардейского штаба в грохочущем Лондоне. Ральф был тронут, взволнован: он увидел в Макгэвити и Джо хранителей высокой традиции; отчуждение и неуверенность рассеялись, и он прибыл в Мэнтрап с гордым чувством человека, которого встречают надежные друзья.

Лодка развернулась, вновь миновала факторию «Гудзонова Залива», церковку, индейские вигвамы, и на встречу ей вновь раздавались выстрелы, а в ответ гремел дробовик Джо, и наконец они приблизились к длинной деревянной пристани с дощатым настилом. На берегу стояло бревенчатое сооружение: лавка Джо под вывеской «Торговая Компания Истера», а рядом — неуклюжий бревенчатый товарный склад и коттедж, поразительно опрятный, тоже, разумеется, бревенчатый, но обшитый тесом и весело сверкающий белой и зеленой краской. Из коттеджа выбежала девушка, бегом

¹ Здесь — проводники торговых пушных компаний (франц.).

спустилась с крутого берега на причал и замахала им рукой; волосы ее золотились на солнце.

— Элверна, — сказал Джо так бесстрастно, что Ральф поразился.

Ральф стал тревожно разглядывать ее. Пока они скользили с выключенным мотором по тихой и мелкой воде, темной в тени причала и вместе прозрачной, он с удивлением убедился, что Элверна именно такая, какую описал ее Джо. Она была юная, она была тоненькая и лучистая. Никакая перекись не касалась этих пушистых, вьющихся, стриженных волос. Белая юбка и открытая полотняная матросская блузка свеженакра-малены и выглажены. Младенческие глаза, детский прямой носик — личико совсем ребячье, и ни следа румян на щеках, а голос (она крикнула: «Джо, соскучилась по тебе — ужас!») — голос ласкает слух.

Когда лодка коснулась бортом причала и Ральф с трудом встал на затекшие ноги, она без церемоний наклонилась к нему с дружески протянутой рукой и пропела:

— Хелло! Очень приятно, с приездом.

Короче говоря, Ральфа Прескотта, убежденного холостяка, встреча с Элверной взволновала значительно сильнее, чем вид пятнадцатифутовой щуки на крючке, чем перспектива встретиться с лосем, чем единоборство Э. Вэссона Вудбери с подвесным мотором — чем все, что он повстречал на Далекое Севере, кроме ненавязчивой дружбы Джо. Взбираясь на пристань, он впервые после смерти матери испытывал такое чувство, будто воистину приехал домой.

Лишь через полчаса, украдкой рассмотрев Элверну как следует, он заключил, что глаза у нее вовсе не младенческие, а влажные от затаенной чувственности; и только ночью, лежа без сна на крытой веранде, он сообразил, как нелегко будет, вероятно, совместить дружбу с Джо — человеком, который нравился ему, как никто другой, — с бесконечно женственным, бессознательным и всепобеждающим колдовским очарованием, льющимся из влажных глаз его неотразимо пленительной и невежественной жены.

Пока шли с пристани, Элверна спросила только:

— Все в порядке? Ой, а крепдешину мне привез? Конфет тоже? Пять фунтов? А модные журналы? — И

тут же легко и оживленно залопотала вперемешку обо всем, что произошло в отсутствие мужа.

Старая Мэг ошенилась. Опало тесто для печенья. Вчера вечером к ней в комнату залетел комар. Кудрявый Эванс, полисмен, держит путь в Мэнтрап — на Реке Туманной Скво его обогнали по дороге сюда индейцы племени чиппева. А еще — она как раз сегодня утром вымыла себе голову.

Шагая поодаль, Ральф наблюдал, как держится с нею Джо. Он сам на месте друга был бы возбужден ее присутствием и раздражен ее болтовней. По-видимому, Джо не испытывал ни того, ни другого. По-видимому, он принимал ее такую, как есть, подобно тому, как принимал теплое солнышко или обложные дожди, тяжелый труд или пирушку, — покойно, невозмутимо, никогда не стремясь изменить исконную сущность вещей. Рука его лежала на плече Элверны, но никакого пыла он не проявлял; он наклонил голову, слушая ее восклицания, но от собственных замечаний воздерживался.

Они прошеествовали по голому двору, вытопанному множеством ног в индейских мокалинах и закрытому с трех сторон лавкой, складом и коттеджем, отворили калитку и, пройдя через сад, где росли розы, огненные лилии и скупые северные цветочки, вошли в дом.

У аккуратиста Ральфа после запущенных хижин трапперов, грязной палатки и бивачного костра было такое чувство, словно он попал в рай, застланный линолеумом. В доме было четыре комнаты: общая, две спальни и кухня-столовая. Кто-то из двоих, то ли Элверна, то ли Джо, обладал прирожденным хозяйственным талантом: в доме царил идеальный порядок. Стены были отделаны сухой штукатуркой и окрашены глянцевитой синей краской. На кухне — ни следа невытой посуды, дровяная плита начищена до черного блеска. На полированном буфете — ряд фарфоровых тарелок с золотым ободком: неслыханная роскошь для того, кто столько недель хлебал из сальных эмалированных мисок; возле буфета — клетка с веселым кенарем.

— Четыреста миль вез его, подлеца, в лодке! — сообщил Джо.

На стенах красовались хромолитографии, изображающие меланхолических дев в лодках или кавалеров, ра-

зодетых примерно по моде начала шестнадцатого века и склонившихся в поклоне перед дамами в костюмах середины восемнадцатого.

Шесть недель назад Ральф с дрожью отвращения сказал бы себе, что эти картины — нечто ужасающее: такой примитив! А здесь от них веяло милым домашним уютом, теплом, покоем.

В гостиной рядом с ядовито-зеленой, украшенной бахромою бархатной кушеткой стояла фисгармония времен Уильяма Дина Хоуэллса: величественное сооружение с зеркальными ромбиками, ажурными кронштейнами, увенчанными горшочками с геранью, покрытое резьбой, сквозь которую просвечивал красный шелк. (И фисгармония и кушетка проделали долгий зимний путь на санях по замерзшим озерам и рекам.) На полке разместилась поразительно разношерстная библиотечка Джо: роман Берты М. Клей в бумажной обложке рядом с «Записками Пиквикского клуба», англиканский тревник по соседству с «Новой системой бухгалтерского учета», «Поллианной», «Кратким очерком истории» Уэллса и романом Джеймса Оливера Кервуда; томик Лонгфелло и сборник юмора «В вагоне для курящих».

Долго осматриваться Ральфу не пришлось: его схватила за руки Элверна и воскликнула:

— Вот чудесно, что Джо вас привез с собой! Вы погостите у нас?

— Если позволите.

— Понятно! Он еще спрашивает! Буду страшно рада! Вы по делам или отдохнуть?

— Порыбачить немного.

— А спорю, вы из Чикаго!

— Из Нью-Йорка.

— Правда? Вот блеск! Всю жизнь просто уми-раю, хочу поглядеть на Нью-Йорк! Хотя я сама не провинциалка, родилась в Миннеаполисе, точнее, в Айделле, но это фактически одно и то же. И поболтаем же мы с вами, Ральф,— чудо! Вам ничего, что я вас называю Ральф, да? — Она устремила на него томный взор, и, если верить летописцам, Ральф Прескотт не ответил ей тем холодным взглядом, какой одобрила бы его стенографистка.— А вы, хотите, называйте меня Элверна.

— Э-э...— сказал Ральф.

— А что, того зля больше не осталось в погребе? — сказал Джо.

— Спрашиваешь! Понятно, осталось! — весело пропела она. — Сейчас я вам, братцы, мигом устрою завтрак. Представляю, до чего вы голодные после этого противного бэннока. Сходите помойтесь, Ральф, хотите? Любите душистое мыло? Многие мужчины не любят. А другие наоборот. Ох, Джо-о! Что я тебе скажу! Надо вечером sprysнуть приезд Ральфа. Позовем Джорджи Игана, Пита Реншу — это трапперы, Ральф, сейчас болтаются здесь без дела, а подойдет зима — снова в лес. Значит, Пита, Джорджи, Папашу Бака и еще можно Нелса Стромберга. Перекинемся в покер. Джина у нас сколько хочешь, а Нелс еще захватит «белого мула» из новой партии — гадость невозможная, зато выпьешь — и море по колено! Ну как, Джо? Ладно? Ну, Джо, маленький!

— Отчего же, можно, — протянул Джо. — Скажем, завтра. Я сам не прочь и за покером посидеть и выпить. Но сегодня — поскольку Ральф из Нью-Йорка и к тому же великий специалист по части музыки и книг и все такое, — сегодня, по-моему, правильно будет позвать... в общем, солидную публику: Мака с супругой, преподобного Диллона...

— Господи, боже мой! — пронзительно, с надрывом взвизгнула Элверна. — Честное слово, Ральф, с Джо просто невозможно! Мак... ну, Макгэвити, агент «Гудзонова Залива», — от его шуток мухи дохнут. Врожденный паралич чувства юмора. А мамаша Макгэвити просто не выносит, если кому-то хорошо. Преподобный Диллон, он еще ничего; я подозреваю, он бы и сам не отказался смочить горло, если б знал, что не будет шуму, но все равно он миссионер, ему по должности положено портить людям настроение. Ах, Джо...

— Сегодня мы позовем их, Маков то есть, и дело с концом, — невозмутимо произнес Джо. — Ясен вопрос, Элви?

— Черт проклятый! — Она разбушевалась, точно малое дитя. Она топала ногами. Она схватила Джо за лацканы куртки и стала трясти. — Так и убила бы тебя! Говоришь, а он хоть бы что! Я хочу вечеринку! А не похороны!

— Отделаемся, Элви, раз надо, а завтра вечером устроим настоящее веселье.— Джо даже бровью не повел в ответ на ее буйную выходку.— У меня для ребят сюрприз: целый ящик настоящего шотландского. Скажем, что это от тебя.

Миг нерешительности — и жаркий гнев сменился жарким восторгом. Она звонко чмокнула Джо. Потом она бросилась на шею Ральфу и, к его великому смущению, его тоже чмокнула в щеку.

— Ладно уж! — шумно сдалась она.— Возможно, как ты говоришь, даже лучше: разделаемся со старыми сычами, и с плеч долой. А теперь, ребятки, надо вас чем-то покормить.

И она забежала по кухне, мурлыкая «Просто я души не чаю в Гарри» с таким благодушным видом, словно в жизни не помышляла о большем счастье, чем стряпать для своих мужчин.

Ральф заметил, что ее розовые ногти и сейчас отливают ненатуральным маникюрным блеском. И этот человек, которому ярко-розовые ногти были всегда так же противны, как напомаженные, надушенные волосы, почувствовал уважение к Элверне за ее героические старания не опуститься. «А что она иной раз выходит из себя, это не удивительно,— размышлял он.— Джо, конечно, добряк каких мало, но уж очень он благоразумен — вот и я такой, видно. А ведь ей здесь, должно быть, скучновато бывает».

Завтрак был подан на подносе, накрытом чистой плотняной салфеткой: кофе в настоящих фарфоровых чашках, самая настоящая ветчина между тонких ломтиков самого настоящего хлеба и цельные спелые помидоры из крошечной оранжереи Джо.

Мистер Прескотт из Нью-Йорка едва ли счел бы фарфоровые чашки, холодную ветчину и белый хлеб эпохальным явлением; несомненно, отказался бы есть помидор без всякой приправы, а чистые салфетки принял бы как должное. Но, прожив столько недель на бэнноке, чае и свиной грудинке в стране, где такое короткое лето и так трудно выращивать овощи, он словно заново открыл для себя эти яства.

Какая мука — ерзать на куске брезента, поджав затекшие ноги, держа в руке обжигающе горячую жестяную

кружку с кофе и пытаюсь нацедить в нее сгущенные сливки из консервной банки, в которой проткнуты две дырочки! Какая роскошь сидеть на стуле, честь честью, с наслаждением вытянув ноги под столом, накрытым красивой чистой клеенкой, и наливать в кофе сливки — пусть те же самые, сгущенные, — из симпатичного белого с золотом кувшинчика! Что за дивная ветчина, какая прелесть каждая крошка этого пышного хлеба! И что за объедение, оказывается, свежий помидор — крепенький, ароматный, он затмит собою все фрукты Аравии! Яблоко любви, воистину райский плод, который надлежит вкушать в тающем полумраке под звуки тихой музыки...

— М-м, до чего вкусно! — вскричал Ральф тоном, который сделал бы честь любому Вэссону Вудбери, и Элверна улыбнулась, и от этого пиршество стало еще великолепнее.

Никогда Ральф не чувствовал себя до такой степени дома, как сейчас, со своими друзьями Джо и Элверной, за этой красной клеенкой с целомудренным изображением пожара Оттавского капитолия. Как белы и нежны были ее локти на этом огненном фоне...

Они еще не встали из-за стола, как скрипнула затянута сеткой дверь, и в кухню без стука ввалился преклонных лет мужчина — бородатый, широкоплечий, толстоузый, морщинистый и седой, с улыбкой во весь рот.

— Ой, Папочка, прелесть моя! — взвизгнула Элверна, выскакивая из-за стола и бросаясь ему на грудь.

— А ну, брысь! — Старик обхватил ее своей медвежьей лапой и, приподняв, с размаху усадил в яркую качалку светлого дуба.

— Это Ральф Прескотт, Папаша, — объяснил Джо. — Нам предстоит вручить ему ключи от города и показать, что такое настоящая рыбалка. А это, Ральф, Па Бак — самый отпетый из всех старых головорезов к северу от Дофина. В лесах живет седьмой десяток лет, первым водил упряжки от Виннипега до самой Маккензи. Семьдесят шестой год пошел, а все не бросает ругаться.

— И добавь, — самодовольно произнес Папаша Бак, — что перепьет десяток молодых парней из здешних мест — любых, на выбор. И в покер обставит с двумя двойками на руках. Приятно познакомиться, Ральф!

В тисках этой волосатой лапы рука Ральфа казалась белой и бессильной. Папаша осторожно опустился на кухонный стул. Элверна тотчас подлетела и уселась к нему на колени.

— Угу, — рокотал Папаша, поглаживая ее блестящие волосы. — Седьмой десяток, как я заявился в Виннипег-форт, грязь по колено — вот тебе и все. Да-а, прошли мои денечки. Раньше, бывало, быку мог шею свернуть голыми руками. Ну, а теперь ушел на пенсию, как я выражаюсь. А иначе говоря, заставил своего парня высылать мне деньгу под страхом, что заявлюсь сам лично и вышибу из него дух. Ни на что не годен стал — только и радости, что опрокинешь рюмочку да приуdariшь за красоткой.

— Ах, Папочка, ты просто не-воз-можный человек! — проворковала Элверна.

— А ты поди спроси у нас любую скво, что помоложе и собой ничего: кто лучше танцор — Папаша Бак или какой-нибудь молокосос? А тебя, Ральф, рад видеть и в любое время свожу на рыбалку, когда Джо будет недосуг.

— Спасибо большое.

— Из Виннипега сам-то будешь или из Близнецов? А то, может, из Чикаго?

— Нет, из Нью-Йорка.

— Нью-Йорка? Ну и ну! А на вид вполне человек... Нет, уж я как-нибудь обойдусь без Нью-Йорка. Я лично тоже родом с Востока: Форт-Уэйн, Индиана. Только я никогда не мог уразуметь, что за корысть обязательно соваться в самую гущу, где вокруг шесть или семь миллионов дураков вроде тебя? Не хватает, что ли, собственной дури и подлости? Даже здесь, и то не сладко: восемь белых круглый год да двадцать индейцев, да еще человек пятьдесят набегит летом, как кончится охотничий сезон. Так что на мой век и тут хватит дурней любой марки. Спасибо, хоть один разумный человек попался — Джо Истер. Вот это парень, понимаешь: пить — так пить, а нет — так не надо. Ну, обыкновенно все же хватает ума выпить. Так даже он — возьми да женись вот на этом лютике, с которым одна морока.

Элверна свернулась комочком на его груди и промурлыкала:

— Все равно ты от меня без ума, сам знаешь.

— Я-то? Как бы не так! Хотя да, может, и правда. Я и от виски без ума, но это не значит, что я свою овсянку буду запивать виски. Ты, Котенок,— предмет роскоши, поняла? Прирожденная, убежденная, работающая мошенница высокой квалификации. Тебя хлебом не корми, только дай вскружить головы молодым трапперам и купцам по всей округе, а потом прикинуться невинной овечкой.

— Неправда! — Элверна отпрянула от него чуть ли не с возмущением.— Что я, виновата, если тут болтаются разные ослы? Делать им больше нечего, вот и все.

— Возможно, не спорю,— добродушно хохотнул Папаша Бак, всколыхнувшись, точно вековая сосна под июньским ветерком.— Во всяком случае, отрадно хоть, что Ральф из Нью-Йорка. Уж он-то на тебя не клюнет, Котенок! В этом городишке таких цыпочек, как ты, сколько хочешь.

Элверна посмотрела на Ральфа. «Много таких, как я?» — спросил ее взгляд. И глаза его невольно признались ей: «Нет».

С видом заговорщицы, кокетливо, чуть вызывающе она порхнула из комнаты, бросив через плечо взгляд, предназначенный, казалось, каждому из троих в отдельности.

ГЛАВА XI

— Хочу посоветоваться, Па,— начал Джо, когда Элверна удалилась, дав мужчинам возможность беседовать без помех.— Элви тут закатила скандал, а почему? Я стал доказывать, что сегодня надо позвать к ужину Мака, его фрау и преподобного Диллона. Чтоб не висело над душой. А уж завтра закатить пир горой в своей компании... Понимаешь, Ральф, Маку и преподобному будет до смерти интересно с тобой познакомиться и послушать все новости про Нью-Йорк, про Европу и так далее. Макгэвити до книг не такой уж охотник, зато изрядно поездил по свету: во Франции, говорят, побывал, до того как переселился сюда из Шотландии. А преподобный — этот до книг лют, как дьявол: думается, на всем свете

нет такой ученой книжки, чтобы он не прочел. Библию читает по-гречески, куда уж дальше! Я и рассудил, что правильно будет позвать сегодня их. Что скажешь, Па?

Па Бак грузно поерзал на стуле, выудил трубку из бездонных карманов — словно мешки для зерна, пришитые к широким полам поношенной куртки, — старательно набил, шумно выпустил струю дыма, недовольно крякнул, утрамбовал табак, снова раскурил и наконец зарокотал:

— Видишь, что я тебе скажу... Я был здесь так подошел... Ты, Ральф, случаем не учитель?

— Нет, Па. Адвокат.

Ральф забыл об Элверне. Ему нравился Па Бак. Ради таких вот людей он и приехал сюда, ища отдохновения от суетливых ньюйоркцев... Да, хорошо, что он бросил Вудбери.

— Адвокат, говоришь? Что ж, все получше, чем быть учителем. Учитель берет мальчишек и делает из них достойных и добродетельных молодых юношей, а адвокат только спасает их после этого от тюрьмы. Ты как — не против, Ральф, что я тут кашляю, да пыхчу, да ругаюсь? Это меня Джо всегда доводит со своими деликатными и поэтическими чувствами, будь они неладны!

— Во всяком случае, — мирно вставил Джо, — хоть отучил тебя сплевывать табачный сок на чистые полы. Нет, ты скажи, Па: прав я насчет сегодняшнего ужина?

Па Бак музыкально пососал свою вонючую трубку.

— Что ж, — вздохнул он. — Я лично не держусь такого мнения, как Джордж Иган и прочая братия: что раз ты миссионер, стало быть, сатанинское отродье. Я на этот счет, как бы сказать, радикал. Я так полагаю: пока миссионер не мешает тебе пить и поминать черта, от него вреда нет. Взять хотя бы того же преподобного Диллона. Вполне сносный малый, принимая в расчет, что всю жизнь проторчал в колледжах, и так далее. Помнится, везу я его раз в январе. Стужа дьявольская: высморкался, рукавицы чуть к носу не примерзли. А преподобный Диллон — он сперва обмозговал это дело не спеша, а под конец надумал и высказался. «Па, — говорит. — Морозец, черт побери!» Не скажу, конечно,

чтобы это был полноценный «черт». Строго между нами, это был «черт»-недомерок, не более того. Но он показывает благую волю и внушает надежды. Так что я бы, пожалуй, пригласил этого человека сегодня. Только... — в голосе Па зазвучала глубокая озабоченность, — ...только надеюсь, ты не вздумаешь переводить на него выпивку, когда ее здесь так чертовски мало и нам, молодежи, она так нужна для поддержания здоровья.

— Не вздумаю, — сказал Джо.

Па Бак удалился.

Джо поскакал приглашать гостей, Элверна стала готовить ужин, а Ральф тем временем прохладился на крытой веранде, вглядываясь в сверкающую ширь Озера Грез. На веранде стояла койка, и он решил, что будет ночевать здесь, а не в душной комнате с маленькими окнами, предназначенной для гостей. Он ощущал и довольство и тревогу. Он видел, как нехитрая мудрость Джо тонет в потоке беззастенчиво-цинических разглагольствований Па Бака; видел, как Элверна ранит Джо своим кокетством, своим жеманством и ломаньем; видел человека одинокого и мужественного в своем одиночестве; и жизнь Джо со всеми ее сложностями трогала его сейчас гораздо больше, чем неурядицы любого выгодного клиента, любого идиота, с которым он встречался в клубе.

«Гнуснейший и никчемный книжный червь, вот я кто», — со вздохом заключил Ральф, отправляясь на кухню, чтобы предложить Элверне свои услуги.

Элверна стряпала с увлечением. Ей приходилось рассчитывать в основном на консервы, и чтобы сготовить не хуже, чем из натуральных продуктов, требовалось немалое искусство. Джо навез с собою ящиков с новыми деликатесами, и она азартно принялась обследовать их и тараторить — за работой Элверна вообще не умолкала ни на секунду:

— Стыд один тратить всю эту вкуснятину на таких чурбанов, как Маки! Преподобный Диллон... я его с глазу на глаз называю Рэй, и ничего, сходит; только если Джо увидел бы, что я веду себя развязно со священником, он бы с меня шкуру спустил! Так вот, Рэй еще понимает толк в еде, но старик Макгэвити и его благоверная — эти, по-моему, думают, что порядочным людям

не пристало есть ничего, кроме чернослива и бобов со свиной грудинкой.

Суп был овощной, консервированный, но она приправила его английским соусом, морковкой и петрушкой из своей игрушечной оранжереи. Спаржа была тоже из банки; масло, которое служило основой для соуса, — тоже, но Элверна поколдовала с красным перцем, тонко нарезанным луком и белком от свежего яйца (доставленного с великими предосторожностями из Киттико) и сотворила чудо.

Сущее наслаждение было смотреть, как летают ее тонкие пальчики, слушать, как льется серебристый голосок, и вскоре Ральф забыл, что единственные прилагательные, которыми она оперирует, — это «роскошный», «шикарный», «классный» и «миленький».

Коронным блюдом ужина должна была стать лосятина, та самая, что в охотничий сезон официально, а в неохотничий фактически представляет собой на Севере главный продукт питания как в лачугах бесшабашных кри, так и в доме мирового судьи, или миссионера, или законопослушного Макгэвити. И, естественно, лосятина была жесткая. Она была необыкновенно жесткая. Нож отскакивал от ее резиновой поверхности; вилки устало валялись на стол с погнутыми зубьями.

— Напор и смекалка — вот и весь секрет, — объявила Элверна. — Я упросила Джо привезти мне мясорубку — по-моему, единственную к северу от Медвежьей Лапы. А ну-ка, вертите ручку.

Три раза по ее настоянию пропустил Ральф неподатливые волокна через алюминиевую мельничку, и это после того, как Элверна разрубила мясо на куски и отбила стальным молотком. В этот бифштекс по-гамбургски она добавила мелко нарезанного лука, чеснока, бамбуковых побегов (консервированный товар китайской лавочки в Виннипеге), живо перемешала, сбрызнула соусом из сельдерея и поставила на плоский холмик березовых углей — томиться на медленном огне.

— Ральф, голубчик, приглядите секунду, я только сбегаю переоденусь, покажу этим праведным душам настоящий класс.

Она убежала в соседнюю с кухней спальню. Ральф предпочел бы, чтобы она плотно закрыла за собою дверь.

Все это очень невинно и по-товарищески, только лучше бы все-таки она не полагалась на его невинность так безоговорочно... Ральф с сосредоточенным видом стерег бифштекс из лосятины и старался не замечать белой фигурки, сновавшей по соседней комнате.

Да, полировать ногти и подмазывать губы Элверна не отвыкла, но, нужно отдать ей справедливость, проворна была необычайно. За десять минут она сменила матросскую блузку и белую юбку на муаровое черное платье с экстравагантной пламенно-алой вышивкой по подолу. В черном она казалась еще более стройной и гибкой, еще ярче блестели волосы, причесанные сейчас гладко и скромно. В первый раз он увидел в ней не просто резвую девочку, «славного малого», чуточку несносную и все же достойную уважения за то, что не вешает нос в суровом, неласковом краю среди огрубевших белых матрон и неумытых скво,— он увидел в ней женщину, с которой всякому лестно появиться в светской гостиной.

Она картинно остановилась в дверях, подняв к плечу бессильно поникшую кисть, старательно и оттого вполне безобидно выставляя себя напоказ.

— Нравится? — прожурчала она (вкрадчивый голосок, влажный, ищущий взгляд ласковых глаз).

— Да, ничего,— буркнул Ральф, как мог бы, пожалуй, буркнуть сам Па Бак.— Идите, глядите на ваш бифштекс. Переворачивать полагается, нет?

Она подступила к нему бочком, точно белый щенок с голубым бантом на шее, что встал на задние лапки, выпрашивая конфетку.

— Фу, старый бука! Нет, правда, разве не миленькое платьице?

— Ну, миленькое,— нервно бросил мистер Ральф Прескотт, который умел столь бесстрастно доложить дело членам Верховного Суда, столь уверенно оперировать отвлеченными понятиями и звучными, идеально отточенными фразами, а сейчас с досадой чувствовал, что не в силах связать двух слов.

К его радости, в кухню ввалился Джо: голубые глаза его просияли при виде гостя, с удовольствием остановились на хорошенькой жене.

— Так-так,— с расстановкой произнес Джо.— Кажется, мне удалось протянуть время, чтобы вам, голубчикам, досталась львиная доля работы. Теперь не грех и дома посидеть. Маки будут, Элви, и преподобный тоже. Сейчас заявятся... Эх, так и быть, потешу жену: побреюсь, сполосну шею, надену чистую белую рубашу. Ну как, Ральф, решил, чем заняться в ближайшие дни? Рыбку удить, отдохнуть малость — или еще что? Не считая флирта с Элверной, конечно; тут, брат, естественно, тебе не отвертеться: она бы это сочла за оскорбление.

— Ничего я не флиртую! — надулась Элверна.— И не стыдно тебе? Противный какой!

— Ах ты, бедная детка! — Джо усмехнулся, непридуманно сбросил пиджак и ловко запустил его через всю кухню прямо в спальню.— Разве я тебя виню? Скорей корова сможет окотиться, чем ты — пропустить хоть одного бедолагу и не соорудить ему глазки. Я просто пытаюсь защитить Ральфа.— За его насмешливым тоном Ральфу послышалась горечь и искренность.— И потом, Элви, даже не будь ты чемпионом в легчайшем весе по флирту, ты все равно постаралась бы прибрать Ральфа к рукам, чтобы выпытать у него про театры и модные танцы и все такое. Я, конечно, благородная личность и великий специалист по части приманки для капканов, а также арифметики в объеме первых трех классов, но в смысле светских увеселений я не особо силен. Смотри только, как бы ты не надоела ему до смерти!

Если человека с места в карьер вводят в гущу семейной сцены и делают ее участником, это, по-видимому, нужно воспринимать как скрытый комплимент. Однако когда Элверна с воплем швырнула об пол тарелку, Ральф почувствовал, что определенно предпочел бы обойтись без комплиментов.

— У-у, до чего вы мне опротивели—и ты, и твой любезный Ральф, и все остальные! Неужели только потому, что я стараюсь поднять людям настроение, поддерживать приятный разговор... ведь только и слышишь что похабные анекдоты, брань, похвальбу: «Эх, какой я охотник» да «Ух, какой я рыбак»... и лишь потому, что мне нравится, когда люди ведут себя как образованные, и я иной раз прошу тебя урвать немного времени от тяжелого занятия сидеть и слушать, как на голове воло-

сы растут, и привести себя в порядок, принять приличный и культурный вид — так уж, значит... Ох, просто слушать тошно! С ними обращаешься по-человечески, а у них одна грязь на уме, сразу же... Ой, бифштекс подгорает!

Гневная тирада завершилась восклицанием озабоченной хозяйки, и Ральф улизнул на веранду.

Три минуты спустя он услышал, как Джо оживленно описывает подробности своей поездки на Большую Землю, а Элверна расспрашивает его миролюбиво журчащим голосом, заинтересованно охая: «Вот красота!» или «Фу, как не повезло!».

«О, где ты, сдержанность Э. Вэссона Вудбери! — вздохнул Ральф. — И ты, философское спокойствие, что источал этот неоценимый человек!» Сарказм не получился: он все-таки знал, что Элверна, в отличие от мистера Вудбери, не отпугнет его своими бурями.

Семейные распри, равно как и семейные излияния, были прерваны высокотожественным и церемонным приходом «Гудзонова» агента мистера Макгэвити, его почтенной супруги и священника англиканской миссии мистера Рэя Диллона.

У миссис Макгэвити был двойной подбородок, очки в золотой оправе и округлые пергаментные щечки, украшенные коричневыми пятнами (признак большой печени). Кроме того, у нее была добродетельно-жеманная и игривая повадка. Ее речи изобиловали невинными и очень личными шуточками, лукавыми шпильками, которые никому, в сущности, не следовало принимать близко к сердцу и которые тем не менее заставляли даже самых незлобивых людей клокотать от бешенства.

В другом общественном кругу дамы, подобные ей, похлопывают собеседника веером.

Добродетельна она была необыкновенно: злейший враг не обвинил бы ее в употреблении наркотиков, поджогах, поклонении языческим идолам, ограблении банков или привычке убегать от мужа с поклонниками. Она была добродетельна и так полна идеалов, что щедро одаряла ими других, и не скупилась на шуточные упреки, преподнося их в милейшей, добрейшей, истинно материнской манере и сопровождая блистательным показом золотых зубов. Она обладала замеча-

тельным зрением. От нее не мог укрыться ни один кокетливый взгляд, ни одна паутинка в соседской хижине.

Преподающий мистер Диллон был высок ростом, худ и молод, имел высокий лоб и диковинных размеров кадык. Мистер Диллон изо дня в день прощал индейцев за то, что они индейцы.

После святости этих двоих тяжеловесный и грубоватый мистер Макгэвити воспринимался с некоторым облегчением. Это был усатый и озабоченный мужчина с брюшком. Прерывая свою речь зловещими паузами, он рассуждал о торговых кредитах и пошлине на меха.

Тон веселья задала миссис Макгэвити.

— Добрый вечер, миссис Истер,— нежно вздохнула она.— Надеюсь, мы доставили вам не слишком много беспокойства, что так внезапно явились к ужину.— Она сощурилась на букет роз, который Элверна поставила на стол в банке из-под варенья, и с легким ржанием обернулась к Джо: — Знаете, мистер Истер, мы все обожаем милую девочку. Такая молоденькая, так уверена, что может в два счета посрамить старых дурочек вроде тетушки Макгэвити, которые прожили здесь столько лет, что вовсе обленились и поглупели. Очаровательно: такая милочка, так старается все сделать лучше всех, не жалеет сил, чтобы все выглядело красиво,— я очень, очень надеюсь, что от этого хоть что-нибудь останется, когда у нее будут дети!

Миссис Макгэвити снова окинула взглядом стол и задохнулась в припадке добрососедской веселости. Ральф заметил, что Элверна плотно сжала губы.

Меж тем настал и его черед.

— Здравствуй, мистер Прескотт! Очень приятно с вами познакомиться. Говорят, вы из Штатов? И даже из Нью-Йорка, если верить Джо! Но ведь не *коренной* житель, разумеется?

Ее сверхъестественно-наблюдательный взор скользнул по его засаленным, покрытым пятнами штанам, остановился на грязной куртке. Покончив с осмотром, она изобразила на лице слабую улыбку, насмешливую и многозначительную. У Ральфа заиграли желваки, но он заставил себя ответить вежливо:

— Нет. Моя родина — Питсфилд, штат Массачусетс.

— Да что вы? Массачусетс? Как интересно! Вы почему-то удивительно похожи на одного моего знакомого, но он из Оклахомы, владелец обувной лавки. Массачусетс. Хм. А знаете, я тоже родом из Штатов. Муж — из Шотландии. Нам с вами нужно будет держаться заодно. Он считает, что все шотландцы — это что-то особенное, а я частенько посмеиваюсь над ним и говорю... О, он не обижается, когда я нет-нет да и поддену его в шутку... Жизнь стала бы так скучна, если б отнять у нас чувство юмора, — вы не находите? Я сколько раз замечала мистеру Диллону: на первом месте — благочестие, на втором — юмор... Так вот, я частенько говорю мужу: «О да, вы, вольные жители гор, можете ставить себя выше всех, и прочее, только я замечаю, что в здешних краях вы по большей части работаете на других!»

Губы мистера Макгэвити поджались так же плотно, как у Элверны.

Подруга его жизни меж тем принялась за преподобного мистера Диллона.

— Ну как, мистер Диллон, все пробуете пользоваться во время службы наречием кри?.. Так благородно со стороны преподобного, мистер Прескотт, так мило и трогательно: он пытается читать проповеди на кри! Я так восхищаюсь им, только — хе-хе, — только индейцы не понимают у него ни слова!.. О-о, суп!

И, приведя всех таким образом в наилучшее расположение духа, достойная матрона подскочила к отведенному ей стулу, заткнула салфетку под складки своей лоснящейся шеи и сладострастно высосала полную ложку.

Мистер Диллон держался менее бойко.

— Порыбачить к нам выбрались, мистер Прескотт?

Кто бы мог предположить, что у человека с такой тонкой шеей окажется такой глубокий бас!

— Да, немножко.

— Впервые в северных краях?

Заткнутся они наконец? Дадут человеку распробовать этот божественный суп? Настоящий! Горячий! А запах! И из фарфоровых тарелок! Но...

— Да, м-м... впервые в жизни.

— Ах, вот оно что! Так-так. Первый раз в жизни. Значит, вы из Нью-Йорка. А я сначала решил, что из Чикаго.

— Ну что вы, ни в коем случае! — радостно подала голос миссис Макгэвити. — Можно ли позволять себе такие чудовищные оплошности? Эти ньюйоркцы такие важные, кичатся своими небоскребами и банкетами, и я уж не знаю, чем еще, и не распознать их с первого взгляда — значит выставить себя ужасающей деревенщиной. Ну да! Хм. Их каждый узнает по их заносчивым манерам... Не обижайтесь на тетюшку Макгэвити, мистер Прескотт! Такая уж она шутница... Чудный суп, миссис Истер.

В этой веселенькой добрососедской атмосфере они покончили с супом, принялись за бифштекс, спаржу и консервированную кукурузу, перешли к винному желе (из желатина) и печению с кокосовыми орехами (из жестяной коробки) — и Ральф смаковал каждый кусок, вознося хвалу толстеньким божкам чревоугодия.

Говорила преимущественно миссис Макгэвити.

— Так до сих пор и мучаетесь с плитой, миссис Истер?

— А я с ней и не мучалась, — сказала Элверна.

Всякий солидный человек согласился бы в этот миг, что молоденькой девчонке не подобает таким враждебным тоном отвечать почтенной матроне, ветерану далекой окраины.

Миссис Макгэвити лукаво погрозила Элверне пальчиком.

— Ах полно, душенька, признайтесь откровенно! Нехорошо скрывать... Я вам должна рассказать о ней презабавную историю, мистер Прескотт! Прибыла она сюда и вообразила сгоряча, что сумеет поддерживать жар в плите на углях — словно это ей город, где можно достать ореховые дрова, а не Мэнтрап, где ничего, кроме сосны и тополя, которые моментально прогорают. Она не будет все время готовить только на сковородке, как здешние старые дуры, — о нет! Она намерена печь, как в духовке. А потом, когда у нее угли все равно прогорали, она объявила... — миссис Макгэвити едва не подавилась собственным остроумием и огромной порцией кукурузы... — она объявила, что виновата плита!

— Но ведь теперь, — заметила Элверна, — у меня угли держат жар. Березовые.

— Да, только березы поблизости не найдешь, разве что мили за две.

— Знаю. Я себе раздобыла.

— Как, милочка? Неужели...— Всю веселость точно рукой сняло; миссис Макгэвити, уязвленная в лучших своих чувствах, погрузилась в скорбь:— ...неужели вы заставили бедненького Джо идти куда-то в лес и тащить на себе березовые дрова? У него и так столько работы!

— Нет, миссис Макгэвити. Не заставила. Я их тащила сама. Две мили.

— О-о!

Казалось, у миссис Макгэвити временно истощился запас острот; казалось также, что она этим расстроена. Она обменялась с мистером Диллоном мнениями относительно испорченности индейских детей, которые ничем не вспомнят о воскресной школе, если их не загопишь туда силой. За это время она успела кое-что надумать и вновь обратилась к Элверне:

— Натерпелись вы страху, пока Джо не было дома?

— Н-нет.

— Такая потеха с ней была первое время, мистер Прескотт! Подумайте: услышит ночью, как в кустах воет собака — обыкновенная ездовая собака, — и думает, будто это медведь, или волк, или индеец, или уж и не знаю, кто еще.. Разве не правда, миссис Истер?

— Нет, боюсь, что правда, — призналась Элверна. — Такая была дуручка, совсем ничего не соображала.

— А по-моему, — возразила миссис Макгэвити, — вы еще вели себя героически! Горожанка — девушка из парикмахерской...

Элверна внезапно метнулась к плите.

— Чайник... убежал, — задыхаясь, выдавила она, стоя к ним спиной.

— Мне, разумеется, — продолжала миссис Макгэвити, — трудно понять чувство страха. Быть может, просто недостаток воображения — только мне еще ни разу в жизни не удалось чего-нибудь испугаться. Помню, когда я только попала в леса — а случилось это как раз после восстания Рила, так что индейцы были очень озлоблены, — в нескольких милях от нас сняли скальп с одной женщины. А я сказала: «Все равно я никому и ничему не дам себя запугать!» И не дала! — Она обер-

нулась к Элверне, все еще стоявшей у плиты.— Это что же, душенька, опять новое платье? Вот что значит уметь обращаться с мужем! Как высунет нос из Мэнтрапа — так назад с обновкой! Вот мой муженек—этот ничего мне не купит, даже если... вероятно, боится, как бы молодые люди не стали обращать на меня слишком много внимания! Или, может быть, так нежно любит эти славенькие монетки с профилем его величества, что, как настоящий патриот, не желает выпускать их из рук! Ну-ну! — Она перегнулась через стул Ральфа, угрожая безопасности драгоценного блюда с винным желе, и потрепала Макгэвити по толстой красной руке.— Не обращай внимания, Джимми, я шучу,— утешила она своего супруга.— Я тебя не променяю на целый десяток таких красавцев, как Джо, пусть ты всего-навсего старый шотландский скряга с головой, набитой овсянкой!

— Черт побери, женщина, я и не обращаю на тебя внимания,— проворчал Джимми с неожиданно прорвавшимся шотландским акцентом.— Только интересно знать, всегда ли твой а-ригинальный юмор доходит до миссис Истер!

Элверна резко повернулась на каблуках.

— Оно не новое — мое платье. Это все то же, которое я раньше надевала с серебряным поясом. Я его купила сама и деньги на него заработала сама — в парикмахерской! И эти красные штуки на подоле вышила тоже сама! Собственными руками.

— Что вы, что вы, душенька! — Миссис Макгэвити всплыла со стула, надвинулась на Элверну и привлекла ее в свои объятия. Ее могучие плечи и обширный бюст поглотили Элверну почти без остатка.— Полно! Разве можно обижаться? Это была просто шутка — маленькая шуточка тетушки Макгэвити.

— Да... я знаю... Я только хотела сказать...

— Ну, тихо, тихо, милочка. И смотри, пожалуйста, как славненько у вас получилось с этой красной вышивкой!

Миссис Макгэвити отступила, чтобы полюбоваться переделанным нарядом. Элверна, демонстрируя туалет, приподняла двумя пальцами край юбки, точно балерина. «Осторожно, милочка! Все ноги видно!» — услужливо предупредила миссис Макгэвити деликатным ше-

потком, который едва ли можно было расслышать с более дальнего расстояния, чем берег озера.

И, окинув всю компанию милостивым взором, миссис Макгэвити вперевалочку возвратилась на свое место, а у Элверны погасла улыбка, упали раскинутые руки, и она снова отвернулась к плите.

За те роковые минуты, что миссис Макгэвити не было у стола, беседой завладели другие.

Ральф был настроен неразговорчиво, Джо Истер — тем более, зато преподобному мистеру Диллону не терпелось пожаловаться, а мистер Макгэвити желал обсудить кой-какие деловые вопросы.

Мистер Диллон был не гений. Правда, он был человек безобидный и тихий. Но с другой стороны, он опять-таки был не гений. Он со вздохом признался, что труд его в сем вертограде — неблагоприятный труд. Духовные запросы индейцев, как ему кажется, несколько ограничены. К утренней и вечерней службе они являются довольно исправно, слушают его проповеди, и, быть может, миссис Макгэвити совершенно права, что кри дается ему с трудом, но, насколько он мог заметить, индейцы *неплохо* — нет, *определенно* неплохо — понимают, что он пытается им сказать! Жаль только, что сразу же после вечерней службы они имеют обыкновение собираться и танцевать в хижине Советника Три-Лисицы. И ему доподлинно известно, что в прошлое воскресенье пять молодых индейцев-трапперов чуть ли не до полуночи играли в покер — причем на деньги — в вигваме некой темной личности по имени Тристрам Собачья-Упряжка.

Мистер Диллон остановился, чтобы перевести дух. Миссис Макгэвити, не успевшая почтить должным вниманием винное желе и ореховое печенье, наверстывала упущенное. И искрометную нить застольной беседы перехватил ее супруг.

— С Томом Пинкфордом в Брендоне повидался, Джо?

— Нет, Мак, не пришлось.

— Так-таки совсем и не увиделся?

— Да, совсем.

— Странная вещь. Я думал, он сейчас там.

— Не скажу, Мак. Я не видел. Может, его в то время не было в городе — во всяком случае, он не попадался

мне на глаза... Ральф, обязательно уприси Мака, чтобы он тебе рассказал...

— Но как же так, Джо,— настаивал мистер Макгавити.— Я думал, ты хочешь переговорить с Томом насчет его лисьего питомника.

— Я и сам рассчитывал, Мак, да не подвернулся он мне.

— А насчет шерстяных носков как решаешь, Джо? Уишпегонские закупишь на зиму или по-прежнему гамильтоновские?

— Буду заказывать уишпегонские.

— Ага, что я тебе говорил! — Макгавити торжественно потряс рукой. Он повернулся к Ральфу и изложил существо вопроса ясно и увлекательно.— Кто первый сказал Джо про уишпегонские носки? Я! Он, бывало, никаких не признавал, кроме гамильтоновских; что ни носок на складе, то фирма «Гамильтон». А ведь носок фирмы «Уишпегон» — он что? Он не садится, не спускает петли, красная кайма прочна, как неокрашенная — настоящая добротная шотландская шерсть! И что вы думаете? Нет — что бы вы думали? Сколько раз я заводил разговор с инспектором — и докладывал ему, и предупреждал, и разъяснял; откровенно с ним говорил, мистер Прескотт, как мужчина с женщиной; убеждал, что уишпегонских носков я продам вдвое больше, чем гамильтоновских: индейцы, возможно, в каких-то вопросах — недалекие ребята, но какой носок их больше устраивает — в этом они разбираются; они знают, садится носок или не садится, сухие у них ноги — у индейцев, то есть — или у них ноги мокрые; и все это я рассказал инспектору, и все равно я получаю гамильтоновские носки! А? Как это назвать, по-вашему, мистер Прескотт?

Мистер Прескотт ответил, что, насколько он может судить, все это по меньшей мере прискорбно и незаслуженно.

Элверна тем временем потчевала мистера Диллона:

— Обязательно добавьте к спарже еще соуса. Сама делаю. Соус типа майонез.

— Нет, вы слышали что-нибудь подобное? — встрепнулась миссис Макгавити.— «Типа майонез». Ну разве не дуся? — И, трижды издав сиповатый жирный

смешок, она наградила Элверну снисходительной улыбкой — так старая дева повторяет гостям слова смышленного ребенка, поощрительно улыбаясь ему.

И Элверна, тоже совсем как ребенок, сердито насупилась в ответ.

Вот так и начался этот вечер, полный дружеского веселья и задушевных бесед отважных старожиллов; отличный вечер, если не считать того, что он довел Элверну до слез; впрочем, это уже было после.

ГЛАВА XII

Никем и никогда Ральф так не восхищался, как Элверной во время этого официального банкета. Правда, оборотам ее речи недоставало той чарующей правильности, которую невольно ждешь от женщины. «Ну-у, блеск! Си-ла!» — так она выразила одобрение мистеру Дилло-ну, когда он живописал ей свои попытки заинтересовать индейских дам ткацким делом, а в ответ на добродетельное замечание мистера Макгэвити по поводу прелестей ее открытой шейки прыснула: «Да ну вас, скажете тоже!» Кроме того, один раз, как было упомянуто, она взорвалась, когда ее обвинили в мотовстве. Но в остальное время она прислушивалась ко всем высказываниям миссис Макгэвити с дочерней почтительностью — а ведь здесь приведена лишь малая доля благожелательных, тактичных и прозорливых изречений этой дамы на протяжении вечера.

Когда миссис Макгэвити рассказывала, как однажды отогнала холостыми выстрелами волка, а в другой раз повергла в трепет кровожадного индейца словами: «Итак, сэр, что вам здесь *угодно?*» — а кроме того, столь искусно заштопала брюки мистера Макгэвити, что он проносил их еще два года, — Элверна восхищенно ахала: «Вот это да! Это я понимаю!»

Когда преподобный мистер Диллон объяснял, какая разница в структуре англиканской церкви и везлеянской, она слушала, подавшись вперед всем телом, подперев тонкой рукой напряженное и милое личико — точно апостол, внимающий Христу. А когда мистер Макгэвити обнародовал тот факт, что если хочешь наловить белу-

ги, гораздо умней ставить сети не в Островном проливе, а между Мысом Двух Сосен и островом Сэлливен, и Джо зевнул на самом интересном месте, Элверна сгладила неловкость, воскликнув: «Ох, Джо, бедняжка ты мой! Так устал с дороги — прямо глаза слипаются!... Это просто потрясающе, Ральф, до чего мистер Мак все знает про то, где у нас лучше ловится рыба!»

Не забывала Элверна и о хозяйских обязанностях; поминутно выскакивала из-за стола, весело всем прислуживала, мгновенно принимала грязные тарелки, мыла, так что только скрип стоял, и вытирала, мурлыкая «Да, у нас нет бананов». От нее не укрылось, что мистер Диллон не отказался бы от второй порции спаржи (себе, как заметил Ральф, она не взяла ни кусочка), а миссис Макгэвити с вожделением поглядывает на блюдо с винным желе.

И Ральф обратил внимание, что трижды, возвращаясь от плиты к столу, она любовно провела рукою по волосам Джо.

Вот она, его семья, стиснув зубы, думал он; за Джо и Элверну он с радостью перережет глотку миссис Макгэвити, хотя это будет непростая и неаппетитная задача.

Но вот застучали ложки, соскребая с блюдец остатки винного желе, и миссис Макгэвити рассеянно выудила последнее печенье из жестянки, стоящей у нее под рукой. Потом все не спеша потягивали чай, поданный не со сгущенными сливками, а со свежим лимоном, который Элверна торжественно извлекла из волшебного ящика, прибывшего в лодке Джо. Полчасика посидели в мягких креслах в гостиной, посасывая зубочистки, предусмотрительно розданные Джо, а Элверна тем временем мыла посуду на кухне. (Ральф вызвался ей помочь, но она весело отказалась: «В другой раз, а то этим лихим ребяткам нужен свежий человек, чтоб было перед кем важничать».) Резвые забавы завершились тем, что мистер и миссис Макгэвити поднялись с мест и, церемонно скрывая зевки, не менее церемонно провозгласили:

— Что же, видно, пора и домой двигать, Джо.

Вслед за ними взвился с кресла и мистер Диллон.

— Помилуйте, что же это! Половина десятого! Никак не думал, что так поздно! Позвольте, мистер Истер,

поблагодарить вас и вашу добрую супругу за такой роскошный прием. А вам, мистер Прескотт, — пожелать чудесного отдыха в наших местах. Спокойной ночи вам всем! Спокойной ночи!

— Доброй ночи. Изумительный ужин, миссис Истер, — сказала миссис Макгэвити.

— Всего, Джо. Приятных снов, Элверна. Рад был познакомиться, Прескотт, — сказал мистер Макгэвити.

— Просто изумительный! Вот бы мне такого мужа, чтобы привозил горы консервов и не нужно было все стряпать самой. Доброй ночи, доброй ночи! — пропела миссис Макгэвити.

Они ушли, и в доме воцарилась благодатная тишина.

Ральф, легонько поворачиваясь туда-сюда на вертящемся скрипучем стуле у фисгармонии, посматривал на Джо, а тот, устало вытянув длинные ноги, сидел в мягком кресле и, в свою очередь, посматривал на безмолвную Элверну. Она стояла у окна спиной к ним, комкая край аккуратной плетеной занавески, ею же самою выстиранной и повешенной. Смотреть ей особенно было не на что; хоть за окном еще не погасли поздние северные сумерки, через сетчатую ткань маячили только туманные очертания деревьев.

Наконец она обернулась.

— Ну как, Джо? Доволен, надеюсь?

— Да, отлично сошло. Отделались, и ладно. Ух, и любит эта Макгэвити трепать языком — страшное дело! Ты, Элви, с ней обращалась в точности как надо. Ну, пронесло — и кончено!

— Для тебя — безусловно, Джо Истер. Ты об этом и думать забудешь. Тебе и в голову не придет заставить ее извиниться. Ты даже не догадаешься сам извиниться передо мной за нее. Не задумайшься снова позвать ее в этот дом — пусть даже через мой труп!

— Постой, постой. В чем дело?

— Ты сам очень хорошо и прекрасно знаешь, в чем! Подумаешь! Всего-навсего обозвала меня дурой и никому вытнуть из тебя побольше денег и пустить на ветер, выставила перед всеми несчастной трусихой — и это после всего, что я пережила в последние ночи, одна-одинешенька в целом доме! — и еще намекнула, что я про-

дажная девка; а так, в остальном она была сплошное очарование! Проклятая старая гиена! Нет уж, будет! С меня взятки гладки. Пока она была наша гостья, я терпела. Ну, а теперь я им кое-что покажу. Они у меня отсюда выкатятся как миленькие — и она сама и ее олух-муженек; я...

— Эй, эй! Осади! — Джо встал, положил ей руки на плечи. — Да, она вела себя подло, а ты — шикарно. Но уж валяй и дальше так. Не поступай, как она. Не жди от нее, чего в ней нету. Каждого в этом мире надо принимать, как он есть. И не заставляй нас расплачиваться за то, что она дрянная баба. Ты держалась таким молодцом — так не порть все сейчас.

— Ничего, пострадаешь! Я страдала? Теперь твой черед!

Она стряхнула с плеч его руки и яростно забежала по комнате.

Джо невозмутимо засунул руки в карманы.

— Что ж, все правильно, — прогудел он. — Миссис Мак — дура и комедиантка. Ей требуется, чтобы ты была насадкой. Но ведь и ты ждешь, чтобы она стала резвой сойкой. Я, например, не жду от людей ничего. Потому я один и не обманываюсь в своих ожиданиях. Ты бы лучше подумала про Ральфа и меня, про то, как...

Истощенный вопль оборвал его слова. Элверна взметнула кулаки, сжимая и разжимая пальцы, точно щупальца огромного белого насекомого, вонзаясь заостренными ногтями в ладони. Она закинула голову, дико разметав волосы. Она опять издала вопль, налетела на Джо и забарабанила кулаками по его груди, выкрикивая в беспамятстве:

— Замолчи, замолчи, замолчи! Ты всегда так: сначала разрешаешь этой гадине меня позорить, а после рассуждаешь как ни в чем не бывало! Тебя ничем не прошибешь, ты просто рыба, холодная рыба, вот ты кто! Сам-то сегодня уснешь как миленький! Захрапишь — тебе что! А я буду лежать, и не спать, и чувствовать себя несчастней всех на свете оттого, что нельзя вцепиться ей в жирную шею и удушить до смерти! Нет, она у меня узнает... Где это виски, что ты привез?

— Там... А зачем тебе?

«КАПКАН»

«КАПКАН»

Она ринулась на кухню, рванула кусок брезента, которым Джо укрыл от безгрешного взора миссис Макгэвити непочатый ящик шотландского виски, и с остервенением выдернула бутылку, словно ненавистный сорняк из грядки. Яростно вытащив пробку, она остановилась в дверях кухни, запрокинула бутылку, и виски с долгим булькающим звуком полилось ей в горло.

— Прекрати! — резко сказал Джо.

— Поди ты к дьяволу! — Она со стуком поставила бутылку на край столика от швейной машины и, едва не столкнув Ральфа, который томился на своем стульчике, мечтая удрать и зная, что этим только больше обратит на себя внимание, подлетела к зеленой кушетке и с размаху бросилась на нее.

— Глотнула, и отлегло немного, — зло продолжала она. — А то просто с ума сойдешь. Так вот: послушай меня, Джо. Поговорим прямо и грубо. Ты завез меня в эти леса. Значит — давай сделай так, чтоб я могла здесь жить. Посуди сам: одна-единственная белая женщина под боком — вот эта старая богомольная кривляка, которая спит и видит, как бы меня извести. Кому-то из нас здесь не место: либо ей, либо мне. Я пикогда ничего такого не делала, чтобы она имела право на меня напа...

Джо легко шагнул к кушетке и закрыл жене рот широкой ладонью. Она задыхалась, барахталась, кусалась, но он не дал ей говорить.

— Мало того, что Ральф из-за тебя готов провалиться сквозь землю, — сухо сказал он, — так ты еще и... Я знаю, дуручка, что тетка Макгэвити — гнусная склочница. Но именно потому, что она здесь единственная белая женщина, ты должна ее терпеть. Чтоб было на кого положиться в случае чего. Она тебя не понимает — но ведь и ты ее тоже. И не поймешь. Ты не желаешь слушать, что я тебе говорю. И потом... Значит, ты так-таки и не давала повода для сплетен? А кто устраивает самые буйные вечеринки от острова Хершел до Нипигона? Кто подбивает Кудрявого и Джорджа и остальную компанию просиживать здесь за покером ночи напролет и глушить это чертово зелье, «белого мула», и орать так, что слышно до самой лавки «Ревийон»?

— Ты первый это любишь не меньше...

— Правильно! Но ведь я и не рассчитываю зарабо-

тать себе у святоши вроде ма Макгэвити славу учителя воскресной школы. Ты прикинь, что она о тебе должна думать.

— А уж что я о ней думаю...

— Это ясно. Ты нам уже дала кой-какое представление. Да, вот я и говорю: она сотой доли того не выложила, что думает про тебя. Душа-то рвется, только, видимо, слов не хватает! Сама можешь догадаться, какие слова они с Маком должны про тебя говорить, видя, как ты вертишь хвостом перед каждым, кто ни подвернись— были бы только штаны! И после этого ты еще надеешься привести ее в восторг своими... Когда один бог ведает, что ты без меня позволяешь себе с Джорджем Иганом и Кудрявым!

Элверна резко выпрямилась на кушетке.

— Джо Истер! — Сейчас это был не истерический выкрик, а глухой возглас ярости и обиды. — Уж не хочешь ли ты намекнуть, будто я дурная женщина?

Джо не ответил. Он глядел на нее в упор. В нем было сейчас что-то до того властное, что бедного Ральфа будто пригвоздило к месту.

— Да или нет? Договаривай! Я не потерплю, чтобы мне швыряли в лицо грязные намеки, а потом — в кусты! Ну?

Ответом ей был все тот же немигающий взгляд.

Она неловко дернула плечом, отвела глаза, неуверенно проговорила:

— А ну тебя совсем. Все эти дурацкие подозрения — глупость одна, честное слово. Эдешним увальням только бы сидеть до полуночи, рассуждать про свои мозоли, а кто любит потанцевать, подурачиться — та, мол, беспутная девка. А ты (довольно вяло), ты их слушаешь! Постыдился бы, Джо Истер! Правда, Ральф?

Вопрос вывел Ральфа из гнетущего оцепенения.

— Ох, ей-богу, кончайте вы ссориться! Ведь все равно попусту. Я пошел спать!

— Нет, Ральф, серьезно, — жалобным голоском продолжала она. — Вы даже не знаете, какая мне здесь тоска: все покер да покер, и ничего больше. По-моему, куда приятнее собраться веселой компанией, потанцевать — нет, вы меня поймите, чтобы все прилично. Как мы, бывало, в Миннеаполисе. Пускай я всего-навсего ма-

никюрша из парикмахерской, как заявила эта старая карга — ух, ненавижу ее! — но росла я в очень хорошей семье. У папы был свой магазин! Мебельный. И можете мне поверить, маникюрша встречает таких интересных людей, таких важных, какие старой стервятнице вроде мамыши Макгэвити даже не снились. Не там ли я встретила моего Джо!

Она старалась, чтобы это вышло легко, примири-тельно, ласково, но Джо, который присел, ссутулясь, на ручку кресла, не взглянул в ее сторону. Она вновь отчаянно обернулась к Ральфу — такая беззащитная, так просительно звучал ее голос! Ральф был тронут.

— Правда, и нагляделась же я! Понимаете, во-первых, это Ранела-Отель, и все шишки останавливаются только там. А во-вторых, поболтать с ними запросто, по душам — это может себе позволить из всего персонала одна только маникюрша. И что бы там ни говорили, а если девушка себя уважает и не дает мужчинам нахальничать, они по большей части и обращаются с ней как с сестрой, можно сказать. Кого только я не повидала, с кем только не разговаривала! Сенаторы, банкиры, и автомобильные гонщики, и епископы, владельцы рекламных фирм... И после этого Джо требует: сиди здесь и будь довольна! Когда можно прекрасным образом открыть лавку в Виннипеге: говорят, город — блеск, — или еще где-нибудь; хоть на жизнь поглядишь! Ведь я с кем только не встречалась! Знаете, Ральф, — она вскочила и подбежала к нему, сияя, как девочка, — один раз я делала маникюр самому Джеку Барримору, когда он приезжал в Миннеаполис на гастроли!

Джо внезапно очнулся. Он встал и схватил ее за руку.

— Я тут поразмыслил, Элви. Я знаю, тебе нелегко. Правда, я не слепой, имей в виду. Мне известно, что... Ну, да ладно. Предположим, это от скуки. Но возможности уехать я не вижу. В дело вложен капитал. На те гроши, что я выручил за эти два года — учитывая еще, сколько потеряно на мехах, — новое дело в городе не откроешь. Вот через год-другой — может быть. Если б ты только умела переждать, проявить чуть побольше выдержки, не взрываться как порох! Миссис Мак начнет ехидничать, а ты посмейся над ней, и все. По этой причине — хотя не только по этой — я и Ральфа сюда заманил. От-

тать себе у святоши вроде ма Макгэвити славу учителя воскресной школы. Ты прикинь, что она о тебе должна думать.

— А уж что я о ней думаю...

— Это ясно. Ты нам уже дала кой-какое представление. Да, вот я и говорю: она сотой доли того не выложила, что думает про тебя. Душа-то рвется, только, видимо, слов не хватает! Сама можешь догадаться, какие слова они с Маком должны про тебя говорить, видя, как ты вертишь хвостом перед каждым, кто ни подвернись— были бы только штаны! И после этого ты еще надеешься привести ее в восторг своими... Когда один бог ведает, что ты без меня позволяешь себе с Джорджем Иганом и Кудрявым!

Элверна резко выпрямилась на кушетке.

— Джо Истер! — Сейчас это был не истерический выкрик, а глухой возглас ярости и обиды. — Уж не хочешь ли ты намекнуть, будто я дурная женщина?

Джо не ответил. Он глядел на нее в упор. В нем было сейчас что-то до того властное, что бедного Ральфа будто пригвоздило к месту.

— Да или нет? Договаривай! Я не потерплю, чтобы мне швыряли в лицо грязные намеки, а потом — в кусты! Ну?

Ответом ей был все тот же немигающий взгляд.

Она неловко дернула плечом, отвела глаза, неуверенно проговорила:

— А ну тебя совсем. Все эти дурацкие подозрения — глупость одна, честное слово. Эдешним увальням только бы сидеть до полуночи, рассуждать про свои мозоли, а кто любит потанцевать, подурачиться — та, мол, беспутная девка. А ты (довольно вяло), ты их слушаешь! Постыдился бы, Джо Истер! Правда, Ральф?

Вопрос вывел Ральфа из гнетущего оцепенения.

— Ох, ей-богу, кончайте вы ссориться! Ведь все равно попусту. Я пошел спать!

— Нет, Ральф, серьезно, — жалобным голоском продолжала она. — Вы даже не знаете, какая мне здесь тоска: все покер да покер, и ничего больше. По-моему, куда приятнее собраться веселой компанией, потанцевать — нет, вы меня поймите, чтобы все прилично. Как мы, бывало, в Миннеаполисе. Пускай я всего-навсего ма-

никюрша из парикмахерской, как заявила эта старая карга — ух, ненавижу ее! — но росла я в очень хорошей семье. У папы был свой магазин! Мебельный. И можете мне поверить, маникюрша встречает таких интересных людей, таких важных, какие старой стервятнице вроде мамыши Макгэвити даже не снились. Не там ли я встретила моего Джо!

Она старалась, чтобы это вышло легко, примирительно, ласково, но Джо, который присел, ссутулясь, на ручку кресла, не взглянул в ее сторону. Она вновь отчаянно обернулась к Ральфу — такая беззащитная, так просительно звучал ее голос! Ральф был тронут.

— Правда, и нагладелась же я! Понимаете, во-первых, это Ранела-Отель, и все шишки останавливаются только там. А во-вторых, поболтать с ними запросто, по душам — это может себе позволить из всего персонала одна только маникюрша. И что бы там ни говорили, а если девушка себя уважает и не дает мужчинам нахальничать, они по большей части и обращаются с ней как с сестрой, можно сказать. Кого только я не повидала, с кем только не разговаривала! Сенаторы, банкиры, и автомобильные гонщики, и епископы, владельцы рекламных фирм... И после этого Джо требует: сиди здесь и будь довольна! Когда можно прекрасным образом открыть лавку в Виннипеге: говорят, город — блеск, — или еще где-нибудь; хоть на жизнь поглядишь! Ведь я с кем только не встречалась! Знаете, Ральф, — она вскочила и подбежала к нему, сияя, как девочка, — один раз я делала маникюр самому Джеку Барримору, когда он приезжал в Миннеаполис на гастроли!

Джо внезапно очнулся. Он встал и схватил ее за руку.

— Я тут поразмыслил, Элви. Я знаю, тебе нелегко. Правда, я не слепой, имей в виду. Мне известно, что... Ну, да ладно. Предположим, это от скуки. Но возможности уехать я не вижу. В дело вложен капитал. На те гроши, что я выручил за эти два года — учитывая еще, сколько потеряно на мехах, — новое дело в городе не откроешь. Вот через год-другой — может быть. Если б ты только умела переждать, проявить чуть побольше выдержки, не взрываться как порох! Миссис Мак начнет ехидничать, а ты посмейся над ней, и все. По этой причине — хотя не только по этой — я и Ральфа сюда заманил. От-

части потому, что он мне понравился с первой же минуты. Это уж само собой! Но отчасти хотел дать тебе поговорить с человеком, которому Север по вкусу, хоть он умеет и головой поработать изредка, а не только без конца поднимать визг. Правильно я говорю, Ральф? Надо ей попробовать обжиться? Или лучше отослать ее обратно в город?

— Ой, а правда, можно, Джо? — Она подхватила край юбки и сделала пируэт. — Только на зиму съездить бы, а в мае, как вскроются реки, сразу назад?

— А чем займешься?

— Ну, пожила бы у девочек на старой квартире...

— И устроилась на старое место маникюришей?

— Вот это не хотелось бы. Потому что одно мне тут все-таки нравится — не считая тебя, миленький. У меня своя кухня и свой дом, и я распоряжаюсь в них как хочу. И ведь я в самом деле хорошая хозяйка — скажи, нет? Я бы теперь уж не смогла являться в парикмахерскую в восемь тридцать, минута в минуту, и обслуживать подряд всех несносных клиентов, всех этих субчиков, которые мнят о себе неизвестно что; сами старые, жирные, изо рта несет как из пивной бочки, а воображают, будто могут тебя сразить наповал. И когда нездоровится и болит голова — все равно иди, работай. А проныры-мастера, которые вечно пристают! Нет. Разве нельзя побыть просто так, походить в кино...

— Это с твоей-то бесшабашной натурой? Ты не думай, я не в укор: я и сам скорей всего не слишком рвался бы в парикмахерскую. Но тебе требуется занятие, чтобы держало тебя в узде — иначе ты определеннопустишься во все тяжкие и пропадешь. К тому же, как тебе известно, я не такой богач, чтобы жить на два дома. — Он повернулся к Ральфу и объяснил: — Ситуация такая. Скупка мехов — а это в нашем деле будет поважней, чем торговля в лавке, — страшно неверная штука. Вот в этом году: только закупил ондатру — тут же упала цена. Пришлось на каждой шкурке — а у меня их, слава богу, было семнадцать тысяч — терять шестьдесят центов. Чуть не весь капитал вылетел в трубу. А сейчас даже и в лавке почти никакой торговли. Мы тут — и «Гудзонов», и я, и «Ревийон» — вынуждены были прикрыть индейцам кредит: не желают, понимаешь, платить долгов. Завели

в последнее время приятную моду: наберут в долг как можно больше, а чуть откуда-нибудь перепадут денежки — скажем, выплата по Государственному договору, — так нет, чтобы прийти уплатить, как бы долго ни пользовались кредитом, а сразу прыг в лодку и ходу на озеро Уоррик. Там они никому не задолжали, там все и спустят до цента. Их, горемык, и винить по-настоящему грешно. Часто ли они видят деньги... Но и я не богач. Содержать сотню индейских семейств мне не по средствам. Так что теперь вся моя торговля только и держится на тех немногих, кто платит наличными.

Элверна, не выдержав дольше нескольких минут роль томной и благовоспитанной дамы, снова перешла на крик.

— Вот именно! Он еще вам не все досказал... Хватило же совести у Джо затащить вас в такой омут! И меня здесь бросать совсем одну по ночам!

— Будем надеяться, что одну! — проворчал Джо.

— Катись ты к черту со своими намеками! И будь уверен, я расскажу Ральфу, в какую историю ты его впутал... С тех пор, как мы закрыли кредит, индейцы прямо взбесились от злости. Говорят, мы морим их голодом — кстати, так оно и есть. И поклялись, что сожгут все три лавки, а нас прирежут во сне! Теперь их в любую ночь жди...

— Совершеннейшая чушь, — отрезал Джо. — Да ты и сама знаешь. Будь это правда, я бы и Ральфа и тебя отправил отсюда и себя прихватил бы. Я не больше других люблю, когда меня режут — во сне или еще как. Индейцы озлоблены, но это безалаберный народ — здешние, я хочу сказать, лесные кри. Они нас боятся.

— Человек может бояться, не знаю как, — парировала Элверна, — и все же спалить нас всех, когда мы будем спать или... Боже! — Она указала на темное окно. — Глядите!

У Ральфа остановилось сердце.

— Ох, нет, ничего, — виновато вздохнула она. — Мне почудилось, будто в окне — лицо индейца. Весело, мило и уютно — именно так, мистер Истер, мне было здесь без вас с первой и до последней секунды.

И именно так, подумалось Ральфу, по-видимому, будет с этой минуты ему самому.

Перебранка между Джо и Элверной продолжалась еще с полчаса: всплыли на свет старые обиды, припомнились нескончаемые подробности домашних конфликтов; минутами спорщиков одолевал сон, минутами вражда разгоралась с новой силой — и оба были правы и оба — чудовищно несправедливы. Конечно, Джо несправедлив, думал Ральф; конечно, Элверну жалко. И несмотря на это, в глубине души он был на стороне Джо.

Среди мужчин Джо был в своей стихии. Укрощение мятущейся природы было не по его части. Дружелюбное спокойствие, которое так надежно несло его мимо подводных камней с Ральфом, Макгэвити или преподобным мистером Диллоном, терпело крушение, когда он пытался выплыть на нем с Элверной по веселым заводям, по волнам кипучего гнева, в тумане страстей.

Ральф все порывался уйти, но оба наперебой обращались к нему — никак было не сбежать из этого сумасшедшего дома. К концу поединка ему до того хотелось спать, что было все равно, кто выйдет победителем и явятся ли завтра в поселок все индейцы долины Мэнтрап-Ривер жечь дома и убивать жителей.

Наконец Джо спохватился:

— Впутали беднягу Ральфа в чужие дрязги да еще и спать не даем всю ночь! Можешь ты постелить ему на веранде?

Но постель стелила Элверна.

Спору нет, мужчины умеют стелить постели: слуги-японцы, больничные санитары, корабельные стюарды, французские *valets de chambre*¹. Но как? Формально, без души. Кто из них догадается завершить эту процедуру деловитым и бодрым шлепком по подушке, который таинственным образом навеивает на тебя дремоту? Именно так — деловито и бодро, гордясь тем, как ловко это все у нее получается, хлопотала, устраивая его на ночь, Элверна.

Джо тем временем пошел взглянуть, заперт ли склад. Постелив постель, Элверна остановилась возле Ральфа на полутемной неширокой веранде. За спиной — дверь в освещенную гостиную, впереди мягко плещется озеро. Только что оживленная, Элверна без всякого перехода

¹ Лакеи (франц.).

снова загрустила. В полумраке она казалась совсем девочкой: такая тоненькая фигурка, такой ломкий голосок.

— Что мне делать, Ральф? Здесь страшно и скучища. Содержать меня в городе Джо не станет. А разве я смогу снова пойти в маникюрши, или по целым дням выстаивать на ногах за прилавком, или поступить в услужение, чтобы кто-то мною помыкал? — Она протянула к нему руки.

Ральф отступил. Казалось, так естественно привлечь ее по-братски к себе — чересчур естественно...

— Не знаю, — жалобно протянул он, будто умоляя ее не взваливать на него свои заботы.

— Ну и пусть, все равно вы очень милый и хороший. И не думайте, что я такая гадкая. Пожалуйста. Ведь я могла бы... ради бога, не рассказывайте Джо, но тут был один человек — купец, приезжий, шикарнейший парень, — и он уговаривал, чтобы я уехала с ним, а я не захотела. Хотя, как подумаешь — поездить по свету, увидеть столько нового! Ах, да что там... Спокойной ночи.

Чистая пижама — блаженство! Пружинный матрац, тюфяк, чистые простыни — тройное блаженство! Убаюканный комфортом, Ральф задремал, но то и дело просыпался. Дом был объят тишиной. Джо и Элверна, вероятно, заснули. Шелест мелкой прибрежной волны только глубже оттенял тишину, и в этом безмолвии каждый загадочный звук означал, что к дому крадется индеец: вот он прошмыгнул вдоль наружной стены веранды, вот пытается открыть затянутую сеткой дверь, вот чиркнул спичкой, чтобы вспыхнула пропитанная керосином ветошь, осторожно достает нож, ступает на цыпочках в темноте...

Ральф лежал, напряженно прислушиваясь. Внезапно он сел как ужаленный, замер с бешено бьющимся сердцем. Что это?.. Приглушенные шаги...

На этот раз не кажется. Вот шуршит по траве. Вот задел за розовый куст.

— К-кто там? — срывающимся голосом окликнул Ральф.

Мягкий топот убегающих ног; потом — мертвая тишина.

ГЛАВА XIII

Ни ночные страхи, ни назойливые воспоминания о руках и глазах Элверны, очевидно, не помешали ему заснуть — ибо точно известно, что он проснулся; причем проснулся в восемь утра, то есть, по местным понятиям, чуть ли не в полдень. В ленивой волне буйно резвилось солнце, блистали величавой красой тихие сосны, и Ральф, одурманенный сном, уже не знал, наяву он слышал вороватые шаги или они ему пригрезились.

«Все равно с вечера, так сказать, заступаю в караул», — дал он себе слово, но никакого удовольствия от этой перспективы не испытал.

Впрочем, зная, что в доме теперь двое мужчин на стратегически выгодных позициях, индейцы, возможно, не рискнут напасть. А может статься, это просто какой-нибудь пьянчужка брел домой. А может быть...

А в общем ерунда это все.

Так успокаивал себя Ральф, точно ребенок, который убежден, что по коридору уже крадется Слепой Призрак, а в двух шагах готовится к прыжку Таинственный Громила — но раз слышно, как внизу смеются папа и мама, значит, есть еще вполне реальный шанс, что все обойдется.

То было утро азартной рыбной ловли, но лишь после того, как состоялся торжественный и антивудберрианский обряд вручения Ральфу калош и мокасинов из лавки Джо. А потом Джо, который сам приготовил и наскоро съел свой завтрак еще в шесть часов, заглянул полюбоваться, как Ральф поглощает кофе с оладьями. Джо сиял и переглядывался с Элверной, и в мире не было ничего, кроме дружбы, и солнца, и добрых сердец.

Джо надо было посидеть над счетными книгами, но он отрядил с Ральфом Лоренса Джекфиша, основным занятием которого было отплясывать с молодыми скво и валяться пьяным на солнышке, исполняя в промежутках обязанности матроса, погонщика, сторожа, садовника и охотника. Глаз у Лоренса был вороватый и плотоядный, зато рыбу он чуял на глубине двадцати футов. Возможно, если бы тут оказались бывшие проводники Ральфа — Джесси и Луи, — Лоренс начал бы изощряться в остроумии не менее убийственно, чем те двое в ча-

сы парусных походов. Но сейчас он молчал, хотя английским языком владел сносно, и Ральф, радуясь легкой десятифутовой лодке — после громоздкой грузовой байдарки управляться с такой просто забава, — скользил между островами, гордый своею ролью рулевого.

За островом Синий Нос он закинул удочку в золотистую, прозрачную глубь — и тотчас зажужжала катушка, изогнулось удилище: крючок тянула большая рыба. Он дал ей минут десять, чтобы клюнула как следует, и втащил на борт пятнадцатифунтовую озерную форель с серебристыми боками, усеянными алыми крапинками.

Не чуя под собою ног, явился он в двенадцать часов к обеду; забыты были крадущиеся в ночи индейцы и семейные раздоры; и Джо ахал над его форелью, точно во всех водах земли никто еще с сотворения мира не поймал рыбины, равной этой. Он во что бы то ни стало пожелал сфотографировать Ральфа с форелью в руках. (На этом снимке, который свято хранится по сей день, Ральф ухмыляется глуповато и счастливо, как молодая мамаша над новорожденным.)

подавая обед — все ту же незадачливую форель, обваленную в кукурузной муке и зажаренную, — Элверна напевала себе под нос фальшиво, но мило; любая мелодия у нее почему-то звучала на мотив песенки «Что мне делать?», но ее щебетание навевало уют, подобно лягушачьим концертам в сумерках или стрекоту сверчка за печкой.

Чтобы такое существо способно было чувствовать себя несчастной страдальцей? Чтобы Джо был способен сурово обходиться с нею? Явный бред! Джо рассказывал фантастические истории про Папашу Бака: убедившись, что никому больше не под силу пить шотландскую крепкую с ним наравне, Па Бак, гласила легенда, приручил добродушного бурого медведя и при свете северного сияния просиживал с ним ночи напролет в обледелой юрте, источая веселье, мудрость и спиртной дух.

В доме царил мир и согласие, и Ральф был на седьмом небе.

Еще не успели перемыть обеденную посуду, как уже пожаловали гости — два белых траппера, которые болтались в Мэнтрапе, пережидая летний сезон, а сейчас

зашли познакомиться с новым человеком: Пит Реншу, смуглый и живой мужчина лет сорока, француз по происхождению, кругленький, поминутно закатывающийся визгливым смехом, и молодой англичанин (или, возможно, ирландец) Джордж Иган, чьи красноречивые недомолвки о своем прошлом наводили на мысль, что он покинул родину по причинам не слишком похвального свойства. Они принесли две кватры самогона: мощной, безотказной, убойного действия взрывчатки, бесцветной, как вода, и сокрушающей, как холера. Торжественно вручив бутылки Джо и небрежно пояснив, что стянули их у Бербери, вождя индейцев кри с озера Полуночного, когда тот упился до бесчувствия, они дали понять, что это их вклад в общий котел вечеринки, которая, как они искренне ждут и твердо рассчитывают, начнется с этой самой минуты и будет продолжаться по крайней мере до утра.

Хозяева сделали все, чтобы оправдать надежды гостей.

Ральф осушил стопку самогона, к счастью, разбавленного лимонадом, так что теперь он напоминал вкусом не купорос, а всего лишь бензин.

На любезное подношение трапперов Джо, как водится, ответил такой же любезностью: предложил им отведать настоящего шотландского виски. Его предложение было принято — и еще как! — а в три часа ввалился Папаша Бак с галлоном цветочного вина и тоже с идеями насчет вечеринки — и пошло веселье.

Разумеется, Элверна должна была расцеловать «дядюшку Па», и, разумеется, после этого она не могла не расцеловать Игана и Реншу, чтобы гости не подумали, что она оказывает кому-то предпочтение.

К пяти часам весть о происходящем несповедимыми путями достигла Нелса Стромберга — помощника Макгэвити по «Компании Гудзонова Залива» — и агента «Братьев Ревийон» Бирмайера; но к пяти часам с Ральфа было достаточно. Он издавна привык считать, что для успешного ведения судебных дел рекомендуется пить не более пяти рюмок виски с содовой подряд.

— Давай-ка смоемся в лавку, — услышал он шепот Джо. — Устроим себе передышку.

Как сельский магазин, где в полумраке на полках пылятся сапоги минувших идиллических времен и патенто-

ванные лекарства, составленные по давно забытым рецептам, а воздух пропитан запахом сена и жевательного табака; как корабельная лавка, где торгуют фонарями для нактоуза, старинными рострами, просмоленными канатами и прочими экзотическими товарами,— так выглядело изнутри бревенчатое здание «Торговой Компании Истера». Содержалось оно аккуратно: Джо был такой же заботливый хозяин, как Элверна, а еще заботливее был его неулыбчивый помощник, метис-везлеянец, беззаветно преданный хозяину, но никогда не переступавший порог его дома, ибо там водились игральные карты и спиртные напитки.

Чисто выметенная, прибранная, лавка была все равно насквозь пронизана романтикой Севера. Здесь висели двубортные охотничьи полупальто: алые, зеленые, рыжие, ярко-синие; рубахи в полоску или клетку немислимых и пламенных тонов; здесь были кожаные сапоги лесорубов на резиновом ходу; парки из шкур карибу, купленные у эскимосов, что приходят с товаром в Брочет на озеро Оленье; здесь были сети для ловли красной рыбы и смертоносные винтовки для охоты на лося; капканы для бобра, огромные капканы для медведя, волчий яд, ряды блестящих красных консервных банок: лосось, персиковый компот, джем. На одном конце прилавка красовались шляпы — воплощенная мечта какой-нибудь готтентотской модницы. Если бы взять розовую соломенную шляпку, обмазать клеем, вывалить сперва в разноцветных перьях, а потом — в медных бляшках и пряжках и наконец погрузить в ворох бархатных обрезков, выметенных из-под всех столов очень большой мастерской дамского платья,— получилась бы именно такая шляпа.

— Страх божий, да? — сказал Джо. — А скво их обожают. Ты бы здесь побыл в день выплаты договорных: каждая вторая спешит в лавку; купит, наденет — ситцевая юбка, шаль, а сверху шляпа — и выплывает на улицу.

В темном боковом чулане были сложены тугие кипы шкурок мездрой наружу — отвратительной, телесного цвета мездрой. Ральф был разочарован. Он представлял себе, что меха будут лежать лоснящимися горами, словно во дворце мифического северного владыки. А эти кипы были столь же поэтичны, как связки березовой коры,

только в десять раз тяжелей. Впрочем, он понимал, что, проделав долгий путь в Лондон, на лодках и волоком, в товарном вагоне и трюме парохода, они похорошеют вновь, мягко лягут на плечи женщин с Вандомской площади, блеснут в окне лимузина, с шорохом проносящегося сквозь окутанный туманом Мэйфэр.

Джо провел его в свою контору, расположенную за лавкой, очень деловито обставленную; конторский стол светлого дуба и сосновые желтые ящики для бумаг могли бы вызвать у Ральфа нежелательные воспоминания о юридических конторах и работе, но этого не произошло. После нестройного гомона, бушевавшего вокруг Элверны, в этой прозаической обстановке было особенно покойно.

— Тебе этот кавардак ничего? Они народ славный, Ральф, — вздохнул Джо.

— Я знаю...

— Если бы понадобилось вытащить тебя из воды или нести на себе из лесу со сломанной ногой, даже рискуя собственной жизнью, ни один бы не задумался.

— Знаю.

— Ральф. Скажи, с какой стороны грянет беда?

— Ты о чем?

— То ли с Элверной случится что-то страшное, то ли со мной или с другим дуралеем — а нет, так со всеми тремя. Я точно знаю.

Точно знал это и Ральф — и при всем своем профессиональном умении заговаривать зубы встревоженным клиентам не нашелся, что ответить.

Оба сидели, пригорюнясь. Было слышно, как в доме хрипит патефон и шаркают под звуки фокстрота тяжелые башмаки. «Пусти, Джордж! Отвяжись, тебе сказано!» — донесся визг Элверны.

Джо вздохнул.

Но вот послышались другие звуки: трах-трах-трах. Ружейные выстрелы.

— Кто бы это мог быть? — без особого интереса произнес Джо.

Они вышли через лавку на низенькое крыльцо и окинули взглядом озеро. Ральф различил вдали только лодку с неясной человеческой фигурой на корме. Но Джо тотчас воскликнул:

— Ну, теперь пойдет кутерьма! Кудрявый Эванс — полисмен нашего округа из Манитобской Полиции — душа парень, свой в доску.

Он бросился в контору, вернулся с револьвером и разрядил весь барабан в озеро. Тем временем загрелись приветственные выстрелы у лавки Макгавити, и у «Братьев Ревийон», и у индейских вигвамов, и Кудрявый Эванс подлетел к причалу Джо, встреченный поистине адмиральскими почестями.

Эванс был в полицейском мундире, в форменной шляпе с широкими полями, приколотыми с одного бока к тулье, как у австралийского кавалериста, — молодой крепыш с круто вьющимися желтыми волосами, большим добродушным ртом и неизменной усмешкой, особенно широкой в те минуты, когда он, крадучись, подбирался сквозь густой кустарник к бревенчатой хижине, в которой забаррикадировался какой-нибудь убийца.

Он взбежал на берег, пожал руку Джо, Ральфу, весело протараторил: «Пьянка, да? Мне можно? Рад познакомиться, Прескотт. Слышал, что вы здесь», — и устремился к дому, где его встретили в дверях поцелуями, на которые Элверна, по-видимому, никогда не скупилась.

— Откуда он мог узнать, что я здесь, — поразился Ральф. — Телеграфа нет...

— На Севере двух шагов не пройдешь, чтобы тебя не увидели, — сказал Джо. — Ты будешь думать, что... К примеру, ты совершил преступление. Ты уходишь и уверен, что спрятал концы в воду. А за твоей лодкой с берега наблюдает индеец, и он при первой возможности расскажет о тебе другому индейцу. Тут за всеми нами идет непрерывная слежка. Глушь? Безлюдье? Как бы не так! У каждого обгорелого пня — глаза и уши. Гляди — докажу. Кудрявый!

— Чего? — гаркнул Кудрявый, все еще увлеченно любезничая с Элверной в дверях коттеджа.

— Где сейчас этот тип Вудбери — белый, с которым Прескотт был раньше?

— Один чиппева с Реки Духов говорил, что Вудбери вчера вечером стоял биваком на реке Малый Мокасин. Курс держит на озеро Солферино.

Ральфа охватило такое чувство, будто из глубины зеленого и ласкового бора за ним со всех сторон следят

исподтишка враждебные, недобрые глаза; припомнились сторожкие, потаенные шаги в ночи, и снова стало не по себе.

Ну, а потом, в вихре «лихой попойки» (как сказали бы Элверна, Кудрявый и Папаша Бак), тайные соглядаты, а с ними и все тревоги вылетели у него из головы.

К шести часам — иными словами, к ужину — все, кроме Джо и Ральфа, изрядно захмелели. Элверна определенно не являла собою исключения, Эванс — тоже. Правда, ни та, ни другой не опрокинули в себя столько рюмок лютого зелья, как Па Бак, Иган и Реншу, но и они выпили достаточно, чтобы впасть в меланхолический вкстаз, свойственный пьяницам романтического склада. Элверна и Кудрявый сосредоточенно кружились в вальсе по гостиной — круг, другой, третий — под пластинку «В три часа утра», пущенную так медленно, что она напоминала похоронный марш. Остальные сидели в кухне и, страстно убеждая друг друга неведомо в чем, грохали кулаками по столу и твердили: «Я тебе вот что скажу — понял? Нет, ты послушай, что я тебе скажу», — так и не в силах поведать миру ту неоценимую истину, которую им не терпелось высказать.

Джо, лениво откинувшись на спинку стула, не спеша потягивал слабенький виски с содовой и беседовал с Ральфом. Сквозь гам и сумятицу слова его долетали до Ральфа, как чайки сквозь туман, — застенчивые признания в любви к Северу и всему, что с ним связано.

— Уехать из здешних мест и устроиться на работу в городе — это мне нож острый, — вздохнул Джо. — А поторгуешь еще немного себе в убыток — очень даже может быть, что и придется.

В третий раз с тех пор, как они встретились, Ральф попытался под каким-нибудь предлогом заговорить о плате за свой пансион — и не смог. Он знал, что для Джо это было бы оскорбление не менее тяжкое, чем для старозаветного плантатора-южанина.

— Конечно, — говорил Джо, — можно бы снова сунуться в трапперы, если совсем прогорю. Да только теперь, как посидишь неделю-другую в снегах — так скрутит ревматизм. Но все же... Эх, Ральф, выбраться бы

тебе со мной хоть на недельку, когда поеду зимой скучать меха!

Ральф слушал медлительную речь Джо, и перед его глазами вставала огромная белая неведомая земля. В бездонной тьме над темными бескрайними лесами — искристые мерцающие полосы северного сияния. Колючие звезды зимней ночи. Радость ослабевшего от голода скупщика мехов при виде желтых огоньков вдалеке, у скованной льдом, заснеженной реки. Яростное полуденное солнце, и под ним, точно алмазные россыпи, — замерзшая тундра.

— Поглядел бы своими глазами. Всегда обидно, когда вокруг красотища, а поделиться ею не с кем.

Элверну Джо, казалось, вовсе не замечал. Трудно было представить себе, чтобы от взгляда этого человека могла укрыться хоть самая малость, однако сейчас он невозмутимо продолжал рассказывать о медведях и лосях, об индейцах, доведенных до отчаяния голодом, а Элверна тем временем веселилась напропалую. Эванс, Стромберг, Иган, Реншу — все наперебой оспаривали честь танцевать с нею; а когда эти дюжие молодцы о чем-нибудь спорили, они начинали самым нелестным образом поминать родителей друг друга, причем так, что слышно было даже на острове Синий Нос.

Элверна нашла выход из положения: пустилась танцевать сразу с двумя, обхватив одного справа, другого слева, хихикая при каждом старательном тройственном пируэте и награждая обоих партнеров поцелуем, когда ее перехватывала вторая пара бравых кавалеров. А разбитый патефон заунывно выводил все одно и то же: «Я но-о-очь напролет танцева-аа-ала».

Было уже семь вечера, когда Джо деликатно напомнил:

— Не мешало бы собрать чего-нибудь поужинать — как скажешь?

Его слова вызвали бурную деятельность.

Элверна взобралась на стул и объявила во всеуслышание, что кормить их ужином не собирается. Готовить на такую ораву лоботрясов? Ни за что. Она будет танцевать с Кудрявым Эвансом. Грязную посуду возьмут на себя Джордж, Бирмайер и Нелс; Папаша Бак будет за струюху, Пит Реншу — за официанта, а что касается

нудного старья вроде Джо и Ральфа Прескотта — пускай их выметаются к дьяволу и не путаются под ногами — вот так. А она намерена танцевать с Кудрявым.

До трех часов утра-аа,
А ну — пошли, малыш!

— Молодчина девка, — смачно хохотнул Папаша Бак. — Эй, Пит! Докажем им, на что способны старики.

— Идет! — возликовал Пит Реншу. — Я буду официанточкой!

Кругленький, чуточку слащавый Реншу был отчаянный весельчак, первый траппер, первый кутила, первый любитель приударить за дамочками сомнительной репутации. Он подхватил на руки Элверну, стоявшую на стуле, — Элверна неистово отбивалась и визжала, — и завопил:

— Пойдем-ка, нарядишь меня по моде!

Он потащил ее из комнаты и немного спустя вернулся, кокетливо выступая в черном с красной вышивкой платье Элверны и белом фартуке в оборочках. На голове вместо наколки красовался носовой платок.

Папаша Бак меж тем занялся стряпней. Бобы с салом, копченая грудинка, печенье из порошка — более роскошного угощения для званого ужина Па Бак не мог себе представить. Надо сказать, что в походных условиях Папаша был повар хоть куда. В пургу, когда единственное топливо — охапка мха, а припасы — лишь мука да вода, Папаша умел сочинить превосходный хлеб. Однако в его земной, развеселой, буйной и добродушной душе был один изъян: в ней никак не приживались самые элементарные представления о чистоплотности. За каких-нибудь пять минут он превратил опрятную кухню Элверны в помойку.

Азартно поджаривая бекон, он сплюнул на пол и прогремел:

— Эй, Ральф, я еще тебе не рассказывал, как я уложил из лука чернохвостого оленя? — Он шваркнул сковороду на стол, и на блестящей красной клеенке остался грязный круглый след. А опорожнив жестянку с бобами, он преспокойно поддал ее ногой и отправил под плиту.

Тем не менее ужин имел успех у всей компании — не считая Бирмайера, который совсем было уснул, склонив голову на тарелку с бобами, и которого Джо вслед за этим бережно препроводил на веранду, где он и принялся старательно выводить носом рулады на койке Ральфа.

Официантка Реншу в наkolке и фартучке прислуживала, быть может, не слишком потешно, зато весьма шумно.

— Ох, Питер,— объявила Элверна,— ты сплошной восторг,— и, выскочив из-за стола, бросилась ему на шею.

Папашу за его кулинарные достижения она наградила поцелуем, и почтенный старец, судя по всему, должным образом оценил награду.

В разгар всех этих милых забав и проявлений сестринской любви Ральф исподтишка взглянул на Джо и увидел, как ему показалось, очень старого, очень усталого, почти раздавленного жизнью человека.

При всей своей бесшабашности Элверна любила, чтобы в хозяйстве был порядок; после ужина она пожелала во что бы то ни стало перемыть посуду, поставив Стромберга и Игана вытирать, и, игриво вытолкнув Папашу курить во двор между коттеджем и лавкой, уничтожила следы его беспечной неряшливости. Ральф никогда не видел, чтобы кто-нибудь хозяйничал так весело и увлеченно. Засучив рукава матросской блузки, Элверна вынимала из радужной мыльной пены одну тарелку за другой, выкликая:

— Эй вы, горе-помощники — кто следующий?

— Разрешите, я помогу,— горячо вызвался Ральф.

— Нет, солнышко,— прожурчала она (Ральф в тот момент был уверен, что с тех пор, как не стало его матери, он ни у одной женщины не слышал такого нежного голоса).— Вы сходите взгляните, как там мой бедный Джо. Вон он стоит с Па Баком, переваривает ужин. Последите, чтобы он у меня не заскучал, старый плут.

Ральф обсуждал с Джо и Папашей важный вопрос — поплывет или потонет лезвие безопасной бритвы, если бросить в воду,— а сам рвался в освещенную и шумную кухню и негодовал, что его записали в старики, причислили к тем, кто не в счет, кто бубнит в сторонке,

покуривая, глядя, как танцует молодежь. Он услышал ее голос: «Вон там, Нелс, миленький, на верхней полке», и «Ну, постой! Погоди ми-ну-точку, Кудрявый, трудно, что ли? Сейчас только с этой проклятой посудой разделаемся, и иду танцевать».

Ральф весь вечер старался пить как можно меньше. При любом объективном исследовании этой истории будет, несомненно, установлено, что он всегда ненавидел пьянство точно так же, как вульгарные обороты речи, дьявола или парадные черные галстуки с белой каймой. Но Элверна во время ужина была неистово хлебо-сольной хозяйкой. Увидев пустую рюмку, она тотчас вскакивала, бросалась к полке над раковиной, где, как на стойке захолустного бара, были расставлены бутылки с самогоном и шотландским виски,— и наполняла рюмку с возгласом:

— Пей веселей, моя радость! Что ты как неживой?

По-видимому, Ральф хватил больше, чем собирался. Он смутно сознавал, что над Озером Грез печально догорает пятно заката. Он сознавал, что Джо говорит тихим голосом несчастливого человека. Но видеть и слышать по-настоящему он не мог. Он ступал, как в тумане, слышал, точно в бреду, и только три вещи оставались четкими в его сознании: Джо Истер — лучший друг, какой у него был в жизни; жена Джо — существо для него особенное и священное; и — его неодолимо тянет туда, в дом, потанцевать с нею.

Когда Папаша, Джо и Ральф вернулись в дом, установив после длительных дебатов, что того типа, который обчистил в Монреале двух банковских курьеров, звать не Батлер, а Буллер и это стыд и позор, что какие-то личности позволяют себе грабить банковских курьеров, Элверна томно танцевала с Кудрявым Эвансом, а Джордж Иган, Пит Реншу и Нелс Стромберг стояли и ждали своей очереди.

— Слушай, Джо,— обратился Стромберг к хозяину дома.— Говорят, у Эда Тюдора нынче танцы. Может, сходим всей компанией, как скажешь?

— Что ж,— сказал Джо.— Что ж, можно,— сказал Джо.

Перед уходом Элверна сменила матросскую блузку и полотняную юбку на васильковое кисейное платье,

и пока она переодевалась, значительная часть ее свиты, сгрудившись под дверью спальни, зычно предлагала ей свои услуги.

Джо усмехался — немного утомленно, как отметил Ральф.

Когда Элверна вышла из спальни, охорашиваясь, игриво убирая с висков непослушные пряди волос, посылая направо и налево кокетливые улыбки, Джо хрипло попросил:

— Знаете, братцы, если вы не против, я бы тут пока закрутился с моими книгами. Помощник, сдается, кое-что напутал, пока меня не было. А старшим вместо себя назначаю вам Ральфа.

Элверна молнией пролетела по комнате и повисла у него на шее.

— Ой, Джо, котик, как же я пойду без тебя? Подумай, что станут говорить миссис Мак, и преподобный, и все, кому только бы отравить людям радость!

Ральф проговорил без всякого энтузиазма:

— Остаться с тобой, Джо?

Он поймал знакомый взгляд — блекло-голубой и полный света — и прочел в нем мольбу. Многоопытный адвокат, привыкший подходить к людским невзгодам с бесстрашием игрока в домино, смешался, как мальчик. Он понял, что Джо слишком любит этих людей, чтобы вышвырнуть их вон, и слишком хорошо знает их, чтобы доверить им Элверну; слишком истерзан ее безумством, чтобы терпеть его дальше, и слишком горд, чтобы сознаться себе в том, что ему известно.

Ральф понял, что Джо полагается только на него. Заслуживает ли он такого доверия? Должен заслужить!

С тяжелым сердцем он кивнул Джо и важно выступил во главе шумной процессии, которая потянулась цепочкой по лесной тропе на танцы к Эду Тюдору. И всю дорогу прислушивался, как Элверна у него за спиной распевает с Кудрявым Эвансом «Чай на двоих», и ловил себя на том, что думает только о ней.

«Такой молодец — старается чем-то заполнить себе жизнь в этой глухомани... — И одернул себя: — Ладно, брось! Выкинь ее из головы!»

ГЛАВА XIV

Несмотря на свое королевское имя, Эд Тюдор, точнее — Эдвард Тюдор, не принадлежал к английской аристократии; он был приземист и смуглокож: три четверти индейской крови и по крайней мере четверть — смесь французской, португальской и, возможно, мексиканской. Зато Эд был самый удачливый траппер в округе и владелец роскошной двухкомнатной хижины.

Строго говоря, и танцы у Эда Тюдора не были затеей самого Эда. Финансировал их Лоренс Джекфиш: получив наличными за свою поездку с Джо Истером, он горел нетерпением избавиться от этих денег, что и осуществлял довольно успешно. Он уже приобрел новую шляпу, совсем как у героя ковбойского фильма, новую бисерную ленту для означенной шляпы и сильно подержанный дробовик, а остатки своего состояния пустил на то, чтобы снять хижину Эда и устроить бесплатные танцы для всех желающих.

Бревенчатые стены парадной комнаты — просторной, с очень низким потолком и корявым полом из сосновых досок — были оклеены газетами. На стропилах навалены сани, сбруя для собачьих упряжек, снегоступы. По одну сторону — камин и стол, по другую — кровать, накрытая аляповатым лоскутным одеялом. Два стула кочевали по комнате с места на место; на них сидели наиболее почтенные из присутствующих скво. Прочие гости теснились на кровати, жались на корточках вдоль стены или стояли и с терпением, почти не уступающим китайскому, дожидались настоящего — хоть и маловероятного — веселья.

По местному этикету молодым людям не полагалось приглашать дам танцевать. Когда после получасовых колебаний четыре кавалера решали, что ничего не потеряют, если станцуют очередной танец, они выходили на середину комнаты, в шляпах, и стояли, перешептываясь и пересмеиваясь, пока к ним после столь же многотрудного раздумья не присоединялись по собственной воле четыре скво, обычно из тех, что помоложе. Дамы и кавалеры не обменивались ни единым словом. Светских любезностей здесь не признавали: вышел танцевать — берись за дело.

Дождавшись, пока все восемь танцоров окажутся налицо, четыре пары принимались старательно утрамбовывать пол под звуки кадрили: кавалеры с остервенением кружили своих партнерш, а здоровенные девачи, в свою очередь, не менее яростно раскручивали их самих. По-английски здесь говорили немногие, и все же фигуры выкликались именно по-английски. На кри они звучали до того длинно, что даже у индейцев лопнуло бы терпение.

«Одна птичка в клетке, три на свободе!» — вопил Лоренс Джекфиш, и четыре невозмутимых индейца деловито окружали столь же невозмутимую скво. «Птичка — из клетки, влетает ястребок; ястреб вылетает, закружил птичку».

Топ-топ — топот ног в мокасинах. Клич распорядителя: «Ястреб — в клетку!» Скачущие фигуры в тусклом свете лампы, в густых клубах табачного дыма; жиденькое пиликанье худосочной скрипки и громкий стук ноги скрипача, отбивающей такт прерывистых мелодий; старинные джиги: Индюшка в Стоге Сена, Индюшка на Копне... Индюшка в Стоге Сена... Индюшка на Копне. Топ. Топ. Топ...

Вот какие звуки услышал Ральф, пробираясь со своей компанией к двери хижины сквозь толпу зевак, вот какая картина представилась ему с порога. Он заметил, что индейцев стесняет их присутствие. Они пялили глаза на Элверну, смеющуюся, с пылающими щеками, пританцовывающую от возбуждения (как-никак вечеринка!), и отодвигались подальше от полицейской формы Кудрявого Эванса.

— Стоит ли им мешать? — вполголоса спросил Ральф Элверну.

— Подумаешь, важность! Покажем, как надо веселиться! Пусть знают, что такое настоящие танцы!

Схватив Кудрявого за руку, она потянула его в комнату. Скрипка взвизгнула и замолкла; танцоры, разинув рты, замерли на месте.

— Гостей принимаешь, Лоренс? — проворковала Элверна распорядителю, слуге ее мужа.

— Принимаю, отчего же, — неловко и без особого восторга отозвался Лоренс.

— Тогда скажи, пусть скрипач оторвет нам что-нибудь позажигательнее. Неужели он ничего не умеет, кроме как такую стародавнюю дребедень? Ну да ладно, поглядим: может, для уан-степа сойдет.

Скрипач, будто испорченная пианола, вновь завел все ту же мелодию, и Элверна закружилась по комнате с Джорджем Иганом под взглядами индейцев, молчаливо взирающих, как на их вечеринке распоряжаются чужие.

Присмотрев себе двух индейских девиц, способных двигаться несколько более грациозно, чем муравьеды, Пит Реншу и Кудрявый Эванс вытащили их на середину и, не обращая внимания на их застенчивое хихиканье, стали показывать фигуры уан-степа, каковые обе девицы и принялись старательно повторять, точно резвящиеся коровы. Папаша Бак меж тем занимал разговором об эстетике и охоте на порок бабушку Лоренса Джекфиша, восьмипудовую, властного вида даму с раскатистым и басовитым смехом.

Ральф внимательно изучал стоявших в комнате индейцев, индейцы так же внимательно изучали его; результаты осмотра, по-видимому, не привели в особое восхищение ни ту, ни другую сторону, а кому из них было при этом больше не по себе, остается неясным. Впрочем, постепенно забава бледнолицых захватила и индейских парней; один за другим, вытянув упирающуюся скво, принимался быстро расхаживать с нею по комнате, полагая в простоте душевной, что танцует уан-степ, хотя на самом деле эта процедура скорей напоминала шведскую гимнастику.

Воздух становился все удушливей. Сквозь табачную мглу доносилось шарканье ног, нескончаемое зуденье скрипки и в такт ему — постукивание ноги скрипача. И, перекрывая нестройный гул, звенела единственная чистая нота — смех Элверны.

«Бедная девочка... Для нее это и вправду радость. Она вносит в это грубое скопище дух молодости, простодушного веселья», — умилялся Ральф, и сердце его раскрылось, и он почувствовал вдруг, что свободен — свободен от мистера Прескотта с его привычкой вечно обдумывать, анализировать, взвешивать, свободен от тревоги за Джо Истера.

Кудрявый с Элверной протискивались мимо него к выходу.

— Накурено — сил нет; схожу вздохну свежим воздухом, — проронила она, и тут же вновь повернулась навстречу нагловатым глазам Кудрявого.

Ральф видел, как они стоят под елью, там, где кончается полоса света от двери. Кудрявый держал ее за руку и поддразнивал, притворяясь, будто гадает по ладони, а она, приплясывая от удовольствия, старалась — кажется, не очень — выдернуть у него руку. Внезапно в приливе жгучей ревности Ральф почувствовал, что ненавидит Кудрявого. Рядом с Джо Элверна была существо неприкосновенное, рядом с Кудрявым Эвансом — женщина, за которую надо драться. Страхнув с себя докучное бремя самоанализа, Ральф целиком отдался чувству. И никогда еще не владело им чувство столь глубокое и нежное и, разумеется, далекое от низменных стремлений, как то, которое он питал сейчас к Элверне.

Жалость (как немного ей нужно, бедняжке!); восхищение (не унывает, молодец!); озабоченность (какая все-таки сумасбродка!); тоска по отрадному прикосновению ее мягких и тонких рук.

Он одинокий человек!

Все это чувствовал Ральф Прескотт, не пытаясь облечь свои чувства в слова. Он одинок, и она нужна ему, а Кудрявый Эванс — беспутный и ветреный шалопай, от которого ее следует ограждать. Ральф сам не заметил, как протолкался к дверям и вступил в тень под елью, где стояла она.

— Элверна! — резко окликнул он. — Не годится здесь стоять, индейцы смотрят. Пришли танцевать — танцуйте! Я... Пойдем со мной?

— А вы умеете, родненький?

— Умею! И очень даже!

— Между прочим, мистер Ральф Прескотт, есть один прелестный способ со мной потанцевать: взять и пригласить. А вы что же?

— Я и приглашаю.

— Как же так, слушай... — запротестовал Кудрявый.

— Катись ты, — не слишком любезно отозвалась она и, схватив Ральфа под руку, увлекла его сквозь

толпу зевак в душную хижину, выпорхнула на дощатый пол.

— Сейчас проверим насчет «и очень даже!» — фыркнула она.

Но глаза ее смотрели ласково.

Что ж, она проверила и убедилась. Среди этого разношерстного сборища Ральф, несомненно, был единственный умелый танцор. Только до сих пор он всегда танцевал бесстрастно, хоть и безукоризненно, не ради удовольствия, а лишь затем, что так принято. Но сейчас с ним танцевала она, легко, самозабвенно, и его заученным движениям передалось ее живое тепло. Исчезла смрадная комната, исчезло скачущее та-та, та-та, та-та неугомонной скрипки, стук ноги скрипача, и Ральф витал в облаках, упиваясь ощущением ее близости.

— Класс, ничего не скажешь, — оценила Элверна. — Где ж вы раньше были?

Ральф не дрогнул.

— Боялся! Да черт побери, Элверна...

— Смотрите! Он, оказывается, не такой уж каменный!

— Если б не Джо, я потерял бы голову еще раньше.

— Фу, как не стыдно! Что за гадкие мысли! Как будто если мы разок станцуем, от этого будет плохо бедному старому Джо! Я считаю, вы должны извиниться!

— Вовсе вы этого не считаете!

Кажется, ее взор не стал менее ласков после этой резкой фразы. Она вздохнула.

— А вон Кудрявый дожидается своей очереди. — В этом game Ральфу приходилось читать ее слова по движению ее ребячески пухлых губ.

— Ну и черт с ним! — буркнул он, по-видимому, не причинив ей этим особых страданий.

Итак, Ральф, забыв о себе, обрел Элверну, а вечеринка тем временем обрела себя и забыла о скованности. В комнате негде было повернуться от танцующих индейских пар; танцоры старательно пятлились назад, то и дело налетали друг на друга, сталкивались, и все это сопровождалось радостным гогогом. Кудрявый, поглядев с обиженным видом, как танцуют Ральф и Элверна, теперь увлеченно кружил по комнате самую тоненькую из юных скво, а Папаша Бак, пыхтя от нату-

ги, пытался сдвинуть с места охающую и сияющую бабушку Лоренса Джекфиша.

Скрипач пиликал все исступленнее, все яростнее отбивал такт ногой. Зеваки за дверью хижины восхищенно гикали. Джордж Иган, который умел говорить на кри и находил себе утеху в изгнании, пытаюсь во всем уподобиться индейцам, толкался среди них, давая каждому приложиться к своей фляге, и вскоре молодые индейцы под вопли и хохот пустились в пляс друг с другом прямо перед хижиной.

А Ральф все скользил с Элверной среди скачущей толпы, не замечая никого, кроме своей дамы.

Вдруг он разом очнулся. С порога донесся возмущенный голос, хриплый от негодования и шотландского акцента.

— Вы тут кончайте этот бедлам! Я не потерплю! Вы мне спать не даете!

Скрипач опустил смычок. Шарканье ног затихло. Танцоры молча усталились на Макгэвити — представителя «Гудзонова Залива», Макгэвити — хозяина Форты; а Макгэвити, багровый и бесстрашный, стоял в дверях и свирепо сверкал глазами.

Когда Макгэвити увидел Ральфа, Элверну и Кудрявого Эванса, он поджал губы и в сомненье поскреб подбородок.

— Хелло, Мак, — сердечно молвил Эванс.

— Хелло, Эванс, — отнюдь не сердечно отозвался Макгэвити.

— Шумим слишком, что ли? — продолжал Эванс.

— Ну да... мы с женой никак не могли уснуть. А я думал, здесь индейская танцулька.

Макгэвити произнес это весьма многозначительно.

— Ох, господи, — шепнула Ральфу Элверна, — и напоеет же он про все это своей миссис Мак — и достанется же мне на орехи! Джо — прелесть, но боже, до чего он умеет нудно отчитывать! — И, выступив навстречу Макгэвити, защебетала: — Мы только на секундочку заглянули, поучить их, как танцевать уан-степ. Джо собирался зайти за мной, да, видно, уснул, бедненький. Нам, кстати, и домой пора. Всего хорошего, Лоренс. До свидания, друзья. Пошли, Ральф. Доброй ночи, мистер Мак.

И, взяв Ральфа под руку, она с независимым видом застучала каблучками к выходу. Толпа зевак расступилась, и Элверна поплыла мимо них, милостиво кивая направо и налево, стараясь как можно лучше выдержать роль владельницы феодального замка под воспаленным и неприязненным взглядом мистера Джеймса Макгэвити.

Ральф почувствовал, как ее пальцы судорожно сжали его локоть; в эту минуту он бы с великим удовольствием убил Макгэвити тут же, на месте.

Из полосы света он углубился с нею в сумрак лесной тропинки, безотчетно счастливый, необъяснимо возбужденный, радуясь тому, что ночь, и рядом сонно бормочет озеро, и они одни. Все сложности, тревоги, дружеские чувства отступили перед нею, манящей, реальной — этой девочкой из парикмахерской, этой Еленой, Изольдой, Элоизой...

Одни? Как бы не так!

Размашисто шагая по узкой тропинке, их настиг Кудрявый Эванс. С фамильярностью молодого медведя он подхватил Элверну под руку с другой стороны и закричал:

— Бр-р, ну и компанейский же парень старина Мак — чистая жаба, верно говорю? Какая жалость, что полисмен даже после шести вечера не имеет права забыть, что он страж закона и порядка, блюститель трезвенности и вообще ходячее совершенство! Миссионером впору заделаться, ей-богу! Ну, я тебе скажу, Ральф! — продолжал он с братским расположением, которое Ральфу в тот момент было противно и даже оскорбительно. — Мастак ты, брат, по части уан-степа... А уж за Элви и вовсе никому не угнаться!

Несомненно, он пожимал ей руку, и, несомненно, он проделывал это с юношеским пылом. У Ральфа потемнело в глазах от ревности. Что он к ним привязался, этот щенок? Наедине они с нею потолковали бы о милом старом Джо и так мирно, так славно, так чинно прогулялись бы под шелест ночного леса.

Втроем, во главе беспорядочно растянувшейся компании, они добрались до коттеджа Истеров и обнаружили, что Джо спит на кухне, привалившись к спинке одного стула и положив ноги на другой. Что увидели в

этот момент Кудрявый и Элверна, до нас не дошло, но Ральфу Джо представился беззащитным, разбитым, утратившим всякое мужество под гнетом страшной усталости.

Голова Джо откинулась назад, щеки ввалились, шея жилистая, рука свесилась со стула, бессильная, почти старческая, со вздутыми венами. И Ральфа мгновенно охватила прежняя мучительная тревога. Джо доверил ему Элверну, а он? Берег он ее? Охранял, как святыню? Не нанесли они Джо, главе этой маленькой колонии, непоправимый урон, дав пищу для сплетен чете Макгэвити?

Зато Элверну, по-видимому, не мучили никакие тревоги. Она примостилась у Джо на коленях и, хохоча, принялась щекотать и целовать его, а когда он, испуганно всхрипнув, проснулся, залопотала:

— Ах, ты, Джози-лежебока, пролежал ты оба бока! — И он принял все это вполне хладнокровно и только заметил, зевая во весь рот:

— Уже пришли? Спросила бы, может, ребята хотят еще выпить.

Ребята выпить хотели. Они дали это понять вежливо, но категорически. Они появлялись на пороге один за другим — Папаша Бак, Иган, Реншу, Стромберг — и были единодушны. Даже Бирмайер, пробудившись от хмельного сна, высказался по этому поводу одобрительно.

— Ну, а теперь начинается настоящее веселье, — объявил Папаша Бак. — Первым делом — перекинуться в покер.

— Ой, точно, блеск, красота! — колоратурой вывела Элверна.

— Это подходяще! — сказал Джо.

Быть может, как танцор Па Бак и не достиг пределов совершенства, но за покером он был неподражаем. Он косился на свои карты лишь вскользь, невзначай, он никогда не стучал кулаком по столу, никогда — насколько можно было судить — не блефовал, но всякий раз, как открывали карты, у него неизменно оказывалось больше тузов, чем у каждого, кто сидел, склонившись над красной клеенкой. Джо Истер окончательно проснулся. Он без усталости тасовал, сдавал, брал при-

куп, повышал ставки, с лицом непроницаемым, точно у мумии Рамзеса.

Игроки то и дело прикладывались к рюмке, голоса у всех, кроме Папаши, Джо и Ральфа, звучали все громче, все более настойчиво, возбужденно, страсти разгорались, и каждый рвался поставить на карту последнюю рубашку.

Села за покер и Элверна, но было незаметно, чтобы она относилась к игре с должным уважением. Нарушая торжественный ритуал розыгрышей, она громко распевала, щипала Джо, выплеснула на Пита Реншу стакан воды, затеяла спор с Кудрявым — поцелует ли она его сегодня на прощание, — у Джо во время этого спора приподнялись брови; по-видимому, что-то ему не понравилось.

Кончилось тем, что ей было единодушно предложено «выметаться отсюда и приготовить нам чего-нибудь пожевать на скорую руку».

— Я помогу, Элверна, — поспешно вызвался Ральф.

— Изобрази нам яичницу с грудинкой, Элви, — попросил Пит.

— Эти трапперы ничегошеньки не смыслят в еде, — доверительно сообщила Ральфу Элверна, стоя у плиты. — Заладят одно и то же: «Яичницу с грудинкой!» Ну, я им покажу!

И действительно показала. Из яиц и консервированных помидоров она сотворила блюдо, к которому не смог бы придаться даже повар-француз. Сливая из банки томатный сок, пока Элверна сбивала яйца, Ральф, не боясь, что его услышат картежники, скрытые завесой ворчливо-азартных восклицаний, негромко спросил:

— Вам Кудрявый нравится, правда?

— Еще бы! Спрашивает! Парень — блеск!

Ральф чуть было не спросил, как дурак: «А кто больше — он или я?» — но, даже теряя последние остатки рассудка, сообразил, что этот вопрос прозвучит, мягко выражаясь, по-детски. Он молча, хмуро продолжал выжимать сок из помидоров, и разговор поддержала сама Элверна:

— Ральф!

— Да?

— Какой же вы ребенок!

— Почему?

— То есть в смысле книжек, законов и всего такого вы, наверное, ужасно умный — и, надо прямо сказать, что та фифа, которая вас учила танцевать, безусловно, знала свое дело; только вы совсем, ну совершенно не умеете разговаривать с женщинами.

— Вот как?

— Представьте! Вы до того застенчивый, прямо смешно! Если в Нью-Йорке все такие, у вас там, наверное, веселье не хуже, чем в морге воскресным утром! Но — *мамочки!* — воображаю, что будет, если вы когда-нибудь очнетесь! Налетел, уволок от Кудрявого — что твой мистер Ланселот — или как там его, этого парня, который прискакал с Запада на коне? Мы еще про него в школе читали... Да, прямо как старик Ланселот. Спорю — если вы когда-нибудь сумеете выкроить минут десять на то, чтобы влюбиться, из вас получится вулканчик дай боже!

Она стрельнула в него глазами из-под блестящих ресниц; он вздохнул, улыбнулся вместе с нею, и ничего ему не было надо, только стоять в бревенчатой хижине у кухонной раковины рядом с девчонкой из парикмахерской — женой его лучшего друга.

— Нет, а все-таки, — несмело продолжал он, пока она разливала кофе, — вы очень равнодушны к Кудрявому.

— К нему-то? Да вы в уме? Он ужасно забавный, но ведь он просто глупый теленок.

У Ральфа почему-то отлегло от сердца. Себе самому он объяснил, что проводит эти глубокие психологические изыскания ради Джо.

Омлет с помидорами исчез в утробах поглощенных покером героев, не вызвав ни хвалы, ни нареканий; запили его виски с водой.

Даже когда виски потягивают степенно и не спеша, а всеми помыслами владеет покер, хмель рано или поздно берет свое. Незаметно летела тихая сказочная ночь, не хрипел больше заезженный патефон, но тишина была богата событиями. Открыв трех королей и две десятки против четырех троек, Бирмайер встал из-за стола, продержался до ближайшей спальни и снова впал в бесчувствие. Пит Реншу скрылся из глаз и не подавал признаков жизни до утра: выяснилось, что он завалился

спать на полу крытой веранды. Места дезертиров на поле боя заняли Ральф и Элверна, но вскоре оба стали клевать носом и, пошатываясь, выползли на веранду подышать свежим воздухом.

Когда они в начале двенадцатого уходили от Эда Тюдора, вокруг стояла белесая мгла. Сейчас ночь уже озколдовала свое, и Ральф сквозь пелену сонливости разглядел, что брезжит рассвет нового дня — серый и таинственный.

Элверна задремала, присев на его койку. Он уложил ее головой на подушку, заботливо укрыл одеялом, а сам растянулся на полу между койкой и безжизненным, точно куль, Питом Реншу. Некоторое время до него еще смутно доходило, что в доме горит свет, раздаются глухие голоса; вот кто-то гаркнул: «Повышаю на доллар!» А потом все куда-то провалилось: и утренняя заря, и Элверна, спящая сном младенца рядом с ним, и покер, и злоумышленники-индейцы, и шелест свинцового озера.

Разбудил его леденящий душу вой, заунывный, точно стон грешника в аду.

Он сел. Только что ему снился Э. Вэссон Вудбери; Вудбери, заляпанный грязью, с лицом, исцарапанным в кровь колючками, искусанным мошкой, Вудбери, который сбился с пути и, едва передвигая ноги от голода, бредет по болоту.

Откуда доносился вой, Ральф сообразил сразу, как пришел в себя: на лето ездовых собак свозили на остров Синий Нос — подальше от продовольственных складов, и они, одна за другой, встречали холодную зарю тоскливым воем. Но образ Вудбери не отступал: образ покинутого, растерянного и теперь уже молчаливого Вудбери живнвающего в одиночестве вместо того, чтобы наслаждаться отдыхом.

«Боги! Я же его предал, — терзался Ральф. — Испотил ему всю поездку! А ведь он старался как лучший. Так славно готовились вместе там, в Нью-Йорке...»

Раньше, когда Вудбери изводил его своими нападками, казалось, что бросить его естественно и справедливо. Сейчас Ральф чувствовал себя изменником.

Снова послышался вой собак — протяжный, печальный, безнадежный, словно голос этого печального кочевника. На берегу на фоне тусклого озера темнел ствол

горевшей сосны. Ральфа окружали люди, много людей, но все они были объаты мертвым сном — мертвым, как этот жуткий, потусторонний вой, как черный остов погубленного дерева.

Ральф догадался, что гости были не в состоянии дойти до дому. Джордж Иган храпел на зеленой кушетке в гостиной. Папаша Бак и Нелс Стромберг, вероятно, расположились в спальне, во всяком случае, Джо Истер устроился здесь же, на веранде. Он лежал, свернувшись на расстеленном одеяле, вздрагивая во сне.

Элверна в своем измятом васильковом платъице казалась такой беззащитной, юной, неискушенной, трогательно беспомощной. Уголки ее рта опустились. Одеяло, которым накрыл ее Ральф, наполовину сползло. Она спала, подложив под щеку ладонь, точно котенок, уснувший на согнутой лапке.

«Не может быть, чтобы она позволяла себе чересчур много с Кудрявым Эвансом и с другими. И я не наделаю глупостей. Все будет хорошо, — вздохнул он. — Эх, Джо, дружище мой! Милая Элверна!»

У него стало легче на душе оттого, что они были рядом, но в полусне ему вновь мерещился Вудбери — не суетливый и несносный горлопан, но несчастный, всеми покинутый страдалец. — и он знал, что ему надо будет что-то предпринять.

А за сетчатым окном веранды в лучах разгорающейся зари все шире открывалось Озеро Грез.

ГЛАВА XV

В то утро у многих в коттедже Джо Истера трещали головы.

По правде говоря, из всей компании только Папаша Бак не выглядел поникшим и расслабленным. Он проснулся раньше всех, разноухал, где шотландский виски, чтобы опохмелиться, а остальным для бодрости духа сварил крепчайший черный кофе.

— Вот это, я понимаю, провели времечко, — мечтательно вздохнул он, когда заспанное и безучастное общество сошлось за завтраком. — И знаменитую же ты

историю выдал, Кудрявый, как раз перед тем, как вконец захмелел.

— Разве я выдал историю? — пробурчал Кудрявый.

— Ну как же! Насчет коммивояжера и револьвера, который оказался незаряженным. Знатная история! А тебе-то, Джордж, как повезло: четыре дамы на руках!

— Четыре дамы? У меня? Ты скажи, Па, кто хоть у нас выиграл вчера? — жалобно протянул Иган.

— Нет, это что же делается на свете! — Папаша Бак был встревожен. — Ну и ну! Разучились люди пить. Я, например, вчера себя чувствовал, как рыба в воде. Если хотите знать, каждый год, пока мне не стукнет сотня — кстати, еще не сказано, что я и тогда брошу пить, — я буду справлять годовщину вчерашней попойки, как свой день рождения.

— Ох, да кончай ты резвиться, чтоб тебя!.. — возопил Кудрявый. Остальные поддержали его дружным стоном, а с веранды приплелась Элверна, почти безмолвная от глубокой меланхолии.

Кудрявый, очевидно, решил покончить с разгульной жизнью и утехами буйной молодости, перейти на официальный тон и вообще портить окружающим настроение.

— Знаешь что, — убеждал он за завтраком Джо, — надо вам с Маком и Бирмайером как-то улаживать положение с кредитом. Я даже думаю, не мешало бы вам сюда срочно поставить полисмена, пока все не успокоится. Индейцы крепко обозлились на вас троих, что вы закрыли им кредит. Я-то слышу, о чем они шушукуются в лесу во время пеших переходов. Они замышляют недоброе. Ты что, дожидаясь, пока вас тут всех перережут во сне?

— Ой, Джо! — жалобно пискнула Элверна
Джо рассмеялся.

— Чепуха! Ничего они не сделают. Слишком безалаберная публика.

— Нажать курок — это может и безалаберный, — не унимался Кудрявый. — Сейчас схожу переговорю с Маком. Видимо, попросим тебя, как мирового, созвать всех местных кри; обсудим, что и как. Я беспокоюсь, Джо. За тебя и... — Он поднял глаза на сидящую на-

против Элверну; их взгляды встретились, помедлили, — ..и за твою жену.

— Кудрявый, заставь его, — взмолилась Элверна. — Пусть он что-нибудь сделает!

— Обязательно, пупсик! Вот увидишь!

Ральф почувствовал, что эти двое понимают друг друга, и внезапно озлился на Кудрявого, уже не обманывая себя, будто оскорблен за Джо. А образ покинутого Вудбери маячил перед ним по-прежнему, и никто в этой невеселой с похмелья компании, собравшейся за завтраком, не был так тих и подавлен, как Ральф.

Пока Кудрявый бегал в факторию «Гудзонова Залива», Ральф отозвал Джо в сторону и спросил без обиняков:

— Джо! Как тебе показался этот Вудбери, с которым я приехал? Понравился?

— Нет. Барахло. Трепач.

— И ты бы на моем месте тоже бросил его без всяких разговоров?

— Я... Это смотря...

— Не бойся. Говори прямо.

— Н-нет, понимаешь. Едва ли.

— Почему?

— Да видишь, какое дело... Кто привык мотаться по глухим краям, тот всегда держится за своих, вот и все. Нравятся, нет ли — неважно. Так уж вроде заведено. Начинаешь думать — а ну как тот, другой, сломает себе ногу или еще чего...

— И ты меня осуждаешь, что я его бросил?

— Да нет. Ей-богу, нет. Такие вещи каждый решает за себя. То есть, конечно, если ты здесь ведешь дела, тогда уж миришься с тем, что есть. А тебя вполне можно понять.

— Слушай. Мне этот Вудбери все снится по ночам. Видно, нехорошо, что я его бросил. Скажи — никак нельзя отрядить Лоренса Джекфиша, чтобы разыскал его, если удастся, и доставил сюда? Может, он снял бы комнату у Макгэвити.

— Нет. Этот тип не по мне. Он здесь не нужен. Раз уж ты его бросил... что сделано, то сделано. Я бы выкинул его из головы. Ну — пора бежать в лавку, братья

за дела. Ох, башка раскалывается! Пока, Ральф. До скорого.

Оставшись один на веранде, Ральф предавался гorestным думам. Стало быть, никуда не денешься: это все-таки подлость, что он бросил Вудбери.

«Неправда! Он заслужил! Я был бы последний идиот, если бы дал ему испортить себе весь отпуск!»

Рассудок твердил: «Ты прав»; сердце упрямо бубнило: «Ты — предатель».

Выходит, надо возвращаться к Вудбери? Что ж, по крайней мере это избавит его от опасности влюбиться в Элверну. (Где она, кстати? В доме без ее щебетанья было пустынно. Как ему хотелось снова услышать милый звук ее быстрых шагов!) Да! Это его долг по отношению к Вудбери, к Элверне, к Джо; долг по отношению к самому себе. Он уедет.

Но только... только еще не сегодня!

Он улучит минутку и с безмятежных высот жертвенной добродетели будет молить ее сделаться второю миссис Макгэвити: добропорядочной, солидной и бесприсветно скучной.

Его размышления прервал Кудрявый, который пришел звать Джо на встречу с индейцами. Ральф тоже пошел.

На летний сезон в фактории Мэнтрап расположились лагерем две группы индейцев: местные, с Озера Грез — под началом вождя Вапенауга, и небольшая часть племени с неисследованной территории к югу от озера Полночного — во главе с вождем, чье индейское имя каким-то образом превратилось в английское Бербери.

Звание вождя, как убедился Ральф, в действительности куда менее почетно, чем в романах. По важности его, пожалуй, можно приравнять к титулу председателя местного управления деревеньки с населением в триста душ. Вождь может созывать собрания, он играет роль посредника между своим кочевым народцем и правительством, но пост у него выборный, а государственный агент имеет право снять вождя без всякого разбирательства. Самые почетные его привилегии — получать двадцать пять долларов вместо пяти, которые правительство ежегодно выплачивает по договору своим подопечным, а также носить шляпу с широченной золотой

лентой, синий мундир с медными пуговицами, золотую нарукавную повязку и медаль, огромную, точно бляха водевильного полисмена.

Но одно дело — абсолютная ценность титулов и регалий, и совсем другое — гордость, которую они внушают своим обладателям. Для секретаря Литературного и Вышивального Общества имени Гарриет Бичер-Стоу в Южном Вуппингтоне избрание на должность — событие не менее волнующее, чем коронация — для австрийской императрицы. Чемпиону Сельского Теннисного Клуба Роздейл-Виллас хриплые и восторженные возгласы девяти болельщиков доставляют не меньшее блаженство, чем Уильяму Тилдену — орация в Форест-Хилз.

Шествуя с сотней своих вояк на переговоры с тремя лавочниками и одним полисменом, Вапенауг и Бербери выступали с таким напыщенным видом, с каким король на открытии парламента показался бы смешон. Их сомнительной свежести рубахи были скрыты под парадными мундирами, застегнутыми на ясные пуговицы; их определенно грязные лица были осенены шляпами с золотыми лентами; на их животах горделиво болтались колоссальные медали.

С разрешения миссионера мистера Диллона собрание проводилось в церкви. Впереди, у алтаря, лицом к индейцам расположились мистер Диллон, Кудрявый Эванс, Джо, Макгэвити, агент «Братьев Ревийон» Бирмайер, Ральф, Пит Реншу и вожди. Индейцы заполнили церковь почти до отказа — смуглые, мрачноватые, непроницаемые, как жители Востока. Ральф смотрел и думал, что в этих людях ничего не осталось от гордых индейцев былых времен. Они ставят капканы бледнолицых, ходят на их байдарках, не ведают иной музыки, кроме избитых песенок с Бродвея — они даже одеваются так же прозаически, как белые: готовые рубашки, черные пиджаки, черные брюки навывпуск.

Слово взял Кудрявый. Он говорил на кри, время от времени обращаясь за нужным словом к Питу Реншу, а Джо шепотом переводил его речь Ральфу.

Он — Кудрявый — огорчен, возмущен и крайне поражен, ибо до него дошло, что кое-кто из молодых индейцев по недомыслию решается угрожать купцам. Он понимает, что потеря кредита после неудачного

сезона связана с определенными неудобствами для трапперов. Но виноваты они сами. В старые добрые времена индейцам отпускали в кредит чуть ли не по три года кряду, но стоило им получить деньги, как они первым делом спешили сполна рассчитаться.

Такие уважаемые люди, как вождь Вапенауг и вождь Бербери — Кудрявый поклонился тому и другому и оба, точно ссохшиеся пряничные божки, поклонились ему в ответ, — именно так и поступают по сей день. Однако есть и такие, которые, как ему — Кудрявому — доподлинно известно, оказавшись при деньгах, удирают на озеро Уоррик и спускают там все до цента, причем на совершенно ненужные вещи: подвесные моторы (и это люди, чьи отцы проходили по пятьдесят миль в день на веслах), сигареты (а чем плохи всегда были трубки?), ботинки по десять долларов, чтобы бегать на танцы. И после этого еще надеются, что купцы фактории Мэнтрап станут отпускать им в кредит бобы и винтовочные патроны!

И если они рассчитывают скрыть все, что творят на Уоррике, от всевидящего ока правительства...

Вождь Вапенауг закивал головой; вождь Вапенауг окинул своих беспутных юнцов скорбным взглядом. (Вот уже четыре года, как вождь Вапенауг задолжал Джо Истеру триста долларов, а три недели назад он вернулся из Киттико с лодочным мотором, банджо и парой шелковых чулок для своей работающей, но легкомысленной внучки).

Вступительную часть Кудрявый изложил весьма красноречиво. Сейчас он вобрал голову в плечи, злое еще понизил голос и постарался придать своей мальчишеской физиономии загадочное и устрашающее выражение.

Посреди церкви поднялся высокий молодой индеец, зевнул, пошел к двери.

Многие, переглянувшись, вышли вслед за ним.

Кудрявый дал слушателям понять, как велика мощь полиции его величества в провинции Манитоба. Куда долетит гром, проникнет и ее зоркий глаз. Эффект этой драматической фразы начисто пропал: двадцать индейцев торжественно поднялись с мест и гуськом направились к выходу.

— Сесть на место! — гаркнул Кудрявый последнему из нарушителей.

В задних рядах кто-то заржал. Смешок пробежал по всей церкви. Вождь Вапенауг ощерился. И перед этой хихикающей массой Кудрявый пытался продолжать свои наставления: будьте послушны, детки, платите по счетам, и тогда добрые дяди-купцы снова откроят вам кредит.

Конец речи он скомкал и сел, красный, как рак.

Наступила заминка, и, пока все гадали, чья очередь ораторствовать дальше, индейцы, как один человек, поднялись с мест и очень спокойно, очень бодро проследовали на улицу, хихикая самым бессовестным образом.

Видно было, как они остановились возле церкви, одни — с равнодушным, другие — с насмешливым видом, независимые, выжидающие, готовые на все.

— Ну, держитесь теперь, — пробормотал Кудрявый, обращаясь к Джо и Макгэвити. — Теперь молодые индейцы совсем обнаглеют. Через десять минут я отчаливаю. Буду мчаться день и ночь; через неделю доставлю из Белопенного двух полисменов, чтобы находились здесь постоянно. Счастливо!

Сейчас Кудрявый уже не был прежний юнец — танцор и повеса. Это был солдат, выполняющий боевое задание. Ральф увидел, как он промчался мимо индейских вигвамов к дому Джо, перетаскал к себе в лодку мешок муки, мешок бобов, копченый окорок, жестянку чаю, канистру с бензином; окликнул отрывистым, неприятным голосом двух своих гребцов, индейцев кри, которые блаженно дремали, привалившись к бревенчатой стене лавки Джо.

Через десять минут, как обещал, он отчалил. На озере было волнение, но Кудрявый держал курс прямо на середину, лодка взлетала над водой, надежный маленький мотор работал, как часы.

Тогда Джо заговорил.

— Славный он малый, — сказал Джо. — Только, по моему, зря порет горячку. Пока индейцы посмеиваются, они не опасны.

— Очень возможно, — отозвался Макгэвити. — Поэтому, как ты понимаешь, я иду домой смазывать и заряжать все три своих ружья просто от нечего делать.

— Хм,— сказал Ральф.

Он не мог пернутья к Вудбери и покинуть Джо в минуту опасности.

Ну, а если Вудбери тоже в опасности и даже не догадывается об этом? Белый человек, один среди индейцев...

«Надо как-то действовать,— размышлял Ральф.— Я и буду действовать! И что бы я ни сделал, наверно, все будет не то, что нужно».

ГЛАВА XVI

Если Джо втайне и опасался, что индейцы нападут на них, пользуясь тем, что Кудрявый Эванс умчался за подмогой, на его носатом лице нельзя было прочесть никаких признаков волнения.

— А не сходить нам с тобой и с Элви на болото к Реке Туманной Скво? — предложил он.— В лавке особо делать нечего: бухгалтерию я привел в порядок. Пару сандвичей в карман — и пошли. Глядишь, и утку подстрелим.

Как чудесно, лопотала Элверна, возвращаясь в коттедж. Ей надоели все эти Джорджи и Кудрявые, объявила Элверна с благоданной миной, им только и надо, что танцевать, пить самогон да шуметь без конца. Она будет счастлива, ворковала Элверна, спокойно провести денек на свежем воздухе со своим другом Ральфом и своим дорогим Джо.

Нарядов у Элверны оказалось больше, чем обычно бывает у хозяйки северной хижины. Она облачилась в очень практичную юбку хаки, желтую фланелевую рубашку, высокие шнурованные ботинки, которые, как отметил Ральф, подошли бы скорей героине мелодрамы из жизни Дикого Запада: узенькие, на высоких каблучках. В таких не пройдешь по каменистой тропе, не спотыкаясь на каждом шагу.

Кроме того, она взяла синюю бархатную сумочку, расшитую алым бисером.

— Господи боже, зачем тебе понадобилось тащить с собой эту штуку? — взмолился Джо.

Элверна негодуяуще завизжала:

— Вот еще новости! Выходит, я не имею права захватить с собой носовой платок и пудру? Да?

— Что у тебя — карманов в юбке нет?

— Чтобы раздавить свою миленькую пудреницу? Как бы не так! Ошиблись номером! Дайте отбой!

— Ладно, твое дело, — вздохнул Джо, а Ральф, которого еще несколько часов назад так умиляла ее стойкость, возмутился про себя: «Нет, это просто невозможная особа!»

Семена рядом с ними сквозь сосновый бор, Элверна беспрестанно жаловалась на тропинку: и тесна и темна, то скользкий мох под ногами, то камни. Впрочем, Ральф почти не замечал ее, слушая, как Джо читает лесные знаки. Там, где Ральф не увидел бы ничего, кроме чешуйчатых, точно крокодилова кожа, сосновых стволов, рыжих игл, скал, расписанных лишайниками, — Джо показывал ему метки, оставленные чернохвостым оленем, волчий след, нору дикобраза, роскошные заросли огненных лилий, скромные цветочки сальсапарелля. Элверна с характерной для нее непоследовательностью сменила гнев на милость и казалась вполне довольной их маленькой экскурсией. У нее даже хватило сообразительности умолкнуть на целых полчаса.

Забыв мир, где ходят на танцульки и остерегаются индейцев, путники пробирались между нагретыми солнцем соснами и, обогнув болото, над которым с криком носились краснокрылые дрозды и возбужденно вспархивали бекасы, удобно расположились на поросшем сосной скалистом перешейке между болотом и озерком и стали поджидать, когда взлетят чирки.

Ральф бессознательно разыгрывал храброго воина и получал от этого массу удовольствия.

Он сидел, положив легкий дробовик к себе на колени, горделиво, молодежато, словно ему предстояло сразить врага, выказав при этом чудеса героизма. Он сам того не замечал — он ни в чем не признался бы в этом, — но мысленно он рассказывал себе увлекательную повесть:

«...В развороте его могучих плеч чувствовалась небрежная уверенность. Так легко покоились на грозном оружии эти сильные руки, так затуманен думой был

орлиный взор, что подкрадывающийся неприятель не смог бы догадаться, как стремительно вскинет винтовку наш герой, почувяв опасность».

Элверна сидела, картинно выделяясь на золотисто-зеленом фоне болотных камышей. Открыв свою бархатную сумочку, мурлыча «Ах отчего они становятся такими!», она деловито напудрила носик, подкрасила губы, легкими движениями рук откинула с висков и взбила волосы и принялась полировать себе ногти.

Ральф заметил, что Джо поглядывает на нее с раздражением, но сам он вновь растаял: «Все-таки она — занятая штучка!»

И это человек, чей слух еще месяц назад слово «штучка» резануло бы хуже площадной ругани.

Лишайники — черные, серые, оранжевые — складывались на скалах в японские гравюры: миниатюрные мостики, серебристые конусы гор. Впереди, меж стволами деревьев, сверкало озерко. Из-за спины, от болота, исходило дремотное тепло; сквозь камыши тут и там блестятели окна стоячей воды. Покачиваясь на ивовом кусте, заливался дрозд; жужжали вокруг дикие пчелы. Все навевало мечтательный покой...

Очарование разрушила Элверна.

— Фф-у! Ну, жарница! Так и клонит ко сну. И с чего это ты взял, будто здесь летают утки? Пока что не видно даже хромого воробья. А правда, Ральф, мировая вечеринка получилась вчера? Правда, Джо? Правда... Нет, по-моему, шикарная вечеринка; конечно, Пит до того нализался, что нес невесть что — стыд один, но ведь это он только так. А Папаше я прямо заявила: если еще хоть раз начнет рассказывать свой анекдот про лифтера, я ему двину, вот и все. Но до чего он потешный все-таки, этот Па: напялил мой фартук и ну изображать шотландский танец — умора! А Кудрявый совсем ошалел, черт подери, не соображает, с кем разговаривает, будто все ему тут обязаны подчиняться — говорит, что я не имею права открывать карты, раз у меня неполная масть. Просто обалдел. Ведь я-то знала, что у Джорджа три и пара — я все время за ним следила. Вижу, берет первые четыре карты и перекладывает эдаким манером: две и две. Я смекаю: «Ага, стало быть, у тебя две пары». Потом он тянет пятаю и, гляжу, облизывается,

точно сытый кот. «Все ясно, мистер ловкач,— говорю себе,— ручаюсь, что одна пара твоих милых двойняшек превратилась в тройню, вот так-то!»

Хмурые скалы отозвались на ее хохот гулким эхом.

— Слушай, Элви, побойся ты бога! — вздохнул Джо.— Всех уток распугаешь, какие есть!

— Да ну тебя совсем!

Слово «ну» она выкрикнула очень звонко. Как раз в эту секунду над стеною деревьев показались три утки. В тот миг, как раздалось ее «ну», они взмыли вверх и, прежде чем Джо успел выстрелить, а Ральф — сообразить, каким концом прикладывают к плечу дробовик, скрылись из виду.

Ральф не сказал ничего. Джо тоже не сказал ничего. Элверне сказать было нечего, и оттого вид у нее был особенно сердитый.

Прошло полчаса без единой утки.

— Пожалуй, двинем-ка лучше домой,— сказал Джо.— Все равно сейчас для уток неподходящее время. Завтра, часов так после двенадцати, может, попробуем еще разок. Тем более, сегодня вечером нам идти на угощение к Бирмайеру в факторию «Ревийон».

Но тут его все-таки прорвало:

— И потом — знаешь что, Элви... Возможно, я ничего не понимаю, но меня просто *мутит*, когда ты тут в лесу, на воле, малюешь себе лицо, точно в ванной комнате!

— Ну, как же! Ты спишь и видишь, как бы сделать из меня распустеху вроде ма Макгэвити! Только того и добиваешься, чтобы я стала уродиной и никто даже не смотрел бы на меня! Так вот что я вам скажу, мистер Джозеф Истер: я пугалом ходить не собираюсь — ни ради вас, ни ради кого другого! Вам требуется только кухарка, но *кой-кому* я и сама могу понравиться!

— Не сомневаюсь!

— Постой, ты что хочешь сказать? Что, я тебя спрашиваю? Ты на что это намекаешь, а?

— Будет, Элви,— очень устало сказал Джо.— Кончай, бога ради, и пошли домой.

Кроме бархатной сумочки, она взяла с собой еще только дробовичок двадцатого калибра, легонький, как

винтовка для стрельбы по мишеням. При всей своей кажущейся сублильности Элверна была крепкой, как прачка, но, подобно многим молодым особам несокрушимого здоровья, по временам испытывала потребность в том, чтобы с нею обращались, как с хрупкой лилией.

— Ой, Джо! — заняла она, когда они шагали гуськом по узкой тропинке.— До чего тяжелое ружье!

Ее супруг пожал плечами.

— И ужасно путается в ногах.

Гробовое молчание.

Она оглянулась на Ральфа — с дрожащими губами и неподдельной слезинкой на ресницах:

— Пусть не несет в конце концов, не в том дело, но мог бы проявить ко мне хоть чуточку внимания!

— Давайте я понесу,— просиял Ральф. Он знал, что это просто каприз, что ему бы следовало поддержать Джо, но она казалась такой сиротливой: бездомная кошечка в своре псов...

Нет, не стоит лгать себе. Не сиротливость привлекала его в ней, а рассчитанная женственность, наигранная ребячливость, врожденное дьявольское умение превращать каждого мужчину в сентиментального идиота. Он предал Джо — Джо, который так понуро шагает впереди в своей грубой коричневой куртке.

Один благодарный взгляд Элверны стер, точно губка, все эти глубокомысленные и поучительные соображения.

Надо сказать, что, рассчитывая поупражняться в стрельбе, Ральф захватил с собою не только дробовик двадцатого калибра, но еще и винтовку; а нести без привычки три ружья по тропе, где на каждом шагу спотыкаешься то о корень, то о камень, скрытый мокрой землей,— нешуточная задача. Ружья перекрещивались, съезжали, колотили его по ногам. Он попробовал нести их достойным образом — сначала на плече, потом под мышкой с таким видом, будто для него это плевое дело. Кончил он тем, что сгрел их обеими руками, словно охапку дров, а Элверна, нежно постреливая в него глазами через плечо, лепетала:

— Очень неудобно нести?

— Н-нет.

- Честно?
- Да пустяки!
- Скажете, когда будет слишком тяжело?
- Непременно.
- Может, мне забрать у вас свой дробовик?
- Зачем, я прекрасно донесу.
- Ой, вы, кажется, оступились?
- Кажется, оступился.
- Ах, какая жалость! Хотите, я сама понесу?
- Ничего, справлюсь.
- Но только обязательно скажите, если...

Джо оглянулся.

До сих пор он смотрел на Ральфа, как бы извиняясь, что по его милости другу приходится терпеть этого овода в юбке. Теперь его взгляд, казалось, связал их вместе как пару безмозглых кретинов. Ральф был достаточно раздосадован трескотней своей спутницы, но сейчас его раздражение обратилось против Джо, а все симпатии оказались на стороне Элверны. Вот как! Этот пентюх считает, что они жеманные пустомели! И только потому, что они горожане и имеют представление о правилах хорошего тона; имеют какие-то интересы, кроме покера и охоты на уток. Что ж, прекрасно! Джо, быть может, и благородная душа, но чтобы так не оценить эту бедную, заботливую малютку...

Он резко одернул себя.

«Совсем ошалел от этой девчонки! Надо что-то предпринимать. Удочки сматывать надо, вот что!»

Когда они добрались до дому, Ральф без всяких предисловий, но со всею мягкостью, на какую был способен, объявил Джо:

— Нужно возвращаться к злополучному Вудбери, если сумею его найти. Погостил я у тебя великолепно, да... словом, тронусь сегодня же.

Джо в изумлении медленно поднял на него глаза и заговорил так душевно, что у Ральфа защемило сердце:

— Хоть бы до завтра отложил, Ральф. Вспомни, мы ведь обещали, что придем к Бирмайеру ужинать. Обидится, если мы его подведем. Такой симпатичный парень. Может быть, все-таки останешься?

Ральф остался.

ГЛАВА XVII

После обеда Ральф удил рыбу на озере — таком гладком, прозрачном до самых глубин, что казалось, будто он парит меж небом и долиной на воздушном корабле без мотора, и в этой тиши супружеские распри, вражда индейцев и белых представлялись далекими и нелепыми, словно война между двумя муравейниками.

Ральф старался не думать — а потом с легким сердцем и вовсе забыл — о надвигающемся буйном рауте в хижине мистера Бирмайера. По слухам, которые со смаком распространял Па Бак, пиршество обещало быть столь же хмельным и развеселым, как вчерашняя вакханалия у Джо. Собственно, радовался Па, это будет та же самая вечеринка: те же усердные бражники, тот же покер.

Ральф изобретал предлоги, чтобы отвертеться, но, возвратившись домой, застал Элверну в такой горячке сборов, что не отважился завести разговор.

Джо, по логике вещей, следовало бы предпочесть кутежу домашнюю скуку и домашние шлепанцы. Ему следовало разрабатывать тайные планы, как уберечь свою ветреную овечку от волков. А между тем, когда Ральф шепнул ему:

— Хочешь, после ужина не будем садиться за карты, а сразу улизнем домой? — Джо в недоумении запротестовал:

— Нет, отчего же, я как раз очень не прочь при случае сразиться в покер и пропустить по маленькой. — Точно ребенок, у которого отбирают новые игрушки и спозаранку отправляют спать.

— А-а, ну да... естественно, — сказал Ральф.

Элверна, с сияющими глазами, танцевала одна под патефон. После обеда она успела переделать свое платье с красной вышивкой: подогнула края лифа у ворота и обшила вырез рюшем из дешевого кружева.

— Правда, миленько получилось? Правда, идет? И все сама! — торжествовала она, кокетливо поворачиваясь, поглядывая на Ральфа поверх очаровательного плечика.

«Сушие дети, эти двое! Осложнения? Вздор!» — философствовал «взрослый» Ральф, умиротворенный прогулкой по безмятежному озеру.

Он не заметил, что она в новых туфлях на высоких каблуках, а если б и заметил, не усмотрел бы в этом ничего знаменательного. В самом благодушном настроении он «переоделся к обеду», иными словами, умылся и выудил из рюкзака безнадежно измятый городской костюм.

Лавка «Братьев Ревийон» и коттедж Бирмайера находились за милю от поселка Мэнтрап — не на озере, а в месте слияния Мэнтрап-Ривер с Рекой Туманной Скво. Путь туда лежал через болото, поросшее карликовой сосной: топкая стежка, на которой в самом вязком месте были проложены по грязи скользкие бревна.

Подойдя к мосткам через трясины, Элверна остановилась и пропищала:

— Джо! Мне здесь не пройти!

— Это почему?

— Да новые туфли! До того высоченные каблуки... Поскользнешься, угодишь в грязь, и туфли пропали. Ой, не могу, Джо, честное слово! Не могу! Ты должен меня перенести. Должен, и все!

— Вот чертовщина! — огорчился Джо. — Тут одному-то дай бог удержаться. И что б тебе надеть человеческую обувь, а эту дрянь ваять в карман?

— Ну, а я вот не додумалась, так что давай носи.

— Ну и зря не додумалась, и не понесу.

Ральф охотно вызвался бы вместо него. Такая ноша была бы ему не в тягость. Однако момент для предложения дружеских услуг был явно неподходящий.

Джо с сердитым видом двинулся по неверным мосткам, а вслед за ним — Элверна, покачиваясь на шатких бревнах, переступая бочком: одна нога вперед, к ней осторожно подтягивается другая; руки отчаянно машут в воздухе, точно крылья ветряной мельницы; несчастное лицо сведено напряжением. И все время, не переставая, она хныкала и охала от страха.

На полпути, где мостки обрывались у клочка твердого грунта, Джо замешкался, поджидая ее.

— Что за смысл был идти в этих туфлях, — виновато заговорил он. — Ты же знала, какая здесь дорога. Забыла надеть нормальную обувь, значит, надо было разуться и пойти босиком. Ну, да уж ладно, донесу до того конца, если только не задушишь по дороге.

— Если! Только! Хотя! Когда!.. — взвизгнула она. — Разуюсь, можешь радоваться.

Не смущаясь присутствием Ральфа, она плюхнулась на пень, сорвала свои маленькие туфли, сдернула шелковые чулки и, высоко подобрав юбки, яростно зашлепала по грязи, мгновенно забрызгав свои белые ноги.

Ральф услышал за спиною голос Джорджа Игана: — Эй, Элви! Какая муха укусила?

Не оглядываясь, поверяя свои невзгоды всему миру, она объявила:

— Я положила столько труда на свое платье, а Джо хотел, чтобы я его испортила! Но я ему покажу, как мной помыкаты!

Ральфу все это вдруг осточертело, и прежде всего собственная «зрелая» никчемность. Еще противней ему стало потом, когда они с Бирмайером ходили к засыпанному опилками леднику за льдом для виски с содовой и хозяин дома просипел:

— Не повезло старине Джо! Интересно, знает он, что Кудрявый Эванс крутит любовь с Элверной...

— Это неправда! — вскипел Ральф.

— Ох, не смей меня!

Никогда еще Ральф не чувствовал себя так явно не в своей тарелке среди лесных старожил, как в тот вечер за покером. В романах всякий уважающий себя городской неженка, в особенности, если он ходит в очках и весит не более ста тридцати семи фунтов, пожив недели три на ранчо, среди лесорубов или на китобойном судне, мужает, умнеет и чаще всего кончает тем, что, победив в драке нахала весом в двести шестнадцать фунтов, женится на хозяйской дочке. Но Ральф в этот вечер был больше горожанин — причем горожанин скучающий, — чем в день отплытия из Белопенного.

Когда Бирмайер в третий раз прогудел: «Смейтесь, смейтесь, а я вот повышаю на четверть доллара! Четвертая доля доллара, джентльмены!»; когда Пит Реншу в седьмой раз тоненько пропищал с акцентом (шведским, по его убеждению): «Ох, пропало мое дело»; когда Па Бак в одиннадцатый раз загрохотал: «А

не вредно бы пропустить еще по рюмашечке», — Ральф почувствовал, что с него довольно веселья.

Он сидел, откинувшись на спинку скрипучего кухонного стула, тщетно пытаясь воодушевиться созерцанием своих карт (двойка и четверка треф, семерка бубен, червовый туз и пиковая дама), а сам в это время отмечал, что в хижине Бирмайера пахнет сырой одеждой, несвежим сгущенным молоком и жареной рыбой; что вырезанная из страхового проспекта картинка на бревенчатой стене порвана; что Пит Реншу без конца сплевывает на усеянный окурками пол. Он знал, что по неписаному закону Бравых Удальцов ему положено упиваться этой роскошной обстановкой.

А он не упивался.

Он обрадовался, когда через три часа после ужина Джо зевнул и произнес:

— Что-то я совсем никуда после вчерашнего. Ральф, Элви, как насчет того, чтобы трогать домой?

Элверне понадобилось многое сказать на прощанье каждому из своих поклонников, но в конце концов они двинулись в путь.

Помощник Бирмайера, молодой абердинец, вызвался проводить их до дому. Элверна шепнула Ральфу:

— Пошли вперед. Этот шотландский мальчик до того серьезный, что с тоски помрешь.

Когда они дошли до бревенчатых мостков, она в полумраке вскинула на него глаза, и он, не говоря ни слова, взял ее на руки и понес.

Такая легкая, такая милая ноша... на первых порах. Задолго до конца пути он уже едва переводил дух, пошатываясь, рискуя на каждом шагу сорваться в бездонную грязь, обессиленный и несказанно гордый своим подвигом.

Добравшись до твердой почвы, он опустил ее наземь и спокойно, дружески потрепал по плечу. Это пустячное приключение сблизило их, смело прочь его оборонительные маневры, ее неустанную, ненасытную погоню за поклонением. Это чистое объятие, не тронутое, как давеча на танцах, нездоровым возбуждением, послужило для обоих разрядкой. Элверна уже не щебетала жеманным, слащавым голоском женщины, которая ждет комплиментов. Сейчас она заговорила как товарищ.

— Спасибо вам, Ральф. А Джо прав. В такую дорогу надо надевать подходящую обувь. Я просто дуреха!

— Элверна!

— Что?

— Не нужно так дергать Джо, вечно требовать то одно, то другое. Он удивительно хороший человек, верный, добрый. И умный.

— Зна-аю. Вы еще мне рассказываете! Да я его обожаю! Только... здесь такая жуткая скучища, что на нервы действует. Господи, пожить бы хоть пару месяцев настоящей жизнью! Побывать в театре! И завидую же я вам! Ходите себе на все нью-йоркские постановки, а я о них только читаю. «Цену славы», наверное, видели? Шикарно, да? Вот бы посмотреть! Должно быть, классная вещь. У меня был один знакомый сержант — тоже служил в экспедиционных войсках, так он... Ох, вот был парень! Ни одной женщине не спустит вольного обращения — стукнет и не задумается. Но все же симпатичный ужасно: никакого нахальства себе не позволит, ничего такого... И еще «Дождь». Тоже мечтаю посмотреть. Когда я жила в Миннеаполисе, все время ходила по театрам. Понимаете, у меня были знакомые артисты. Говорила я вам — не помню, — что один раз у меня делал маникюр сам Джек Барримор! Расскажите мне про «Дождь», ладно? Хорошая была постановка?

Когда Джо нагнал их у дома, они были поглощены высокоинтеллектуальной беседой.

Одного упоминания о спектаклях, одного звука их названий оказалось достаточно, чтобы Ральф мысленно перенесся на улицы Нью-Йорка. Хорошо будет, отдохнув, вернуться туда в свежие осенние дни.

Да он и сейчас был там! Немного пресытившись покером, Питом Реншу, остротами Бирмайера, он вспоминал своих сдержанных приятелей; ярко освещенные, все в цветах гостиные; захватывающие и безмолвные часы над юридическими головоломками.

Джо вошел в дом, а Ральф все продолжал рассказывать. Он открывал ей новый мир. Процесс Беркли; его, Ральфа, речь перед облаченными в мантии высокими жрецами Верховного Суда в Вашингтоне. Его мечта — создать фундаментальный труд о юридических основах гидроэнергетики. Его друзья: одноклассник, ныне дипло-

мат; хирург, которому пришлось оперировать в самолете; исследователь, замученный до смерти в Северном Китае.

Бессознательно Ральф похвалялся: «Я ей докажу! Пусть считает, что я не умею отплясывать джигу, отпустить громкие шуточки, вроде Пита, презирать опасность, как Джо и Кудрявый. Возможно, я и в самом деле этого не умею. Но пусть она увидит, что я тоже не последний человек!»

Званные обеды... Да, разумеется, он «ходит на них во фраке» — да, и очень часто.

Опера; шикарные ночные клубы; уик-энды за городом...

Его скитания по Европе. Осенний день в Роттердаме, платаны, роняющие листья в каналы. Сочельник в Риме, женщины в шальях у портала *Ara Coeli*¹. Ресторанчики Добиньи, красно-белые скатерти на столиках; гулянье на пивной ярмарке в Мюнхене. Полосатые навесы Монте-Карло, беспечный стук каблучков.

— Ничего себе, поездили вы по свету! — восхищенно протянула Элверна.

— Спокойной ночи, — пожелал он в темноте ее теплой руке.

Он спустился с крыльца и в раздумье побрел на берег озера.

В теории, размышлял он (насколько можно судить по застольным беседам на обедах и нравоучительным романам, которые ему довелось прочесть), категорически исключается, чтобы порядочный человек, питая бескорыстную любовь к другу, преклоняясь перед ним, доверяя ему, был способен без памяти влюбиться в его жену. Теперь он убедился, что эта теория не стоит выведенного яйца. Джо Истер нравился ему, как никто на свете; для Джо он готов был сделать что угодно; пусть один из них живет в шумном Нью-Йорке, а другой — в фактории Мэнтрап: Ральф надеялся, что они с Джо на всю жизнь останутся друзьями. Он понимал, как огорчают и раздражают Джо причуды жены; он разделял это раздражение. И в то же время он был недо-

¹ Алтарь небес (лат.) — церковь богоматери на Капитолийском холме в Риме.

лимо поглощен ею, будто не было на свете ни Джо, ни такой вещи, как верность другу. Ему мерещились линии ее щек и плеч, мерещился ее голос, пробуждая в нем ненасытную нежность. Благо еще, ему жаль ее. (Он вздохнул.) Вот она, соломинка, за которую нужно хвататься! Иначе он и сам не заметит, как увлечется настолько, что, ослепленный, опутанный, будет видеть в пустынной, невежественной, вульгарной кокетке красу и средоточие вселенной.

Но, с другой стороны (господа присяжные), в равной степени несостоятелен взгляд, будто человек бессилён справиться с подобным наваждением. Чего стоят все женские чары по сравнению с честной мужской дружбой?

Он будет бороться с собою.

Нет, он должен бежать!

Это чужой мир. Он заблудился здесь. Ему здесь не на что опереться. И потом, если он выполнит свой долг по отношению к Вудбери, это всегда будет для него источником удовлетворения. Неплохая тренировка воли: найти его и... нет, не сносить молча его придирки, но воевать, и воевать в открытую.

В таком приподнятом настроении, довольный собою, шагал он по тропе, ведущей от вигвамов, и вдруг споткнулся о сваленное дерево. Он разглядел в полутьме, что это дерево росло у самой тропы; его срубили, причем нарочно так, чтобы оно упало поперек дороги, совсем недавно, уже после того, как они здесь проходили.

Ральф быстро вернулся в коттедж. В гуще деревьев ему чудились шаги.

Элверна уже легла спать, но Джо, в носках, блаженствовал на кухне, покуривая трубку и читая номер монреальского еженедельника «Стар».

Вполголоса, чтобы не потревожить Элверну, Ральф сообщил ему о своем открытии.

Джо пробормотал:

— Не понимаю, зачем это им понадобилось. Надо взглянуть.

С непривычной для него нервной поспешностью он натянул башмаки, схватил электрический фонарь. Ральф шагал рядом с ним по тропе, радуясь, что исчезла завеса неловкости, возникшая между ними по вине Элверны.

— Хм,— произнес Джо, обследуя срубленный ствол,— дурацкая затея. Видимо, индейцы решили нас припугнуть. Возможно, предостережение своего рода. Лучше не говори Элверне! Я тебе не сказал: когда мы сегодня шли домой, я заметил, что мою четырнадцатифутовую байдарку — ну, ту, серую — кто-то увел. Во всяком случае, у причала ее нет. Может, и вправду что-то замышляют... Хотя, с другой стороны,— Джо усмехнулся,— вот тебе доказательство, что они не ахти на что способны, верно? Ну что ж, пора и на боковую. Черт, спать хочется невозможно.

Ральфу спать определенно не хотелось.

Он начал было раздеваться, потом решительно застегнул рубашку на все пуговицы, вытащил из-под койки на веранде винтовку, спокойно набил обойму. Впервые в жизни он шел навстречу опасности ради кого-то другого, хотя было ли то ради Джо или Элверны, сам хорошенько не знал. Он открыл затянутую сеткой дверь, уселся снаружи на ступеньках и стал ждать.

Ночной лес был полон зыбких теней, смутных шорохов. Ральф задремал; край верхней ступеньки больно врезался ему в спину; голова его свесилась на грудь... Вдруг — прошло, быть может, полчаса — он разом проснулся.

Его разбудил какой-то звук, неясный и оттого особенно жуткий. Сквозь сонную пелену он не сразу сообразил, что это уже не игра, что кто-то действительно крадется к дому.

Он замер. Он напряженно всматривался в тьму. Ему казалось, что его взгляд прорезает мрак, как прожектор. Звук был такой, словно где-то подметали двор: шарк-шарк-шарк; мерно, неотступно... И вот он различил между лавкой и домом фигуру, припавшую к земле, фигуру, стоящую на четвереньках...

Неужели собака? Он едва не рассмеялся, но смех застрял у него в горле: фигура выпрямилась и стала шарить по деревянным ставням лавки.

— Кто там? — срывающимся голосом окликнул Ральф.

Человек пустился бежать. Ральф выстрелил раз, другой в небывалой, убийственной, удесятеренной стра-

хом ярости. Никто не вскрикнул; над утоптаным двором повисла тишина.

Внезапно рядом оказался Джо в нелепой ночной рубашке, старой и рваной; осведомился довольно спокойно:

— Что там стряслось?

Выглядывая из-за его спины, кутаясь в халатик, брошенный поверх кокетливой желтой шелковой пижамы, Элверна жалобно приговаривала:

— Ой, что это, что такое?

— Какой-то тип пробовал залезть в лавку.

— Ах вот что! — беззлобно сказал Джо. — Ну, думаю, второй раз не сунется. Хотя попасть-то ты в него вроде не попал, я видел, когда выглянул в окно, как кто-то улепетывает по южной тропе. Что ж, пойти лечь... Ты, Ральф, не беспокойся. Запрем двери, никто не войдет, а взломать ставни в лавке не успеют: я сразу услышу, будь уверен! Спасибо тебе большое, конечно...

— Можешь и не услышать! — запальчиво возразила Элверна. — Этого же не слышал! Ой, как страшно! Нет, я не лягу!

— Ну, посиди, почитай, а там, глядишь, и потянет ко сну. — Джо зевнул. — Если очень уж одолеет страх, разбуди меня. Только ничего не случится. Спокойной ночи.

Обессиленные встряской, Ральф и Элверна с мокрыми от росы ногами расслабленно опустились рядом на ступени крыльца.

— Боюсь, — зашептала Элверна. — Ужасно боюсь. Умираю от страха! — Ральф ободряюще потрепал ее по плечу, и она отчаянно вцепилась в его руку. — Ох, Ральф, мне было здесь до того скучно! Я думала, нет ничего хуже, чем так скучать. Теперь вижу, что есть: жить в вечном страхе. Я просто сама не своя. Все жду, вот-вот случится что-то ужасное. И, главное, не знаешь, откуда придет. Господи, как страшно! Вам от нас нельзя сейчас уезжать. Джо говорит, будто вам совесть велит возвращаться к этому гадкому человеку, с которым вы приехали. Ральф, миленький, не надо! Я знаю, Джо хочет, чтоб вы остались. Вы ему ужасно нравитесь.

— А вам? — негромко спросил Ральф.

— Очень! Вы, может, решили, что раз я устраиваю скандалы по пустякам и люблю потанцевать, подурочиться и вообще быть душой компании, значит, мне больше ничего не надо? А мне все это знаете как надоедает? Думаете, я не ценю, когда человек воспитанный, культурный, вроде вас? Думаете, я совсем уж дура набитая?

— Да нет, глупышка!

— Это хорошо. Вы даже не представляете себе, как я много читаю — журналы и всякое такое. И книги тоже, когда бывает время. Конечно, я ужасно занята... Нет, это очень хорошо, если вы не считаете, что у меня голова набита трухой. — Она утихла, довольная, успокоенная, но через минуту, в панике, вскинулась опять.

— Вы нас не бросите? Поможете нам? Не вернетесь к этому вашему идиоту?

— Разумеется. Бедная, напуганная детка!

— Правда ваша! Я просто воробышек в когтях у кошки. И спать до чего хочется!

Так он и сидел, охраняя Элверну; она, сникнув, то дремала, то вновь просыпалась, а он рядом с нею чувствовал, что ему ничего не грозит и ничего не страшно. Стало светать, и постепенно из мглы выплывало Озеро Грез.

ГЛАВА XVIII

— Думаю, мне, пожалуй, лучше задержаться на несколько дней, — объявил Ральф за завтраком. — Пока Эванс не привезет полисмена. Дам Вудбери еще немного насладиться престестиями одиночества.

— Вот и хорошо, — протянул Джо. — Надеюсь, что не передумаешь. Только учти: из-за нас не стоит. Если Элви будет страшно, Папаша никогда не откажется переночевать у нас, а может, и Джордж с Питом. Хотя нам-то, естественно, чем больше ты здесь погостишь, тем приятней. И потом хотелось бы еще послушать про эту самую гидроэнергию. Давай-ка закатимся с Элви на остров Синий Нос да устроим пикник.

Ральфу было лестно видеть, как Джо, кивая головой, слушает его рассуждения насчет возможностей гидростанций в глухих районах. В такие минуты он переставал чувствовать себя жалким слюнтяем, затесавшимся

среди настоящих мужчин, которым нипочем и речные пороги и тяжкие переходы по суше.

Было около полудня, когда они под стрекот мотора двинулись на Синий Нос. Элверна, которая только что, в ситцевом платьице, проворно и деловито укладывала в корзинку провизию, сейчас разыгрывала из себя молодую даму, соизволившую предпринять лодочную прогулку, вероятнее всего, где-нибудь в окрестностях Оксфорда. В свежевыглаженном кисейном платье василькового цвета, в белых чулках со стрелкой и белых туфельках с красными перепонками, раскрыв над собою чуть порванный бумажный зонтик (другого у нее не было), она возлежала в носовой части лодки, куда были брошены две подушки: на одной развевалось знамя Принстонского университета; на другой было выжжено по коже изображение индейца в головном уборе из перьев, удивительно непохожего на Лоренса Джек-фиша или вождя Вапенауга.

«Черт знает что,— сердито подумал Ральф.— Ведь вот и кривляка, и жеманница, и невежда, а хороша! Дьявольски хороша! Такая и научиться могла бы... Три года в приличном обществе, и она, чего доброго, на меня будет поглядывать свысока: мол, не умею держаться за столом. Ах, проклятье! Когда же я наконец выброшу ее из головы?»

Он повернулся к Джо и попробовал завести душещепательный разговор о жуках и литературе, однако шум подвесного мотора, как известно, не способствует передаче тонких оттенков мысли...

Они высадились на сверкающем пляже под окаймленным соснами обрывом. Сгрузив на берег провизию — а также подушки Элверны, — Джо полез на обрыв за хвостом.

Элверна, подпершись ладонью, полулежала на песке.

— Если б вы все-таки уехали, я бы вас уговорила взять меня с собой и увезти из этого гадкого места, — прожурчала она. — Рискнули бы взять меня без провожатого?

— Боюсь, это едва ли осуществимо.

— А вам не... вы не допускаете, что со мной вам было бы веселей?

— Ну да, но...

— Так чудесно было вчера вечером прикорнуть у вас под крылышком, и совсем не страшно: задремлешь незаметно, тихо-тихо... Надеюсь, вы меня не целовали, когда я заснула?

— Я? — (возмущенно) — И не думал!

— А вам не хотелось? Тихонечко, быстренько, чмок — и все? — Один ее взгляд уже был точно поцелуй.

Он раздраженно вскочил — только раздражение это было двойственное...

— Наверно, хотелось, черт возьми! Но этого вы не дождетесь. Никогда! И конечно, Элверна. Сегодня же я отправляюсь на розыски Вудбери. Хватит с меня! Уезжаю! Я рядом с вами не ручаюсь за себя, а вы — вы совершеннейшая сумасбродка, и к тому же безбожно обольстительны! Не могу больше. Довольно. Все.

— Да вы ведь только утром сказали... Вы сами-то когда-нибудь знаете, что вам надо?

— Как видно, нет!

— Неужели вы не хозяин своему слову?

— Как видно, нет!

— И вы нас бросите в такую минуту? Когда нам угрожают индейцы?

— Мне угрожает кое-что похуже: потеря чести!

— Интересно, родненький, с чем ее кушают, эту честь. Слыхали мы эти разговорчики! Сами бывали на дешевых мелодрамах. И у вас хватит духу бросить нас, когда...

— У вас это время могут пожить Папаша и Джордж Иган. Пригласите их. Глядишь, и поцелуют заодно!

— Ох, Ральф, Ральф! Это уж нехорошо с вашей стороны, правда, нехорошо. Это даже обидно! Я ведь просто в шутку. Может быть, я и сглупила немножко, но... Нет, добрый человек такого не скажет!

— А я и не собирался быть добреньким!

Когда Джо вернулся с обугленным бревном и охавкой хвороста, он увидел, что Ральф, повернувшись спиной к Элверне, с безучастным видом созерцает озеро, а она жалобно поглядывает на него снизу вверх.

Ральф круто повернулся к Джо, отрывисто заговорил:

— Джо. Прости, что я без конца меняю решения. Только я тут снова подумал, и уже окончательно: если б

ты отпустил со мной Лоренса или еще кого-нибудь из индейцев, дал на время лодку и палатку, я бы все-таки уехал сегодня же и попробовал найти Вудбери. Понимаешь... хм... это мне не дает покоя. Чувствуешь себя предателем. Хотя, поскольку я и вас бросаю в такой момент, то, видимо, и впредь буду чувствовать то же самое.

— Хорошо, Ральф. Чертовски жаль тебя отпустить, но будь по-твоему. Делай, как знаешь. Само собой, забирай Лоренса. Я, в случае чего, всегда могу сговориться с Солом Бакбрайтом. Я бы тебе и мотор дал, так ведь ни Лоренс, ни ты с ним не управитесь. Сможешь подсобить ему грести?

Ральф краем глаза увидел, как губы Элверны беззвучно складываются в слова: «Останьтесь! Пожалуйста!»

Он сделал вид, будто ничего не замечает.

На том и порешили.

Это произошло в половине первого. А в три часа байдарка, принадлежащая Джо, была уже оснащена всем необходимым — частично из лавки, частично из личного походного снаряжения Джо; на корме уже восседал Лоренс Джекфиш с таким невозмутимым видом, точно снаряжился всего-навсего на танцы, и Ральф отправился в путь: на ту сторону Озера Грез и дальше, на озеро Солферино.

Грустно распрощался он с Джо, Па Баком, Джорджем Иганом, Питом Реншу, с Макгэвити и преподобным мистером Диллоном, и почти все эти славные люди, которые могли бы навсегда стать его близкими друзьями, исчезли из его жизни, точно и сами жили лишь на страницах книги, прочитанной в полночь.

Элверна проститься не вышла.

— Верно, не захотела глядеть, как ты уезжаешь. Не знаю, заметил ли ты, но ты ужасно понравился Элви, — серьезно объяснил Джо, а Ральф слушал с таким чувством, словно он карманный вор. — Как мы вернулись с острова, сразу куда-то пропала. Небось, сидит, бедняга, где-нибудь в лесу, проливает слезы. А насчет индейцев ты не беспокойся. У нас пока поживет Джордж Иган. Ну, счастливо тебе, Ральф! Как только будет возможность, приезжай еще!

Лодка медленно отходила от берега; Ральф, сидя на носу, оглянулся на горсточку людей, махавших ему вслед с бревенчатой пристани, и подумал, что это самое грустное расставание в его жизни, не считая той минуты, когда его мать, взяв его за руку, вздохнула и навеки закрыла глаза.

Его осаждали напрасные сожаления. Как он мог оставить Джо? И не его ли собственная бесхарактерность виною тому, что Элверна с ним заигрывала? Неужели даже здесь, в краю могучих лесов и хрустальных озер, он не способен проявить твердость?

Неужели отношения между людьми, не считая таких людей, как Джо Истер, для которых собственное «Я» не главное в жизни, неизбежно влекут за собою горе, боль, сумбур?

И потом — ему никогда уж больше не видеть Элверны. Но он должен. Он уже истосковался по ней.

И, если отвлечься от таких высоких материй, как честь, любовь, порядочность, не поступает ли он, как последний дурак, вновь обрекая себя на пытку в обществе назойливого пошляка Вудбери?

И еще: долго ли он сможет выдерживать эту адскую греблю, от которой разламываются плечи?

Поглощенный бурными и сложными переживаниями, он до сих пор не задумывался, какой это тяжкий труд — грести хотя бы по два часа в день. Почему он не взял еще одного индейца? Не поворачивать же обратно, чтобы публично расписаться в собственной немощи и заново пройти всю церемонию прощания! Но надолго ли его хватит?

Уже сейчас — через пятнадцать минут — каждый рывок был для него страданием. Плечи затекли, затылок будто сдавило тисками. Саднило ладони, не защищенные мозолями. И никак, черт побери, не удавалось перебросить гребок с борта на борт, чтобы не окатить при этом водою колени.

Что поделаешь (он угрюмо стиснул зубы), надо закаляться!

Если, конечно, прежде не кончатся припасы и они не околеют с голоду на полпути...

Обычный маршрут на озера Солферино и Уоррик пролегал мимо длинной песчаной косы, поросшей со-

сняком и именуемой мыс Ветряный. По воде до него от фактории Мэнтрап было мили две, по суше — три, если идти напрямик, через холм, известный под названием Лосиная гора.

«Доберемся до мыса, сделаю небольшую передышку,— обещал себе Ральф.— Лоренс Джекфиш посмеется надо мной. Ну и черт с ним!»

Они медленно обогнули песчаную отмель на конце мыса, и фактория Мэнтрап — кучка хижин на обрыве — скрылась из виду. И тут Ральф заметил, что по другому берегу мыса бежит фигурка в женском платье и с узлом за спиной — легкая, быстрая фигурка.

То была Элверна.

Она подавала им знаки. Вот она качнулась, ступив на сыпучий прибрежный песок.

Не дожидаясь распоряжений, Лоренс Джекфиш повернул лодку к ней. Ральфу было видно ее лицо, постаревшее, прорезанное горькими, упрямыми складками. На ней была матросская блузка, белая юбка, белые парусиновые туфли — тот же наряд, в котором она с такой беспечной радостью встретила его три дня назад. Только сейчас у нее на голове красовалась черная фетровая шляпа Джо, выцветшая и порыжевшая от старости.

Она тащила узел — наволочку, набитую, судя по всему, одеждой; за поясом у нее был револьвер.

Лодка коснулась песка, и Ральф не хуже заправского индейца перемахнул через борт, не заботясь о том, что может замочить мокасины.

— Господи, что это вы еще затеяли? — взмолился он.— Пойдем-ка, пройдемся по берегу и...

— Я не боюсь, если Лоренс услышит. Пускай кто хочет слушает — мне все равно!

— А мне нет!

— Вам-то, конечно. Еще бы!

Она все-таки побрела рядом с ним вдоль берега. У опушки сосновой рощи они уселись на твердый бугор. Элверна сбросила узел, отерла потный лоб, устало перевела дух. Про свои взмокшие, натруженные плечи Ральф почти не вспомнил.

Начала она с места в карьер:

— Я еду с вами.

— Нельзя! Невозможно! Не сходите с ума. Это абсурд!

— Абсурд не абсурд, а еду. Вы должны меня взять. Поймите: тут дело не только в том, что я испугалась индейцев. Тут... Всю жизнь стоять у плиты и охотиться на уток — ох, и ненавижу я эту охоту, — пока не состаришься, не станешь морщинистая, вредная, злющая, как мамаша Макгэвити, чтоб ей ни дна ни покрывки! Ни за что!

— Но есть же у вас какой-то долг по отношению к Джо!

— Никакого! Слушайте, можете вы раз в жизни говорить просто? Или нью-йоркские пижоны тоже, вроде трапперов и парикмахеров, горазды хорониться за громкими словами? «Долг»? Я дала ему год счастья. Да-да, для него это было счастье, я знаю! Я принадлежала ему душой и телом, а я не уродина и не дура, что бы вы там обо мне ни думали, какие бы глупости я ни вытворяла. А глупости я вытворяю в основном потому, что иначе спятила бы с тоски. Я дала ему любовь. Я стряпала для него, скребла и чистила для него, я пела для него. А теперь он меня больше не любит. Я знаю. Женщина это всегда чувствует! Он думает, я просто вертихвостка. Нет, он привязан ко мне, не спорю, только он не любит меня, как вас или Па Бака. Да и я его по-настоящему никогда не любила. Он вообще-то парень на все сто — смелый, порядочный, но ведь это типичный школьный учитель, и больше ничего. *Не спорьте, вы!* Надо думать, насчет Джо и самой себя я как-нибудь знаю не меньше вашего, хоть вы и воображаете, будто изобрели все законы!

— Я не воображаю...

— Да, пожалуйста, мне-то что. С вас станется!.. Ой, это я так, не обижайтесь. На самом деле я знаю, что вы очень умный, честное слово. — От страстной непосредственности она с катастрофической быстротой переключилась на самое беззастенчивое кокетство. — Я вас просто разыгрываю. У вас голова — дай боже, чтоб я, не понимаю? Эх, расшевелить бы вас разочек!

— Все это, дитя мое, разумеется, очень лестно, но ехать вам со мной никак нельзя. Ну, будьте умницей. Вернитесь к Джо, объяснитесь с ним откровенно, и он —

я нисколько не сомневаюсь — отправит вас в Миннеаполис или другой какой-нибудь город, раз уж...

— Он нисколько не сомневается! Ах вы, рыба несчастная! Не сердитесь, Ральф! Но неужели так уж трудно хоть минуточку побыть человеком? Миленький, я ведь не то, что ваши знакомые дамочки из Нью-Йорка. Мне идти не к кому, кроме вас. Поймите, дорогой. Из этого ничего не выйдет. Если бы я переехала в город, Джо считал бы, что за мной нужен глаз. Чего доброго, еще отправил бы меня к своей костлявой старой тетке в Айову. А та будет есть меня поедом. Блюсти честь его имени, и все такое. Эх вы, мужчины! Честь! И любите же вы превращать ее в кандалы для своих женщин!

— И все же вам придется...

— Ничего не придется! Вот что я вам скажу, Ральф Прескотт. Слушайте и запоминайте. Если вы меня не возьмете с собой... Я говорю серьезно, учитите! Совершенно серьезно! Поглядите на меня — шучу я? Так вот: если вы меня не возьмете с собой, я иду в Киттико пешком, лесеми.

— Да чепуха это. Идиотизм.

— Зна-аю, что идиотизм! И все-таки пойду. Лучше погибнуть в лесу, чем идти назад, чтобы тебя зарезали во сне индейцы или загрызли живьем эти Макгэвити. Вы еще ничего не знаете: вчера вечером Джо категорически заявил, что я должна поближе сойтись с этой старой ведьмой. Должна заставить себя ее полюбить. Представляете? И братъ пример с нее, а не с шалопаев вроде Кудрявого Эванса. Всю жизнь мечтала! Да я лучше с голоду подохну!

— Похоже, что это и вправду серьезно. Но господи боже, откуда вы возьмете еду, если пойдете пешком...

— У меня здесь, в лесу, припрятан кусок грудинки, немного муки. На первые дни хватит. А вот в этом узле — удочка и блесна. Знаете, Ральф, то черное платьице, такое славненькое, просто не смогла оставить. И новые туфли на красных каблуках — самые любимые. Ничего, доберусь... наверное. На лодке подбросят — траппер какой-нибудь или индеец.

— Чтобы потом... Неужели вам улыбается сесть в байдарку к первому встречному проходимцу, ночевать с ним в одной палатке и убедиться, что он скотина?

— Какое там «улыбается»! Зато когда вы, добропорядочный господинчик с каменным сердцем, будете лежать в вашей милой и уютной палаточке, жутко гордый и довольный собой, вспомните, что Элверна в эту минуту просит помощи у какого-нибудь прохвоста — и платит ему за это!

— Ах ты, черт возьми! Как мне вас убедить...

— Напрасный труд! Ральф! Ральф, милый! Послушайте меня, дорогой. Я вам не буду в тягость. Честное слово. Конечно, пешком мне не дойти и на веслах одной — тоже, даже если бы удалось украсть лодку. Но я гораздо сильнее, чем кажусь на вид. Я не буду валять дурака, как тогда, на охоте. Это я просто нарочно. Господи, мне ничего не стоило донести все три ружья да еще штук шесть в придачу. Я буду грести, у вас ведь есть в лодке запасной гребок? Всю стряпню возьму на себя. И увидите, вот увидите, какие тяжести я буду таскать на пеших переходах.

— Не в этом дело.

— Разве я такая уж некрасивая? Такая несносная привередница? Разве со мной так уж нудно, когда я мурлычу свои песенки и болтаю смешные пустяки, чтобы мои мужчины не заскучали! Неужели я такое уж чудовище?

— К сожалению, нет.

— И я вам нисколько не нравлюсь?

— Слишком. То-то и беда. Вы вот издеваетесь, когда я заговариваю о чести, а ведь это и есть главное. Именно честь. Ваша, Джо, моя.

— Ну да, — упавшим голосом. — Я знаю... Интересно, найдется ли хоть у одного мужчины столько чести, чтобы он мог поступиться ею ради женщины?.. Ну, маленький герой, пусть вам бог простит вашу честь. Всего хорошего, мой Ральф.

Она встала и поплелась прочь, не обращая внимания на его уговоры. Ее плечи — задорные плечики кокетки и баловницы — устало сгорбились под тяжестью ноши, точно плечи забитой скво.

Он кинулся след за нею. Он схватил ее за руку, повернул к себе. Ее пальцы лежали в его ладони, вялые, безжизненные.

— Зря стараетесь, — сказала она хрипло. — Я все равно пойду. Джо очень хороший, только он сделал

одну ошибку. Не надо ему было меня сюда привозить. Либо я вырвусь на волю, либо сложу кости где-нибудь в болоте.

Эта угроза подействовала сильнее всех ее издевок. Да, она не шутит. Он представил себе, как через много лет эти хрупкие косточки будут найдены в зловонной тряпине: легонький белый скелет и ощерившийся череп, некогда одетые теплой и розовой плотью.

— Но...— От мудрого старца, снисходительно-насмешливого и щедрого на благие советы, не осталось и следа. Был человек, очень молодой и изрядно перепуганный.— Допустим, я взял бы вас с собой. Ведь Джо догадается. Он пустится в погоню,

— Вы очень боитесь Джо?

— Да!

— А знаете, я тоже!

Она усмехнулась — первый раз. И тут же горячо заговорила, водя пальцем по ладошке, словно по карте:

— Вот слушайте. До Белопенного — до железной дороги — существуют два пути. Во-первых, тот, которым вы прибыли сюда и которым двинулись сейчас: Мэнтрап-Ривер, озеро Уоррик, пароход до Белопенного. Но есть и другой. Огибаешь Лосиную гору с той стороны, минуешь фабрику Мэнтрап задами и выходишь к Реке Туманной Скво. Идешь небольшой кусок вверх по течению, поворачиваешь на юг и — напрямик до Белопенного: река Потерянная, Гусиное озеро, река Плакучая, озеро Полуночное, озеро Бульдожье. По прямой так короче, но говорят, жутко много идти волоком, а по паршивым мелким речушкам — на шестах или бечевой. Тем путем почти никто не ходит, но пройти можно. Кудрявый раз ходил. Джо — никогда, и Лоренс тоже.

— Но как же Лоренс нас поведет, если он не знает...

— У меня есть карта. Свела с карты Джо.

— Когда? Когда вы надумали...

— А сегодня. Вы собрались удирать от меня или, может, от себя самого, а я решила, что мы удерем вдвоем. Джо ни в жизнь не догадается, что мы двинулись тем путем. Если он и соберется в погоню... только едва ли; он вообще-то мировой парень: если видит, что крепко стоишь на своем, неволить никогда не станет. Но если

бы он и вздумал нас догонять, то наверняка другим путем — через озеро Уоррик.

— Ох...

— Ральф! Ральф, миленький! Неужели вы хоть ненадолго не можете забыть безупречного мистера Прескотта? Неужели так всю жизнь и будете любоваться на свою порядочность? Вынь да положь ему мчаться спасать этого осла Вудбери! Это надо же придумать! Тьфу!.. А Джо мы зла не причиним, ни вот столечко. Я буду тише воды... вероятно! И потом, Ральф, я буду так стараться! Даже лодку с вами буду перетаскивать волоком. Честное слово, родненький, я ужасно сильная. Слушайте! Кончаем разговоры! Вы же сами знаете, что берете меня с собой. Ральф! Может, и не так уж скверно, если Элверна будет под боком, а гнусные людишки, которые всегда все портят, — очень далеко?

Он пытался ответить ей рассудительно...

ГЛАВА XIX

Им понадобился целый день, чтобы пройти волоком три мили до Реки Туманной Скво — в обход Лосиной горы, в обход фактории Мэнтрап.

Лоренс Джекфиш сперва отказался их сопровождать, но не устоял: ему посулили два доллара в сутки сверх обычного, а за два доллара в сутки — иными словами, за целые горы красных рубах, красных шелковых носовых платков, сигарет и губных гармошек — Лоренс был готов совершить убийство, и не одно.

Но, оставаясь проводником, слугой он им больше не был. Он буравил их своими тараканьими глазками, цинично скалил кривые зубы, и вскоре Ральф уже кровожадно подумывал, не пустить ли в ход топор, когда Лоренс отвернется.

До самого вечера они, пыхтя, пробирались сквозь душную сосновую чащобу по глухой тропке в фут шириною. Воздух был тяжел и недвижим, словно в пустом заколоченном доме жарким августовским днем.

Вслед за Лоренсом, тащившим на спине перевернутую байдарку, брел Ральф, навьючив на себя такой груз — мешки с мукой, одеяла, окорока, — какой он преж-

де не взялся бы даже сдвинуть с места. Он не шел. Он только ставил вперед то одну, то другую ногу — одну — другую, одну — другую, и так без конца, и каждый шаг стоил нового усилия воли. Он выключился из жизни. Его больше не было. Оставались только сведенные болью плечи, ноющая поясница, ватные ноги. Он смутно сознавал, что за его спиною, с ношей, немногим легче его собственной, тяжело дыша, бредет Элверна. Прошло минут десять, прежде чем эта мысль настолько оформилась в его затуманенном мозгу, что он стряхнул с себя оцепенение и выговорил:

— Вы слишком много на себя взвалили, девочка. Оставьте часть, прихватим потом.

— Нет, — задыхаясь, но твердо проговорила она. — Я буду работать наравне с вами.

Ему было жаль глядеть, как бьется в паутине этот золотисто-белый мотылек, но он слишком отупел от усталости, чтобы пытаться что-то предпринять. Единственным его активным чувством был страх, как бы кто-нибудь, поднявшись на Лосиную гору по пути из фактории Мэнтрап, не заметил их и не послал им вдогонку разгневанного Джо.

До тонких этических проблем (совершил ли он благородный поступок, выручив Элверну, или подлость, предав Джо, или и то и другое) ему сейчас не было дела.

Только бы завершить этот переход; только бы вырваться наконец на простор стремительных рек, широких и безлюдных озер...

Он перенял у Лоренса манеру трусить рысцой, возвращаясь налегке за новой поклажей, и слышал, как вслед за ним старательно топочут по сухим сосновым иглам ноги Элверны. Он не оглядывался на нее, но ощущал ее дружеское присутствие.

Они трудились до вечера. Уже в темноте вскипятили чайник и набросились на бэннок с копченой грудинкой, жадно хватая еду негнушимися пальцами. Лоренс отсел в сторонку, и Ральф блаженствовал вдвоем с Элверной у невысокого костра, глядя, как пламенеют уголья в ложбинке на искрящемся кварцевом песке. Он никогда бы не поверил, что она способна хранить такое гениальное, нерушимое, такое милое молчание. И в этом молчании оба незаметно для себя погрузились в сон.

Ральф проснулся, не понимая, отчего. Сон пуховым одеялом окутывал ему голову, и Ральф не сразу стряхнул его с себя. При свете подернутых пеплом углей, в жидкой полумгле северной ночи Элверна тихо спала, свернувшись калачиком, а Лоренс, закутанный в одеяло, храпел под сеткой от мошки. Мошка. Сквозь дрему до Ральфа дошло, что разбудил его не кто иной, как самый что ни на есть прозаический комар. Потом он заметил, что Элверна смотрит на него. Она лежала в прежней позе, по-детски свернувшись в клубочек, но ему показалось, что она открыла глаза. Они были совсем близко друг от друга: только он и она.

Она сонно взглянула на него и перекатилась прямо к нему в объятия.

Его руки впились ей в бока и напряженно замерли, не смея шевельнуться. Тысячи раз он представлял себе, как это произойдет, и тысячи раз видел себя в мечтах пылким любовником. А сейчас, в смятении, он только без конца спрашивал себя: «Чего она от меня ждет?»

Ужас, откровенный ужас и полная беспомощность пришли на смену его замешательству. Ему хотелось бежать от нее.

Костер почти догорел. В темноте Ральф не столько видел, сколько угадывал ее черты. Но плечи ее были у самых его глаз; на матросской блузке зияла дыра — след дневных трудов. Он несмело поцеловал ее в ямочку над ключицей, и мгновенно его ужас и смятение исчезли. Он помедлил: сейчас она возмутится. Она только вздохнула, и придвинулась ближе, и ничего не сказала, кроме протяжного: «Ах, мой дорогой!» — и мир Ральфа Прескотта был забыт.

На заре они снова взялись за поклажу, а к полудню, едва не плача от бесконечного облегчения, погрузились на байдарку и медленно двинулись на веслах вверх по Реке Туманной Скво.

Сразу же им пришлось проделать еще два перехода по суше, но эти были короткие, эти они одолели играючи. А потом впервые в жизни Ральф принял участие в переправе через речной порог.

Основной курс был вверх по реке, но, чтобы спрятать себе путь через извилину в форме буквы S, они две мили шли вниз по течению. Так-то и случилось, что

Ральф, которого еще несколько дней назад самая мысль о порогах приводила в трепет, вынужден был переправиться через порог, полагаясь не на искусство проводников, а на собственные силы, собственную выдержку.

Они подошли к Порогу Призраков в молчании, не размышляя об опасности.

Лоренс занял место на носу. Он стоял, указывая веслом единственный верный ход сквозь kloкочущие водовороты. В тот момент, когда Ральф взял бы вправо, где течение, по всей видимости, было спокойнее, Лоренс, читая таинственные речные письма, направлял его сумасшедшим зигзагом влево; снова вправо, снова влево — и прямо, так что они едва не задели острозубую скалу.

Для Ральфа это был час испытания. Ни на секунду не переставая бояться, он уверенно работал рулевым веслом, рывками поворачивая лодку из стороны в сторону и страшно чертыхаясь сквозь зубы.

Внезапно их подхватило и понесло в последний раз; нос лодки вынырнул из воды на пять футов. Ральф прикусил губу. И так же внезапно они врезались в тихую воду, пороги были позади, и Ральф облегченно вскрикнул над поднятым веслом, так что Элверна оглянулась в изумлении, а Лоренс насмешливо фыркнул.

ГЛАВА XX

Эта неделя была подобна кошмару: шли волоком, пробирались по извилистым протокам, отталкиваясь шестью; страдали от комаров и гребли, гребли без конца, испытывая все муки ада, и лишь одно поддерживало и утешало Ральфа — неизменное мужество Элверны и ласковая улыбка на ее лице, когда наступала ее очередь грести, когда она, выбиваясь из сил, тащила волоком поклажу или сидела на привале у костра, обхватив колени маленькими расцарапанными руками, в своей некогда белой полотняной юбке, заляпанной теперь грязью.

Свое мужество она черпала в нем, веря в его мужество. И когда она доверчиво вкладывала в его руку свою и шептала: «Спасибо тебе за все», — это было для него высшей наградой за тяжкий труд.

Холодными ночами, которые наступали внезапно, после изнурительных, опаленных солнцем дней, он подолгу смотрел на нее, спящую под плохонькими, тонкими одеялами, и в его холодном сердце расцветала нежность. Подумать только, что раньше он мог уважать людей за то, что они понимают музыку Гуссена или сочинения Джеймса Джойса, хорошо одеваются и умеют держать в руках вилку, искусно возводят баррикады из деревянных слов, отгораживаясь от жизненных бурь!

Он заботливо укрывал ее собственным одеялом, а сам всю ночь дрожал под брезентом. И наутро, когда они рядышком умывали перепачканные лица ледяной водой северного озера и на их щеках вдруг оживал румянец, они улыбались друг другу, благоразумно не говоря ни слова, и Ральф Прескотт из осторожного мужчины, которому перевалило за сорок, превращался в двадцатилетнего романтика.

Они шли путем всех безумцев, которые, бросив по доброй воле жену, палисадник и домик с верандой, глухими дорогами пробирались из Белопенного в Мэнтрап или сиротливо влеклись из Мэнтрапа в Белопенное.

По Реке Туманной Скво, через Порог Призраков и Строптивный Порог, отталкиваясь шестами, перегибаясь через борт с неудобным чувством, что сейчас шест скользнет по дну и ты, потеряв равновесие, плюхнешься в реку, а потом волоком до реки Потерянной, сначала по раскаленным солнцем камням, причинявшим нестерпимую боль ногам, обутым в мокасины, а после по болоту, над которым тучами роилась мошка, люто жалившая потные шеи и натруженные запястья, они добрались наконец до озера Щучьего. Пять миль они проплыли по озеру, блаженствуя, словно Антоний и Клеопатра на своих краснокрылых ладьях.

Ральф теперь диву давался, как это еще недавно ему было не по себе в байдарке под парусом. После тяжелого пути волоком и напряженной гребли сидеть, развалиясь, в тени наполненного ветром паруса, чувствовать на обожженных солнцем щеках прохладное прикосновение ветерка, слышать, как тихонько напевает Элверна, и при этом двигаться вперед, с каждой секундой удаляясь от разъяренного Джо Истера,— такого рая он дотоле не знал.

Еще один переход волоком, убийственные пять миль сквозь чащобу, и вот они снова на просторе Озера Птицы-Громомет. Однако над озером ни ветерка; пришлось всю эту безбрежную, подернутую мертвой зыбью равнину пройти на веслах. И тут мало-помалу они почували, а потом и осознали опасность.

Ральфа уже давно смущал упорный туман, витавший в воздухе при ярком солнце. Берег был виден смутно; солнце висело в небе красным шаром и не слепило глаза; а отражение его было подобно рубиновому ожерелью на тусклой ряби жемчужно-серой воды.

Он обернулся к своим спутникам.

— Туман собирается, — сказал он неуверенно.

— Да. Это дым: где-то лес горит, — отозвался Лоренс.

— Лес? И близко?

— Не знаю. Может быть.

— Я уж давно замечаю. Только, по-моему, пожар далеко, — солгала Элверна. — Ветер разносит дым на много миль.

Страх перед погоней Ральф уже подавил. Но всякая новая опасность будоражит воображение, и теперь тяжкий труд по шестнадцать часов в сутки казался еще тяжелей от отчаянных догадок: где этот пожар и скоро ли они окажутся в страшном огненном кольце?

Поделать он тут ничего не мог. Отступить было некуда. Он был беспомощен, как на борту парохода в открытом океане.

Прежде, очутившись в таком положении, Ральф думал бы лишь о собственной шкуре; теперь первая его мысль была об Элверне. Лоренс Джекфиш пускай горит огнем, туда ему и дорога; но если пожар настигнет их (отупев от гребли, он рисовал себе эту картину мучительно долго), он защитит Элверну: накинет на нее свою куртку, спрячет ее в озере...

По карте выходило, что из Озера Птицы-Громомет в озеро Полуночное — самое большое на их пути — можно попасть по реке Плакучей. Отсюда реки текли на юг. Они поплывут по течению, и Ральф надеялся быстро и легко достичь озера Полуночного.

На закате они сделали привал у истоков реки Плакучей; алые облака застигал невидимый дым. Заходящее

солнце смотрело на них гневным красным оком; потом сгустились сумерки, и над миром нависло ощущение чего-то неотвратимого.

Встав на заре, они все утро устало молчали. Утренний воздух не освежил, и они мрачно двинулись вниз по реке Плакучей.

Сначала плавание по темным водам реки меж песчаными берегами, поросшими невысоким ивняком, обещало быть легким. Но дальше река до того обмелела, что байдарка начала задевать песчаное дно. Вскоре глубина стала не больше трех дюймов, и повсюду торчали острые камни, через которые они переносили байдарку на руках, боясь пропороть ее так сильно, что и не починишь, — ведь это означало бы голодную смерть в безлюдной пустыне.

Вместо того, чтобы стрелой лететь по красивой реке, они делали меньше мили в час; приходилось идти вброд по скользким перекатам и тащить за собой байдарку. Элверна не падала духом, но лицо у нее было страдальческое, и Ральф мучился не только за себя, но и за нее.

Комары весело роились вокруг них — эти кровожадные ничтожества были для них ужаснее, чем грозные Парки.

— Придется плюнуть на эту речку и добираться до Полуночного напрямик, посуху. Судя по карте, отсюда можно выйти к Ручью Болотных Курочек, который впадает в озеро... Конечно, карта может и врать. Места здесь почти не исследованные, — сказал Ральф.

— Ладно. Попробуем, — равнодушно согласилась Элверна.

Но Лоренс Джекфиш не сказал ни слова, Лоренс только нахмурился, и Ральф спросил себя:

«О чем он думает? Что замышляет? И долго ли будет мне повиноваться?»

Им удалось достичь Ручья Болотных Курочек и выйти наконец на простор озера Полуночного. Нечего и пытаться рассказать об их пути: это был бессвязный, неопишуемый кошмар. Ральф никогда не мог восстановить его в памяти, не мог сказать, три с половиной или четыре с половиной дня они добивались от реки Плакучей до Полуночного озера. Они шли волоком, точно в бреду: зыбучие болота, где ноги проваливались по колено; подерну-

тые пеной топи; кустарник, хлеставший их незащищенные лица, когда они брели, шатаясь под тяжестью ноши; легкие тучи презрительно звенящей мошки, назойливые слепни, которые вились у них перед самыми глазами, садились и взвивались снова с пронзительным «э-э-э-э», отчего цари природы вскрикивали, как безумные, хотя были измождены и обессилены.

А дым лесных пожаров неотступно висел над ними, но эта опасность казалась теперь такой же далекой, как Джо, который, вероятно, гнался за ними по пятам.

Они начали понимать, что им может не хватить припасов. Элверна первая решилась заговорить об этом.

Ральф не всегда был в восторге от того, что она рядом. По утрам, когда еще не был готов кофе, и потом, когда они, изнемогая, тащили байдарку волоком, его частенько раздражала ее привычка мурлыкать себе под нос, откидывать назад волосы, ее варварские обороты речи и наивное убеждение, что все на свете либо жутко и ужасно, либо роскошно и чудненько. Но он едва ли сам сознавал свое раздражение. Ее силой и терпеливым мужеством он восхищался так же горячо, как прежде восхищался Джо Истером.

— Надо садиться на голодный паек, — объявила она. — Припасов только-только хватит до Полуночного. По карте на южном берегу есть фактория. Вот доберемся до нее, тогда мы на верном пути, там и продуктами запасемся. Но надо как-то дотянуть... Видно, придется есть только два раза в день, а там, глядишь, и один.

— Да, выходит, так, — со вздохом сказал Ральф.

Копченая грудинка три раза в день — вот все (если не считать Элверны), что ему теперь нужно было для райского блаженства.

— Слушай, Лоренс, не хватай зараз столько бэннок! Надо сократиться, — сказала Элверна как можно мягче, но индеец насупился.

Чтобы как-то пополнить запасы, они останавливались в каждой болотистой заводи, где могли надеяться выловить хотя бы щуренка. Но рыбы было мало, а долгие задержки усугубляли их страх перед надвигавшимся лесным пожаром.

Час за часом — а каждый был долог, как день, — пробирались они через болота, топи и лесные чащи, молча,

ничего не видя вокруг, и когда наконец, пройдя тенистую березовую рощу, увидели Ручей Болотных Курочек, Элверна остановилась, и по лицу ее, перепачканному, как у чумазого ребенка, потекли слезы облегчения, а Ральф был так измучен, что даже не почувствовал облегчения, не в силах был даже успокоить ее.

Впрочем, грести по течению было легко, и уже через час, на пути к озеру Полуночному, по которому парус понесет их туда, где вдоволь благословенной еды, оба воспрянули духом; на их лицах снова появилась улыбка.

Но как им хотелось есть!

В одном заливчике, пониже переката, Ральф забросил блесну и сразу же вытащил десятифунтовую щуку, которая показалась им прекрасней всех небесных светил. Они развели костер и, не дождавшись, пока рыба изжарится, рвали ее на куски своими черными руками, полусырую, как дикари, и Ральф, отдав Элверне более прожаренный кусок, совершил первый героический поступок в своей жизни.

Теперь он был уверен, что все невзгоды позади, но эта уверенность ему самому казалась шаткой. Когда воды ручья влились в величественный простор озера Полуночного, его снова обступили дурные предчувствия.

Эти суровые воды выглядели зловеще. Он понял, почему озеро называется Полуночным, когда увидел эту темную бездонную гладь. Озеро было спокойно; оно раскинулось вширь, как огромная плита черного мрамора. Но выйти на этот угрюмый простор в байдарке было не менее рискованно, чем в открытый океан.

«Коварная штука. И ни единого островка, негде укрыться. Интересно, часто здесь штормит?» — думал Ральф. Но скрыл свое беспокойство от Элверны.

Штормило часто.

Не успели они пройти на веслах и полумили, как поднялся ветер. Ветер был попутный, им следовало пользоваться. Ральф с облегчением заметил, что Лоренс старается держать как можно ближе к восточному берегу, и все же близко подойти не удавалось, потому что берег был извилистый, со множеством заливов и мысов. Ральф прикинул, что они ни разу не отошли от берега дальше чем на милю, но с таким же успехом они могли быть и в сотне миль от него. Если байдарка перевер-

нется, ни ему, ни Элверне не проплыть и полумили, а трусливый Лоренс пальцем не шевельнет, чтобы их спасти.

Неужели до тех далеких деревьев, что окаймляют берег, всего милья? Ральф посмотрел на юг, потом на запад: сто двадцать миль до южного берега озера и сорок — до западного. С низкой байдарки темная ширь озера Полуночного казалась страшнее, чем замкнутый круг пустыни.

Он недолго носился с этими мыслями. Теперь он уже не мог позволить себе такую роскошь, как нерешительность; и когда Лоренс предложил пристать к берегу и приготовить поесть, а такая остановка позволила бы на полчаса забыть об опасности, Ральф резко сказал:

— Нет, плывем дальше. Ветер может перемениться.

Если верить карте, место, где они в тот вечер разбили лагерь, находилось на полпути до Белопенного и всех благ цивилизации, сосредоточенных в гостинице Берта Бангера.

На ужин была только грудинка и чай без молока.

В пятом часу утра, когда Ральф проснулся и вылез из палатки, протирая заспанные глаза, весь мир был окутан таинственным туманом. Озеро виднелось серым пятном, почти недвижимое, только в легких узорах ряби. Он почувствовал бодрящее прикосновение сырого тумана. Земля казалась обновленной, странно молодой, отдохнувшей, и если бы не призрак Джо, Ральф был бы полон только радости и отваги.

Внезапно он обнаружил, что их лагерь выглядит как-то не так, совсем не так, как нужно, не хватает чего-то очень важного. Не было байдарки, которая обычно лежала, перевернутая вверх дном, на берегу. Ее не было нигде. Не видно было и Лоренса Джекфиша под сеткой от комаров.

— Лоренс! Лоренс!

В его голосе звенело отчаяние.

Из палатки показалась Элверна, сонная и взъерошенная.

— Ральф, что случилось?

— Нет ни Лоренса, ни байдарки. Ну, да он, верно, на озере, ловит рыбу к завтраку. Из-за этого тумана собственного носа не видеть.

Она недоверчиво огляделась по сторонам, бросилась к брезенту, которым были накрыты их припасы.

— Нет. Поминай как звали, — сказала она решительно. — Он забрал весь провиант, оставил только горсть муки, четверть банки сала и щепотку чая. Все забрал, подчистую. А нас бросил подыхать с голоду.

ГЛАВА XXI

Она не плакала, не ругалась. Оба они кривили душой; они уверяли друг друга, что Лоренс непременно вернется. Но взгляды их, встречаясь, откровенно выдавали их мрачные предчувствия.

— Давай подождем полдня, может, он еще вернется, — сказала она.

— Да... Ах, черт! Остались без лодки! Что ж, попробуем добраться до фактории пешком. Интересно, далеко это? Прикинь-ка по карте, Эл.

— Миль восемьдесят, не меньше, конечно, если сумеем пройти берегом или хоть близко от него и если впереди нет обрывов и непроходимых чащоб, а то оттеснят нас от озера — в два счета заблудимся. Но как бы то ни было, дорогой мой... — голос ее звучал бодро, — ...скажи спасибо, что Лоренс не утащил с собой леску и крючок с блесной. Спичек у меня хватит, всегда можно наловить рыбы и сварить в ее собственном благословенном соку. И револьвер у меня есть и сумка патронов... Возможно, два последних нам особенно пригодятся.

До полудня они прождали, сидя на берегу, — малые дети, брошенные на произвол судьбы, черпающие храбрость только друг в друге. Они были похожи на дикарей. Ральф четыре дня не брился. Раньше, когда достойнейшие Джесси и Луи работали за него веслами, он мог позволить себе роскошь ежедневно бриться в байдарке, положив на колени зеркальце и макая кисточку за борт. Но с тех пор, как началось это отчаянное бегство, у него не было свободной минуты. На лице его появились обильные всходы черной щетины, под ногтями была грязная кайма, парусиновая куртка, некогда краса и гордость лощеных молодых знатоков спорта от «Фултона и Хатчинсона», была облеплена рыбьей чешуей, усеяна пятна-

ми утиной и дупелиной крови, покрыта запекшейся серой грязью.

Но губы его обрели злую твердость. Они уже не были уныло опущены, не кривились в мучительном и пустом философствовании.

Элверна стала похожа на бродячую цыганку. Словно лесной дух, сидела она подле него, тихая, безропотная, пересыпая гальку из одной руки в другую. Ее белая блузка и юбка изорвались и покрылись грязными разводами. Она гладко причесала свои светлые, коротко подстриженные волосы и старательно умылась холодной озерной водой, но утром, поджаривая бэннок, она посадила себе на щеку забавный мазок сажи и чем-то напоминала сейчас нахального фокстерьера с черным пятном на морде. Один чулок был порван, другой вообще пришлось выбросить, парусиновая туфля на одной ноге разодралась, а по краям дыры запеклась кровь. Но в спокойных, плавных линиях ее тела сквозила уверенность, и с такой же уверенностью она шепнула ему:

— Не знаю, как ты на это посмотришь, но я сейчас спою «В три часа ночи». Когда приедем в Виннипег, обязательно своди меня на танцы, а уж после можешь отправить в Миннеаполис и забыть, если, конечно, мы вообще отсюда выберемся.

Но она недолго выдержала этот тон.

Она сказала жалобно:

— Наверно, миленький, нам суждено умереть вместе.— И улынулась.— Тебе очень не хочется?

Он храбро солгал.

Она вдруг вскочила с места.

— Надо хоть для виду делом заняться. Пойду выстираю эту жуткую юбку. Мыла у нас кот наплакал, попробую песком. А тебе, Ральф, не грех побриться, это ничуть не испортит твою мужественную красоту. Не угодно ли маникюр, сэр, ультрафиолетовое облучение?

И он побрился холодной водой, покрыв щеки тонкой пленкой пены от единственного плохонького розового обмылка. Бриться было больно. А она проворно выстирала не только свой грязный матросский костюм, но и великолепные красные носовые платки Ральфа; стоя на коленях у озера, склонившись к воде, она напевала, терла, полоскала, как итальянская прачка на берегу Тибра.

Лоренса они уже не ждали.

В полдень, доев с притворным аппетитом последние крохи бэннока и единственную захудалую шуку, которую Ральфу удалось поймать на блесну с берега, они пустились в дорогу. Для пути в сто миль ноша была тяжела, а ведь они бросили палатку, любимое черное платье и туфли Элверны; бросили все, кроме одеял, муки, сала, рыболовных снастей, револьвера, спичек, mosquito-сетки и единственной сковороды, которую им соблаговолил оставить добрый Лоренс.

Но все же Ральф взял бархатную, расшитую алым бисером сумочку Элверны с помадой, румянами, пудрой, тремя крохотными платочками и драгоценным обмылком.

— Да брось ты эту дурацкую сумку, — сказала она со вздохом.

— Нет. Это все, что осталось от прежней Элверны... А от прежнего Ральфа вообще ничего не осталось!

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Все вернется, как только снова попадешь в культурную обстановку. А меня ты возненавидишь.

— Никогда! Знаешь, что мы сделаем? Напишем Джо и потребуем развода.

— Не надо, милый. Прошу тебя! Не будем строить планов. Не будем ничего загадывать.

Она побрела вдоль озера, и он двинулся следом за ней.

Три мили им удалось пройти берегом. Каждый шаг по сыпучему песку был мучительно труден, но по крайней мере они знали, что идут правильно. А потом перед ними поднялись обрывы. Некоторое время они пробирались меж сосновых стволов по самой кромке обрыва, высоко над озером. В одном месте им пришлось пятьдесят футов преодолеть боком, хватаясь за ветки и кусты, повисая над крутизной. А потом, когда обрывы оттеснили их от озера в лес, они на каждом шагу в страхе искали глазами блеск воды среди деревьев. И вот они потеряли озеро, потеряли направление, они бросились бежать, охваченные ужасом, испуганно переглядываясь, пока не заплутались совершенно в сосновой чаще. А когда, проравшись сквозь нее, вдруг снова увидели озеро, Элверна медленно опустилась на каменистую землю и истошно завопила, а он стоял рядом и гладил ее по голове.

Обрывы кончились, и теперь они медленно шли по твердой гальке краем грязной трясины. Когда в сумерки они остановились, оказалось, что за десять часов они прошли четырнадцать миль из восьмидесяти, или ста, или — если путь преградят заливы, не обозначенные на их неточной карте, — может быть, из двухсот, а провианта у них осталось едва на сутки.

Ему не удалось поймать ни одной рыбки, и они поужинали пустым чаем без молока и сахара и кусочком бэннока, а потом завернулись в одеяла, кое-как растянув над собою на колышках сетки от комаров.

Все следующее утро, пока они с трудом прокладывали себе путь, Ральф думал только о мужестве Элверны, бредущей без единой жалобы, об усиливающемся запахе дыма неведомых лесных пожаров, о том, что его мокасины и калоши протерлись и острые камни причиняют ногам нестерпимую боль, и о том, как дико и невероятно все происходящее.

Просто невысказано, что он, мистер Прескотт из фирмы «Бизли, Прескотт, Брон и Брон», Ральф Прескотт, член Йельского клуба, Р. И. Прескотт, троюродный брат первого секретаря посольства, оборванный, как бродяга, умирает с голоду в северной глуши; что недавняя игра обернулась неминуемой опасностью, а в бывшей маникюрше воплотился для него весь смысл жизни.

В полдень, когда они сделали привал, Элверна, которая сидела на скользкой скале, глядя, как он забрасывает блесну, вдруг резко вскрикнула:

— Ральф! Я слышу аэроплан!

— Милая, ты с ума сошла! Скоро ты услышишь, как Крейслер играет на скрипке! Тебе надо... Пстой! И я слышу! Нет, кажется, лодочный мотор. А вдруг это Джо... Нет! Действительно аэроплан!

Вдали над озером, в воздухе, дымном от лесных пожаров, появилось пятнышко; оно быстро увеличивалось, жужжание с каждым мигом нарастало, и вот уже, не веря своим глазам, он увидел самолет.

— Они нас спасут! Помаши им! Мы спасены! — Элверна запрыгала на берегу и сгоряча вбежала в воду, размахивая платком.

Ральф, сорвав с головы свою грязную парусиновую шляпу, бросился вслед за ней.

Теперь, когда пришла помощь, ему было немного грустно, что их приключение кончилось и он снова всего лишь мистер Прескотт из Нью-Йорка.

Это был гидроплан. Пилот летел низко. Он увидел их, описал большой круг, сел на озеро и подрулил к берегу, вздымая каскады воды, здесь, в пустынном сосновом царстве, на безжизненном озере, это показалось столь же невероятным, как гондола с поющими девами.

Гидроплан остановился у берега, и Ральф с Элверной, подбежав, прильнули к нему, с почти бессмысленными от неожиданного счастья лицами, жадно разглядывая сидящих в нем людей.

В гидроплане были трое. Летчик буркнул:

— Ну, что случилось?

— Моя фамилия Прескотт... я из Нью-Йорка. Путешествовал и рыбачил здесь. А это... м-м... моя жена. У нас кончились припасы, проводник-индеец нас бросил. И байдарку угнал. Мы буквально умираем с голоду и вряд ли доберемся до ближайшей фактории. Вы не могли бы взять нас с собой?

— Понимаете, я летчик Канадских военно-воздушных сил, а эти двое — лесники, специалисты по борьбе с лесными пожарами. С удовольствием взял бы вас, но не могу. Сами видите, у нас тут повернуться негде.

А Элверна, та самая Элверна, которая столько дней была воплощением самоотверженной преданности Ральфу, вдруг оживилась при виде трех молодых мужчин, особенно военного летчика, который, как ревниво отметил Ральф, был чертовски похож на Кудрявого Эванса. Она улыбалась им, охорашиваясь, взбивая волосы. Непостижимым образом она уже успела накрасить губы.

Она сказала игриво:

— Ах, майор, не оставите же вы нас здесь! Или у вас совсем нет сердца? Как это можно! А я-то думала, офицеры все такие любезные!..

Летчик был неумолим.

— Вы же сами видите, мадам: у меня нет места. И я не майор! Пожалуй, один из лесников мог бы остаться с вашим мужем, а свое место уступить вам, но мы спешим на борьбу с лесными пожарами: надо предупредить население и проложить защитные полосы. Нам и задерживаться нельзя ни на минуту. К тому же с нами вы

рисковали бы сгореть заживо. Мы летим в самое пекло. Впрочем... Слушайте, Прескотт, вы и здесь глядите в оба. Пожар идет в эту сторону.

Тогда она завывала странным, тихим, безнадежным во-ем. Всю ее игривость как рукой сняло... Но и этих минут было достаточно, чтобы Ральф забыл всю ее преданность и снова потерял веру в нее.

Трое в гидроплане сочувственно переглянулись. Один из лесников предложил:

— Давайте оставим им еды и складную лодку с парой гребков.

— Идет, — согласились остальные.

Пока лесники выгружали лодку, кусок свиной грудинки, мешочек муки, жестянку с салом и волшебню прекрасную банку с кукурузой, летчик осведомился:

— Так проводник, говорите, вас бросил? Редкий случай. А вы в каких краях были?

— Мы... э-э... провели несколько дней в Мэнтрапе, — ответил Ральф.

— Вот как? Говорят, у Джо Истера... лесник, у которого мы ночевали, сказал, что у Джо Истера, тамошнего купца, какой-то малый увел жену, и этот Истер теперь гонится за ними. Сам-то я ее не видал, но говорят, красotka...

Летчик вдруг перестал улыбаться, на лице его застыло подозрение. Он перевел взгляд с Ральфа на Элверну.

Вероятно, вид у них был равнодушный и невинный — слишком невинный.

Летчик продолжал сухо:

— А на Ручье Болотных Курочек я видел лодку, плывущую сюда, в сторону озера, и в ней человека, который, насколько можно судить с высоты пятисот футов, сильно омахивает на Джо Истера. Так что, будь у меня совесть нечиста, я бы поскорей уносил отсюда ноги... Ну как, Крамер, все? Отлично. Счастливо оставаться. Берегитесь огня, биваком становитесь у самой воды.

Один из лесников оттолкнул гидроплан и слегка развернул его, другой крутанул пропеллер, и вот уже небесный спаситель уносится прочь, среди вспененных волн и нестерпимого рева, отрывается от воды и набирает высоту.

В наступившей тишине Ральф посмотрел на Элверну. Теперь он не сердился и не презирал ее за неразборчивое кокетство, он дошел до того, что старался убедить себя, будто она заигрывала с летчиком только ради их спасения.

— Давай-ка поторапливаться. И не вешай носа, — сказала она. — Может, Джо нас и не заметит. Как завидим его, причалим потихоньку к берегу и спрячемся.

Прятаться от Джо Истера — от друга — было Ральфу отвратительно. У него отняли всю романтику. Он молча оглядел ненадежную складную лодку.

Спущенная на воду, она напоминала парусиновую мыльницу длиною в шесть футов. Сидеть в ней приходилось на корточках. Лодка была неустойчива, страшно неудобна, но они поспешно погрузили свои немногочисленные пожитки и, забыв про голод, отчалили.

Озеро было беспокойно. Постепенно волнение усиливалось. Ни он, ни она еще не выучились орудовать гребками: они не умели встречать волну и разворачиваться к ней носом. Вода то и дело захлестывала их парусиновую площадку, и Элверна непрерывно окунала и отжимала за борт пучок мха, словно губку, а Ральф боролся с ветром. Они старались держать вдоль берега, но их все время относило, и Ральф не мог отвязаться от мысли, что, когда лодка пойдет ко дну, его тело, наверно, прибьет к другому берегу и оно будет болтаться там на отмели.

Но другая мысль была еще неотвязнее. Теперь, когда снова рухнули сладостные иллюзии, связанные с Элверной, когда Джо, очевидно, гнался за ними по пятам, он стал задумываться. Он живо видел перед собой Джо, вспоминал его доверчивые глаза, неизменную доброту, честность и мужество. До сих пор ему удавалось бороться с этим видением и беспечно убеждать себя: «Джо просто дурак. Хороший друг, но в любовных делах сущий идиот. Он ее не понимал. А я понял! Он не мог ее удержать. А я могу! И не чувствую за собой никакой вины».

Теперь он чувствовал за собой вину, и немалую; никакие доводы — что, мол, если б не он, она ушла бы в лес и умерла с голоду — не могли его успокоить.

И все же рассудок и голос совести оказывались бесильны перед молодостью Элверны. Это была его первая

любовь, первый раз в жизни он решился отбросить осторожность и достоинство. Что ж! Если судьба ополчилась на него, он, хоть недолго, пожил полной жизнью!

Так думал он, борясь с набегающей волной.

Они приближались к мысу, который на несколько миль врезался в бурное озеро, туда, где парусиновой лодке не продержаться и минуты. Они с мучительным трудом ползли вдоль мыса. Добравшись до его оконечности, они со страхом оглянулись назад.

— Дальше нам не пройти. Ветер прямо в лоб. Придется ждать здесь, пока буря не уляжется, — сказал он с отчаянием.

Но никакие страхи, никакое раскаяние не могли омрачить божественного наслаждения едой — жирной свиной, сытным бэнноком, настоящей дивной кукурузой из красивой жестянки, кое-как вскрытой ножом, который Ральф носил у пояса.

Пока они плыли, Элверна была молчалива, работала, не щадя себя. Жаря бэннок в растопленном сале, она что-то непрестанно мурлыкала (правда, один раз он перехватил ее испытующий взгляд: посмотрела, производит ли это на него впечатление). Когда после пиршества они блаженно развалились на земле, она сказала нерешительно:

— Но мы ведь не уверены, что он видел именно Джо.

— Конечно, нет.

— Так нечего вешать нос. Да Джо нипочем не сообщит, что мы поплыли этим путем. Мне сейчас море по колено: есть что жевать, есть миленькая лодочка, которая... чтоб ей провалиться! — Ее попытка беззаботно рассмеяться была просто великолепна. — Доберемся до фактории, возьмем там настоящую байдарку, другого индейца-проводника. И целых две жестянки кукурузы! Я проглочу обе за один присест, вот так — ам! У тебя денег хватит?

— Да, вероятно. Ну и ветер; не унимается, черт..

— Ах, отдохнем спокойно. У тебя в самом деле много денег?

— Еще бы!

— Ты, наверно, ужасно богатый?

— Нет... но зарабатываю прилично.

— Сколько, Ральф? Я даже представить себе не могу. Четыре тысячи в год? Четыреста?

— Ну, скажем, около сорока.

— Сорок тысяч долларов в год! Ого! Надеюсь, у тебя кое-что отложено на черный день: ведь когда мы доберемся до Виннипега, тебе придется одолжить мне на дорогу домой и на платье, да еще на туфли и чулки. Подумать только: снова надеть чистые шелковые чулки!

— Ну, это проще простого, покупай хоть две пары.

— Ральф!

— А?

— Ральф, миленький!

— Что, девочка?

— Ты, кажется... Ты рассердился, что я заигрывала с тем летчиком. Я видела.

— Ну, естественно, ты должна была постараться уломать его, чтобы он взял нас...

— Нет. Не надо врать. Все эти дни мы были честны друг с другом, и, черт знает, до чего это было приятно, даже удивительно! Такого, кажется, не бывало у меня с тех самых пор, как я крутила со стариком учителем в шестом классе! Ты меня ненавидел, когда я постреливала глазами в этого летчика... Ох, послушай только, на каком я изъясняюсь старомодном жаргоне — образца девятисотого года! Сама не знаю, чего это мне вспомнился тот старик!.. Но я вот что хотела сказать: тебе было не очень-то приятно, когда я пробовала его заарканить. Ты подумал, а не возьмусь ли я за старое, как только мы опять попадем в город. Разве нет, дорогой? Ну, скажи честно.

— Да, было такое дело.

— Сейчас я тебе поднесу сюрприз. Я и сама так подумала! Ах, видно, я неисправимая пиявка. Непременно должна присосаться ко всякому мужчине, какой только попадется на глаза. Но мне как-то казалось, что за последние дни я отстала от этого... Ральф, милый, что же нам делать?

— Не знаю.

— Это ведь палка о двух концах! Положим, мне удастся получить развод. Положим, ты решишь, что должен жениться на мне...

— «Должен»! Бог мой, да разве ты не знаешь, как ты мне дорога!

— Да, конечно! Дорога! Но когда ты вернешься домой, когда снова станешь ловким адвокатом, заваленным делами по горло... Допустим, ты на мне женишься. О, я буду учиться, как шестнадцать профессоров, и в конце концов научусь выбирать выражения, но, может статься, когда пропущу коктейль-другой, язык у меня развяжется, и я вгоню в конфуз твоих двоюродных сестричек или братьев (а у тебя их, конечно, вагон и маленькая тележка), и они скажут: «Эта девка — простая маникюрша, и больше ничего», — и плакало тогда твое положение в обществе. И ты начнешь думать, что подложил Джо свинью, и... возненавидишь меня.

— Какое это имеет значение? Элверна! Девочка моя! И все же... не могла бы ты отучиться флиртовать? Разве ты не знаешь...

— Бедный мой оловянный солдатик! Ты еще даже не умеешь сказать: «Я тебя люблю». Даже этому не выучился. Конечно, знаю. И еще знаю... да, после того, как мы столько голодали вместе и я поняла, до чего ты умный и самостоятельный, я никогда... наверно, никогда не влюблюсь в другого. Но я не допущу, чтобы ты стыдился меня. Мне этого не вынести, милый. Именно потому, что ты мне нравишься! Пропадай все пропадом!

И она побежала по берегу прочь от него. А он лежал на песке, подложив руку под тяжелую от усталости голову, и старался думать, но у него ничего решительно не получалось.

Он вздрогнул, услышав над собой ее пронзительный крик:

— Ральф! Ральф! Кажется, лодка Джо! Ой, умру от страха! Может быть, и не Джо, но...

Ральф разом сел. Вдалеке слышалось негромкое борготание мотора; на севере он увидел над водою пятнышко и за несколько миль разглядел нос байдарки, взлетающей на волны.

Ветер все крепчал, нечего было надеяться, что он изменит направление, а бежать по берегу в лес не имело никакого смысла. Там они умрут с голоду, если прежде не сгорят заживо в лесном пожаре. Нет, уж лучше остаться, по крайней мере смерть будет быстрой.

Ральф понял, что теперь он на волоске от смерти. Он помнил, как неумолимо смотрели светлые глаза Джо на этого резвого осла, Э. Вэссона Вудбери.

Он подумал, не выстрелить ли в Джо первым. Взять у Элверны револьвер...

Нет. Не говоря уж о том, что он вполне мог промахнуться — а это было бы совсем уже нелепо,— он получил столь старомодное воспитание, что вообще не мог бы выстрелить в человека, а тем более в Джо Истера, которого любил так же сильно, как обидел.

Он почувствовал, что Элверна, точно котенок, трется об его руку. Он поцеловал ее в последний раз и теперь стоял, оборванный и грязный, но гордый, с высоко поднятой головой, глядя, как приближается неизвестная лодка.

ГЛАВА XXII

Сомнений не оставалось. Худощавый человек, сгорбившийся над рулем, был Джо.

Всякий раз, с воем взлетая на волну, его лодка наполовину выпрыгивала из воды, а погружаясь снова, вздымала носом фонтаны сверкающих брызг. Когда она развернулась, чтобы причалить к берегу, ее захлестнула волна, и стоявший на носу индеец стал отчаянно работать веслом, не давая ей опрокинуться. Но Джо встал на ноги так спокойно, словно был уже на берегу; он небрежно помахал им рукой и, повернувшись спиною, заглушил мотор.

«А я мог его застрелить», — подумал Ральф.

Байдарку несло вдоль мыса. Джо спрыгнул в воду, вытащил суденышко на берег и стоял, рассматривая оборванных беглецов, которые ждали, держась за руки. Он ничем не проявлял гнева: глаза его смотрели без всякого выражения, губы были неподвижны, но руки он Ральфу не протянул, а Джо Истер обычно жал при встрече руку, если не сжимал кулак.

Они ждали, а это лицо, словно высеченное из красного гранита, грозно маячило над ними, и наконец Ральф вскрикнул:

— Слушай, кончай скорее! Можешь стрелять! У меня нет сил оправдываться. Мы тут подыхали с голоду.

Ну, стреляй же! Но знай, что ты с ней обходился скверно. Что ж, твоя взяла. Ты спас ее от меня.

Глаза Джо расширились и смягчились, голос стал совсем мягким.

— Я здесь не для того, чтоб спасать ее. Я думал спасти тебя!

— Не хочу я, чтоб меня спасали! — истерически кричал Ральф. — Меня не запугаешь! И ее тебе больше не запугать!

— Да что ты, Ральф! Неужели я стал бы тебя запугивать. Я тебя очень уважаю! Мне никто так не нравится, как ты, разве только Па Бак. Я даже надеялся, что мы станем друзьями на всю жизнь. И...

Тут он словно в первый раз заметил Элверну, его взгляд остановился на ней задумчиво и неприязненно. Потом он снова повернулся к Ральфу и тепло посмотрел на него.

— Индейцы сказали мне, в какую сторону вы поплыли, и я сразу догадался, что она тебя уговорила взять ее с собой. Я знаю, ты человек долга. Ну, я и подумал, что когда ты отсюда выберешься и вернешься в Нью-Йорк, то сочтешь своим долгом остаться с ней. А уж тогда плохо твое дело. Вот от чего я хотел тебя спасти. Ты бы ее возненавидел. Да, поначалу и я был не лучше других. С ума сходил при мысли, что моя жена может кого-то предпочесть такому великому и благородному герою, как я. Но с этим я справился и... Ни одна женщина на свете, скажу тебе, не стоит того, чтоб ради нее пожертвовать настоящей дружбой. А тем более эта женщина, Ральф. Она хоть и милая, но она дрянь. У них с Кудрявым Эвансом дело далеко зашло, дальше некуда.

— Неправда! — пискнула Элверна, но Джо заглушил ее слабый голос.

— Сколько их еще было, не знаю. Но про Кудрявого знаю наверняка. Я все думал, она образумится. Но теперь вижу, на это надеяться нечего. Я на ней поставил крест. Но я не хочу, чтоб она и твою жизнь изгадила, Ральф. Я доставлю вас обоих в Виннипег, посажу се в миннеаполисский поезд и распрощаюсь с тобой. Или, может быть, ты захочешь снова попробовать отыскать своего друга Вудберн.

Голос у Джо был безжизненный, и Ральф тоже чувствовал себя безжизненным, унылым и никчемным во время этого нелепо вежливого разговора, этого многословного возврата к пошлым будням после головокружительных приключений.

Он присел на песок; Элверна села рядом с ним, а Джо — напротив, к ним лицом; он с бессмысленным видом скреб подбородок и твердил:

— Да, можешь снарядиться в фактории, здесь на озере, и догонять Вудбери.

— Могу, — пробормотал Ральф. — Но он мне теперь безразличен. А Элверна нет! Надеюсь, я сумею кое-что сделать для нее. Понимаешь, я решил взять ее в Нью-Йорк. Там я дам ей образование...

— Ну нет. Довольно она бед натворила. Будет жить у моей тетки в Айове, — равнодушно отрезал Джо. — И если научится прилично себя вести, тогда, может быть...

— К черту!

Это выкрикнула Элверна. Она вскочила, сжав кулаки.

— Надоели вы мне оба! Вы, мужчины, думаете, что можете распоряжаться мной, думаете, меня можно покупать, продавать, дарить, как собаку. Что ж, раньше действительно было можно. Но теперь кончено. После того, что я пережила, не выйдет! Ральф! Разве я хныкала?

— Нет.

— Отлынивала от работы? Бездельничала? Трусила?

— Ни разу.

— Вот видишь. А ты, Джо Истер, или убей меня, или заткни глотку. Застрели меня, если тебе угодно, плевать я на это хотела. Но в содержанки я больше не пойду. Эх ты, дурак! Безмозглый дурачок! Я была просто шалым ребенком, девочкой. А ты хотел превратить меня в старуху вроде мамыши Макгавити, только такую, с которой приятней спать. Не стану я жить с твоей драгоценной тетушкой! И назад не вернусь, не желаю быть манекюршей. Захочу — свою парикмахерскую открою. А захочу — поеду с Ральфом в Нью-Йорк. Но теперь я сама буду решать, понятно?

— Ты сделаешь то, что я тебе велю... — начал Джо.

— Серьезно? А ну, взгляни сюда!

Не сумасбродная девчонка из Мэнтрапа, у которой взрывы ребяческой ярости сменялись ребяческим весельем, смотрела теперь на них с высоты своего роста, а суровая, решительно подбоченившаяся женщина. Ее лицо обветрилось до черноты и было исцарапано колючками, руки огрубели и покрылись грязью, голос был непреклонен, а глаза полны бесстрашного презрения.

Мужчины тревожно переглянулись, ища друг у друга защиты от ее гнева.

— Ну... не знаю. Я устал, как собака! Путь-то нелегкий. Я... Как бы там ни было, я не допущу, чтоб ты и Ральфу испортила жизнь.— Ральф никогда не подумал бы, что Джо может говорить так кротко.— Доберемся вместе до Белопенного, а там решим, что нам всем делать.

— Нет уж, можешь возвращаться в Мэнтрап, оставь только нам немного еды,— проворчала Элверна.— Я сама все за себя решу. Или убей меня, если не можешь придумать ничего получше.

— Но... но мне уже незачем возвращаться в Мэнтрап,— сказал Джо.

— Это почему?

— Индейцы сдержали угрозу. Спалили все дотла.

— Как спалили?

— Да так. Я спал. Проснулся, чую — пахнет дымом. Я во двор, а крыша склада уже полыхает вовсю. И так занятно были освещены озеро и деревья — ярче, чем днем, при солнце, только листья светились снизу, как бы с изнанки. А у меня на складе был порядочный запас пороху, да и динамита тоже. Все взлетело на воздух. На дом, на лавку посыпались горящие бревна. Они сгорели мигом, уцелел только кусок бревенчатой стены. Настоящее пекло. Лавки-то мне не так уж и жаль было, но сердце разрывалось глядеть, как не стало нашего уютного домика. Когда он занялся, там внутри запела канарейка, а потом пискнула отчаянно: наверно, задохнулась в дыму, прежде чем изжариться. А когда огонь догорел, я нашел твою новую швейную машину, Элви. Она вся покорежилась, дерево обуглилось... Все погибло. И застраховано ничего не было. Это, конечно, работа индейцев. Они, верно, решили, что лесные пожары все рав-

но доберутся до Мэнтрапа и никто не найдет концов. Вот и все,— заключил он устало.

— Но господи, — воскликнул Ральф, — зачем же ты пустился нас догонять? Почему не попытался найти поджигателя?

— А что толку? Теперь уж поздно. Дело сделано. И, кроме того, вернулся Кудрявый. Он этим займется. К тому же... Знаешь, я их не очень-то виню. Скорей всего я и сам сделал бы то же самое, будь я индеец, да если б жрать было нечего.

— Но ты, конечно, вернешься, отстроишься снова?

— Не выйдет. Меха сгорели, а с ними и все мои деньги. И кредита мне не видать: ведь я по уши в долгах. А остаться и работать на другого, кого мне раньше всегда удавалось обскакать... после того, как у меня было собственное дело... Нет, я... пожалуй, я поеду в Виннипег и попробую поискать там работу. Ведь я... честное слово, я кое-что смыслю в мехах, и счетовод я неплохой, так что, когда у тебя и у Элви все утрясется, я пристроюсь там и забуду о прошлом...

— Джо!

Элверна уже давно смотрела на него, вся светясь жалостью. Он лег на песок, а она опустилась рядом с ним на колени, она гладила его по волосам, ласково сжимала ладонями его голову.

— Я останусь с тобой! Буду чистить, стирать, экономить, буду петь, сделаю все, чтобы тебе было хорошо! Теперь у меня есть настоящее дело! Мой дорогой, я не дам тебя им в обиду! Мой старый Джо! Мы им еще покажем! Я буду с тобой в Виннипеге или где угодно, хоть в Мэнтрапе, хоть на Северном полюсе!

Он отвел ее руки и удержал их в своих, глядя на нее с усталой нежностью.

— Нет. Ты верно сказала. Я слишком стар для тебя и слишком привык жить по-своему, а теперь я не могу даже содержать тебя прилично. Ты сделала первый шаг, Элви, теперь уж не останавливайся. Но я довезу тебя до Виннипега, и у меня еще хватит денег, чтоб тебе на первых порах прожить в Миннеаполисе, покуда не оглядишься... Так что ты, Ральф, поезжай искать Вудбери, а я позабочусь об этом ребенке.

— Ни за что,— заявил Ральф.— Я тебе пригожусь. Ведь твое положение куда хуже моего. Отныне,— это прозвучало весьма высокопарно,— мы все трое будем всегда вместе...

Элверна взорвалась смехом.

— Вот это здорово! Муж мчится за тридевять земель, чтоб накрыть нашкодившего городского парня и изменницу-женушку, а потом они все втроем сидят, треплются и устраивают полюбовный пир! Извиняюсь, но это просто умора! До чего же мужчины болтливые идиоты... А еще меня ребенком считали! Да я единственная взрослая в этой компании!

Мужчины смотрели на нее с суровым неодобрением, а она молотила кулачками по песку, задыхаясь от смеха.

— Ну, ладно, придется разбить палатку и ждать, пока ветер не ляжет. Кстати, сахар у вас есть? Нам ведь о многом надо поговорить,— сказал Джо со вздохом.

— Поговорим! Поговорим! Еще как поговорим, черт возьми! Ох, и говоруны эти мужчины! — заливалась Элверна.

ГЛАВА XXIII

Они развели костер, досыта наелись свинины, поговорили о мистере Лоренсе Джекфише и его прискорбном исчезновении.

И тут в Джо вспыхнула прежняя властность.

— Мы этого так не оставим. Сол — тот индеец, что приехал со мной,— малый надежный. Он вернется в Мэнтрап и займется этим делом. Никто больше не возьмет Лоренса в проводники!

Сидя у костра в молчании, более колючем и раздраженном, чем все их слова, они думали о том, что с ними будет. Наконец Ральф заговорил:

— Джо, мне кажется, Элверне все же лучше поехать со мной в Нью-Йорк. Если б ты только знал, до чего я к ней привязался! Конечно, смешно говорить это тебе, но раз уж мы так откровенны друг с другом, я...

Элверна бесцеремонно перебила его:

— Кажется, я уже растолковала вам обоим, мои птенчики, что крошка Элви имеет собственное мнение насчет того...

— Молчать, вы, оба!

Смиренный и сломленный Джо Истер вдруг встрепенулся, готовый к яростной борьбе.

— Я конченный человек. Я разорен. А главное, я сделал то, чего клялся никогда не делать: вздумал вмешиваться в чужие судьбы. Всегда твердил, что буду принимать людей такими, какие они есть, и не стану требовать, чтобы преподобный Диллон был добрым собутыльником, а Кудрявый Эванс читал проповеди в церкви. И все же я пытался сделать из тебя порядочную женщину, Элви, а тебя, Ральф, хотел предостеречь, чтобы не наломал дров из-за этой особы. Что ж, не вышло. Но это не моя вина. Да вы знаете, что, покуда вы оба так красиво повторяли: «Ну, убей меня», — я это самое и думал сделать?

При свете костра, в темно-красном отблеске угасающей северной зари, зловеще блеснул ствол револьвера, поднятого жилистой, нетерпеливой рукой.

— Я считал, — продолжал он задумчиво, — что я один из немногих умею жить, что называется, философски. Глупость, конечно. Но не страх перед виселицей удерживает меня от того, чтобы пристрелить вас обоих. Просто... А, черт, я так одинок! Так несчастен! Элви, ты украла у меня всех друзей: Папашу, Кудрявого, а теперь и Ральфа. Всех ты сделала подлецами. И себя ты тоже у меня украла. А теперь ты заставила меня понять, что, пожалуй, твоя милая, глупая головка не совсем пуста и мне уж больше над тобой не командовать. Но только я еще потребую кое-чего. Хочу поглядеть, много ли храбрости у мистера Ральфа Прескотта! Один из нас, Элви, поедет с ним в Нью-Йорк, или ты, или я. Он сможет подыскать мне там хорошее место, скажем, где-нибудь в большом магазине мехов или туристского снаряжения или еще где. Или ты поедешь с ним, а я исчезну. Я знаю... Когда проживешь несколько зим в хижине один на один с другим человеком, промышляя меха, здорово начинаешь смыслить в этой странной штуке, которую Ральф называет психологией. Я знаю, Ральф считает меня, можно сказать, чуть ли не лучшим своим другом. Конечно, по его мнению, я не умею держать себя за столом, но, думаю, он с охотой заглядывал бы иногда вечером ко мне в нью-йоркские

меблирашки... в мою — ну, скажем, это будет гостиная и она же спальня — поговорить по душам, как мужчина с женщиной, когда устанет от своих чересчур образованных друзей. И он должен выбрать — сейчас, сию минуту! — между мной и тобой. Ну, Ральф, что скажешь?

Ральф перевел взгляд с обветренного лица Джо, живого, как буря, на красивые губы Элверны, живые, как жаворонок в поднебесье. Выбора не было. Просто не могло быть.

Но в этот миг Элверна прежним игривым движением откинула назад светлые блестящие волосы и заявила, кокетливо посмеиваясь:

— Нет уж, выбирать буду я! Если распрекрасный Ральфи или кто другой думает, что я буду сидеть и дожидаться, покуда мне скажут...

— *А ну, замолчи!*

Оба гаркнули это разом, с одинаковой пугающей резкостью. И она запнулась, умолкла под этим единодушным натиском.

Внезапно Ральф избавился от страха и неуверенности этих безумных, невысказанных дней. Быть может, он обрел благоразумие, быть может, снова стал трусом, каким был прежде, живя в безопасности. Верно одно: он убоился беспокойных чар Элверны и с чувством благодарности вернулся к надежной дружбе Джо Истера.

— Ты действительно хочешь в Нью-Йорк, Джо?

— Да. Конечно.

Уравновешенный, но прозорливый мистер Прескотт окончательно воскрес. После всех этих недель мозг его, застывший в отчаянии и бездеятельности, заработал четко, как некогда над юридическими проблемами.

Да, приятно, если Джо Истер будет где-нибудь поблизости. Конечно, незачем мучить его, приглашая на обеды, где надменные раззолоченные женщины стали бы досаждают ему своим милым вздором, а сделать его своим спутником в долгих воскресных прогулках по Стейтен-Айленду, где они смогут вспоминать, какими смелыми и необыкновенными были на романтическом Дальнем Севере...

— Пожалуй, можно будет подыскать что-нибудь подходящее, Джо. Например, у «Фултона и Хатчинсона»,

где я купил свое походное снаряжение; думаю, что им всегда нужны спортивные эксперты. И еще у одного моего коллеги есть клиент, крупный торговец мехами. Он закупает пушнину в Сибири и Северном Китае. Ну, ты знаешь, соболей. Конечно же. Мы что-нибудь подыщем. Так едешь?

— Договорились,— сказал Джо.

Элверна медленно встала.

— Значит, я остаюсь ни с чем,— сказала она тихо.— Женщина получает свою обычную долю. А вы, птенчики...— Тон ее стал вызывающе веселым.— Ладно. Катитесь вы оба к чертям!

Она спокойно натянула на себя одеяла и, казалось, заснула. После Ральф слышал, как она плакала.

ГЛАВА XXIV

Ночью Ральф почувствовал, что ветер переменялся. Когда ложились спать, он только шевелил волосы, а теперь порывами задувал под одеяла. И еще Ральф почувствовал, что усилился едкий запах дыма, но он был слишком измучен, чтобы окончательно стряхнуть с себя сон.

А потом он понял, что Джо трясет его за плечо. В бесплотных предрассветных сумерках он увидел Джо, Элверну, индейца Сола — они стояли на фоне серого озера.

Джо проворчал:

— Вставай! Живо! Пожар идет на нас.

Воздух наполнился приглушенным, но могучим ревом, все небо на востоке светилось грязным багрянцем, вспухавшим волнами черного дыма.

— Шевелись! — скомандовал Джо.— Грузи все в лодку!

Они кинулись к припасам, тяжело дыша, скатали одеяла, бросили их в лодку Джо. Горящие ветки уже падали вокруг них и с шипением гасли в озере. Пожар подступал все ближе; он казался плотной завесой, на которой были выгравированы высокие черные сос-

ны. В наползавшем зареве Джо, растерзанный, с безумными глазами, хватал ящики и швырял в байдарку. Сол позеленел от страха, а Элверна была похожа на сумасшедшую цыганку; кроваво-красные блики играли на ее белой шее.

— Ральф! Садись с Элверной в лодку! — крикнул Джо. — Сол управится с мотором. А я сяду в вашу парусиновую, он поведет меня на буксире.

Элверна с благоговейным страхом шепнула Ральфу:

— Он хочет погибнуть ради нас!

Ральф стал возражать дрожащим голосом, в котором не было себялюбия, хотя, пожалуй, не было и особенного героизма:

— Нет, ты садись в байдарку, Джо. Я легче. Волны еще большие и... — Он заставил себя договорить с мучительным трудом: волны и в самом деле были высоченные, и это ему совсем не нравилось. — Складная лодка может затонуть...

Но Джо уже толкал его к байдарке; неумолимо стиснув его затылок стальными пальцами, он ревел:

— Сколько я должен с тобой спорить? Делай, что говорят, ясно?

Ральф очутился на носу байдарки, головокружительно высоко взлетающей на крутых волнах. Элверна сидела за его спиной, Сол старался запустить мотор, а Джо тем временем приладил буксир к складной лодке и оттолкнул байдарку от берега. А потом Ральф был так занят, так яростно орудовал веслом, отгоняя байдарку прочь от грозного бушующего пламени, что ни о чем не думал. Он не сразу сообразил, что мотор завелся. Он все орудовал веслом, словно мотор не работал, словно один он мог спасти всех, а в озере с каждой секундой все яростнее неистовствовали сполохи отраженного огня.

Отойдя на полмили, Сол заглушил мотор. Они оглянулись. Весь берег, до самой оконечности мыса, пылал. Когда зарево перескакивало с холма на холм, порой совершая фантастические прыжки в сотню ярдов, сухие сосны даже не вспыхивали, а взрывались, как подожженный целлулоид, взметая к небу раскаленные угли.

Огонь продвигался быстро. На заре, хотя мшистая земля еще тлела, огненная завеса исчезла. Но преж-

ний мирный зеленый берег превратился в жуткое кладбище черных древесных скелетов.

Ральф не помнил, когда Элверна пробралась на нос байдарки и робко взяла его за руку, но теперь она была рядом, маленькая, с грязным лицом, такая бесконечно близкая.

Со складной лодки послышался голос Джо:

— Кончилось. Высаживаемся на берег и беремся застряню.

При этом Джо встал во весь рост в мелкой лодчонке, и у Ральфа мелькнула мысль, что это опасно. Лодка перевернулась до того аккуратно и неторопливо, что Ральф не поверил своим глазам, и Джо исчез в волнах.

Они видели, как он пошел ко дну. Когда он вынырнул, отфыркиваясь и тряся взъерошенной головой, то был в добрых тридцати футах от них. Неужели он отплыл под водой? Он снова скрылся, вынырнул, подплыл к лодке и ухватился за борт.

Когда Ральф и Элверна протянули руки, чтобы помочь ему залезть в байдарку, он сказал:

— Обождите. Ральф, забавная штука — какого дурака может свалить человек! Сейчас ты будешь смеяться! Я помог вам спастись от пожара и не собирался вынырнуть. Хотел сойти с дороги. Остаться там, под водой. Но у меня заныло в носу, — сказал он жалобно, — и вода дьявольски холодная! Даже тут я неудачник, неудачник во всем. Но еще не поздно исправить дело. Я залезу в лодку, только если вы меня попросите. Отличная возможность от меня избавиться!

Его голова вровень с качающимся бортом на мрачном фоне пустынного озера была истерзанной и мокрой, как у утопленника, и глаза, которые прежде сверкали таким жгучим и неугасимым голубым огнем, теперь были красные, с сумасшедшинкой.

«Вот до чего я довел этого чудесного человека, — со щемящей тоской подумал Ральф. — Допустил, чтобы он принял меня в свою жизнь, а потом причинил ему столько страданий. Как я ненавижу себя! И как люблю ее!»

Но пока в голове у него мелькали эти мысли, он уже вопил:

— Джо, если ты утонешь, я прыгну следом!..

Элверна разрушила трагедию своей холодной быстрой простотой:

— Джо Истер, не будь дубиной. Полежай сюда, слышишь, не то простудишься насмерть. И заткнись! И ты тоже, Ральф. Помоги ему. Перекидывай ногу через борт, Джо, ну!

И когда Джо покорно залез в байдарку, она сказала:

— Вот так-то лучше. Не садись на муку, Джо, намочишь. На вот, закутайся в одеяло. Делай, что тебе говорят! А теперь слушайте меня, вы, дети!.. Ох, ну и младенцы эти мужчины! Норовят быть героями, мечтают о всяких глупостях!.. Довольно жалких разговоров. До самого Виннипега говорим только о погоде. И конец, ясно?

И они говорили о погоде — растерянный Джо и присмивший Ральф. Но это был не конец.

ГЛАВА XXV

Трое, стоявшие на вокзале в Виннипеге в ожидании миннеаполисского поезда, мало чем напоминали тех трубочистов, что, шатаясь, вошли два дня назад в Белопенное на удивление всему поселку. Ральф щеголял в сером фланелевом костюме и франтовской белой с голубым рубашке. (На нем всегда отлично сидело готовое платье.) Джо Истер был не так вылощен, но и он выглядел благопристойно в коричневом костюме, который, не спрашивая его мнения, выбрала ему жена. А сама Элверна...

Это была типичная маникюрша, самоуверенная и ослепительная, с неестественным румянцем и еще более неестественным оживлением в голосе.

Все десять минут ожидания они старательно избегали малейшей искренности. Они пытались выдать из себя какие-нибудь веселые и забавные замечания о вокзале, о пассажирах, о погоде.

Когда подали поезд, Элверна насмешливо выпалила скороговоркой:

— Ну, ребята, не смею вас больше задерживать. Мои вещички снесет носильщик.

Она протянула одному правую руку, другому — левую. Они уставились на нее, точно влюбленные школьники.

«Нет уж, мы проводим тебя до вагона», — буркнул Джо; «Конечно, мы обязательно поможем тебе сесть!» — сказал Ральф; при этом оба одинаково конфузились, ни на волос не уступая друг другу в неловкости.

— Ладно, миленькие. С вами мне будет куда веселее, — сказала она, и они неуклюже пошли следом за ней и носильщиком к спальному вагону. Они тупо смотрели, как она деловито сунула проводнику свой билет.

Потом она постояла немного, глядя на них.

— До свиданья, — сказала она.

И когда смущенные мужчины, как в бесконечном кошмаре, бесконечно медленно двигаясь, бесконечно медленно осознавая, до чего они несчастны, и так же бесконечно медленно приступая к обряду прощальных поцелуев, открыли рты, чтобы выразить приличествующие случаю чувства, она снова на миг заговорила по-человечески:

— Бедняжки! Болтливые дети, которые ничего не смыслят в серьезных вещах! Разве вы не понимаете? Не могу я жить по-вашему. Я — это я. И хочу остаться собой. И, если вы хоть немного меня любите, дайте мне остаться собой! До свиданья. Нет! *Пожалуйста!* Не входите в вагон!

Они стояли на перроне, глаза на нее через окно, пока она устраивалась в кресле пультмановского вагона, как в крошечном домике. Они видели, как она сняла шляпку и изящно — слишком изящно, слишком небрежно — сунула ее в бумажный пакет, услужливо поданный восхищенным проводником. Они видели, как она поправила волосы знакомым движением рук, тонких и ослепительно белых рук. Видели, как она тщательно посмотрелась в карманное зеркальце и напудрила нос. И ни разу даже не бросила взгляда в их сторону.

— Я не могу! — простонал Джо.

— И я, — подхватил Ральф.

И двое мужчин побрели в дальний конец перрона, сунув руки в карманы, не глядя друг на друга, с виду безразличные друг к другу, но связанные общей любовью к ветреной, беспутной и такой беззаветно отваж-

ной девчонке еще теснее, чем прежде, когда вместе смотрели в лицо смерти.

Они стояли в конце перрона, притворяясь, будто с осмысленным интересом разглядывают шпалы и рельсы, а поезд тем временем тронулся, набрал скорость и проехал мимо. И тут они увидели, что Элверна уже не наводит красоту, а сидит, уронив голову на дрожащие руки.

— Неужели мужчинам и женщинам навсегда суждено вот так причинять боль друг другу? — воскликнул Ральф.

— Да. Я так думаю, всякий, кто не согласен размениваться на мелочи, должен причинять боль себе и всем вокруг, — сказал Джо. — А теперь, Ральф, послушай меня. Нас одолело то, что сильнее нас, — враги, подкравшиеся ночью, вероломные друзья, пожар, буря и женщина. Но теперь ты поезжай домой и снова будь такой, как ты есть, а я останусь здесь и как-нибудь заработаю себе на жизнь. Незачем тебе тащить меня с собою в Нью-Йорк. Конечно, ты был очень добр, что предложил подыскать там для меня работу, но ведь я сам тебе навязался, и это все пустое. Я говорю от души. Ей-же-ей, Ральф, я даже не очень виню тебя, что ты влюбился в Элверну. Я и сам не лучше! Но теперь с этим покончено, и тебе пора вернуться к своему делу и своим друзьям, а обо мне забыть.

— Но, Джо... Да, ты первый предложил, чтобы я взял тебя в Нью-Йорк, но ты был совершенно прав. Послушай, что я тебе скажу...

Ральф говорил битых два часа, прежде чем исчерпал все доказательства того, что Джо для полного счастья совершенно необходимо поехать с ним в Нью-Йорк (а миннеаполисский поезд тем временем постукивал на перегонах), и все это время они бродили по Виннипегу, а под конец набрали на тайный кабак, где продавали превосходный шотландский виски.

Теперь, снова очутившись на городских улицах, Ральф торжествовал. Он обнаружил, что для Джо город и городской шум страшнее самых бурных речных порогов. По мере того, как сам он становился все более развязным столичным жителем, Джо все больше сникал;

и точно так же, как Джо с царственной непринужденностью командовал им в Мэнтрапе, он с царственной непринужденностью строил планы их будущего в Нью-Йорке. Возможно, причиной тут была вновь обретенная дружба, или одиночество, пронизывавшее самый воздух после отъезда Элверны, или просто виски, но он поймал себя на том, что расписывает Джо магазин спортивных товаров, который они откроют вместе в Манхэттене, отчего получают огромную прибыль и бездну удовольствия.

Так, оживленно, дружески беседуя, они пришли в гостиницу.

Из Белопенного они приехали утром и сразу же отправились покупать себе одежду. В гостиницу Ральф еще не заглядывал; он просто послал туда покупки прямо из магазинов.

— Слушай, Ральф, ты живи здесь, а я лучше пойду в «Нипигон-хауз», я там всегда останавливаюсь, — сказал Джо со вздохом. — Ей-богу, здесь для меня слишком роскошно. И больно уж смахивает на собор. Да и дорого дьявольски.

— Ты здесь у меня в гостях, как я был у тебя в Мэнтрапе, — заявил Ральф, бодрый, энергичный, решительный. — Честное слово, Джо, у меня при себе целая куча денег, аккредитивы. Слушай, доставь мне удовольствие, позволь взять расходы на себя!

— Ну что ж, если, конечно, тебе пришла такая охота.

Холл гостиницы был похож на оранжевый неф готического собора, где на высоких, обитых парчой стульях со спинками, расшитыми королевскими гербами, сидели развязные девицы, поджидая эlegantных кавалеров. Ральф высокомерно прошел через холл. Сам того не подозревая, он всем своим видом говорил попавшемуся по дороге коридорному, и развязным девицам, и их кавалерам: «Я вовсе не тот грязный, оборванный бродяга, который только сегодня заявился в город, я мистер Ральф Прескотт из Нью-Йорка, член Йельского клуба!»

Его каблуки вызывающе постукивали по сверкающему каменному полу. Зато Джо Истер плелся робкими, шаркающими шагами.

Подойдя к длинной мраморной стойке, чтобы расписаться в книге для приезжающих, Ральф вдруг услышал: — Да ведь это Прескотт! Господи! Каким ветром вас сюда занесло?

Голос был уверенный, сытый. Ральф взгляделся в его обладателя и узнал некоего Джеймса Уортингтона Вири, вице-президента нью-йоркского кредитного общества «Верность», знакомого ему по загородному клубу «Букингемская Пустошь».

Они сказали: «Ну и чудеса!» Они сказали: «Вот так встречал!» Ральф скромно дал понять, что совершил кое-какие подвиги в коварной северной глуши. Мистер Вири вскользь упомянул, что знакомится с недвижимым имуществом, оцененным в миллион долларов и состоящим под опекой его фирмы.

А Джо тем временем стоял в сторонке, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Вири сказал тоном, не допускающим возражений: — Прескотт, раз уж вы здесь, у меня к вам просьба. Сегодня вечером я приглашен в гости, будет, наверно, шотландский виски, разговоры о кредитах, и все в таком духе. Я там никого толком не знаю, встречался кое с кем на деловых завтраках, и все. Пойдемте со мной. Я позвоню хозяину и попрошу его вас пригласить.

— Но я... — Ральф запнулся. — Я не один. Со мною мой друг, мистер Истер, знаете, глава «Торговой Компании Истера»... Разрешите вас познакомить: мистер Вири, мистер Истер... Мне будет очень приятно пойти с вами после стольких недель в глуши, но только... если, конечно, они не откажутся пригласить и мистера Истера...

Чирикая без умолку, Ральф все время мучительно чувствовал, что лжет, что нет больше никакой «Торговой Компании Истера», что и в лучшую свою пору это были всего-навсего три бревенчатых хижины и что он просто постыдился сказать: «Я жалкий и слабый человек, вырвавшийся из ада, потому что мне незаслуженно повезло, а это мой друг Джо, простой, неотесанный малый, который жует табак и любит Диккенса, и он храбрее и благороднее нас с вами, вместе взятых,

и подите вы к черту со своей вечеринкой, очень она мне нужна».

Но тут он услышал, как мистер Вири в изысканных выражениях приветствует знаменитого Джозефа Истера, президента «Торговой Компании Истера», услышал, как Джо пробормотал: «Будем знакомы». Он расписался в книге за себя и за Джо, после чего властно потребовал номер из двух спален с двумя ваннами и гостиной. Он слышал, как мистер Вири распинался, заверяя, что позвонит хозяину и узнает, удобно ли ему будет привести своих на редкость интересных знакомых мистера Прескотта и мистера Истера, и немедленно даст знать мистеру Прескотту.

Они долго, холодно, но вежливо жали друг другу руки, а потом Ральф и Джо отправились в свой номер.

В маленькой, светлой, уютной гостиной были обитые ситцем кресла, лампа под розовым абажуром на столе, буфет с бокалами венецианского стекла, изготовленного в Монреале, обои под гобелен и гравюры на стенах. Кровати в спальнях были застелены премиленькими стегаными одеялами синего шелка. Ванные сверкали мрамором, никелем и кафелем.

Джо обошел номер. Он разглядывал гравюры. Шершавым красным пальцем робко коснулся светло-зеленой, расшитой серебром скатерти. Похлопал ладонью по пружинистым кроватям, как хорошая хозяйка, снимающая квартиру. Но когда он увидел ванную с душем — сплошь стекло и никель, — то застыл на месте.

Он стоял на пороге, как фермер в парижской парикмахерской.

— Вот так штука, Ральф! Да я с моей дублсней шкурой ни в жизнь не посмею раздеться тут и искупаться в этой стеклянной коробке. Вдруг кто-нибудь войдет и подымет меня на смех. Да еще это длиннущее зеркало на двери... Видно, я становлюсь скромником. А уж эта гостиная со всякими лампочками и шелковыми абажурами на манер нижних юбок... Ральф, да здесь и плюнуть боязно! Нет, я уж лучше подамся в «Ниппигон-хауз».

— Да ты через два дня ко всему этому привыкнешь. А через неделю станешь фыркать, что полотенца малы.

Ральф развернул шестифутовое мохнатое диво.

Джо смотрел на него, разинув рот.

— И это... полотенце? А я-то думал, это ковер! — Он потрогал мягкую ткань. — Да ведь им можно хоть два года кряду вытираться! Нет, брат, я просто не могу... не могу его пачкать. Слишком много приходилось мне стирать своими руками. Ни-ни. Это для меня слишком шикарно. И вот еще что, Ральф: не пойду я с тобой в гости. Сраму не оберешься. Ступай один и позабудь про меня. А я в кино потопаю.

— Чепуха! Расскажешь им что-нибудь про Север. Все придут в восторг. Это будет гвоздь программы.

И тут явился мистер Джеймс Уортингтон Вири. Ну да, конечно же, что за вопрос! Хозяин дома, некто полковник Экерс, настоятельно просит мистера Прескотта и мистера Истера пожаловать к нему. Это просто маленькая вечеринка, можно будет слегка промочить горло. Полковник Экерс жаждет услышать об их путешествии по Северу, о лесных пожарах, о торговле в кредит с индейцами.

— Но у нас нет с собой вечерних костюмов, — дипломатично заметил Ральф.

— Это неважно... Так вы придете, Истер? Полковник Экерс будет просто в отчаянии, если вы откажетесь.

Такого приглашения Джо не мог не принять. Но когда Вири ушел, он мрачно осмотрел свой коричневый костюм в большом зеркале; попытался уложить свои густые рыжие с проседью волосы гладко, как у киноактера, смочив их водой и разглаживая щеткой, пока не замычал от боли; и долго подрезал и скоблил ногти огромным складным ножом, забыв уроки, преподанные маникюршей Элверной.

С опаской вступил он вслед за Ральфом в большой ресторан гостиницы.

Ральф после надоевшей грудинки, которую он ел с жестяной тарелки, сидя на корточках, теперь откровенно наслаждался ресторанным великолепием: арочным потолком из желтого камня, гобеленами в простенках между стрельчатых окон, алыми с золотом стульями, которыми не погнушались бы даже испанские архиепископы. Но, шагая следом за метрдотелем и упиваясь дешевой радостью, что в нем сразу почуяли выгодного гостя, он оглянулся на Джо и увидел, что тот совершает

опасный и бесконечно длинный путь к столику, охваченный мучительным благоговением, не решаясь даже взглянуть на хорошеньких женщин.

Джо позволил метрдотелю усадить себя. Ральф видел, что на лбу у него блестит испарина. Меню он держал на отлете, вытянув руку и недоверчиво всматриваясь в сомкнутый строй наименований. За соседним столиком кто-то хихикнул. Джо поспешно положил меню, засунул обе руки в карманы, снова вынул их, уронил на стол и наконец спрятал широкие красные кисти на коленях.

— Нашел что-нибудь себе по вкусу, Джо? Или мне заказать?

— Мне бы... мне бы свинины,— сказал Джо с тоской.

— Разве она не надоела тебе на Севере?

— Д-да...

Метрдотель на минуту отвернулся, и Джо, воспользовавшись этим, шепнул:

— Это единственная людская еда, которую я вижу в карточке. Ради всего святого, Ральф, закажи мне что-нибудь. Я не могу! Слишком уж это для меня роскошно!

— Постой. Да ведь здесь самое что ни на есть подходящее место, именно для тебя,— и именно ты должен поехать в Нью-Йорк. Там ты увидишь много нового, стоит только робость преодолеть...

— Ага, нового хоть отбавляй, но тем временем я помру с голоду! Неужто ты думаешь, я посмею когда-нибудь сунуться сюда один? Я только раз и был в ресторане большой гостиницы и то с Элверной, я ж тебе рассказывал.

— Это уж моя забота, старина, чтобы ты получил удовольствие от большого города. Я все обдумал. Через десять лет ты будешь компаньоном Фултона и Хатчинсона. А пока что я закажу обед. Посмотрим, справлюсь ли я не хуже Элверны.

Ральфа соблазнял черепаховый суп, запеченный голубь и шампиньоны, но, горячо надеясь убедить Джо, что жизнь богатых людей не лишена своих прелестей, он заказал добрый гороховый суп, бифштекс с целым гарниром овощей и мороженое.

Они замолчали. Стоило Джо упомянуть об Элверне, и мысли о ней снова овладели Ральфом. (Наверно, она сейчас обедает одна в поезде. Одна ли?) Здесь, в этих дебрях бархата и хрусталя, он снова переживал светлые, тихие дни на озере и пустынной отмели; он с болью вспомнил измазанные сажей щеки Элверны, ее веселые, озорные глаза, ее громкий, радостный смех.

Он посмотрел на Джо и вдруг вздохнул:

— Будь я проклят! Мы оба тоскуем по ней.

— Да. Я тоскую. И всегда буду тосковать. Но ради нее самой, Ральф, мы оба, я — потому что так беден, а ты — потому что так богат, должны держаться от нее подальше.

— Да. Пожалуй, ты прав. И вот что, Джо... Давай постараемся, чтобы наша дружба была настоящей и прочной. Знаешь, мне так нужно, чтобы ты ворчал на меня, не то я опять стану мелким сутягой и погрязну в делах.

— Никто тебе не нужен.

— Все равно, ты поедешь со мной в Нью-Йорк.

— Что ж... Но предупреждаю тебя, я намерен отыскать себе там дешевую харчевню, где пол посыпан опилками, а официант ходит без воротничка, с резинками на рукавах, и буду являться туда каждый день, плевать на пол и орать: «Эй, тащи-ка сюда свинины с бобами, да пошевеливайся, не то голову оторву!» Тогда, может, я и выдержу... Мать честная! Вот это бифштекс!

Хитрость Ральфа удалась. Вид роскошного бифштекса, украшенного горошком, морковь, ломтиками картофеля и хрустящим жареным луком, открыл перед Джо новые захватывающие перспективы; и когда в девять часов за ними пришел Джеймс Уоррингтон Вири, Джо, видимо, был убежден, что в Нью-Йорке есть кое-что еще, кроме подстерегающих на каждом углу хорошеньких женщин и высокомерных официантов, которые все как один над ним смеются.

Мистер Вири, пустив в ход средства, о которых не сохранилось сведений в анналах истории, ухитрился нанять лимузин. Джо устроился на мягком сиденье, легонько похлопывал себя по животу, согретому обильными яствами, и сиял, взирая на мир. Вид у него был

идиотски довольный. Ральф с некоторой тревогой подумал, не хватил ли он лишнего, поскольку Вири принес к ним в номер бутылку виски. Но он помнил, что Джо выпил один-единственный стаканчик виски с содовой; а когда Вири заговорил, он забыл про эти опасения.

— Да, кстати, совсем из головы вон. Вы ведь ездили на Север с неким малым по фамилии Вудбери, членом нашего загородного клуба, верно?

— Да.

— А потом вы... м-м... э-э... расстались?

— Да, и я как-то даже чувствую себя немного виноватым. Вудбери для меня не в меру болтлив, я просто не мог больше выносить его присутствия, но все же я, пожалуй, нехорошо поступил, что бросил его.

— Понимаю. Я-то всегда считал, что он просто-напросто крикун и аферист. Поэтому я удивился, когда вы поехали с ним, и нимало не удивлен, что вы его бросили. Но вот что забавно: на днях он был проездом в Виннипеге. Я встретил его в гостинице. И он сам мне сказал, что это он вас оставил, бросил, потому что вы невозможно умничали. Мне это показалось сомнительным. Я его всегда недолюбливал. Кстати, Прескотт, вы сказали, что едете с Истером в Нью-Йорк. Может быть, поедем вместе? Я уезжаю завтра вечером.

— Отлично! Едем вместе,— сказал Ральф.

Он ликовал. Элверна в Миннеаполисе сделает что-нибудь такое, неизвестно что именно, но непременно что-нибудь замечательное, достойное, высококультурное. А Джо с его помощью преуспеет на ниве торговли в Нью-Йорке. Когда-нибудь он человеколюбиво, по-отечески воссоединит преобразившуюся Элверну с преуспевающим Джо. Они будут друзьями. Он станет крестным отцом, дядюшкой и вообще благодетелем их детей. Он бросил Вудбери, но тот сам теперь оправдал его поступок своей ложью.

Все было удивительно благородно, ясно и приятно.

Обуреваемый столь высокими и лирическими чувствами, он явился в особняк полковника Экерса.

Полковник был причастен к торговле пшеницей, причастен к железным дорогам, причастен к банкам и построил себе дом величиной чуть ли не с Виндзорский замок, но куда более современный. Там были три гостиные,

библиотека с несколькими книгами и орган — если верить справочной книге Торговой палаты — самый большой к северу от Сент-Луиса.

Вечеринка была не слишком шумная. Несколько парочек усердно танцевали под радио, кучка мужчин сосредоточилась в библиотеке вокруг столика с шотландским виски и коньяками «Гран Марнье» и «Наполеон IV». Но больше всего было толстозадых мужчин, которые стояли у камина, украшенного головами лосей, головами медведей, головами горных козлов, а также рыбьи-ми чучелами, и беседовали о спорынье, поразившей пшеницу.

Они встретили Джо Истера с распростертыми объятиями. Они интересовались его мнением о щуке, которая водится в реке Мэнтрап, и о качестве шкурок выхухоля.

Джо вошел в дом не без робости, опасливо поглядывая на люстру в прихожей и амуров, витавших на потолке. Он разинул рот, увидев лакея, и когда тот лениво протянул руку за его шляпой, весьма неохотно расстался с этим символом мужественности. Когда его представили хозяйке, изукрашенной золотом, ее дочери, изукрашенной серебром, и ошеломляющей толпе других самоцветных и металлических дам, он заметно вспотел и едва заметно пробормотал:

— Рад с вами познакомиться, не совсем расслышал ваше имя.

«Хлопотное будет дело — научить его свободно держаться среди чужих людей, — подумал Ральф. — Ах, черт, как я тоскую по Элверне! Не надо было мне отказываться от нее...»

Но когда Джо обступили мужчины, хоть и отягощенные банками и юриспруденцией, но все же приемлемые как рыболовы-любители, он держался вполне свободно. Ральф с беспокойством следил, как он сыплет охотничьи-ми рассказами. Голос Джо зазвучал громче; он все чаще подпускал крепкие словечки; и эти его крепкие словечки были слышны в комнате для танцев.

Один раз Джо хлопнул по спине суетливого маленького миллионера в пенсне на шелковой ленточке. В это время он еще капли не выпил.

Как маятник, Джо то и дело возвращался к столику с виски, и хотя Ральф честно предоставил его самому се-

бе, честно сидел в сторонке и старался не шпионить за ним, он видел, что Джо, наливая себе виски, всякий раз подолгу не выпускает бутылки из рук.

Результат был ужасающим.

Джо рассказал о миссионере, в чью церковь забрел медведь, а история эта, восхитительно звучавшая в бревенчатых холостяцких хижинах, оказалась не совсем к месту у отделанного черным деревом камина полковника Генри Тюдора Экерса, тем более что из дверей ее слушали вертлявые девицы. К суетливому миллионеру с шелковой ленточкой он обратился по имени. И предложил сплясать шотландский танец.

Он предлагал это после каждой рюмки и уgomонился только, когда полковник Экерс оборвал его:

— Думаю, что лучше воздержаться, милейший.

Все время Ральф замечал, что Вири, который затащил их сюда, бросает на него умоляющие взгляды. Но он упорно твердил себе: «Пропади они все пропадом! Если эти болваны не оценили Джо, тем хуже для них. Даже теперь, на взводе, он стоит десяти тысяч этих жирных охотников за долларами... Вот только если он вздумает вести себя так же, когда у меня в гостях будут Конни, Дик и миссис Сэндел... Ах, чертовщина... Я так тоскую по ней!»

Только когда дело дошло до шотландского танца и Экерс сурово оборвал Джо, Ральф отвел приятеля в сторону и попросил:

— Будь поосторожней, старина. Ты, кажется, хватил через край. Твои слова могут... э-э... неправильно истолковать. Я, пожалуй, не стал бы рассказывать все эти истории, когда в соседней комнате дамы.

Джо тупо посмотрел на него и проворчал:

— А, к чертям собачьим их всех! Я сюда не напидкивался. А теперь... теперь я уже здесь и желаю веселиться. Червяки несчастные!

Вири кивком головы дал Ральфу понять, что им лучше уйти, и Ральф с наигранной веселостью громко сказал полковнику Экерсу:

— К сожалению, нам пора. Мы так устали с дороги.

— Не желаю домой! — уперся Джо.

Сгорая от стыда, под ехидными взглядами всех этих филинов в человеческом обличье Ральф жалобно молчал.

— Нужно уходить, Джо. Я так устал. Прямо с ног валюсь!

Джо не слишком упорствовал. Когда они уходили, случилась только одна неприятность: прощаясь за руку с хозяйкой, Джо пошатнулся и заорал во всю глотку:

— Доброй ночи, миссис Экерстейн! Эх и здорово я тут у вас повеселился!

А Экерсы занимали в Виннипеге достаточно видное положение, и Джо наезжал в Виннипег достаточно давно, так что он просто не мог не знать эту фамилию.

В лимузине по дороге домой в головах у обоих вскипало множество бурных мыслей, но вслух не было сказано ни слова.

В дверь номера Джо протиснулся, судорожно цепляясь за ручку, опрокинул стулья, ошупью прошел вдоль стены, повалился одетый на кровать и сразу захрапел, мертвецки пьяный. Ральф попытался поступить благородно, помочь ему раздеться и принять душ, но не мог. Он так устал... так бесконечно устал.

Долгие часы расхаживал Ральф взад-вперед по своей спальне, и мысли кружились у него в голове, словно мухи по душной комнате.

Хотя он был юристом и ему приходилось иметь дело со всякими моральными конфликтами и тонкостями, собственные его нормы поведения были крайне просты. Человек может быть либо Добрым Малым, либо Негодяем. Человек не должен посягать на жену своего друга. Человек не может, никак не может быть верным и надежным и в то же время, подвыпив, опуститься до непристойности и хриплой ругани. А теперь...

Он так восхищался Джо, самым цельным человеком, какого ему довелось встретить в жизни. Он дал ему молчаливый обет верности. Он бежал оттуда, где — как знать? — мог бы вкусить целительный покой, бежал, чтобы не посягнуть на жену Джо.

И он бежал с женою Джо!

А Джо — из тех, кто сперва стреляет, а потом уж объясняется, — начал с жалких объяснений, а выстрелить и вовсе не смог; он спас их обоих от голодной смерти и, вероятно, от лесного пожара и по каким-то путаным причинам, ничего общего не имеющим с четко разграниченными человеческими побуждениями, о каких пишут в

книгах, пожертвовал женой во имя дружбы! И наконец, оказавшись в личной жизни настоящим героем, выставил себя в обществе самоуверенным дураком.

Ральф схватился за голову: все полновесные принципы, которыми он с успехом руководствовался в дебрях Нью-Йорка, оказались шаткими и бессмысленными в бревенчатой хижине, в палатке, где не было ни крошки еды, в гостинной биржевого спекулянта.

Но, несмотря на все свое смущение, он упорно цеплялся за прежний план: Джо должен поехать с ним в Нью-Йорк, чтобы теперь, когда в Мэнтрапе у него ничего не осталось и он не может больше быть счастливым с Элверной, обрести новую жизнь и утешиться.

«Мои друзья всегда поступали правильно и невыносимо скучно. Бедняга Джо! Не удивительно, что сегодня его развезло на этом сборище, какие он мог видеть только в кино. Я заменю ему Элверну.

А мне кто заменит Элверну?

Ах, зачем только Джо напился и вел себя как последний дурак!

Я так тоскую по ней и буду тосковать всегда, всегда...»

ГЛАВА XXVI

Проснувшись на другое утро довольно поздно, Ральф увидел, что Джо, несколько смешной в своей новой сиреневой пижаме, дымит, как паровоз, и пристально смотрит на него.

— Кажется, вчера вечером я малость перебрал, — сказал Джо.

— Вот именно!

— А черт, вот свинство! Но ежели ты решил взять меня в Нью-Йорк, что ж, привыкай. Только... Я тебе вот чего скажу, Ральф: что бы я ни сделал, ты всегда помни, что я тебя очень люблю, а с людьми, к которым у меня лежит сердце — с тобой, с Элви или с Па Баком, я всегда старался так поступать, чтоб им в конечном счете было лучше, хоть, может, это и не сразу видно.

Прежде чем Ральф, немного раздраженный, как всегда перед утренним кофе, успел сформулировать мысль,

что в конечном счете предпочел бы, чтобы Джо не напиивался на людях, виновник неприятностей зашлепал из комнаты на своих красных, натруженных босых ногах, и слышно было, как он кряхтит под холодным душем.

Вечером они уезжали в Нью-Йорк вместе с Джеймсом Уортингтоном Вири. Накануне Ральф по телефону принес Вири извинения, и тот согласился забыть о недостойном поведении Джо.

Весь день они бродили по Виннипегу. Джо не позволил Ральфу пополнить его гардероб, но к словам Ральфа проявлял смиренный интерес, свидетельствующий о раскаянии.

Несколько раз Джо попробовал намекнуть, что ему, пожалуй, лучше не ехать в Нью-Йорк, но Ральф, исполненный решимости устроить все на благо Джо и сделать это на совесть, твердо заявил, что не двинется из Виннипега до тех пор, пока Джо не согласится ехать. И в конце концов он взял верх.

Вскоре после полудня Джо настоятельно потребовал, чтобы они отвезли весь багаж на вокзал.

— Это совершенно лишнее. Мы поедем с вещами на такси.

— Ну нет, когда будем садиться в поезд, я хочу точно знать, что все на месте, — сказал Джо, и Ральф, раздраженный столь неожиданной суетливостью, буркнул:

— Ладно, как знаешь.

Поезд отходил в девять вечера. Ральф, Джо и Вири довольно уныло пообедали в гостинице и в столь же унылом настроении поехали на вокзал.

Джо не только отвез багаж, но, сославшись на то, что не доверяет коридорному, сам заказал места: купе для Ральфа с Вири и полку для себя.

Сев в поезд, Ральф увидел в купе свой новый чемодан.

— Как твоя полка, Джо, все в порядке? И вещи на месте? — спросил он.

— Само собой, будь спокоен.

— Вот и отлично, давайте устроимся здесь поудобнее и сыграем в карты.

— Мне на воздух хочется. Сходим пройдемся по перрону, куда поезд стоит, — жалобно попросил Джо.

— Можете идти без меня. Я с места не двинусь,— сказал Вири.

Ральф, до того раздраженный, что не мог ручаться за себя, предпочел обойтись без спора, мрачно вышел следом за Джо и зашагал вдоль поезда.

А Джо вдруг затеял самый неуместный разговор:

— Ну, Ральф, надеюсь, ты все же помянешь Север добрым словом.

— Конечно. Отчего же!

— И надеюсь, ты простишь мне, что я отобрал у тебя Элви.

— Не говори глупостей. Разумеется, это твое право...

— Почему мне знать, какие там бывают права. Но... Слушай, а верно же, мы славно закусили тогда в Мэнтрапе, сразу как приехали. Очень славно. Конечно, не бог весть чем, но, знаешь, после того, как долго жуешь одну копченую свинину... Славно закусили, да?

Ральф не знал, что сказать на эти дурацкие воспоминания. Он хмуро раздумывал о Нью-Йорке, сомневаясь, действительно ли Джо там место.

— По ваго-о-о-нам! — протяжно крикнули проводники.

Джо пропустил Ральфа вперед, и тот машинально поднялся на площадку.

И вдруг Джо, этот понурый человек с тусклым взглядом и заплетающимся языком, Джо, который только что вспоминал, как вкусны были помидоры, выпрямился. Глаза его ярко заблестели, голос зазвучал печально, но бодро:

— Забудь нас, Ральф! Мы уж как-нибудь вывернемся. Теперь ты свободен от нас. Оставайся свободным. Счастливо тебе, старина!

Ральф оторопело смотрел на него с площадки, а поезд тем временем со скрипом тронулся. Неужели Джо хочет остаться?..

Он начал было спускаться со ступенек, но проводник грубо втащил его назад на площадку и захлопнул дверь. А поезд уже набирал ход. Джо рысцой бежал по платформе рядом с вагоном и размахивал шляпой.

Захлопнув дверь, проводник исчез. Ральф ринулся на другую площадку, но и там дверь была закрыта, а как ее открыть, он не имел ни малейшего понятия. Он про-

бежал сломя голову через соседний вагон, пугая старушек, рывшихся в своих плетеных корзинках, и увидел, что там дверь еще открыта. Он высунулся, держась за стальной косяк. Спрыгнуть он уже не мог, поезд шел слишком быстро, и увидел лишь спину Джо, плетущегося по перрону, — сутулую спину старого человека, который ничего больше не ждет, который всю жизнь нес тяжкое бремя и не получил за это никакой награды.

Совершенно сбитый с толку, гадая, неужели Джо опять ухитрился напиться и скрыть это до последней минуты, Ральф побрел в свое купе, чтобы посоветоваться с Вири.

По дороге ему попался проводник.

— Простите, что я так резко захлопнул дверь, — сказал он виновато. — Тот джентльмен, который остался, взял с меня слово, что я вас не выпущу.

От растерянности Ральф не нашелся что ответить. А в купе он с тревогой сказал Вири:

— Ничего не понимаю. Джо остался.

— Странный тип, — заметил Вири. — Кстати, он просил меня передать вам вот эту записку, когда поезд отойдет.

И Ральф прочитал строчки, написанные аккуратным бухгалтерским почерком:

«Дружище Ральф! Видно, мне никак не убедить тебя, что мне лучше не ехать с тобой, хоть я и очень старался, позорил тебя как только мог и т. д.! Я боюсь поддаться на твои уговоры, ведь я не бог весть какой твердый, а ты великий мастер уговаривать. Так что давай обойдемся без спора, не то начнем друг друга мучить, а я этого не хочу. Может, мне будет малость одиноко, но не беспокойся, я умею быстро заводить друзей. Приезжай как-нибудь к нам в Канаду. Счастливого пути, и храни тебя бог. *Храни тебя бог!*

Джо».

Ральф озадаченно постукивал пальцами по записке, а Вири повторил:

— Да, странный тип.

— Очень. Никак не могу его понять, — раздумывал Ральф. — Всегда был такой сдержанный, полный достоинства. А вчера вечером он так себя вел...

Право, я чуть не раздумал брать его в Нью-Йорк. Но, — добавил он гордо, — я остался верен своему решению. Только вот ума не приложу, как он мог так напиться.

— А мне кажется, он вовсе и не был пьян.

— Разве вы не видели его, не слышали, что он болтал!

— Да, но я сидел в конце комнаты, ближе к столу с напитками. Вы обратили внимание, что он процеживал с бутылкой виски?

— Конечно! Наливал себе всякий раз добрых пол-стакана!

— Ведь он стоял к вам спиной?

— Да, но я видел его локоть.

— А я видел всю руку. Если помните, бутылки были высокие, с узкими горлышками. Я заметил, что Истер сначала наливал себе побольше лимонаду, а потом брал бутылку с виски, но все время зажимал горлышко пальцем. Сдается мне, он не выпил и капли спиртного, за весь вечер у него во рту не было ничего крепче фруктовой воды. Не знаю уж, что у него было на уме. Может, он хотел убедить вас, будто пьян, или...

— И как назло, — сказал Ральф в бешенстве, — этот поезд черт знает сколько миль пройдет без остановок, а когда остановится, я стану слишком благоразумен после разговоров с вами, чтобы выскочить и вернуться назад... И я только что понял, что собирался в Миннеаполис повидать одну женщину. А теперь я никогда не смогу... Знаете, Вири, я что-то устал. Давайте кончим разговор. Хотите, сыграем в карты?.. Но да поможет бог Вэсу Вудбери, когда он прицепится ко мне со своими разговорами!

СИНКЛЕР ЛЬЮИС — НОВЕЛЛИСТ И ПУБЛИЦИСТ

Синклер Льюис вошел в американскую литературу XX века прежде всего как романист. Его романы, внутренне связанные как общностью темы, так и отдельными героями, переходящими из книги в книгу, создавали огромную панораму Америки «среднего класса». Льюису была свойственна определенная эпическая тенденция, стремление к циклизации произведений, охватывающих разные социально-бытовые сферы американской действительности — будь то жизнь врачей или лавочников, священнослужителей или филантропов, политиканов или провинциальных мещан.

У Льюиса была своя география (штат Уиннемак, город Зенит), свой излюбленный пейзаж столь хорошо знакомого ему Среднего Запада. Зенит — место действия не только «Бэббита» (1922), но и других его романов 20-х годов. Элмер Гентри, герой одноименного романа (1927), появлялся на страницах «Гидеона Пленниша» (1943), судья Тимберлейн из романа «Кэсс Тимберлейн» (1945) действует также в «Кингсбладе» (1947), а героиня последнего романа Льюиса, «Мир так широк» (1951), Оливия Ломонд — ассистентка того самого Уиннемакского университета, в котором учился Мартин Эроусмит.

В какой-то мере Синклер Льюис напоминал Фолкнера, который с упорной сосредоточенностью, шаг за шагом рисовал созданную силой его воображения картину округа Йокнапатофы на Юге, проследившая генеалогию его обитателей. Романы Льюиса не были столь тесно спаяны, как у Фолкнера, он не давал историю семьи на протяжении поколений (как Золя в «Ругон-Маккарах»), а проследивал своего рода «социальную генеалогию» своих персонажей. Помимо «бэббитовской галереи», мы находим в произведениях Льюиса вариации образа «среднего американца», подобного Уилу Кенникоту, политического демагога, подобного Пиккербо, «деловой американки», подобной Энн Виккерс.

Однако социально-критическими романами об американском образе жизни, принесшими Льюису славу, далеко не исчерпывается его художественное наследие. Он пробовал свои силы (правда, без особого успеха) как драматург, сценарист и поэт;

значительно более плодотворно работал он в малых, журнально-газетных жанрах — рассказе, очерке, статьях (лучшие образцы новеллистики и публицистики Синклера Льюиса помещены в 6, 7, 8 и 9-м томах настоящего собрания сочинений). Он сотрудничал — более или менее активно — в газетах и журналах, параллельно работая над большими вещами.

В своем «Автопортрете» (см. т. 6) Синклер Льюис шутливо заявил, что страдает «самой трудноизлечимой из болезней» — «охотой к перемене мест». Общительный, неутомимый, Синклер Льюис колесил по Америке с дорожным чемоданом и портативной пишущей машинкой, мог писать в номерах гостиниц и купе пультмановских вагонов. Он умел быстро и остро реагировать на происходящее, обладая особой оперативной хваткой газетчика.

Как и многие американские писатели — Уитмен и Твен, Стивен Крейн и Брет Гарт, Драйзер и Хемингуэй, — Синклер Льюис пришел в большую литературу, имея большой опыт нелегкой газетно-журнальной работы. Ранняя пора его жизни живо описана им в очерках «Я пробиваюсь в печать», «Издательская старина» и «Я бывалый газетчик» (см. т. 7). Эта работа помогала ему глубже познавать жизнь, развивая умение наблюдать, наложила отпечаток на его стиль — объективно-деловитый, отличающийся точностью и богатством бытовых деталей, однако лишенный психологической тонкости и изящества.

В журнально-газетной деятельности Льюиса можно выделить несколько этапов. Особенно интенсивно работает он в этой области в 10-е годы. В этот период им создано наибольшее количество новелл. После выхода «Главной улицы» Льюис печатается в текущей периодике реже, зато его выступления привлекают к себе общественное внимание. В 20-е годы он сотрудничает на страницах ведущих либеральных журналов «Нейшн» и «Америкен меркури», публикуя там очерки, статьи, рецензии на выходящие книги. В конце 20-х — начале 30-х годов Льюис переживает новое увлечение новеллистикой, а на рубеже 40-х годов довольно часто выступает со статьями по вопросам литературы, состоит членом жюри «Клуба лучшей книги», пишет предисловия к романам Хемингуэя, Пристли, Бруно Франка, к роману Тургенева «Отцы и дети».

В 1935 году он выпустил том своих избранных рассказов. В предисловии к этому сборнику Синклер Льюис с присущей ему самокритичностью писал о своем «скептическом отношении» к собственным опытам в области новеллистики, поскольку в его ранних вещах господствовала атмосфера «оптимизма» и «благодущия». Вместе с тем он характеризовал свои новеллы как произведение, написанные «неисправимым романтиком средневекового типа». И действительно, именно в новеллах наиболее явно проявляется романтическое начало, свойственное этому трезвому реалисту и сатирику.

Сам Синклер Льюис вспоминает, что обратился к сочинению рассказов совсем случайно: как-то по совету жены за два вечера написал заурядную новеллу и отослал ее в известный буржуазный массовый журнал «Сатердей-ивнинг пост», возглавляемый

крупным дельцом Лоримером, снискавшим затем печальную известность губителя талантов. Результат превзошел самые оптимистические ожидания: Льюис получил любезное письмо от издателя с приглашением сотрудничать и чек на сумму, вдвое превышающую его месячный оклад в издательстве. Работа на Лоримера, быстро поправившая финансовое положение молодого писателя, заставляла его приравниваться к «стандартам» журнала. А они были весьма своеобразные: запрещалось употреблять грубые выражения, изображать дам, пьющих более одного коктейля на протяжении рассказа, задевать «американскую семью» и «американскую мать», критиковать рекламный бизнес, поскольку журнал с его огромными тиражами получал барыши от публикации рекламы — той самой, которую Синклер Льюис осмеивал с таким блеском. Безусловно, раздвоенные души, серьезная работа наряду с приспособлением к вкусам журналов с высокими гонорарами не прошли бесследно для молодого писателя. (Льюис в молодости даже продал Джеку Лондону сюжеты трех рассказов за 15 долларов). «Выучка» у Лоримера заметна в традиционных концовках ряда новелл Льюиса, например, в «Похищенной процессии» (т. 8), в «Вещах» (т. 9).

Однако лучшие ранние новеллы Льюиса, безусловно, возвышаются над уровнем «лоримеровской» литературы; вместе с тем они показывают писателя как мастера острого, увлекательного сюжета (таковы его новеллы «Юный Кнут Аксельброд», «Возница», «Мотыльки в свете уличных фонарей»). Заметим, что такие романы, как «Главная улица» и «Бэббит», страдали длиннотами, некоторой композиционной рыхлостью; зато в рассказах, весьма компактных и лаконичных, Льюис умел держать читателя в напряжении. Впрочем, ранние новеллы Льюиса интересны не только как образцы «легкого чтения» (а Синклер Льюис отнюдь не считал зазорным для серьезного писателя подобные выступления). В такой его остросюжетной новелле, как «Ивовая аллея» (1918), содержится серьезное социальное обобщение: в ней очень оригинально выражена мысль о калечащем воздействии денег на человека. Правда, в ранних новеллах заметна слащавая сентиментальность, особенно в изображении стариков. Его положительные герои, такие, как Аксельброд («Юный Кнут Аксельброд»), благородный полицейский Дорган («Призрачный страж») и Гейл («Похищенная процессия»), отличаются чрезмерной «голубизной».

Некоторые новеллы Синклера Льюиса внутренне связаны с его романами: они развивают их мотивы и сюжетные линии, или дают предварительные эскизы героев его крупных произведений. Так, гонщик Баффем из рассказа «Скорость» (1919) очень напоминает Мильта Дагетта, тоже автомобилиста, из раннего романа «На вольном воздухе» (1919), созвучен с ним по общей оптимистической тональности. Мотив одиночества, затерянности человека в огромном городе, свойственный таким ранним романам Льюиса, как «Наш мистер Ренн» (1914) и «Дело» (1917), находит свое дальнейшее развитие в новелле «Мотыльки в свете уличных фонарей» (1919). В рассказе «Вещи» (1919), явно ослабленном наивным счастливым финалом, уже угадывается почерк автора «Бэббита». В нем Льюис не только демонстрирует присущую

ему в пору зрелости способность воспроизводить «вещный» мир, но и показывает калечащее влияние собственнических инстинктов на людей, превращение их в рабов вещей.

В поздних новеллах Льюиса исчезает былое благодушие: они серьезней, веселей. Лучшая из них — «Письмо королевы» (1929) — отличается точностью и оригинальностью психологических характеристик героев, пронизана тонкой и грустной иронией. Новелла «Земля» (1931) примечательна тем, что Синклер Льюис оспаривает ту самую руссонстскую иллюзию, в которую раньше верил: недаром в его романах «механической» шумной суете городов нередко противопоставляется простая жизнь на лоне природы. Герой новеллы Сидни Дау, мечтавший жить на «родной земле», убеждается, что его дядя фермер не видит в своей участи ничего завидного. Критика баббитаизма продолжена и в новелле «Поезжай в Европу, сын мой!» (1930), написанной с явным сатирическим нажимом. Она дает новые штрихи к характеристике зенитского мещанства, изображенного на этот раз на поприще «насаждения культуры». Вместе с тем Синклер Льюис не отказывается и от чисто развлекательной новеллы: таковы «Котенок и звезды» и «Давайте играть в королей». В целом рассказы Льюиса примыкают к той группе его романов, в которых известную «облегченность» в смысле социальной проблематики писатель компенсирует сюжетной занимательностью. «Капкан» — пример такого рода романов Льюиса.

Публицистика С. Льюиса весьма разнообразна по тематике, по жанровым особенностям. Прежде всего в его статьях и очерках недвусмысленно и ясно выражена гражданская позиция писателя, его прямая реакция на важнейшие общественно-политические события. В них Синклер Льюис предстает как писатель-антифашист, антирасист, ратававший за социальную справедливость и подлинную демократию в духе Линкольна и Джефферсона.

Один из друзей писателя вспоминает, как в конце 20-х годов, находясь в Англии, Синклер Льюис посетил трущобы Глазго. Грязный, пропитанный копотью рабочий квартал, где в канавах валялись пьяные, произвел на писателя тяжелое впечатление. Его друг пишет: «Неожиданно Льюис остановился. По его лицу струились слезы. «Я больше не могу этого вынести, — воскликнул он. — Не могу! Будь проклято общество, которое допускает такую нищету! Будь проклята религия, стоящая на страже такой прогнившей системы! Будь все они прокляты!»

Именно таким человеком, неравнодушным к злу, выступает Синклер Льюис в одном из самых замечательных своих очерков, «Дешевая и довольная рабочая сила» (см. т. 6). В нем проявились лучшие особенности Льюиса-публициста: убедительность собранных им фактов, едкая ирония по адресу власть имущих, трезвое понимание социальных отношений и самой механики так называемого «свободного предпринимательства», неприимность к насилию над истиной. И хотя Льюис не раз декларировал свое презрение к «политике» и «политиканам», гражданственность была у него в крови.

Льюис был не только мастером слова, но и лектором, актером, даже режиссером. Он любил бывать «на людях», охотно

общался с прессой, но при этом ревностно охранял свою независимость от всякого официального «покровительства». Он не раз ошибался, отдавая дань собственным «бэббитовским» предвзвешенным суждениям, но при этом никогда не шел против своей совести, не угождал власть имущим. Таким человеком высокой принципиальности предстает Льюис в подлинно высокие часы своей жизни, когда отказывается от Пулицеровской премии по литературе и «бросает вызов богу» в Канзас-Сити; когда посылает в «Нейшн» письмо протеста против действий американской морской пехоты в Латинской Америке и входит в комитет по защите Тома Муни и Макнамары; когда, выступая в Стокгольме при вручении ему Нобелевской премии, высмеивает «страх американцев» перед реалистической литературой, а в радиоречи «Художник, ученый и мир» обращается к мастерам культуры с горячим антифашистским призывом (см. т. 6).

Эстетическое кредо Льюиса, его художественные пристрастия и антипатии выражены в серии его публицистических работ, включенных в том 7. Они говорят об искренней заинтересованности Льюиса в судьбе американской литературы, о его внимательном отношении к творческой молодежи («Не надейтесь вознестись на Олимп!», «Письмо о стиле»).

Автор «Бэббита» относился к числу убежденных реалистов, даже несколько традиционных в своих вкусах и художественной манере. В то время как после войны многие писатели переживали увлечение разными формалистическими «измами», осваивали «поток сознания» Джойса и стилистические формулы Гертруды Стайн, восторгались входившими в моду фрейдистскими «комплексами» и бергсонизмом, Синклер Льюис шел своей дорогой, писал «по старинке», без оглядки на «новые» веяния. Ему одинаково претили как декадентская «заумь», «темный стиль» в духе Т. С. Элиота, так и нарочитая натуралистическая грубость языка (статья «Ругательства и неясности», 1945); искусственности и вычурности противопоставлял он предельную простоту и естественность художественного выражения («Письмо о стиле», т. 7).

Максимальная верность действительности — это было главное требование Льюиса. В своей речи в Стокгольме он отождествил себя с целой плеядой реалистов, способствовавших освобождению американской литературы от «викторианской боязливости».

Все это отнюдь не значит, что Синклер Льюис ратовал лишь за плоско-фотографическое копирование жизни: он отдавал должное всякому плодотворному художественному поиску в литературе — в том числе и у писателей субъективно-психологической школы. В статье «Не надейтесь вознестись на Олимп!» (т. 7) в перечне писателей, которых необходимо перечитывать каждому молодому литератору, рядом с именами писателей ясной реалистической манеры, рядом с Толстым, Бальзаком, Диккенсом, Льюис называет Фолкнера, Генри Джеймса, Пруста.

Считая Хемингуэя «одним из немногих подлинно значительных и неповторимых в своей индивидуальности писателей», Льюис вместе с тем предостерегал молодежь от бездумного подражания своему кумиру. Он видел известную узость социального кругозора

ра Хемингуэя, но неизменно признавал его мощный художественный талант, относя его к «полудюжине величайших из ныне живущих романистов»; кроме Хемингуэя, в эту «большую шестерку», по мнению Льюиса, входили Драйзер, Уилла Квсер, Уэллс, Моэм и Жюль Ромен.

Русских классиков Льюис называл «гигантами литературы». В статье «Не надейтесь вознестись на Олимп!» упомянутый список писателей открывается именами Толстого, Достоевского и Чехова. Первых двух он считал самыми крупными романистами в мировой литературе; «Войну и мир» называл «величайшим из романов, когда-либо написанных». В предисловии к «Отцам и детям» (т. 7) Льюис отнес Базарова к «вечным» образам мировой литературы, к тем искателям, людям живой творческой мысли, которые идут впереди своего поколения. В какой-то мере эти качества были свойственны и Мартину Эроусмиту, любимому герою Синклера Льюиса.

Безусловно, как художник Синклер Льюис был связан с американской литературой XIX века — с Уолтом Уитменом, с Генри Торо (см. статью «Одинокий революционер», т. 7) и, конечно, с Марком Твенем. Крупнейший, после Твена, сатирик Америки, Синклер Льюис с болью ощутил глубочайший контраст между «американской мечтой» о подлинной демократии и американской действительностью. В отличие от Твена он редко прибегал к карикатуре, гиперболе, его смех имел привкус горечи.

Из европейских писателей Льюису больше всего были близки Диккенс и Уэллс. Автора «Домби» Льюис почти всего знал наизусть и мог читать по памяти целые главы из его романов. Восторгаясь такими диккенсовскими созданиями, как Пиквик, Миккобер, Градграинд, Льюис стремился дать такую же богатую и разнообразную типологию своих соотечественников-американцев. Писатель Джеймс Брэнч Кабелл считал героев Льюиса «проказливыми внуками американцев из диккенсовского «Мартина Чезлвита». Льюис, которого некоторые критики называли «американским Диккенсом», мало что додумывал и домысливал, полагаясь не на силу своей фантазии, а на память. К тому же ему порой не хватало эмоциональности и тепла. Публицист Винсент Шин, друг Льюиса, тонко подметил такую особенность американского романиста: он мог цитировать наизусть многие сотни строк из самых различных повтов, но его собственной прозе часто недоставало поэтичности...

К Герберту Уэллсу Синклер Льюис питал и чисто личную симпатию — об этом он хорошо писал в своей статье-некрологе «Наш друг Герберт Уэллс» (т. 7). Ему был близок не Уэллс — фантаст, утопист, а Уэллс — автор социально-бытовых романов, таких, как «Тоно Бенге», «Киппс», которым Льюис дает восторженную оценку. В предисловии к роману Уэллса «История мистера Полаи» (1941) Льюис поставил его в первый ряд современных романистов Европы и особо отметил его умение изображать самые обычные, заурядные явления жизни простых, маленьких людей.

Синклер Льюис охотно вводит читателя в свою творческую лабораторию (см. «Неопубликованное вступление к «Бэббиту», «Заметки о романе «Кингсблад, потомок королей» в т. 6,

«Два письма к Карлу ван Дорену», «Предисловие к «Главной улице» в т. 7 и др.). В отличие от писателей, которые уточняли и развивали замысел в процессе непосредственной работы над текстом произведения, Синклер Льюис приступал к написанию своих романов, имея тщательно продуманный план, ясно осознанную идейную установку, их он затем неукоснительно проводил в жизнь. Некоторые очерки Льюиса представляли как бы предварительную «социологическую» разработку тех пластов и сфер американской жизни, которые он в дальнейшем осваивал в своих художественных произведениях (см. «Миннесота — скандинавский штат», «Длинная рука маленького города», т. 7). Так, он отлично знал свой родной штат Миннесота, его историю, социальные группы, его населяющие. Здесь происходит действие многих романов С. Льюиса, в которых заметны не только черты миннесотского пейзажа, но и особенности миннесотского просторечия в языке его действующих лиц. Персонажи Синклера Льюиса даже «переселялись» на страницы его очерков; так, «Главная улица замощена» (т. 7) — это своеобразный эпилог романа о супругах Кенникотах и других обитателях Гофер Прери, а очерк «Будьте осторожны с Бэббитом» построен в форме воображаемого интервью, которое писатель берет у героев «Бэббита».

Синклер Льюис оставил несколько автобиографических заметок («Автопортрет» и «Автобиографию, написанную для Нобелевского фонда» в т. 6, «Смерть Эроусмита» в т. 7); они интересны не только фактами, относящимися к его жизни, но и теми оценками, которые автор «Бэббита» дает отдельным своим произведениям и героям, своему художественному методу, даже себе как человеку. В них перед нами предстает сам писатель — без «хрестоматийного глянца» — человек сложный, трудный, со своими достоинствами и недостатками, умеющий зло высмеивать пороки общества и вместе с тем иронизировать над самим собой.

Публицистика — важная часть художественного наследия Синклера Льюиса. Его работы по вопросам литературы нередко написаны в форме короткого эссе, всегда ясного по мысли, очень конкретного, пронизанного столь характерной для Льюиса насмешливо-иронической интонацией. Он не стремится выразиться красивее, поэффектнее, ему претит всякий ложный пафос, его оценки, взгляды отличаются объективностью, трезвостью, он никогда не забывает воздать по заслугам своим коллегам по перу.

Писатель острого критического ума, Синклер Льюис был взыскателен по отношению к собственному творчеству. Его самооценки в «автонекрологе» «Смерть Эроусмита» отличаются большой скромностью. Льюис так говорит о себе в той единственной фразе, из которой якобы состояло надгробное слово его друга Карла ван Дорена: «Он был настоящий труженик и хороший товарищ, и он умел смеяться даже в такие времена, когда измученный заботами мир, казалось, совсем утратил эту способность».

Синклер Льюис, умевший многое предвидеть, счастливо ошибся, когда в «Смерти Эроусмита» не без грусти писал, что его творчество будет предано забвению. Лучшие книги писателя переиздаются, читаются, им суждена долгая жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

РАССКАЗЫ

ВЕЩИ

Впервые напечатано в журнале «Сатердей ивнинг пост» в феврале 1919 года.

Стр. 9. *Статуэтка ушабти...*— вырезанная из дерева фигурка с надписями, помещаемая в саркофаг в Древнем Египте. Считалось, что она сопровождает усопшего в страну мертвых, где выполняет различные сельскохозяйственные работы.

Стр. 14. *Вестминстерское аббатство*— старинная церковь в Лондоне. Всемирно известна как усыпальница английских королей и великих людей в Англии.

Тринити-колледж— один из колледжей, входящих в состав Кембриджского университета в Англии.

Стр. 17. *...ибо бедняков мы всегда имеем с собой...*—перифразировка одного из евангельских выражений.

Стр. 23. *ИРМ*—Индустриальные Рабочие Мира—профсоюзная организация американских рабочих, возникшая в начале XX века и противостоявшая оппортунистической политике лидеров Американской Федерации Труда.

Стр. 26. *Дочери Американской Революции*— реакционная женская организация.

Стр. 28. *«Маленькие женщины, или Мэг, Джо, Бет и Эми»*— книга для детей американской писательницы Луизы Мей Олкотт (1832—1888).

Стр. 39. *Палм-Бич*— приморский курорт в штате Флорида.

СКОРОСТЬ

Впервые напечатано в журнале «Красная книга» в июне 1919 года.

Стр. 55. ...со свадьбой спешить — в Рино каяться — перефразировка американской поговорки «Со свадьбой спешить — на дороге каяться». Рино — главный город штата Невада, известный тем, что в нем облегчена по сравнению с другими штатами процедура развода.

Стр. 56. Коламбус-Серкл — площадь в Нью-Йорке.

Стр. 57. «Мэйфлауэр» — корабль, на котором в 1620 году первые поселенцы приплыли из Англии в Америку.

КОТЕНОК И ЗВЕЗДЫ

Впервые напечатано в «Сатердей ивнинг пост» в апреле 1919 года.

Стр. 75. Гринго — презрительная кличка американцев в странах Латинской Америки.

ВОЗНИЦА

Впервые напечатано в журнале «Нэйшн» в мае 1923 года.

ЛИСЬМО КОРОЛЕВЫ

Впервые напечатано в журнале «Космополитан» в декабре 1929 года.

Стр. 88. Франклин, Бенджамен (1706—1790) — великий американский государственный деятель, ученый и философ. Был дипломатическим представителем в Париже (1776—1785).

Адамс, Чарльз Фрэнсис (1807—1886) — американский посол в Лондоне в период Гражданской войны.

Томпсон, Бенджамен (1753—1814) — американский политический деятель, известный своими приключениями. Участвовал в американской революции, затем служил в Баварии, где получил титул графа, находился на дипломатической работе; был также изобретателем ряда физических приборов.

Кливленд, Гровер (1837—1908) — был дважды президентом США от демократической партии — в 1885—1889 годах и в 1893—1897 годах.

Стр. 89. Дьюи, Джордж (1837—1917) — американский адмирал, командовал тихоокеанской эскадрой во время испано-американской войны 1898 года.

Баярд, Пьер (известен как рыцарь Баярд) (1474—1524) — французский военачальник, прославившийся своей храбростью, участвовал в итальянских походах Карла VIII, Людовика XII и Франциска I. Его называли «рыцарем без страха и упрека».

Саквил-Уэст, Лайонель (1827—1908) — английский дипломат, посол Великобритании в США (1881—1888).

Стр. 90. *Гладстон, Уильям Юарт* (1809—1898) — английский государственный деятель, лидер либеральной партии, трижды был премьер-министром.

Стр. 95. *Царь Тут...* — имеется в виду египетский фараон Тутанхамон (14 в. до н. э.); его гробница, наполненная сокровищами, была обнаружена в 1922 году английским археологом Г. Картером.

Стр. 96. *Лорд Холдейн, Ричард* (1856—1928) — английский государственный деятель, в 1912—1915 годах — лорд-канцлер.

Меридит, Джордж (1828—1909) — английский романист.

Стр. 100. *Хэй, Джон* (1838—1905) — американский политический деятель, государственный секретарь США в 1898—1905 годах.

Блейн, Джеймс (1830—1893) — американский политический деятель, в 1884 году баллотировался на президентских выборах в качестве кандидата от республиканской партии.

Чоут, Джозеф Ходжес (1832—1917) — американский юрист и дипломат, посол в Великобритании, глава делегации США на Международной конференции в Гааге в 1907 году.

ПОЕЗЖАЙ В ЕВРОПУ, СЫН МОИ!

Впервые напечатано в журнале «Космополитэн» в декабре 1930 года.

Стр. 115. *Уортон, Эдит* (1862—1937) — американская писательница, автор психологических романов из жизни высшего света.

Кэсер, Уилла (1873—1947) — американская писательница, автор романов из жизни фермеров Среднего Запада.

Стр. 116. *Пруст, Марсель* (1871—1922) — знаменитый французский писатель, один из мэтров модернизма, мастер тонкого психологического анализа.

Таркингтон, Бут (1869—1946) — американский буржуазный писатель, стремился создать положительный образ бизнесмена.

Ротарианский клуб — основан в 1905 году; его членами являются бизнесмены и лица свободных профессий.

Фундаментализм — наиболее консервативное течение в протестантской церкви, исходящее из признания абсолютной непогрешимости Библии.

Матт и Джефф — персонажи популярного серийного «комикса».

Уокер, Джеймс (Джимми) (1881—1946) — мэр Нью-Йорка в 1926—1932 годах. В 1932 году был обвинен губернатором штата (будущим президентом) Франклином Рузвельтом в злоупотреблениях и подал в отставку.

Бэрд, Ричард (1888—1957) — адмирал, известный исследователь Арктики и Антарктики.

Стр. 124. ...наш маленький *Альфонс Гоген*... — имя французского художника Гогена — Поль.

Стр. 131. «*Во сколько раз острей зубов эмсиных — детей неблагодарность*» — слова шекспировского короля Лира (1-й акт, сцена IV).

Напечатано в «Сатердей ивнинг пост» в сентябре 1931 года.

Стр. 136. *Бруклин* — часть Нью-Йорка, отделенная от Манхэттена рекой *Ист-Ривер*.

Стр. 137. «*Бен Гур*» — исторический роман американского писателя *Льюиса Уоллеса* (1827—1905) из эпохи раннего христианства. Увидел свет в 1880 году, пользовался большим успехом. Был инсценирован для театра и экранизирован.

Колумбия-Хайтс — фешенебельный район в Бруклине.

Стр. 138. *Лоуэлл, Джеймс Рассел* (1819—1891) — американский поэт.

Уитьер, Джон (1807—1892) — американский поэт, аболиционист.

Стр. 139. *Фар-Рокауэй* — дачная местность на Лонг-Айленде.

Стр. 145. *Пайкс-Пик* — одна из вершин Скалистых гор; расположена в штате Колорадо. Мимо нее проходила традиционная дорога пионеров, осваивавших Запад.

Стр. 153. *Валли-Фордж*, в Пенсильвании, — место труднейшей зимовки американских войск под командованием *Джорджа Вашингтона* в 1777—1778 гг., во время войны американских владений Англии за свою независимость.

ДАВАЙТЕ ИГРАТЬ В КОРОЛЕИ

Напечатано в январе — феврале 1931 года в журнале «Космополитэн».

Стр. 172. *Гарбо, Грета* (р. 1905) — американская кинозвезда.

Хелберн, Кэтрин (р. 1909) — известная американская киноактриса.

Стр. 174. «*Как расстреляли Дэна Мак-Гру*» — баллада канадского поэта *Роберта Сервиса*; «*Ганга — Дин*» — баллада *Редьярда Киплинга*.

Стр. 187. *Буффало Билл* (псевд. *Коди, Уильяма Фредерика*) (1846—1917) — американский ковбой, прославившийся своими подвигами на Дальнем Западе, где он служил в кавалерии. В дальнейшем стал хозяином циркового ревью из ковбойской жизни, с успехом гастролировавшего по Европе и Америке.

Стр. 191. *Роджерс, Вильям* (*Билл*) (1879 — 1935) — видный американский комический актер и писатель-юморист, один из остроумнейших людей своего времени, шутки и замечания которого становились достоянием всей Америки.

Биб, Уилл (р. 1877) — американский биолог и писатель, известен своими подводными съемками в океане, а также экспедициями в Мексику, Южную Америку, Индонезию, где исследовал флору и фауну.

Ллойд, Гарольд (р. 1894) — американский киноактер, комик, приобрел широкую известность в 20-е годы.

Стр. 193. *Пири, Роберт* (1856 — 1920) — американский исследователь, открыл Северный полюс. Ребята ошибочно называют его *Джоном*.

Стр. 195. *Ирвинг*, Генри (1838 — 1905) — знаменитый английский драматический актер.

Форбс-Робертсон, Джонстон (1853 — 1937) — видный английский актер, с особым успехом выступал в пьесах Шекспира.

Дузе, Элеонора (1859 — 1924) — великая итальянская трагическая актриса.

Карлтон-клуб — аристократический клуб в Лондоне, основанный в 1832 году герцогом Веллингтонским.

Атенеум — аристократический клуб в Лондоне.

Стр. 196. *Маленькая принцесса Елизавета...* — Речь идет о нынешней королеве Англии Елизавете II.

Замок Сэндрингем — одна из резиденций английских королей на севере Англии.

Стр. 202. *Уайтчепел* — квартал Лондона, населенный бедной.

Стр. 204. *«Пылающая палуба»* — кинофильм, созданный по сюжету популярного стихотворения английской поэтессы Фелиции Хименс (1793 — 1835) «Касабьянка»; в нем повествуется о юнге, погибшем на охваченном огнем судне.

Стр. 218. *Хэмстед-Хит* — пустошь на северной окраине Лондона, место гулянья.

Стр. 232. *«Взглянул на Макса с Терри, поражен внезапной мыслью молча на холме»* — перефразировка заключительных строк сонета Д. Китса (1795 — 1821) «При чтении чапменовского Гомера».

КАПКАН

Летом 1924 года Синклер Льюис вместе со своим братом Клодом, врачом, совершил туристическую поездку по Канаде, впечатления от которой послужили основой его романа «Капкан». На этот раз Льюис не делал никаких дополнительных разысканий, используя лишь дневник Клода. Роман печатался сначала в журнале «Кольерс уикли» (с февраля по май 1926 года), а в июне вышел отдельной книгой. В том же году он был экранизирован.

Американские критики расценили роман как образец «легкого чтения», существенно отличный от основного направления творчества Синклера Льюиса в 20-е годы. В Англии же «Капкан» понравился. Журнал «Нью стейтсмен» писал: «Капкан» больше, чем любой из романов, появившихся в нынешнем году, заслуживает того, чтобы его прочли...»

М. Горький, внимательно следивший за творчеством Синклера Льюиса, писал своему знакомому Вольфсону из Сорренто 12 ноября 1926 года о романе «Капкан»: «Интересен Синклер Льюис, но столкновение «высококолобого» с «низколобым» — современная американская драма — разработана им грубовато». Имея в виду Элверну, Горький добавлял: «Хороша женщина» (Горький и советская печать. Кн. 1. М., 1964, стр. 35).

Стр. 247. *Хант*, Фрезир (р. 1885) — американский журналист, приобрел известность как военный корреспондент чикагской газеты «Трибюн». Хант был большим другом Синклера Льюиса, ко-

горый так характеризовал эту дружбу: «Мы перемешались с ним, как виски с содовой».

Стр. 251. *Йельский клуб* — объединяет лиц, окончивших Йельский университет.

Фелпс, Уильям Лайон (1865 — 1943) — американский литературовед, критик, профессор литературы в Йельском университете (1891 — 1933), автор одного из первых в США исследований о русском романе («Статьи о русских романистах», 1911). Синклер Льюис, слушавший его лекции в бытность свою студентом Йеля, оставил о Фелпсе теплые воспоминания.

Стр. 260. *Бун, Дэнниел* (1734 — 1820) — один из видных американских пионеров, участвовавший в колонизации земель Запада.

Стр. 271. *Шерман, Уильям Текумсе* (1820 — 1891) — американский генерал, северянин; известен своими победами в период Гражданской войны.

Стр. 309. «...как сильный сильного, когда с двух разных концов земли...» — перефразированные слова из стихотворения Киплинга «Баллада о Западе и Востоке».

Стр. 317. *Внутренний Темпл* — комплекс зданий в Лондоне, принадлежащих старейшей юридической корпорации.

День Перемирия — (11 ноября, день окончания первой мировой войны) отмечался в Англии трехминутным молчанием.

Таверна «Петух» — старинная таверна на Флит-стрит в Лондоне. Часто упоминается в произведениях английской литературы.

Стр. 319. *Рассел, Лириан* (1861 — 1922) — известная американская оперная певица, славилась своей красотой.

Стр. 330. *Хоуэллс, Уильям Дин* (1837 — 1920) — известный американский романист и литературный критик.

Клей, Берта (псевдоним Шарлотты Моника Брэм) (1836 — 1884) — американская писательница, автор сентиментально-мелодраматических произведений, популярных в США в прошлом веке.

«Поллианна» — роман для юношества американской писательницы Элинор Портер (1868 — 1920).

«Краткий очерк истории» — это историческое сочинение Г. Уэллса вышло в свет в 1920 году и пользовалось большой популярностью.

Кервуд, Джеймс Оливер (1878 — 1927) — американский писатель и журналист, автор приключенческих произведений в духе Джека Лондона; действие многих из них разворачивается в Канаде.

Стр. 334. *Близнецы...* — Сент-Пол и Миннеаполис, два крупнейших города в штате Миннесота, расположенных один против другого на берегах реки Миссисипи.

Стр. 345. *...восстание Рила*. — Луи Рил (1844 — 1885) — вождь индейцев и метисов, живших на северо-западе Канады, дважды, в 1869 — 1870 годах и в 1885 году, поднимал восстания против англо-канадских властей. Сторонники Рила стремились отстоять свое право на самоуправление и пользование землями и охотничьими угодьями в районах, в которых они издавна проживали. В 1885 году Рил был схвачен и казнен.

Стр. 349. ...англиканская церковь — государственная церковь Англии. Реформационная по своему характеру, она занимает промежуточное место между католицизмом и протестантизмом.

...вселеянская церковь — течение в методистской церкви; получило свое название от английского богослова Джона Везли (1703 — 1791).

Стр. 355. Барримор, Джон (Джек) (1882—1942) — американский актер, представитель актерского семейства Барриморов.

Стр. 364. Мэйфэр — фешенебельный квартал Лондона.

Стр. 381. «Что твой мистер Ланселот — или как там его...» — Элверна спутала Ланселота, благородного рыцаря из цикла средневековых легенд о короле Артуре, и Локинвара, героя вставной баллады в поэме Вальтера Скотта «Мармион» (1808).

Стр. 387. Тилден, Уильям (1893—1953) — известный американский теннисист, в 1920 — 1925 годах был чемпионом мира.

Стр. 400. «Цена славы» — пьеса американских драматургов Максвелла Андерсона и Лоуренса Столлингса о жизни американских морских пехотинцев во Франции во время первой мировой войны. С успехом шла в Нью-Йорке в 1924 году.

«Дождь» — пьеса американских драматургов Джона Колтона и Клеменса Рэндолфа, основанная на одноименном рассказе Сомерсета Моэма.

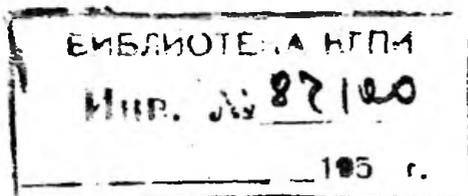
Стр. 442. Стейтен-Айленд — остров, входящий в состав Нью-Йорка; в то время — живописное место для прогулок.

Б. Гиленсон

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К 1—9 ТОМАМ
СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ СИНКЛЕРА ЛЬЮИСА

	Том	Стр.
Автобиография, написанная для Нобелевского фонда	6	478
Автопортрет	6	430
Бэббит	2	5
Бещи	9	5
Безылица	9	78
Гадятся Пленниш	7	5
Галвезия улица	1	47
Галвезия улица замощена	7	374
Говорите играть в королей	9	161
Говорят письма Карлу ван Дорену	7	353
Горевшая и довольная рабочая сила	6	437
Данная рука маленького города	7	394
Заметка о коллекционировании книг	7	432
Заметки о романе «Кингсблад, потомок королей»	6	488
Земля	9	136
Новая аллея	8	395
Издательская старина	7	443
Искусство инсценировки	7	399
Киекян	9	249
Кингсблад, потомок королей	8	5
Котенок и звезды	9	63
Миннесота — скандинавский штат	7	361
Мой первый день в Нью-Йорке	7	419
Мотыльки в свете уличных фонарей	8	433

Назад в Вермонт	7	408
Наш друг Герберт Уэллс	7	446
Не надейтесь вознестись на Олимп!	7	481
Неопубликованное вступление к «Бэббиту»	6	418
Одинокий революционер	7	429
Отношение романа к социальным противоречиям наших дней; закат капитализма	6	403
Письмо в комитет по Пулитцеровским премиям	6	427
Письмо королевы	9	87
Письмо о стиле	7	396
Поезжай в Европу, сын мой!	9	103
Похищенная процессия	8	473
Предисловие к «Главной улице»	7	424
Предисловие к «Отцам и детям»	7	440
Призрачный страж	8	363
Скорость	9	46
Смерть Эроусмита	7	436
Страх американцев перед литературой	6	462
У нас это невозможно	6	5
Художник, ученый и мир	6	483
Человек, который знал Кулиджа	2	389
Элмер Гентри	4	5
Энн Виккерс	5	5
Эроусмит	3	5
Юный Кнут Аксельброд	8	378
Я бывалый газетчик	7	455
Я пробиваюсь в печать	7	413

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Вещи. Перевод Г. Островской	5
Скорость. Перевод И. Бернштейн	46
Котенок и звезды. Перевод И. Бернштейн	63
Возница. Перевод И. Воскресенского	78
Письмо королевы. Перевод А. Ширяевой	87
Поезжай в Европу, сын мой! Перевод А. Ширяевой	108
Земля. Перевод А. Ширяевой	136
Давайте играть в королей. Перевод И. Гуровой	161
КАПКАН. Перевод М. Кан	249
Синклер Льюис — новеллист и публицист. Б. Гиленсон	464
Примечания	471

Синклер Льюис.
Собрание сочинений в 9 томах.
Том IX.

Редактор тома
М. Лорие.

Иллюстрации художника
Л. Хайлова.

Оформление художника
А. Васина.

Технический редактор
А. Шагарина.

Подп. к печ. 15/V 1965 г. Тираж 305 000 экз. Изд. № 946. Заказ 795.
Форм. бум. 84×108¹/₂. Физ. печ. л. 15,0+4 вкл. иллюстраций.
Условных печ. л. 25,01. Уч.-изд. л. 26,81. Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина,
Москва, А-47, улица «Правды», 24.